

МЕЙВ
БИНЧИ

«АЛОЕ ПЕРО»

Классический образец творчества Бинчи.
Трогательная, смешная,
жизнеутверждающая книга...

Daily Mail

Annotation

Ирландская писательница и журналистка Мейв Бинчи (1940–2012) хорошо известна не только на своей родине, но и во всем мире. Перу Бинчи, помимо рассказов, принадлежит более полутора десятков романов, ее книги неизменно становились бестселлерами и не раз получали престижные международные премии. В 1970-х годах Бинчи опубликовала три сборника рассказов, и довольно успешно, но настоящая слава пришла к ней после выхода первого романа «Зажги свечу» (1982).

В романе «Алое перо» Бинчи снова «заставляет нас смеяться, плакать и переживать вместе с героями» (*San Francisco Chronicle*).

Кто сказал, что в такой сфере, как общественное питание, не бывает мечтателей? Кэти и Том подружились в кулинарном колледже и теперь надеются покорить Дублин, создав кейтеринговую компанию «Алое перо». Однако не все разделяют их оптимизм. Свекровь Кэти не одобряет ни саму невестку, ни ее новое «хобби», в то время как муж Кэти Нил настолько занят работой, что не обращает внимания на все остальное. У Тома свои трудности. Его семья ожидает, что он пойдет по стопам отца, а любимая девушка поглощена собственными карьерными амбициями. Тому и Кэти предстоит пережить непростой и вместе с тем счастливый год – их ожидают взлеты и падения, боль и радость, горькие неудачи и вдохновенные победы...

-
- [Мейв Бинчи](#)
 -
 -
 - [Канун Нового года](#)
 - [Глава 1. Январь](#)
 - [Глава 2. Февраль](#)
 - [Глава 3. Март](#)
 - [Глава 4. Апрель](#)
 - [Глава 5. Май](#)
 - [Глава 6. Июнь](#)
 - [Глава 7. Июль](#)

- [Глава 8. Август](#)
 - [Глава 9. Сентябрь](#)
 - [Глава 10. Октябрь](#)
 - [Глава 11. Ноябрь](#)
 - [Глава 12. Декабрь](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
-

Мейв Бинчи

«Алое перо»

Maeve Binchy
SCARLET FEATHER
Copyright © Maeve Binchy, 2000
All rights reserved

© Т. В. Голубева, перевод, 2024
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

* * *

Дорогому Гордону со всей любовью

Канун Нового года

В радиошоу проводили опрос: как люди на самом деле хотят провести новогоднюю ночь? Все оказалось весьма предсказуемо. Те, кто сидел по домам и маялся бездельем, хотели пойти на какую-нибудь вечеринку; те, кого измотали спешка и суета, мечтали отправиться в постель с чашкой чая и заснуть, прежде чем начнется празднование.

Кэти Скарлет мрачно улыбалась, укладывая в фургон подносы с едой. Едва ли в Ирландии нашелся бы тот, кто на такой вопрос ответил бы, что на самом деле искренне хочет провести эту ночь, организовав вечерний прием у свекрови. Вот оно, наказание, назначенное на эту ночь, – кормить гостей Ханны Митчелл в «Дубках». Почему Кэти это делает? Отчасти для практики, и, конечно, это хорошая возможность найти потенциальных клиентов. Джок и Ханна Митчелл знакомы с теми, кто мог бы воспользоваться услугами кейтеринга. Но прежде всего, Кэти хотела доказать Ханне Митчелл, что справится с подобным приемом. Что Кэти, дочь бедной Лиззи Скарлет, убиравшей в «Дубках», Кэти, вышедшая замуж за Нила, единственного сына Митчеллов, может вести собственный бизнес и держать голову так же высоко, как любой из них.

Нил Митчелл сидел в машине, когда услышал эту программу по радио. Она вызвала у него сильное раздражение. Любой, кто посмотрел бы на Нила из другого автомобиля, увидел бы, как омрачилось его умное красивое лицо. Людям порой казалось, что они узнают Нила. Он часто мелькал на экране телевизора, хотя не был актером, – страстно, горячо, взволнованно, откидывая с глаз волосы, выступал перед камерой, всегда говоря от имени жертв несправедливости. У него были яркие, пылающие глаза крестоносца. И подобные жалобы и стоны в радиошоу воистину доводили Нила до безумия. Люди, у которых имелось все – дом, работа, семья, – звонили на радиостанцию, чтобы пожаловаться на тяготы жизни. Все они были везучими, но слишком эгоистичными, чтобы это осознать. В отличие от того человека, которого Нил собирался сейчас навестить, – нигерийца. Тот многое отдал бы за то, чтобы иметь такие же

проблемы, как у дураков в радиошоу. Его документы были не в порядке из-за плохой работы чиновников и неразберихи, царящей в госучреждениях, и существовала серьезная опасность того, что парню придется покинуть Ирландию в ближайшие сорок восемь часов. Нила, члена адвокатской группы по защите прав беженцев, попросили приехать на стратегическое совещание. Оно могло продлиться несколько часов. А мать предупредила его, чтобы он не опаздывал домой, так как предстоит важный прием.

– Я очень надеюсь, что бедная Кэти справится, – сказала она Нилу.

– Только не вздумай при ней назвать ее бедной Кэти, если хочешь, чтобы у твоих гостей была хоть какая-то еда, – засмеялся он.

Вся эта ерунда между его матерью и женой выглядела чистым идиотизмом; они с отцом держались в стороне. Ведь все равно было ясно, что Кэти победит. Ну и какой смысл вмешиваться?

Том Фезер снова просматривал в газете раздел объявлений о недвижимости. На его лице отражалось недоумение. Он устроился на маленьком диване, на котором не хватало места для его длинных ног и крупного тела. Если бы он мог подставить к дивану стул, чтобы вытянуть ноги, стало бы вполне удобно. Ну что ж, однажды он поселится в таком месте, где будет стоять диван, достаточно большой для него. Да, отлично иметь широкие плечи регбиста, но не тогда, когда тебе нужно сидеть и изучать объявления о свободных помещениях. Он развернул газету. Должно быть, он чего-то не заметил. Некое строение с помещением, которое можно превратить в кухню для кейтеринга. Они с Кэти Скарлет так много работали, чтобы осуществить это... С самого первого года обучения в колледже общественного питания они намеревались создать лучшую в Дублине компанию по обслуживанию приемов на дому. Сама идея доставлять людям домой отличную еду по разумной цене зажгла их обоих. Они усердно трудились, и теперь у них были контакты и финансирование, оставалось лишь найти подходящее место. Дом Кэти и Нила в Уотервью, хотя и весьма элегантный, слишком мал, чтобы принимать его во внимание, а квартира в Стоунфилде, где Том жил с Марселлой, была и того меньше. Им нужно поскорее что-нибудь отыскать. Том вполуха слушал радио. Как ему самому хотелось бы провести

новогоднюю ночь? Найти идеальное место для их компании, а потом остаться дома с Марселлой и, глядя ее прекрасные волосы, сидеть у камина и говорить о будущем. Но конечно, этого не случится.

Марселла Мэлон работала в салоне красоты в универмаге «Хейвордс». Высокая и гибкая, с копной темных волос, она была, пожалуй, самой красивой из маникюрш, которых когда-либо видели клиенты. У нее было овальное лицо и оливковая кожа – мечта каждой школьницы. И в то же время от Марселлы исходили покой и безмятежность, заставлявшие людей старше, некрасивее, полнее, чем она, принимать ее. Клиенты ощущали, что им словно бы передается нечто от ее красоты, – и еще она, похоже, всегда искренне интересовалась всем, что они ей говорили.

В салоне работало радио, и люди обсуждали тему передачи. Клиенты увлеченно присоединились к обсуждению, но никто, казалось, толком не знал, как бы им хотелось провести новогоднюю ночь. Марселла помалкивала. Она занималась ногтями и думала о том, как ей повезло. У нее было все, чего она хотела. У нее был Том Фезер, самый красивый и любящий мужчина, какого только может пожелать любая девушка. И более того, ее недавно сфотографировали на двух событиях, близко связанных между собой. На показе трикотажных изделий и на благотворительном показе мод, где любители демонстрировали одежду ради сбора пожертвований. Судя по всему, этот год дал ей все, что мог. Марселла уже собрала очень хорошее портфолио, и Рики, фотограф, делавший эти снимки, устраивал весьма блестящий прием. Там должны были присутствовать многие медийные фигуры, и их с Томом тоже пригласили. Если все пойдет хорошо, она сможет найти агента и получить контракт, и тогда к следующим новогодним праздникам ей уже не придется работать маникюршей в «Хейвордсе».

Было бы замечательно, если бы Том смог поехать с Кэти в «Дубки». Это означало бы моральную поддержку и компанию в кухне, хранящей слишком много плохих воспоминаний, к тому же он мог разделить с Кэти работу. Но Тому пришлось отправиться с Марселлой, что было вполне справедливо: это должно было помочь ее карьере. Марселла была такой красивой! Люди просто останавливались, чтобы

посмотреть на нее. Высокая и стройная, с улыбкой, способной осветить ночь. Неудивительно, что ей хотелось стать моделью, и можно лишь поражаться тому, что она до сих пор ею не стала. А потом Нил сказал, что сам поможет Кэти и что они уже наняли Уолтера, кузена Нила, в качестве бармена. И это Кэти тоже сочла всего лишь справедливым, без какого-либо коварства, так как они с Томом все утро трудились, как рабы.

– Тебе необязательно делать все это, – сказала Тому Кэти. – Она ведь не собирается нам платить, ты знаешь.

– Это просто нечто вроде вложения... Мы там можем нагрести кучу контактов, – добродушно ответил он.

– Надеюсь, во всем этом нет ничего такого, от чего кто-нибудь заболеет? – с надеждой спросила Кэти.

Перед ней вспыхнула страшная картина: все гости Ханны Митчелл бродят по дому, держась за живот и постанывая от какого-то страшного пищевого отравления. А Том сказал, что она глупеет с каждым часом и что он, должно быть, сошел с ума, когда выбрал такого психически неуравновешенного делового партнера. Никто не ссудит им денег, если поймет, что с виду спокойная Кэти Скарлет на самом деле просто комок нервов.

– Мне хорошо с обычными людьми, – успокоила его Кэти. – Просто эта Ханна...

– Дай себе побольше времени, приезжай туда пораньше, включи в фургоне веселую музыку, чтобы успокоиться, а завтра позвони мне, – постарался утешить ее Том.

– Если выживу. Повеселись сегодня.

– Ну, это же просто одно из шумных сборищ в студии Рики, – ответил Том.

– И с Новым годом! И Марселлу поздравь.

– В это же время на следующий год – только вообрази... – сказал Том.

– Знаю, одна из историй великого успеха, – жизнерадостно кивнула Кэти, хотя на самом деле ничего подобного не чувствовала.

Это был их обычный способ: если один впадал в уныние и сомнения, то другой старался быть бодрым и оптимистичным. Но вот фургон загружен. Нила не было дома, ему пришлось поехать на какую-то консультацию. Он не похож на обычного адвоката, с гордостью

подумала Кэти. У него не было часов приема или высокой платы за консультации. Если кто-нибудь попадал в беду, Нил оказывался там. Все было очень просто. И поэтому Кэти его любила.

Они знали друг друга с детства, но почти не встречались. В те годы, когда мать Кэти работала в «Дубках», Нил учился в школе-пансионе, а потом, будучи студентом, редко приезжал домой. Став членом коллегии адвокатов, Нил переехал в отдельную квартиру. И лишь по чистой случайности Кэти снова встретила с ним в Греции. Если бы он остановился на какой-нибудь другой вилле или она бы в тот месяц готовила на другом острове, они никогда бы не узнали друг друга и никогда бы не влюбились. Но была бы в таком случае Ханна Митчелл счастливее? Кэти велела себе выбросить все это из головы. Ехать в «Дубки» было еще слишком рано, Ханна будет суетиться, ныть и только мешать ей. Кэти решила заехать к своим родителям. Это бы ее успокоило.

Морис и Элизабет Скарлет, которых все знали как Матти и Лиззи, жили в центре Дублина в полукруге старых каменных двухэтажных домов. Это место называлось Сент-Ярлат-Кресент в честь ирландского святого. Некогда в этих домах жили фабричные рабочие, которых ежедневно поднимала с постелей сирена. Перед каждым домом имелся крошечный садик, всего десять футов в длину, а потому непросто было вырастить здесь хоть что-нибудь, что могло бы радовать глаз.

Это был дом, где родилась мать Кэти и где она вышла замуж за Матти. И хотя он находился всего в двадцати минутах езды от дома Кэти и Нила, от изысканного мира «Дубков», куда Кэти направлялась этим вечером, его отделяло расстояние в тысячу миль, а может, и в миллион.

Родители пришли в восторг от неожиданного появления Кэти в белом фургоне. Что они будут делать в новогоднюю ночь? – гадала Кэти. Они намеревались пойти в паб по соседству, где соберутся коллеги Матти. С людьми, которых он называл коллегами, отец на самом деле встречался в букмекерской конторе Сэнди Кина, но они так серьезно относились к своим повседневным занятиям, что Кэти и в голову не приходило над ними подшучивать.

– А еда там будет? – спросила она.

– В полночь они собираются подать нам запеченных цыплят! – Матти Скарлет был явно доволен щедростью паба.

Кэти смотрела на них обоих.

Ее отец был невысоким и полным, волосы у него стояли торчком, а на лице постоянно играла улыбка. Ему было уже пятьдесят, но Кэти никогда не видела, чтобы он работал. У него были проблемы со спиной, но не настолько серьезные, чтобы он не мог добраться до Сэнди Кина и поставить на фаворита три к пятнадцати, но все же слишком серьезные для того, чтобы он мог работать.

Лиззи Скарлет выглядела так же, как всегда, – маленькая, сильная и жилистая. Она четыре раза в год делала химическую завивку в салоне ее кухни.

– Это так же постоянно, как химическая завивка бедной Лиззи, – как-то сказала Ханна Митчелл о чем-то.

Тогда Кэти пришла в ярость оттого, что Ханна Митчелл, раз в неделю посещавшая дорогой салон в «Хейвордсе», пока Лиззи Скарлет на четвереньках убирала «Дубки», посмела насмехаться над прической ее матери. Но сейчас не было смысла об этом думать.

– А ты, мам, чем займешься? – спросила она.

– О, в пабе будет еще и викторина с призами! – ответила Лиззи.

Кэти почувствовала, как тает ее сердце от нетребовательности родителей, которым было нужно так мало.

Сегодня в полночь в «Дубках» мать Нила, скорее всего, подожмет губы и постарается найти орехи во всем, что приготовила Кэти.

– А ребята звонили из Чикаго? – спросила она.

Кэти была младшей из пятерых детей Матти и Лиззи и единственной, оставшейся в Дублине. Двое ее братьев и две сестры эмигрировали.

– Все до единого! – с гордостью ответила Лиззи. – У нас благословенная семья.

То, что все они посылают деньги матери, Кэти знала, так как письма приходили на ее адрес, а не в дом родителей. Не было смысла соблазнять ее отца, позволяя ему увидеть доллары, когда он знает, что в букмекерской конторе Сэнди Кина его ждет верный выигрыш.

– Ну, я бы предпочла побыть с вами сегодня, – искренне сказала Кэти. – Но вместо этого буду разочаровывать Ханну Митчелл тем, что привезла.

- Ты принимаешь все слишком близко к сердцу, – заявил Матти.
- Пожалуйста, Кэти, будь с ней повежливее. За все годы работы у Ханны я поняла, что лучше ее рассмешить.
- Ты так и делала, мам, ты ее сместила, – мрачно произнесла Кэти.
- Но ты же не собираешься сегодня произносить там речь или что-то в этом роде?
- Нет, мама. Успокойся. Я согласилась организовать прием и, если это меня убьет, приму все с улыбкой на лице.
- Хотелось бы мне, чтобы Том Фезер поехал с тобой, он хорошо на тебя влияет, – сказала Лиззи.
- Там будет Нил, мам. Он мне поможет сдерживаться.
- Кэти поцеловала родителей на прощание и поехала в «Дубки».

Ханна Митчелл нанимала теперь уборщиц из клининговой компании, ведь у нее уже не было бедной Лиззи, которую можно было терроризировать. Дважды в неделю четыре женщины приезжали со своим оборудованием и наводили чистоту, не слыша ни от кого замечаний: пылесосили, полировали, гладили.

Они затребовали полуторную оплату за работу в канун Нового года. Ханна возмутилась.

– Как угодно, миссис Митчелл, – бодро откликнулись они, прекрасно зная, что множество людей были бы рады, если бы в их доме навели порядок в такой день.

Она быстро сдалась. Все стало определенно не так, как бывало всегда. Но все же оно того стоило: дом выглядел отлично, и ей, по крайней мере, не пришлось и пальцем пошевелить. А эта Кэти со всеми ее грандиозными намерениями на самом деле оказалась способна сервировать вполне приличный стол. Она должна была вскоре приехать в этом большом белом отвратительном фургоне. Даже те женщины, что убирались в доме дважды в неделю, приезжали на куда более приличной машине. Кэти явится в кухню, пыхтя и задыхаясь под тяжестью подносов. Дочь бедной Лиззи ведет себя так, словно это ее собственный дом. Увы, пожалуй, однажды так оно и будет. Но не сейчас, напомнила себе Ханна, плотно сжимая губы.

Джок, муж Ханны Митчелл, остановился по пути домой из офиса, чтобы выпить. Он чувствовал, что ему это необходимо, прежде чем

встретиться с Ханной. Она всегда нервничала и напрягалась перед приемами, но на этот раз все было во много раз хуже, – ей ненавистно было то, что все для банкета поставляла жена Нила Кэти. Ханна отказывалась признать, что эти двое счастливы, подходят друг другу и вряд ли разойдутся, какие бы планы ни строила Ханна. Кэти всегда останется для нее дочерью бедной Лиззи и даже в каком-то роде злодейкой, соблаздившей их сына в Греции. Ханна всегда была уверена, что эта девушка нарочно забеременела, чтобы поймать Нила. И была весьма удивлена, когда оказалось, что это не так.

Размышляя, Джок выпил порцию солодового виски и пожелал, чтобы ему не пришлось беспокоиться об этом, как и обо всем прочем. Джок Митчелл был серьезно встревожен сегодняшним разговором со своим племянником Уолтером. Уолтер, ленивый бездельник, старший сын Кеннета, брата Джока, сообщил, что в «Буках», где жила его семья, не все благополучно. То есть на самом деле все было весьма далеко от благополучия. Уолтер сказал, что его отец уехал в Англию как раз перед Рождеством и не оставил никаких сведений о том, где находится. Мать Уолтера, не обладавшая сильным характером, отреагировала на такой поворот событий сильным пристрастием к водке. Проблема была в их девятилетних близнецах Саймоне и Мод. Что с ними происходит? Уолтер лишь пожал плечами; он действительно не знал. Ну, как-то они справляются, предположил он. Джок Митчелл тяжело вздохнул.

Мобильник зазвонил, когда Кэти парковалась у «Дубков». Она достала его из кармана и ответила.

– Послушай, я честно не смогу приехать и помочь тебе разгрузиться, – извинился Нил.

– Нил, это не важно, я как-нибудь справлюсь.

– Здесь все оказалось куда запутаннее, чем я думал. Послушай, попроси моего папу тебе помочь со всеми этими корзинами, не надо их таскать самой просто для того, чтобы моя мать увидела, как ты хороша.

– Ох, она и так это знает, – простонала Кэти.

– Там должен быть Уолтер...

– Если бы мне пришлось ждать, когда Уолтер поможет разгрузиться и накрыть столы, то прошла бы половина ночи... Хватит

суеетиться, вернись туда, где ты должен быть.

Кэти напонила себе, что осталось всего шесть часов или около того от прошедшего года, всего шесть часов или около того, чтобы угодить Ханне. И что могло стать самым худшим? Самым худшим могло стать то, что еда оказалась бы ужасной и никто к ней не притронулся бы, но такого быть не могло, потому что еда была отменной. Вторым из худшего стала бы ее нехватка, но в фургоне лежало столько, что можно было накормить половину Дублина.

– Никаких проблем, – вслух произнесла Кэти, глядя на обсаженную деревьями подъездную дорогу к дому, где родился Нил.

Дом джентльмена, построенный сто пятьдесят лет назад, квадратный и довольно приятный, с четырьмя спальнями над большой парадной дверью и эркерами по обе стороны от нее. Стены покрывали разросшиеся плющ и дикий виноград, а перед домом была огромная гравийная площадка, на которой этим вечером должны были быть припаркованы двадцать дорогих автомобилей. И он настолько отличался от дома на Сент-Ярлат-Кресент, насколько можно было вообразить.

Шона Бёрк часто задерживалась в своем офисе на этаже управления в «Хейвордсе», у нее был свой ключ и код для того, чтобы приходить и уходить в удобное для нее время. Она слушала радиошоу и гадала, а был ли у нее по-настоящему выбор насчет того, как провести новогоднюю ночь. Давным-давно, в более счастливой жизни, это было для нее праздником, но только не в последние несколько лет. Шона понятия не имела, чем займутся ее сестры и братья, пойдут ли они в больницу. Конечно, Шона тоже из чувства долга отправится в больницу, хотя это было бессмысленно, ее не узнают и не признают.

А потом она должна будет пойти на вечеринку в студию Рики. Всем нравился Рики. Приятный, беспечный фотограф, он мог собрать множество людей и устроить для всех развлечение. Там наверняка будет целая толпа позеров и пустоголовых типов, умирающих от желания увидеть упоминание о себе в светских колонках газет... Вряд ли Шона встретит там любовь своей жизни или даже временного партнера, но все равно она должна нарядиться и пойти туда хотя бы потому, что не считала себя особой, готовой сидеть в одиночестве в квартире в Гленстаре.

Но сейчас Шону изводил вопрос о том, а как она на самом деле хотела провести этот вечер? Ответить на него было трудно, потому что все слишком сильно изменилось. Хорошие дни миновали, и невозможно было представить занятие, которое сделало бы ее по-настоящему счастливой. А при отсутствии ответа сойдет и вечеринка у Рики.

Марселла покрывала лаком ногти на ногах. У нее были новые вечерние босоножки, которые она купила в магазине поношенной одежды. Она с гордостью показала их Тому. Босоножки почти не надевали; должно быть, кто-то купил их, а потом решил, что они не подходят.

– Новые такие стоят целое состояние, – радостно заявила она, внимательно рассматривая туфли.

– Ты рада? – спросил Том.

– Очень! – ответила она. – А ты?

– Ох, очень-очень, – засмеялся он.

Было ли это чистой правдой? Том совсем не хотел идти на вечеринку к Рики. Но один лишь взгляд на Марселлу делал его счастливым. Он действительно просто не мог поверить в то, что такая красивая девушка, которая могла заполучить любого, выбрала его. Том понятия не имел, что был привлекательным, он считал себя здоровенным и неуклюжим. Он искренне верил, что все восхищенные взгляды, направленные на них двоих, устремлены только на Марселлу...

– Я слышала в радиошоу, что люди никогда не бывают по-настоящему счастливы, – начала Марселла.

– Знаю, я тоже это слышал, – кивнул Том.

– Я просто подумала, как нам повезло. Бедные Кэти и Нил не могут сегодня делать то, чего *им* хочется. – Марселла, в одних стрингах, встала и взяла со спинки стула маленькое красное платье.

– Да, Кэти, пожалуй, уже там, в доме свекрови, накрывает столы. Надеюсь, у нее хватит выдержки.

– Ну, ей придется. Это же работа, а она профессионал. Мы все должны сдерживаться на работе, – сказала Марселла, которой в своей жизни приходилось склоняться над слишком большим количеством

надменных рук, хотя она предпочла бы провести день на солнце, прохаживаясь по подиуму в качестве модели.

– Там будет Нил и тот его кузен-молокосос, так что все будет в порядке. – Но в голосе Тома звучало сомнение.

Марселла натянула на себя красный наряд. Вообще-то, это было платье, короткое, облегающее, так прилипшее к ней, что простора для воображения уже не оставалось.

– Марселла, ты что, действительно хочешь пойти вот в этом?

– Тебе не нравится? – Ее лицо тут же помрачнело.

– Ну конечно же мне нравится! Ты прекрасно выглядишь. Просто... ну... может, я предпочел бы, чтобы ты надевала это здесь, для нас, а не для всех, кто тебя увидит.

– Но, Том, это же вечернее платье! – в ужасе воскликнула она.

Том моментально взял себя в руки:

– Да, само собой, и сегодня ты будешь иметь успех.

– Что ты имеешь в виду?

– Имею в виду?.. Ничего... то есть я имел в виду, что ты потрясающе выглядишь и я не хочу делить тебя с другими людьми... но не обращай внимания. Я совсем не думал ничего такого.

– Мне казалось, ты будешь мной гордиться.

– Я так тобой горжусь, что ты и представить не можешь! – заверил ее Том.

И она действительно была прекрасна. Он, должно быть, с ума сошел, что так на все отреагировал.

Ханна Митчелл стояла в темно-синем шерстяном платье, с сильно залакированными волосами после предновогоднего посещения салона в «Хейвордсе». Она всегда одевалась так, словно шла на ланч с дамами. Кэти никогда не видела ее в фартуке или просто в старой юбке. Но если ты не занимаешься домашними делами, какой смысл надевать что-то такое?

Стоя у Кэти на дороге и всячески мешая ей пройти, Ханна наблюдала за тем, как та носит в дом коробки и корзины, однако не предложила помочь. Вместо этого она надеялась, что коробки не оставят пятен на обоях, и думала, где Кэти следует припарковать фургон, чтобы он никому не мешал, когда приедут гости. Кэти мрачно ходила в кухню и обратно. Она включила плиты, повесила кухонные

полотенца на спинки стульев, сунула пакет со льдом в морозилку и начала разбирать еду. Было бы бессмысленно просить Ханну Митчелл оставить ее одну, уйти наверх и отдохнуть. Она будет стоять здесь, шипеть и раздражать, пока не явятся гости.

– Скоро ли мистер Митчелл вернется домой? – спросила Кэти, подумав, что она могла бы попросить его помочь распаковать бокалы.

– Не знаю, Кэти. Вообще-то, не в моих правилах спрашивать мистера Митчелла, когда он будет дома.

Кэти почувствовала, как ее шея краснеет от злости. Как смеет эта женщина вести себя так оскорбительно и высокомерно?! Но Кэти знала, что она одинока в своем негодовании. Нил просто пожмет плечами. Ее собственная мать попросит ее не раздражать миссис Митчелл. Даже тетя Джеральдина, обычно подбодрявшая и поддерживавшая ее, скажет: «Да пошла она к черту!» И это лишь доказывало то, что Ханна Митчелл была небезопасна для всех, никто не стал бы зря тратить время, беспокоясь из-за нее. Кэти начала снимать фольгу с приготовленных ею блюд.

– Это что, рыба? Никто же ее не ест, ты знаешь. – Ханна изобразила крайнюю озабоченность.

– Я знаю, миссис Митчелл, что некоторые люди ее не едят, поэтому здесь есть выбор, как видите.

– Но они могут не знать.

– Думаю, будут знать. Я им скажу.

– Но разве это будет не шведский стол?

– Да, но я буду стоять за ним, подавать, так что подскажу.

– Подскажешь? – Ханна Митчелл была сбита с толку.

Кэти подумала, не глуповата ли на самом деле ее свекровь?

– Ну, я могу просто спросить, хотят они рыбу под соусом из морепродуктов, или пряного цыпленка, или вегетарианский гуляш, – пояснила она.

Миссис Митчелл постаралась найти в этом что-нибудь неправильное, но не смогла.

– Ну ладно, – наконец сказала она.

– Так я могу теперь начать, как вы думаете? – спросила Кэти.

– Кэти, дорогая, могу я поинтересоваться, кто тебе мешает? – произнесла Ханна с каменным и неумолимым лицом, недовольная такой уверенностью дочери бедной Лиззи.

Нил посмотрел на часы. Все до единого в этой комнате имели какие-то планы на Новый год, кроме того студента, ради защиты которого они собрались. Они должны были вскоре закончить, но никто не должен был подавать виду, что спешит. Было бы ужасно, если бы человек, чье будущее висело на волоске, подумал, что все эти борцы за гражданские права, социальные работники и юристы куда больше заинтересованы в собственном ночном веселье и развлечениях, чем в его затруднительном положении. Нил пытался заверить этого молодого нигерийца, что в Ирландии его ждут справедливость и добрый прием. Нил не должен был позволить Джонатану встретить Новый год в одиночестве.

– Когда мы с этим разберемся, ты сможешь поехать со мной в дом моих родителей, – сказал Нил.

Он уже опаздывал, но ничего не мог поделать.

На него уставились большие грустные глаза.

– Вы не обязаны, вы же знаете...

– Я знаю, что не обязан, и это будет не слишком весело, но угощение поставила моя жена, так что еда будет замечательной. Друзья моих родителей... ну... как это сказать... немного скучные.

– Все в порядке, Нил, правда. Вы и так слишком много делаете для меня, и все это вас уже слишком задержало...

– Давайте еще раз все изучим, – обратился к собравшимся Нил, – а потом мы с Джонатаном отправимся на вечеринку.

Он увидел восхищенные взгляды. Нил Митчелл воистину умел брать препятствия. Он чувствовал себя немного виноватым из-за того, что не был там и не помогал Кэти, как обещал, но здесь дело было намного важнее, и она это понимала. У Кэти все будет в порядке. Его отец и кузен Уолтер должны быть уже там и помогать ей... Все будет хорошо.

Ханна все еще маячила рядом, и это означало, что Кэти приходилось говорить, отвечать на пустые вопросы, подавлять ненужные тревоги и даже поддерживать разговор, на что у нее и вовсе не было настроения.

– Уже почти половина восьмого. Уолтер появится с минуты на минуту, – в отчаянии сказала Кэти.

Она могла бы делать все гораздо быстрее, если бы не находилась под пристальным взглядом самых неодобрительных во всем Западном полушарии глаз. Пальцы могли бы двигаться намного энергичнее, закуски ложились бы на место элегантнее...

– А, Уолтер! Ну, уверена, он опоздает, как все молодые люди. – Ханна фыркнула, выражая неодобрение и презрение.

– Я так не думаю, миссис Митчелл, только не сегодня. Это же деловое соглашение, ему заплатят за время с половины восьмого до половины первого. За полных пять часов. Уверена, он нас не подведет.

Кэти совсем не была в этом уверена; у нее не было никаких доказательств надежности Уолтера Митчелла. Но по крайней мере, станет ясно, каковы его представления о деле. И если он не появится, его отношение даст знать о его близорукости. Кэти услышала, что кто-то идет.

– Это должен быть Уолтер, – сказала она. – Я так и знала, что он будет вовремя.

Но это оказался Джок Митчелл; он вошел в кухню, потирая руки:

– Кэти, все выглядит просто великолепно! Ханна, разве это не изумительно?

– Да, – буркнула его жена.

– Рада вас видеть, мистер Митчелл. Я думала, это Уолтер. Он, вообще-то, сегодня работает на меня, – объяснила Кэти. – Кстати, он ушел из офиса вместе с вами?

– Намного раньше, – ответил ее тесть. – У молодежи свое представление о времени. Из-за него партнеры меня слегка упрекают, если уж на то пошло.

Ханна Митчелл ненавидела, когда семейные дела обсуждались в присутствии Кэти.

– Почему бы тебе не подняться наверх и не принять душ, дорогой? Гости начнут собираться через полчаса, – решительно заявила Ханна.

– Хорошо-хорошо. Кэти, тебе нужна помощь?

– Нет, нисколько. Я же сказала, помощник по вину вот-вот появится, – ответила Кэти.

– А Нил? – спросил Джок.

– На какой-то консультации. Приедет, как только сможет.

Наконец Кэти осталась в кухне одна. До сих пор она справлялась, но до восьми оставалось всего пятнадцать минут. А потом нужно будет выдержать часы и часы...

Вечеринка у Рики начиналась только в десять, а им следовало появиться намного позже, так что у Тома Фезера была масса времени для того, чтобы заглянуть к родителям и пожелать им счастливого Нового года. Он сел в автобус, который шел из Стоунфилда прямо к «Фатиме», дому его родителей, переполненному статуями и изображениями святых. Ему очень хотелось позвонить Кэти и спросить, как идут дела, но она сказала, что ей лучше не брать мобильник с собой в дом, так как он, похоже, сильно и беспричинно раздражает Ханну Митчелл. Лучше она оставит его в фургоне. Вряд ли в «Дубках» одобряют ее разговоры по телефону. Тому пришлось с этим согласиться.

Он сидел в автобусе, чувствуя тяжесть на сердце. Было очень глупо с его стороны расстроиться из-за того откровенного платья, купленного Марселлой. Она наряжалась для него; она любила только его. И было просто подло таить недовольство весь тот час, который требовался для поездки к его родителям и разговора с ними в их захлавленной гостиной. Но они были такими пессимистами, так стремились видеть во всем лишь недостатки... а он всегда поступал наоборот. Глупо было расстраиваться из-за того, что они пока не нашли причин к тому, чтобы принять нового человека. Они найдут; нужно время, так ведь говорят, а потом все встанет на свои места.

Мать Тома сказала, что они до сих пор ничего не слышали о брате Тома Джо, ничего с самого Рождества. У них были номера лондонских телефонов, Том мог бы взять один из них. Отец Тома сказал, что в газете появилась статья, в которой говорится, что строительная индустрия на подъеме, а вот Том Фезер гоняется за радугой, пытается создать компанию кейтеринга, вместо того чтобы войти в уже готовое дело. Том был вежлив и бодр, он говорил и говорил, пока у него не заболела челюсть, наконец обнял отца и мать и сказал, что ему пора возвращаться.

– Не думаю, что тебе к следующему году удастся сделать из Марселлы порядочную женщину. Ты тверд в своем решении?

– Мам, я захотел жениться на Марселле примерно через двадцать пять минут после того, как познакомился с ней. Я, должно быть, делал ей предложение раз сто... – Он беспомощно развел руками.

Родители знали, что он говорит правду.

Сидя в пабе, где компания его друзей выпивала в канун Нового года, Уолтер Митчелл посмотрел на часы.

– Черт, уже восемь! – воскликнул он.

Кэти, должно быть, в бешенстве из-за этого, но все равно дядя Джок и тетя Ханна за него заступятся. В этом и состоит преимущество семьи.

Уолтер не появлялся, и Кэти распаковала бокалы, в тридцать из них положила по кусочку сахара и по чайной ложке бренди и выставила на поднос. Позже, когда явятся гости, она наполнит бокалы шампанским. Предполагалось, что этим займется Уолтер, пока сама Кэти будет готовить подносы с канапе. Кэти поймала свое отражение в зеркале в холле – она выглядела раскрасневшейся и неуверенной. Прядь волос выбилась из-под ленты, которой она связала их сзади. Так быть не должно.

Кэти пошла в гардеробную внизу и освежила косметику и тональный крем на лице и шее, затем смочила волосы и понадежнее связала их. Вот тут-то ей и пригодилась бы Марселла с ее всевидящим оком. Кэти порылась в своей сумочке, нашла короткий коричневый карандаш, подкрасила глаза. Она надела чистую белую блузку и алую юбку. Выглядит немного лучше, решила она. Как будет замечательно, если на этом приеме она найдет поддержку своей компании! Но Кэти знала, что следует быть осторожной. Любой признак того, что она рекламирует свой бизнес или раздает свои визитки, вызовет сильное недовольство ее свекрови. Пожалуйста, пусть все пройдет успешно, иначе дни и дни усилий и деньги будут потрачены зря.

Студия Рики располагалась в цокольном этаже, три комнаты переходили одна в другую, в одной пили, в другой ели, в третьей танцевали. Чтобы попасть в студию, нужно было спуститься по широкой, ярко освещенной лестнице.

Том и Марселла оставили пальто на первом этаже, и Том почувствовал, как все глаза в помещении уставились на Марселлу. Одетая в маленькое красное платье, она шла перед ним вниз по ступеням, грациозно переступая красивыми длинными ногами в золотых вечерних босоножках, которыми так гордилась. Нечего было и удивляться тому, что все смотрели на нее. По сравнению с ней другие женщины сразу показались тусклыми.

Марселла никогда не ела и не пила на подобных приемах. Она могла только взять стакан газированной воды. Но она на самом деле не голодная, говорила она с такой искренностью, что люди ей верили. Однако Том умирал от желания добраться до еды, чтобы сравнить ее с тем, что могли бы приготовить они с Кэти. Ведь на приемах вроде этого должны были подать на выбор два горячих блюда с маленькими овальными лепешками, что-нибудь вроде пряного цыпленка и вегетарианского гуляша, которые Кэти готовила в доме родных ее мужа. Но поставщики Рики, похоже, предпочли бесконечные тарелки с крохотными, не очень свежими закусками. Копченый лосось уже подсыхал и твердел на ломтиках хлеба, по неаппетитным на вид крекерам размазан какой-то паштет. Коктейльные колбаски остывали в собственном жире. Том пробовал и все исследовал, определяя готовый паштет тут, крекеры из магазина там. Ему ужасно хотелось знать, сколько за это содрали. Потом он обязательно спросит Рики, но не сегодня.

– Том, перестань рвать на куски все это убожество, – хихикнула Марселла.

– Да ты посмотри! Сырая выпечка, слишком много соли...

– Пойдем, потанцуй со мной.

– Сейчас! Я должен увидеть, что еще ужасного здесь найдется, – ответил он, показывая на тарелки.

– Не хотите ли потанцевать со мной? – Юноша лет девятнадцати таранился на Марселлу.

– Том?..

– Иди. Я заберу тебя через минуту, – усмехнулся Том.

Но прошло гораздо больше времени, и после трех бокалов паршивого вина Том наконец добрался до маленького танцпола. Марселла танцевала с мужчиной с полным красным лицом и

крупными руками. И эти руки расположились на ягодицах Марселлы. Том двинулся к ним.

– Ну вот, я пришел, чтобы утащить тебя, – сказал он.

– Эй! – возразил мужчина. – Будь добр, найди свою девушку.

– Она и есть моя девушка, – решительно произнес Том.

– Тогда прояви манеры и дай закончить танец.

– Если ты не против... – начал было Том.

– Позволь закончить танец, – сказала Марселла. – А потом я буду танцевать с тобой, Том. Я ведь ждала тебя.

Том в раздражении отошел в сторонку. Почему-то он чувствовал себя виноватым в том, что этот чурбан лапал Марселлу. Он увидел Шону Бёрк, милую девушку из «Хейвордса», одну из многих в Дублине, кого он просил о помощи в поисках помещения для новой компании кейтеринга.

– Могу я принести тебе стаканчик красных чернил и кусочек картона с крошками мясного паштета на нем? – предложил он.

Шона засмеялась:

– Эй, ты же не собираешься охаивать конкурентов?

– Нет, но подобные вещи по-настоящему меня раздражают. Это так убого! – ответил Том.

Его взгляд вернулся к Марселле, все еще танцевавшей и беседовавшей с тем ужасным мужчиной.

– Все в порядке, Том, она никого не видит, кроме тебя.

Том смутился из-за того, что вел себя столь откровенно.

– Я имел в виду угощение. Просто оскорбительно, что Рики предоставили такое. Сколько бы он ни заплатил, его ограбили.

– Уверена, ты и говорил именно о еде, – согласилась Шона.

– Хочешь потанцевать? – спросил Том.

– Нет, Том, я не хочу в этом участвовать. Пойди заberi Марселлу.

Но к тому времени, когда Том туда добрался, Марселлу уже пригласил другой мужчина, а тот, с крупным лицом и большими руками, одобрительно наблюдал за ней со стороны. Том пошел за еще одним бокалом чудовищного вина.

Уолтер появился в половине девятого, когда с десятков гостей уже устроились в гостиной «Дубков». Он вошел с бодрым видом и расцеловал тетю в обе щеки.

– Позволь помочь тебе, тетя Ханна, – с широкой улыбкой сказал он.

– Какой милый мальчик, верно? – заявила миссис Райан, обращаясь к Кэти.

– Действительно, – сумела выговорить Кэти.

Миссис Райан с супругом пришли первыми. Миссис Райан была совершенно не похожа на Ханну Митчелл; тихая женщина, восхищавшаяся канопе и с удовольствием болтавшая с Кэти.

– Мой муж рассердится из-за того, что мы приехали первыми, – поделилась она.

– Кто-то ведь должен быть первым. Думаю, приятно быть одним из первых.

Кэти не могла сосредоточиться. Она смотрела на Уолтера, невысокого и красивого, как все Митчеллы, и изо всех сил старалась справиться с собой. Его хвалили и ласкали люди вроде ее свекрови и глупых гостей за то, что он все-таки появился, опоздав всего на час. Она почти не слушала жалобы миссис Райан на то, что сама она никудышная повариха.

– Они всегда требуют яблочный штрудель, а я просто не представляю, с чего хотя бы начать.

Кэти наконец услышала ее. Эта женщина пригласила деловых друзей мужа на кофе с пирожными на следующей неделе. Может ли Кэти кое-что доставить к ним в дом и не останется ли их обслуживать?

Кэти осторожно проследила за тем, как ее свекровь вышла из гостиной, потом записала номер телефона миссис Райан.

– Это будет нашим маленьким секретом, – пообещала она.

Их первый заказ. Еще и девяти часов не пробило, а она уже получила работу.

– Ты вообще собираешься прекратить весь вечер танцевать с незнакомцами? – спросил Том Марселлу.

– Том! Наконец-то! – воскликнула она и с улыбкой извинилась перед мужчиной в черной кожаной куртке и солнцезащитных очках.

– Но может быть, я недостаточно хорош, чтобы со мной танцевать? – спросил Том.

– Не будь таким глупым, обними меня! – ответила Марселла.

– Ты так говорила всем тем парням?

- Ну почему ты так? – Марселлу это задело. – Что я сделала?
- Ты тут крутишься полуголая с половиной Дублина, – пояснил Том.
- Это нечестно! – обиделась Марселла.
- А с твоей стороны?
- Это вечеринка. Люди приглашают друг друга на танец, вот и все!
- Ох, хорошо.
- Да что не так, Том? – Марселла через плечо Тома смотрела в никуда.
- Не знаю.
- Скажи!
- Не знаю, Марселла! Я понимаю, что порчу удовольствие, но не хочешь ли ты пойти домой?
- *Домой?* – изумилась Марселла. – Да мы же только что пришли!
- Да, конечно. Конечно.
- И мы хотели познакомиться с людьми и себя показать.
- Да, знаю, – уныло произнес он.
- Тебе нездоровится? – спросила она.
- Нет. Я просто выпил очень много очень дешевого вина, причем слишком быстро, и съел пять штук чего-то странного, похожего на цемент по вкусу.
- Что ж, тебе лучше посидеть, пока все это проскочит.
- Марселла и не думала уходить. Она же специально для этого нарядилась, она так ждала вечера...
- Я могу уйти немножко раньше тебя, – предложил Том.
- Не надо! Встретим Новый год здесь, со всеми нашими друзьями, – попросила она.
- Вообще-то, они нам не друзья, просто чужие люди, – грустно произнес Том Фезер.
- Том, съешь еще один цементный сэндвич и взбодрись! – со смехом предложила Марселла.

Кэти старалась показать Уолтеру, как правильно делать коктейль с шампанским. А он почти не смотрел на нее.

- Конечно, конечно, я знаю, – заявил он.

– А когда они перейдут к красному и белому вину с ужином, можешь собрать все бокалы из-под шампанского и отнести в кухню? Их нужно будет вымыть, потому что шампанское снова подадут в полночь.

– А кто должен мыть? – спросил Уолтер.

– Ты, Уолтер. Я буду сервировать ужин... Я там оставила для тебя наготове подносы...

– Мне же платят за то, чтобы я тут разливал все, а не стал посудомойкой.

– Тебе платят за то, чтобы ты помогал мне четыре часа и делал все, что я попрошу. – Кэти услышала дрожь в своем голосе.

– Пять часов, – напомнил Уолтер.

– Четыре, – возразила Кэти, глядя ему в глаза. – Ты опоздал на час.

– Я думал, ты...

– Когда придет Нил, надеюсь, ты выяснишь, что именно мы обсуждали. А пока отнеси этот поднос гостям твоего дяди.

Кэти наполнила поднос горячими закусками. Когда-нибудь эта ночь все же закончится.

Шона Бёрк наблюдала за угрюмо стоявшим в углу Томом Фезером. И она была не единственной женщиной, кто уставился на него. Однако вокруг Тома могло быть и совершенно пусто, он никого не видел.

– Думаю, я пойду домой, – произнес он вслух, а потом вдруг осознал, что именно так и намерен поступить. – Скажи Марселле, если она вообще это заметит, что я ушел домой, – сказал он Рики.

– Ой, только не надо ссор между влюбленными в канун Нового года, прошу! – произнес Рики с присущей ему некоторой аффектацией, но сегодня это жутко раздражало Тома.

– Нет, никаких ссор. Просто съел пять штук чего-то, что не пошло мне на пользу.

– И что это было? – спросил Рики.

– Откуда мне знать, Рики? Сэндвичи или еще что.

Рики решил не обижаться.

– А как Марселла доберется домой?

– Не знаю. Может, ее Шона подвезет... ну... если только ее не прихватит тот мужик с лопатами вместо рук, что вертится рядом с ней.

– Том, перестань! До полуночи осталось меньше часа!

– Я не в форме для всего этого, Рики. Только буду портить всем настроение. Мое лицо способно часы остановить.

– Я позабочусь о том, чтобы она благополучно вернулась к тебе, – пообещал Рики.

– Спасибо, приятель.

И Том вышел на сырые ветреные улицы Дублина, где кутили бродили из бара в бар или тщетно пытались поймать такси, где сквозь щели в задернутых занавесках пробивались узкие полоски света с вечеринок. Время от времени Том останавливался и думал, не сглупил ли он, но не мог вернуться. Все в той компании раздражало его, все сомнения насчет того, что он недостаточно хорош для Марселлы, всплыли на поверхность. Нет! Он должен как следует пройтись, чтобы прочистить мозги.

Нил наконец ушел с собрания. Они с Джонатаном проехали по предновогодним улицам Дублина и повернули на усыпанную листьями дорогу, на которой стояли «Дубки», освещенные, как рождественская елка. Он заметил, что Кэти пристроила свой большой белый фургон как можно дальше от глаз. Нил припарковал «вольво» и направился к задней двери. Кэти окружали тарелки и бокалы. Как вообще кто-то может вот так зарабатывать на жизнь и не терять рассудка...

– Кэти, прости, все слишком затянулось. Это Джонатан. Джонатан, это Кэти.

Кэти и высокий нигериец обменялись рукопожатием; лица у обоих были усталые, оба вежливо улыбались.

– Надеюсь, я не создам вам дополнительных проблем, приехав сюда, – сказал Джонатан.

– Нет, Джонатан. Боже мой, конечно нет! – возразила Кэти, гадая, как на это отреагирует ее свекровь. – Я рада вам и надеюсь, вы хорошо проведете вечер. И я рада, что вы оба здесь. Я думала, мне придется петь «Auld Lang Syne» в одиночестве.

– С Новым годом, милая! – Нил обнял ее.

Кэти вдруг ощутила огромную усталость.

– Мы ведь справимся, Нил, да?

– Конечно справимся. Мы рассмотрели все возможности. Они же не собираются отменить первый день Нового года, а, Джонатан?

– Надеюсь, нет, вы же так много времени на это потратили, – с благодарной улыбкой произнес молодой человек.

Кэти сообразила, что Нил решил, будто она говорит об экстрадиции. Не важно, он здесь, а это и было главным.

– Там как, все в порядке? – Нил кивнул в сторону парадных комнат.

– Думаю, да, хотя трудно понять. Уолтер опоздал на час.

– Значит, и плату получит меньше. – Для Нила все выглядело просто. – Он тебе хоть как-то помогает?

– Скорее нет. Нил, пойді представь всем Джонатана.

– Я, наверное, мог бы помочь вам здесь, – предложил Джонатан.

– Боже, нет! Если кому-то и нужен отдых, так это вам после всего, через что вы прошли, – возразила Кэти. – Иди, Нил. Твоя мать умирает от желания показать тебя.

– Но разве я не могу сделать здесь что-нибудь...

– Иди, отвлеки свою матушку! Не пускай ее в кухню! – умоляюще произнесла Кэти.

Она услышала восторженные восклицания, когда гости приветствовали наследника «Дубков» и говорили ему, что помнят его еще младенцем. Нил легко двигался по гостиной, разговаривал, приветствовал, кого-то целовал тут и там. Он увидел Уолтера, курившего рядом с пианино и болтавшего с какой-то женщиной, которая выглядела лет на двадцать моложе всех гостей.

– Уолтер, думаю, ты нужен в кухне, – резко произнес Нил.

– Конечно нет! – ответил Уолтер.

– Побыстрее, пожалуйста! – велел Нил и заговорил с глупой на вид блондинкой.

Том Фезер не отправился сразу домой в Стоунфилд. Он бродил по узким улочкам, по которым никогда не ходил прежде, по переулкам и даже задним дворам. Где-то в этом городе с миллионом людей было место, которое они с Кэти должны найти для начала их кейтеринговой компании. Все, что им действительно нужно, – это кто-то с должным терпением и временем, чтобы найти такое место. А сегодня ночью времени у него было полно.

В холле «Дубков» зазвонил телефон.

Ханна Митчелл поспешила ответить. Ей требовалось время, чтобы собраться с мыслями. Она была совершенно растеряна. Никого не предупредив, Нил привел на прием какого-то африканца. Она, конечно же, ничего не имела против этого человека. С какой стати? Но ее выводило из себя то, что все спрашивали, кто он такой, а она не знала. «Один из клиентов Нила», – повторяла она снова и снова, добавляя, что Нил всегда был таким преданным своему делу... Но она чувствовала, что на нее смотрят как-то странно. И было облегчением сбежать от них.

– Уверена, это звонит Аманда из Канады, чтобы пожелать нам счастливого Нового года, – прошептала она, но ее лицо выдавало, что звонит не дочь. – Да... ну... это все очень неприятно, но что вы, собственно, думаете... Да, я знаю... Да, конечно, трудно понять, что делать, но просто время неподходящее... Послушайте, вам лучше поговорить с вашим братом... Ох, понимаю... Ну... тогда с вашим дядей... Джок, подойди на минутку.

Кэти наблюдала за этой маленькой сценкой.

– Это дети Кеннета. Похоже, они остались сегодня одни в доме. Поговори с ними, я им уже сказала, что Уолтер здесь, но они не думают, что он сможет как-то помочь.

– Чертовски верно! – проворчал Джок Митчелл. – Ладно-ладно. Говорите, в чем дело, – осторожно произнес он в телефонную трубку.

Кэти ходила между гостями, разнося маленькие тарелочки с шоколадными пирожными и столовой ложкой взбитых сливок с фруктами, не оставляя им времени для колебаний или сомнений, поскольку всем хотелось и того и другого.

Она видела Джонатана, неловко стоявшего в одиночестве у окна гостиной, пока Нил здоровался с друзьями родителей. Она заговаривала с ним так часто, как могла, стараясь не показать, что пытается приободрить его.

– Я мог бы поработать в кухне. Это я умею, – жалобно произнес он.

– Уверена, что могли бы, и мне, пожалуй, было бы веселее, но, если честно, не надо, ради меня. Я не хочу, чтобы мать Нила заявила,

будто я не способна справиться самостоятельно. Я должна это доказать, понимаете?

– Понимаю. Вы должны показать себя, да, – ответил он.

Кэти пошла дальше и оказалась достаточно близко от Джока, чтобы слышать часть разговора.

– Тогда все в порядке, дети. Я позову Уолтера, а утром сам заеду. Пока, малыши.

Нил как раз сумел убедить Уолтера сделать хоть что-нибудь, когда Джок снова отвлек его от дела. Кэти слушала, как Уолтер разговаривает со своим братом и сестрой, бывшими моложе его больше чем на десять лет.

– А теперь послушайте меня: я вернусь домой, но не знаю точно когда. Мне нужно еще кое-куда заехать, после того как я уйду отсюда, но я обязательно приеду, так что хватит разговоров. Просто ложитесь спать, ради всего святого! Отца все равно сто лет не было, а мать не выходит из своей комнаты, так что какая разница? – Он повернулся и увидел наблюдавшую за ним Кэти. – Ну, как ты поняла, дома случился некий кризис, так что, боюсь, я выхожу из дела.

– Да, поняла.

– Поэтому, полагаю, я просто возьму то, что ты мне должна...

– Я попрошу Нила рассчитаться с тобой, – ответила Кэти.

– Я думал, ты гордишься тем, что у тебя свой бизнес, – надменно произнес Уолтер.

– Верно, но Нил – твой кузен, он знает, что тебе должны. Пойди спроси его.

– За четыре часа, – проворчал Уолтер.

– Ты и трех часов не проработал.

– Я не виноват, что мне пришлось...

– И ты не едешь прямо домой, ты отправляешься на какую-то вечеринку. Но не станем спорить. Спроси Нила.

– Ладно, тогда три часа, крохоборка.

– Нет, я уж точно не такая. Хватит! Давай не будем разбираться перед гостями, иди в кухню.

Сердце Кэти упало, когда она увидела то, что следовало переменить, включая бокалы для шампанского, которые понадобятся в полночь.

– Доброго вечера, Уолтер.

– Доброго вечера, Скрудж, – ответил он и выбежал из дому.

Том стоял у канала и наблюдал за двумя скользившими по воде лебедями.

– Они хранят верность друг другу всю жизнь, лебеди, ты это знала? – спросил он проходившую мимо девушку.

– Вот как? Счастливики! – Она была маленькой и худенькой; проститутка-наркоманка с встревоженным лицом. – Полагаю, тебе и самому не нравятся случайные пары, – с надеждой произнесла девушка.

– Нет-нет, извини, – откликнулся Том, как ему показалось, довольно пренебрежительно. – Не сегодня, – добавил он, словно сообщая, что в другое время был бы весьма рад.

Девушка устало улыбнулась:

– Ну все равно, с Новым годом!

– И тебя тоже, – безнадежным тоном ответил Том.

В «Дубках» позвонили в дверь.

Ханна, слегка покачиваясь на высоких каблуках, пошла к двери, гадая, кто мог появиться так поздно. Кэти прислонилась к столу в глубине холла, чтобы дать мгновение отдыха уставшим ногам и увидеть, какая еще грядет неожиданность. Поздний гость, желающий попасть к главному блюду?

Оказалось, что это двое детей, приехавших на такси, на которое у них не было денег. Кэти вздохнула. Ей почти жаль было Ханну. Нигерийский студент, а теперь вот двое беспризорников... Чем еще могла ее огоршить эта ночь?

– Кэти, пожалуйста, позови поскорее мистера Митчелла! – приказала Ханна.

– Это прислуга? – спросил мальчик.

Он был бледным и выглядел старше своих восьми или девяти лет. Как и у сестры, у него были прямые светлые волосы, и все казалось того же цвета: свитер, волосы, лицо и маленькая холщовая сумка в руках.

– Не говори «прислуга», – шепотом поправила его девочка; вид у нее был испуганный, под глазами темнели круги.

Кэти никогда прежде не видела их. Джок Митчелл и его брат Кеннет не были близки; единственное, в чем они сошлись, так это в

устройстве Уолтера в контору дяди, где он совсем не проявил себя, решила Кэти.

Джок все равно уже вышел посмотреть, кто это явился. Вид детей его не обрадовал.

– Ну? – начал он. – И что у нас тут?

– Нам некуда было пойти, – объяснил мальчик.

– Поэтому мы приехали сюда, – добавила девочка.

Джок был явно сбит с толку.

– Кэти, – наконец сказал он, – это брат и сестра Уолтера, можешь дать им что-нибудь поесть в кухне?

– Конечно, мистер Митчелл, возвращайтесь к гостям, я за ними присмотрю.

– Так ты горничная? – снова спросил мальчик.

Ему, похоже, нужно было определить место каждого.

– Нет, я, вообще-то, Кэти, жена Нила, вашего кузена. Как у вас дела? – (Они серьезно уставились на нее.) – А может, вы мне скажете, как вас зовут? – (Оказалось, Мод и Саймон.) – Пойдемте в кухню, – устало предложила Кэти. – Хотите пряного цыпленка?

– Нет, – ответила Мод.

– Мы никогда не пробовали, – объяснил Саймон.

Кэти заметила, как они тайком прихватили шоколадное печенье и сунули в карманы.

– Положите обратно! – резко сказала она.

– Что положить обратно? – Взгляд Саймона был невинен.

– Красть нельзя, – заявила Кэти.

– Это не кража, ты же сказала, что дашь нам что-нибудь поесть, – решительно возразила Мод.

– Но дам то, что сама захочу, так что кладите немедленно обратно!

Они неохотно положили на серебряный поднос уже раскрошившееся печенье. Кэти быстро сделала им сэндвичи с холодным цыпленком и налила каждому по стакану молока. Ели они с жадностью.

– Вам что, до сих пор никто не говорил о слове «спасибо»? – поинтересовалась Кэти.

– Спасибо, – весьма неучтиво произнесли они.

– Да не за что, – с подчеркнутой вежливостью откликнулась Кэти.

– А что нам теперь делать? – поинтересовался Саймон.

– Ну, думаю, вы можете посидеть здесь, если не хотите помочь мне вымыть посуду.

– Вообще-то, нет, если честно, – решила Мод.

– А нам не лучше пойти ко всем, как ты думаешь? – предположил Саймон.

– Вообще-то, нет, если честно, – повторила Кэти слова Мод.

– И что, мы будем сидеть здесь всю ночь, пока спать не ляжем? – спросила Мод.

– А вы останетесь здесь?

– А куда еще нам деваться? – с наивным видом произнесла Мод.

В кухню вошла Ханна, постукивая каблуками, делая маленькие шажки, от которых у Кэти всегда сводило зубы.

– А-а-а, ты здесь, Кэти... Думаю, людям нужно наполнить бокалы...

– Конечно, миссис Митчелл, я сейчас займусь этим. Уолтер, который вроде как должен был за этим присматривать, похоже, решил исчезнуть, а я, как вы и просили, кормила ужином его брата и сестру...

– Ну да, конечно, – кивнула Ханна.

– Так что теперь я пойду, а вы можете заняться устройством Мод и Саймона, – сказала Кэти, направляясь к двери.

– Устройство? – Ханна явно встревожилась.

Кэти задержалась у двери ровно настолько, чтобы услышать, как Мод спрашивает звенящим голосом:

– А в каких комнатах мы будем ночевать, тетя Ханна? Мы взяли с собой пижамы и все такое...

Кэти отправилась в гостиную, чтобы наполнять заново бокалы гостей.

– Тебе не кажется, что все это чистое безумие? – спросила она Джонатана.

Он ответил все с той же усталой улыбкой:

– В школе меня учили ирландские священники. Они много рассказывали мне об Ирландии, но я никак не ожидал в новогоднюю ночь оказаться в таком вот месте.

– Так не должно было быть, уж поверь, – усмехнулась Кэти.

Она снова взялась за дело, наполняя бокалы тут и избегая взглядов там. Эта милая миссис Райан уже выпила более чем достаточно. Кэти с удивлением увидела, как Мод и Саймон с

легкостью присоединились к гостям, словно это было для них совершенно естественно.

Кэти работала и работала. Она заменяла тарелки, подбирала смятые салфетки, опустошала пепельницы, чтобы все шло как надо. Вскоре наступит полночь и все начнет раскручиваться в обратную сторону. Большинству гостей было за пятьдесят и за шестьдесят, вряд ли у них хватит выносливости гулять до рассвета. Кэти посмотрела на то окно, возле которого стоял Джонатан. Он оживленно разговаривал с кем-то. Кэти посмотрела туда еще раз. С Джонатаном болтали близнецы.

– Джок, что ты собираешься с ними делать?

– Успокойся, Ханна, успокойся.

– Они не могут остаться здесь!

– Ну, это же не навсегда, уж точно не навсегда.

– Но как долго?

– Пока мы их не пристроим.

– И сколько времени это займет?

– Немного, немного...

– Но куда...

– Устрой их в комнатах Нила и Мэнди или еще где-нибудь. Ради бога, разве у нас в доме не полным-полно спален? – Джок был явно раздражен и хотел вернуться к гостям.

Ханна подошла к странной компании у окна:

– Дети, довольно надоедать клиентам Нила. Мистер... э-э-э...

– Но они мне ничуть не надоедают... Они прекрасная компания! – умоляюще произнес Джонатан.

В конце концов дети оказались единственными здесь, кто нормально с ним разговаривал. И уж точно они единственные из всех, с кем он встречался, спрашивали, не черный ли у него язык и много ли рабов среди его друзей.

– Вы останетесь в этом доме? – с надеждой спросила Мод.

– Нет, вообще-то, нет, меня просто любезно пригласили на ужин, – посмотрев на бледное лицо матери Нила Митчелла, ответил Джонатан.

– В любом случае вам пора спать, – заявила Ханна.

– А Джонатан может прийти на завтрак? – поинтересовалась Мод.

– Я не уверена, что... – начала было Ханна.

– Очень приятно было познакомиться с вами обоими... Мы можем еще как-нибудь встретиться, но не завтра, – поспешно сказал Джонатан, и дети неохотно ушли.

Ханна отвела их наверх по широкой изогнутой лестнице, прежде чем они успели придумать еще какое-нибудь приглашение. Показав им спальни, она велела утром сидеть тихо, так как в доме не проснутся слишком рано после ночного приема.

– У тебя плохие нервы? Как у нашей мамы? – спросила Мод.

– Конечно нет! – огрызнулась Ханна, но тут же взяла себя в руки. – Пока это вас очень огорчает, но все уладится. Ваш дядя позаботится об этом, – твердо заявила она, пытаясь устранить от проблемы.

– А которая комната моя? – поинтересовалась Мод.

– Какая захочешь. – Ханна махнула рукой в сторону коридора, где старые спальни Аманды и Нила до сих пор хранили разные сувениры, которые не годились для их новой жизни. Между спальнями была ванная комната.

– Ладно, спокойной ночи, отдыхайте. Мы поговорим обо всем утром.

Ханна с тяжелым вздохом пошла вниз. Туфли у нее были очень тесными, Нил притащил какого-то африканца и предоставил всем развлекать его, а Кэти была просто невыносима... И кто скажет, что устраивать приемы легко? Даже если у тебя свой поставщик?

– Ты какую комнату займешь? – спросил Саймон.

Они уже осмотрели все.

– Я бы хотела ту, где все пальто.

– Но она не говорила...

– Но она и не говорила, что нельзя, – решительно возразила Мод.

– Это же может быть их собственная спальня, смотри, тут дверь в ванную комнату. Не думаю, что тебе следует здесь спать, Мод.

– Она сказала, где захотим. Мы можем убрать пальто с кровати на стулья.

Они еще постояли в большой спальне Джока и Ханны Митчелл.

– Ух ты, здесь телевизор!

Мод пожалела, что не заметила этого первой.

– Да, но сначала надо убрать все эти пальто и шарфы, – заявила Мод, равняя счет; они побросали все на стулья, но в основном на пол. – Смотри, у нее такая же косметика, какая была у мамы на туалетном столике, пока у нее не расстроились нервы. – Мод схватила один из тюбиков губной помады.

– А это черное что такое?

– Это для бровей.

Саймон немедленно нарисовал себе широкие черные брови и усы. Тут как раз зазвонили колокола, раздались приветственные крики, и карандаш сломался, так что Саймон взял другой. Мод намазала губы темно-красной помадой, потом нанесла на щеки розовые румяна. Обнаружив хрустальный пульверизатор, она принялась обрызгивать все вокруг.

– Эй, ты мне в глаз попала! – воскликнул Саймон, в отместку хватая то, что походило на большой баллончик с лаком для волос, но в нем оказалось нечто похожее на мусс, который размазался по всему туалетному столику. – Это еще что такое? – удивился Саймон.

– Наверное, пена для бритья, – предположила Мод.

– Наверное. Только зачем она ей?

Мод попыталась надеть длинные серьги, но у нее не были проколоты уши. Тогда она отправилась в ванную и нашла там пластырь. Прилепив им серьги, она пришла в восторг. Саймон же нашел короткий меховой жакет и надел его, а на голову нахлобучил мужскую шляпу. Дети восторженно прыгали на двух больших кроватях, накрытых белыми стегаными покрывалами, когда в комнату вошли две женщины.

Увидев одежду на полу, они разинули рот. Одна из них закричала, заметив на Саймоне ее недавно переделанный норковый жакет. Ее крик напугал Мод и Саймона, они завизжали, и Ханна с Джоком помчались наверх, а за ними небольшая толпа гостей, чтобы выяснить, что случилось.

Нил был в кухне.

– Что за кошачьи визги там наверху, черт побери?! – спросил он.

– Держись подальше от этого. Если начнешь выяснять, то сам во все впутаешься, – усмехнулась Кэти.

– Но ты послушай!

– Не суйся туда! – предостерегла Кэти.

– Мы отвезем Джонатана, когда время придет, ладно? – спросил Нил.

– Для меня время придет, когда все разойдутся. Тебе лучше самому отвезти его домой, а мне позволь вернуться самой, в фургоне.

Наверху еще громче зазвучали голоса.

– Мне действительно лучше пойти и выяснить, что случилось, – решил Нил.

Джонатан принес в кухню несколько пепельниц и протер их.

– Жуткие курительщики – это старшее поколение, – улыбнулась ему Кэти.

– Я бы предпочел сбежать сейчас. Как вы думаете, я смогу найти такси?

– Только не в новогоднюю ночь, но Нил все равно собирается отвезти вас домой.

– Мне не хочется еще больше утруждать его.

– Это его ничуть не затруднит, но он еще какое-то время не сможет уйти. Если хотите, воспользуйтесь мотоциклом, который стоит за домом.

– Думаете, можно? – Глаза Джонатана вспыхнули, в них явно читалось облегчение.

– Конечно. Он старый. Раньше принадлежал Нилу. Идите, Джонатан, пока наверху не разразилась третья мировая война.

– Полагаю, я мог бы еще ухудшить дело и спросить, нельзя ли мне остаться здесь на ночь, – с усмешкой произнес Джонатан.

– О, это мне бы хотелось увидеть, – ответила Кэти.

– А кстати, кто эти дети?

– Это длинная история. Они кузены, дети безнадежных дяди и тети Нила. Они здесь в первый раз.

– Он вполне может стать и последним.

От канала Том зашагал по георгианским улицам, потом по переулку, где никогда прежде не бывал. И тут он увидел это. Кованые ворота, ведущие в вымощенный булыжником двор и к чему-то похожему на старый каретный сарай, приспособленный под какой-то бизнес. Том распахнул калитку и подошел к двери, на которой, похоже, висело нечто вроде объявления – кусок картона с надписью «Продается». А внизу был номер телефона для связи. Над Дублином

звенели колокола, наступила полночь, наступил Новый год. Том заглянул в окна здания. Он нашел то, что им было нужно.

Миссис Райан сообщила Кэти, что явно перебрала. Кэти ответила, что ей помогут три стакана воды и три маленьких, очень тонких ломтика хлеба с маслом. Миссис Райан послушно съела хлеб и выпила воду, а потом заявила, что теперь ей куда лучше. К полуночи Кэти наполнила бокалы шампанским, и как только над городом зазвонили колокола, все принялись поздравлять друг друга и запели «Auld Lang Syne». Ханна Митчелл, казалось, была почти довольна всем. Кэти решила воспользоваться моментом и быстро и тихо сбежала подальше от круга переплетенных рук.

Она чистила, мыла и вытирала в кухне. Она упаковывала корзины и коробки, аккуратно приготовила несколько маленьких тарелок со сладостями и поставила в холодильник, чтобы Ханна увидела их на следующий день. Она ходила из кухни к фургону и обратно; основная часть работы была сделана. Теперь ей оставалось позаботиться только о том, чтобы подать еще вина и кофе. Кофейные чашки она соберет позже. Кэти устала до мозга костей. Слава богу, она услышала телефонный звонок. Сестра Нила наконец-то позвонила им. Потом она услышала, как Ханна недоверчивым тоном произносит:

– Кэти? Вы хотите поговорить с Кэти?

Кэти поспешила в холл. Ее свекровь стояла там, держа телефонную трубку так, словно это был переносчик заразных болезней.

– Это тебя, – изумленно сказала она.

Пожалуйста, только не надо плохих новостей из дома, мысленно взмолилась Кэти. Пусть ее мать или отец не заболеют, переев цыплят в пабе. Или это какой-то ужасный звонок из Чикаго, куда так много лет назад уехали все ее сестры и братья...

– Кэти! – произнес Том. – Я нашел это!

– Нашел что? – спросила она, неуверенная, стоит расслабиться от облегчения, поскольку это не были плохие новости, или разозлиться из-за того, что он позвонил ей сюда.

– Помещение! – пояснил он. – Я нашел место, где обоснуется «Алое перо»!^[1]

Глава 1. Январь

В разных домах Новый год начался по-разному.

Том Фезер проснулся в Стоунфилде с болью в плечах и застывшей шеей... Кресло оказалось не слишком удобным. Он достал из холодильника апельсиновый сок, липкой лентой прикрепил к стакану цветков и напрямиком отправился в спальню.

– С Новым годом, самая красивая, святая и великодушная женщина в мире! – воскликнул он.

Марселла проснулась и потеряла глаза:

– Я не святая и не великодушная. Я ужасно зла на тебя.

– Но ты не станешь отрицать, что ты красивая, а я полностью простил тебя, – радостно сообщил он.

– О чем ты? Меня не за что прощать! – Она откровенно негодовала.

– Совершенно верно, а потому мы больше не станем об этом говорить. На самом деле я должен тебя поблагодарить, так как прошлой ночью нашел помещение.

– Ты – что?

– И все это благодаря тебе: если бы ты не вела себя так плохо и не вынудила меня уйти с вечеринки, я бы никогда не нашел то место. Я отведу тебя туда, как только ты выпьешь этот красивый изысканный напиток, который я для тебя приготовил, и...

– Если ты хотя бы на мгновение подумал, что я выскочу из постели и...

– Ты абсолютно права. Я и минуты не думал о таком. Как раз наоборот, я подумал: а не прыгнуть ли в постель? Воистину потрясающая идея!

Говоря это, он уже стягивал с себя помятую одежду.

В доме Нила и Кэти в Уотервью зазвонил телефон.

– Это твоя мать. Сообщает, что все гости умерли от сальмонеллы, – сказала Кэти.

– Скорее это какой-нибудь мозгоправ, решивший, что тебя нужно отправить в психушку из-за сильной паранойи, – заявил Нил, ероша ей

волосы.

– Наверное, мы могли бы не отвечать, – с сомнением произнесла Кэти.

– Когда мы такое делали? – возразил Нил, протягивая руку под кровать, где спрятался телефон. – К тому же это может быть Том.

Это был не Том, звонили насчет Джонатана. Нил начал выбираться из постели.

– Скажите им, я уже еду, – говорил он в трубку.

Пока Нил одевался, Кэти сварила кофе.

– Некогда, – возразил он, стоя в дверях.

– Послушай, я налила его в термос. Возьми с собой, сможешь выпить в машине.

Он вернулся, взял термос и поцеловал Кэти.

– Прости, милая. Я очень хотел сегодня утром пойти с тобой и посмотреть то место, ты знаешь.

– Я знаю, но это важнее. Иди.

– Ничего не подписывай и ни на что не соглашайся, пока мы не найдем кого-нибудь, кто во всем разберется.

– Да, мистер Адвокат, ты знаешь, я не стану этого делать!

– И к тому же у меня есть адрес на тот случай, если дело закончится быстро и я смогу поехать прямо туда.

– Быстро не кончится, Нил, это же на весь день. Иди и спаси его, пока не поздно.

Кэти наблюдала за Нилом из окна. Когда он поставил термос на замерзшую землю, чтобы открыть дверцу машины, то сообразил, что Кэти видит его, и помахал ей рукой. Джонатану повезло, что Нил Митчелл был на его стороне. Нил мог вцепиться в дело, как пес в косточку, и точно так же он бы нашел коллегу для изучения правовых документов того места, которое наконец-то идеально им подходило.

Джей Ти и Маура Фезер проснулись в «Фатиме», маленьком доме из красного кирпича на тихой улице. Прежде это были коттеджи для рабочих, но Фезеры с неодобрением заметили, что их стали покупать ультрамодные молодые люди. А это привлечет в их район грабителей.

– Не думала, что мы проживем еще год, Джей Ти. Должно быть, Господь приберег нас для какой-то цели, – сказала Маура, высокая худая женщина с длинным грустным лицом, с постоянным

выражением печальной Мадонны, склонившейся под тяжестью греховности мира.

Ее муж был крупным и широкоплечим, закаленным годами тяжелой физической работы на стройках. Его потрепанное временем лицо всегда выглядело так же печально, как лицо жены.

– На самом деле мы не такие уж старые, но я понимаю, что ты имеешь в виду, – согласился с женой Джей Ти.

Он включил машину для заваривания чая между их кроватями. Подарок Тома. Маура считала, что хлопот с ней больше, чем пользы – нужно регулярно мыть и приносить свежее молоко, – но достаточно удобно, так как не надо спускаться в холодную кухню.

– Еще один год, и никаких признаков того, чтобы кто-нибудь из них захотел отказаться от своего бизнеса, – тяжело вздохнул Джей Ти.

– Или наконец вступить в брак, как велит Господь, – фыркнула Маура.

– Ох, брак – это совсем другое дело! – заявил Джей Ти. – Каждый может жениться или не жениться, но у других парней из этого района нет готового бизнеса, в который можно войти, однако Джо шьет платья для девиц в Лондоне, а Том печет пирожки и пирожные. Это может свести в могилу раньше времени.

Маура ненавидела, когда муж бледнел от тревоги.

– Я постоянно твержу, чтобы ты думал о своем давлении и не волновался так из-за него, – предостерегла она. – Он, как все молодые люди, просто ищет себя. Только подожди, пока он не обзаведется парой детишек, тогда быстренько прибежит и поинтересуется, нельзя ли ему войти в дело.

– Может, ты и права, – кивнул Джей Ти, но в душе не верил, что когда-нибудь услышит от одного из своих сыновей просьбу разместить над его строительной фирмой вывеску «Фезер и сын».

Матти Скарлет проснулся внезапно. Прошлой ночью случилось что-то хорошее, но он не мог вспомнить, что именно. Потом все вернулось. Он вытащил какую-то лошадь на розыгрыше лотереи в пабе. Вот и все. Большинство людей были бы довольны этим. Но Матти, бывший серьезным игроком на ставках, в подобных вещах не имел ни навыков, ни знаний.

Ты просто покупаешь лотерейный билет, а потом двадцать один человек получает какую-нибудь лошадь, причем ты даже не можешь выбирать. Матти досталось нечто по кличке Счастливица. О ней ничего не было известно, полный аутсайдер, может, даже на трех ногах. Лиззи совершенно этого не понимала. Она просто была рада за него, сказала, что он получит удовольствие от бегов, не тратя на лошадь недельного жалованья.

Бедная Лиззи. Не стоило и пытаться объяснить ей что-либо о лошадях. И она была совершенно уверена, что ничего из того, что она зарабатывает, не попадает к букмекеру. Но нужно быть честным, она всегда ставила на стол еду и не требовала от него всего его пособия по безработице. Матти уже давно не работал. У него болела спина. Но не настолько, чтобы он не мог встать с постели и принести Лиззи чашку чая. Ей же попозже нужно было идти в чужие дома, убирать и наводить порядок в канун Нового года. Лиззи служила большой поддержкой всем им, детям в Чикаго и Кэти. Матти улыбнулся себе под нос, как он часто делал, думая, ловко же их Кэти подловила Нила, сына и наследника «Дубков», гордость и радость Ханны Митчелл. Даже если бы ему не нравился Нил, Матти все равно был бы сверх меры рад этому браку. Просто увидеть жесткое, полное ненависти лицо Ханны на свадьбе было достаточной мезью за все, через что бедной Лиззи пришлось пройти в доме Митчеллов. Но сам Нил – так уж вышло – оказался отличным парнем. Вам не найти лучшего за целый месяц свободных поисков. Какие странные вещи иногда случаются, говорил себе Матти, отправляясь готовить чай.

В «Дубках» проснулись Джок Митчелл и Ханна.

– Ну... – угрожающе начала Ханна. – Ну, Джок, уже завтра. Ты сказал, что решишь все завтра.

– Черт, прием был так хорош! – простонал Джок. – Я это чувствую скорее не всем существом, а болью в левой части головы.

– Не удивляюсь, – отозвалась Ханна. – Но сейчас не время говорить о твоём похмелье. Мы говорим о тех детях. Они не останутся в доме еще на одну ночь.

– Не торопись! – умоляюще произнес Джок.

– Я и не тороплюсь. Я была весьма терпелива, когда вы с Нилом заявили вчера, что дети должны остаться. Я была просто святой! И не

переломала им кости, когда увидела, что они натворили. Тот жакет Эйлин невозможно отчистить, видишь ли, просто невозможно. Бог знает, чем они его перемазали...

– Вот и хорошо, что не отчистить. Она в нем выглядит как серая мышь, – простонал Джок.

– Ты достаточно сделал для Кеннета за многие годы...

– Не в этом дело.

– В этом.

– Нет, не в этом, Ханна. Куда еще они могли отправиться? Они дети моего брата. А он, похоже, совсем их забросил. – Джок поморщился от боли.

– Это уж слишком! – воскликнула Ханна. – К тому же они очень грубые, оба. Никаких извинений. Заявляют, что я сама сказала, будто они могут занять любую комнату, и они выбрали эту. Достаточно, чтобы выставить любого на посмешище, а ведь предполагалось, что это будет праздничный прием, веселье!

– А ты не слишком потворствуешь себе?

Джок питал слабую надежду на то, что у Ханны тоже может быть похмелье, что сделает ее терпимой к «Кровавой Мэри» за завтраком.

– Кто-то же должен присматривать за всем, – фыркнула Ханна.

– Ладно, но разве Кэти не организовала все очень хорошо? Я слышал много похвал...

– Да что мужчины знают о том, как все должно быть?

– Она оставила все блестящим, словно новенький пенни! – Джок попытался защитить жену сына.

– Да, по крайней мере одна из наук, которым я обучила ее бедную мать, дала со временем плоды.

Ханна просто не могла сказать о Кэти что-нибудь хорошее. Джок сдался. Есть вещи, ради которых не стоит сражаться, в особенности при такой боли в голове.

– Верно, – согласился он, чувствуя, что в каком-то смысле предает трудолюбивую девушку.

Но Кэти лучше других поняла бы, что с Ханной легче идти по линии наименьшего сопротивления.

– А под конец она просто сбежала, поскольку ей позвонили посреди ночи из-за какого-то помещения для этой ее безумной затеи.

– Я понимаю, глупо, – произнес Джок Митчелл, вставая, чтобы принять что-нибудь от головной боли, и чувствуя себя Иудой.

Джеральдина была на ногах с семи утра. Она оказалась в одиночестве в плавательном бассейне Гленстара. Обычно здесь собирались человек шесть постоянных жильцов, обожавших этот благоустроенный бассейн, но новогодняя ночь внесла свои изменения. Джеральдина, как всегда, проплыла двенадцать раз туда и обратно, вымыла волосы и отправилась готовиться к большому благотворительному ланчу. Она посоветовала организаторам устроить ланч первого января, поскольку в этот скучный день люди стремятся восстановить свои силы в компании. И действительно, на приглашение откликнулось удивительно много людей. Так что она умно поступила, уйдя пораньше с вечеринки у фотографа. Там все равно не оказалось никого, с кем ей интересно было бы поговорить, к тому же большинство гостей были моложе ее. Джеральдина тихонько ускользнула еще до полуночи. Она видела Тома Фезера и его головокружительную подругу, но не смогла до них добраться, чтобы поздороваться. Кэти и Нил также были приглашены, но Кэти, конечно, обслуживала вчера прием у Митчеллов. Джеральдина надеялась, что там все прошло хорошо и у Кэти была возможность завязать полезные знакомства. Кэти терпеть не могла Ханну Митчелл, а потому было по-настоящему важно, чтобы новогодняя ночь принесла ей хоть какой-то успех в деловом смысле. Джеральдине также хотелось, чтобы Кэти с Томом поскорее нашли помещение. Она согласилась дать им заем, когда придет время, как и Джо Фезер, довольно неуловимый старший брат Тома. Все они старались найти такое место. И тогда храброй, отчаянной Кэти не пришлось бы наклеивать на лицо улыбку и трудиться в кухне ее свекрови, которую ненавидела со всей страстью. Одной из выгод одиночества было как раз то, что не приходилось иметь дело со свекровью, думала Джеральдина, наливая себе еще кофе.

В другой части Гленстара проснулась Шона Бёрк и задумалась о предстоящем годе. Многие женщины двадцати шести лет проснулись бы сегодня, чувствуя рядом тепло другого тела. Вообще-то, Шону уже тошнило оттого, что люди постоянно интересовались, когда она

собирается остепениться. Это было так назойливо! Шона не стала бы задавать людям вопросы: почему у них нет ребенка или когда они собираются удалить волосы на лице? Она никогда не допытывалась, почему кто-то водит машину, которая разваливается на части, или не расходится с супругом, который явно ни на что не годен. Так почему они имеют наглость, не стесняясь, спрашивать ее, почему она не замужем?!

– Возможно, потому, что ты выглядишь слишком крутой и слишком успешной. Парни просто не рискуют заговорить с тобой или проводить до дома, – желая помочь, предположила как-то одна из коллег Шоны.

Прошлой ночью на вечеринке у Рики нашлось множество таких, кто мог бы и поговорить с ней, и отправиться вместе с ней в Гленстар. Вообще-то, она даже получила одно весьма откровенное предложение и два намека. Но это были не те люди, которые задержались бы надолго. Не те, кому она могла бы довериться или на кого положиться. А Шона Бёрк была не из тех, кто легко доверяет. Скоро она встанет, отправится в Дун-Лэаре, чтобы немножко погулять там с соседской собакой, потом вернется и будет готовиться к благотворительному ланчу. Поскольку она считалась лицом «Хейвордса», ее часто приглашали на такие мероприятия. «Хейвордс» был известным универмагом в Дублине. Он пережил разные перевороты, переделки и испытания временем. И сегодня он давал ей шанс надеть новый наряд, купленный на распродаже в «Хейвордсе». Глупо иметь в двадцать шесть лет столько чудесной одежды и не иметь мест, куда можно ее надеть.

– Нил, есть время поговорить?

– Вообще-то, нет, отец. Мы тут как раз кое-чем заняты...

– Вот и мы тоже. Мы заняты теми двумя детьми, которые разносят дом по кирпичику.

– Нет, я имел в виду, что дело по-настоящему серьезное. Я сейчас не могу говорить о Мод и Саймоне.

– Но что нам делать?

– Отец, мы будем за ними присматривать, все очень просто. Мы тебе поможем, мы с Кэти, но сейчас извини меня.

– Но, Нил...

– Я должен идти.

Джок Митчелл устало повесил трубку. Близнецы распаковали все десерты, оставленные Кэти в холодильнике, и съели их на завтрак. Саймона вырвало. На ковер.

В выходящей окнами в сад квартире в Ратгаре Джеймс Бирн уже встал и сидел за своим письменным столом. Шесть месяцев назад он вышел на пенсию, но продолжал жить прежними привычками. Завтрак, состоявший из вареного яйца, чая и тоста, десять минут на минимальную уборку трехкомнатной квартиры, потом вторая чашка чая и двадцать минут за письменным столом. Это было полезно, когда он работал в большой бухгалтерской фирме. Проясняло голову, определяло порядок дел, перед тем как он шел в офис. Теперь, конечно, никаких приоритетов в делах не было. Ему не нужно было решать, следует ли возразить против какой-то схемы налогов под тем предлогом, что это похоже на уклонение от уплаты. Другие, более молодые люди принимали теперь решения. Дел оставалось все меньше и меньше, но он всегда мог что-нибудь найти. Он мог обновить подписку на журналы или заказать какой-нибудь каталог. К его удивлению, вдруг зазвонил телефон. Джеймсу Бирну вообще мало кто звонил, и, уж конечно, он не ожидал звонка в десять утра в первый день Нового года. Это оказалась какая-то девушка.

– Мистер Бирн? Я слишком рано позвонила?

– Нет-нет. Чем я могу вам помочь?

Голос был молодым и очень взволнованным.

– Это насчет помещения, мистер Бирн, мы заинтересованы в нем больше, чем вы можете поверить. Есть ли какая-нибудь возможность встретиться с вами сегодня?

– Помещение? – Джеймс Бирн растерялся. – Что за помещение?

Он выслушал ее объяснение. Это было старое здание типографии Магуайров, куда они не входили после несчастного случая. Бирн знал, что они впали в апатию и депрессию. Они не желали слушать никакие советы. И теперь, похоже, они вообще исчезли, оставив объявление о продаже на двери и номер телефона Джеймса Бирна. За долгие годы Джеймс научился тому, что никогда не должен перекладывать собственные тревоги или растерянность на клиента.

– Дайте мне выяснить, смогу ли я их найти, мисс Скарлет, – сказал Джеймс. – Я перезвоню вам в течение часа.

Кэти осторожно положила телефон и огляделась. Она была в квартире Тома, где маленькая группа людей внимательно прислушивалась к каждому слову разговора. Том, наклонившийся вперед, как всегда делал ее отец, слушая радио, если хотел узнать, кто победил на бегах. Марселла в старой розовой рубашке Тома и черных джинсах; темные глаза и облако черных волос все больше и больше делали ее похожей на топ-модель, которой она хотела стать. Джеральдина, свежая и элегантная, уже одетая для светского ланча, но все же нашедшая время присутствовать при важном телефонном звонке и узнать, что он может им дать.

– Он не агент по недвижимости, он бухгалтер. Знает этих людей, владельцев, и перезвонит нам в течение часа, – сообщила Кэти с сияющими глазами.

Они с трудом могли в такое поверить.

Казалось, прошло уже три часа, но Джеральдина заявила, что прошло всего тридцать шесть минут. Потом прозвенел звонок. На этот раз ответил Том. Джеймс Бирн, бывший бухгалтер, связался со своими друзьями в Англии. Они сказали, что действительно намерены все продать. Они решили это еще до Рождества и вчера уехали в Англию. Джеймса Бирна попросили все устроить. Причем как можно скорее. Кэти недоверчиво посмотрела на Тома. Это происходило на самом деле. Именно о таком месте они мечтали. И они были первыми потенциальными покупателями, причем совершенно случайно. Том думал то же самое.

– Нам очень повезло, что вы готовы заняться всем для нас, мистер Бирн, и если вы позволите объяснить...

Голос в трубке перебил его:

– Вы, конечно, понимаете, что я в первую очередь позабочусь об интересах Магуайров, владельцев. Их будет представлять какой-то юрист, аукционист, и я постараюсь добиться для них как можно более высокой цены.

– Да, конечно, – слегка остыл Том.

– Но я вам весьма благодарен, мистер Фезер, за то, что обратили на это мое внимание, иначе могло пройти еще несколько дней...

Джеральдина написала что-то на обратной стороне пустого конверта и показала Тому.

– А как вы думаете, можно нам осмотреть здание изнутри? – спросил Том.

Последовала пауза.

– Безусловно, – наконец ответил его собеседник. – Никаких проблем. Вообще-то, Магуайры очень хотят знать, кто так быстро обнаружил их объявление. Они ведь повесили его только вчера, перед тем как поехали в аэропорт.

– Вчера? – изумился Том. – Но похоже на то, что здание давно заброшено.

– Так и есть. У этой семьи были большие проблемы.

– Извините... А вы их друг?

– В некотором роде. Когда-то я делал для них одну работу. Они доверяют мне.

Это прозвучало отрезвляюще. Том решил, что лучше вернуться к разговору об осмотре. Тут мистер Бирн откашлялся:

– Давайте встретимся через час.

Город еще частично спал, но Джеймс Бирн уже бодрствовал. Маленький, очень аккуратный, одетый в темно-синее пальто и перчатки, с шелковым шарфом, повязанным на шее, это был мужчина лет шестидесяти, которого вполне могли бы пригласить на роль обеспокоенного банковского менеджера или озабоченного политика в каком-нибудь фильме. Он официально представился и каждому пожал руку, словно они находились в офисе, а не стояли на лютом холоде первого дня года перед ветхой типографией. Сначала Кэти понравилось, что мистер Бирн снял с двери курьезную картонку с объявлением, неодобрительно отозвавшись о ее любительском виде, но потом он еще раз объяснил, что, конечно же, будет организована открытая продажа, возможно, даже через аукцион. Значит, его могли перехватить. Кэти и Том каким-то образом чувствовали, что мистер Бирн не намерен рассказывать им о Магуайрах и о том, какие несчастья или проблемы обрушились на них. Да и не время было расспрашивать.

Они с любопытством вошли внутрь. Это место могло стать новым домом «Алого пера». Первым домом.

Всю его среднюю часть можно отдать под главную кухню. Вон там разместить морозильную секцию, здесь – туалет для штата и душевую, а тут – устроить кладовую... В маленькой комнате можно организовать приемную для встречи с клиентами. Это было почти идеально, здесь имелось все, на что они надеялись. Но помещения были отчаянно ветхими и запущенными. Может, другие не сумеют оценить потенциал этого здания. Кэти только тогда осознала, что сжала руки и закрыла глаза, когда услышала, как откашливается Джеймс Бирн. Его, похоже, беспокоило, что Кэти выглядит чересчур счастливой, чересчур уверенной. Нужно его успокоить, решила она.

– Все хорошо, Джеймс, я понимаю, что здание пока не наше, что это лишь первый шаг очень долгого путешествия. – Она тепло улыбнулась Бирну.

Уже добрых сорок пять минут они разговаривали с ним, постоянно называя его мистер Бирн. Он был незнакомцем, вдвое старше их, а она назвала его Джеймсом. Кэти почувствовала, как слегка порозовели ее щеки. Но она точно знала, почему так поступила: подсознательно это было частью ее желания никогда не чувствовать себя стоящей ниже, никогда не пресмыкаться и не попрошайничать. Но возможно, на сей раз она слишком поспешила. Кэти решительно посмотрела на Бирна, надеясь, что он не обидится. Джеймс Бирн улыбнулся в ответ:

– Путешествие может оказаться и не слишком долгим, Кэти. Магуайры очень хотят, чтобы все поскорее закончилось, им хочется быстрой продажи. И дело может пойти намного быстрее, чем все вы думаете.

Кэти не пошла домой. Ей не хотелось сидеть в одиночестве, когда ее ум был перевозбужден, а других мест, где ей хотелось бы оказаться, было не слишком много. Тому и Марселле наверняка надо какое-то время побыть наедине. На Сент-Ярлат-Кресент придется выслушивать подробные описания ночи в пабе, тогда как Кэти хотелось рассказать о волнующих событиях в ее жизни. И невозможно было оказаться даже рядом с «Дубками». В том большом доме как раз в этот момент, скорее всего, бушевала ужасная война. Чужие детишки, с их серьезными

личиками и полным пренебрежением к чужой собственности или чувствам, могли уже разгромить весь дом. Кэти прекрасно знала, что рано или поздно они с Нилом будут вынуждены принять какое-то участие в их судьбе, но пока куда умнее держаться подальше от «Дубков».

Ханна Митчелл наверняка звонит своим друзьям, смеется и стонет или жалуется мужу на то, что их дочь так и не позвонила из Канады. Ханна могла пока не заметить аккуратно закрытые тарелки в холодильнике, на которых были наклейки: «цыпленок», «овощи», «десерты». Кэти знала, что ее никогда за это не поблагодарят. Это не входило в условия любой сделки со свекровью. В лучшем случае она могла надеяться на то, что Ханна Митчелл оставит ее в покое.

Нет, не так. Куда лучше было бы, если бы ее свекровь провалилась в канализационный люк. Кэти волновалась, ей нужно пройтись, освежить голову. Она обнаружила, что едет на юг, из города, к Дун-Лэаре и морю. Она припарковала машину и пошла по длинному пирсу, обхватив себя руками для защиты от ветра. Многие жители Дублина, страдающие похмельем, похоже, также решили совершить такую прогулку и ждали времени ланча, чтобы утолить жажду. Кэти тихо улыбалась; должно быть, она оказалась здесь самой серьезной и воздержанной особой. Полбокала шампанского в полночь, и ничего более. Даже ее мать, утверждавшая, что вообще не пьет, встречая Новый год, выпила три порции горячего виски. И наверное, не стоит размышлять о том, сколько пинт принял ее отец. Но среди гуляющих на пирсе в первый день Нового года не было никого, кто был бы так же взволнован, как Кэти Скарлет. Она собирается открыть собственное дело. Она будет работать на себя. Станет совладельцем того, что должно иметь огромный успех. И впервые с тех пор, как все началось, Кэти осознала, что это не просто мечта.

Они нарисуют на фургоне логотип, будут каждое утро приходить в этот забавный переулок, над дверью появится их вывеска. Ничего резкого или крикливого, что будет выглядеть странным в таком районе. Возможно, даже из кованого железа? Они с Томом уже договорились покрасить две двери в сочный алый цвет. Но пока рано было разыскивать причудливые дверные ручки и молоток. На этом этапе нельзя тратить деньги на воображаемые детали. Они уже много раз подсчитывали, сколько могут себе позволить. Они не должны потерять

свой бизнес до того, как он вообще начнется. Один из гостей на вчерашнем приеме Митчеллов владел большой фирмой канцелярских товаров. Возможно, Кэти могла бы обратиться к нему насчет печати буклетов и визиток. Не то чтобы они в этом очень нуждались, но таким образом могли напомнить тому человеку и его весьма светской жене об их существовании.

Нужно будет сделать миллион разных вещей. Как же им дожидаться решения тех незнакомых людей, которые явно просто бросили неудачный бизнес и, не оставив никаких распоряжений насчет оборудования и прочего, исчезли в одну ночь? И если бы не спокойные манеры Джеймса Бирна, Кэти могла бы испугаться, что они имеют дело с сумасшедшими, которые могут бесконечно тянуть с совершением сделки. Но в том человеке было нечто успокаивающее. Нечто такое, что заставляло вас чувствовать себя в безопасности и в то же время держало на расстоянии. Ни она сама, ни Том так и не решились спросить у него, где он живет или какую компанию представляет. У них был лишь его телефон с того странного объявления, но Кэти знала, что ни она, ни Том не отважатся ему позвонить и поторопить. Им придется ждать новостей. А он безупречно вежливым, но не слишком выразительным тоном сообщил им, что уверен: это будет скорее раньше, чем позже. Кэти гадала: вернулся ли он домой, где жена приготовила ему ланч? Или он поведет семью в ресторан? Возможно, у него нет семьи, он холостяк и сам заботится о себе. Он выглядел все-таки слишком ухоженным: лакированные ботинки, отлично отглаженный воротник рубашки... Может понадобится вечность, чтобы разузнать что-нибудь о нем. Но после того, как Джеймс Бирн познакомит их со странными ускользящими Магуайрами, они, пожалуй, могут больше его и не увидеть. И все же Кэти должна как-то добыть его адрес, чтобы, когда «Алое перо» начнет свою деятельность, она могла бы сказать ему, что именно он стоял у самых истоков... Они *должны* иметь успех, Кэти это знала. Ведь не потратили же они два года на планирование, чтобы все закончилось провалом, как утверждает статистика новых фирм.

И Кэти Скарлет, деловая женщина, сможет устроить своей матери шопинг, а потом отвести на ланч в шикарный ресторан. И тогда ее всепоглощающее желание убить Ханну Митчелл должно пройти. Она сможет относиться к ней как к еще одному обычному и даже жалкому

представителю рода человеческого. Тому Фезеру отчаянно хотелось преуспеть по его собственным причинам, а Кэти хотела этого еще больше по своим соображениям. Да, все очень сложно, признала Кэти. Некоторые причины они едва ли смогли бы объяснить банку, Джеральдине и даже иногда Нилу. Существовало общее мнение, что жизнь могла стать намного надежнее, если бы Кэти Скарлет отдала свои таланты, работая на кого-нибудь другого. Чтобы кто-нибудь другой принял на себя все риски, платил по счетам, сталкивался с возможными потерями. Обычно, но не всегда, Кэти даже могла представить, что ее страсть, энтузиазм и полнейшая убежденность совершенно разумны и практичны. Кэти, набравшей полную скорость, трудно было сопротивляться.

Но иногда бессонными ночами она сомневалась в себе. Раз или два, рассматривая все возражения, она гадала, смогут ли вообще они с Томом пробиться на рынок. В конце долгих рабочих часов в одном из ресторанов Дублина она иной раз испытывала соблазн просто пойти домой и понежиться в ванне, вместо того чтобы провести пару часов с Томом, стараясь разобраться, во сколько им обойдется покупка продуктов, как им самим приготовить это лучше, как красиво украсить блюдо и обслуживать как можно быстрее.

Однако прошлой ночью, когда она увидела то здание, и сегодня, когда поняла, что они могут его получить, Кэти уже не сомневалась. Она улыбнулась себе со всей уверенностью мира.

– Ну, есть хоть кто-то, кто все же отлично встретил Новый год, – произнес чей-то голос.

Это была Шона Бёрк, очень красивая молодая женщина, возглавлявшая в «Хейвордсе» отдел кадров, или как там это называлось. Всегда спокойная и уверенная, она была подругой Марселлы и Тома и очень помогала им находить заказы. Ее тащил за собой рыжий сеттер, желавший найти других собак или полаять на море – что угодно, кроме еще одного скучного разговора с человеческими существами.

– С чего вдруг ты так подумала? – засмеялась Кэти.

– В сравнении с теми, кого я тут встречала, ты просто сияешь! Все они навсегда отказались от спиртного, или их бросила настоящая любовь, или они не могут вспомнить, куда им следует пойти на ланч.

– Они еще и не начали познавать трудности... Они не обслуживали прием у Ханны Митчелл. – Кэти сделала большие глаза.

Шона должна была знать жуткую Ханну, неизменную посетительницу показов мод и вечеров для особых покупателей в «Хейвордсе».

– Но ты все еще жива и улыбаешься.

– Я не из-за приема улыбаюсь, уж поверь мне. Вы не продаете в своем универмаге какие-нибудь не оставляющие следов яды? И кстати, где *ты* была прошлым вечером?

– На вечеринке у Рики. Встретила там Марселлу и Тома... Ну... Том довольно быстро ушел.

Кэти немного помолчала. Ей хотелось рассказать Шоне их новость, но они договорились: никому ни слова, пока не появится нечто, что действительно следует знать. Джеральдина и Марселла согласились помалкивать, так что и Кэти не должна ничего говорить. И точно так же не следовало спрашивать, почему Том не задержался на вечеринке.

– А какая там была еда? – вместо этого спросила Кэти.

– Не слишком хорошая. Том практически попробовал всего понемножку.

– Извини. Ну да, мы с ним такие скучные.

– Ничего подобного, а еда, по правде говоря, была паршивая. Но я попросила у Рики рекламный буклет, я пришлю его тебе, а еще спросила, сколько он заплатил, и ты просто изумишься...

– Изумлюсь в хорошую сторону или в плохую?

– В хорошую, полагаю... Я же знаю, что вы двое могли бы сделать на такие деньги... Извини, это животное готово вот-вот затащить меня в залив...

– Оно ведь не твое. Разве ты смогла бы держать собаку таких размеров в квартире в Гленстаре?

– Ну да, я просто взяла ее на время, чтобы выводила меня на прогулку перед ланчем.

Кэти вдруг поняла, что совсем ничего не знает о личной жизни Шоны Бёрк. Наверное, в наши дни все чересчур стараются *иметь* эту личную жизнь. Или, скорее всего, они слишком стараются найти время для того, чтобы порассуждать о чужой личной жизни.

– Клянусь, я изо всех сил стараюсь найти вам подходящее место! Но поверь, вы его найдете тогда, когда будете меньше всего ожидать.

Кэти ощутила легкое желание поблагодарить Шону. Но обещание есть обещание. Она смотрела в лица проходящих мимо. Некоторые люди и за миллион лет не стали бы их клиентами, но другим вполне могло раз-другой в жизни понадобиться «Алое перо» – в день рождения, в честь окончания учебного заведения, или свадьбы, или юбилея, встречи старых друзей... даже по поводу похорон. Люди давно уже не думали, что такого рода обслуживание существует только для богатых и знаменитых. Они давно отказались от образа суперженщины и не притворяются, будто все приготовили сами, одновременно работая, присматривая за детьми и наводя порядок в доме. Вообще-то, нынче считалось, что ты умен, если способен найти кого-нибудь, кто сделает за тебя часть работы. Некоторым из тех, кто гуляет по утрам и смотрит на волны, вполне можно отправить те рекламные буклеты, которые они с Томом вскоре подготовят. Бойкая пара с двумя спаниелями могла бы заказать вечеринку в честь выхода на пенсию или тридцатой годовщины свадьбы. Хорошо одетой женщине, выглядевшей такой подтянутой, могла бы понадобиться организация ланча для друзей по гольфу. А вон тем двоим, что держатся за руки, они с Томом могли бы устроить вечеринку с выпивкой в честь помолвки. Даже мужчина с красными глазами и бледным лицом, тщетно надеявшийся, что свежий воздух сотворит чудеса с тем ущербом, который он причинил самому себе прошлой ночью, может оказаться старшим менеджером, искавшим фирму, способную обеспечить корпоративное гостеприимство.

Возможности были бесконечны. Кэти с удовольствием обхватила себя руками. Ее отец обычно говорил, что жизнь прекрасна и настолько длинна, насколько у тебя хватит сил. Ну, не то чтобы ее отец слишком для этого старался. Он и не ходил никуда, кроме как к Сэнди Кину или в букмекерскую контору Хеннеси. Бедный папа! Он бы просто в обморок упал, узнай, сколько они с Томом собирались заплатить за помещение... А ее мать побелела бы. Маме еще предстояло примириться к концу жизни с тем, что каким-то образом дочь простой уборщицы сумела поймать в капкан единственного сына великой Ханны Митчелл. Это ведь было страшное преступление – в тысячу раз страшнее, чем взять получасовой перерыв, для того чтобы

выпить чашку чая, перекурить и посмотреть по телевизору короткую викторину. И в этом мать не менялась. Поначалу Кэти пыталась заставить двух женщин встретиться по-светски, но это оказалось слишком болезненно. Каждый раз, когда их приглашали в «Дубки», ее мать вскакивала из-за стола, чтобы убрать посуду, и у Кэти руки непроизвольно сжимались в кулаки. В конце концов она прекратила эти попытки. Нил же относился ко всему спокойно и с безразличием.

– Послушай, ни один нормальный человек не мог бы поладить с моей матерью. Не заставляй свою несчастную мать делать то, что ей ненавистно. Предоставь своей семье жить по-своему, не тащи их в наш дом.

Матти и Лиззи были желанными гостями в доме Кэти и Нила, как и любые молодые адвокаты, политики, журналисты и защитники гражданских прав, которые то и дело появлялись там. Нил и сам время от времени навещал родителей Кэти. Он умел найти тему, интересную для них обоих. Однажды он привел к Скарлетам молодого человека, которого его собственная мать назвала бы бездельником и цыганом, но которого Нил называл путешественником. Нил только что успешно защищал этого парня, обвиненного в краже лошади, и пригласил его отпраздновать это и выпить по пинте пива. Парень робко сказал, что таких, как он, обычно не приветствуют в пабах, а когда убеждения не помогли, Нил заявил, что тот должен познакомиться с его тестем: они могут выпить пива и поговорить о лошадях. Матти Скарлет никогда этого не забывал, он, должно быть, тысячу раз рассказывал Кэти о том, как был рад помочь Нилу развлечь его заключенного. Отец Кэти всегда называл клиентов Нила заключенными.

Постепенно ее мать стала слегка расслабляться, когда Нил приходил их навестить. Если она начинала суетиться, меняя ему остывший чай, или пришивая пуговицу к пальто, или, как в одном из самых ужасных случаев, предлагая почистить ему ботинки, он просто вежливо уклонялся от этого без каких-либо споров, которые могла бы начать Кэти. Нил находил все это совершенно нормальным. Он не видел ничего странного в том, что ест вареный бекон в скромном коттедже на Сент-Ярлат-Кресент с тещей, бывшей уборщицей, и ее вечно больным мужем. Нила все интересовало, и потому с ним было легко разговаривать. Он не выказывал никаких признаков яростной оборонительной позиции, что вечно была присуща Кэти. Для него тут

не было ничего особенного. Хотя, как сотню раз говорила себе Кэти, это было не так. Но ее свекровь находила все гротескным и абсурдным. Кэти выбросила ее из головы. Она должна вернуться в Уотервью и ждать возвращения Нила.

Их дом под номером семь в Уотервью можно было описать как таунхаус. Глупое название, которое лишь добавляло несколько тысяч фунтов к цене маленького домика с двумя спальнями и крошечным садиком. Здесь построили тридцать таких домов для людей вроде Нила и Кэти, молодых и пока бездетных пар, причем оба супруга работали. Они могли добираться до работы пешком или на велосипеде. И это было идеально для Нила и Кэти и еще двадцати девяти подобных семей. А когда приходило время продавать дом, появлялось множество желающих занять их место. Это было хорошим вложением, если верить отцу Нила Джоку Митчеллу, который знал о вложениях все.

Ханна Митчелл никак не высказалась об Уотервью, если не считать тяжелых вздохов. Ей в особенности не нравилось отсутствие столовой. Кэти сразу решила, что эта комната должна быть кабинетом, поскольку они вполне могли есть и в кухне. Три стены в кабинете были заставлены книжными полками, а одно окно – с обещанным видом – выходило на воду. В комнате стояли два стола, покрытые зеленым сукном, и Ханна с Нилом работали там вместе допоздна. Кто-нибудь из них мог пойти сварить кофе, а позже другой мог решить, что пора открыть бутылку вина. Это было одной из их сильных сторон – возможность работать бок о бок. У них имелись друзья, которые частенько препирались и жаловались на то, что постоянная работа одного или другого не оставляет паре время на развлечения. Но у Кэти с Нилом никогда подобных проблем не возникало. С самого первого дня, когда они познакомились в Греции, когда Нил перестал быть тем высокомерным парнем, чья мать доставляла всем столько проблем, а Кэти перестала быть отродьем бедной миссис Скарлет, у них практически не возникало никаких недоразумений. Нил с самого начала понимал, что Кэти хочется иметь собственный бизнес. А Кэти понимала, что ему хочется определенной адвокатской практики. Для Нила Митчелла не существовало короткого пути, не было определенных часов работы, чего сумел добиться его отец. Нил не делал вид, что может как-то справляться с делами и при этом

проводить время на поле для гольфа или в клубе в Стивенс-Грине. Они с Кэти могли допоздна говорить о подзащитном, у которого не имелось ни единого шанса, потому что все было против него, о том, как доказать, что он, будучи дислексиком, не мог читать и потому просто не понимал тех бумаг, которые ему присылали. Или они могли снова и снова рассчитывать бюджет для «Алого пера», и Нил брал свой калькулятор и складывал, вычитал, делил и умножал. Когда Кэти бывала подавлена, Нил ее утешал и заверял, что один из партнеров его отца, человек, который жил ради денег, может дать совет по поводу каждого шага на ее пути.

Кэти вошла в дом номер семь в Уотервью и села в кухне, единственном помещении, где на стенах висели картины. В кабинете вдоль стен располагались полки с книгами, папками и документами. Коридор и лестница были слишком узкими, и там ничего не было видно, а в двух спальнях наверху встроенные шкафы и туалетные столики занимали все место.

Кэти села за кухонный стол и посмотрела на их коллекцию искусства. Каждая картина здесь была написана кем-нибудь из их знакомых. Рассвет в Греции написал один старик в таверне, где они остановились. Тюремную камеру изобразила женщина, которую обвиняли в убийстве, а Нил смог добиться ее оправдания. Пейзаж с заливом Клу в графстве Мейо принадлежал кисти одного американского туриста, с которым они там познакомились и подружились, когда у него украли бумажник. Прекрасный натюрморт написала одна старая леди в хосписе, у нее даже была выставка за три недели до того, как она умерла. Каждая картина имела свою историю, свой смысл и значение. И для Нила и Кэти не имело значения, были эти работы произведениями искусства или просто хламом.

Звонок телефона в тихом доме прозвучал как сигнал тревоги. И почему-то просто по его звуку Кэти поняла, что разговор предстоит нелегкий.

– Нил дома? – резко спросила ее свекровь.

– Боюсь, он уехал к Джонатану. Они спешили утром на какую-то встречу по поводу его высылки из страны...

– Когда он вернется? – Голос у Ханны был скрипучим.

– Ну, когда закончит дело, только он не знал когда.

– Я позвоню ему на мобильный...

– Он выключает его на встречах, он не может...

– Где бы он ни был, Кэти, он должен немедленно приехать сюда!

– У вас что-то случилось?..

– Воистину случилось. Большая часть потолка в кухне рухнула! – закричала Ханна. – Они оставили открытым кран в ванной, и вес воды... Мне нужно, чтобы Нил забрал отсюда этих детей куда угодно, куда только их можно отправить! У нас нет ни минуты покоя... А что до тебя Кэти, так эти дети съели все те совершенно неподходящие им жирные десерты и заболели! Мне необходимо поговорить с Нилом! Немедленно! – Теперь голос Ханны уже звучал опасно высоко и с дрожью.

– Я не могу ради вас с ним связаться, действительно не могу! Но я знаю, что он скажет.

– Если ты намерена мне советовать, чтобы я успокоилась...

– Он скажет, что мы возьмем их сюда. Это мы и сделаем. – Кэти вздохнула.

– Кэти, а вы можете? – В голосе Ханны прозвучало откровенное облегчение. – Они росли без надзора... Чтобы присматривать за ними, нужны профессионалы, которые постарались бы вернуть их в норму. А я не хочу, чтобы Нил говорил, будто я свалила их на вас...

– Это не так.

– Так. Но сообщи ему, как только сможешь, чтобы он мне позвонил.

Кэти улыбнулась. Она уже знала то, что ее мать называла хорошими манерами Ханны: вам предлагают, вы отказываетесь, даже если предлагают то, что в любом случае произойдет. Кэти набрала номер мобильного Нила и отправила ему сообщение:

Извини, что беспокою по пустякам, но, похоже, близнецы обрушили потолок в «Дубках». Поскорее позвони своей матери. Надеюсь, для Джонатана все складывается хорошо.

Потом она пошла в свободную спальню и приготовила две постели. Близнецы должны были появиться здесь еще до ночи.

Том позвонил и поинтересовался, можно ли взять их фургон.

– Я решил поехать в горы. Я просто не могу думать и говорить о чем-то еще. Боюсь, я довожу Марселлу до безумия. Хочешь поехать? Нил не будет против?

– Он все еще ведет битву за добро. Но мне лучше с тобой не ехать, у нас тут назревает очередной ужастик. Помнишь тех близнецов из ада, которые появились прошлой ночью в «Дубках»?

– Они еще не сожгли дом?

– Может, и сожгли. Но скорее всего, собирают вещи и готовятся перебраться в Уотервью, пока мы разговариваем.

– Кэти, они не могут! – ужаснулся Том. – У вас нет комнаты, не говоря уже обо всем прочем.

– Как будто я сама этого не знаю. Но, как сказал бы мой отец, шансы на то, что мы увидим их здесь сегодня, пятьдесят на пятьдесят.

– И что ты делаешь?

– В основном прибываю все гвоздями. Убираю то, что может разбиться. Ну, знаешь, как обычно.

– Я сейчас проберусь во двор и угоню фургон, – заявил Том.

– Даже не смотри в сторону окон, они могут чем-нибудь в тебя запустить! – засмеялась Кэти.

– Только одно предупреждение, Кэти, и я заткнусь. Не позволяй Нилу забрать их, а потом отправиться спасать мир и бросить их на тебя.

Кэти вздохнула:

– А вот предупреждение тебе: езжай осторожно, мы еще и наполовину не расплатились за этот фургон, а когда ты взволнован, то не смотришь на дорогу и не держишь руль.

– Когда наш бизнес раскрутится, мы купим танк! – пообещал Том.

Кэти приготовила себе еще одну чашку чая и подумала о Томе. Они познакомились в первый день учебы в колледже общественного питания. Том, с его гривой густых светло-каштановых волос, двигался с безыскусной грацией. Его энтузиазм и свет в глазах задавали тон все годы их учебы. Не было ничего такого, что Том Фезер не попытался бы сделать, предложить, выдержать.

Это было время, когда он «одолжил» машину одного из преподавателей, потому что тот оставил ее на уик-энд во дворе колледжа, и Том решил, что они вшестером могут прокатиться в

Голуэй и обратно. К сожалению, в Голуэе они встретили этого преподавателя, и дело обернулось не слишком хорошо.

– Мы пригнали вашу машину на случай, если вы захотите вернуться на ней домой, – бодро заявил Том.

Преподаватель почти поверил ему и чуть не извинился за то, что они проехали напрасно, поскольку у него уже был обратный билет для него и его подруги.

Во время пикников и барбекю Том настаивал, что они должны быть верны своему призванию и сами мариновать шашлыки, тогда как другие довольствовались бы подгоревшими сосисками. Кэти почти чувствовала запах тех ночей, наполненных запахом еды, пряных трав и вина на пляжах Дублина, и зимних вечеров в ветхой квартире, которую Том делил с тремя другими парнями.

Кэти завидовала их свободе, ведь ей каждый вечер приходилось возвращаться на Сент-Ярлат-Кресент, и хотя Магги и Лиззи предоставляли ей достаточно свободы, все равно это было не то, что жить самостоятельно.

– Ты могла бы перебраться сюда, – не раз и не два говорил ей Том.

– И все закончилось бы тем, что я бы бесконечно гладила да подбирала с пола вонючие носки.

– Пожалуй, верно, – неохотно соглашался Том.

Ему всегда хватало подруг, но ни одну из них он не воспринимал всерьез. Он обычно так смотрел на людей, что казалось, будто никого в мире, кроме них, просто не существует. Он интересовался самыми тривиальными вещами, которые ему рассказывали, и никого не боялся. Он был добр к своим довольно сложным родителям, но это не означало, что он пропустит какое-либо веселое мероприятие. Когда их всех пригласили на вечерний прием в одном из больших отелей Дублина, никто из его друзей не смог позволить себе взять напрокат фрак, но у Тома был друг, работавший в химчистке. Это было опасно и волнующе, и по меньшей мере четверо рисковали при этом работой, однако, как бодро заявил Том, никто ничего не потеряет, зато все выиграют.

И с самых первых дней они говорили об «Алом пере». Никакая другая форма кейтеринга ни Тома, ни Кэти не интересовала. В то время как их друзья хотели работать в отелях или на круизных лайнерах, стать знаменитыми шеф-поварами в ресторанах, писать

книги либо выступать по телевизору, Том и Кэти мечтали только о высшем классе обслуживания в домах разных людей. По мере того как богатея Ирландия, они переполнялись уверенностью, что это правильный выбор.

Они вместе работали в ресторанах, чтобы разобраться в том, какая именно еда нравится гостям. Кэти забавляло то, как небрежно Том принимал комплименты и поднятые в его честь бокалы. Даже суровая Бренда Бреннан из «Квентина» иногда говорила, что ей хотелось бы быть на двадцать лет моложе.

Нравился ли он самой Кэти в те дни? Ну да, конечно, в некотором роде. Иное было бы просто невозможно. И из этого могло что-нибудь получиться. Кэти улыбнулась при воспоминании.

Они планировали полететь в Париж самым дешевым рейсом. Составили список ресторанов, которые хотят посетить: несколько, чтобы полюбоваться через окно, один, чтобы осмотреть кухню, потому что там получил работу их однокурсник, и два таких, где они могли бы пообедать.

Прежде они в Париже не были, а потому вечер за вечером обсуждали свою поездку, сдвинув головы над картой города. Когда они приедут в Париж, то пойдут туда, сядут в метро там; этот музей должен быть открыт, а тот закрыт... но, прежде всего, они намеревались изучить еду.

Они не сказали, что в этом путешествии могут стать любовниками. Но это витало в воздухе. Кэти воском удалила волосы с ног и купила очень дорогую кружевную ночную рубашку. Они приготовили все, чтобы отправиться днем в пятницу, но в то утро случилось сразу три события.

Лиззи Скарлет, вешая занавески, упала с лестницы в «Дубках», и ее на «скорой» увезли в больницу.

Тому предложили поработать в уик-энд в «Квентине», потому что их подвел помощник шеф-повара Патрика.

Кэти пригласили на собеседование насчет работы на лето на одной греческой вилле.

Они сказали себе и друг другу, что Париж никуда не денется.

Кэти отправилась на греческий остров, чтобы готовить, и познакомилась с Нилом Митчеллом, гостем виллы, который отложил возвращение домой ради того, чтобы побыть с ней.

А Том встретил Марселлу Мэлон.

И хотя Париж стоял на своем месте, Кэти Скарлет и Том Фезер так его и не посетили.

Иногда Кэти гадала, что могло бы случиться в тот уик-энд. Но если бы даже они с Томом стали любовниками, пусть ненадолго, это было бы трудно забыть, когда они занялись бы как партнеры серьезным бизнесом. А так у них не было истории. Ничего такого, что могло бы вызвать беспокойство у Нила или Марселлы.

Кэти услышала, как в дверном замке поворачивается ключ.

– А где близнецы? – крикнула она.

– В машине, – бодро ответил Нил. – Ты ведь знала, что они явятся, да? Мать сказала, что ты знаешь, но, если честно, я не слишком ей поверил. – Его лицо выглядело так, словно он ожидал возражений. – И ты не против?

– Я этого не говорила. Но ты должен был их забрать. А как Джонатан?

– Похоже на то, что все будет в порядке.

– Отлично!

– Это были общие усилия, работа команды, – сказал Нил, как обычно. – Я приведу близнецов... А ты просто героиня!

– На несколько дней стану... С ними нелегко управиться, так ведь? В «Дубках» все уладил?

– Это невозможно. Перед отъездом они ругались с моей матерью, заявили, что кто-то должен о них заботиться! И это чертовски верно! Бедняжки!

– Так веди их.

Кэти наблюдала за тем, как они входят, бормоча друг другу, что этот дом куда меньше, спрашивая друг у друга, есть ли дети у Нила и Кэти, гадая, имеется ли в спальне телевизор. Кэти заставила себя вспомнить, что им всего девять и что они напуганы. Их бросили отец, мать и брат, а тетя просто выгнала.

– Это ваш последний шанс, – любезно произнесла она, когда Мод и Саймон вошли. – У вас одна маленькая спальня на двоих, без телевизора. И у нас очень строгие правила насчет ваннных комнат, их нужно оставлять чистыми и не переполненными для следующего. Вы должны постоянно говорить «пожалуйста» и «спасибо», но в остальном вам будет неплохо.

Они с сомнением уставились на нее.

– Но еда будет отличной, – добавила Кэти.

– Это уж точно, – согласился Нил.

– Ты на ней женился, потому что она хорошо готовит? – спросил Саймон.

– Или это потом оказалось, что она хорошая повариха? – предположила Мод.

– Меня зовут Кэти Скарлет. Я замужем за вашим кузеном Нилом, так что с этого момента не следует говорить обо мне «она» или «ее», понятно?

– А почему ты не взяла фамилию Нила, если вышла за него? – Мод желала прояснить все до конца.

– Потому что у меня крайне независимый характер и для работы мне нужно мое собственное имя, – пояснила Кэти.

Похоже, это удовлетворило детей.

– Ладно... А можно нам посмотреть комнату? – спросил Саймон.

– Не поняла, – ледяным тоном произнесла Кэти.

Он повторил вопрос, но Кэти по-прежнему смотрела на него вопросительно.

Наконец до Саймона дошло.

– Я хотел сказать, пожалуйста, можно нам увидеть спальню? Спасибо.

Выглядел он бледным и усталым, они оба так выглядели. День был длинным и полным неприятных событий и обвинений. Их родители исчезли, их будущее было неопределенным, мальчика вырвало на ковер в «Дубках», по их вине обвалился потолок в кухне, и им никогда уже не позволят туда вернуться.

– Что ж, пойдете. Я покажу вам, – сказала Кэти.

– Как у тебя дела сегодня? – спросил Нил, когда дети заснули и они смогли наконец поговорить друг с другом, но к этому времени Кэти уже так устала, что просто не могла толком ничего рассказать.

– Это было именно то, что мы искали. Идеальное помещение, идеальное расположение, место для парковки фургона... Но придется подождать. Похоже, надо запастись терпением.

Дни ползли один за другим. Они ждали и ждали. И наконец...

– Мисс Скарлет, это Джеймс Бирн.

– Мистер Бирн?

Они обращались друг к другу официально. Кэти слишком нервничала, чтобы назвать его Джеймсом.

– Я вам говорил, что постараюсь связаться с вами в течение четырех дней, и я весьма доволен, что мне это удалось.

Он на самом деле был крайне доволен собой.

– Большое вам спасибо, но...

– У мистера Фезера автоответчик, а вы сказали, что я могу позвонить любому из вас.

– Пожалуйста, есть новости? – Кэти хотелось накричать на него за его неторопливую и точную манеру говорить.

– Да, я уполномочен действовать от имени семьи Магуайр.

– И?..

– И они готовы принять ваше предложение при условии...

– Они не выставят здание на аукцион... На аукционе они могли бы получить больше.

– Мы с ними это обсудили, и с агентом по недвижимости тоже, но они предпочли бы немедленную продажу.

– Мистер Бирн, и что нам теперь делать?

– Полагаю, вы сообщите мистеру Фезеру, а потом вы оба свяжетесь со своим адвокатом и с банком, а потом мы заключим контракт.

– Мистер Бирн! – перебила его Кэти.

– Да, мисс Скарлет?

– Я люблю вас, мистер Бирн! – мгновенно откликнулась Кэти. – Я люблю вас так, что вы и представить не можете!

И после этого все закрутилось. Слишком быстро. Когда Кэти оглядывалась на первые три дня года, ей казалось, что они едва ползли. Но теперь она поняла, что ни в одном часе не хватало минут, чтобы справиться со всем, что необходимо было сделать. И ей постоянно нужно было одновременно находиться в трех разных местах. Когда она сидела с Джеральдиной и менеджером банка, ей следовало быть с Томом и его отцом у строителей. Когда она готовила четыре яблочных штруделя для миссис Райан, нервной особы, с которой познакомилась в «Дубках», ей следовало пройти медицинское обследование в страховой компании, а когда ей надо было быть у

юриста, обсудить все пункты контракта на продажу, она готовила спагетти болоньезе для Мод и Саймона Митчелл, которые оказались настоящим кошмаром.

И именно в это время ей пришлось заботиться о мальчике и девочке, которых она никогда раньше не видела. Кэти, отлично знавшая всех своих дядей, тетей и кузенов, не успевала даже подумать о том, почему Кеннет и Кей не были частью большой семьи.

– Он не изъявляет желания как-то их поддержать, – сказал Нил. – Говорит, занят бизнесом, только никто не знает толком, каким именно.

– Ты хочешь сказать, он как *мой* отец? Говорит, что ходит на работу, он так называет походы к букмекерам, и встречается с коллегами – это другие игроки, так?

– Нет, не совсем столь прямолинейно, но подозреваю, что, когда он уезжает за границу, она слишком увлекается водкой. Проблема вот в чем: никто толком не знает, где он в настоящий момент, а ее увезли в больницу, потому что она не понимает, где находится.

Нил излагал ситуацию без эмоций, не судил и не вовлекался в нее. Возможно, именно так становятся хорошими адвокатами.

Невозможно было выбрать более неподходящего времени. Ну почему Кэти согласилась взять этих чудовищных детей к себе в Уотервью на три ночи из-за каких-то непонятных семейных разногласий в их собственном доме? Семейные разногласия в начале января случаются в каждом доме Западного мира. И предположим: если их отец куда-то отправился, а их мать снова увезли в психиатрическую клинику, то почему за ними не может присмотреть их старший брат Уолтер? Но какой смысл задавать такой вопрос? Уолтер не способен найти утром кукурузные хлопья, если, конечно, предположить, что он бывает дома во время завтрака. А Ханна ясно дала понять, что дети ее деверя не найдут пристанища в «Дубках».

Это были бледные, грустные дети, которые задавали сбивающие с толку вопросы...

– У тебя проблемы с выпивкой, Кэти? – спросил Саймон, как только они вошли в дом.

– Только этой проблемы мне и не хватало сейчас, – весело ответила Кэти, а потом вспомнила, что иронизировать с детьми опасно. – А почему тебя это беспокоит? – заинтересовалась она.

– Ты выглядишь очень встревоженной, – объяснил Саймон.

– И там на кухонном столе стоит большая бутылка бренди, – добавила Мод.

– О! Понимаю... Нет, это, вообще-то, кальвадос. Его нужно добавить в яблочные штрудели для миссис Райан, а потом их покрывают глазурью... Это не для питья. Он слишком дорогой. А тревожусь я из-за того, что покупаю бизнес. Не думаю, что это связано с употреблением спиртного. Но откуда мне знать?

– Ты покупаешь какой-то бизнес? – спросил Саймон. – Разве Нил дает тебе мало денег?

– А почему бы тебе не остаться дома и не завести детей? – полюбопытствовала Мод.

Кэти помолчала, глядя на них. У них были светлые прямые волосы и бледные маленькие лица, но им не хватало обаяния их старшего брата, однако не было и его эгоистичности. Они, похоже, искренне интересовались ее затруднительным положением, и она должна ответить им честно.

– Нил отдал бы мне половину всего, что имеет, и с охотой, однако мне нравится иметь что-то свое, чтобы поделиться с ним. Вот поэтому я и хочу заняться бизнесом.

Они оба кивнули. Все выглядело разумно.

– И мы с Нилом со временем заведем детей, но не прямо сейчас, ведь я буду мало бывать дома и очень много работать. Возможно, через несколько лет...

– А ты не будешь тогда слишком старой, чтобы иметь детей? – Мод не желала оставлять брешей в плане.

– Не думаю, – ответила Кэти. – Я проверялась, и мне сказали, что все в порядке.

– А если они появятся раньше... ну... случайно? Ты их выгонишь? – Саймон нахмурился при этой мысли.

– Или еще хуже. – Мод не была наивной в таких делах.

– Мы договорились, чтобы они не появились, пока мы не будем готовы. – Кэти изобразила широкую напряженную улыбку женщины, которой нужно сделать сотню дел, причем куда более важных, чем этот разговор.

– Так вы спите друг с другом только раз в месяц? – предположила Мод.

– Вроде того, – ответила Кэти.

Том сочувствовал ей из-за близнецов, но в тот день, когда они должны были пойти на встречу с юристами, внезапно встревожился:

– Кэти, а не можем ли мы оставить их сегодня где-нибудь еще? Я знаю, ты почти постоянно возишь их с собой, но если честно...

– Где, Том, где? Их не пустят в «Дубки», Уолтеру на них наплевать. Что мне с ними делать?

– А Нил не мог бы?..

– Нет, не мог бы. А может, Марселла?..

– Нет, она не может.

– Боже, Том, я не могу оставить двух беззащитных детей одних в доме на целый день!

– Ты предполагаешь, что они пойдут к адвокату и договорятся о нескольких выгодных пунктах в контракте?

– Том, хватит поддразнивать меня! Ты нервничаешь, я нервничаю. Речь идет о слишком больших деньгах и слишком большом риске. Давай смотреть на вещи проще!

– Я не нервничаю, и ты не нервничаешь из-за всего этого. Единственное, что вызывает переживания, – это те две маленькие бомбы, которые ты установила в фургоне.

– А куда еще их девать?

– Отвези к своим родителям.

– И позволить моему отцу забрать у них карманные деньги, чтобы поставить их на что-нибудь трехногое?

– Расскажи им о нем, предупреди их. Кэти, мы не можем тащить их с собой к адвокату! Он какой-то шикарный друг Нила. Поверь мне, там не ожидают чего-то подобного и вряд ли снисходительно посмотрят, как они лапают липкими пальчиками корпоративную мебель.

– Хорошо! – Кэти сдалась. – Но помни, Том, сегодня ты полон раздражения, а завтра или послезавтра будет моя очередь.

– Договорились, – ответил Том.

– Как дела, Саймон? – Матти отважно пожал мальчику руку.

– Тебя как зовут? – Саймон был полон подозрений.

– Матти.

– Как дела, Матти? – спросил Саймон.

– А может, мистер Скарлет? – предположил Том.

– Матти – годится, – сказал отец Кэти.

Саймон победоносно глянул на Тома.

– А это Мод. Добро пожаловать, дети.

– Ладно, а что мы будем сегодня делать? – бесцеремонно поинтересовалась Мод.

Кэти хотела было вмешаться, но не стала. Это же совсем ненадолго.

– Думаю, мы немного прогуляемся втроем, – начал Матти. – Видите ли, мне нужно сделать пару дел, и, возможно, я смог бы убедить вас...

– Нет, па! – воскликнула Кэти. – Дети, вы помните, что я вам говорила, да?

– Я знаю, у него зависимость, – ответил Саймон.

– Что у меня? – спросил Матти.

Кэти закрыла глаза.

Саймон четко помнил инструкции.

– Ты не можешь с этим справиться, это все равно как наркомания. Ты думаешь, если у кого-нибудь есть фунт, ты должен поставить его на какую-нибудь лошадь. Кэти говорит, мы должны купить журналы или сладости как можно быстрее, если ты такое предложишь.

– Спасибо, Кэти, – произнес ее отец.

– Ты понимаешь, что я говорила не совсем так, па.

– Точно вроде того, Матти, – усмехнулся Том, который прежде всегда называл его мистером Скарлетом, но не хотел, чтобы сейчас его превзошел юный Саймон. – Но, с другой стороны, если вы хотите удачи для *меня* сегодня, когда мы подписываем контракт, то, может, вы поставите это ради меня? – И он протянул отцу Кэти банкноту в десять фунтов.

– Вы джентльмен, Том Фезер. Я всегда это говорил. – Матти тепло пожал Тому руку.

Когда они уходили, чтобы отправиться в контору адвоката, Кэти услышала, как Саймон небрежно спрашивает ее отца:

– Матти, а у вас и к выпивке тоже привязанность? У моей мамы есть, она, понимаете, не может удержаться.

Кэти запрыгнула в белый фургон.

– Хочу убраться отсюда раньше, чем мы услышим, как он приглашает близнецов в хороший паб в порту, чтобы начать прогулку с

пинты.

– Но учти, что это было бы лучше, чем иметь их рядом в офисе юриста.

Том развернул фургон, и они поехали к месту встречи.

– Лучше для кого? – спросила Кэти.

У адвоката все прошло так гладко, что Том и Кэти встревожились. Должна быть какая-то задержка, что-то неприемлемое.

– Другая сторона весьма стоворчива. Они дали конкретные инструкции по быстрой продаже, и потому, конечно, нам пришлось провести весьма тщательные исследования на случай, если что-нибудь утаивается.

– Конечно, – согласились Кэти и Том сквозь стиснутые зубы.

Почему бы юристам просто не поверить, что люди могут говорить им правду, что этим Магуайрам очень нужны деньги, что они хотят забыть прежнюю жизнь, что они хотят все продать? Но оба знали: все должно быть сделано строго по правилам, как бы ни было это медленно и трудоемко. Когда они возвращались в фургон, каждый получил по сообщению на мобильник. Кэти должна позвонить своей тете Джеральдине. Срочно. Том должен позвонить отцу. Они остановились по обе стороны фургона, разговаривая. Закончив разговор, они сели в машину, оба в прекрасном настроении.

– Ну, ты первая... Это кризис?

– Абсолютно нет. Это отличные новости! Она знает ресторан, который продает кухонное оборудование, плиты как новые, и огромный морозильник. Мы можем туда поехать, после того как навестим *твоего* отца, и прямо сегодня все посмотреть. – (Том промолчал.) – А у тебя что?

Его отец согласился выполнить ремонтные работы, но для этого кому-то придется его заменить на время. Если Том этим займется и поддержит честь Фезеров, то они договорятся.

– Он уже рядом с нашим зданием, с двумя парнями. Магуайры дали разрешение. Они хотят, чтобы их оборудование вывезли и продали. Па и его ребята уже расчищают пространство. Ты можешь туда поехать?

– Конечно. – Кэти надеялась, что они не будут против обсудить все с девушкой.

– Он считает, что говорить со мной о строительстве куда хуже, чем разговаривать с какой-то девушкой, – уныло произнес Том.

– Но ты ему нужен, чтобы делать нечто более важное?

– Да. Надо мило поговорить с каким-то архитектором и убедить его, что мой отец и его команда не банда ковбоев.

– И что ты скажешь? – Кэти стало интересно.

– Скажу правду. Просто удивительно, как часто это срабатывает. Скажу, что у младшего Фезера появился неплохой шанс. Может, даже поймаю какой-нибудь заказ для нас... Никогда ведь не угадаешь. – Он так обаятельно улыбнулся, что Кэти поняла: это сработает.

Джей Ти Фезер был из тех, кто очень беспокоится о том, чтобы все было сделано правильно. Никаких путей наименьших затрат, чтобы власти никогда не проявляли никакого недовольства.

Кэти остановила фургон и с удовольствием отметила то, как было расчищено помещение. Мужчины поработали на славу.

– Вы понимаете, что это совершенно неправильно – делать все до подписания контракта.

– Вы же получили от них факс, мистер Фезер. Они так хотят.

– Но я всю жизнь работал по одному принципу: не начинать работу, пока объект не стал вашим по закону. – Мистер Фезер сильно хмурился.

– На этой неделе мы покупаем оборудование, и его нужно где-то установить.

– Ох, не на этой неделе, Кэти, будь разумной! Полы надо настелить, перегородки снести и поставить хорошие, потом еще большая работа по покраске... Тут сотня деталей, с которыми необходимо разобраться.

– О деталях мы поговорим позже. Мистер Фезер, Том сказал вам, что мы должны запустить дело к концу месяца.

– Этот парень всегда был мечтателем. Только посмотри на его замыслы насчет того или этого. Ты же рассудительная девушка и не принимаешь всерьез его расчеты?

– Ой, поверьте мне, это и мои расчеты тоже, и у нас уже запланирован заказ на последнюю пятницу января.

– Незачем суетиться, девочка, работа должна быть сделана как следует.

– Нет, сейчас нет времени на тщательность. Открываются еще три кейтеринговые фирмы. Они перехватят заказы, если мы не поспешим.

– Но правила, Кэти... – Он даже побледнел от волнения.

Было это лучше или хуже, чем ее собственный безрассудный отец, готовый поставить все деньги в доме на очередные бега, если бы мать не прятала их так хорошо?

– Я не стану вам мешать, мистер Фезер. Мне нужно снять кое-какие размеры для оборудования, которое я намерена купить сегодня.

– Сегодня?

Кэти услышала, как он задохнулся, но не подала виду. Она достала рулетку и прошла мимо него внутрь. Помещение стало выглядеть еще более пустым, когда громоздкие печатные машины вынесли и погрузили на трейлеры. Кэти присела на корточки, чтобы оценить, сколько здесь места для морозильника. Джеральдина сказала, что он огромный, но не сверх меры. Кэти быстро записывала результаты замеров в блокнот, когда увидела, что входит отец Тома, на ходу расстегивая верхнюю пуговицу рубашки, чтобы легче было дышать.

– Скажи, что все не привезут прямо сегодня.

– Ох нет! Сегодня я только поеду посмотреть. Аукцион завтра, так что есть время до конца недели. Мне просто нужно до конца дня разобраться, где должны быть розетки. Как вы думаете, можете найти электрика, чтобы он сделал все завтра утром?

– Мир абсолютно меняется, – сказал отец Тома.

– Расскажите мне об этом, мистер Фезер, – предложила Кэти, и он ушел.

Позвонил Том:

– Боюсь спрашивать, но как там дела?

– Не слишком плохо. А с твоей стороны?

– Я выиграл время, сказал им, что фирма отца великолепна и что мы пришлем им буклет. Только дай мне еще раз адрес того места с холодильниками и плитами, и я встречу тебя там.

Ее подруга Джун позвонила, чтобы спросить, могут ли они пойти в винный бар.

– Возможно, я никогда больше не пойду в винный бар до конца жизни, – ответила Кэти, отрываясь от особенно сложного замера.

– Да у тебя будет масса развлечений, когда ты станешь бизнес-леди! – мрачно произнесла Джун и отключилась.

Позвонил Нил:

– Как прошло у юристов?

Она сказала ему, что, похоже, нет никаких подводных камней или проблем.

– С законом всегда есть и подводные камни, и проблемы. За это и платят адвокатам, – возразил он.

– Ну, пока не видно. – Кэти хотелось поверить, что это станет, в порядке исключения, простой продажей.

– Что ж, ты получила лучших, – сказал Нил.

– Когда ты будешь дома? – спросила она.

– Боже, я не знаю! А что?

– Просто так. Эти дети...

– О боже, я и забыл о них! Где они сейчас?

– На Сент-Ярлат-Кресент, – ответила Кэти.

– Но ты же не оставила их у своих родителей? – Нил, похоже, изумился.

– Нил, мне ведь нужно было где-то их оставить. Я не могла взять их с собой к юристу, так? Или сюда, здесь же нечто вроде строительной площадки, полно всякого мусора, или тащить их осматривать оборудование перед аукционом, куда я сейчас и поеду.

– Но, Кэти... – начал Нил.

– Но что?

– Ничего... ничего. Увидимся позже.

Кухонное оборудование осматривали всего несколько человек. И это было почти в точности то, чего они хотели.

– Разве это не грустно? – шепотом произнесла Кэти.

– Понимаю, – согласился Том. – Я как раз об этом и подумал. Чья-то мечта разлетелась в дым.

– С нами такого не случится. – В ее голосе звучала бодрость, которой она не чувствовала.

И весь день их мобильники продолжали звонить. Что-то еще понадобилось адвокатам, появились какие-то новые проблемы у Джей Ти Фезера, Марселла хотела знать, не могут ли они все пойти на дневной киносеанс, Джеймсу Бирну нужны были новые подробности. И ни в одном из тех мест, куда они ездили, не было нормальной парковки. Никого из тех, к кому они приходили, не оказывалось на месте, и никто не знал, где они. К четырем часам Кэти с Томом отчаянно проголодались, но времени для остановки не было, так что Том купил им по плитке шоколада и по банану. И они как-то пережили этот день. Направляясь к Сент-Ярлат-Кресент, Кэти со стыдом осознала, что оставила там детей на слишком долгое время и что не купила им еды на вечер. Но они могли бы купить что-нибудь готовое по дороге домой. Неплохо для поставщика, подумала она.

Кэти до сих пор испытывала странное чувство, поворачивая на эту маленькую улочку с домиками, где было по две комнаты наверху и внизу, где она родилась и выросла. Ее отец всегда с гордостью рассказывал ей, как перевозил сюда их вещи в ручной тележке, а теперь она приезжала в белом фургоне или на «вольво» мужа. Она словно смотрела на свое прошлое с большого расстояния, и там все изменилось, но, с другой стороны, ничто не менялось совершенно. Это было место, где ее мать по-прежнему пыталась угодить всем недовольной Ханне Митчелл, хотя давно перестала работать в «Дубках». Здесь ее мать даже теперь испытывала нечто вроде благоговения перед этими ужасными и несчастными детьми, потому что они были Митчеллами. Ох, пожалуйста, думала Кэти, пусть там не случилось ничего жуткого! Пусть ее мать не стала чистить им ботинки, а отец не выманил у них все их карманные деньги.

Близнецы сидели в кухне, одни, таращась на плиту. Стол перед ними и вся их одежда были покрыты мукой. Они делают тесто, сообщили дети, потому что это здорово, а жена Матти помогла им приготовить стейк и пирог с почками, и они возьмут его с собой, так как у детей сапожника никогда нет сарая.

– Обуви, – поправила его Кэти.

– Сарая, обуви, ну, чего угодно, – сказал Саймон.

– Вам понравилось? – спросила Кэти.

Когда-то она с удовольствием стояла за этим столом, помогая матери готовить.

– Не очень, – заносчиво ответил Саймон.

– Он думает, это дело не для мужчин, – пояснила Мод.

– Просто я не ожидал, что мы станем этим заниматься, – пожаловался Саймон. – Дома мы никогда такого не делали.

– Всегда полезно научиться чему-нибудь новому, – сказала Кэти, желая врезать ему как следует.

Ее добрая мать научила их печь пирог, а он только и может, что жаловаться.

– Чему еще вы научились сегодня?

– Я теперь знаю, что нужен острый нож, чтобы резать мясо. У тебя есть острые ножи для твоего официантского бизнеса?

– Вообще-то, это кейтеринг. Да, у меня есть острые ножи, спасибо, Саймон.

– Жена Матти здорово придумала, как добавлять соль и перец в муку. Их надо насыпать в бумажный пакет и встряхнуть, ты знала? – спросила Мод.

– Да, мама научила меня так делать, – ответила Кэти.

– А я раньше этого не знал, – произнес Саймон таким тоном, словно это был какой-то подозрительный способ.

– Но ты же никогда раньше не готовил тесто, пока жена Матти не показала тебе, как это делать, – язвительно заметила Мод.

– Ох, бога ради, зовите ее Лиззи! – в конце концов воскликнула Кэти, теряя терпение.

– Но мы же не знали, как ее зовут! – испуганно объяснила Мод.

– Она сказала нам, что раньше работала у тети Ханны кем-то вроде прислуги или уборщицы, ну... как-то так, – сообщил Саймон. – А мы сказали ей, что ненавидим тетю Ханну, а она ненавидит нас.

– Я уверена, тетя Ханна вас не ненавидит. Вы просто неправильно все поняли, – пробормотала Кэти.

– Нет, я думаю, ненавидит, а иначе почему бы мы оказались у Матти и Лиззи и готовили стейк и пирог с почками, а не остались в «Дубках»? – Саймон выпалил все это так, будто дело было абсолютно очевидным.

– Не важно, – добавила Мод. – Мы сказали ей, что здесь в сто раз лучше, чем в «Дубках», и что мы можем снова прийти завтра.

Кэти недоверчиво уставилась на детей. Какие они до изумления хладнокровные и самоуверенные! Они не сомневались, что им везде

рады, их не заботили критика и замечания. Вот что значит быть Митчеллами... Они наблюдали за Кэти, словно пытаясь прочесть выражение ее лица. Она должна постоянно помнить, что им всего девять лет, что их отец сбежал из дому, а их мать увезли в психиатрическую лечебницу. У них далеко не лучшее время в жизни.

– Мы им так и сказали, – спокойно произнесла Мод.

– Сказали что? – спросила Кэти.

– Что будем к ним приходить, пока в «Буках» все не наладится, – объяснил Саймон.

– А они что ответили?

– Матти сказал, что не видит тут никаких проблем, а его жена Лиззи сказала, что все будет зависеть от тети Ханны.

– А где они сейчас? – со страхом спросила Кэти.

Могло ли случиться, что эти чокнутые дети довели ее несчастных родителей до то, что те удрали из дому?

– Матти сказал, что сбегает к стук-мекеру... – начала Мод.

– Бук-мекеру, – поправил ее Саймон.

– Ну, к какому-то мекеру, а его жена Лиззи наверху, говорит по телефону, потому что позвонила ее дочь из Чикаго.

Кэти наконец села. Все могло быть гораздо хуже, предположила она.

– Ты не должна нас отвлекать. Нам нужно следить, когда это станет золотисто-коричневым, – заявил Саймон.

– А кто такой букмекер и почему у них нет обуви? – пожелала узнать Мод.

– Он придет к нам обедать? Мы поэтому пекли пирог? – предположил Саймон.

Кэти чувствовала себя очень, очень уставшей, но помнила, что много лет назад постоянно задавала вопросы тете Джеральдине, а Джеральдина всегда старалась ей отвечать.

– Вообще-то, просто так говорят. Мама имела в виду, что сапожник, который шьет очень много обуви для других людей, просто не успевает сшить обувь для своих детей, вот они и ходят босиком.

– А почему они не покупают обувь в магазине? – спросила Мод.

– Так он придет на обед или нет? – добивался ответа Саймон.

– Не сегодня, – утомленно произнесла Кэти. – Когда-нибудь букмекер придет пообедать, надеюсь, но не сегодня.

Дело, которое Нил вел в суде, попало во все газеты. Пока схватка была выиграна. В суд явились известные защитники гражданских прав, состоялись большие марши протеста, им дали отсрочку на три месяца, что было больше, чем они надеялись. Кэти хватило времени только на то, чтобы наскоро просмотреть вечернюю газету, когда она устроила детей в кухне, дала им наставления, как накрыть на стол, и приняла душ. Нил оставил записку, что пошел выпить вина и съесть мороженое. Она как раз надевала чистую футболку и джинсы, когда он вошел в спальню.

– Те двое сообщили, что испекли пирог... Они это всерьез?

– Думаю, вообще-то, его испекла мама. Как здорово, я видела в газете, что ты герой! Он доволен?

– Он скорее был ошеломлен, как мне кажется. Но главное, что мы организовали ему огромную поддержку. В следующий раз у них не пройдет все так легко, они не смогут больше спровадить его за одну ночь.

Нил был оживлен и взволнован. Он мог говорить об этом без конца. Кэти слегка наклонила голову. Ее собственный день в сравнении с этим внезапно показался весьма банальным.

– Ты так чудесно выглядишь... – Нил погладил ее по щеке. – Как жаль, что у нас нет времени, чтобы...

– Не думаю, чтобы у нас появилось время для такого в обозримом будущем. Кстати, Мод сказала моей матери, что мы спим вместе раз в месяц.

– Боже, да неужели? Весьма необычное высказывание.

– Это еще одно из самых скромных. Давай вообще не будем об этом думать, пойдем пообедаем и выпьем как следует, отпразднуем твою победу.

Саймон успел накрыть на стол.

– А ты уверена, что стук-мекер не придет? – спросил он с легкой тревогой.

– Стук-мекер? – Нил замер, не вытащив пробку из бутылки.

– Ох, только не спрашивай, умоляю, не спрашивай! – ответила Кэти.

– Плиты подходящие? – поинтересовалась на следующее утро Джеральдина.

– Идеальные! Мы возьмем две, и холодильник, и морозильник, и фритюрницу, и кучу противней.

– Отлично! Тому понравилось?

– Он в восторге. Мы зарезервировали цену, они нам позвонят вечером. Я не могу сегодня прийти, надо остаться с электриком. «Фезер и компания» нашли наконец-то электрика, который просыпается раньше полудня, так что через несколько минут я встречаюсь с ним. Том уехал за другим оборудованием.

– А для ланча у тебя время есть? Ты могла бы пойти в отель, у них шведский стол готовят иностранные шеф-повара, и позаимствовать несколько идей.

– Я бы с удовольствием, Джеральдина, но у меня и минуты нет. Мы должны снова встретиться со страховым агентом, заполнить бланки заявления на смену профиля помещения, к тому же будет январская распродажа... Думаю, я успею еще мельком глянуть на ткани для штор, перед тем как мы опять встретимся с Джеймсом Бирном.

– Ты просто убиваешь себя!

– Первые дни самые напряженные, – бодро произнесла Кэти.

– А почему эти жуткие дети не возвращаются к себе домой? – неодобрительно спросила Джеральдина.

– У них нет семьи, их отец сбежал в Англию, в последний раз его видели в Лидсе, и это известие привело их мать снова в психушку.

– А что, черт побери, делают с ними целый день моя сестра и ее талантливый и энергичный муж?!

– Ты же знаешь маму, она попросила соседей занять детей, пока сама на работе, и она учит их готовить.

– Звучит разумно. Кто-то же должен готовить для них, если они вернуться в тот дом, – решила Джеральдина.

– Я знаю, Джеральдина, но что еще мы можем сделать?

– А Нил что говорит? Это же его ответственность.

– Он говорит, мы не можем отправить их назад.

– Значит, именно поэтому они в доме твоей матери.

– А ночью у нас, – оживленно произнесла Кэти.

– Могу поспорить, вам невероятно весело, – съязвила Джеральдина.

– Нил считает, что очень трудно работать, пока они здесь. Но не тревожься, Джеральдина, это ведь не навсегда.

– Мистера Фезера с вами нет? – спросил Джеймс Бирн, когда Кэти явилась на встречу после полудня, как они договорились.

Грохот отбойных молотков оглушал их.

– Наверное, вы могли бы звать его Томом?

Кэти понимала, что в ее голосе слышна усталость, и надеялась, что лучезарная улыбка в какой-то мере это компенсирует.

– Конечно, как пожелаете, – вежливо откликнулся Бирн.

– Просто у нас сейчас так много всего на уме, что, когда вы произносите «мистер Фезер», я тут же думаю, что вы имеете в виду его отца, который сейчас внутри и волнуется, а вдруг Магуайры прилетят из Англии на вертолете и сядут прямо ему на голову с пачкой запретительных ордеров.

– Я успокоил его на этот счет.

– И как вам удалось?

– Я дал ему возможность поговорить с самими Магуайрами по телефону.

Это было куда больше того, что могли бы сделать Кэти и Том. Но она отлично понимала: не стоит расспрашивать этого странного, замкнутого человека.

– Хорошо, – оживленно произнесла она. – Вот почему они сегодня так активны. А вы не хотели бы взглянуть, что уже сделано?

– А Том Фезер?

– Его сегодня здесь не будет. Мы поделили работу, так как не можем оба быть везде. Ничего, что пришла только я?

Выглядела она измотанной, но неожиданно Бирн наклонился вперед и похлопал ее по руке:

– Все в порядке, Кэти.

– Мам, я действительно в долгу перед тобой, – сказала Кэти, падая на стул у кухонного стола на Сент-Ярлат-Кресент.

– Ничуть. Они удерживают твоего отца от букмекерской конторы! – Лиззи налила себе и Кэти по чашке чая.

– Хочешь сказать, он целый день с ними гулял?
– Повел в зоопарк. Представь себе, они там никогда не были.
– И папа повел их туда на собственные деньги?
– Похоже на то, что вчера ему немножко повезло.
– А они лучше ведут себя сегодня?
– Вообще-то, нет. Но, Кэти, тебе совершенно незачем об этом говорить Митчеллам.

– А где близнецы?
– Рисуют и помалкивают.

Матти дал им бумагу, чтобы они нарисовали животных, которые им больше всего понравились в зоопарке. Саймон изобразил десяток змей, написав под ними имена печатными буквами. Мод изобразила шесть филинов.

– Матти говорил, что не видит причин к тому, чтобы не держать сову в доме! – вместо приветствия сообщила она Кэти.

– Вот как? Может, он сумел бы объяснить это твоим родителям, когда они вернутся в «Буки».

– Они могут никогда не вернуться, – бодро заявил Саймон. – Но Матти говорит, что со змеями могут быть проблемы.

– Да, может быть и так. Но, извини... что ты вообще имел в виду, говоря, что они могут никогда не вернуться?

– Ну... от отца никаких вестей, а у мамы на этот раз очень плохо с нервами, я так думаю.

– Понятно. – Кэти вернулась к матери в кухню. – И что мне делать, ма?

– Я тебе вот что скажу. Пару дней здесь – это нормально, но в долгосрочной перспективе ты не должна делать одолжение и держать у себя этих детей. Разве ты не видишь, что это показывает ее, как... как и во всем остальном вроде твоего бизнеса?

– О чем ты, мам? Как и во всем остальном?

– Ну, ты ведь знаешь, я уже тысячу раз говорила тебе. Люди вроде нее, Кэти... понимаешь, они ожидают, что ты будешь благодарна и счастлива, потому что так удачно вышла замуж. Тебе следует сидеть дома и быть Нилу хорошей женой.

– Ох, мам, бога ради!..

– Нет, Кэти, послушай меня хоть раз! Я не такая умная, как ты, и не образованная. Я не умею спорить с людьми, как ты, но я их знаю. Я

мыла у них полы, да, но я слушала, как они разговаривают, и они не такие, как мы, а мы не похожи на них.

– Мы лучше их, намного, намного лучше! – Глаза Кэти вспыхнули.

– Не начинай...

– Это ты начала, мам. Скажи, что хорошего в старой корове вроде Ханны Митчелл, которая показывает зонтиком на ножки стульев, и заставляет тебя ползать на четвереньках, и бросает чайные пакетики в раковину, которую ты только что отмыла, и хватает чистые полотенца, которые ты только что постирала и сложила, чтобы протереть что-то на полу? Скажи, что в ней хорошего, скажи хоть что-нибудь хорошее о женщине, которая даже не приняла двух несчастных малышей, хотя они часть семьи ее мужа?

– Тише, Кэти, не кричи так, сбавь тон!

– Нет, я не сбавлю тон! Я ненавижу эту женщину за то, что она повернулась к ним спиной, и я презираю ее мужа! Они же, в конце концов, его плоть и кровь! Я знаю, что они чудовища, что они глупы как пробки, но они не наихудшие, и не их вина в том, что все их бросили...

Она замолчала, увидев застывшее лицо матери. Это было именно то, что она заподозрила. Разинув рот, Саймон и Мод стояли за ее спиной в дверях кухни. Они слышали каждое ее слово.

– Привет, Лиззи. Это Джеральдина.

– Извини, Джер, она только что ушла.

– Кто?

– Кэти. Ты ведь с ней хотела поговорить?

– Нет, я хотела поговорить с тобой. Кстати, как она?

– Ужасно! Вышла из себя, начала ругать Митчеллов прямо перед этими безобидными детьми. Они все слышали.

– А что она сказала?

– Что объяснит им все в фургоне по пути домой. Бог знает, как она станет объяснять. Боюсь, только хуже сделает.

– Но ты не возьмешь их снова к себе завтра?

– Конечно возьму. Куда еще им деваться?

– И что они будут делать в твоём доме, можно спросить?

– Они собираются привезти свои вещи для стирки в большом пакете, а я буду им показывать, как пользоваться стиральной машиной и развешивать вещи на веревке...

– Не может быть!

– А потом я пойду на работу на оставшуюся часть дня. Буду убирать квартиры в одном доме. И дети смогут поплавать в бассейне. Там целый день пусто. Не думаю, чтобы ты...

– Нет, я не собираюсь делать то, что ты предполагаешь. Я тебе позвонила насчет Мэриан.

– Мэриан?

– Слушай, Лиззи, у тебя что, размягчение мозгов? У тебя есть дочь по имени Мэриан, в Чикаго, и она вскоре намерена приехать. Она хочет знать, можно ли ей будет спать с ее бойфрендом.

– Она хочет чего?

– Ты слышала.

– Зачем ей мое разрешение, если она собирается делать это? Они же в наше время делают что хотят в любом случае.

– Не в Чикаго, в Дублине, когда она к тебе приедет.

– И она позвонила из Чикаго, чтобы спросить об этом *тебя*?

– Она сказала, чтобы я тактично поинтересовалась у тебя, могут ли они с Гарри занять комнату в твоём доме, когда приедут, вот я и интересуюсь. Тактично спрашиваю.

– Не знаю, Джер. Одно дело – просто закрыть глаза, и другое – когда это в твоём доме. Я не знаю, что подумает Матти... – Лиззи одолевали сомнения.

– Матти в основном думает о том, на что сделать ставку, – съехидничала Джеральдина.

– Это довольно невежливо.

– Так я могу ей сказать, что да, конечно, они могут занять комнату?

– Не знаю.

– А что ты думаешь о выборе цвета: светло-зеленый или что-то вроде розовато-бежевого?

– Что?

– Какой цвет? Я бы выбрала зеленый, и я сказала Мэриан, чтобы она привезла тебе хороший набор темно-зеленых полотенец. Американцы любят дарить полотенца, но им нужно знать цвет.

– Но, Джер, кто покрасит комнату? Ты же знаешь, у Матти больная спина!

– О да, я это знаю, но ты можешь сама покрасить, и я могла бы помочь, а если в доме все еще будут дети, мы можем использовать их в качестве рабочей силы, пусть держат что-нибудь или приносят, пока мы не выбросили их в трубу.

– Джер, ты просто глупа!

Но Лиззи уже смеялась. Битва была выиграна.

Белый фургон остановился у кафе ради мороженого. Кэти купила три вафельных рожка, и они уютно устроились в фургоне, чтобы съесть их.

– Я всегда думала, что мороженое зимой ничуть не хуже, – начала Кэти.

– Почему ты ненавидишь наших папу и маму? – спросил Саймон.

Кэти пожала плечами:

– Я вовсе не ненавижу их, я едва знаю их. Вообще-то, они даже не пришли на нашу свадьбу.

– Тогда почему ты кричала там на Лиззи?

– Вы же слышали, о чем я говорила. Я ненавижу вашу тетю Ханну. Но не ваших маму и папу, уж поверьте.

– А почему ты ненавидишь тетю Ханну?

– Вы тоже ее ненавидите, вы часто так говорили, – перешла в оборону Кэти, опускаясь до их уровня.

– Но ты вроде не должна ее ненавидеть, к тому же ты вышла за Нила.

– В том-то и проблема, ей не нравится, что я вышла за Нила. Она считает, что моя семья и я недостаточно хороши, не того класса. И это меня раздражает, понимаете?

– А ты хочешь быть того класса? – пожелала узнать Мод.

– Нет, ничуть. Мне совершенно наплевать, что она думает обо мне. Но она смотрит сверху вниз на мою мать, и этого я не могу ей простить.

– Хочешь, чтобы мы этого не говорили? – Саймон прищурился, видя прекрасные возможности и власть, открывавшиеся перед ним.

– Не говорили чего? – вытаращила глаза Кэти.

– Ну, все, что ты сказала, и то, что наш отец кричит, а наша мать пьет, чтобы успокоить нервы.

– Но это ведь так и есть, разве нет? – Кэти недоуменно смотрела на детей по очереди.

– Да. – Саймон, похоже, уже не был так уверен. – Но ты хочешь, чтобы мы не говорили о том, что ты ненавидишь тетю Ханну?

– Да говорите кому хотите. Я же не говорю ей, что вы ее ненавидите. Вообще-то, это лишь вопрос вежливости, а не секрет, правда?

Саймон понял, что его преимущества растаяли, и сделал последнюю попытку:

– А если мы расскажем Нилу?

– Нила уже тошнит от всего этого, Саймон, но, если хочешь еще раз ему все напомнить, на здоровье. А теперь пойдем и купим что-нибудь на ужин, раз уж сегодня вы не испекли для нас пирог.

Они доели мороженое и поехали дальше. Кэти позволила себе осторожно улыбнуться.

В китайском ресторане дети внимательно изучили меню.

– А вы с Нилом богатые или бедные? – спросил Саймон.

– Скорее богатые, чем бедные, но, если ты не против, я напомню тебе, что такой вопрос людям задавать не следует... Ну... просто чтобы ты знал.

– Но как тогда узнать? – заинтересовалась Мод.

– Иногда нам приходится сталкиваться с тем, что мы знаем далеко не все.

– А мне нужно знать.

– Нужно?

– Чтобы понять, сколько блюд мы можем заказать, – пояснил Саймон так, словно это была самая очевидная вещь в мире.

– Понимаю. Ну, закажите на четверых.

– Мы могли бы заказать «Имперское меню А», – предложила Мод.

– Пусть так. Мне нравится «Имперское меню А».

– А ты не хочешь сначала проверить цены на каждое блюдо?

– Нет, Саймон, не хочу.

– Должно быть, ты и вправду очень богатая, богаче, чем твой отец.

- Что?.. – Кэти уже выдохлась.
- Матти, твой папа. Ты слышишь голоса в голове, как он?
- Я и не знала, что он слышит голоса в голове.
- Да, постоянно! И стук копыт, громкий стук копыт.
- А-а-а, как на бегах, понятно.
- Он говорит, они стучат в том же ритме, что и сердце. Кэти, ты это знала? – Мод хотелось поделиться новыми знаниями.
- Не уверена.
- А еще Матти говорит, что этот стук заставляет кровь в венах бежать быстрее и твоя жизнь становится лучше.
- Вот как? Тогда и мы должны попробовать, – ответила Кэти, посмотрела на цены и заказала «Имперское меню А» на пятерых.
- Не думаю, что будешь пробовать, – усомнился Саймон.
- Это такое, что у тебя или есть, или нет. Оказалось, у нас обоих есть! – Мод буквально лопалась от гордости.
- Очень жаль, если это так, действительно очень жаль, – сказала Кэти.
- Почему?
- Потому что вы проведете всю вашу жизнь, оглушенные стуком копыт, и у вас не будет ни времени, ни денег на что-то другое, – мрачно ответила Кэти.

В Уотервью близнецы накрыли на стол, вымыли руки и вежливо уселись.

- Ты не хочешь банку пива? – предложил Саймон.
- Боже, нет! Но все равно спасибо, Саймон.
- Просто Матти говорит, это помогает ему расслабиться.
- Я, вообще-то, и так полностью расслаблена, – сказала Кэти. Зазвонил телефон; это был Том.
- Как дела? – спросил он.
- Я зависла здесь, Том.
- Полагаю, дети все еще с тобой?
- Именно так.
- Тогда лучше не спрашивать, пожалуй, как все остальное? В порядке?
- Как ни удивительно, в порядке, никаких проблем. А у тебя?
- Устал как черт, но никаких катастроф, – сообщил он.

– Уверена, так оно и было, – вздохнула Кэти.

– У тебя будет выходной на следующей неделе. Я это устрою.

– Знаю, что устроишь. И рада, что все идет хорошо. Удачи, Том! –

Она закончила разговор и вернулась к столу.

– А Том сегодня вечером занимается официантством? – спросила Мод.

– Кейтерингом, – поправила ее Кэти.

– Ну да.

– Вроде того. Как вам соус с черными бобами?

– Немножко соленый, но ничего. Мы можем это доесть? – Саймон выгребал ложкой содержимое контейнеров.

– Конечно. Я больше не хочу, а Нилу я оставила его порцию в духовке.

– А стук-мекер не придет?

– Нет, Саймон, не придет.

– Надеюсь, он никогда не появится, – заявил Саймон. – Ты всегда расстраиваешься, когда говоришь о нем.

– На следующей неделе они возвращаются в школу, – тем вечером сказала Кэти Нилу уже в постели.

– Наверное, тогда станет немного легче, – ответил он.

– Расскажи мне что-нибудь, Нил.

Он отложил копии судебных решений, которые читал, и повернулся к ней лицом:

– Я знаю, какой вопрос ты хочешь задать, и ответ – нет.

– А что я хотела спросить? – засмеялась Кэти.

– Какие планы я строил для близнецов сегодня. – Он печально улыбнулся. – Милая, это был ужасный день.

– Да, понимаю, мой тоже был чересчур хлопотливым.

– Понимаю, понимаю, но потом я собрался домой, но, Кэти, я не могу работать, пока они здесь, а потому просто сидел в кафе. Это ужасно – то, что невозможно вернуться в собственный дом, поскольку эти дети задают вопрос за вопросом.

– Наверное, так все дети делают, – сказала она.

– Я намерен добиться для них опеки, – просто сообщил Нил. – Начну процедуру прямо завтра.

Кэти потрясенно уставилась на него:

– Но они не должны попасть под опеку, в чужую семью, совершенно незнакомую!

– Несколько дней назад мы тоже были для них совершенно незнакомыми... – начал Нил.

– Но они родственники! – перебила его Кэти.

– Не твои и не мои. – Нил старался говорить решительно и уверенно. – Я так долго не выдержу! Сегодня я встретил это мелкое дерьмо Уолтера у здания Четырех судов, и он совершенно невозмутим. Он должен работать, он должен встречаться с людьми, он должен поехать кататься на лыжах, он *ничего* не может поделать.

– Ладно, но разве ты не можешь доверить ему детей на пару часов?

– Но дело ведь не только в моей работе, но и в твоей тоже. Я просто не намерен допустить, чтобы такое случилось с нами сейчас. Мы потратили слишком много усилий, чтобы какие-то дети все разрушили.

– Полагаю, такое во всем мире происходит.

– Дети могут быть разными, хотя должен сказать, это доказывает нам раз и навсегда, что мы абсолютно правы, не желая их. Просто, глядя на Мод и Саймона, я очень ясно это осознаю.

– Наши дети не будут похожи на Мод и Саймона, – хихикнула Кэти.

– Мы не станем это выяснять, – мрачно заявил Нил. – И если честно, Кэти, я должен избавить тебя от них. Нужны, конечно, какие-то деньги, но мы можем заложить «Буки» и будем по-прежнему за ними присматривать.

– Ты ведь знаешь, нам не скажут, куда их отправят. Оставь все как есть на несколько дней, пока не разберемся как следует.

Он потянулся к ней. А она потом долго еще лежала без сна, с открытыми глазами.

Джеральдина по-прежнему приходила в свой офис еще до восьми. По утрам она занималась только связями с прессой и рекламой для группы отелей, но потом разбиралась со списком клиентов, которыми обзавелась, открыв собственную компанию. Джеральдина просмотрела список проектов, выясняя, не найдется ли что-нибудь такое, что можно было бы перенаправить в «Алое перо». Универмаг «Хейвордс»

планировал несколько модных показов в течение ближайших месяцев, но для показов хотели забронировать отели, для Кэти там ничего не было. Ресторан «Квентин» устраивал кулинарную презентацию с призами, это явно не подходило. Еще очень хотели провести презентацию изготовители садовой мебели, тут были кое-какие возможности, но сначала ей нужно было изучить место проведения, нет смысла отправлять эту парочку на какую-нибудь жуткую выставку газонокосилок и граблей, где никто не увидит и не оценит их еду.

К концу недели очень многое изменилось. Электроснабжение было налажено, полки покрашены, и Том с Кэти ждали остальное оборудование. Оконные рамы и двери выкрасили в ярко-алый. Джеймс Бирн серьезно, словно переводя для каких-то пришельцев с другой планеты, сообщил, что Магуайры всем довольны. Адвокат Тома и Кэти заявил, что в соответствии с природой закона всему требуется время, но пока ничего неблагоприятного относительно названия компании в процессе исследования не выявилось. Марселла всячески поддерживала Тома и просила, чтобы ей разрешили помочь. Джеральдина уже нашла кое-какие контакты, где предстояли разного рода события. Кэти и Нил решили, что прямо сейчас невозможно отказаться от Саймона и Мод, но их постоянное присутствие в Уотервью создавало слишком большое напряжение, а потому им необходимо немного отдохнуть от детей. С другой стороны, Лиззи и Матти, похоже, были абсолютно довольны детьми и постоянно находили для них дела в доме. На следующей неделе Мод и Саймон должны были вернуться в школу. Это было компромиссом. Нил сказал, что отец предложил неофициальную плату за присмотр. На самом деле это были деньги Джока и Ханны, которые все же слегка устыдились и решили платить, пока ситуация не разрешится. В целом договор состоял в том, что Лиззи и Матти будут получать определенную сумму за то, что после школы станут забирать Саймона и Мод на Сент-Ярлат-Кресент, а ночевать дети будут то в Уотервью, то на Сент-Ярлат-Кресент. Два дома вместо одного. Мод и Саймон заявили, что все в порядке, их это устраивает.

– Манеры, Моды, – сказал отец Кэти.

Это был способ, которым Матти исправлял худшие выходки близнецов, никогда не выказывая обиды.

– Мне никогда тебя не отблагодарить, мам! – воскликнула Кэти.

– Не говори так, Кэти. Разве это не приводит немного Матти в форму? Он их обожает!

– Не может быть, они иногда такие грубые поросята! Ты их заставляй застилать постель и умываться и всякое такое. В Уотервью они бросают влажные полотенца на пол в ванной. Нил просто сходит с ума.

– Нет-нет, тут все в порядке, – успокоила ее мать. – А Нил дает нам так много денег, что я могу уйти от миссис Грей.

– Это та, что не лучше Ханны?

– Ох, бедная миссис Митчелл сойдет за святую по сравнению с миссис Грей! – со смехом ответила Лиззи Скарлет.

Нил с таким удовольствием бывал на Сент-Ярлат-Кресент, что Кэти чувствовала: она в ответ должна нанести визит в «Дубки». Наверняка в мире были и другие женщины, которым приходилось посидеть и подумать, по какой причине им бы следовало повидаться со своей свекровью? Кэти не хотелось говорить о волнениях бизнеса, о том, как движутся вперед работы, так как Ханна слишком откровенно высказывалась против всего этого начинания. Не хотела Кэти и входить в подробности того, что в настоящее время племянники Джока Митчелла частично проживают на Сент-Ярлат-Кресент у ее бывшей прислуги, и того, о ком Ханна всегда упоминала как о вечно больном муже бедной Лиззи. Кэти не могла поговорить и о том, что именно она готовила яблочные штрудели для подруги Ханны, нервной и раздражительной миссис Райан, поскольку тогда ее обвинили бы в том, что она занималась рекламой своего бизнеса на новогоднем приеме. Миссис Митчелл не выказывала никакого интереса к их с Нилом жизни в Уотервью, что, наверное, было к лучшему, так как еще недавно она слишком этим интересовалась. Но все равно Кэти должна была ради Нила поддерживать отношения.

Однажды днем, в четыре часа, она повернула белый фургон на подъездную дорогу к «Дубкам», зная, что Ханна неодобрительно фыркнет и в адрес самой Кэти, и в адрес ее машины. Но Кэти была готова не обращать на это внимания, вежливо беседовать во время визита, настолько короткого, насколько получится, не подавая виду, что заскочила лишь на минутку, чтобы привезти кое-что. Это был крепкого

вида папоротник, из тех, что выжил бы даже в тропической жаре «Дубков».

Кэти постучала в дверь.

– Кэти!

Ее свекровь не удивилась бы сильнее, если бы на пороге появилась труппа исполнителей чечетки.

– Да, миссис Митчелл, я послала вам сообщение о том, что надеюсь заехать сегодня повидать вас.

– Вот как? А-а-а, ну наверное...

– Но если у вас кто-то есть...

– Нет... нет, просто удивительно тебя видеть. Прошу, входи.

– Я вам привезла вот это. Может...

Она протянула Ханне маленький папоротник. Похоже, Ханна растерялась, раз уж сказала, что удивительно видеть жену сына, которая заранее предупредила о своем визите!

– Большое спасибо, дорогая. – Ханна Митчелл даже не взглянула на растение, просто поставила его на столик в прихожей. – Раз уж ты здесь, полагаю, нам лучше пройти в кухню, там уютнее, – сказала она, ведя Кэти по коридору.

Кэти возмутилась. И подумала, на самом деле у нее дергается лоб или ей это только кажется? Миссис Митчелл редко приглашала кого-нибудь в кухню. Гостей, родственников, всех, кто приходил, принимали в гостиной. Кэти поняла ее хитрость и усмехнулась себе в зеркало. Собственное отражение ее поразило: она выглядела изможденной и усталой, жирные волосы прилипали к голове за ушами. Когда она решила организовать это представление, подумала Кэти, то ей следовало привести себя в порядок. А таким видом она бы напугала возможных клиентов.

– Ты плохо выглядишь, – в должный момент заявила Ханна Митчелл.

– Похоже, это просто грипп ко мне пристал, – ответила Кэти, сказав первое, что пришло ей в голову, и тут же увидела, как Ханна физически отшатнулась от нее, словно боясь подхватить какой-то чудовищный вирус. – Не заразный, конечно, – бодро произнесла Кэти.

Разговор шел тяжело. Кэти спросила об Аманде в Канаде и услышала, что телефонная связь с Онтарио в последнее время никудышная, а Аманда работает в весьма старомодной фирме, где нет

факсов или электронной почты. Кэти, пока слушала, не позволила дернуться ни единой мышце на лице. Или Аманда, или ее мать сильно привирали. Но кто бы это ни был, в целом все выглядело весьма печально. «Запомни слово „печально“, – подумала Кэти, – и все будет в порядке».

А в это время на Сент-Ярлат-Кресент Лиззи Скарлет, долгое годы мывшая в «Дубках» полы и протиравшая ножки стульев, наливала молоко и пекла песочное печенье для Саймона и Мод, прежде чем помочь им сделать домашнее задание. Потом они могут поиграть в какую-нибудь видеоигру, а вечером дети собирались научиться гладить белье. Они также обсуждали, придержат ли в субботу одну из лошадей, чтобы позволить выиграть владельцу конюшни, а еще могли заглянуть соседи. Кэти знала также, что ее тетя Джеральдина собирается сегодня на званый обед в посольстве и для этого купила в «Хейвордсе» еще одно потрясающее платье. Две ее замужние подруги, Кейти и Джун, приглашали Кэти на вечеринку, но она отказалась, ей хотелось нормально пообедать наедине с Нилом в Уотервью, и, возможно, они смогли бы заняться любовью больше чем раз в месяц. Высказывание Мод о ее сексуальной жизни выглядело зловеще пророческим. У Шоны Бёрк было свидание с мужчиной, с которым она познакомилась на прошлой неделе и который, как она думала, никогда больше ей не позвонит. Том тоже взял свободный вечер и вел Марселлу в один из клубов, где ее могли заметить. Друг фотографа Рики говорил, что в городе полно больших воротил из мира моды. Мистер и миссис Джей Ти Фезер собирались на концерт какого-то ирландского тенора, а молчаливый Джеймс Бирн упомянул, что намерен пойти в театр. Ханне Митчелл некуда было пойти и не с кем встретиться в этот холодный, сырой январский вечер. Кэти напонила себе об этом, стараясь сохранить на лице вежливую, заинтересованную улыбку.

Каким-то образом появилось куда больше того, что следовало сделать, – больше того, что они ожидали. Они прочитали все санитарно-гигиенические правила, подали заявку на включение в реестр. Они нарисовали логотип на своем белом фургоне. Большое развевающееся алое перо. Под ним – название фирмы и номер

телефона. Они отправились в типографию заказать визитки, буклеты и приглашения.

– Я знаю этот адрес, там была типография Магуайров, – сказал старый мужчина, принимавший заказ, когда Том и Кэти закончили обсуждать с ним шрифты.

– Да, это так, мы только что купили здание. А вы их знаете? Они были хорошими печатниками?

– О, наилучшими в свое время, но потом все изменилось, и все из-за того происшествия.

– Какого происшествия?

Мужчина перевел взгляд с одного на другого и решил промолчать.

– Не знаю, просто не помню, – сказал он.

– Они сейчас в Англии, – с надеждой сообщил Том.

– Помоги им Бог, где бы они ни были, – ответил старик.

В фургоне она сидела очень тихо.

– Кэти, мы никогда не узнаем. Перестань ломать голову, – сказал Том.

– Мы ведь знали, что там было нечто странное. И конечно, мы за миллион лет не выведем это у Джеймса.

– Это не важно.

– Разве тебе не хочется знать? Мужчины иногда уж слишком нелюбопытны.

– Наверное, это практично. Давай сегодня пойдем куда-нибудь, выпьем кофе и составим список.

Они занимались делами «Алого пера» вне дома. Было бы несправедливо оккупировать кабинет Нила либо выгонять Марселлу из ее собственной гостиной или кухни. И дело не в том, что Нил и Марселла стали бы как-то возражать – ни один из них не выразил ни малейшего недовольства, – просто у них не было времени помочь. Почти каждый вечер Нил участвовал в работе комитетов и давал консультации. Марселла записалась на двухнедельный курс аквааэробики, чтобы подтянуть и без того безупречное тело. Они говорили, что с радостью помогли бы, если бы у них было время.

И действительно, однажды вечером Нил покрасил лестницу, а в другой вечер Марселла помогла подшить занавески. А потом был вечер, когда Нил и Марселла умирали со смеху над правилами

вентиляции. Они хихикали над фразами вроде «прибор для регулирования паровых испусканий» или «размер ячеек 16, максимальный размер пор 1,2 миллиметра, необходимый для защиты от мух...». Кэти и Том успели привыкнуть к подобным фразам еще в колледже общественного питания и лишь пожимали плечами в ответ на это веселье. И их главный спонсор тоже относился ко всему покойно.

– Если бы я не верила, что вы оба можете это сделать, то не вложила бы свои с трудом заработанные деньги, – просто сказала Джеральдина.

– Как она сумела заработать столько, что смогла дать нам такую сумму? – гадал Том.

– Понятия не имею. Раньше я думала, что она была любовницей старого мистера Мёрфи, но явно нет. Наверное, просто сделала удачное вложение, мне кажется.

– Ну, пока все неплохо, – постучав по дереву, сказал Том.

Из Лондона написал Джо Фезер.

– Почему он никогда не останавливается дома, у ваших родителей? Они были бы рады... – поинтересовалась Кэти.

– Не знаю, – ответил Том. – Эгоистичность, пожалуй.

То, как он это произнес, заставило Кэти бросить на него взгляд. «Мир полон тайн», – грустно сказала себе Кэти, когда они начали составлять список для приема по случаю открытия их компании.

– Рики имеет хорошие связи, – начала Кэти.

– На его новогодней вечеринке я вел себя как последняя задница, – смущенно вспомнил Том.

– Если и так, а это на тебя не похоже, то полагаю, он вряд ли вспомнит, – успокоила его Кэти.

– Ну...

– Продолжай: «Если бы я так сказал, ты бы ответила, что мне кажется, будто весь мир вращается вокруг меня».

Том засмеялся:

– Да, ты права. Пригласим Рики ради его связей, и Шону, конечно, и пару ребят, которых знаем по колледжу. Но прежде всего, думаю, мы должны пригласить друзей и родных, ведь так?

– Само собой, хотя надо сказать, что вряд ли кто-нибудь из моих друзей и родных отложит дела ради этого и пропустит дневные ставки

с коллегами, так мой па называет своих приятелей.

– Да и мой тоже... – пробормотал Том. – Но это не важно.

– Может, договоримся тогда? Если ты не пригласишь свою родню, я не приглашу моих? – попросила она.

– Ты отлично знаешь, что родни по браку у меня нет, а вот ты *должна* пригласить своих, что тоже отлично тебе известно.

– Это просто пожелание, – вздохнула Кэти. – Если даже Ханна придет, то всем испортит настроение, а если я не приглашу ее, будет дуться полгода.

– А что Нил говорит?

– А как ты думаешь? Он говорит, чтобы я сама решала. Как будто на это есть правильный ответ!

– Так мы ее приглашаем?

– Боюсь, да. А у Марселлы есть какие-нибудь противные родственники, которые могут испортить вечер?

– Нет, она о таких не упоминала.

– Ладно, тогда я единственная, кто приглашает большого злого волка, – сказала Кэти. – Давай продолжим. Мы будем приглашать кого-нибудь из известных людей? Они вполне могут прийти.

– Определенно попробуем пригласить.

Том загорелся, и тень Ханны Митчелл уже не висела над ними.

– А мы что будем делать на вашей вечеринке? – спросила Мод.

– Не думаю, что вы там будете, – ответила Кэти.

– Но где еще нам быть? – произнес Саймон так, словно все уже было оговорено.

– Видишь ли, Саймон, это, вообще-то, для людей постарше.

– Ну, я бы сказал, для людей всякого возраста. – Саймон успел подумать об этом.

– Конечно, но не для тех, кому всего девять, – возразила Кэти, стараясь говорить как можно более ровным тоном.

– Но куда нам деваться? Ты уходишь, Нил тоже, и Матти с Лиззи уходят. И тетя Ханна, и дядя Джок. Никого не останется, чтобы за нами присмотреть.

– Матти говорил, когда забирал нас из школы, что мы тоже пойдем, – добавила Мод.

У Кэти снова возникло желание дать отцу хорошего пинка за его услужливость. Но потом она вспомнила, что он приходит к школе и ждет детей, а это было куда больше того, на что, похоже, был готов хоть кто-нибудь из Митчеллов. Она должна думать, она не должна паниковать.

– Уолтер, ваш старший брат Уолтер присмотрит за вами.

Кэти была весьма довольна тем, что нашла в своей шляпе этого кролика.

– Нет, он говорил, что поедет кататься на лыжах! – победоносно воскликнула Мод.

– Мы захватим куртки. Матти думает, для нас там может найтись хорошая работа.

– Вот как? А он, случайно, не предполагал, что я сама буду делать на этой вечеринке, или он планировал только вашу работу?

– Нет, такого он не говорил, – серьезно ответил Саймон. – Наверное, он думал, что ты просто сама знаешь, что делать, это же твой официантский бизнес, ну и все такое.

– Кейтеринговый бизнес, – строго поправила его Мод.

Фезеры поинтересовались у Тома, должны ли они ответить на приглашение официально.

– Ты сдержался? – Кэти трудилась над заварным тестом.

– С огромным трудом, – признался Том. – И это так глупо. Я же сам слышал сарказм в собственном голосе, когда спрашивал, не боятся ли они, что их не впустят.

– Они, как и мои, не привыкли к вечеринкам, – постаралась успокоить его Кэти.

– Ну, твои, по крайней мере, не станут щупать стены и говорить, что тут все всерьез нуждается еще в одном слое штукатурки, что все делалось слишком поспешно из-за нехватки времени... – Утешить Тома было невозможно.

– Да, но моя мать захочет надеть желтую нейлоновую куртку и мыть посуду в кухне. Такое уже трижды случилось, а мой папа говорит, что принесет с собой пиво, потому что от всех этих дорогих вин у него болит голова.

Кэти закончила заполнять поднос маленькими заготовками для пирожных и устанавливала таймер.

– Но у тебя есть еще и Джеральдина. Она тебя перед всеми расхваливает. – Том, говоря это, ловко разделявал цыплят.

– А у тебя есть сексуальный братец, чтобы радовать всех женщин. Давай надеяться, что он будет в ударе. Мне нравится за ним наблюдать, когда он действует. Просто изумительно, как они к нему тянутся.

– Я сначала постоянно боялся, что Марселла, как только познакомится, влюбится в него, но, к счастью, этого не случилось.

– Марселла? Влюбилась бы в Джо, когда у нее есть ты? – Кэти засмеялась.

– Но он очень привлекательный, – с легкой тревогой откликнулся Том.

– Ты хочешь сказать, очень банальный. Твоя Марселла слишком умна для этого.

В последние дни перед приемом по случаю открытия Марселла постоянно смущала Кэти, оказывая немалую помощь. Она прибежала с работы в «Хейвордсе», переодевалась в джинсы, доставала свои резиновые перчатки, чтобы защитить руки, и делала любую черную работу, какую только ей поручали, однако отказывалась подавать и помогать на самом приеме. Похоже, у нее были к тому серьезные причины.

– Послушай, Кэти, ты должна понимать, что значит иметь мечту и цель. Вы с Томом уже добились своего. А я пока нет. Я хочу стать моделью. Я знаю, что могу, и верю, что не хуже других. Я потратила целое состояние на разные курсы и портфолио. Я просто не могу показаться на публике в качестве официантки или того, кем я вечно была, – маникюрши.

– Ты могла заниматься и чем-нибудь похуже, – резковато откликнулась Кэти.

– А ты могла быть машинисткой или продавщицей, но хотела большего, – живо ответила Марселла.

Она отказывалась надевать рабочую куртку. Она должна быть только гостьей. Она пообещала, что поможет им убраться после приема, но на публике будет исключительно приглашенной. Марселлу невозможно было убедить, а потому Кэти и не старалась. В конце концов ей пришлось объяснить Тому, что ужасные близнецы могут присутствовать на вечере. И на том они договорились.

Джеймс Бирн обещал прийти. Кэти немного удивилась, но была довольна.

– И конечно, если есть кто-то... э-э-э... если вам захочется... ну... привести кого-нибудь с собой... – неуверенно предположила она.

– Спасибо, но я приду один.

Они наконец дошли до того, что называли друг друга по имени, хотя общаться с этим немолодым человеком было не так-то легко. Бирн был таким учтивым, таким старомодным. И чрезвычайно неразговорчивым. Дело с Магуайрами, похоже, было уже завершено. Однако Кэти и Том знали об этой семье печатников ничуть не больше, чем в первый день Нового года, но о Джеймсе узнали чуть больше.

Он жил в так называемой квартире с садом в одном из больших викторианских домов в Ратгаре. Основную часть своей жизни он служил бухгалтером в крупной провинциальной фирме и лишь пять лет назад переехал в Дублин. И теперь был на пенсии. Они не осмеливались спрашивать его, чем он занимается целыми днями и не трудно ли ему находить дела, как не осмеливались и спрашивать, была ли у него семья. Их разговоры, хотя и теплые, и непринужденные, всегда оставались профессиональными. Однажды Том поинтересовался, не знает ли Джеймс кого-нибудь, кто мог бы заняться их бухгалтерией. Они объяснили Бирну, что, возможно, полдня в неделю будет достаточно на раннем этапе дела, а возможно, им вообще это не понадобится. Но может быть, он кого-нибудь порекомендует?

– Я был бы рад этим заняться, – ответил он.

– Поискать человека? – Кэти не поняла, что он имел в виду.

– Нет, я хочу сказать, заняться вашей бухгалтерией, если вас это устроит. Два часа в неделю для начала будет довольно.

– Но, мистер Бирн... то есть Джеймс... мы не можем просить вас... – начал Том.

Кэти вдруг ощутила, что Бирн очень одинок и что ему нечего делать.

– Но если бы вы занялись нашей бухгалтерией на испытательный период, мы были бы в восторге, – решительно произнесла она.

И на лице Джеймса Бирна появилась непривычная улыбка, сделав его красивым. Все таким же серьезным, несмотря на улыбку, но определенно очень красивым.

– Я купила твоей матери платье и записала в парикмахерскую, – заявила Джеральдина.

– Обанкротишься! – запротестовала Кэти.

– И не в ту, на которой она настаивала, куда хотела пойти сделать прическу.

– Но платье?

– Оно из благотворительного магазина. – Джеральдина посмотрела на Кэти ясными, лживыми голубыми глазами.

– Неправда. Оно из «Хейвордса».

– Почему ты так думаешь?

– Шона Бёрк сказала мне, что встретила тебя, когда ты его покупала.

– Вот ведь сплетница! – засмеялась Джеральдина.

– Если моя мать узнает, что надела платье из «Хейвордса», то окажется на соседней с моей койке в нервной больнице, как Мод это называет. Ох, Джеральдина, что мне делать с этими детьми?

– Должен же найтись кто-нибудь на Сент-Ярлат-Кресент, кто-нибудь из соседей?

– Конечно, там с десяток таких, но ма насчет них сомневается, а я не хочу, чтобы она весь вечер была как на углях, гадая, все ли у них в порядке.

– Хорошо-хорошо, предоставь их мне, – сказала Джеральдина. – Я отведу их в детскую комнату в отеле «Питерс».

– Что это такое?

– В их случае это нагетсы и чипсы, подходящее видео и подогретый плавательный бассейн, если им захочется.

– Ты это всерьез?

– Конечно, и помни, что завтра вечером я должна защищать свое вложение, разве не так?

– Это никакое не вложение, это спасательный трос, который ты нам бросила, как всегда, – возразила Кэти.

Но Джеральдина словно не слышала.

– Ты сейчас просто переутомилась, но завтра мы будем иметь оглушительный успех, уж поверь мне. А если спонсоры уверены, то и все уверены. Покажи-ка мне еще раз меню.

– Завтра вечером вы отправитесь в один отель, – сообщила Кэти Саймону и Мод.

– Я бы лучше пошел с тобой, – заявил Саймон.

– Помогать тебе, – объяснила Мод.

– Знаю, и я это ценю, но, если честно, в том здании не так уж много места, а в отеле вы отлично проведете время.

– А Уолтер придет к тебе на вечеринку? – пожелала узнать Мод.

– Да, думаю, придет. Он не ответил, но я уверена, он там будет.

– А он будет работать на тебя и Тома? – спросил Саймон.

– Нет. Даже если все гости будут корчиться на полу, умоляя принести им выпить, Уолтер Митчелл никогда больше не будет работать на меня, – весело ответила Кэти.

– Похоже, вечеринка будет так себе, – сказал Саймон, обращаясь к Мод. – По правде говоря, я думаю, нам лучше отправиться в отель.

Нил уже встал и оделся, когда Кэти внезапно проснулась.

– Боже мой, который час?

– Расслабься, еще и семи нет.

– А почему ты встал?

– Сегодня большой день, – ответил он.

Боже, как она могла забыть?! Сегодня «Алое перо» должно стать реальностью – прием по случаю открытия, буклеты, вся компания полностью готова к делу.

– Знаю, просто с трудом в это верю. – Стоя в полосатой ночной рубашке, Кэти потерла глаза и отбросила назад волосы.

– Я понимаю, он всего лишь младший министр, но для него очень важно прийти на завтрак, и он сходит с ума по публичности, так что все это привлечет кое-какое внимание.

Кэти наконец сообразила, что сегодня большой день для Нила, поскольку их группа умудрилась заманить младшего министра на встречу по поводу политических заключенных.

– Надеюсь, это все равно немалый успех, – невыразительно произнесла она.

Он посмотрел на нее, удивленный ее тоном, но она ничего не объяснила.

– Так что я должен бежать... – наконец сказал Нил.

– Увидимся вечером, – ответила она.

– О да, конечно. Все будет отлично, милая! Даже и не думай тревожиться из-за всего.

– Конечно не буду. – Все тот же неживой тон.

Нил подошел к ней и на мгновение прижал к себе:

– Я так горжусь тобой! Ты ведь знаешь.

– Знаю, Нил.

Но ей хотелось, чтобы это было для него намного важнее, чем быстрое объятие и похлопывание по спине.

Рики прислал к ним одного из фотографов за час до начала приема, чтобы тот сделал несколько снимков шведского стола до того, как все будет разорено гостями. Подруг Кэти, Джун и Кейти, обеспечили белыми рубашками с логотипом в виде алого пера. Они стояли рядом с блюдами с лососем, овальными тарелками с жареным перцем, красочными салатами и корзинками с хлебом.

В какой-то момент казалось, что в помещении нет никого, кроме нервно ожидавшего штата, а в следующий миг оно уже заполнилось людьми. Передняя комната, которой предстояло в будущем стать небольшой приемной, выглядела сегодня отлично. Как правы они были, поставив здесь старомодные диваны и кресла! Их новая система регистрации документов была разумно скрыта в элегантных комодах. Комната выглядела мирной, и они надеялись, что заказчики будут здесь сидеть, обсуждая меню. Ничего похожего на стерильно сияющее белое и кухонный металл. Все это скрывалось за дверью, и они расчистили пространство для того, чтобы людям было где стоять, а позже и потанцевать. Сегодня передняя комната служила гардеробной с двумя огромными вешалками. Рыжеволосая красotka, которая работала в офисе Джеральдины, но не считала помощь во время приема ниже своего достоинства, выдавала людям номерки, а потом аккуратно вешала их пальто.

А дальше Джун и Кейти, две главные подруги Кэти еще со школьных лет, стояли с подносами приветственной выпивки, предоставив Тому и Кэти возможность здороваться со всеми и выслушивать похвалы и восхищение их новым помещением.

Нил был среди прибывших пораньше. Кэти планировала устроить его поближе к двери, чтобы он занялся своей матерью, если Ханна соизволит явиться. Родители Кэти уже были здесь, изумленные

увиденным, чувствуя себя неловко и не на месте. Ее отец вертел в руках шапку, которую непонятно почему отказался оставить в гардеробе, и бродил по помещению, выискивая взглядом кого-нибудь, с кем он мог бы поговорить. Ее мать, в красивом мягком зеленом шерстяном платье, за которое ее сестра выложила кучу денег в «Хейвордсе», и с чудесно уложенными волосами, даже не представляла, как замечательно она выглядит. Вместо того она обшаривала взглядом комнату, ища, где бы спрятаться.

– Мам, ты прекрасно выглядишь! – искренне сказала Кэти.

– Ну не так уж... Я тебя позорю, Кэти. Мне вообще не следовало быть здесь, со всеми этими людьми...

Почему они так неловко себя чувствуют, будто ждут, что их обнаружат, сочтут неприемлемыми и отправят домой? Кэти не впервые думала об этом и так часто задавала себе вопросы, что понимала: это бесполезно. Джей Ти и Маура Фезер выглядели так, словно им вообще здесь неинтересно. Кэти, извинившись, прервала разговор с приятным мужчиной, владельцем фирмы по уборке домов. Они как раз говорили о том, что для них может найтись возможность работать на пару, один будет рекомендовать другого.

Кэти ловко познакомила родителей. В общем, это не слишком помогло. Вместо того чтобы оказать друг другу моральную поддержку, обе пары лишь сильнее занервничали. Но кое-какую энергию и солидарность они все же обрели, осознав, что другие родители также полны сомнений. Если кому-нибудь интересно его мнение, сказал отец Тома, то ему кажется, что не стоило портить корабль, наскоро вымазывая его смолой, и следовало потратить больше времени. А Лиззи Скарлет сказала, что боится, что ребята откусили больше, чем могут прожевать. Маура Фезер заявила, что для Тома было бы идеально, если бы он вошел в отцовский бизнес, ему даже не нужно было бы пачкать руки – он просто сидел бы в офисе и искал заказчиков. Как вот эти люди, разодетые в пух и прах, имеющие достаточно денег в банке, чтобы построить огромный дом, а то и еще один. Матти сказал, что раз уж его Кэти и их Том такие замечательные повара, то могли бы работать на других, не рискуя своими деньгами, и быстро скопить небольшое состояние, но, конечно, никто никогда не прислушивается к голосу разума.

Гости чувствовали себя все более раскованными. Кэти поймала взгляд тети. Джеральдина оживленно беседовала, собирая вокруг себя все больше людей. Уровень шума к этому моменту изрядно повысился. Кэти заметила это и позволила себе пару раз спокойно вздохнуть и признать, что все идет очень хорошо. Она даже оглядела своих гостей. Джеймс Бирн в последнюю минуту позвонил и сказал, что не может прийти. Марселла выглядела весьма изысканно в прекрасном шелковом жакете и длинной черной юбке. Она не надела украшений, хотя на ее длинной стройной шее что угодно выглядело бы хорошо. Но каким-то образом все на ней казалось чрезвычайно стильным. И она притягивала восхищенные взгляды, а Том выглядел гордо. Кэти порадовалась, что сегодня Марселла не надела откровенно сексуальный наряд, так как слишком часто видела выражение лица Тома в таких случаях.

Гости всё прибывали, и наконец явились родители Нила. Джок, с его красивым, хотя и в какой-то мере невыразительным лицом, держался слегка наигранно, и складывалось ощущение, что ему следовало бы быть в каком-то другом месте. Он был добродушен и немного сбит с толку, как бы неуверенный, что пришел туда, куда нужно. И рядом с ним была Ханна в строгом темно-фиолетовом платье, лишавшем красок ее лицо. Выглядела она оскорбленной еще до того, как вошла в дверь. Но здесь нет ничего такого, что она сочла бы промахом, победоносно подумала Кэти. Совершенно ничего. Присутствовали даже несколько более или менее известных деятелей сцены и телевидения. Но в целом это была толпа хорошо одетых, хорошо воспитанных людей, которые в будущем могли стать клиентами. Однако она знала миссис Митчелл с раннего детства, слишком долго, чтобы не суметь прочесть выражение ее лица. Эта женщина искала ссоры. Но поскандалить с Кэти ей не удастся.

И похоже, всем очень нравилась еда: она стояла того, чтобы наполнять ею тарелки.

Кэти заметила, что ее отец разговорился с каким-то спортивным журналистом, а ее мать с довольным видом сидит рядом с миссис Кин, их соседкой по Уотервью. Они устроились на двух стульях немного в стороне от основной массы гостей. К удивлению Кэти, Ханна Митчелл подошла к ним:

– Приятно тебя видеть, Лиззи! Уступи-ка мне стул, будь так любезна, и тарелочку разных закусок, или как там это здесь называют...

Говорила она властно, как и мог бы предположить любой, кто ее знал. И все так бы и пошло, не окажись рядом Кэт. Бедная Лиззи Скарлет вскочила и извинилась. Она по-прежнему была прислугой миссис Митчелл, а ее застали за тем, что она сидит и болтает совершенно неподобающим образом.

– Да, миссис Митчелл. Извините, миссис Митчелл. А чего именно вам хотелось бы или всего понемножку?

Вся решительность Кэти не ввязываться в конфликт мигом улетучилась. Она основательно разозлилась. Эта женщина перешла все допустимые границы поведения и хороших манер. Кэти ледяным тоном приказала матери сесть и продолжить разговор с миссис Кин. Потрясенная Лиззи послушалась, а Кэти, действуя рукой и плечом, оттеснила Ханну Митчелл в другой конец комнаты. Скривившись, она прошипела Джун, что нужен табурет, а Кейти – что ей нужна тарелка с чем-нибудь. Потом она усадила свою свекровь в таком месте, откуда та могла видеть всех.

– Незачем было тащить меня через всю комнату, дорогая Кэти.

– Знаю, но разве не ужасно, что здесь стало так тесно? А вам был нужен какой-нибудь стул, и я хотела убедиться, что вы его получите. – Она изобразила такую улыбку, что у нее заболела челюсть.

Но провести Ханну Митчелл не удалось.

– Там и без того был для меня отличный стул.

– Жаль, но нет, это был стул моей матери. Могу я оставить вас на минутку? Очень надеюсь, что вам понравится помещение. – Она уже дрожала от бешенства.

Нил, ничего не заметивший, разговаривал со своим кузеном Уолтером, таким же беспокойным и неутомимым, как всегда. В это время вошел Джо Фезер.

– Я решил, что вам больше не нужна еда или питье в этом месте, – сказал он, вручая Кэти кухонные часы с изображением старомодной посуды на циферблате. – Великолепная работа! Вы отлично справились! Я чую запах успеха.

Кэти и Том улыбнулись ему. Джо умел говорить правильные вещи и странным образом притягивал к себе людей. Ему даже не нужно

было к ним подходить, они сами к нему шли.

Том немного убавил громкость музыки. Настал момент для речей. Том и Кэти показали друг другу большой палец. Они все выучили наизусть. Не такие длинные выступления, как при награждении «Оскаром». И без хвастовства по поводу того, какой им предстоит успех. Еще до того, как они получили это здание, они репетировали все друг перед другом. Абсолютный максимум – две минуты для каждого, а потом снова прибавить громкость музыки. Люди должны иметь возможность продолжить свои разговоры, не чувствуя, что им всерьез помешали. Все прошло именно так, как они и задумывали. Это была слишком хорошая вечеринка, чтобы прерывать ее больше чем на четыре минуты плюс аплодисменты. Закончив свои речи, Том и Кэти переглянулись. На самом ли деле они сказали то, что собирались? Ни один из них не помнил. Том с Кэти не успевали отвечать на поздравления, которые сыпались со всех сторон. Некоторые гости собрались уходить и начали забирать свои пальто, но основная часть должна была остаться намного, намного дольше.

– Как жаль, что мы не додумались обзавестись магнитофоном! – воскликнула Кэти.

– Я принесла. – Рядом с ней оказалась Джеральдина. – А вы оба были великолепны.

– А как там мама? В порядке?

– Да. Перестань суетиться.

– Тебе повезло, Джеральдина, что ты можешь вот так говорить с Кэти. Я пытался, но она тут же мне врезала, – заявил Том.

– О, семья дает тебе большие преимущества, – ответила Джеральдина и ушла.

Кэти заметила, что Джей Ти и Маура Фезер тоже уходят.

– Думаю, они не видели Джо, он все время был в другом конце помещения, – начала она.

– Оставь это, Кэти. Джо нашел бы их, если бы захотел.

– Но разве это не стыд...

– Это всегда было стыдом, но такой уж он. Не станет делать то, что ему скучно, будь то хоть сама султанша.

– Но он собирался встретиться с ними сегодня, – настаивала Кэти, сильно повышая голос. – Джо, мне кажется, твои родители уходят...

Он должен с ними поговорить. Кэти видела, как их лица осветились радостью при виде старшего сына. Джо, заметив их, старательно изобразил восторг и удивление. Он восхитился платьем матери, похвалил отца за проделанную им работу и быстро проводил до двери. Кэти никогда прежде не видела таких выражений на их лицах при разговоре с Томом. С Томом, который регулярно их навещал и заботился об их нуждах. Но когда это жизнь была справедливой?

Джеральдина вызвала такси для Матти и Лиззи, которое должно было отвезти их в отель за Саймоном и Мод. Но к тому времени, когда машина прибыла, ни один из Скарлетов уже не желал уходить. Матти намеревался встретиться со спортивным журналистом на следующих больших бегах, его пригласили в ложу для прессы. Лиззи собиралась навестить миссис Кин, чтобы посмотреть на ее новую швабру. Судя по всему, теперь не нужно было постоянно ползать на коленках, моя пол, а колени Лиззи уже немножко болели. Началось все с разговора об оборудовании для уборки, но теперь это превратилось почти в светский визит. Кэти с нежностью смотрела на мать. Наступит день – Кэти поклялась, что он наступит, – когда Лиззи Скарлет будет мыть полы лишь в своем доме. Как только Скарлеты вышли в переднюю, Ханна снова очутилась рядом с ними.

– А, вот ты где, Лиззи. Найди мое пальто, ладно, милая?

– Конечно, миссис Митчелл. Это ваш мех?

– Разумеется, нет, Лиззи, не сюда же его надевать! Нет, мое черное простое пальто... Ох, возможно, ты уже не работала у меня, когда я купила его. Наверное, ты ушла к тому времени.

– У вас есть номерок, миссис Митчелл?

– Понятия не имею, что я сделала с этим номерком. Поскорее поищи мое пальто, милая! Не хочу задерживаться здесь дольше необходимого.

Кэти поспешила вмешаться, наклеив на лицо улыбку:

– Мам, водитель такси уже беспокоится. Я найду пальто Ханны. – Вместе с Джеральдиной она усадила родителей в такси, что оказалось не так уж легко. – И послушайте, спасибо вам обоим за то, что пришли и со всеми поговорили. Вы чудесные, оба вы! И большое вам спасибо за то, что присматриваете за маленькими Митчеллами. Я просто не представляю, что бы мы все делали без вас. – Последние слова она произнесла слишком громко.

– Полегче, Кэти! – прошептала Джеральдина. – Ханна и Джок могут когда-нибудь тебе понадобится.

– Для чего, например?

– Ну ладно, все равно ты помягче.

– Конечно. Спасибо, Джеральдина. – Кэти подошла к рыжеволосой красотке, которая обслуживала вешалки, и показала на пальто свекрови. – Эта дама делает вид, что потеряла номерок. Могу я взять вон то черное?

Она держала пальто, но Ханна не сделала попытки его надеть, поэтому Кэти положила его на стул. В этот момент они были одни в передней комнате.

– Ты слишком далеко заходишь, Кэти Скарлет. Ты пожалеешь о том, как вела себя сегодня. Попомни мои слова!

– А я очень надеюсь, что вы пожалеете о своем поведении, миссис Митчелл. Вы старались унижить мою мать, чтобы разозлить меня. Да, у вас это получилось. Вы действительно разозлили меня, но унижать ее вы не можете, это недопустимо. Она достойный человек и щедрая душа, и, поскольку она получала ваши деньги за годы тяжелого черного труда, ей кажется, что она все еще в долгу перед вами.

Ханна побледнела от такой дерзости:

– Твоя мать, какой бы она ни была ограниченной, стоит десятка таких, как ты!

– Согласна. И она стоит сотни таких, как вы, миссис Митчелл. Я уже говорила ей это. Она, конечно, и слушать не стала, но это все равно правда. – Ханна Митчелл задыхнулась, а Кэти продолжила: – Поверьте мне, я очень рада, что мы вот так поговорили, и хочу, чтобы вы знали: дни моей вежливости с вами закончились.

– Да ты никогда и не была вежлива со мной, ты, грубая мелкая... – Ханна растеряла все слова.

– Когда я была маленькой и приходила поиграть в саду, если мама работала в «Дубках», то не была вежлива, верно, но когда я вышла за Нила, то старалась, старалась изо всех сил. Я не хотела создавать для него трудности, а вас я, вообще-то, жалела. Да, жалела, потому что вы были так разочарованы в жене, которую он привел в дом.

– Ты жалела меня?! – фыркнула Ханна.

– В каком-то смысле и теперь жалею, но притворяться больше не стану. Есть кое-что, чего вы так и не поняли: я никогда в жизни не

боялась вас. Вы просто не имели власти надо мной. Ваше время вышло, Ханна Митчелл. Это новая Ирландия, страна, где дети прислуги могут выходить за тех, кто им чертовски нравится, и где особы вроде вашего деверя, если он вообще хоть что-то понимает, радуются, когда Матти и Лиззи едут на такси в лучший отель Дублина, чтобы забрать его детей и отвезти их на Сент-Ярлат-Кресент, где, похоже, они могут провести ближайшие десять лет...

Ханна перебила ее:

– Когда ты извинишься, Кэти, а ты это сделаешь, уверяю тебя, я не стану тебя прощать или объяснять все это безобразие перевозбуждением из-за сегодняшнего вечера... – Ханна огляделась по сторонам и громко фыркнула.

– Ох нет, я никогда не стану извиняться, уж поверьте, я сказала все, что думала, – ледяным тоном заявила Кэти. – А если вы решите принести извинения за то, как за один сегодняшний вечер дважды оскорбили мою мать, я подумаю и спрошу Нила, что он об этом думает. А иначе мы будем держаться друг с другом вежливо на людях и вообще не общаться наедине. А теперь вы можете или пройти внутрь и присоединиться к вашему мужу, или уехать. Выбирайте сами. – Кэти повернулась и с высоко поднятой головой ушла.

Вернувшись туда, где продолжалась вечеринка, Кэти поймала полный тревоги взгляд Джеральдины.

– Она не упала в обморок, Джеральдина, не тревожься.

В первый раз за вечер Кэти Скарлет позволила себе выпить. Очень большой бокал красного вина. Она понимала, что у Ханны теперь две возможности. И на мгновение Кэти захотелось, чтобы ее отец оказался рядом и подсказал что-нибудь. Но, как частенько говаривал Матти, бывают моменты, когда подсказок не существует, когда ты должен действовать инстинктивно. А ее инстинкты утверждали, что Ханна промолчит. Рассказывать об оскорблении, нанесенном ей женой сына, означало бы привлечь внимание к ее собственным поступкам. Ханна не станет рисковать. А значит, и Кэти незачем будет что-то объяснять. Она улыбнулась при мысли, что одержала победу, настоящую, подлинную победу. Это было почти так же хорошо, как их прием.

– Мне не нравится, что ты сидишь тут одна, пьешь вино и смеешься сама с собой, – неодобрительно заявила Джеральдина.

Музыка стала громче. Том подошел к Марселле, обнял ее и повел танцевать. Подруги Кэти, Джун и Кейти, уже изрядно выпили и тоже танцевали. Кэти мечтательно положила ладони на руки Нила, и они присоединились к танцующим. Через плечо Нила Кэти видела, как Джок Митчелл оглядывается в поисках своей жены и наконец выходит за дверь, чтобы поискать ее. Видела, как тихо ушел Джо Фезер, а Уолтер перед уходом сунул под мышку бутылку вина. Кэти Скарлет закрыла глаза и продолжила танцевать с человеком, которого любила.

– О чем ты думаешь? – спросил Нил, но у нее в голове роилось столько мыслей, что Кэти не знала, с чего начать.

Глава 2. Февраль

– Скажи мне, что мы там все прибрали, – сонно произнес Том на следующее утро, обращаясь к Марселле. – Скажи, что мы не ушли просто так и не оставили все как есть.

Марселла засмеялась:

– Ты наверняка помнишь, как заявил всем, что мы ждем два такси через полчаса и что все должно остаться безупречным.

– Знаешь, мне казалось, я помню это, но боялся, что мне это лишь приснилось, – ответил Том.

– Ты заставил нас всех работать, как в ускоренной съемке, и к тому времени, когда приехали такси, все уже было уложено в пленку для пищевых продуктов, расставлено по местам и посудомоечная машина включена.

– Я гений! – радостно заявил Том.

– Конечно. Ты, правда, сказал, что надо вымыть около сотни бокалов, но ты весьма горд тем, что все мешки для мусора завязаны и пол чистый.

– Боюсь, я слишком приналег на вино, – виновато произнес Том.

– Лишь в самом конце. Вы с Кэти, должно быть, за десять минут выпили по бутылке каждый, и вы это заслужили, но ты ничего не ел и не пил весь день. – Она погладила его по лбу и стала выбираться из постели.

– Но ты же не оставишь меня одного в утро моего триумфа и с некоторым похмельем, нет? – Том был разочарован.

– Том, у меня урок танцев, – ответила она.

– Конечно.

Он забыл. Марселле, вообще-то, не нужны были эти двухчасовые уроки пластики по утрам в субботу; точно так же ей не нужны были и другие занятия. Она была гибкой, красивой девушкой, на которую все засматривались. Но Марселла была убеждена, что все эти занятия – часть ее обучения ремеслу, и постоянно трудилась, чтобы получить дополнительные деньги. После работы она тратила на это часы, а ранним утром заполняла полки в продуктовом отделе в «Хейвордсе». Только служащие видели Марселлу Мэлон за такой черной работой.

Но они не имели значения, как всегда говорила Марселла, потому что не были теми, кто мог бы помочь ей войти в модельный бизнес. Остальные же воспринимали ее как красивую маникюршу в салоне «Хейвордса» или как красивую тусовщицу, которую часто фотографируют на приемах для прессы и в клубах.

Том хорошо понимал, почему Марселла отказалась выступить в роли официантки в «Алом пере». Для нее это означало бы конец мечты, признание, что впереди ее не ждет звездное будущее. Он, правда, не был до конца уверен, что и Кэти это понимает. Иногда ему казалось, будто он видит вспышку нетерпения в глазах партнера по бизнесу, когда он говорил, что его подруга не будет им помогать. Муж Кэти, Нил, никогда не возражал против того, чтобы принести тяжелые подносы или загрузить фургон, если оказывался поблизости. Но рядом он бывал редко, да и в любом случае он мог позволить себе это, поскольку уже был кем-то – успешным и известным молодым адвокатом, его имя и фотографии часто появлялись в газетах. Он уже завоевал свое место в жизни. А Марселле это лишь предстояло.

Том знал: ему следует пойти в их фирму, разобраться с бокалами, убедиться, действительно ли вся еда убрана, но было еще слишком рано, а они так спешили вчера с подготовкой, что он заслужил еще чашечку кофе. Том посмотрел в окно на зимний пейзаж, на голые деревья и мокрый двор Стоунфилда. Отец Тома всегда говорил, что это просто позор – оставлять пустующей эту землю, когда можно построить на ней еще три дома. И они не были бы безликими, если бы при домах имелись маленькие садики, или лужайки, или еще что-то. Том тщетно пытался ему объяснить, что люди, готовые жить здесь, просто не имеют времени на то, чтобы косить лужайки. Но им нужно место, чтобы разворачивать и парковать машины, а для таких, как Марселла, еще и держать велосипеды в элегантно оформленных сараях. Джей Ти Фезер, строитель с тех давних времен, когда все было куда лучше, не понял бы этого и за миллион лет. Он, пожалуй, согласился бы с тем, что такие, как Том и Марселла, с учетом их доходов, могли бы взять ипотеку. Так что лучше не нагружать его отца такими подробностями. А подробностей становилось все больше, вздохнул Том.

Эта мысль привела его к размышлениям о брате. Джо обещал позвонить перед отъездом в аэропорт, но потом весьма туманно

отозвался о родителях. Том позвонил ему в отель.

– Ты решил, что я забыл тебе позвонить, – сказал Джо.

– Ты? Забыл позвонить родным? Никогда! – Том добродушно засмеялся.

– Я бы и позвонил. Прежде всего, хочу сказать, что вы устроили великолепный прием, очень профессионально, правда. Мы с Джеральдиной неоднократно говорили друг другу, что сделали лучшее вложение в жизни.

– Она очень красивая, эта женщина, правда? И стильная. Кстати, нет ли ее там у тебя?

Такое было бы вполне в духе его брата Джо.

– Вообще-то, нет. Ее нет. Скажем так, *именно ее* нет.

– Не понимаю, как ты умудряешься это делать, Джо. – Том покачал головой.

Представить только, Джо прихватил вчера кого-то с их приема и убедил поехать к нему в отель!

– Это просто потому, что я печальный старик без любимой жены вроде твоей.

– Она мне пока не жена.

– Знаю, но может и быть, судя по взглядам, которые она бросала на всех остальных.

Слова брата понравились Тому, и Джо это понял.

– У тебя кто-то, кого я знаю, с приема?

– Ага, – ответил Джо.

– Она с тобой? Сейчас?

– В ванной комнате. У тебя найдется время выпить до того, как я сяду в самолет?

– Мне нужно заехать в наш офис... Не хочу, чтобы Кэти пришла и занялась всем.

– Хорошо, я заскочу туда на полчаса, – решил Джо.

Уже через несколько минут Том был готов к выходу. Фургон перед домом не было, он стоял в Уотервью, у Кэти. Том поймал на улице такси. Он хотел кое о чем поговорить с Джо. Например, есть ли какая-нибудь надежда, что Джо действительно сделает хоть что-нибудь в отношении их родителей, заедет повидать их, пусть и ненадолго. Для них такой визит значил бы очень много, а на образ жизни Джо вряд ли повлиял бы и к тому же снял бы огромный груз с души Тома.

Когда Том приехал, фургон уже стоял у здания. Том рассердился не только потому, что Кэти его опередила, но и потому, что он не сможет поговорить с Джо. Возможно, они выйдут куда-нибудь выпить кофе... А позже он загладит свою вину перед Кэти. Том надеялся, что Нила там нет, в противном случае это лишь подчеркнуло бы, насколько больше они вовлечены во все это, тогда как Марселла отправилась на занятия пластикой, а Том готов ускользнуть с братом. Но нет, Кэти приехала без Нила. Зато с ней явились эти странные дети, которых она, похоже, взяла под крылышко. Они были серьезными, эгоистичными, упрямыми и ужасно невоспитанными, хотя в последнее время их поведение немного улучшилось.

– Ты опоздал! – заявил Саймон.

– А где твоя подруга? – поинтересовалась Мод.

В приемную вышла Кэти и обняла его.

– Не правда ли, такой вечер стоит запомнить? – Она глянула на детей и добавила совершенно другим тоном: – Том не опоздал. Мы здесь всего две минуты, а у его подруги Марселлы занятия по танцам. И что я вам говорила насчет того, как следует здороваться с людьми? – (Саймон и Мод опустили глаза.) – Нет, не надо тарашиться в пол! Как люди приветствуют друг друга в цивилизованном обществе? Отвечайте немедленно!

– Мы им говорим «привет» и делаем вид, что рады их видеть, – сказал Саймон.

– Мы называем их по имени, если знаем их, – добавила Мод.

– Хорошо. Извини, Том, не мог бы ты выйти и снова зайти. Тут у нас общество было не слишком цивилизованным, но оно будет таким, когда ты вернешься.

Том в раздражении вышел за дверь. Времени и без того мало, а теперь ему приходилось еще и играть в глупые игры в тщетной попытке научить манерам этих чудовищных детей.

– С добрым утром, – произнес он, входя снова.

Саймон, искривив лицо в чудовищно неестественной улыбке, шагнул вперед и протянул руку:

– С добрым утром, Том.

– Мы рады тебя видеть, Том, – сказала Мод.

– Спасибо... э-э-э... Мод и Саймон, – ответил Том, стискивая зубы из-за того, что эти двое детей приветствовали его в собственном офисе. – Большое спасибо. А чему мы обязаны такой приятной компании?

Они уставились на него, совершенно не понимая, о чем он говорит.

– Моя мать не слишком хорошо себя чувствует с утра, – пояснила Кэти.

– Выпила слишком много вина вчера вечером, – уточнил Саймон.

Кэти перебила его:

– И потому я подумала, что лучше всего будет, если они придут и помогут здесь... И если у тебя нет возражений, они готовы очень аккуратно загружать тарелки в посудомоечную машину и разгружать ее. *Быстро!* – внезапно рывкнула она на детей, и те исчезли.

– Извини, – шепотом сказала она Тому. – Мне на самом деле пришлось. Никогда не видела свою бедную мать в таком состоянии. Я так ненавижу эту старую суку Ханну Митчелл... Мне пришлось накачать маму спиртным, чтобы она просто не слышала, как эта женщина говорит с ней...

– Кэти, делай что хочешь, поверь, я просто...

– Просто – что? – Глаза Кэти вспыхнули, она всматривалась в Тома, ожидая продолжения.

– Ну... просто я, похоже, работаю меньше тебя... Я собирался встретиться с Джо и поболтать с ним, так что теперь мы можем уйти, а это нечестно по отношению к тебе... К тому же это как бы...

– Ох, продолжай, скажи это, Том! Спроси, будут ли они жить с нами до тех пор, пока мы с Нилом не состаримся и не посеедем, и я отвечу: ни черта я не знаю! Знаю только, что мы не можем их бросить. И они сами этого хотят. Ты же видишь, так что отправляйся к Джо и, бога ради, перестань говорить, что ты не тащишь свой груз. Ты сделал гораздо больше, чем я.

– Но вчера все действительно было великолепно! – воскликнул Том. – Теперь я и вправду думаю, что у нас все будет хорошо. А ты?

– Я думаю, мы станем миллионерами, – ответила Кэти как раз в тот момент, когда в открытую дверь вошел Джо.

– Вот это приятно слышать, – сказал Джо Фезер, подхватил Кэти и закружил. – Отлично поработали, Кэти Скарлет! Вы с моим младшим

братцем действительно прошли испытание.

Том заметил, что Кэти довольна, как и каждая женщина, на которую Джо Фезер обращал внимание.

Мод и Саймон выглянули из кухни на шум.

– Доброе утро, я Мод Митчелл, а это мой брат Саймон. Мы рады вас видеть.

– Разрешите взять ваше пальто? – спросил Саймон.

– А я Джо Фезер. Очень рад с вами познакомиться.

– Вы отец Тома? – заинтересовался Саймон.

У Кэти вытянулось лицо.

– Не совсем так, я скорее его брат, – любезно произнес Джо.

– А у вас есть свои дети и внуки? – Мод тоже интересовалась подробностями.

– Нет, я холостяк, то есть человек, слишком везучий для того, чтобы жениться, – ответил Джо так, словно давал интервью для радио. – И я живу сам по себе в Лондоне, в квартире в Илинге. На работу я каждый день езжу по Центральной линии, от «Илинг-Бродвей» до «Оксфорд-серкус», потом иду пешком в торговый район, там я продаю одежду.

Ничего этого Том не знал. Он знал лишь почтовый индекс брата, но не подозревал, что это в Илинге... И о поездках в метро ему тоже не было известно.

– А вы ее продаете в магазине или на улице?

– Вообще-то, это скорее нечто вроде офиса. Видите ли, одежду привозят ко мне, а затем я снова ее отправляю, – объяснил Джо.

– А вы ее как-то переделываете? – спросила Мод.

– Вообще-то, нет. Нет, она остается такой же.

– Тогда это просто дурацкая трата времени, разве не так? – заявил Саймон.

Последовало молчание.

– Наверное, так, в своем роде, – наконец согласился Джо. – Но такова система, понимаешь? И так я зарабатываю деньги.

Все снова замолчали.

– Мы слишком много говорим? – спросил у Кэти Саймон.

– В общем нет, но почему бы вам теперь не вернуться в кухню и не рассортировать посуду? – рывкнула Кэти так, что все подпрыгнули.

Мод и Саймон мгновенно удрали.

– Они необычные, – заметил Джо.

– В них всего понемногу, – сказала Кэти.

– А кто они такие? – спросил Джо.

– У тебя мало времени. Пойдите выпейте кофе где-нибудь в спокойном месте, а мы тут займемся уборкой.

Тому показалось, что Джо не хочется уходить. Его брат был бабником, всегда им был... Том невольно надеялся, что Джо не заинтересуется вдруг Кэти. Жизнь всегда была запутанной, но сейчас Тому менее всего было нужно, чтобы случилось что-то подобное. Похоже, его брат, который очаровал все женское население Ирландии, готов вмешаться в счастливейший во всем западном мире брак, брак Кэти и Нила Митчелла. И что бы еще ни произошло, этого не следовало допустить в первую очередь.

– Пойдем, Джо, посидим в «Бьюли», – предложил Том, и они ушли.

– Чем Джеральдина зарабатывает на жизнь? – спросил Джо, когда они сидели за столиком с булочками синнабон и кофе.

– У нее рекламное агентство, ты это знаешь.

– Нет, я имею в виду, как она раздобыла денег на все это и как умудряется равняться со мной?

– Забавно, – произнес Том. – Джеральдина то же самое спрашивала у Кэти насчет тебя. Ей хотелось знать, как *ты* добываешь деньги.

– И что Кэти ей ответила?

– Сказала, что не знает и что, насколько ей известно, я тоже этого не знаю.

– Ладно, а что тебе хочется знать? Спроси, я отвечу.

– Наверное, я просто не знаю точно, чем ты занимаешься. Ты никогда не говорил.

Джо наклонился через стол и посмотрел на брата без своей обычной насмешливой улыбки:

– Боже, но ты ведь знаешь, что я делаю, Том. Я арендую две комнаты в торговом районе Лондона. Я покупаю то, что делают на Филиппинах. Я импортирую, показываю розничным торговцам, они это покупают, а я покупаю еще товар, в Корее, и предлагаю еще большему количеству перекупщиков, и они это берут.

– И это все?

– Конечно, черт возьми! Ты что же, думаешь, я краду пенсионные книжки старых леди или продаю гашиш в пабах?

– Нет, конечно же нет.

– Но тогда в чем дело? Ты знаешь, чем я занимаюсь. Тут никогда не было никакой тайны. Когда ты работал в ресторанах, я знал, к чему ты идешь. Я не признавался в этом себе, а просто гадал: что Том делает в «Квентине»? Я понимал, что ты учился в помощниках у шеф-повара Патрика, как бишь его звали?

– Бреннан. Патрик Бреннан.

– Да, так. Я часто туда заходил, его жена Бренда – это нечто. Когда ты повернул в сторону кейтеринга, я понял, к чему это. Спрашивай что захочешь, если тебе непонятно, чем я занимаюсь, – усмехнулся Джо.

– Да, похоже на допрос в уголовном розыске.

– Даже хуже, похоже на допрос в ирландской налоговой службе! – с выражением насмешливого ужаса на лице воскликнул Джо.

– Кстати об этом, Джо, мы нашли очень порядочного бухгалтера...

– Меняешь тему? – засмеялся Джо.

– Нет, я хочу сказать, он на самом деле задает очень сложные вопросы, а ты меня знаешь, мне нравится, когда мелкие проблемы решаются просто.

– У меня есть действительно безупречный бухгалтер, поверь. И он окажет тебе любую поддержку.

Том решил не двигаться дальше в эту сторону на тот случай, если ему вдруг придется услышать о бухгалтерах далеко не безупречных и узнать то, что ему не хотелось знать.

– А ты когда-нибудь бывал в тех местах на Дальнем Востоке, видел, как шьют всю эту одежду? – спросил он.

– Не слишком часто. Понимаю, ты думаешь, что я капиталистическая свинья, но мне действительно не вынести такого: видеть, как бедны там люди и как мало им платят. Я предпочитаю видеть товар прибывающим на склад.

– Ох, я не могу теперь говорить о капиталистических свиньях, я сам к ним присоединяюсь, – невесело произнес Том.

– Знаю, да еще и фирма «Фезер» тоже будет твоей, – усмехнулся Джо.

– Кстати, об этом...

– Да? – Теперь в голосе Джо прозвучала настороженность, словно он знал, что последует за этим.

– Джо, я не хочу читать тебе проповеди, но разве ты не мог бы хоть иногда навещать маму с папой? Ты *никогда* с ними не видишься, и мне приходится...

– Нет, Том, ты не должен делать ничего такого, чего не хочешь сам. Я виделся с ними вчера вечером, черт побери!

– Тридцать секунд на вечеринке.

– А ты хочешь, чтобы я тратил часы, слушая, как мама объясняет мне, что я сгорю в аду из-за того, что не хожу на мессу, а папа жалуется, что моего имени нет на вывеске строительной фирмы... Нет, Том, у меня своя жизнь.

– У меня тоже, но мне приходится жить и за тебя... «Где он, почему с ним не связаться...»

Джо пожал плечами:

– Говори, что не знаешь.

– Я так и говорю, и это правда. Я не знаю. Я не знаю, почему ты, такой добрый к людям, не можешь послать родителям какую-нибудь открытку, позвонить изредка.

– Если я поеду в Манилу, то pošлю им открытку, договорились? А пока не можешь ли ты от меня отстать?

– Открытка из Лондона была бы достаточно экзотичной для мамы с папой, – сказал Том, но он понимал, когда нужно отступить.

Том и Кэти часами сидели, придумывая меню для приемов по случаю крещения, премьеры и для делового ланча... Все это было чрезвычайно важным на свой лад. Крещение должно быть событием ярким, богатым, это для людей, которые могут тратить деньги. А потому следовало сделать все правильно, дать немного больше информации о самой презентации. Театральная вечеринка проходила скромно; там хотели чего-нибудь куда более приятного, чем простые сосиски с чипсами, но за те же деньги, в какие обошлись бы сосиски с чипсами. Это требовало серьезных размышлений. Если они справятся с театральной публикой, это действительно пойдет им на пользу, тогда у них будут заказы на самые разные события. Кэти проявляла бесконечное терпение, стараясь придумать дешевую еду, которая

выглядела бы высококлассной. Может быть, кростини? И много соусов и питы. Но поскольку люди на самом деле любят сосиски, может, и нужно приготовить немного, с глазурью из красной смородины и меда? Кэти знала, что прибыли в таком случае ждать не приходится, но все это было дорого Тому, а потому он хотел помочь ей с деловым ланчем. Кэти мечтала о том, что они договорятся с какими-нибудь банками или финансовым центром, где они могли бы подавать легкие, изысканные ланчи клиентам компаний как часть корпоративного гостеприимства и находить новые заказы с каждым поданным ланчем. И еще это означало бы больше работы днем.

Как-то раз Кэти спросила Тома, не подумает ли Марселла о том, чтобы помочь с этим первым заказом, просто для начала. Никто не сможет забыть Марселлу, наливающую им минеральную воду и улыбающуюся ошеломительной улыбкой. Тому неприятно было ответить отказом, но он знал: Марселла не станет заниматься ничем подобным, а потому и спрашивать незачем.

– Я понимаю, – пожала плечами Кэти. – Но тебе придется привыкнуть к тому, что когда она станет моделью, то постоянно будет пропадать на каких-то показах.

Том вдруг потрясенно осознал, что он, похоже, думал, будто Марселла никогда этого не добьется. Он почему-то видел будущее иначе: «Алое перо» добьется большого успеха и они наймут управляющего. Будущее, в котором они с Марселлой поженятся и обзаведутся двумя детишками. Но возможно, он просто обманывал себя.

– Кэти, что, по-твоему, будет с нами через десять лет? – внезапно спросил он.

– Я бы сказала, что мы все еще будем сидеть над этим чертовым меню, а дети уже почти вырастут и станут язычниками, поскольку их даже не крестили, – ответила она. – Ну же, Том, давай подсчитаем стоимость лосося и блюда из цыплят, они хотят, чтобы все было отлично, а судя по твоим цифрам, у них вряд ли большая семья и множество приглашенных.

– Это будет слишком дорого, ты и сама знаешь. Богатые всегда цепляются к ценам.

Они вернулись к делу. Сидели и спорили в их новеньком блестящем офисе, пили кофе из чудесных чашек с логотипом «Алого

пера». Шесть штук таких, сделанных на заказ, подарила им Марселла. Подруга Кэти Джун, помогавшая им накануне, пришла сказать, что была бы рада работать официанткой по вечерам, и не подскажут ли они ей некоторые тонкости.

– Не уверен, что знаем такие, – ответил Том. – Но все равно постараемся.

Джун, маленькая веселая девушка, училась с Кэти в школе. Когда ей было шестнадцать, она забеременела. Самым замечательным в этом, по ее словам, было то, что сейчас воспитывают ребенка ее родные, а она может делать, что ей нравится. Но иногда Джун чувствовала себя уж слишком свободной, чтобы делать то, что ей нравится, – по крайней мере, так говорил ее муж. Однако Джун лишь смеялась, ведь теперь она ходит только на танцы и в клубы, поскольку именно этого ей не хватало в семнадцать и восемнадцать, когда она катала коляску и присматривала за ребенком.

– Я постараюсь не слишком бросаться в глаза или что-то в этом роде, – пообещала она Тому. – А если ты объяснишь, как называется все это, я вообще буду великолепна. Ну, по крайней мере, буду веселой, а то все эти типы, которых видишь на деловых встречах, выглядят так, словно у них кочерга в заднице.

– Верно, – согласился Том.

– Но конечно, если я им понравлюсь, мне не устоять.

– Да уж, – произнес Том.

– А когда этот твой брат снова придет? Он почти так же хорош, как ты, но он настоящий ходок, ведь так? – Джун съела один кростини.

– Джун, прекрати, ты поедаеть нашу прибыль! – решительно произнес Том. – Ох, Джо приезжает и уезжает, он нигде не задерживается. Вот он только что был здесь, а вот его уже нет.

– Чертовски волнующе! – заявила Джун.

«А вдруг именно Джун была подружкой Джо, той женщиной, которую он привел с собой в отель после приема?» – мелькнуло в голове Тома. Но нет, конечно же, не Джун. Ее толкование свободы едва ли включало в себя загул на всю ночь. Ведь у нее дома дети. И действительно, сообразил он, это не могла быть Джун. Она танцевала до самого конца, когда Джо уже давно ушел. Она была на свой лад сексуальной малышкой. Но он не стал бы спрашивать об этом Кэти. Что ему действительно было нужно, так это двое маленьких

Митчеллов. Они доберутся до сути любой истории. И почему-то никто не мог отказаться отвечать на их вопросы.

На курсах по кейтерингу Кэти и Том научились очень тщательно вести подсчеты, оценивая каждый ингредиент, работу и персонал. Им нужно было заранее рассчитать каждую порцию и то время, которое придется работать после. На театральном заказе они потеряли семьдесят шесть фунтов. Том был потрясен до глубины души.

– Это только один раз, – успокаивала его Кэти. – Это плата за репутацию фирмы. Нам следует отнести расходы на счет рекламы.

– У нас не заложены в бюджет расходы на рекламу! – в отчаянии стонал Том.

– Но это даст кое-что в будущем! – умоляла его Кэти.

– Нет, Кэти, это просто доставило удовольствие моим театральным друзьям, вот и все. Они же пригласили половину зрителей, так что никаких перспектив для бизнеса в той толпе... А мы еще потратили часы, приводя там все в порядок.

– И нам пришлось отправить Джун домой на такси, а она живет далеко, – согласилась Кэти.

– И нам пришлось заплатить ей за два дополнительных часа, потому что она их отработала. Я и понятия не имел, что все затянется допоздна, – сокрушался Том.

– Ладно, в этом месяце у нас три заказа, и на самом первом мы потеряли семьдесят шесть фунтов. Интересно, сколько мы еще потеряем к концу? Если мы сделаем это достаточно эффектно, наши расчетные книги можно будет выставлять напоказ. В качестве примера того, как не следует начинать бизнес.

– Мы должны завести эти чертовы книги, иначе кончим дни в тюрьме заодно с банкротством! А в теории все выглядело так просто, – с тоской в голосе сказал Том.

– Что нам нужно прямо сейчас, так это одна улыбка удачи, о которой мы постоянно говорили, что она у нас есть, – заявила Кэти.

Зазвонил телефон. Кэти сидела ближе к нему.

– О да, Джеймс, как вы?

Том увидел, что Кэти нахмурилась.

– Да, конечно, Джеймс, это было бы замечательно. – Она повесила трубку. – Ни за что не угадаешь, чего он хочет.

– Меня в последнее время ничто не удивляет. Но это не одна из тех улыбок удачи, что нам нужна, да?

– Не думаю, – медленно произнесла Кэти. – Он хочет, чтобы мы научили его, как приготовить ужин на двоих из трех блюд. Говорит, чтобы мы купили все, что нужно, и приехали к нему. Он оценивает наше время в пятнадцать фунтов в час. Минимум четыре часа, включая время на покупки.

– И когда ему это нужно? – спросил Том. – На этой неделе мы очень заняты, нам надо...

– Нет, это не срочно, но он хочет заплатить заранее, как за предварительный заказ. Он говорит, что так принято у профессионалов, и на этом настаивает, – объяснила Кэти, прекрасно понимая, что Джеймс просто пытается добавить какие-то деньги на их весьма скудный банковский счет.

– Тогда порядок. Шестьдесят фунтов почти покроют перерасход на театральную вечеринку.

– Нет, он сказал по пятнадцать фунтов в час *каждому*.

– Он собирается заплатить сто двадцать фунтов за приготовление ужина? Он точно свихнулся.

– Подозреваю, это ради какой-то женщины. Он ведь сказал, что мы должны действовать осмотрительно.

– Ладно. Только не будем говорить Саймону и Мод. Они тут же передадут это в шестичасовые новости! – радостно произнес Том.

Раз в месяц Нил и Марселла готовили еду для всех. Оба они были совершенно безнадежны в этом, и Том с Кэти мучились желанием встать и сделать все самим. У них бы это заняло вдвое меньше времени с более удачным результатом. Но им приходилось сидеть и наблюдать за бесконечными спорами, подгоравшими сосисками, пересыхающим мясом и утопающим в приправе салатом. Но это был своего рода ритуал.

Том подумал, что если они собираются обучать кулинарии беднягу Джеймса Бирна, то и этих двоих следовало бы кое-чему научить. Но предложить такое он, конечно, не мог. Это выглядело бы слишком неодобрительно по отношению ко всему, что происходило прежде. Однако неожиданно такое предложила Марселла. Когда она услышала об уроке для Бирна, то заявила, что они с Нилом уже

подумывали тайком пойти в ресторан «Квентин» и попросить Бренду и Патрика дать им урок. Могло ли это стать решением здесь, в их доме? Репетицией перед уроком у мистера Бирна? В этом месяце их очередь принимать у себя в Стоунфилде. Идеально.

– Если бы ты была такой же старой, как Джеймс, и он бы пытался тебя соблазнить, что бы ты хотела увидеть на столе? – спросил Том Марселлу.

– Она может и не быть старой, она вполне может оказаться молодой, – возразила Марселла.

– Ну все равно, что?

– Устрицы, филе камбалы, приготовленное на гриле, стручковая фасоль и салат из свежих фруктов без сахара, – уверенно ответила Марселла.

– Но это потому, что ты сидишь на диете с девяти лет, – жалобно возразил Том. – А она может оказаться крупной полной леди, которой жутко хочется бифштекса и пирога с почками, а еще и яблочного пирога.

– Да, но ей это не понравится на свидании, она предпочтет, чтобы с ней обращались как с хрупкой особой, даже если она не такая.

Том подумал, что это хорошая идея, и Кэти с ним согласилась.

– Нам следует включить Марселлу в нашу группу в качестве психолога, – одобрительно сказала она.

И, как обычно, Том просиял при этом комплименте. Ему нравилось, когда люди хвалили Марселлу, и иногда он боялся, что они не понимают ее достаточно хорошо, чтобы осознавать, как ее привлекает инициатива.

Кулинарный урок шел нелегко. Том и Кэти вынуждены были признать, что Нил и Марселла даже более безнадежны, чем они подозревали. Все приходилось объяснять по три раза, прежде чем что-то получалось. Ученики волновались и смущались. Даже сам кулинарный язык, простейшие термины, похоже, вызывали у них огорчение. Том и Кэти давали им разъяснения, которые, как оказалось, далеки от их понимания. Они не знали даже, что значит «сократить» что-либо. Нил уже спешил куда-то и наскоро просматривал бумаги.

– Полагаю, «сократить» значит выбросить половину? – рассеянно предположил он, собирая свои документы.

– Поверить не могу, что кто-то считает тебя взрослым человеком! – засмеялась Кэти. – Конечно, ничего такого это не значит, зачем бы тебе класть что-то вдвое больше нужного, а потом выбрасывать?

Нил пожал плечами:

– Ну, все равно это очень странно звучит. Ладно, увидимся вечером. – Он поцеловал Кэти и ушел.

Кэти хотелось крикнуть ему вслед, чтобы он не опаздывал. Ради этого урока Марселла пропускала занятия танцами. Но почему-то это показалось ей уж слишком тривиальным, и она промолчала. Том сообщил, что Марселла думает, будто «сократить» означает, что ты все сделал неправильно и нужно начать снова с меньшим количеством ингредиентов.

– Мы взялись за слишком тяжелую задачу, – грустно сказал он.

Кэти заехала в тот дом, где, как она знала, должна была работать ее мать. Лицо Лиззи осветилось при виде дочери.

– Какой прекрасный сюрприз! – воскликнула она, усаживаясь в фургон. – Я чувствую себя важной леди, когда меня так вот везут. Надеюсь, они это видели.

Кэти посмотрела на мать с нежностью. Она встречала так много людей, которые выглядели бы недовольными, садясь в большой белый фургон доставки, но для Лиззи Скарлет это было наслаждением.

– Послушай, а другим тоже нравилось готовить дома в юности или только мне? – спросила Кэти.

– Мэриан умела. Она вообще справляется со всем, чего коснется. У нее просто автоматически все получается, но остальные не увлекались... Да у них и времени не было научиться, они все так рано уехали. Зачем оставаться тут, когда там можно заработать целое состояние? – Лиззи вздохнула.

С тех пор как старший сын оказался в доме своего дяди в Чикаго и сообщил подросткам, какое жалованье можно получать в Иллинойсе, ее дети с трудом могли дождаться, когда им исполнится восемнадцать, и тут же мчались в аэропорт. И они были поражены, когда Кэти не проявила ни малейшего интереса к эмиграции. Ее мать тогда выглядела такой усталой, как после целого дня тяжелой уборки...

– Не слишком ли много было детей, ма?

– Нет, мне нравится их компания, а твой папа отлично с ними ладит. Он никогда не сердится на них. Я-то иногда...

– Знаю, мам. Но ты слишком добра ко всем.

– Но как приятно иметь рядом детишек! Я всегда готова снова за ними присматривать, когда вы с Нилом... ну... то есть если вы с Нилом...

– Мам, я сто раз говорила тебе, что пока это невозможно, а может, и еще долго... Мы сейчас слишком заняты.

– Благослови Господь прежние времена, когда у тебя просто не было выбора в этом деле, – сказала ее мать.

– Теперь ты говоришь, как мать Тома. Она постоянно твердит о добрых старых временах. Только это не были добрые времена, мам. В твоей семье вас было одиннадцать, а в семье папы – десять. И какие у вас были шансы?

– Мы все делали правильно. – Голос Лиззи прозвучал высоко и напряженно, она почувствовала обиду.

– Мам, конечно, делали, и ты для нас тоже делала все, что могла, но это было для тебя нелегко, вот что я хотела сказать.

– Да. Да, понимаю.

Они приехали на Сент-Ярлат-Кресент. Лиззи все еще дулась на необдуманное замечание дочери.

Кэти умоляюще посмотрела на нее:

– Полагаю, мне не стоит надеяться на чашку чая, так?

– Почему же, если у тебя есть время...

– А может, там осталось еще и немножко яблочного тарта?

– Ох, хватит, Кэти! Хватит вести себя как пятилетнее дитя!

Лиззи уже искала в кармане ключ, умирая от желания поставить на огонь чайник. Кэти знала, что ее мать способна обижаться не дольше сорока пяти секунд. И ощутила, как ее глаза защипало от слез.

Они собрались в квартире Тома в Стоунфилде. Все ингредиенты лежали на столе, и Марселла с сомнением смотрела на них. Нил пока не давал о себе знать.

– Может, начнем? – предложил Том.

Нил и Марселла с таким трудом все осваивали, что все равно они вряд ли смогли бы что-нибудь приготовить до полуночи. Том и Кэти терпеливо объясняли, и бедная Марселла изо всех сил старалась

следовать их инструкциям. Потом зазвонил мобильник Кэти. Это был Нил, обещал явиться через час и спрашивал, не начнут ли они без него?

– Предатель! – крикнула Марселла с другого конца комнаты.

– Пообещай ей, что я приеду и сделаю свою часть работы! – попросил Нил.

Но Кэти уже слишком много раз слышала подобное, чтобы давать обещания. У них кончилось вино, но Нил, отвечавший за напитки, до сих пор не пополнил запасы. Кэти знала, что он легко может все забыть, и позвонила ему. В трубке слышался шум паба.

– Прости, милая, я уже еду. – Похоже, он был немного раздражен ее надоедливостью.

– Я лишь хотела напомнить тебе о вине, – холодно произнесла Кэти.

– Черт! Спасибо, что напомнила. Я совершенно забыл... Может, откроете то, что у вас есть... если оно есть.

– Есть, – коротко бросила Кэти.

– Хорошо, Кэти!

Нил прибыл в Стоунфилд через час, ровно на два часа позже обещанного. Он привез бутылку дорогого вина, тут же открыл ее и налил всем. Марселла сражалась с главным блюдом – цыпленком в вине – и была уже совершенно измучена.

– А ты, Нил, займешься десертом, – сказала она, падая на стул.

– Конечно займусь, и уборкой тоже. – Нил добродушно улыбнулся всем.

– Объясните мне наконец, что значит это ваше «сократить». Я всех спрашивал сегодня на собрании, и они думают, что это имеет отношение к калориям. – (Том с Кэти объяснили.) – Но почему бы не использовать более подходящее слово... ну... сделать более густым? – поинтересовался Нил.

– Или просто выпарить лишнее? – предложила Марселла.

Том и Кэти делали записи во время кулинарного урока. Нужно было все основательно изменить, прежде чем они начнут занятия с Джеймсом Бирном. Мусс из лосося оказался ученикам не по силам, значит его следует вычеркнуть из списка. Цыпленок в вине был неплох, но на его приготовление ушел целый день и вся ночь. Тирамису и на вид, и на вкус был отвратителен. Том даже не понимал,

почему это так, но десерт был сырым и ничем не напоминал то, что они просили сделать. Еда была ужасная, но почему-то вечер не был испорчен. Кэти заметила, что Марселла практически ничего не ест и лишь понемножку прихлебывает вино. Нил предложил сдержать свое обещание и вымыть посуду, но Том и Кэти знали, что если позволят ему это, то просидят здесь до рассвета, а потому сами все прибрали с бешеной скоростью.

– Неплохо получилось, да? – Кэти восхитилась их работой.

Том окинул взглядом квартиру:

– Небольшая площадь весьма практична, но мне бы не хотелось жить здесь вечно. Лучше просто пройти через это, не оставив следа.

Когда он это сказал, квартира действительно показалась весьма минималистской. Голые белые стены, не слишком много книг на полках, никаких украшений на каминной полке или на подоконнике. Вообще-то, немного похоже на номер в отеле.

– Иногда я чувствую то же самое насчет Уотервью. Если погрузить книги Нила в фургон, то больше ничего не останется. Но, с другой стороны, хотел бы ты жить, как на Сент-Ярлат-Кресент, где вообще нет места, чтобы что-то положить? – спросила она.

– Или как в «Фатиме», – согласился Том.

Они сошлись на том, что лучше всего в мире – золотая середина.

Они и не представляли, как трудно налаживать контакты. Люди или не считали себя теми, кто нанимает поставщиков продуктов питания, или уже знали кого-то, кто делал все вполне хорошо. Джеральдина и Рики дали им несколько имен, но все они оказались пустышками. Том был полон решимости не терять бодрости духа.

– Послушай, мы напечатаем флаеры и найдем какого-нибудь ребенка, чтобы он разнес тысячу-другую.

Если Кэти и думала, что это бесполезно, то промолчала. Иногда после целого дня безрезультатных поисков работы она могла бы сказать, что лишь энтузиазм Тома заставляет ее продолжать. И он был искренен, он действительно верил. Том не просто старался морально поддержать ее. Они были так хороши, у них имелись такие оригинальные идеи, они так много работали... И это лишь вопрос времени, люди все это увидят и оценят их такими, какие они есть. И

Том никогда не сидел на месте и не ждал, когда что-то случится. Он всегда был в движении, искал, расспрашивал, выяснял.

– Мне неприятно отнимать у тебя время, Джеральдина, но нельзя ли мне прийти и потратить всего тридцать минут, чтобы еще раз просмотреть список твоих клиентов? Ты ведь знаешь, как мы хороши, тебя не скомпрометирует то, что ты нас порекомендуешь.

– Моей репутации пойдет лишь на пользу, если ко мне явится такой интересный молодой человек, как ты, – ответила Джеральдина. – Заходи утром в воскресенье, и мы посмотрим, что можно найти.

Многоквартирный дом Гленстар содержался в идеальном порядке. Здесь постоянно работали ландшафтные дизайнеры, все внешние деревянные конструкции красили ежегодно, везде блестела бронза, в холле стоял нарядный швейцар. Том гадал, сколько здесь платят в год за обслуживание. Потом он напомнил себе, что не следует постоянно думать о том, сколько стоит то или иное, или о том, что оно приносит. Именно так смотрели на мир его родители, но ему это определенно не было нужно. Просто уроки с Джеймсом Бирном оказались слишком утомительными и беспокойными.

Бирн организовал хранилище для записей и завел специальные книги регистрации, строго-настрого приказав, чтобы сохранялись все рецепты и все подробности о каждой единице купленного оборудования, чтобы любое ухудшение его работы сразу отмечалось. Он объяснил, как они должны выставлять счета официантам или официанткам, которые просят клиентов платить им наличными. Так они избегали проблем с налогами. Разговоры с Джеймсом Бирном зачаровывали. Они заставляли Тома чувствовать, что возможно все, что угодно, и что они защищены ото всех минных полей, подготовленных им налогом на добавленную стоимость или любой другой формой налога. Три февральских заказа были не слишком плохи. Так ли? И Том продолжал охоту на новые заказы. И у него была воскресная встреча с Джеральдиной О’Коннор, и она вполне могла порыться в своем списке клиентов и решить, к кому можно подойти и с какой стороны.

Джеральдина выглядела великолепно: на ней был темно-зеленый мягкий бархатный спортивный костюм, волосы были еще слегка влажными после плавания в бассейне Гленстара. Ее большую

гостиную наполнял аромат кофе. Воскресные газеты были разбросаны по длинному низкому столу перед диванами.

Джеральдина сразу приступила к делу, и они провели целый час, рассматривая любую из возможностей.

– Отель Питера Мёрфи бесполезен, конечно, у них и так есть все, что нужно, и они сами поставляют бизнес-ланчи. Садовый центр никогда не желает тратить деньги, они выставляют клиентам капельку теплого белого вина, и все. Агентству по недвижимости можно в крайнем случае послать меню и письмо, в котором говорилось бы, насколько выиграет любое будущее мероприятие, если подавать необычные и запоминающиеся канапе. Примерно так: «Это может дать людям нечто такое, что вспомнится среди их монотонных дел».

Том восхищенно смотрел на Джеральдину. Она никого не боялась. Откуда у нее такая уверенность?

– Но, Том, вот это чуть более обнадеживает... – Она дала ему адрес какой-то компании, занимающейся импортом. – Они закупают множество одежды, даже кое-что у твоего брата, о чем он рассказал мне вчера вечером. Для этих ребят нет пределов. И они теперь полностью законны, никакой черной бухгалтерии. Я посоветую им искать большей известности и устроить для этого высококлассный прием. И пообещаю, что тогда у них будут покупатели даже из «Хейвордса».

– А сам «Хейвордс»? – с надеждой спросил Том.

– Нет, никаких шансов. Мы с Шоной Бёрк уже говорили об этом, и не раз. Она старается как может, но у них есть кафе, так что им нет смысла звать посторонних.

– Да, знаю, это так. Просто у них могла бы найтись какая-нибудь мелочь и для «Алого пера», – с тоской произнес Том.

Но Том, прежде всего, имел в виду, что это пошло бы на пользу и Марселле. Если ее друг занимается кейтерингом высшего класса, она рядом с ним тоже выглядела бы неплохо. Но это было неосуществимо. Они продолжали работать над списком. Возможно, фармацевты, образовательный проект – мимо, организаторы больших литературных конкурсов связаны с пивными компаниями, и у них есть свои контакты, те, кто занимается трансграничным сотрудничеством, лишних денег не имеют. Том изумлялся точности, с какой Джеральдина вела свои дела. И она высказывалась о своих клиентах

обдуманно и осторожно, подчеркивала, что все это строго доверительно, что она не имеет возможности повлиять на кого-нибудь из них. Она предложила встретиться у нее дома, а не в офисе, поскольку не хотела, чтобы ее служащие знали, что она делится с кем-то информацией. И Джеральдина чувствовала себя так свободно, в отличие от других женщин, которых он знал. Не как ее сестра Лиззи – та постоянно тревожилась и извинялась. И не так, как Кэти, которая была одержима желанием показать Ханне Митчелл, что она деловая женщина. И не так, как его мать, которая во всем видела только плохое и полагалась на силу молитвы. И не так, как Шона Бёрк; у Шоны всегда было отсутствующее, печальное выражение лица. Он вспомнил, как Джо спросил, где Джеральдина сумела найти деньги, чтобы купить это агентство, но Том никогда не смог бы задать ей такой вопрос, хотя великолепие апартаментов и ее готовность поддержать их с Кэти в начинаниях иногда заставляли его задуматься над этим. Том нахмурился. Он не будет одержим деньгами, как многие в эти дни.

– Какого черта ты кривишься, Том? – Джеральдина ничего не упускала.

– Вообще-то, думал о деньгах и о том, почему они не должны становиться божеством, но если ты за ними не присматриваешь, то вылетишь в трубу, – ответил он.

– Я понимаю, о чем ты. Деньги сами по себе совершенно не важны, но для того, чтобы их заработать и добиться той жизни, какой тебе хочется, ты должен на какое-то время притвориться, что они важны просто для того, чтобы они приходили. – На мгновение ее лицо стало жестким.

Том больше ничего не сказал на эту тему. Он собрал свои записи, собираясь уйти. Когда он отнес в кухню чашку, то увидел там на столе продукты для приготовления ланча.

– У тебя сегодня хлопотливый день? – спросил он.

– Друг придет на ланч, – оживленно ответила Джеральдина. – Что, кстати, напомнило мне... Найди в морозильнике канапе и достань их, а потом можем поговорить о чем хочешь.

– Конечно, но почему бы тебе не позволить *нам* приготовить для тебя ланч. В любое время. Это меньшее, что мы можем сделать.

– Знаю, Том, и Кэти уже говорила об этом. Вы оба очень милые, но тем, кого я приглашаю, нравится думать, что я сама приготовила все

для них, собственными руками.

Шона Бёрк выскочила из своей маленькой машины и окликнула его, когда он уходил.

– У тебя есть телефон твоего брата в Лондоне? – спросила она.

– Нет, и ты туда же! Что вы все в нем находите? – застонал Том.

– Чистый бизнес, – сказала она. – Но в любом случае ты выглядишь куда лучше, чем он. Просто в конце весны в «Хейвордсе» будет рекламная кампания для молодых людей, а он говорил, что, может быть, у него найдется линия того, что называют одеждой для отдыха, ну... купальники, пижамы и все такое.

– Извини, Шона. – Том достал записную книжку, чтобы найти лондонский номер Джо.

– Ты что, его не помнишь?

– Ну, у меня нет памяти на номера. – Шона кивнула, и Том почему-то решил добавить: – Так или иначе я не слишком часто ему звоню, как и он мне, уж не знаю почему. А у тебя есть сестры и братья?

Шона замялась:

– Ну да, в каком-то смысле.

Ответ был странным, но Том не стал уточнять. Некоторым людям было неприятно, когда их расспрашивали о родных, как, например, Марселле. Ее мать умерла, а отец, женившийся снова, просто не интересовался ею, говорила она, и Марселла предпочитала оставить все как есть. А вот Кэти, наоборот, каждый день могла поболтать о своих родителях: она любила Лиззи и Матти, несмотря на смиренную благодарность, с которой ее мать относилась к жизни. Кэти могла также поговорить и о свекрови, о вечной враждебности Ханны, и о своих сестрах и братьях в Чикаго, в особенности о Мэриан, старшей, – та служила в банке, и ей до недавних пор не везло в личной жизни, но теперь она собиралась замуж за парня по имени Гарри, похожего на кинозвезду. А если посмотреть на его собственного брата Джо, так у него вообще не было привязанности к семье. Помахав на прощание Шоне, Том сел в фургон. Она стояла, не обращая внимания на начавшийся морозящий дождь, даже не стараясь прикрыть волосы, как сделало бы большинство женщин, и выглядела до странности одинокой и ранимой. А ведь она была интересной, пусть и не красивой

в точном смысле этого слова. Марселла всегда говорила, что Шона Бёрк могла бы выглядеть намного лучше, если бы пользовалась косметикой и не причесывалась так старомодно. Ее волосы были тусклыми и жидкими. Но у нее была чудесная улыбка. Том даже подумал на мгновение, не она ли была в отеле с Джо после той вечеринки. А почему нет? Они оба свободны. Ей незачем кому-нибудь об этом рассказывать. Потом он спохватился. Не следует ему гадать таким образом. Шона что-то говорила, и он открыл окно фургона, чтобы расслышать ее.

– Я просто говорю, что ты очень спокойный, Том, мирный и красивый человек, – сказала Шона.

– И ни слова о той беспощадной решительности преуспеть, что гонит меня вперед? – поинтересовался он в ответ.

– Ох, ну это само собой. – Она засмеялась.

На следующий вечер, вернувшись домой из салона красоты в «Хейвордсе», Марселла сообщила Тому потрясающую новость. Женщина, которая пришла привести в порядок волосы, сделать маникюр и массаж лица, сказала, что собирается устроить в субботу сногшибательный прием по случаю крещения и что ей нужен по-настоящему отличный кейтеринг. Том просто не мог в это поверить. Люди уже говорили о них, а они еще и не начали дело по-настоящему! Он не мог дожидаться возможности сказать об этом Кэти. Но они с Нилом сегодня везли детей повидать их матушку где-то на краю света. Придется рассказать ей завтра.

– Отпразднуем? – спросил он Марселлу.

– Ох, милый, я только сбегаю в спортзал, – ответила она.

– Но не могла бы ты... только один вечер... Просто поднять бокал за прекрасных людей в «Хейвордсе», которые упоминают о нас как о прекрасных поставщиках?

– Том, мы же договорились. Абонемент стоит ужасно дорого, и, чтобы это имело смысл и принесло мне какую-то пользу, я должна ходить туда каждый день.

– Конечно, – согласился он, потом подумал, что в его голосе должно быть больше теплоты, и добавил: – Ты абсолютно права. И как только мы станем по-настоящему прекрасными поставщиками, ты

будешь ходить на любые занятия, приходить как гость на наши потрясающие мероприятия и везде фотографироваться.

– А вы обязательно будете иметь огромный успех... И ты это знаешь, – сказала Марселла, и Тому показалось, что он заметил слезы в ее глазах. – Я не просто так это говорю... ты на самом деле знаешь.

– Да, знаю. – Ему было известно, что она с самого начала хотела наилучшего для них. – Конечно знаю, – повторил он и прижал Марселлу к себе, прежде чем она пошла укладывать трико, кроссовки и лосьон для тела.

Том смотрел ей вслед в окно, пока она не помахала ему рукой от ворот Стоунфилда, как делала всегда. Том гадал, понимает ли она сама, насколько она красива и привлекает внимание, что ей совершенно не нужно терзать себя безжалостным режимом.

Позвонил Рики. У него были готовы нужные им фотографии, шесть черно-белых художественных снимков разных блюд, которые они собирались повесить в приемной. Он мог завезти их завтра утром, если будут готовы рамки, и не хочет ли Том записать размеры.

Том хотел и приготовил бумагу и карандаш.

– Я собирался отдать их тебе вечером, но прикинул, что мы будем выглядеть глупо, занимаясь делами во время приема, – пояснил Рики.

– Приема?

– Ну да, ты же знаешь, в новом клубе?

– Нет, я вообще об этом не слышал.

– Но я говорил Марселле. Она сказала, что вы придете, – недоумевал Рики.

Том почувствовал, что его сердце забилось быстрее.

– Ну, наверное, какое-то недопонимание, – пробормотал он.

– Безусловно. Ладно, они в формате портрета. Сначала запиши размер по вертикали, потом по горизонтали. Твой отец подготовит для них место, да?

Рики продиктовал все размеры. Том записал в блокнот целый ряд чисел в сантиметрах, но действовал на автопилоте. Он не мог поверить в то, что Марселла просто сделала вид, будто идет в спортзал, хотя на самом деле собралась куда-то без него. И как тогда она объяснит позднее возвращение домой? Том ощущал такое потрясение и предательство, что почти не слышал слов Рики.

– Хорошо, я лучше пойду одеваться. Безумная идея – устраивать прием в такое время. Никто еще толком не проснулся. Увидимся завтра в твоём штабе.

– Хорошо, Рики, миллион раз спасибо, – ответил Том Фезер бодрому фотографу, только что разбившему его сердце.

Ему нужно передать отцу размеры. Фотографии должны были висеть на длинной рейке с вырезанными в ней пазами, на определенном расстоянии друг от друга, и Джей Ти уже интересовался, когда кто-нибудь сообщит ему, что именно он должен сделать, чтобы это не оказалось выполнено кое-как. Пальцем, который, похоже, приобрел вес свинца, Том набрал номер своих родителей, понимая, что сначала он должен поинтересоваться, как там настроение и прочее, прежде чем отец согласится записать размеры. «Пожалуйста, – мысленно молил Том, – пусть трубку возьмет отец... я просто не могу сейчас повторять процедуру приветствий дважды, если ответит мать».

– Да, – прозвучал голос в трубке.

– Простите, – начал Том. – Я ошибся номером. Я звонил Фезерам.

– Это и есть Фезеры. А вы кто?

– Том, их сын.

– Дрянь вы, а не сын, у вас что, ума не хватило оставить свой номер рядом с их телефоном?

– Но они *знают* мой номер! – воскликнул Том, ошеломленный грубостью и несправедливостью.

– Ну а сейчас они его не помнят! – закричала женщина.

– Что случилось?..

Его охватил незнакомый доселе страх. Он слышал голоса невдалеке от телефона. Да, что-то случилось... Наконец после того, как он заверил женщину, что его номер стоит в начале списка в блокноте с пластиковой обложкой, который его мать по какой-то причине держала в ящике кухонного шкафа, резкий женский голос согласился объяснить, что происходит, и он узнал, что у его отца случился сердечный приступ, а его мать выбежала на улицу, зовя на помощь. Почти все соседи с их маленькой улочки явились в «Фатиму», кто-то поехал в больницу, когда прибыла «скорая», а другие остались,

чтобы приготовить чай для бедной Мауры, которая была совершенно не в себе и просто ничего не понимала.

– Я могу с ней поговорить?

– А почему бы вам просто не приехать сюда? – неприятным тоном ответила женщина.

В этом был смысл. Тому надо быть более добрым к отцу и менее нетерпеливым... Он схватил ключи от машины и куртку. Помедлил секунду, прикидывая, не написать ли записку. Они с Марселлой часто оставляли друг другу письма на столе. Но ему не хотелось сообщать ей об отце. И более того, он не мог простить Марселлу за ее ложь. А он знал, что она солгала. Она выглядела слишком взволнованной, отправляясь в спортзал, она слишком хорошо пахла, у нее на глазах почему-то выступили слезы... Но, с другой стороны, она не должна думать, что он просто сбежал. И Том написал:

Отец приболел, еду к нему, надеюсь, ты насладишься приемом.

Это все ей объяснит. И Том поехал в больницу.

В отделении интенсивной терапии ему сказали, что, если приступ у его отца не повторится, прогноз вполне благоприятный. Компетентные, спокойные мужчины и женщины примерно его возраста, которые знали все о сердечных клапанах и артериях. Медсестра вежливо спросила, не хочет ли он посидеть снаружи. Том сообразил, что он, должно быть, торчит у всех на дороге.

– Он сейчас отдыхает, у него все хорошо.

– Да, знаю. Спасибо. – Том улыбнулся.

Она тоже просияла широкой, открытой улыбкой. Это была коренастая веснушчатая девушка с деревенским акцентом и слегка растрепанными волосами. Том узнал взгляд, который она бросила на него. Именно такой взгляд почти каждая женщина в Ирландии бросала на его брата Джо. Заинтересованный, понимающий и слегка влекущий. Том посмотрел на нее с пустым сердцем. Очень милая девушка, в белом кардигане поверх сестринского халата. Но конечно, он и за миллион лет не смог бы заинтересоваться подобной женщиной. В сравнении с его Марселлой эта девушка была словно с другой

планеты. Абсолютно разные биологические виды. Том вышел в холодный вечер, чтобы плотннуть свежего воздуха и позвонить с мобильного матери.

– Он неплохо выглядит, мам.

– Что ты хочешь сказать, что значит – хорошо выглядит? Разве я не видела его собственными глазами, как он хватался за грудь и задыхался?

– Но сейчас он спокоен, мам, он нормально дышит.

Маура всхлипнула, и Том услышал, как соседка утешает ее.

– Я позвоню тебе через час.

– Зачем? – поинтересовалась она.

– Чтобы сказать, что все по-прежнему хорошо.

– Ему конец, Том, и ты это знаешь. Ему не следовало лазить по лестницам в его возрасте, он просто ужасно хотел сделать то место для тебя наилучшим образом!

– Это не имеет отношения к лестницам, так мне сказали. Это даже хорошо, так здесь говорят.

– О, так ты уже все знаешь о медицине? Парень, который даже десятый класс не закончил! Тот, кто отказался войти в бизнес отца, чтобы помогать ему! Ты вдруг все узнал о причинах сердечных приступов, да?

– Мам, я еще позвоню.

Он уже замерз, но это было лучше, чем жара, и шум, и запахи лекарств в больнице. Том ушел под навес для велосипедов, прячась от ветра, забился в угол и мысленно пожелал отцу выздоровления. А когда отец поправится, они поговорят по-мужски, и Том не отстанет, пока разговор не выйдет за рамки обычных пожатий плечами. Он должен настоять на том, чтобы его родители регулярно бывали в Стоунфилде. Он будет готовить то, что они любят: жареных цыплят, картофельную запеканку с мясом... Он должен просить Марселлу говорить с ними о том, что им интересно. Марселла... Он вспомнил о ней с ужасом. Он стоял и смотрел, как люди приезжают и уезжают в своих машинах с большой уродливой парковки. Что за отвратительное место!.. Но если уж говорить о деньгах, которые тратятся на больницы, Том предпочел бы, чтобы они шли на аппараты, которые будут следить за сердцем его отца, а не на лужайки вокруг. Он увидел, как кто-то, очень похожий на Шону Бёрк, в дождевике и с сумкой через плечо,

запер машину, а потом направился в приемный покой. Это и была Шона. Том шагнул было вперед, чтобы поздороваться с ней, но тут же отступил назад. Он не хотел говорить с ней об отце, так как пока сам не знает, что сказать. И еще он не хотел, чтобы она спрашивала о Марселле. Было бы нормально, если бы чья-то подруга оказалась здесь, ведь речь шла о жизни его отца. Но как же насчет Марселлы?.. Однако Шона сама его заметила и окликнула:

– Ты, похоже, замерз, Том.

– Да, но внутри уж очень жарко.

– Я все знаю об этом заведении, ведь я довольно часто здесь бываю...

– Мне жаль, это...

– Все в порядке, Том. – Она говорила мягко, но давала понять, что не стоит обсуждать, к кому она приехала. – Но ты выглядишь неважно. Пойдем внутрь ненадолго.

– Хорошо.

Поначалу они не задавали друг другу вопросов. Потом Шона повернулась к нему:

– Дело плохо?

– Я не знаю. У отца... боли в груди, стенокардия... Все зависит от этой ночи. Если он доживет до утра, у него будут хорошие шансы.

– Бедный Том, когда это случилось?

– Я узнал чуть больше часа назад. Настоящий ад разразился... Моя мать так расстроена, что я боюсь, как бы она не оказалась на соседней с ним койке.

– Ты хочешь сказать, что только что узнал?

– Ну да, и до сих пор не пришел в себя.

– Значит, Марселла еще ничего не знает?

– Нет, – безжизненным голосом произнес Том.

– Ох, бедная Марселла... Я предложила подвезти ее домой из спортзала, но она сказала, что поедет на автобусе и по пути купит тебе цветок в горшке в качестве сюрприза.

И тут на глазах всего приемного отделения Том Фезер поцеловал Шону Бёрк и восторженно вскрикнул:

– Так она была в спортзале? Вечером?

– Но ты же это знал, Том! Она сказала, что ты хотел, чтобы она осталась дома и вы бы отпраздновали то, что люди называют вас

класными поставщиками!

Он ехал домой на бешеной скорости и сам удивлялся тому, что не слышит за спиной постоянного воя полицейских сирен. Он вошел в дверь – и она сидела за столом, а рядом с ней стоял большой папоротник в горшке.

– Марселла... – выдохнул Том.

– Как твой отец? – Ее голос был ледяным.

– С ним все будет хорошо, он под присмотром... Ты была в спортзале?

– Как я тебе и говорила. – Лицо Марселлы застыло.

– Марселла, если бы ты знала... Понимаешь, я подумал...

– И что же ты подумал, Том?

– Я предположил, что ты отправилась в клуб на вечеринку... – (Она склонила голову набок, словно задавая вопрос.) – Понимаешь, позвонил Рики, сказал, что приглашал тебя.

– Да, приглашал. Но я не захотела пойти, поскольку ты слишком занят и устал и я знаю, что ты ненавидишь эти приемы, а потому пошла в спортзал, как собиралась и как говорила тебе.

Том не смог удержать выступившие на глаза слезы.

– Прости. Понимаешь, я не предполагал... я не думал, что ты можешь любить меня достаточно для того, чтобы ради меня отказаться от чего-то такого...

– Да, конечно любила. – Она говорила ровным тоном, ничем не показывая, что видит, насколько он расстроен.

– Ты меня любишь, теперь я это знаю.

– Нет, Том, я сказала: любила, а не люблю.

– Но ведь это не изменилось? Нет?

Она взяла записку и протянула ему:

– Ты самый невыносимый, недоверчивый человек из всех, кого я знаю. Как можно тебя любить? – Она встала и ушла в спальню.

– Марселла, но ты же не уходишь... – Том смертельно побледнел.

– Если ты воображаешь, что я могу остаться на ночь здесь, с тобой, когда ты считаешь меня лгуньей...

Он встал в дверях спальни, глядя на нее.

Марселла сняла с себя все и потянулась к одной из тех микро-юбочек, которые он так ненавидел. Она достала из ящика комода

колготки и направилась в ванную.

– И куда ты?

– У меня есть друзья. Найду, куда деться.

– Пожалуйста, Марселла...

Она вызвала по телефону такси и захлопнула дверь ванной. Потом, услышав дверной звонок, вышла.

– Мне так жаль, – пробормотал Том.

– Все правильно, Том, ты должен пожалеть, потому что я всегда говорила тебе правду, а если ты думаешь, что можно лгать тому, кого по-настоящему любишь, то у тебя серьезные проблемы.

И она ушла. Потом зазвонил телефон. Это была его мать.

– Ты сказал, что позвонишь через час, и мне пришлось самой звонить в больницу!

– С ним все в порядке, мам?

– Ты просто невероятно заботлив, Том!

– Мама, прошу...

– Он на грани. Том, что нам делать, если он умрет?

– Я сейчас приеду в «Фатиму», ма.

Но, прежде чем уйти, ему нужно было сделать еще две вещи. Он позвонил Джо в Илинг. Там был автоответчик.

– Джо, это Том. У папы сердечный приступ. Я оставлю тебе номер больницы. Нужно только сказать, что ты его сын, и тебе все объяснят. Надеюсь, ты что-нибудь предпримешь, Джо, но это твоя жизнь, не моя, так что думай сам.

Потом он сел и написал записку, чтобы оставить ее на столе.

Я надеюсь и молюсь, чтобы ты вернулась, и, если вернешься, дорогая, дорогая Марселла, просто знай: до встречи с тобой я не знал, что такое любовь, и я не вижу в жизни смысла без твоей любви.

Том не выключал мобильник всю ночь, а вскоре после рассвета поехал в другую строительную фирму, чтобы ему сделали рейку для фотографий, потом отправился в их собственный офис. Кэти уже была там.

– А как выглядит другой парень? – спросила она.

– Что?

– Это шутка. Так говорят тому, кто подрался. Ты надеешься, что противнику досталось больше. – (Он уставился на нее пустым взглядом.) – Боже, Том, это же просто шутка! Ты еще хуже, чем Саймон и Мод. Ты выпил лишнего или еще что-то?

– Нет, я всю ночь провел с отцом. У него сердечный приступ, а Марселла ушла от меня. – Он произнес все это странным тоном, словно припоминая два несущественных события.

Кэти гневно посмотрела на него:

– Том, что случилось на самом деле?

Она и верила, и не верила одновременно. Том уже готов был сорваться и зарыдать, уронив голову на стол, когда явился Рики с фотографиями.

– Боже, но неужели ты пропустил дикую ночку? – спросил Рики, держась за голову. – Однако ты поступил мудро, не придя именно на эту вечеринку, друг мой.

– Ну да, это я, мистер Мудрый Парень, – грустно произнес Том Фезер, беря рейку, которую не смог сделать его отец, потому что свалился с сердечным приступом еще до того, как получил размеры.

– Прошло уже больше суток, па, а значит, все будет хорошо, – сказал Том отцу на следующий день.

– Если бы ты знал, каково это, Том... как будто кто-то стиснул твои ребра. – Отец уже выглядел намного лучше. – Мне сказали, ты тут всю ночь провел?

– А где еще я мог быть?

– Но как же Марселла?

– Она шлет тебе свою любовь, па.

– Знаю, она замечательная девушка. Одна из сиделок сказала, что вы обнимались и целовались в приемной, когда ты услышал, что со мной все будет хорошо. Я этого не забуду. – (Том непонимающе уставился на него.) – Ох, та милая девушка, Кэтрин, была на дежурстве и все мне рассказала, а потом сказала, что очень огорчилась, узнав, что у тебя есть подруга.

Отец похлопал Тома по руке, и Том улыбнулся. Медсестра видела, как он целовал Шону Бёрк, узнав, что Марселла действительно была в спортзале.

Прием по случаю крещения оказался тем, что, как сказала Кэти, следовало бы назвать Адским Торжеством. Им сделали заказ на пятьдесят человек, но, судя по тому, что они увидели, гостей было не меньше семидесяти. И кухню не прибрали как следует, так что Кэти, Джун и Тому пришлось потратить первые двадцать минут, протирая поверхности и все дезинфицируя. Когда они открыли окна в кухне, чтобы выветрился медицинский запах, пришел отец младенца и заявил, что здесь воняет мочой. Когда они пытались накрыть стол для фуршета, две маленькие хозяйские собачки разыгрались и принялись стягивать со стола скатерть.

– Люди, которым не нравятся животные, – явно не мой тип, – заявила молодая мамаша, успевшая принять три порции джина, перед тем как все уехали в церковь.

Церемония продлилась на сорок минут меньше, чем говорили Кэти и Тому, так что у них еще не все было готово.

– А мне говорили, что вы – высший класс, – заявил отец ребенка. – Мы деловые люди, как и вы, а потому не платим за то, чего пока нет.

В качестве закуски они заказали кеджери на горячих тарелках. Это был хороший выбор, но, прежде чем гости принялись за него всерьез, мать ребенка начала говорить всем:

– Не спешите обедаться всей этой рисовой и рыбной ерундой, позже будет еще настоящее жаркое.

И многие послушно отставили недоеденные закуски. Том и Кэти в кухне переглянулись в ужасе. Они надеялись, что все увлекутся кеджери, и теперь ждали чуда с хлебами и рыбами.

– Бога ради, что нам делать? – спросила Кэти.

– Дать им выпить, – предложил Том.

– Это нечестно по отношению к ним, это же значит, что им придется заплатить за лишнее вино.

– А что честно, Кэти, скажи мне, что вообще есть справедливого? Что справедливого в том, что мой отец, всю жизнь тяжело трудившийся, лежит в больнице? Что честного в том, что у тебя появились двое детей, которые не твои, и теперь они переворачивают вверх дном и твою жизнь, и жизнь твоих родителей? Что справедливого для того парня, которого Нил пытался спасти от высылки из Ирландии? И что

честного в этих двух красавчиках, которые говорили нам, что будет пятьдесят гостей, а пригласили семьдесят пять? Дай им выпить!

И они дали. Основательно.

Но, прежде чем они это сделали, Кэти Скарлет решительно подошла к отцу младенца:

– Могу я предложить кое-что? Ваши гости, похоже, весьма всем довольны, и вы выбрали очень хорошие вина.

– Да-да, и что?

– Но на случай, если возникнут какие-либо сомнения насчет того вина, которое вы предложили подавать, могу я просить, чтобы вы подписали разрешение выставить больше?

– Мы рассчитывали полбутылки на человека, – ответил хозяин, невысокий, очень полный мужчина с маленькими поросячьими глазками.

– Да, мы говорили об этом, но все идет так хорошо, что мы хотели бы просить разрешения выставить...

– Делайте что хотите.

– А пока вы всем довольны?

– Да, все в порядке... просто продолжайте разносить выпивку.

– Спасибо. Вы замечательный хозяин, – сказала Кэти сквозь крепко стиснутые зубы.

Никто никогда не предупреждал их, что дело может пойти именно так. Том протискивался сквозь толпу гостей, улыбаясь и говоря, что кеджери очень аппетитное.

– А ты и сам очень аппетитный, – заявила какая-то женщина с измазанным шоколадом лицом.

Выглядела она глупой и, похоже, глупела все сильнее. Том поблагодарил ее за комплимент.

– У вас такое чудесное платье, – сказал он. – Это дизайнерский заказ из «Хейвордса»?

– Да, верно. – Дурочка была польщена.

– У вас какое-то пятнышко на лице. Подойдите вон к тому зеркалу. – Том предложил ей влажную салфетку.

Женщина посмотрела на себя и, ужаснувшись отражению, поспешила стереть шоколад.

– Ловко ты с этим справился, – заметила Кэти.

– Да ладно, Кэти... Эти клоуны, которые дают прием, настоящие проходимцы. Интересно, где я мог раньше видеть этого типа? Что-то он меня раздражает. А та идиотка с рисунками Уолта Диснея на лице разве не готова всем напакостить?

– Да, ты прав. Боже милостивый, там еще люди входят! Им придется жевать обои.

– А чем он зарабатывает на жизнь? Я где-то встречал его, точно встречал, уверен.

– Возможно, в каком-нибудь баре, где мы подрабатывали. Послушай, помоги Джун. Я позвоню отцу, чтобы он начал подгонять такси.

– Матти? Такси?

– У нас самих есть на это время? А половина тех, с кем мой отец делает ставки, таксисты.

– Ты великолепна, Кэти! Может, мы и сумеем что-то спасти в конце концов. Знаешь, я, наверное, с ума схожу, но этот Риордан смотрит на меня так, словно в меня влюбился.

– Ну, ты сам не осознаешь, как хорош собой. Почему бы мистеру Риордану и не попытаться удачи, как любому другому?

– Извините меня...

– Да, мистер Риордан?..

– Мы ведь знакомы?

– Ну, мистер Риордан, я же поставщик...

– Да будет вам, мы встречались на вечеринке пару месяцев назад, в новогоднюю ночь...

– Вот как? – Том, вообще-то, не прислушивался, а наблюдал за гостями, высматривая, где он нужен.

– Я только сейчас вспомнил. Я просто хотел сказать, что такое редко случается... Дело было в выпивке, после нее я очень странно себя чувствовал. Думаю, там намеренно смешали напитки. Тот парень, фотограф, да... весьма безответственно с его стороны.

И тогда Том вспомнил. Это был тот самый мужчина, который на вечеринке у Рики лапал Марселлу.

– А-а-а, ну да, действительно, мистер Риордан, я вас помню.

– Да вы сразу вспомнили, – заявил Ларри Риордан.

– Нет, до этой минуты нет.

– Будет вам, вы уж слишком показали свое отношение ко мне сразу, как пришли.

– Я увидел, что вы ошиблись с количеством приглашенных гостей. И до этого момента не понимал, что вы состоите в счастливом браке, хотя на той вечеринке так не казалось. – Говоря это, Том как будто становился выше и шире в плечах, а Ларри Риордан съеживался.

– В общем, видимо, произошло недопонимание, конечно... насчет чего-то...

– Мы знаем, насчет чего, мистер Риордан.

– Я просто хотел сказать, что если были какие-то обиды...

– О, в тот момент это было серьезно.

– Но теперь нет, надеюсь.

– Теперь я буду продолжать выполнять свою работу для вас и вашей жены, с которой я не ссорился. Несмотря на то что вы нам говорили о пятидесяти гостях, а здесь уже больше семидесяти.

– И это тоже недопонимание...

– Однако их *слишком* много... Я собирался спросить вашу супругу...

– Незачем ее спрашивать. Спросите меня.

– Успокойтесь, мистер Риордан, я лишь хотел узнать, не следует ли нам организовать немного позже несколько машин такси. Многим вашим гостям придется оставить свои машины здесь.

– Делайте, что считаете нужным, – ответил хозяин дома, распуская немного галстук. – Но поверьте, это было совершенно несвойственно мне, тот случай, и я надеюсь, он не имел последствий. Я хочу сказать, что пока все в порядке, если вы не...

– Все в порядке, мистер Риордан.

– Такая милая, такая красивая молодая леди... Еще раз приношу извинения.

– Спасибо, а теперь, если позволите, я должен уделить внимание другим людям.

Том отошел. Этот человек никогда не должен узнать, что Марселла его бросила.

Кэти снова хлопотливо наполняла тарелки кеджери, добавляя немного грибов и картофельного пюре. И они раздавали всем, кто был на виду, свои визитки и наводили порядок в доме. Когда хозяйева проснутся утром, то найдут свое жилище в безупречном состоянии, а в

холодильнике бутылку шампанского и коробку апельсинового сока. Пустые бутылки Том с Кэти выстроили рядами, как солдат, в заднем дворике, чтобы не оставалось сомнений в количестве заказанного и выпитого, и сказали, что заберут их на следующий день, когда приедут днем, чтобы представить счет. Матти прислал пятерых друзей-таксистов. Весь вечер они носились туда-сюда и были неплохо вознаграждены. Том с Кэти заплатили Джун за три лишних часа и за такси до дома и лишь после этого вернулись к дому номер семь в Уотервью.

– Зайди, – предложила Кэти.

– Нет, слишком поздно, Нил будет...

– С Нилом три варианта: или его нет, или он спит, или радостно нальет нам выпить, – ответила Кэти, и они поднялись по ступеням к двери.

Нил сидел за своим большим столом, окруженный бумагами.

– О, хорошо, Кэти, я... – Тут он увидел Тома и растерялся. – Ох, Том! – разочарованно произнес он, но сразу взял себя в руки. – Как все прошло? Давай рассказывай.

– Нет, если честно, Нил, слишком поздно...

– Но ты уже здесь. – Он налил всем пива, они сели. – Рассказывайте, – вежливо предложил Нил.

Но он был где-то далеко. Том наскоро описал вечер и выпил пиво, но, прежде чем он успел уйти, в дверь постучали.

– Ты пьяный? – с любопытством спросил Саймон.

– Пока нет, – ответил Том.

– А где Марселла? – поинтересовалась Мод.

– Не здесь, – ответила Кэти.

– Мне не надо было спрашивать? Я просто задаю вопросы из вежливости. Ты же говорила, что так нужно. – Мод слегка смутилась.

– Никаких проблем. – Кэти сжала губы.

Они помолчали.

– Наверное, вы бы предпочли, чтобы мы вернулись в постели? – спросил Саймон.

– Да. Сейчас, вообще-то, середина ночи, – сказала Кэти.

Мод и Саймон быстро удалились, почувствовав в ее голосе стальные нотки.

Том сел в фургон и поехал домой по темным пустым улицам. Эти двое действительно тяжело трудились. Мало какие пары продолжали работать в такой час. И Нилу приходилось нелегко из-за этих странных, неловких детей, половину времени проводивших в их доме. Да еще когда жена тоже работает допоздна. Кэти была великолепна. Она расспрашивала его об отце и ни словом не упомянула о Марселле, бросившей его, не отвечавшей на его звонки в «Хейвордс» и даже не забравшей свою одежду.

– Что-то не так, Нил? – спросила Кэти. – Ты словно находился в миллионе миль отсюда, когда мы тебе рассказывали о приеме.

– Извини, – ответил он. – Но, если честно, дело в этих детях. Весь вечер я ничего не мог делать. Они то и дело врываются ко мне, спрашивали то об одном, то о другом. Насчет домашнего задания и где им следует все складывать...

– Ну, это уже прогресс. Когда они только появились, то просто разбрасывали все по полу.

– Но они не могут постоянно быть здесь. Мы должны увеличить плату Матти и Лиззи.

– Они это делают не ради денег. Мы договорились давать им небольшую передышку.

– Но кто даст передышку нам? Нужно так много сделать и обсудить, а у нас и минуты нет, чтобы поговорить!

– Ладно, прямо сейчас у нас есть минутка.

– Это разве подходящее время?

– Хорошо, но я рада буду поговорить, вроде как расслабиться, но если ты устал...

– Есть работа...

– То большое дело на следующей неделе?

– Нет, не то. Работа. Пока это не точно, но я слышал, что мне могут предложить то потрясающее место...

Кэти смотрела на него разинув рот, пока он рассказывал ей о комитете, который работал в сотрудничестве с Комиссией ООН по делам беженцев.

– Это не то чтобы реальное назначение в ООН, это группа, работающая под ее руководством...

Кэти перебила его:

– Извини, я не понимаю. Ты пытаешься сказать, что рассматриваешь возможность работы за границей?

– Не прямо сейчас.

– А когда?

– Полагаю, месяцев через пять или шесть. Если, конечно, до этого дойдет. Но было бы честно сказать тебе об этом уже теперь.

– Ты что, шутишь?

– Нет, я сам изумился, когда это услышал. Обычно для такого нужно гораздо больше опыта, но они думают, что...

– Но ты ведь не предлагаешь мне бросить все и поехать с тобой в Африку, потому что ты внезапно получишь работу?

– Необязательно в Африку. Это может быть Женева, или Страсбург, или Брюссель.

– У тебя есть работа! Ты адвокат, это твое дело. Защищать людей, спасать их, представлять их. Вот твоя работа!

– Но это совсем...

– Нил, мы никогда не думали о такой возможности. Это никогда не входило в наши планы!

– Ты пока не все знаешь. И тебе понравится. У тебя же не было возможности путешествовать.

– Ох, но я путешествовала! В Грецию – разве не так? – где мы познакомились.

– Это же были просто каникулы.

– Для тебя, возможно, это были каникулы. А для меня это была работа. Я готовила еду на той вилле.

– Ох... милая, это ведь была просто временная работа на лето на небольшой вилле!

Лицо Кэти стало мрачным.

– Но теперь у меня не временная работа, у меня своя компания, – сказала она.

– Да, но ты не можешь предположить, что будешь думать...

– Думать что?

– Послушай, сейчас не время обсуждать, слишком поздно. – Нил встал.

– Ты не договорил. Ты сказал, что я не должна была подумать... – Она внимательно посмотрела на него.

– Пожалуйста, вот так и начинаются ссоры!

– Нет, оставить что-то недоговоренным – вот начало ссор.

– Я не знаю ведь, к чему это приведет. – Нил явно стремился оставить тему.

– Ладно, могу я закончить за тебя? – Кэти говорила спокойно, слишком спокойно.

– Никаких ссор, Кэти.

– Абсолютно никаких. Думаю, мы закончим примерно так: мы не предполагали, что ты предложишь мне бросить дело всей моей жизни, мою мечту, а я никак не ожидала такого от тебя. Да? Нечто вроде этого?

– Тут нужно подумать более основательно и как следует обсудить, – ответил Нил.

– Ты прав, – согласилась Кэти.

И они отправились в постель, и спали как можно дальше друг от друга, не касаясь даже пальцем, и утром, когда Нил уехал из Уотервью, Кэти притворилась спящей, проигнорировав его обещание забрать близнецов из школы.

Том был уже не в таком плохом настроении – его отцу определенно стало лучше. Его мать извинилась за слова, которые наговорила ему в потрясении. Риорданы прислали сообщение, что их счет в порядке и будет полностью оплачен этим же днем. Еще была записка от Марселлы. Она писала, что Шона рассказала ей о сердечном приступе мистера Фезера и она сочувствует и надеется, что все будет хорошо. Все новости были хорошие. Плохие состояли в том, что Марселла просила его пока не беспокоить ее. И никакого ответа не последовало от Джо Фезера, чей отец вполне мог уже умереть и быть похороненным.

Но когда Том сообщил Джеймсу Бирну, что мистер Риордан, отец ребенка, хочет оплатить прием по поводу крещения наличными, бухгалтер не обрадовался.

– Ничего хорошего, – твердо заявил Джеймс Бирн.

– Я понимаю, Джеймс, но что мы можем сделать?

– Мы представим подробный счет по нашим записям и потребуем расписку, когда получим деньги.

– Но если...

– Вы мне платите за советы, так что никаких «если», – ответил Джеймс.

– Мистер и миссис Риордан, я надеюсь, вы удовлетворены.

– Всем понравилось, – сообщила его жена.

– Множество похвал, – поддержал ее муж.

Том не стал извлекать из этого выгоду, он не хотел больше смущать этого человека.

– Наш бухгалтер, вообще-то, предпочел бы оплату чеком.

– Конечно, иногда люди предпочитают наличные, чтобы избежать налога, – сказал Ларри Риордан.

– А мы этого не хотели бы. – Том не опускал взгляда.

– Конечно нет.

– Не пойти ли нам всем в другую комнату, пока я найду чековую книжку? – предложил Ларри Риордан.

Он явно боялся оставить Тома одного даже на минуту на случай, если тот начнет говорить лишнее.

Том достал свой калькулятор и книгу счетов:

– Поставленное вино, вызов такси и дополнительные расходы. Это лишь малая часть... Вы уверены, что знаете точное количество гостей? Видите ли, наша официантка подсчитывала тарелки, и...

– Моя жена говорит, тут какая-то ошибка. Она думает, у нас, вообще-то, было намного больше пятидесяти человек.

– Насколько больше? – Взгляд Тома был холоден.

– Она думает, ближе к восьмидесяти.

– Прекрасно, – кивнул Том и подписал счет.

Вернувшись в Стоунфилд, он включил запись Лу Рида, который ему нравился, поскольку эти песни давали понять, что у других людей жизнь так же запутана, как и его собственная. Позвонили в домофон. Это была Марселла.

– У тебя есть ключ, – тихо сказал он под звуки музыки.

– Я не хотела им пользоваться, если... – У нее сорвался голос.

– Если что, Марселла? – Том говорил все так же тихо.

– Если ты не захочешь, чтобы я вошла и мы поговорили. – Том нажал на кнопку, открыв дверь внизу, но Марселла не вошла. – Я хочу сказать, серьезно поговорили.

– Ну, я просто ждал тебя все эти дни, часы, минуты, секунды, какими бы долгими они ни были, – сказал он.

– Ты знаешь, и я знаю, и мы оба знаем, как медленно они тянулись, – просто произнесла Марселла.

– Значит, Марселла, ты собираешься вернуться сюда, ко мне, или в чем дело? – Том боялся надеяться.

– Том, я хотела узнать, как прошел прием по случаю крещения, и сказать: я знаю, что ты меня любишь и что мы оба совершили глупые ошибки. – Она помолчала. – Это позволяет мне вернуться домой, как ты думаешь?

Том знал, что она плачет, но ему было плевать, если она понимала, что и он тоже плачет. Он помчался вниз по лестнице, чтобы вернуть ее домой.

На следующее утро позвонила женщина с приема, лицо которой Том спас. Она сказала, что ей хочется поблагодарить их за обходительность и прекрасную еду и предложить им заказ на торжество по поводу серебряной свадьбы через несколько недель. А Джеральдина заказала им обед для группы агентов по недвижимости, которые собирались выйти на рынок загородного жилья и хотели бы организовать фуршет на испанскую тему. Из больницы сообщили, что отец Тома идет на поправку и что мистера Джей Ти Фезера сегодня выпишут домой. Еще пришло сообщение от Джо из Манилы, он писал, что с ним наконец-то связались, теперь он знает об отце и можно ли послать ему сейчас факс, потому что в следующие две недели он должен быть на Филиппинах. Джеймс Бирн тоже оставил сообщение, подтверждая дату урока кулинарии, и что он всегда платит вперед и всегда чеком, так как весьма не одобряет черную бухгалтерию. А Кэти получила электронное письмо от сестры Мэриан из Чикаго, в котором просила «Алое перо» устроить ей роскошную свадьбу в Дублине в августе. Из театра написали, что у них, возможно, будет еще одно мероприятие. Похоже, всем понравилось, и там были уверены, что Том просто обязан это повторить. Кэти также получила письмо от Ханны Митчелл с пометкой «личное», и в этом письме свекровь Кэти приглашала ее на маленький ланч в «Квентине», чтобы разрешить некоторые трудности. А когда Кэти позвонила Тому, чтобы сообщить

об этом последнем и самом изумительном из сообщений, на звонок ответила Марселла.

– Ох, Том, ты был абсолютно прав в своем оптимизме! Ты просто держишь нас на плаву. Я так рада за тебя, по-настоящему рада! – заговорила она, когда Марселла передала трубку Тому, чувствуя при этом комок в горле.

– Я знаю, что ты рада, – ответил Том и при этом улыбнулся Марселле.

Глава 3. Март

Кэти пришла в «Квентин» заранее.

– Явилась, чтобы стащить наши идеи? – спросила ее Бренда Бреннан.

Когда-то Кэти и Том работали здесь и официантами, и на кухне, ведь этот ресторан считался лучшим в Дублине.

– О, мы уже все позаимствовали, – весело призналась Кэти. – Эти маленькие тарталетки с помидорами и базиликом – настоящее лакомство!

Бренна улыбнулась, ее совершенно не беспокоила конкуренция с поставкой закусок на дом. Люди приходили в «Квентин» не только ради еды, но и ради атмосферы.

– Где тебя посадить, Кэти?

– А где предпочитает сидеть моя свекровь?

– Нигде в особенности. Этой леди трудно угодить. – Бренда Бреннан была отлично осведомлена.

– Только не начинай. Я сегодня пытаюсь быть милой, – умоляюще произнесла Кэти.

Они выбрали столик, который, скорее всего, вызвал бы у Ханны наименьшее недовольство, и Кэти села, чтобы подождать. Она никому не сказала об этой встрече, даже Нилу. Дома они заключили вооруженное перемирие и вели лишь обычные разговоры во время еды, но самое главное, то, что висело между ними, обходили стороной. Они согласились отложить обсуждение проблемы, пока не остынут, а потом уже подойти ко всему более разумно, чем в половине третьего ночи в маленьком доме, где также жили Саймон и Мод. Возможно, Ханна знала о предложенной Нилу работе. Но это было маловероятно. Кэти собиралась подождать, пока ее свекровь не выложит карты, ведь в конце концов эта женщина написала на конверте «Личное». Может быть, та вспышка гнева Кэти попала в цель, и Ханна действительно хотела извиниться. Если так, она должна сделать это, не обращая внимания на то, что рядом есть слушатели, желающие узнать подробности. Или речь пойдет о Мод и Саймоне? По всей видимости, Ханна имела какую-то связь с их отцом. Или одному из друзей Ханны

понадобились услуги кейтеринговой компании? Ведь поговаривали о том, что Аманда собирается на время приехать из Канады. Ханна могла устроить вечер примирения просто приличия ради? «Нет, бессмысленно строить догадки», – сказала себе Кэти. Она все узнает через какой-то час, когда будет покончено с главным блюдом, когда они обе откажутся от десерта и попросят подать кофе.

В кабинке ресторана «Квентин» Джеймс Бирн сидел со своим гостем Мартином Магуайром. Главным в этом местечке было то, что вы могли видеть все вокруг, а вот другим заглянуть внутрь было трудно.

– Немножко наклонитесь вперед, Мартин, и вы ее увидите. Это и есть Кэти Скарлет собственной персоной.

Его визави посмотрел в указанном направлении и увидел светловолосую девушку, читавшую «Айриш таймс».

– Она очень молода, – тихо произнес он.

– Они все такие в эти дни, Мартин.

– Нет, ей никогда не справиться с бизнесом, слишком много стресса и напряжения.

– Ей почти двадцать шесть. По нынешним стандартам это не первая молодость.

– Она почти одного возраста с Фрэнки.

Джеймс Бирн уставился на скатерть, отчаянно ища подходящие слова, и наконец просто сказал:

– Фрэнки теперь пребывает в покое.

– Откуда нам знать? – спросил отец Фрэнки.

– Просто Господь добр, – предположил Джеймс Бирн.

Риорданы, дававшие прием по случаю крещения, узнали Кэти.

– Вот не думала, что им по средствам такие места, – фыркнула Молли Риордан.

– Ну, они отлично умеют считать деньги, так почему бы им не позволить себе такое, – ответил ее муж, который все еще боялся, что Том Фезер может его выдать.

В этот момент вошла Ханна Митчелл, с только что уложенными волосами, в новом шерстяном костюме цвета вереска, с пакетами покупок из «Хейвордса». Она с излишней суетой сбросила манто,

чересчур заботливо поинтересовалась, нравится ли Кэти именно этот столик, и наконец села.

– Боже, это ведь жена Джока Митчелла! Они возвращаются в самых высоких кругах! – изумленно произнес Риордан.

– Я всегда хотела познакомиться с ней. Ханна Митчелл руководит распределением благотворительных взносов. Ее фотографии постоянно появляются в газетах и журналах. Я могла бы попозже случайно пройти мимо их столика...

– Ох, оставь это... Они же никто, эти поставщики. Мы не так уж сильно нуждаемся в представлении, – возразил ее муж, ужасно боявшийся когда-либо еще встретиться с Томом Фезером.

– Миссис Митчелл, мисс Скарлет! – приветствовала их Бренда спокойным размеренным тоном.

– Вы знакомы с женой моего сына? – спросила Ханна, как всегда раздраженно, если ей не нужно было кого-то представлять.

– Всегда приятно видеть вас обеих, – промурлыкала Бренда, подавая им меню.

Она не стала упоминать о том, что Кэти мыла тарелки в этом ресторане, накрывала столы и была куда лучше известна в этом заведении, чем элегантная Ханна. Миссис Митчелл знали лишь по обыкновению постоянно менять столики, отсылать обратно на кухню блюда или перепроверять счет. А Кэти делала нарезку для всего ресторана в тот вечер, когда шеф-повар Патрик обжег руку. Кэти нашла в дамской комнате пятьдесят фунтов и сумела вернуть потерявшей их женщине так, что муж той дамы ничего не заметил. Кэти была здесь в тот вечер, когда сломалась канализация... В общем, не возникало вопроса о том, кто здесь любимый посетитель.

– Приятно иметь возможность немножко поболтать вот так, – начала Ханна Митчелл.

– Это очень любезно с вашей стороны, и приятный перерыв для меня, конечно, – ответила Кэти, уже двадцать пять раз говорившая себе, что незачем вообще было идти на этот ланч, если не держаться спокойно и вежливо.

Столкновения и выяснение отношений закончились. Кэти не разговаривала со свекровью уже несколько недель и позвонила лишь

затем, чтобы подтвердить вот эту встречу за ланчем, а потому теперь должна слушать, слушать и не реагировать.

– Наверное, ты слишком много работаешь. Тебе следует почаще делать перерывы, – сказала Ханна.

– Пожалуй, да.

– Значит, ты согласна с тем, что слишком много работаешь, немного напряжена и готова сорваться?

Теперь Кэти видела, к чему ведет ее свекровь. Она, Кэти, станет крикливой невротичкой, свихнется из-за своего маленького бизнеса и не сможет контролировать себя. Ага... Неплохо было видеть общее направление.

– Как ни забавно, мы с Нилом как раз об этом говорили на днях, о том, что мы в наши годы вынуждены так много работать, просто чтобы удержаться на плаву, но зато к тому времени, когда мы достигнем вашего с мистером Митчеллом возраста, наша жизнь станет гораздо спокойнее.

– Вы об этом говорили?

– Да. Мы же видим, что мистер Митчелл может тратить много времени на гольф, а вы постоянно посещаете благотворительные обеды. И наше время для этого тоже придет. – Кэти широко улыбнулась.

Миссис Митчелл слегка смутилась. Не в такую сторону предполагала она повернуть разговор.

– Да, дорогая, но разве ты не думала, что... как это сказать... направляешь слишком много энергии в одну сторону?

Кэти растерянно посмотрела на нее:

– В одну сторону?

– Да, на этот официантский бизнес.

Кэти громко рассмеялась:

– Ну да, мы тоже это так называем, как Саймон и Мод. Они такие *забавные*, не правда ли? Такие серьезные и в то же время абсолютные дети.

– Не понимаю, что ты имеешь в виду. – Ханна была искренне сбита с толку.

– Простите, просто они так называют нашу компанию кейтеринга – официантский бизнес, но просто потому, что не понимают... Я

решила, что вы их цитируете. – Взгляд Кэти был жестким, а голос еще жестче.

Ханна приняла решение.

– Да, конечно, именно так, – сказала она.

– Я так и знала, но давайте вернемся к вашим словам, миссис Митчелл... Возможно, вы правы. Я отдаю новой компании много энергии, как и Том Фезер, но это естественно. Как только мы немного приподнимемся, то надеемся слегка расслабиться, иметь два или три вечера в неделю свободных.

– Но, моя дорогая, это же нелепо, разве нет? А как насчет твоей жизни, настоящей жизни... С Нилом, например?

– Нил тоже работает почти каждый вечер или дома, или на каких-то консультациях. Так уж все сложилось.

– Думаю, дорогая, вы просто позволили всему так сложиться.

Кэти помнила этот тон. Таким тоном миссис Митчелл разговаривала с ее матерью. *Извини, дорогая Лиззи, но мне не кажется, что мы достаточно хорошо вымыли ванну, а?* Кэти захотелось убить эту женщину. Она смяла пальцами кусочек оливкового хлеба и растерла его в мелкую пыль.

– Объясните, что вы имеете в виду, миссис Митчелл?

– Я просто спрашиваю себя: почему Нил так много работает, почему вы не участвуете в общественной жизни, не устраиваете приемов, не ходите в клубы? Я хочу сказать, вы вообще состоите хоть в каком-нибудь клубе? Меня тревожит, когда молодая пара не имеет здоровых развлечений. И другие могут над этим задуматься.

– Мы оба работаем по-настоящему тяжело, и лучше всего сказать, что Нил очень беспокоится о своих клиентах и о свершении правосудия, так что это естественным образом отнимает у него много времени. Полагаю, так и должно быть, вам не кажется?

– Ну да, конечно-конечно, это само собой. Я просто думала, возможно, ты... Если бы ты попыталась... – Она, похоже, не находила слов.

– Если бы я что, миссис Митчелл? – Кэти действительно стало интересно.

Что, черт возьми, эта женщина намеревается предложить?! Чтобы Кэти освоила какие-то новые и потрясающие сексуальные приемы или

устраивала обеды дважды в неделю, приглашая политиков и журналистов? Она ждала с любопытством.

– Ну, чтобы ты немножко занялась собой, – неуверенно начала миссис Митчелл, но, сказав это, тут же зацепилась за свои слова. – Наверное, ты слишком занята работой и все такое... У тебя просто нет времени остановиться и как следует посмотреть на себя в зеркало.

Кэти не знала, почувствовать себя оскорбленной или посмеяться. Это прозвучало слишком уж покровительственно: одна женщина говорит другой, что та должна привести себя в порядок. Тем более что совет исходит от особы за шестьдесят, втиснутой в шерстяной костюм на один размер меньше, с прической, вышедшей из моды лет десять назад, с лаком на ногтях такого цвета, который уже много десятилетий можно увидеть только в пантомимах... Ханна Митчелл, чье жесткое, слишком сильно покрашенное лицо и норковое манто превращали ее в карикатуру, осмелилась давать советы ей, Кэти!

– И с чего, как вам кажется, я должна начать? – ровным тоном спросила Кэти.

– Ну, с твоих волос, конечно, и чтобы показать, насколько меня это волнует, я записала тебя в салон в «Хейвордсе». – Миссис Митчелл достала из сумочки какой-то конверт.

– Пожалуй, я не могу это принять... – начала Кэти.

– Но ты должна! Не думаю, что я сделала тебе настоящий подарок на Рождество, так пусть будет вот это. Ты великолепно организовала новогоднюю вечеринку, и с тех пор многие продолжают об этом говорить. И самое меньшее, что я могу сделать, – это помочь тебе начать меняться. – (Кэти уныло уставилась на конверт.) – И приведи в порядок ногти, может быть, даже сделай накладные, а? Там хорошая девушка работает. Если мужчинам что и нравится в женщинах, так это длинные ухоженные ногти.

– Знаете, миссис Митчелл, я определенно подумаю о волосах, но, если вы не против, ногти пропущу. Понимаете, в нашей работе накладные ногти могут оказаться немного опасными, ведь их можно потерять, готовя тесто например. – Кэти старалась говорить беззаботно.

Это было единственной альтернативой тому, что ей действительно хотелось сделать, – встать и сбросить все со стола на колени свекрови.

– Что ж... – Миссис Митчелл произнесла это печально и разочарованно, как человек, который старался изо всех сил, но ему ничего не удалось из-за бесконечной глупости Кэти.

– Но на самом деле я вам благодарна за вашу доброту, миссис Митчелл. И за этот ланч.

Перед ними как раз поставили рыбу, и Ханна посмотрела на нее с подозрением, а потом спросила официанта:

– Это действительно качественное филе?

– Надеюсь, мадам. Конечно, очень часто можно пропустить какую-то крошечную косточку, но думаю, вы увидите, что рыбу приготовили с огромным вниманием.

Пока Ханна рассматривала свою тарелку, Кэти подмигнула официанту. Она хорошо знала его с тех пор, как работала здесь. Он хранил бесстрастный вид. Бренда Бреннан сурово вела свой корабль в «Квентине». И официант не хотел, чтобы заметили, как он насмехается над гостем.

К их столу подошел Джеймс Бирн вместе с каким-то пожилым человеком:

– Мисс Скарлет, у меня и в мыслях не было мешать вам, но я хотел бы познакомить вас с мистером Мартином Магуайром, у которого вы купили здание. Он в Дублине всего на несколько часов.

Кэти вскочила:

– Я так рада знакомству с вами! Может, вы сегодня днем зашли бы к нам и познакомились с Томом Фезером? Мы были бы рады показать вам, как отлично устроились... И простите, могу я представить вам миссис Ханну Митчелл, пригласившую меня на ланч?

Ханна вытаращила глаза. Она никак не могла свыкнуться с тем, что дочь ее прислуги может с такой легкостью представлять ее двоим хорошо одетым мужчинам, старше ее. Откуда у Кэти такая уверенность? Мистер Магуайр пообещал зайти на кофе в четыре часа, и они с Бирном ушли. Чувствуя раздражение миссис Митчелл, Кэти сменила тему:

– Должна вам сказать, что моя сестра Мэриан собирается замуж. Вы ее помните по прежним временам?

Ханна Митчелл прищурилась при упоминании о прежних временах.

– Нет, твоя мать не приводила никого из детей, кроме тебя.

– О, Мэриан больше всех нас любит командовать.

– Она в Чикаго? Кажется, туда они уехали? Помню, твоя мать об этом говорила.

– Им там нравится. Я к ним ездила. Вы там бывали, миссис Митчелл?

Прежде чем Ханна успела высказать свое неодобрение любому городу, где могли оказаться дети бедной Лиззи, Кэти увидела, что к ним снова кто-то направляется, и, к ее ужасу, это была та ужасная пара, которая устраивала прием по случаю крещения. Ей снова пришлось представлять всех друг другу, но на этот раз Ханна Митчелл изволила кое-что сообщить.

– Я, вообще-то, свекровь Кэти, – сказала она.

Это было чем-то личным.

– А-а-а... э-э-э... Том... Он, значит, ваш сын? – вырвалось у Молли Риордан.

– Ох, нет-нет, ничего подобного! Мой сын – юрист, адвокат, – ответила Ханна.

Они наконец ушли, оставив Ханне свою визитку и заверив ее, что на следующем благотворительном мероприятии сделают значительный взнос.

– Извините, – произнесла Кэти.

– Нет, я удивлена. Если бы твоя бедная мать увидела тебя здесь рядом с такими людьми...

– Миссис Митчелл, с вашей стороны очень, очень любезно пригласить меня на ланч сюда и заказать для меня дорогое обслуживание в парикмахерской, и я тронута и благодарна, но могу ли я попросить вас о личном одолжении? Не называйте мою мать бедной. Она далеко не бедная, она счастлива и довольна, и у нее есть дети и муж, которые ее любят.

– Да, конечно... я лишь имела в виду... – Кэти ждала, и после долгой паузы Ханна Митчелл продолжила: – Я просто имела в виду, что ей не хватает твоей уверенности.

– О, уверенность – это еще не все, миссис Митчелл.

– Но похоже, она заводит людей довольно далеко. – Ханна крепко сжала губы.

Кэти увидела, как за ближайший столик проводили Джеральдину с Питером Мёрфи, управляющим отелем, где она занималась связями с

общественностью. Их взгляды встретились, и Кэти едва заметно покачала головой. Джеральдина поняла намек и не признала Кэти. Если бы сейчас с Кэти поздоровался еще один гость «Квентина», то она оказалась бы в невыносимом положении. Она уже и так продемонстрировала своей свекрови слишком большую самоуверенность. Пора было послушать мудрые высказывания насчет постоянного ухода за лицом и укрепления мышц, чтобы щеки не обвисли. Кэти слушала и, как часто делала раньше, задавалась вопросом: как эта пустая, невеселая, завистливая женщина и ее любящий развлечения муж умудрились произвести на свет Нила? Нила, который в этот момент выступал по очередному безнадежному делу, Нила, который мягко поинтересовался бы, как прошла встреча за ланчем, но который и за миллион лет не понял бы, какую ярость вызывает подобная снисходительность. Кэти почти хотелось, чтобы они вернулись к дням открытой враждебности. С этим было гораздо легче справиться.

Питер Мёрфи и Джеральдина О'Коннор увидели, что они уходят.

– Боже, разве эта бедная особа не утомительна? – поинтересовался Мёрфи.

– Позволь сказать, она весьма трудна в роли свекрови, – ответила Джеральдина.

– А ты-то откуда знаешь? – спросил он.

– С ней Кэти Скарлет, моя племянница. Ей очень не повезло в этом.

– Да, я знаю ее. Она ведь вышла замуж за молодого адвоката, так?

– И открыла очень хорошую компанию кейтеринга, я уже говорила тебе, а ты повторял, что тебя это не интересует.

– Действительно не представляет для меня интереса, разве что тут состязание... Но она не может уж слишком ненавидеть свою свекровь, если пришла на ланч с ней.

– Но это так, поверь.

– А почему ты с ними не поздоровалась?

– Кэти дала понять, что это не нужно, – объяснила Джеральдина.

– Никогда не пойму женщин, – заявил Питер Мёрфи, который тем не менее предпринимал основательные попытки к этому, заводя романы со многими дамами, включая и Джеральдину несколько лет назад.

Но все это осталось в прошлом. Теперь они были просто хорошими друзьями.

– Лучше бы я не соглашался вернуться в то старое место, – сказал Мартин Магуайр Джеймсу Бирну, когда они вместе гуляли по Стивенс-Грин и кормили уток хлебом, который дала им Бренда Бреннан, когда они уходили из «Квентина».

– Нет, поверь, это хорошая мысль. Ты запомнишь его таким, каким оно стало теперь. У них все блестит и выглядит совсем по-другому, – заверил его Джеймс.

Они молча наблюдали за тем, как утка-мама вела своих утят к новому источнику еды.

– Ты только посмотри на это! – изумленно произнес Мартин Магуайр. – Посмотри, как они любят своих родителей, как доверяют им! Не как у людей.

– Не укоряй себя. Пожалуйста, Мартин, в этом нет смысла.

– Смысла нет ни в чем. Ты уверен, что не говорил им?

– Я ведь сказал тебе, что не говорил.

– Они, должно быть, гадают, почему я хотел продать все так быстро. Они должны спрашивать.

– Это твоя история, твоя жизнь, Мартин. Конечно, я им ничего не рассказал. В любом случае эти двое так озабочены развитием своего бизнеса, что и не задавали вопросов. Поверь мне.

– Я не могу туда пойти, – решил Мартин Магуайр. – Все же так просто. Ты им скажешь, Джеймс?

– Конечно. – Джеймс Бирн мрачно кивнул.

– Представить только, она их невестка, а говорит, как простонародье! – Молли Риордан была изумлена.

– Надо было сказать тебе, что она не замужем за этим высоким придурком Томом с физиономией как у идола подростков! – произнес Ларри с недовольным видом.

– Мне показалось, он неглуп, – ответила она.

– Ну, ему не стать адвокатом для дамочек. Нет, его дело – обслуживание, поверь мне.

– Откуда тебе знать?

– Слышал, – с умным видом ответил Ларри.

Молли пожала плечами:

– Ну, все наши друзья сочли, что он красавчик. Почему ты так невзлюбил его?

Ее муж не мог ответить. И подумал, что это просто ни к чему.

Бренда Бреннан пила кофе в кухне после ланча в «Квентине».

– Патрик, мы должны постараться и найти немного работы для Кэти и Тома. Начало всегда бывает очень трудным.

– И что ты предлагаешь? – спросил он.

– Ты ведь знаешь, люди часто просят нас поработать на похоронах... и мы не можем отказаться, а в итоге предлагаем им лосось в соусе.

– Ты права, в следующий раз порекомендуем их. Пусть дадут нам визитки.

– Уже дали, – сказала Бренда.

Том и Кэти пили кофе с песочным печеньем, поспевшим к четырем часам.

– И что ты делала в «Квентине»? – спросил Том.

– Каялась во множестве грехов, которые совершила за всю жизнь, – ответила она.

– А что вы ели?

– Не помню. Я же была с Ханной.

– Там что, все было залито кровью?

– Нет, она просто хотела отрезать мне волосы.

Том счел это более чем странным.

– Но не отрезала? – наконец спросил он.

– Нет. – Кэти похлопала по своей сумке. – Но дала мне подарочный купон на это, так что я как-нибудь на днях окажусь во владениях Марселлы. Том, мне нужно подстричься?

– Не знаю. А ты хочешь?

– Вообще-то, не очень.

– Тогда не надо.

Это было просто. Просто для мужчин. Просто для кого угодно, кто не брал денег Ханна Митчелл.

В этот момент они услышали, что пришли Джеймс Бирн и Мартин Магуайр.

– Помни, мы не должны вести себя так, будто слишком благодарны, а то он заберет все обратно, – прошипела Кэти.

– Да ведь уже все подписано и скреплено печатями. Кэти, это просто визит вежливости, – шепнул в ответ Том, и они открыли дверь.

Джеймс Бирн был один.

– Мне очень жаль... Он в конце концов решил не приходить, так что я передаю вам его извинения.

Они были очень разочарованы.

– Но что заставило его передумать? – спросила Кэти, но тут же поняла, что Джеймс Бирн ничего ей не скажет.

– Я просто пообещал передать, что ему очень жаль. – Бирн выглядел невесело.

– Что ж, возможно, для него это слишком скоро, – предположила Кэти. – Но он может прийти когда угодно.

– Конечно может. Он будет рад узнать, что не причинил вам хлопот. – И Джеймс Бирн ушел.

– Никогда нам не узнать, – сказала Кэти.

– Да и наши секреты никто от него не узнает, – откликнулся Том.

– У нас нет никаких секретов, – засмеялась Кэти. – Хотя у меня, вообще-то, есть. Я собираюсь отдать этот купон Джун. – Она энергично помахала бумажкой.

– А сколько это стоит? – спросил Том и, когда Кэти показала ему сумму, сделал вид, что теряет сознание. – И что, люди действительно тратят на свои волосы такие деньги?

– Очевидно, – хихикнула Кэти.

– Мэриан снова звонила насчет свадьбы, – сообщила Кэти матери.

– Они тут устроят большой переполох, – решила Лиззи.

– Нет, все очень просто. Ничего такого, что мы не могли бы им обеспечить: «Ave Maria» и «Panis Angelicus», – беззаботно сказала Кэти.

– Просто удивительно, что ты вообще знаешь названия гимнов. Ты уже очень давно не заглядывала в церковь.

– Перестань, мам! Я ведь всем говорю, какая ты терпимая...

– Какой терпимой я должна быть, – вздохнула Лиззи.

– Они хотят пажа и девочку с цветами, мам. Это трудноватый вопрос.

– Ну, они не могут это получить. Мэриан следует объяснить, что здесь не так шикарно, как в Чикаго, а в нашей семье нет никого подходящего возраста.

– У нас есть Мод и Саймон, – задумчиво произнесла Кэти.

– Ох нет, они не сумеют! – тут же возразила Лиззи.

– Почему нет? Если они все еще будут здесь, а похоже, будут, то справятся. Разве им это не будет приятно? И Мэриан они понравятся.

– Кэти, перестань забивать им головы такой ерундой! Ты знаешь, *она* такого не допустит, даже на минутку.

– Ну, *она* к этому отношения не имеет, мам. Давай поговорим об этом с Мод и Саймоном. Они обожают риверданс.

– Все любят риверданс, но им не научиться чему-нибудь похожему, да и в любом случае, говорю же тебе... *она* и слушать не станет.

– Мам, *она* тут не важна. Давай спросим детей.

– Их здесь нет, – заявила Лиззи.

– Конечно, они здесь, мам. Они всегда здесь, подслушивают, шпионят, воруют еду. Они ведь именно этим целыми днями занимаются, разве не так?

– Это несправедливо, Кэти! Ты говоришь так, словно ненавидишь их, а они просто дети, у которых нет настоящего дома.

– Нет, какая ненависть? Они теперь нравятся мне немножко больше. Но они все равно воруют еду, так как не уверены, что им дадут еще. И они подслушивают под дверями. Ведь так, Мод?

– Я просто мимо проходила, – заявила бедняжка Мод, а Саймон уставился в потолок.

– Том, это Джун. Могу я кое-что спросить?

– Что угодно, если это не отказ от следующей работы.

– Ну... просто... у Кэти с головой все в порядке? Она отдала мне дорожный купон...

– Возьми его, используй и насладись.

– Но она не пожалеет?

– Нет, это подарок матери Нила. Кэти не любит эту леди, так что отправляйся в парикмахерскую, Джун, детка.

– Я подумывала об очень ярких фиолетовых прядях, знаешь, чтобы они резко выделялись, но это должно быть сделано очень хорошо, иначе все будет выглядеть ужасно.

– Вот и иди за ними, Джун, – сказал Том и повесил трубку.

Было так много времени, что часть его можно было потратить на разговоры о прическах.

– Я не собираюсь быть пажом на чьей-либо свадьбе, – заявил Саймон.

– А я бы хотела разбрасывать цветы перед невестой. Я и представить не могла, что кто-то вообще разрешит нам участвовать в таком, – сказала Мод.

– Многие в школе учатся ирландским танцам, конечно, – сообщил Саймон. – Наверное, можно научиться бесплатно.

– Что ты имеешь в виду – бесплатно? – спросила Мод.

– Ну, папы с мамой здесь нет, чтобы платить за что-то, – грустно пояснил Саймон.

– Но у Матти нет денег на такие уроки.

– Откуда ты знаешь?

– Да у него же дырки в ботинках, у него нет машины, или чековой книжки, или еще чего-то такого, – пояснила Мод.

– Значит, уроков танцев нам не видать.

– А тебе хочется, Саймон?

– Я бы не против, – ответил он.

– Ладно, мы подождем и посмотрим. Давай подождем, пока они снова не заговорят об этом. Жаль, что они знают, что мы таскаем еду, – сказала Мод.

– Но мы ведь теперь не берем у Матти и его жены Лиззи, только у Нила и Кэти, – напомнил Саймон.

– Знаю, а Кэти говорила, что мы теперь нравимся ей немного больше. – Мод всегда была оптимисткой.

– Только немного, так ведь она сказала. – Саймон проявлял куда больше осторожности.

– А это еще что такое? – поинтересовался Матти, когда они вошли в кухню и увидели огромный ком теста в центре кухонного стола.

– Это пирог «Веллингтон», – пояснил Саймон.

- Вот как, но откуда он взялся? – спросил Матти.
- Наверное, Кэти стащила его у тех, кто заплатил ей за официантский бизнес, – предположил Саймон.
- Саймон, встань и выйди из комнаты! – приказал Матти.
- А что я такого сказал, Матти? Ты спросил, я ответил.
- Это неправда! Моя Кэти ни разу в жизни ничего не стащила! Вообще-то, единственные, кто крадет что-либо в этом доме, – это вы двое, племянник и племянница известной миссис Митчелл, у которой моя жена всю жизнь наводила порядок! Вы единственные воры, которые бывали в нашем доме!
- Пожалуйста, Матти, мы же взяли только четыре сосиски и пару пакетов хлопьев, просто на всякий случай, – умоляюще произнес Саймон.
- На какой случай?
- На случай, если их больше не будет, – побледнев, пояснил Саймон, а Мод сидела молча, и по ее щекам катились слезы.

- Я сегодня была на ланче с Кэти, – сообщила Ханна Джоку.
- Очень мило, дорогая.
- Вообще-то, это было даже лучше, чем я ожидала.
- Хорошо-хорошо.
- Она знакома абсолютно со всеми в «Квентине». Разве это не удивительно, если подумать о бедной Лиззи?
- Но это было в другом времени, дорогая.
- Похоже на то.
- А что она сказала о планах Нила?
- Планы? Какие планы?
- Нет, ничего особенного, я что-то другое вспомнил. Ты же знаешь, мои мысли всегда где-то далеко.
- И в самом деле, – грустно ответила Ханна.

- Быстро отвечайте: «да» или «нет»! Вы хотите ходить на уроки танцев? Хотите участвовать в свадьбе Мэриан? Отвечайте сразу! – приказала Кэти.
- Это немножко сложно, – начал Саймон.
- Нет, не сложно, все очень просто... Чтобы научить вас трем танцам, нужно столько-то фунтов, а чтобы заплатить за выступление

настоящих танцоров, нужно примерно вдвое больше. Но мы считаем, выбор должны сделать вы.

– Почему?

– Потому что мы семья, – просто ответила Кэти.

– На самом деле нет...

– Сколько еще раз я должна повторять вам: вы живете в доме, где родилась Мэриан, вы кузены моего мужа. Просто скажите «да» или «нет», и мы начнем, найдем хороших учителей.

– А мы ведь все равно придем на свадьбу, да, как гости? – спросила Мод.

– Сомневаюсь, – ответила Кэти.

– Но ты же сказала, что мы родственники, – прохныкал Саймон.

– Не настолько близкие, не забывайте.

– Ну почему, Кэти, ты бываешь такой ужасной? – спросил Саймон.

– Потому что вы оба ужасные. Вы сказали моему папе, что я стащила тот пирог «Веллингтон», а я этого не делала! Я специально приготовила пирог для него, чтобы отблагодарить за присмотр за вами, так как вы не даете Нилу покоя, он не может работать. К тому же вы совершенно невоспитанные, и мне хочется, чтобы ваши мама и папа могли прийти и сейчас же забрать вас обратно в «Буки». Такой ответ подходит?

В это время вошла мать Кэти.

– Нам всем хотелось бы, чтобы мистер и миссис Митчелл из «Буков» чувствовали себя прекрасно и снова занялись своим домом, но до тех пор мы рады видеть здесь Саймона и Мод, – заявила она, оглядывая комнату. – И я надеюсь, все это понимают.

– Прости, мам, – сказала Кэти позже. – Мне жаль.

– Конечно, должно быть жаль, вот так набрасываться на невинных детей!

– Лиззи? – В дверь кухни постучал Саймон; это было еще одной огромной переменой, ведь до сих пор дети врывались куда угодно когда угодно. – Лиззи, мы хотим танцевать, пожалуйста.

– Боюсь, это может оказаться невозможным, детка. *Ей* это может не понравиться.

– Она совсем нас не знает, – пожаловался Саймон. – Она не может нас ненавидеть!

– Она не может иметь что-то против нас, пока с нами не познакомится! – добавила Мод.

– Нет, мы говорим не о Мэриан, мама говорит о вашей тете Ханне. Ведь так, мам?

– Да, Кэти, только не здесь, не так и не перед... Ты разве не можешь подождать, пока?..

– Да все в порядке, – успокоил ее Саймон. – Мы все знаем о тете Ханне. Мы знаем, что Кэти ее ненавидит.

– Больше нет, – возразила Кэти. – Она мне даже начала нравиться. Сегодня я с ней встретила за ланчем, так уж вышло.

– Не может быть!

– Да, это так. Мы ходили в «Квентин».

– А зачем?

– Ты не поверишь, мам, но мы говорили о том, чтобы я подстригла волосы.

– Мне хочется, чтобы ты хоть на минутку стала серьезной. – Лиззи кивком поманила Кэти в кладовую, подальше от близнецов. – Она о детях что-нибудь сказала?

– Она вообще о них не упомянула, – весело ответила Кэти, прекрасно зная, что Саймон и Мод уже стоят у двери и слушают. – А теперь насчет Мэриан, – продолжила Кэти. – Знаешь, в каком-то смысле я даже рада, если дети станут танцевать. Она может устроить многое, насколько я слышала. Фейерверки, жонглеры, львы и тигры...

Дети вспыхнули восторгом.

– Тигры на свадьбе! Вот здорово! – воскликнул Саймон.

А Кэти опять слишком поздно вспомнила, что не следует иронизировать при детях.

– Я сегодня была на ланче с твоей матерью, – вернувшись в Уотервью, сказала тем вечером Кэти.

– О, хорошо, – ответил Нил, не отрываясь от своих бумаг.

– Ты не удивлен?

Он продолжал читать какой-то длинный список, но, уловив тон жены, поднял голову, держа палец на бумаге, чтобы не потерять нужное место.

– Что? – спросил он.

– Это ведь не слишком обычное событие. Я думала, ты поинтересуешься, с чего бы это.

– Ну и с чего?

– Не знаю, – пожала плечами Кэти.

– Послушай, Кэти, ты сказала, что сегодня вечером тебе надо составить меню для серебряной свадьбы и фуршета на испанскую тему, так что я взял домой эти документы...

– Что за дело? Это насчет Африки?

– Нет, конечно. Я ведь говорил тебе: все, что касается работы, отложено до тех пор, пока у нас не найдется времени обсудить это серьезно.

– И?..

– И ты сказала, что будешь работать, и мне нужно разобраться с двумя делами. Я обещал, что разберусь в этих бумагах.

– Извини.

– Кэти, не надо так.

– Мне жаль, ты совершенно прав, я так говорила...

Она была серьезна, даже не дулась. Они ведь заранее сообщали друг другу о своих планах на вечер. И Нил совершенно прав. Просто факт был настолько невероятным, что Кэти не удержалась и сказала ему, а он ничуть не заинтересовался. Его собственная мать, не один год ведшая войну с Кэти, вдруг пригласила ее в «Квентин» неведомо почему. А Нил просто не обратил на это внимания.

– Нет, извини, я был немного резок... Дело не только в этом невезучем нигерийце. Есть еще одно чертовски запутанное дело, а нам нужно представить его в суде завтра. Я выступаю на стороне арендатора, сломавшего спину на неисправной лестнице, а у землевладельца целая команда, твердящая, что они все отремонтировали как следует. Проблема в том, что мой подзащитный говорит и выглядит как какой-нибудь гангстер, а землевладелец – тихий, с отличной речью, озабоченный, так что все против моего клиента. Я должен еще раз просмотреть и составить список всех этих заключений...

Кэти вскинула руки. Она действительно раскаивалась.

– Ладно, я все равно ухожу. Просто зашла, чтобы оставить покупки. Я вернусь через пару часов, и мы поужинаем.

– Ты не обязана, милая, – сказал Нил.

– Обязана, – ответила она и ушла.

Она не собиралась куда-то идти, думала посидеть в ванне, а потом изучить некоторые файлы и кулинарные книги, чтобы не спеша обдумать меню. Она даже размышляла, не приготовить ли паэлью, чтобы отрепетировать блюдо перед фуршетом на испанскую тему, но у нее не было настроения. Нил мог подумать, что она просто убивает время, ожидая, пока он не освободится. Лучше сделать вид, будто она занята, и уйти. Но куда?

Она не могла пойти к Тому. Они с Марселлой собирались этим вечером в театр, там у Марселлы была возможность еще раз попасть под объективы. Кэти поехала в Гленстар и из фургона позвонила по мобильному Джеральдине. Включился автоответчик. Глупо было проехать столько, не позвонив заранее, подумала Кэти и тут, случайно посмотрев на окна квартиры своей тети, увидела, что занавески опускают. В комнате были двое. Джеральдина кого-то принимала. Какого-то мужчину. Кэти уже собиралась выехать с парковки, но тут заметила, что ей кто-то машет рукой. Это была Шона Бёрк из «Хейвордса».

– Увидела твой фургон... Да и кто бы его не заметил? – засмеялась Шона. – Хочешь зайти выпить кофе?

Кэти осматривалась, пока Шона хлопотала у кофемашины. Похоже на квартиру ее тети, но не такая большая и совершенно по-другому обставлена. Множество ярких ковриков и вышитых подушек. Никаких семейных фотографий на стенах, две полки с книгами по менеджменту и бизнесу, небольшой музыкальный центр и нет телевизора. Кэти гадала, какие люди бывают здесь и как Шоне удалось арендовать или купить в ипотеку такое жилье. Квартиры здесь не дешевые. Конечно, у Шоны была очень хорошая работа в «Хейвордсе». И все же... Возможно, она из богатой семьи. Шона Бёрк никогда об этом не говорила. Она умела весьма ловко уводить разговор в сторону от самой себя.

– Ты где-то далеко. – Шона вернулась к Кэти.

– Думала о Мод и Саймоне, – соврала Кэти.

– Это кто такие?

– Кузены Нила. Вышло так, что нам пришлось взять их к себе, моей матери и мне. – Кэти мрачновато рассмеялась и вкратце изложила историю.

К ее удивлению, Шона не нашла в этом ничего забавного или впечатляющего. И не стала пожимать плечами при виде неизбежности такого поворота событий или хвалить их, как другие люди. Она просто слушала без какого-либо выражения на лице.

– В общем вот так, – закончила Кэти. – Нил и его отец получили что-то вроде предписания, ох, я точно не знаю, но это насчет выделения денег из трастовых фондов, и часть из них получают мои мама и папа. Наверное, что-то можем получить и мы, если будет нужно.

– А как насчет их социального работника?

– Она вполне довольна тем, как они устроены, знает, что за ними хорошо смотрят. Их матери лучше не становится, а отец не подает никаких признаков того, что намерен вернуться домой. Так что крепость удерживаем мы.

– Это ужасно несправедливо по отношению к детям, – сказала Шона.

– Жизнь вообще несправедлива, Шона. Конечно, я бы предпочла, чтобы у них были милые мама и папа, которые читали бы им сказки на ночь и заботились бы о них, но их нет, так что нам приходится исправлять ситуацию.

– А потом они вернуться к своим безнадежным родителям, и что будет? – спросила Шона.

– Хотелось бы мне знать, но, будь я Томом Фезером, то надеялась бы на чудо, потому что он-то верит в чудеса, – тоскливо произнесла Кэти.

Домой Кэти ехала в подавленном настроении, от которого никак не могла избавиться. Она не понимала, откуда оно взялось. Она не злилась на Нила за его довольно резкие высказывания. Ведь он абсолютно прав, она действительно говорила, что будет работать. Грубая критика свекрови больше не способна по-настоящему вывести Кэти из себя, дело не в этом. К малодушной покорности собственной матери Кэти давным-давно привыкла, здесь нет ничего нового. И они всегда знали, что Мод и Саймона должны отдать под опеку, это не стало каким-то большим потрясением. У «Алого пера» дела в эти дни

шли хорошо, у них было много заказов на будущее. Счетные книги в конце этого месяца будут выглядеть вполне благополучно, так что Джеймс Бирн чувствовал себя достаточно спокойно. Чем бы ни было вызвано это настроение, оно не желало уходить.

Остановившись на светофоре на обратном пути в Уотервью, Кэти была напугана внезапным стуком в окно фургона. Двое весьма неопрятного вида, мужчина и женщина, настойчиво колотили в окно. Первым порывом Кэти было проверить, заперта ли дверь. Пара выглядела грубой и агрессивной. Нил Митчелл, скорее всего, припарковался бы у тротуара и спросил бы, что случилось. Том Фезер дал бы им денег на еду и уверил бы, что хорошая жизнь лежит за углом. Кэти устыдилась того, что ей хотелось, лишь чтобы поскорее зажегся зеленый и она могла убраться отсюда, подальше от этих пустых лиц. Она слышала, как они кричали: «У тебя хорошая жизнь, у тебя все есть, пожалуйста, *пожалуйста!*» Красный свет, похоже, навеки застыл на месте. Кэти сказала себе, что в наши дни социальные службы работают хорошо, таким людям просто незачем попрошайничать на улицах. Есть специальные центры, ночлежки, спасательные команды... Должно быть, это пьяницы, алкоголики или наркоманы. Она должна смотреть прямо вперед, словно и не видит их, а если она откроет окно, это может быть опасно.

– Пожалуйста... – услышала она крик женщины, – у тебя все есть: чудесный фургон с картинкой, и дом, куда ты пойдешь... Просто дай нам что-нибудь...

Именно слова о фургоне с картинкой смягчили сердце Кэти. Она отъехала к краю проезжей части, достала из сумки десятифунтовую купюру, приоткрыла окно и отдала паре деньги. Они недоверчиво уставились на нее. Это было в пять раз больше того, на что они надеялись. Женщина при ближайшем рассмотрении оказалась моложе, возможно, даже моложе Кэти, но ее волосы были всклокочены, а лицо покрыто грязью.

– Ты заслуживаешь всяческой удачи, миссус, – наконец сказала она.

– Нет, – мрачно ответила Кэти. – Никто не заслуживает удачи, она просто выпадает кому-то. И это, вообще-то, очень несправедливо.

Наконец загорелся зеленый, и Кэти поехала дальше. Это было случайностью, просто мелочью, если подумать. Почему та девушка

стояла там под дождем, выпрашивая деньги у водителей перед светофором? И почему она, Кэти, ведет фургон с картинкой к дорогому таунхаусу в Уотервью? Почему Саймона и Мод должны отправить жить к каким-то чужим людям? Во всем этом не было никакого смысла.

Войдя в дом, Кэти нашла сложенную записку. Ее сердце упало. Не могли же его снова вызывать! Это ведь было дело о компенсации рабочему, не случай какого-нибудь политического заключенного... Она развернула записку и прочла:

Извини, Кэти, вернусь после одиннадцати, не жди.

Она и не стала.

Том говорил, что весь фокус приема агентов по недвижимости заключался в том, чтобы создать испанскую атмосферу. Кэти сказала, что так они и сделают, но должны для начала выставить в качестве закуски тапас. А потом уже потрясающую паэлью со всеми необходимыми приправами. Том был занят поисками испанских шляп, кастаньет, гитариста и танцора фламенко, а потому вообще не имел времени обсуждать меню. Кэти рассудила, что они должны подать две паэльи: одну с морепродуктами, а вторую без них. Она знала, как агентам понравилась бы Марселла Мэлон, появившись она среди них, но даже и не думала о том, чтобы предложить такое Тому. Вместо этого Джун велели взять напрокат испанский наряд и научиться в нужный момент говорить «аггиба» – «давайте выпьем». Кэти хотела прикрепить на тарелки с тапас маленькие этикетки, которые показывали бы, что это типично испанские закуски. Том умолял ее поверить, что заказчикам нужно лишь ощущение того, что вы действительно находитесь в Испании, а это означает коктейль «Сангрия», вино «Риоха» и стук кастаньет. Такой прием выставит их в выгодном свете перед потенциальными клиентами и прессой. Но Кэти хотела, чтобы все было правильно, поскольку на приеме наверняка будут люди, которые знают реалии и смогут определить их подлинность.

– Если мы пойдем туда, разве это не поможет нам узнать что-то новое, как тебе кажется? – спросил ее Саймон накануне вечером.

– Нет, – коротко ответила Кэти и тут же увидела две разочарованные рожицы. – Спасибо, что предложили, но, вообще-то, там будет скучно и уныло для вас. Я вам врала когда-нибудь?

Оба немножко подумали над этим вопросом.

– Нет, – ответили они почти одновременно. – А нам что-нибудь останется?

– На этот раз на Сент-Ярлат-Кресент ничего, Мод. Потому что завтра вечером ваша тетя Ханна придет в Уотервью, чтобы поужинать с Нилом и со мной.

– Ты собираешься ее отравить? – спросил Саймон.

– Конечно нет, я собираюсь угостить ее и вашего дядю Джока отличными испанскими блюдами и постараюсь, чтобы мои волосы хорошо выглядели.

– А зачем ей смотреть на твои волосы? – поинтересовалась Мод.

– Поверь, Мод, я и сама не знаю, но она смотрит. И часто, когда люди хотят чего-нибудь, что довольно легко выполнить, куда проще постараться им угодить. Это избавляет от проблем в будущем.

– А где ты об этом узнала... в школе? – полюбопытствовала Мод.

– Нет, много лет назад мне объяснила моя тетя Джеральдина. Оказалось, это очень полезный совет.

Агентам по недвижимости ланч пришлось по вкусу. И ни один из них даже не упоминал о еде; говорили только о приятной атмосфере.

– Опять ты прав, Том! – искренне восхитилась Кэти.

Он действительно все улавливал, он все знал о том, как продать настроение, а не испанские деликатесы. Многие из этих людей даже и пробовать не станут настоящую испанскую еду, когда купят виллы в Испании.

– Им нужна была просто хорошая еда для поддержания разговоров. Если бы она была невкусной, мы бы и комплиментов не услышали, – успокоил ее Том, когда они упаковывали остатки.

Часть они собирались отправить в «Фатиму», где отец Тома, уже вернувшийся из больницы, весьма неплохо себя чувствовал. Недавно туда была доставлена огромная корзина фруктов – подарок Джо, который до сих пор находился на Дальнем Востоке. Том ничего не говорил об этом, но Кэти знала, что он весьма доволен. Теперь она упаковывала две отдельные коробки: маленькую для близнецов, которые, конечно же, надеялись на что-то, а во второй была основная

часть ужина с Митчеллами в Уотервью. Кэти думала при этом: «Пожалуйста, пусть Нил не задержится снова... Пожалуйста, пусть Джок не окажется знаком с кем-нибудь из тех агентов, кто может упомянуть, что они были на испанском ланче... И пожалуйста, пусть Ханна Митчелл не разозлится из-за того, что я не воспользовалась ее подарочным купоном...»

Митчеллы явились вовремя, и, конечно же, Нила дома не было. Кэти выставила на стол маленькие тарелочки с маслинами.

– Я так и думал, что будет такое. – Джок Митчелл громко, добродушно рассмеялся. – В гольф-клубе я встретился с парой ребят, выпил с ними. Они рассказали, что ты устроила им роскошный испанский ланч, и я сказал Ханне, когда мы ехали сюда, что могу поспорить, мы сегодня почувствуем дух старой Испании.

Кэти постаралась совладать со своим лицом.

– Надеюсь, вы не сделали реальных ставок, потому что вы ошиблись, мистер Митчелл, – победоносно заявила она. – Это просто немного чудесных маслин. Я подумала, что нужно приберечь для вас немножко.

Он, похоже, разочаровался. Ханна была занята: вешала свое пальто и, как всегда, неодобрительно оглядывала дом. Она даже толком не рассмотрела Кэти, пока не вошла в комнату.

– О боже, Кэти, у тебя до сих пор не было времени заняться своими волосами? – спросила она скорее печально, чем сердито.

Кэти захотелось надеть плащ и сбежать куда угодно, за многие мили от этих людей.

– Увы, нет, миссис Митчелл, но я как следует подумала об этом, – ответила она.

Тут как раз явился Нил.

– Привет! Вкусно пахнет! – начал он.

Кэти прижала палец к губам и заговорила высоким неестественным голосом:

– Нил, как здорово, что ты вернулся! Мне нужно еще пять минут, чтобы поработать в кухне и отправить кое-что на такси кое-куда. Твои родители здесь, можешь ты их занять совсем ненадолго?

– Конечно, – с готовностью согласился он.

Но прежде, чем он прошел в гостиную, она шепнул ему на ухо:

– У нас ведь будет не испанский ужин, так? Повтори: «Нет».

– Конечно нет. – Нил недоуменно пожал плечами.

Кэти позвонила в местную компанию такси и написала записку Бренде, в «Квентин»:

Вы моя последняя спасительная соломинка. Можешь мне прислать с этим шофером четыре порции чего угодно, чтобы я могла подать своей чертовой свекрови? Только одно: ничего испанского! Я заплачу сколько угодно и когда угодно или отработаю у тебя на кухне.

С любовью, совершенно ошалевшая

Кэти

Потом она вернулась к гостям и болтала с ними обо всякой ерунде добрых сорок пять минут, пока не вернулся таксист с великолепными стейками и пирогом с почками, миской салата, картофельным пюре и чесночным хлебом. Кэти сумела выставить все это на стол так, что никто ничего не заметил, а потом радостно пригласила всех пообедать.

– Это отлично! Я так и знала, что никакой разогретой испанской еды не будет. – Кэти безмятежно улыбнулась, а Ханна продолжила: – Джок иногда сильно ошибается.

– Извини, – произнес Джок. – Мне следовало понимать, что я имею дело с профессионалом.

И Кэти знала, что ей не следует так уж этому радоваться, но скрыть свое удовольствие не смогла. Позже, когда они уже прибирались, она призналась во всем Нилу.

– Положение было критическим, но все удалось, – сказала она в восторге от своей маленькой победы.

– Конечно, – согласился Нил.

Кэти понимала, что он отвечает просто машинально.

– Но серьезно, Нил, разве все не прошло блестяще?

– В этом не было необходимости, милая.

– Нет, была, – с полной уверенностью произнесла Кэти.

– Но что ты пытаешься доказать?

– Что она не побеждает.

- Но ты это уже доказала, Кэти, давным-давно.
- Нет, не доказала.
- Я ведь женился на тебе, разве не так? На каком еще поле битвы она может выступить?

На следующее утро Том был само внимание, когда Кэти рассказывала ему историю с доставкой на такси заказа из «Квентина». Они сидели за столом, попивая кофе и пробуя испеченный Томом хлеб с финиками и грецкими орехами.

- Но скажи, как же они ничего не заметили? – Том сидел на высоком табурете, как огромное дитя в алом фартуке.
- А я поставила у двери большую ширму. – Кэти сияла.
- А контейнеры, фольга, разве они не увидели?
- Нет, из «Квентина» все блюда прислали прямо на тарелках, мне нужно было только сразу поставить их на стол.
- А что ты сделала с испанской едой?
- Попросила того же шофера отвезти все напрямиком на Сент-Ярлат-Кресент. Мне плевать было, во что это обойдется, дело того стоило, Том, очень даже стоило!

На кухонной стене звякнул таймер. Кэти потянулась к печи, чтобы вынуть новую порцию хлеба, и тут же вскрикнула от боли. Том вскочил и забрал у нее поднос.

- Сколько раз я тебе говорил, чтобы надевала те длинные рукавицы! – прошипел он.
- Ну да, знаю, просто я хотела сделать поскорее...
- Ты всегда так говоришь, но разве от этого становится быстрее? Дай-ка взглянуть.

Он сунул руки Кэти под кран с холодной водой, чтобы как следует охладить красные пятна.

- Да ничего страшного, Том, перестань кудахтать, как курица!
- Кто-то должен кудахтать, или от тебя будет не больше пользы, чем от Венеры Милосской.
- Что?!
- Это та, безрукая. Я пошутил.
- Я знаю, олух, просто только вчера Ханна и Джок о ней говорили.

– Какие культурные разговоры ты ведешь со своей родней! – Том насухо вытер ей руки и уже мягко втирал в них мазь от ожогов.

– Хотелось бы мне... Просто Нил с отцом поспорили. Джок купил какую-то скульптуру для своего офиса, а Нил сказал, что это показуха и напрасная трата денег. Джок возразил, что если бы Нилу завтра подарили Венеру Милосскую, то он бы просто приделал к ней пару рук и продал, чтобы пополнить фонд для ремесленников и иностранцев. Вот такая культурная беседа.

Том засмеялся, неплотно бинтуя руки Кэти, оставляя пространство для воздуха над ожогами, а потом все убрал в аптечку.

– А о чем говорили вы с Ханной.

– О моих волосах, – просто ответила Кэти.

И к собственному огорчению, она ощутила на глазах слезы. Кэти не хотела быть одержимой собственным телом, как Марселла, но хотела хорошо выглядеть.

– Ох, Кэти! – вздохнул Том.

– Скажи, Том, это глупо или как? Я не знаю.

– Так это серьезно? – изумился Том.

– Конечно! Если моя ужасная свекровь дарит мне королевскую сумму, чтобы я изменилась, то, должно быть, я даже собак на улице пугаю.

– Но если Нил говорит, что это мило?..

– Он что угодно скажет ради покоя в доме.

– Нет, не так, все прекрасно.

– На что это похоже? Ну, закрой глаза и скажи мне!

Том закрыл глаза.

– Дай подумать, они светлые, похожи на мед, и очень густые, и связаны на затылке, и над ушами немного вьются, и пахнут шампунем, и все просто замечательно.

Питер Мёрфи позвонил в офис Джеральдины:

– Хочу попросить кое о чем неудобном.

– Это моя специальность – неудобные вещи, – ответила она.

Ей легко было держаться учтиво и прохладно. Она уже знала, о какой неловкой вещи он собирается говорить. Жена Питера Мёрфи, давно жившая отдельно, умерла этим утром. Джеральдине успели сообщить об этом. Так что он собирался просить ее или

присутствовать на похоронах, или наоборот. Ей было безразлично, чего бы ни пожелал Питер. Их личная история давно осталась в прошлом; в его жизни было много дам после нее. Теперь они действительно были просто хорошими друзьями. Джеральдина слушала и издавала неопределенные звуки сочувствия в подходящие моменты, как и положено бывшей любовнице. Оказалось, что «Квентин» не сможет поставить закуски на похороны, они передали заказ «Алому перу». Не будет ли это неприятно Джеральдине?

– Абсолютно нет, я просто рада, что они могут тебе помочь, и уверена, сделают это очень хорошо, – сказала она все таким же заботливым, сочувствующим тоном.

– Это будет в субботу утром... э-э-э... в общем... в ее доме... Дети... Ее друзья могут ожидать...

Джеральдина никогда прежде не слышала, чтобы Питер Мёрфи терял дар речи. Многие годы он позволял себе жить, как ему хотелось. И только смерть его грустной, богатой, скромной жены, которую он умудрялся благополучно не замечать, растревожила его.

– Да, Питер, но как будет лучше?.. – Она подождала, но он явно не хотел принимать решение, и ей пришлось уточнить: – Может, мне лучше не приходить туда, я ведь толком не знала ее лично.

Она услышала вздох облегчения, как эхо ее собственного вздоха. Джеральдине совсем не хотелось, чтобы ее увидели в роли фальшивого сочувствующего. Но ей бы хотелось знать, кто там окажется. Тогда она смогла бы действовать за сценой, видеть все, но при этом оставаться незамеченной.

– Саймон, у меня к тебе вопрос, – сказала Лиззи.

Саймон загорелся:

– Это насчет ставки «янки» сегодня? Что, у Матти получилось? – Он разволновался.

– Янки? – повторила Лиззи.

– Ну, это немножко запутано, это такой способ повышать ставку, – охотно пояснил Саймон.

– Я отлично знаю, что это такое, спасибо, Саймон. Просто мы договорились, что такие вещи, как «янки», никогда, никогда не будут делаться на домашние деньги. – Лицо Лиззи стало грозным.

– Я уверен, это не на домашние деньги, – быстро сказал Саймон.

– Да, я тоже уверена. Это должно быть на его личный доход, на его накопления и акции, – неопределенно произнесла Лиззи.

– Ох, хорошо, тогда все в порядке, – с облегчением откликнулся Саймон.

Лиззи с отчаянием посмотрела на него:

– Вопрос не об этом. Дело в том, что вы с Мод должны сегодня сказать «да» или «нет» насчет свадьбы Мэриан. Если ты скажешь «да», то будешь учиться танцевать. Если скажешь «нет», тоже хорошо. Это должно быть ваше решение, вас двоих.

– Тогда я говорю «нет», – ответил Саймон.

– Хорошо. – Лиззи решила оставить все как есть.

– Что значит «хорошо»? – Саймон умел настаивать.

– Просто ты сделал выбор, ты сказал «нет». Мод будет разочарована. Она сказала «да». Ей хочется нарядиться на свадьбу.

– А я не хочу.

– Отлично! Кэти только порадует.

Это было частью их с Кэти плана.

– Почему? – Саймону не хотелось быть игрушкой в руках Кэти.

– Она сказала, что от тебя ничего хорошего ждать не приходится. Мы с Матти не согласились, это ведь будет важный день, но все равно – таков твой выбор.

– Наверное, я мог бы... ну... то есть если Мод очень этого хочет.

– «Да» или «нет» прямо сегодня.

– Ой, ладно, тогда «да».

– И ты будешь учиться танцевать и носить килт? – Лиззи не желала оставлять неясных мест.

– Ну... наверное. В конце концов, там же не будет никого из школы, – сказал он самому себе, и тут ему на ум пришел решающий довод. – А тигры? Там действительно будут тигры?

Случайные слова Кэти Саймон помнил точно так же, как и слова Лиззи, будто у Матти есть накопления и акции.

– Не думаю. Пожалуй, могут возникнуть проблемы с доставкой тигров в Дублин.

– Но почему, Лиззи? Почему?

Наконец Лиззи ответила:

– Умоляю тебя, Саймон, не требуй от меня ответов на столько вопросов! У меня *нет* ответов. Почему Матти выбрасывает на ветер

все, что получает? Почему Джеральдина живет как миллионер? Почему Кэти не благодарит миссис Митчелл за все то, что эта женщина ей дает? Почему Мэриан хочет, чтобы на ее венчании месса шла на ирландском языке? Почему женщины, у которых я убираю, оставляют жуткие протухшие вещи в своих холодильниках? Говорю тебе, я искренне и абсолютно не знаю.

– Лиззи, а ты знаешь, когда будет свадьба? – вежливо спросил Саймон.

– Да, этим летом, – хмуро ответила Лиззи.

– Наверное, мы сумеем научиться танцам за четыре месяца, – решил Саймон, обнаруживший вдруг, что жизнь постоянно подсовывает тебе что-то новое.

– Послушай, могу я помочь тебе в субботу на похоронах? Я хочу поработать в кухне, не на глазах у всех, ну, намазывать маслом хлеб, мыть тарелки.

– Почему?

– Потому что ты деловая женщина. Где ты найдешь предложение лучше, лишняя пара рук, свободная на четыре часа?

– Нет, ты это делаешь по какой-то ужасной причине.

– Просто из чистого любопытства. У меня когда-то был мимолетный роман с горюющим вдовцом, ты и сама знаешь. Мне хотелось бы самой увидеть, сколько людей там будет и кто именно.

– Мне это не слишком нравится, – сказала Кэти.

– Но я могла бы обратиться к твоему партнеру, мистеру Фезеру.

– И как мы впустим тебя туда?

– Я приду, когда все будут в церкви.

– Кухня может оказаться недостаточно большой, чтобы спрятать тебя.

– Она большая, – сказала Джеральдина.

В конце концов, она ведь бывала там, когда это был дом для всей семьи, но когда ныне покойная леди отсутствовала.

Это были их первые похороны, и они должны были сделать все отлично. Бренда Бреннан из «Квентина», подбросившая Кэти этот заказ, сказала, что работы там много. Но нужно быть бесконечно милыми и тактичными, учитывать горе семьи и следить, чтобы все

были накормлены и обеспечены выпивкой. Конечно, проблема была в том, что никто не мог им сказать, какое количество гостей придет. Не знал и сам мистер Мёрфи, казавшийся весьма смущенным из-за этого.

Том решил, что им следует приготовить два запеченных окорока и один подать в столовой, а второй держать в запасе. Таким образом они вывернутся, если гостей окажется меньше, чем ожидалось. Они также сделают салаты у себя в кухне, Том испечет разные виды хлеба, который можно будет быстро подогреть в духовке, приготовленные Кэти чатни и пикули подадут в больших белых мисках с логотипом «Алого пера». Еще должны быть открытые пироги со спаржей и большие блюда ирландского сыра, поданного с яблоками и виноградом. Десерт мог бы придать всему слишком веселый вид. «Неуместно», – говорили они друг другу. И еще было бы странно и неуместно искать одобрение и новые заказы просто потому, что умерла некая богатая, нелюбимая женщина и ее виноватые, мучимые угрызениями совести родственники пытались проводить ее как следует.

– Очень большой дом, – заметила Кэти, когда они поднимались по ступеням крыльца с первыми коробками.

Джеральдина фыркнула, словно могла рассказать много историй об этом доме, но предпочитает помолчать. Джун сказала, что она может сегодня познакомиться здесь с каким-нибудь богатым парнем. Уолтер, снова ставший барменом, сказал, что глупо одинокой женщине жить в таком огромном доме. Том сказал, что замечательно, что так много места, поскольку сам он настолько большой, что в некоторых домах занимает всю кухню. Кэти ничего не сказала, просто поспешила к фургону за следующей стопкой подносов. У нее многое вызывало недоумение. Зачем Джеральдина напросилась сюда? В этом месте для нее должны были сохраниться только плохие воспоминания. Почему Джун говорит о возможном знакомстве? Ради всего святого, ведь она *уже* встретила человека много лет назад и имеет от него двоих детей. Почему Уолтер так ожесточен? У него же все есть. Ладно, пусть сейчас его родители отсутствуют. Но он и раньше, когда они были рядом, не слишком с ними общался. Как он может негодовать из-за того, что у кого-то что-то есть? Включая умершую женщину, с которой он никогда не был знаком. И наконец, как вообще кто-то на этой планете способен быть таким неизменно оптимистичным, как Том Фезер? Их сегодня

ждало слишком много неопределенного. Они не знали, придут тридцать человек или двести. А он все равно умудрялся видеть что-то хорошее, вроде большой кухни. Кэти улыбнулась себе под нос, снова взбегая по ступеням.

– Только не веселись сегодня слишком, Кэти Скарлет, – предупредил ее Том. – Ты в таких случаях всегда обжигаяешься или режешь себе пальцы.

– Ладно, – ответила она. – С этого момента буду мрачной.

Семья покойной миссис Мёрфи вернулась в дом первой. Кэти взяла их пальто и повесила на передвижную вешалку, которую уже установила в глубине большого холла. Потом Уолтер предложил им выпить, и они перешли в просторную и явно редко используемую гостиную.

– Мы должны как-то помочь с закусками? – неохотно спросила одна из дочерей.

– Нет-нет, все под контролем, мы уже устроили шведский стол в задней комнате.

Родственники огляделись. За все те годы, что их мать прожила здесь, она никогда не устраивала приемов. А сегодня большая комната выглядела так уютно... Эти поставщики добавили какие-то мелочи и определенно сумели показать гостиную в наилучшем виде. Как грустно, что дом их матери, их собственный родной дом впервые проявил себя во всем великолепии только в день ее похорон.

– Это должно быть так горько для всех вас, – сказала Кэти. – Так много воспоминаний... – (Они удивленно переглянулись.) – Уверена, ей бы очень понравилось, что вы открыли для всех ее чудесный дом... Для нее это был бы способ приветствовать своих друзей... – продолжила Кэти.

Она увидела, что семья расслабилась, и снова благословила Бренду Бреннан из «Квентина» за ее подсказку: сочувствия не бывает слишком много.

Том продолжал смотреть в окно, комментируя:

– Они не спешат, но думаю, их хватит для того, чтобы все выглядело прилично... Нет, погоди, там еще машины паркуются, похоже, все будет вполне достойно... Ох, боже мой, там есть и такие, кто уже поглядывает на часы, они вряд ли здесь задержатся. Джун,

действуй, займи место у шведского стола. А Уолтер там или уже сбежал, чтобы минут пятнадцать почитать в уборной?

– Он пока в холле. Я за ним присматриваю, – сказала Кэти.

– Джеральдина, мы должны высказать сочувствие мистеру Мёрфи или нет?

Джеральдина прервала работу – она намазывала паштет на маленькое круглое печенье и украшала каждое кусочком помидора, петрушкой и крем-фрешем.

– Думаю, слов «какой печальный для вас день» будет вполне достаточно, – живо ответила она и снова заглянула в маленькое окно для подачи блюд в гостиную. – Интересно, здесь практически никого нет из отеля Питера. Не думаю, что они знают правила для таких случаев.

Поминки не затянулись. Вскоре люди начали прощаться с дочерями покойной хозяйки. Питер Мёрфи тоже ушел, поцеловав дочерей в щеки. В кухню ему заглядывать было незачем. Он так и не узнал, что здесь была Джеральдина. Счет отправили ему в отель, и чек на оплату был немедленно подписан. Кэти гадала, довольна или нет Джеральдина маленькой вылазкой на похороны женщины, которую она когда-то должна была ненавидеть. Роман Джеральдины с Питером тянулся несколько лет. Но понять сейчас что-то было невозможно: Джеральдина держалась скрытно и лишь заметила, что у дочерей есть здесь кое-какие друзья, но вряд ли в той гостиной появилась хотя бы одна старая подружка миссис Мёрфи...

– Может, у нее и не было много друзей, – предположила Кэти, подсчитывая тарелки.

Они накормили сорок два человека.

– У всех есть друзья, в особенности если они живут в таком большом доме, как этот, – возразила Джун, укладывая столовые приборы в корзинки.

– Необязательно, – заявил Том, аккуратно упаковывая нетронутый окорок. – Думаю, люди могут просто прятаться в таких больших домах. Впрочем, не знаю и никогда не узнаю, – усмехнулся он.

– Дело вовсе не в большом доме, – возразила Джеральдина. – Она просто оказалась в безвыходном положении. Нет мужчины, значит нет сопровождающего, а люди боятся женщин, которые теряют своих

мужей, думают, это заразно. И еще нет работы, не о чем поговорить, так что она должна была выглядеть скучной, как стоячая вода.

– Это звучит очень бессердечно, Джеральдина. – Том покачал головой в насмешливом неодобрении.

– А жизнь вообще бессердечна, Том, лучше ты мне поверь.

И на ее лице на несколько мгновений словно появилась маска черствости.

– Мы заморозим этот окорок или отправим его миссис Хейс?

Том и Кэти высадили Уолтера в начале Графтон-стрит, где он намеревался потратить заработанные им крохи – так он называл сумму, полученную за три часа работы. И теперь они везли Джун с собой в свой офис. Ее «крохи» составляли заработок за пять часов, так как она помогала в уборке.

– Миссис Кто?

– Та леди, которая перемазалась шоколадом. Она, как уж вышло, дала нам весьма неплохую работу на ее серебряную свадьбу только потому, что я спас ее.

– Ах да, конечно, ты ведь такой обаятельный! Нет, давай его заморозим, пожалуй. Там же хотят чего-нибудь сентиментального, кучу сладостей. А хороший постный окорок может оказаться для них слишком здоровой едой. – Кэти вопросительно посмотрела на Тома, и он кивнул.

Они, как это часто бывало, понимали друг друга. Том должен был написать ярлычок с датой и положить окорок на должное место в морозильнике. Приехав к себе, они включили автоответчик: там было три сообщения с просьбой прислать буклеты, одна девушка спрашивала, нет ли у них работы, потому что она намеревается сделать карьеру в кейтеринге.

– Намеревается! – засмеялась Кэти. – Почему дети так говорят?

– Поскольку думают, что так они будут выглядеть взрослыми, – предположил Том.

Затем в сообщениях обнаружился заказ на ланч для восьми дам, нужно просто все привезти и оставить у Риорданов.

– Ни адреса, ни номера телефона! Отлично! Нет, в самом деле, люди уж слишком глупы! – кипятился Том.

– Брось, Том, мы их знаем. Мы там уже были.

– Были? – Том недоуменно уставился на Кэти.

Они обслужили не так уж много домов. Не так много, чтобы он мог позволить себе забыть имена клиентов.

– Ты знаешь, мы там устраивали прием по случаю крещения, и ты потом упоминал о хозяине как о мистере Чертовом Семьянине.

– А-а-а, это он, и в самом деле... Я нарочно стер его из своей памяти, – признался Том.

– Слава богу, мы не стерли их в компьютере! Что мы им приготовим?

– Лекцию на тему, что в людях нет ничего хорошего, – предложил Том.

– Нет, глупый. Из еды. И в любом случае это неправда. В людях очень много хорошего. Мой отец купил близнецам щенка, чтобы держать его на Сент-Ярлат-Кресент, хотя именно ему придется обучать его и убирать за ним. Мой муж купил нам два замечательных билета в оперу на сегодняшний вечер, хотя сам не очень ее любит. Джеймс Бирн намерен потратить субботнее утро, чтобы разобраться в счетных книгах, поскольку сегодня мы не могли с ним встретиться. Мой деловой партнер тоже человек, но он собирается остаться здесь один ради меня, так что в данный момент я ничего не имею против людей, – засмеялась Кэти.

– Почему это я собираюсь остаться здесь один, напомни? – спросил Том.

– Потому что любовь твоей жизни на весь вечер уйдет в спортзал, а любовь моей жизни придумывает для себя причины не ходить в оперу на «Лючию ди Ламмермур», так что мне лучше поспешить домой, чтобы помешать ему.

На столе лежала записка:

Я знаю, что тебе кажется, будто я уваливаю от культуры, но когда ты узнаешь, что случилось, то согласишься...

Абсолютно законная контора оказалась под угрозой, юристы сообщили, что присутствие в их команде адвоката, имеющего право выступать в судах, может вызвать у властей сомнения. Должна была

состояться пресс-конференция... Нилу было очень жаль... очень жаль. Он постарается все исправить. Билеты на столе. Может, она найдет кого-нибудь? Кэти пришла в ярость. Как ей найти кого-нибудь, кто мог бы нарядиться и пойти с ней в оперу, когда уже пять часов? В каком мире он живет? Кэти едва не заплакала от раздражения и разочарования, но справилась с собой. Это ведь не было вопросом жизненной важности. Не те реальные сражения, которые она выдерживала прежде... не похоже на времена, когда Ханна насмеялась над ней и заявляла, что Кэти выйдет за Нила только через трупы ее самой, ее мужа и любого, кто их знает. Это не было, как в те дни, когда Ханна громко смеялась за ее спиной, говорила с ней высокомерным тоном, повторяла, что Кэти – дочь бедной прислуги. Это не походило на поиск работы за границей... Речь шла всего лишь об одном вечере.

Однако кого еще она может пригласить так поздно? Джун? В оперу? Забудь об этом. Джеральдину? Джеральдина при ее активной общественной жизни наверняка шла на свидание с кем-нибудь в субботний вечер. Кэти достала телефон. Она все-таки позвонит Джеральдине.

– Джеральдина?

– А кто еще мог за меня ответить?

– Ты не хотела бы заменить сегодня Нила в походе в оперу? У меня лишний билет.

– Рада буду. А она грустная?

– В общем безнадежная. Наркоманка выходит замуж за парня, которого не любит, и убивает его. Парень, которого она на самом деле любит, кончает с собой. Такие вот дела, вполне обычно для оперы.

– Я бы сказала, вполне обычно для жизни, – решительно ответила Джеральдина.

– А потом я приглашаю тебя в «Квентин» на поздний ужин.

– Договорились.

Они посмеялись с Брендой Бреннан по поводу их приключения со стейком и пирогом с почками. Они увидели Шону Бёрк, ужинавшую с двумя старшими руководителями «Хейвордса».

– Хотелось бы мне, чтобы эта девушка почаще улыбалась, – сказала Джеральдина.

– Да, у нее есть поводы для улыбок. Квартира в Гленстаре вряд ли дешево обходится; хорошая работа, хорошая внешность... Том говорил, что видел ее в больнице, она кого-то там навещала, когда у его отца случился сердечный приступ. Я спрашивала ее об этом, но она просто отмолчалась.

– Она хорошо работает, но холодно, – сказала Джеральдина. – А вот ты сегодня фантастически поработала. Я тобой очень гордилась.

– Нет, не пытайся увернуться. Ты ведь была довольна тем, что не увидела там большой толпы?

– Нет, мне, вообще-то, все равно, я просто проявляю беспристрастный интерес.

– Но ты когда-то его любила, ты не можешь быть полностью беспристрастна. Ты должна... что-то чувствовать.

– Я никогда не любила Питера Мёрфи, – просто ответила Джеральдина.

– Но разве ты не... – Кэти замолчала.

– Конечно, это было... больше пяти лет, но это не значит, что я любила его.

– Но в то время это должно было быть похожим на любовь, – предположила Кэти.

– Нет, не для меня.

– Тогда что... почему... – Кэти снова замолчала. – Прости, Джеральдина, это не мое дело.

– Нет, я не против... Я просто хорошо проводила время с приятным компаньоном, который также познакомил меня со множеством людей и помог мне наладить мой бизнес. А почему? Полагаю, я могу лишь сказать: а почему нет? И еще он купил мне квартиру в Гленстаре.

Кэти уставилась на нее:

– Он купил ее для тебя?

– Но ты ведь уже большая девочка, Кэти, у тебя свой бизнес, так что нечего таращить на меня невинные глазки.

Кэти заговорила с жаром:

– Я не строю из себя невинность! Я просто удивлена, что ты приняла такой подарок, ну... вроде роскошной квартиры, от мужчины.

Вот и все.

– Если люди хотят дарить мне подарки, я что, должна отказываться?

– Конечно нет, но квартира в Гленстаре...

– Тот, кто строил Гленстар, в то же время занимался расширением отеля Питера, так что все обошлось ему не так дорого, как любому другому. Ну да, это был щедрый дар, и мы, как ты знаешь, всегда оставались хорошими друзьями.

– Но не думает ли он, что может снова повернуть...

– Нет, Кэти, конечно не думает.

– Но разве это не странно с его стороны? Я хочу сказать, большинство мужчин на его месте...

– Я знаю, на что способно большинство мужчин, – немножко подумав, сказала Джеральдина. – Но мне дарят подарки. Машину я тоже получила в дар, и тот CD-плеер, которым ты так восхищалась.

– Ты приняла все эти подарки от разных мужчин в разное время? Я просто поверить не могу! Ты меня обманываешь!

– Ничуть. Зачем бы мне шутить о таком? Это факт. И теперь ты хуже обо мне думаешь? – спросила Джеральдина.

– Нет, нет, конечно же нет! – выразительно воскликнула Кэти.

Но это было так. Определенно так. Ее тетушка, которой она так восхищалась, решительная женщина, добившаяся всего, хотя и вышла из рабочего класса, достигшая высокого положения и утонченности, оказалась всего лишь той, кого в прежние времена называли бы куртизанкой. Она получала подарки за секс. От этого оставался лишь один шаг до того, чтобы получать деньги...

– Боже, я бы тебя возненавидела, если бы ты обрушила на меня свою праведность!

– Я? Праведность? Никогда! – заявила Кэти с легкой усмешкой.

Джеральдина платила за среднее образование Кэти, а Матти и Лиззи до сих пор считали, что их дочь получила грант. Джеральдина покупала школьную форму и с сочувствием слушала Кэти, когда та с самого начала говорила, что хочет изучить кейтеринг с нуля, а потом, когда пришло время, платила за колледж общественного питания. Джеральдина была ее союзницей, когда Кэти вернулась из Греции с потрясающей новостью о том, что влюбилась в Нила Митчелла, сына ненавистной Ханны, и помогла ей успокоить Лиззи... Именно

Джеральдина без колебаний стала поручителем, когда они брали ссуду для открытия «Алого пера». Кэти и в голову не пришло бы ханжески осуждать тетю. Она искала повода сменить тему и посмотрела на запястье Джеральдины:

– Эй, это что, новые часы? Потрясающие!

– Хорошенькие, не правда ли? – Джеральдина повернула их так, чтобы в них отразился свет. – Чудесная вещица, мелкий жемчуг и элегантный золотой браслет. Тот симпатичный агент по недвижимости Фредди Флинн подарил их мне на прошлой неделе. Очень мило с его стороны.

– Хорошее было это... мяуканье? – рано утром в понедельник спросил Том.

– Что? А-а-а... Прекрасно, просто прекрасно!

– А Нил не заснул, когда вы там были?

– Нет, он бы не посмел, – ответила Кэти.

Почему она соврала и притворилась, что Нил был в опере? В общем, это не совсем ложь. Это скорее вопрос преданности. Слишком сложно было бы объяснить Тому, как много Нил работает и как он сожалел о том, что вынужден пропустить спектакль. Легче оставить все как есть. Это ведь была невинная белая ложь, и правда никогда не выйдет на свет.

Они уже приготовили все то, что можно было заморозить для серебряной свадьбы.

– Я мог бы даже угостить тебя пивом, просто чтобы мы вышли отсюда ненадолго... – начал было Том, но тут в дверь постучали, и он пошел открывать.

Это оказался Нил.

– Я был тут неподалеку, вот и подумал, что могу предложить жене ланч, и она, возможно, простит меня за то, что я не пошел с ней в оперу, – сообщил он, когда Кэти вышла в приемную. – Так ты меня простишь?

– Прощать нечего, я тебе уже говорила. Тут нет ничего особенного, так что нет и необходимости... – Она была так смущена, что с трудом подбирала слова.

– Но это необходимо. Я обещал нечто и не сделал. Могу я вместо этого пригласить тебя на ланч?

– Иди, Кэти! Пойдите в какое-нибудь роскошное местечко, и стащи там идею, – настойчиво предложил Том. – Посмотри, может, у них есть какой-нибудь необычный хлеб, попроси показать всю хлебную корзинку и что-нибудь выбери, что-нибудь новое, и принеси сюда. Ладно?

Кэти сняла рабочий халат, надела жакет и пошла к фургону.

– Может, взять такси? – предложил Нил.

– Это же чистая реклама, Нил. Мы можем припарковать фургон в таком месте, где его все увидят. Пока, Том!

Они сели за столик друг напротив друга в весьма модном ресторане. Они смогли сюда попасть лишь потому, что был понедельник, и постепенно Кэти справилась со своим раздражением. Нил не виноват. Он действительно сильно огорчился, что подвел ее. И она твердила, что очень приятно поужинала с Джеральдиной.

– А теперь я так же отлично проведу ланч с тобой, так что я в сплошном выигрыше, – весело заявила она.

– А о чем Джеральдина говорила?

– Ни о чем в особенности, мы просто болтали.

Кэти и сама не знала, почему не рассказала Нилу о необычном образе жизни Джеральдины. Как правило, она рассказывала ему все. И она снова решила, что это как-то связано с преданностью. И гадала, значит ли это, что теперь будет постоянно ему врать.

– От исчезнувшего дяди Кеннета вроде есть вести.

– Поверить не могу. И где он?

– Где-то за морем, но, судя по всему, возвращается домой.

– А что насчет тети Кей в психушке?

– Быстро поправляется, я слышал.

Грудь Кэти сдавило от нехороших предчувствий.

– Но это не значит ведь, что они уже смогут забрать Мод и Саймона? – со страхом спросила она.

– Ну, я бы сказал, не прямо сейчас, но, конечно, со временем им придется вернуться.

Кэти охватили смешанные чувства. Да, было бы прекрасно больше не беспокоиться о Саймоне и Мод. Но ведь те люди не станут как следует заботиться о своих детях. Кэти немного научила их хорошим манерам, думать о том, чтобы не расстраивать никого, ее мама и папа научили их любви и дружбе...

Казалось ужасным увидеть, как все это исчезнет, когда в подходящее для них время Кеннет и Кей вернутся домой. Возвращение блудных родителей всегда было тем, на что она надеялась. Но теперь, когда это становилось реальностью, Кэти уже ни в чем не была уверена.

– Это же хорошо, ну, родители, как ты думаешь? – спросила она Нила.

– Так хорошо, как я и надеялся, – ответил он. – Но все же... – Он явно менял тему, и Кэти посмотрела на него. – Но все же это не так и важно. Мы с тобой должны поговорить о той работе.

– Том, это Уолтер. Могу я войти и поговорить?

Том проглотил кусок сэндвича, который как раз ел, и нажал на кнопку входа. Этот парень в основном был безобидным, подумал Том. Не трудолюбивый, слишком поспешно схватил свою куртку и сбежал, вместо того чтобы помочь отнести тарелки и бокалы в фургон... и слегка высокомерен к Джун и ее произношению. И все же сейчас его вполне можно нанять барменом. Он был достаточно хорош собой, привлекал молодых женщин и, если бы только мог лишь немного больше сосредоточиваться, запоминать, кто что пьет, был бы неплох. Они с Кэти уже решили, что не станут нанимать его на серебряную свадьбу Хейсов. Вместо этого они намеревались испытать одного бармена, с которым недавно познакомились, рыжего парня по имени Кон, с добродушной улыбкой. Он производил впечатление человека, любящего свое дело.

– Кэти здесь нет? – поинтересовался Уолтер с легкой насмешкой и, словно был разочарован, огляделся, держа руки в карманах.

Том помнил, что они с Кэти сошлись на том, что у Уолтера слегка раздражающий язык тела, он как будто снисходит ко всем и желает, чтобы все решалось так быстро, как только возможно.

– Нет, но она скоро придет.

– А там во дворе машина Нила?

– Да, он тоже скоро придет. А пока я могу что-нибудь для тебя сделать?

– Эта работа, дело... ну как там... в какое время?

– Это не для тебя, – сказал Том.

– Там у вас большая затея в среду. Я хочу спросить, нужно ли надевать смокинг и когда приходиться.

– Не думаю, что мы сможем договориться... – начал Том.

– Я просто надеялся, что ты дашь мне что-нибудь авансом прямо сейчас... Ну... чтобы я подготовился и всякое такое.

Кэти просто не могла нанять кузена своего мужа, не поговорив с Томом. Вообще-то, она как раз куда более активно выступала против него. Ее разозлило то, что свое жалованье он называл жалкими грошами. Здесь явно возникло какое-то недопонимание. Тому хотелось сказать, что им следует подождать, пока не вернется Кэти, и во всем разобраться. Но Том знал, что не может этого сделать.

– Мы не нанимаем тебя на среду, – сказал он куда более уверенно, чем позволяли его чувства.

– Что?

– То. Мы не нанимаем тебя, Уолтер, так что, боюсь, никаких разговоров об авансе. Мне жаль, если ты что-то перепутал.

– Вот не надо мне говорить, что я напутал. Ты же мне сам рассказывал об этом, рассуждал в моем присутствии... И что я должен был подумать?

– А что *мы* должны думать, Уолтер? Ты говоришь, что мы платим тебе жалкие гроши, тебе не нравится эта работа. И как бы нам пришла в голову мысль, что ты хочешь поработать на серебряной свадьбе Хейсов?

– Так вот ты о чем... Ну... это была просто шутка, люди иногда шутят. Они ведь не ожидают, что их слова воспримут всерьез. Но теперь я понимаю: тут дело в том, что я, похоже, должен кланяться тебе в ножки и благодарить от всего сердца за счастье поработать с тобой!

Том подумал, что Кэти пропадает уже целую вечность. Сколько же времени нужно на ланч? Она вообще вернется когда-нибудь?

В ресторане Кэти посмотрела на Нила, сидевшего напротив:

– Работа? Та, которую тебе хотят предложить, за границей?

– Да, речь о ней. Мы с тобой вроде как начали не с той ноги. Я хотел рассказать тебе, в чем тут дело.

– Давай, – кивнула Кэти.

– Нет, если ты будешь и дальше говорить со мной таким тоном.

– Нил, я просто предложила рассказать о ней.

– Пожалуйста, не упоминай о ней сразу так враждебно.

– Я не понимаю, как попросить тебя рассказать об этой работе без того, чтобы ты сразу не обиделся или не почувствовал себя оскорбленным. Почему бы тебе просто не рассказать мне все? Пожалуйста!

Конечно, именно тогда им пришлось сделать заказ. Нилу было все равно, что есть, но Кэти хотелось попробовать разное, так что она потратила немало времени на выбор.

– Мне все равно, – ответил Нил, когда официантка спросила, хотят ли они коктейль.

– Мне бы хотелось вон тот серебристый, с сахарной пудрой, – сказала Кэти.

– С чего тебе захотелось такого? – удивился Нил.

– У нас прием по поводу серебряной свадьбы. Ты ведь знаешь, я тебе говорила. Такой напиток вполне может подойти, – ответила она.

Она ждала, а Нил рассказывал ей о шансе изменить всю сущность закона об иммиграции. Это было чем-то новым и волнующим, и было бы так здорово стоять у основания, когда это произойдет, и это имело большое значение. А когда все произойдет, очень многие люди в своих странах ощутят результаты такой работы. Что действительно было нужно, так это быть готовым проводить правильную политику в международных институтах, не в тех, которые контролируются политиками, чьи интересы могут меняться, а среди юристов и социальных работников, которых это заботит. Кэти слушала. Слишком часто страны с идеальными законами относительно гражданских свобод отворачивались в сторону, если дело касалось нефти, или если они продавали оружие в те регионы, или если они осознавали, что результаты выборов могут зависеть от количества иностранцев, которых они впустили в свою страну. И потому организация Нила должна стоять надо всем этим, она должна стать международной, она изменит образ мысли всего мира.

– И где начнете?

– Сначала в Гааге.

– Ты хочешь, чтобы мы жили в Голландии?

– Будет много поездок, конечно, и ты можешь ездить со мной, это оговорено. Увидишь разные места, Кэти, такие, о которых никогда и не

мечтала.

– А что ты будешь делать каждый день, Нил? Попробуй нарисовать мне картинку нашего дня. – Голос Кэти звучал отстраненно; ей нужно было время, чтобы все обдумать.

Нил действительно очень хотел уехать и ожидал, что она бросит все и отправится с ним. Кэти не слушала, когда Нил пытался вообразить, какими будут их дни. Вместо этого она гадала, можно ли по-настоящему узнать другого человека. Этот сидевший напротив нее мужчина, который с ледяным безразличием игнорировал собственных родителей, когда они возражали против его брака, теперь хотел вырвать ее из бизнеса, который она создала рабским трудом, и увезти куда-то, чтобы она стала неким подобием жены дипломата. До Кэти доносились какие-то слова, звучащие рядом в воздухе, когда она пробовала хлеб, оказавшийся совершенно обычным, и томатное масло, бывшее выше всяких похвал. Серебристый коктейль оказался никудышным – такой и думать нечего подавать на празднике Хейсов.

– Ты очень молчалива, – наконец сказал Нил.

– Думаю об этом, позволяю всему улечься.

– Я знаю, тебе это необходимо. Там, в Уотервью, ты бурно протестовала, твоя работа, моя работа, всякое такое. Но речь ведь не об этом, речь о нашей жизни.

– Да-да, – почти мечтательно произнесла Кэти.

– О чем ты, Кэти?

– Ну, ты прав, это о нашей жизни. А ты мог бы поехать один, без меня, жить там своей жизнью... ну... если предположить, что я поехать не смогу?

– Но мы же не об этом говорим. Ты можешь поехать, если захочешь, – недоуменно ответил Нил.

– Я пытаюсь понять, какой ты видишь нашу жизнь. Можешь ты поехать один?

– Нет, я не смог бы. Ты ведь это знаешь, да?

– Я просто спрашиваю. Значит, ты можешь остаться здесь и продолжать жить по-прежнему? – настаивала Кэти.

– Да, но... ну... Наверное, да.

– Понятно.

– Но дело не в этом... Кэти, ты можешь поехать, и поверь, я знаю, тебе понравится. Они хотят, чтобы мы поехали пока на неделю. Очень

скоро, просто чтобы мы сами посмотрели, где будем жить и чем конкретно заниматься. Кэти, ты же любишь перемены, это просто придумано для тебя...

– Нам нужно подробнее все обсудить. Намного подробнее. – Ее голос по-прежнему звучал как чужой в ее собственных ушах.

– Конечно должны. – Нил погладил ее по руке.

Похоже, Нилу казалось, что разговор прошел хорошо. Он попросил счет, и они ушли. Кэти неосторожно оставила фургон на углу. Она увидела, как дорожный инспектор уже смотрит в его сторону, и поспешила к своей машине.

– Я первая, – засмеялась она, забираясь на водительское сиденье.

– А что это за «Алое перо»? Это какие-то матрасы? – спросил инспектор.

– Это лучшая компания кейтеринга во всей Ирландии, – ответила Кэти и на всей скорости увела фургон.

К удивлению Кэти и Нила, в офисе они обнаружили Уолтера, и Кэти сразу заметила, что Том разозлен.

– Эй, ты как, уже лучше? – спросил Нил Уолтера.

– Да, я в порядке, – пожал плечами Уолтер.

– А что было не так? – спросила Кэти.

– Он упал и ушиб спину, – объяснил Нил. – Мне отец сказал этим утром. И неделю не появлялся на работе.

Том и Кэти переглянулись. Они знали, что Уолтер не падал, но промолчали. В этот момент зазвонил телефон. Это была миссис Хейс. Они с мужем решили, что в среду им нужны два официанта. Один будет постоянно стоять за баром, а второй – разносить гостям напитки. Проблем не возникнет?

– Никаких проблем, миссис Хейс, все устроим прямо сейчас. – Том повесил трубку, повернулся и посмотрел на Уолтера. – Обычные крохи в среду, Уолтер. Придешь сюда в шесть тридцать, сможешь загрузить фургон, никаких денег вперед, не нужно брать напрокат смокинг, у тебя он уже есть. Хорошо?

– Хорошо, – с улыбкой согласился Уолтер. – Я же знал, что вы хотели дать мне работу.

– Нет, не хотели, просто ситуация изменилась. У нас есть Кон на среду, а ты будешь подкреплением. Если, конечно, твоя спина будет в порядке к этому времени.

– А ты едешь обратно к зданию Четырех судов? – спросил Уолтер Нила. – Если так, подвез бы меня?

– Так ты собираешься на работу? – не понял Нил.

– Нет, но мне нужно кое-кого повидать в том районе.

Том был рад, что Уолтер уходит.

– Вы двое хорошо поели? – спросил он.

– Нет. Хлеб так себе, так что... Никакого сравнения с твоим, Том, – весело ответила Кэти.

И Нил что-то пробормотал в знак согласия.

– Хорошая новость. – Том был доволен. – Значит, шоу может продолжаться еще несколько недель.

Когда Нил и Уолтер ушли, Кэти села к столу и посмотрела на Тома:

– Извини, Том.

– За что? Мы знаем, что Уолтер просто мелкое дерьмо, но они захотели двоих...

– Я не об этом. Я соврала тебе, сказала, что Нил ходил со мной в оперу, а его там не было.

– Ах это... – Том, похоже, совершенно забыл, что сказала Кэти.

– Конечно, было глупо так говорить, – продолжила она, – но ты ведь знаешь, как я ждала этого, и решила, что я просто... что мне не хотелось, чтобы ты подумал, будто он меня подвел.

Том, кажется, решил, что Кэти уж слишком зациклилась на этом.

– Бедняжка Нил не мог выдержать крика, когда так вышло, да? Не могу сказать, что я его виню.

Матти готовил сюрприз несколько недель. И ему хотелось, чтобы свидетелями стало как можно больше народа. Он попросил Кэти с Нилом заехать к ним около шести часов во вторник, и Джеральдину тоже. Вообще-то, такое время никого не устраивало, но они постарались. Маленький черный щенок лабрадора уже должен был быть в доме, спрятанный в газетах в спальне. А потом разговор следовало постепенно навести на собак. Мод и Саймон должны были сказать еще раз, как сильно они хотят щенка, а Матти ответил бы, что ему кажется, он уже есть. Лиззи заявила бы, что это глупости, что

невозможно привести в дом собаку так, чтобы она этого не знала, и тут Матти предьявил бы маленького друга...

Кэти такое время не устраивало, так как им с Томом нужно было забрать свои тарелки после дамского ланча у миссис Риордан, чтобы снова их использовать на серебряной свадьбе Хейсов. Когда-нибудь у них будет достаточно фарфора и жаропрочной посуды для упаковки, но не в этот раз. Джеральдине такое время не подходило, поскольку Фредди Флинн сказал, что сможет заскочить в Гленстар на час или два после работы. Но было нечто магическое в мысли о Матти и этой породистой собаке, обошедшейся ему в сто фунтов с лишним. И потому они постарались все устроить. Лиззи поспешила вернуться домой с последней уборки. Джеральдина сказала Фредди, что немного задержится, но вернется домой примерно без четверти семь. Нил сказал, что постарается приехать, но ему придется уйти с Сент-Ярлат-Кресент в половине седьмого, что уже было неплохо. Кэти сказала, что они с Томом заедут ненадолго перед тем, как отправятся за тарелками к миссис Риордан.

– Что-то происходит? – поинтересовался Саймон, когда все уселись за кухонный стол.

– Почему ты так решил? – спросила Лиззи.

– Ну, все как будто чего-то ждут, – пояснил Саймон.

– Нет, Саймон, мы просто сидим и пьем чай.

Кэти продолжала свои попытки улучшить манеры близнецов:

– И разговариваем обо всем, вместо того чтобы привлекать внимание к себе. Так делают люди, понимаешь?

– А у всех есть сахар и молоко? – тут же послушно спросила Мод.

Матти слегка откашлялся:

– Нет ничего лучше семьи, собравшейся за столом. Сейчас по всему Дублину люди собрались за чаем, посматривают на своих кошек, и попугайчиков, и собак... – Он горделиво окинул всех взглядом, как будто это было совершенно нормальное замечание, хотя оно и прозвучало абсолютно неожиданно.

Он выждал, но дети ничего не говорили. Они просто серьезно уставились на него.

Том почувствовал, что следует заполнить брешь в разговоре:

– Это хорошая мысль, Матти. В семьях могут быть разные существа... ну... хомячки, кролики, в хороших клетках, и собаки, конечно.

И опять ни слова от Мод и Саймона.

Матти уже пришел в отчаяние.

– Но в этом доме, конечно, никогда не было собак. Здесь никогда не было их любителей.

– Да, верно. – Лиззи почти выкрикнула это, словно читала роль в пьесе.

И тут близнецы подскочили.

– Он есть! – взвизгнул Саймон.

– Я так и знала! – закричала Мод, и они мигом вылетели из кухни и помчались вверх по лестнице, к главной спальне.

Послышались лай, визг, сопение – и близнецы вернулись, неся щенка. Он походил на игрушку: черная шерсть, виляющий хвостик и язык наружу.

– Он такой красивый! – воскликнула Мод.

– Да, это «он», я уже посмотрел. – Саймон приподнял щенка и заглянул под его животик еще раз, на случай если вдруг ошибся. – Он для нас? – спросил Саймон, почти не смея надеяться.

– Для вас обоих, – проворчал Матти.

– Насовсем? – недоверчиво уточнила Мод.

– Конечно.

– У нас никогда не было животных, настоящих животных, – сказал Саймон.

– В «Буках» была черепаха, но она сбежала, – сообщила Мод. – А вы же знаете, мы так надеялись, что у нас будет собака. И только сегодня...

– Мы услышали, как он скулит за дверью, – начал объяснять Саймон.

– А я сказала, что это может быть щенок. – Мод хотелось показать, какая она сообразительная.

– А я сказал, что Матти мог бы завести собаку, но может быть и так, что там просто какой-то старик стонет и храпит в спальне, так что лучше нам не входить. – Саймону тоже хотелось похвастаться своим великим самообладанием.

– Но мы и не думали, что это для нас, – сказала Мод.

– Не думали, – подтвердил Саймон.

Кэти поняла, что настал тот самый момент, когда близнецы по-настоящему изменились. И похоже, все остальные подумали так же. То, как дети гладили щенка и громко смеялись, их комичное поведение растопили бы даже самое холодное сердце. Теперь маленького щенка водрузили на стол, и он бродил по нему на толстых лапках. Том подsunул под него газету как раз вовремя, и все поспешили отодвинуть подальше чашки и печенье.

– Он такой красивый! – снова заявила Мод.

– И он очень умный. Ты нашел его на улице или где-нибудь еще? – наивно спросил Саймон.

– Ну... в общем, я вроде как пошел и выбрал его, понимаешь, и он теперь ваш, – ответил Матти, улыбаясь от уха до уха.

– Папа пошел в питомник и купил его для вас обоих! – с гордостью сообщила Кэти.

– А Лиззи заработала на прививки у ветеринара и всякое такое, – добавила Джеральдина.

– И мы теперь знаем, как его тренировать, – сказала Лиззи.

– А как вы собираетесь его назвать? – полюбопытствовал Том.

Щенок посмотрел на него так, словно ему тоже хотелось это узнать.

– Грохот, – заявил Саймон, и Мод энергично кивнула.

Все замолчали.

– Грохот Митчелл, – уточнила Мод, на тот случай, если они не поняли.

– Да, Мод, но обычно у собак нет фамилии, так что он будет просто Грохотом, – сказала Кэти.

– Ладно, – согласилась Мод.

– А-а-а... э-э-э... а почему вы придумали именно такое... э-э-э... интересное имя? – Том высказал общую мысль.

Дети явно удивились тому, что взрослые не поняли чего-то столь очевидного.

– Но Матти ведь всегда говорит, что лучшая вещь в мире – грохот копыт в такт биению вашего сердца, – объяснил Саймон.

Матти шумно высморкался.

– И когда все умолкает, – добавила Мод, – грохот копыт остается в вашей душе.

Нил позвонил Кэти на мобильный, когда они уже уходили.

– Мне жаль...

– Не важно, Нил. Никто и не думал, что ты придешь, но все было великолепно, они просто влюбились в этого щенка...

– Я потому и звоню, Кэти. Они не могут и дальше жить в этом нелепом раю. Дядя Кеннет вернулся и наводит порядок в «Буках», Кей в конце недели выписывают из больницы... Это не может продолжаться, все это притворство.

– Это не притворство, это дом! А какой дом даст детям твой дядя?

– Если верить папе и Уолтеру, которого заставили помогать, похоже, все не так плохо. Уолтер даже предложил им заказать кое-что для морозильника.

– Я скажу им, что делать с едой из морозильника, – заявила Кэти.

– Кэти, пожалуйста, поговорим позже.

– Конечно.

Джеральдина тоже уходила.

– Извини, Кэти, не могу задержаться еще. Просто Фредди зайдет выпить. Я собиралась завтра приготовить для него изысканный обед – он обычно заезжает по средам, но ему нужно уехать по каким-то делам, бедняге.

– Нет, я тоже ухожу. Послушай, хочешь несколько роскошных канапе? У меня в фургоне целая коробка.

– Ты просто ангел, как раз вовремя!

Джеральдина умчалась мгновенно, ее дорогой красный автомобиль исчез за углом Сент-Ярлат-Кресента.

Вышел Том, они сели в фургон.

– Разве не поразительно было видеть их лица, – сказал он.

– Да.

– В чем дело? – (Кэти объяснила.) – А суд, а социальные работники? – начал было Том.

– Предпочитают биологических родителей, судя по всему.

– Даже если они психи?

– Похоже на то.

– Ты будешь по ним скучать, – просто произнес Том.

– Конечно буду скучать... Но ты можешь представить, как Матти до конца жизни выгуливает этого пса по кличке Грохот? Его это просто убьет!

– А они не заберут его с собой? Щенка?

– Нет... Те двое совсем свихнутся, если им придется иметь дело еще и с собакой, кроме двоих детей.

– Но близнецы же наверняка будут часто навещать Сент-Ярлат-Кресент?

– Чтобы сын Кеннета Митчелла отправлялся в рабочий квартал? Никогда! Они испугаются, что дети научатся простонародному произношению и нахватают блох!

– Это несправедливо, – заявил Том, когда они подъезжали к дому Риорданов, откуда доносился шум вечеринки.

– Есть и еще кое-что несправедливое, – откликнулась Кэти. – Они клялись, что закончат к пяти, и что нам теперь делать?

– Предоставь это мне, – сказал Том.

– Ох, я охотно предоставлю это тебе, но ты ведь не собираешься войти в дом и схватить мистера Риордана за плотку и закричать ему что-нибудь насчет выполнения обещаний, нет?

– Нет, это совершенно другое дело. Останься в машине, подремли. Это может занять около получаса.

Кэти слышала, как Том что-то ищет в фургоне, а потом увидела, как он взбегаёт по ступеням к двери с каким-то пакетом в руках. Кэти закрыла глаза. День был длинным и неприятным, и она нервничала из-за завтрашней серебряной свадьбы. И тем не менее это ведь был ее собственный выбор, и она не должна об этом забывать.

В дверях появилась миссис Риордан и виновато посмотрела на Тома:

– Ох, боже, неужели уже?..

– Должно быть, у вас прекрасный прием. – Том наклеил на лицо самую радостную и восторженную улыбку.

– Что? А-а-а... да, все в отличной форме...

– Могу я войти и поздороваться с дамами, я привез им подарочек, – сиял Том.

– Что? Да, конечно входите.

– Добрый вечер, леди, – любезно обратился Том к компании из одиннадцати дам, которые уже выпили слишком много вина, но при

этом съели и почти все привезенное угощение, как с удовольствием отметил Том. – Я подумал, вам понравится... – начал он.

– Стриптизер! – радостно взвизгнула одна из женщин.

– Жаль, но нет, – поспешил ответить Том. – Я повредил спину. Я не смог бы устроить для вас достойное представление, но я приехал с птифурами и шоколадом, чтобы поблагодарить миссис Риордан за то, что она выбрала нашу еду... Так что вот коробка, разделите между собой.

Дамы решили, что это великолепно, и хотя они тут же заявили Тому, что с его стороны ужасно приносить им то, в чем содержится по четыреста калорий на укус, но тут же все съели.

– И пока я здесь, почему бы мне не освободить для вас побольше места?

Том начал проворно убирать со стола. Женщины ринулись ему на помощь и принялись очищать тарелки. В кухне они увидели, как Том стал укладывать тарелки в корзины.

– Мы должны сначала вымыть их! – решила миссис Риордан.

– Нет-нет, это мы сделаем у себя в фирме, это часть обслуживания, – запротестовал Том.

Но дамы настаивали. Мойку наполнили горячей мыльной водой, во второй раковине ополаскивали, две леди вытирали все насухо. Гулянка переместилась в кухню.

– Ваша спина вовсе не кажется мне больной, – заявила женщина, которая надеялась, что Том – стриптизер.

– Лучше подождать, пока я вернусь в настоящую форму, – проказливым тоном ответил он, и дама вспыхнула, разволновавшись.

Они помогли ему отнести коробки и корзины в фургон, и Кэти с недоумением выскочила из кабины и стала все укладывать внутрь. В этот момент к дому подъехала машина мистера Риордана.

– Слава богу, что в доме все не выглядит как после взрыва! Вы просто парочка ангелов! – заявила миссис Риордан, суя им двадцать фунтов. – Отлично, езжайте и выпейте за меня!

Мистер Риордан кивнул Тому и Кэти и ворчливо произнес:

– Похоже, ланч удался.

– О, с едой все в порядке, но думаю, они бы предпочли видеть во мне стриптизера.

– Ну, вы можете это наверстать, – пробормотал мистер Риордан.

– Никогда ведь заранее не угадаешь, правда, мистер Риордан? В конце концов, пока они явно могут сказать, что такого не случилось, так?

Кэти и Том смеялись всю дорогу до города.

– Давай заедем на прием после лекции Нила? Там будет теплое белое вино и холодные колбаски, их привезла жена одного из преподавателей, – предложила Кэти.

– Конечно, я тогда позвоню Марселле. Она уже должна быть дома. Мы прихватим ее по дороге, ей тоже может понравиться.

– Отличная идея.

Они потратили в китайском ресторане сорок фунтов. Кэти отметила, что Марселла заказала три креветки, без риса, без чего-либо жареного, и ничего сладкого, и никакой маринованной свинины. Том заметил, что Нил выглядел озабоченным, потому что официант-китаец, скорее всего, не состоял в профсоюзе. Кэти и Том рассказали историю Грохота.

– Но разве «Буки» не большой дом с садом? – спросила Марселла. – Они вполне могли бы держать его там.

– Нет, пока он не обучен. Он ведь может убежать на дорогу и погибнуть, – ответила Кэти.

– Но возможно, они еще не скоро туда вернуться?

Нил сказал, что это может случиться быстрее, чем кому-либо кажется; закон, вообще-то, действует стремительно, возвращая детей в их дома.

– Жаль, если они счастливы там, где они сейчас, – сказал Том, которого тронула семейная сцена на Сент-Ярлат-Кресент.

– Суть не в этом. – Нил был непреклонен. – Годы назад детей постоянно забирали из их домов и отдавали людям, которые могли, так сказать, перевоспитать их... Но теперь, по крайней мере, оценили важность биологических родителей.

Кэти подумала, что здесь, пожалуй, налицо случай переоценки, но промолчала. Ей нужно так много другого обсудить с Нилом, и редкий выход в ресторан вчетвером не должен был стать полем битвы за Саймона и Мод.

Когда в половине седьмого они подъехали к дому Хейсов, там царила растерянность. Двое недовольных сыновей, живших здесь же, болтались вокруг, не зная, чем заняться. Столь же недовольная дочь, цеплявшаяся за молодого человека, явно не одобряемого ее родителями, твердила, что просто неприемлемо и невыносимо то, что она не может воспользоваться гладильной доской в кухне, как обычно. Миссис Хейс сказала, что они могут называть ее Молли, а ее мужа Шаем. Шай был пухлым, чем-то озабоченным человеком, явно круто руководившим своим бизнесом, и чувствовалось, что и в данном случае он готов был резко отдавать приказы.

– Шай, можем мы наскоро приготовить всем нам по чашечке кофе и обсудить с вами сегодняшнюю повестку? – предложил Том.

Кэти тем временем уже включила чайник, попросила Джун помочь ей перенести гладильную доску и утюг в свободную комнату, а молодых людей устроить двух персидских котов вместе с их лотком и мисками для еды в таком месте, откуда они не могли бы сбежать и съесть закуски или оставить шерсть на лососе. К тому времени как чайник закипел, Кэти успела убедить Молли, что для нее сейчас главное – уйти наверх и немного полежать, подняв повыше ноги. Кэти даже приготовила ей холодную маску для глаз, сказала, что та отлично действует.

– Но как же все подготавливать, расставлять?.. – умоляюще произнесла Молли.

– Это как раз то, за что вы нам платите, и поверьте, мы все сделаем как надо, – решительно заявила Кэти.

Она услышала, как Том говорит Шаю, что у них есть перечень действий, распорядок приема, которому нужно следовать, и было бы мудро, если дело полностью предоставят им с Кэти. Он всегда полагал, что для семьи будет хорошо спуститься вниз в половине восьмого, за полчаса до приезда первых гостей, чтобы осмотреться и убедиться, что все сделано как надо. Шай кивал, в этом был смысл. И вскоре семейство Хейс, выпив кофе, оставило поле действий Тому и Кэти. Они быстро взялись за дело, распаковали еду, конвейерная лента для канале полным ходом загружалась Джун и ее подругой Хелен. Установили столы для фуршета. В зимнем саду, где разрешалось курить, расставили пепельницы, пирожные развернули и выложили на серебряную подставку. Принесли кремный десерт под номером

двадцать пять, с жареным миндалем, большие стеклянные чаши, спасенные накануне из дома Риорданов, заполнили салатами. Все шло по плану. Ровно в семь явились двое барменов. Кон, жизнерадостный рыжий, которого они приметили в пабе, и Уолтер, еще более надутый и мрачный, чем всегда.

– Для начала они выпьют коктейли с шампанским, – пояснила Кэти.

– Как вульгарно, – буркнул Уолтер.

Лицо Кэти стало суровым.

– Я никогда толком не понимала, что значит это слово, но ты знаешь, как готовить такой коктейль, так что приготовь его с шампанским прямо перед приходом гостей.

– Или с тем, что сойдет за шампанское, – сказал Уолтер, поднимая бутылку и снова опуская ее в корзину.

Теперь Кэти обращалась только к Кону, не к Уолтеру:

– Мне бы хотелось, чтобы вы подготовили сорок бокалов, и не можешь ли ты присмотреть за тем, чтобы Уолтер открыл двенадцать бутылок красного вина и двенадцать белого, белое стоит в большом ящике со льдом за дверью кухни, а потом, когда выпьют четыре, открывай снова по четыре, и...

– Извини, Кэти, тебе что, сложно говорить со мной? – вмешался Уолтер. – Может, тебе не нравится, что я здесь? Мне уйти?

Он выглядел таким надменным, что Кэти захотелось его ударить. Он знал: она не может отпустить его сейчас. Не перед самым приходом гостей. И он мог позволить себе быть таким грубым, как ему захотелось бы. Но мог ли? Нил этим вечером был дома, и в случае реальной необходимости он бы, конечно, приехал и помог. Кэти отошла немного в сторону, чтобы Кон, новый человек, не слышал каждое слово семейной ссоры.

– Или веди себя по-другому, или убирайся! – резко произнесла она.

– Не думаю, что ты в таком положении, чтобы...

– Я в своем положении, я тебя наняла.

– И кем ты меня заменишь в такое время?

– Твоим кузенком, – коротко ответила Кэти и достала мобильник.

– Нилом? Нет, ты этого не сделаешь! – (Кэти начала набирать номер.) – Ладно, извини, я был немного не в себе.

– Нет, это ты извини, Уолтер, я не могу на тебя положиться. Это важный заказ.

Внезапно Уолтер осознал, что она говорит всерьез. Она действительно собиралась попросить Нила Митчелла, адвоката, надеть смокинг и подавать выпивку всем этим людям. Его дядя, заодно и его босс, просто убьет его. Недавно объявившийся отец, также бывший другим средством поддержки, убьет его.

– Прошу, Кэти, даю тебе слово! – воскликнул он.

– Лучше будет дать очень крепкое слово, – ответила она и отошла от Уолтера.

– На этот раз Уолтер действительно хоть как-то работает! – восхищенно произнес Том, наблюдая, как бутылки с вином быстро появляются по мере необходимости.

– Я слегка его напугала, – ответила Кэти с некоторым удовлетворением. – А второй парень хорош, правда? Мы его снова найдем. Уолтер с нами в последний раз.

– Это не вызовет напряжения в семье? – спросил Том.

– Нет, скорее предотвратит его, так как помешает мне убить Уолтера голыми руками и устроить беспорядок в кухне, – сказала Кэти.

– Приготовление еды подразумевает огромную долю терпения и спокойствие, – усмехнулся Том. – У тебя нет этого спокойного терпения.

– Приготовление еды означает также некоторую долю огня внутри, а его у меня полно, – возразила Кэти.

Именно в это время все Хейсы появились на лестнице. И снова могла начаться суета.

– У нас есть маленькая традиция: сделать семейную фотографию перед приходом гостей, пока еще в доме тихо, а еда выглядит наилучшим образом, – заявил Том и поставил всех рядом с пирожными у шведского стола, заодно предложив им первый за этот вечер коктейль с шампанским.

Видно было, что хозяйева начали понемногу расслабляться, и ко времени появления первого гостя они уже согласились с тем, что дом выглядит прекрасно, и еда тоже, и вечер должен пройти хорошо. Всего через час они уже поняли, что успех приема будет оглушительный.

Даже Уолтер двигался быстро, переходя от одной группы гостей к другой, доливая в бокалы и любезно болтая.

– Эти штуки – просто фантастика! – говорил всем Шай о подносах с ростбифами и йоркширским пудингом.

Вообще-то, то были маленькие заварные пирожные, наполненные острым соусом с хреном и сливками, в которых лежали небольшие ломтики отборного холодного мяса. Гости с жадностью поедали их.

– Кэти, это вы сами придумали? – спросил какой-то мужчина.

Им оказался Фредди Флинн, друг ее тетушки. Миссис Флинн, маленькая, увешанная драгоценностями, тоже была здесь. Кэти посмотрела на ее запястье: часы миссис Флинн были простенькими по сравнению с часами Джеральдины.

Кэти улыбнулась супругам:

– Мистер Флинн, миссис Флинн, большое вам спасибо, но, увы, это придумала не я. Просто увидела где-то и запомнила. Что, вкусно?

– Безусловно! – ответил мистер Флинн, у него была приятная улыбка. – Дорогая, это Кэти Фезер, она вроде как кузина Джеральдины, ну, знаешь, той, которая занимается нашим пиаром. Будь с ней мила, и тогда она может поработать и для нас. Кэти, это моя жена Полин.

– Вы можете организовать и нашу серебряную свадьбу, когда придет время, – сказала женщина.

– Ох, конечно, было бы честью для меня. Очень рада была познакомиться, а теперь извините, я должна присмотреть...

Она отошла от них, внутренне кипя. Он был так мил со своей женой. Они собирались устроить прием на серебряную свадьбу. А если верить Джеральдине, это должен был быть безнадежный брак... И значит, бедняга Фредди имел право искать развлечений на стороне, поскольку дома его не ждало ничего хорошего. Черт, да от этого затошнить может!..

Прием шел лучше, чем можно было надеяться. Молли тоскливо предположила, что здесь все будут чувствовать себя слишком старыми, чтобы танцевать, но Том на всякий случай прихватил с собой лучшие записи «АВВА». Сначала он поставил «When I Need You» Лео Сейера, потом «Don't Cry For Me Argentina» и «Mull of Kintyre». Негромкая, но привлекающая внимание музыка зазвучала на фоне разговоров. Когда

Том услышал, что люди начинают подпевать, а десерты уже съедены, он включил «Mamma Mia», и гости вскочили на ноги.

Том и Кэти сделали перерыв, чтобы выпить кофе в кухне. Вокруг них уже стояли стопками собранные тарелки. Двое барменов ловко собрали бокалы «Алого пера» и заменили их теми, что имелись в доме. Близилась полночь, пора было рассчитаться с ними за пять часов работы. Шай Хейс уже оставил конверт для тех, кто обслуживал прием, так что их вполне могли ждать неплохие чаевые. Кэти прихватила с собой салфетку для полировки серебра, чтобы довести до блеска четыре солидные сервировочные ложки, на использовании которых настояла Молли Хейс. Они были свадебным подарком, сказала она, их следовало продемонстрировать.

Фургон был уже заполнен, подносы опустели, открытые бутылки остались на столах, кухня приведена в идеальное состояние, и лишь с десяток самых упорных продолжали праздновать. Том мог забрать проигрыватель завтра, когда придет довести все до конца и представить счет. Кон спросил, можно ли быстренько поговорить с Томом. Они отошли в сторонку.

– Очень неловко, вообще-то, – начал Кон.

– Что? – Том понадеялся, что Кон не собирается просить прибавки, ведь был таким хорошим официантом весь вечер. Им бы мог больше не понадобиться это щенок Уолтер.

– Это просто... Трудно сказать... но я думаю, тебе следует заглянуть вон в ту спортивную сумку, если ты понимаешь... Черт, как противно это говорить... но я должен.

Парень выглядел по-настоящему расстроенным. Не спрашивая больше ни о чем, Том расстегнул молнию на сумке Уолтера. Там поверх свитера и джинсов лежали четыре большие серебряные ложки, две серебряные бутылочки для уксуса и красивая серебряная рамка для фотографии. У Тома от ужаса сжалось горло.

– Спасибо, – сказал он. – А теперь уходи, побыстрее! Я сам нашел эту сумку, понимаешь? И еще раз спасибо, будем на связи.

– Мне так жаль, мистер Фезер...

– Мне тоже, – ответил Том.

Кэти вошла в кухню и сняла фартук с логотипом «Алого пера».

– Том, ты гений! Откуда ты знал, какая музыка им понравится? Сработало, просто мечта! Ты посмотри, как они скачут под «Dancing

Queen»! Боже, надеюсь, мы тоже так сумеем в их возрасте!

– Кэти, Уолтер украл серебро. Здесь его сумка, набитая вещами, загляни сама.

Краски отхлынули от лица Кэти. Тому отвратительно было так поступать с ней, но другого пути не было. Он не мог действовать, пока не узнает, что собирается сделать Кэти. Уолтер был частью ее семьи, не его.

– Где он?

– Все еще в столовой, болтает с дочерью Молли и Шая, злит ее бойфренда.

Кэти достала мобильник.

– Что ты делаешь? – спросил Том.

– Вызываю такси для Джун и Хелен. Тут стоянка такси неподалеку, в двух минутах. Я записала номер.

– А потом?

– Мы разберемся здесь, если он будет все отрицать, вызовем полицейских.

– А что скажет Нил?

– Не знаю, но позволю Уолтеру позвонить ему. Уолтеру понадобится адвокат.

– Ты не хочешь как-то отстраниться от всего этого? – Том изумился ее храбрости.

– Если смогу.

– Уолтер, могу я тебя отвлечь на минутку? Ты нужен в кухне, – негромко позвал Том.

– Эй, мои рабочие часы закончились, я теперь сам по себе.

– Прямо сейчас, пожалуйста.

Увидев открытую сумку, Уолтер взбесился:

– Да как ты посмел рыться в моих личных вещах!..

– Объясни, Уолтер.

– Я их туда не клал, это ты положил! Вы оба меня ненавидите!

– Мы к ним не прикасались. Полицейские придут быстро, они нам скажут, чьи на них отпечатки.

– Но вы же не вызовете их? – Теперь Уолтер побледнел, но все еще думал, что они блефуют.

– Именно так поступают в случае воровства. – Кэти снова подняла мобильник.

– Вы что, хотите вызвать их прямо сейчас?

– Нет, я собираюсь сначала подождать, пока ты поговоришь со своим кузенком, потому что тебе, Уолтер, понадобится тот, кто будет тебя защищать. Это вполне может быть Нил, то есть если он согласится.

Уолтер уставился на нее, не веря услышанному.

– Давай звони.

– Я не знаю его номера.

– Он у тебя на быстром наборе. Просто набери единицу.

Они сели, наблюдая за Уолтером, пока он ждал ответа Нила. Дверь кухни была закрыта, а потому они могли хорошо слышать обе стороны.

– Нил, извини... извини, что звоню, это Уолтер.

– В чем дело? С Кэти все в порядке, что случилось? Какое-то происшествие?

– Нет, вообще-то, это у меня небольшие неприятности...

– Где Кэти?

– Здесь, рядом со мной... Хочешь с ней поговорить? – (Кэти покачала головой.) – Нет, извини, Нил, мне нужно сказать...

– Так говори! – Голос Нила прозвучал твердо.

– Ну... тут небольшое недопонимание... Мы, понимаешь, все еще в этом доме, а Том рылся в моей сумке и нашел... или он так говорит, что нашел... кое-какое серебро... ну... это вещи хозяев дома, в общем... – Уолтер помолчал, но отклика не дождался, и ему пришлось продолжить: – А теперь, Нил, они говорят о том, чтобы вызвать полицию, Том и Кэти. Дядя Джок меня просто убьет, ты должен мне помочь... – (На другом конце продолжалось молчание.) – Что мне делать?

– Сними смокинг.

– Что?

– Сними смокинг и отдай Тому.

– Не думаю, что это как-то поможет... В чем смысл...

– Делай, Уолтер!

Уолтер послушался. Что-то звякнуло, когда он снимал смокинг и передавал Тому. Том встряхнул смокинг. В карманах оказались серебряные чайные ложки, часы и нож для разрезания бумаги.

– Сделал? – спросил Нил.

- Да, похоже...
- Я был уверен, что так может быть.
- И что теперь?
- Боюсь, от меня ничего не зависит.
- А от кого зависит? – со страхом спросил Уолтер.
- От Кэти, Тома и от тех людей, чье серебро ты украл. Кстати, они уже знают?
- Нет, но я, вообще-то, не крал это, ты ведь знаешь...
- Конечно нет. Удачи!
- Что значит – «удачи», ты разве не собираешься помочь мне?
- Нет, более чем нет.
- Нил, но ты *должен!* Я твой родственник!
- Да, а теперь послушай... Кэти – твой наниматель, ты украл у нее. Ты мог подставить ее под обвинение, безмозглое мелкое дерьмо!
- Кэти здесь, Нил, давай я передам ей трубку... Пожалуйста, Нил, уговори ее...
- Теперь по лицу Уолтера катились слезы.
- Кэти и Том ведут бизнес, Уолтер. Им не повезло, они наняли вора. И что бы они ни сделали, меня это устроит. – И он оборвал связь.
- Том и Кэти переглянулись.
- Карманы брюк! – приказал Том.
- Там нашлись зажигалка и еще несколько ложек. Уолтер рыдал и умолял, но они разговаривали так, словно его здесь не было.
- Позвони, Том. – Кэти была спокойна.
- Нет, не стану. Я не стану действовать на таких эмоциях. Правда, не могу. И ты не смогла бы, будь он кузеном Марселлы.
- Верно. – (Последовало молчание.) – Я хочу, чтобы он заплатил за это, каждой частицей души хочу. Но есть два момента против...
- Я же родственник! – слезливо повторил Уолтер.
- Заткнись насчет родни! – ответила Кэти. – Я просто не хочу испортить вечер для Молли и Шая, и я не хочу смотреть в глаза двум детям и говорить им, что это именно я отправила их брата в тюрьму и добавила им проблем, когда у них и так уже всего хватает.
- Значит, ты не станешь вызывать полицию? – Уолтер ухватился за спасательный круг.
- Том?
- Я с тобой, – ответил Том.

– Верни заработную плату! – приказала Кэти.

Уолтер поспешно протянул ей деньги.

– Нет! – решил Том. – Оставь их, ты работал пять часов, за это следует заплатить.

– Спасибо, Том... – Уолтер смотрел в пол.

– А теперь уходи! – велел Том.

– Мне жаль, Кэти...

– Тебе жаль, что тебя поймали, Уолтер.

– Нет, может, это и смешно, но сегодня я в первый раз начал наслаждаться делом, видя, как организовано все идет... – Он говорил со странной искренностью.

– Зачем ты это сделал, Уолтер? Джок хорошо тебе платит.

– У меня долги...

– Что ж, посмотрим на светлую сторону... По крайней мере, ты не в полицейском участке, – сказала Кэти.

– Кэти, я этого никогда не забуду.

– Не сомневаюсь.

Уолтер ушел. Кэти сидела совершенно неподвижно.

– Ты была великолепна! – воскликнул Том. – И Нил тоже был великолепен.

– Я знала, что он не станет защищать Уолтера, – сказала Кэти.

– А я не знал... – Том задумался. – Мне казалось, он видит в Уолтере неудачника.

– Нет, это *мы* были неудачниками. Нил сразу все понял. Весь наш бизнес мог рухнуть из-за его паршивого кузена.

– У него обостренное чувство справедливости! – восхищенно произнес Том.

– У тебя тоже, – кивнула Кэти. – Я бы ни за что не отдала ему деньги за этот вечер. Никогда! И все же ты был прав, он действительно их заработал до того, как начал прятать все эти вещи.

– Ладно, пора по домам, – сказал Том.

Они сели в фургон и поехали к маленькому дому в Уотервью, где Нил должен был ждать, чтобы обсудить с Кэти вечерние события. А после Том поедет к себе в Стоунфилд, где его тоже ждали – Марселла, которая хотела знать, как они справились с их самым большим заказом.

– У тебя нет ощущения, что эта ночь тянулась многие и многие дни? – устало спросила Кэти.

– Есть, вообще-то, многие недели. – Они долго ехали в молчании, затем Том сказал: – Но по сравнению с кучей вечных неудачников, которых мы видели сегодня, думаю, мы с тобой как раз везучие. Или я просто чересчур оптимистичен?

Глава 4. Апрель

На следующий день за ланчем Молли Хейс заявила, что никогда и ничем так не наслаждалась, а все ее подруги звонили, чтобы поздравить. А ведь это был вечер, который легко мог закончиться совершенно иначе.

Том и Кэти много поработали этим утром, и было приятно сделать небольшой перерыв. Они решили посетить межсезонную распродажу в «Хейвордсе». Они нашли белые жалюзи со сдержанной алой окантовкой и дополнительные светильники... Все уже было готово для двух доставок... милый чай за бриджем на двенадцать человек, крошечные сэндвичи и маленькие пирожные для частного дома... Они потратили кучу времени на то, чтобы разместить узнаваемые черви, бубны, пики и трефы на каждом сэндвиче, и с помощью редиса и маслин, кропотливо уложенных в правильном порядке, все же добились приемлемого результата. Еще они доставили ужин женщине, желавшей притвориться перед родственниками, что все это она приготовила сама. Она дала им свою посуду, заплатила вперед и попросила, чтобы ей оставили простые объяснения, как все это делалось, и чтобы они никогда никому не говорили, что бывали в ее доме. Они отвезли ей большой керамический горшок супа из шпината, запеканку на медленном огне и лимонный пирог. Тома с Кэти это привело в некоторое замешательство, но не было смысла так или иначе что-то ей подсказывать. Она ведь была одной из тех, благодаря которым они зарабатывали деньги. Они чувствовали себя как дети, сбежавшие с уроков, когда, купив все, сели выпить кофе. Кэти увидела Шону Бёрк, сидевшую в одиночестве и читавшую книгу; она ела салат и пила какой-то полезный свежавыжатый сок.

– Она довольно странная, правда? То дружелюбная, то вдруг отстраняется.

– Да, может быть, у нее есть какой-то богатый покровитель и она его скрывает? – предположил Том.

– Почему ты так говоришь?

– А как еще она могла позволить себе квартиру в Гленстаре?

– Это же просто студия, Том, а такие квартирki больше похоже на чулан, и в любом случае у нее могут быть семейные деньги.

Кэти не хотелось, чтобы квартира в Гленстаре обязательно ассоциировалась с каким-нибудь папиком или джентльменами, дарящими тебе подарки.

Шона выглядела одинокой. И довольно чопорной. Она доела ланч, закрыла книгу, посмотрела на часы и уже собиралась вернуться к работе, когда заметила Тома и Кэти. Она улыбнулась и стала совершенно другим человеком.

– Ага, «Алое перо» тайком посещает наше кафе, – сказала она.

– Да ваш хлеб просто хлам по сравнению с моим, – поддразнил ее Том.

К его удивлению, Шона кивнула:

– Ты абсолютно прав. Именно это я и говорила на собрании в прошлую пятницу. У нас чудесные супы и салаты, но хлеб простейший и скучнейший. Знаете, именно поэтому я собираюсь позвать вас сюда. Можно будет дать рекламу, что хлебную корзинку для нас готовит «Алое перо». Послушайте, завтра утром у нас собрание, в половине одиннадцатого. Если вы дадите мне ваши лучшие образцы, то я представлю их на завтрашнем собрании.

Они поговорили о ценах и презентации, количестве и доставке. Энтузиазм просто бурлил. Шона слегка встревожилась:

– Только не слишком разочаровывайтесь, если это не сработает, хотя я постараюсь изо всех сил. Думаю, ресторану это тоже пойдет на пользу.

– Ты просто звезда, Шона! – заявил Том, собирая пакеты с осветительной арматурой.

– Вы сейчас вернетесь на кухню и начнете печь? – засмеялась она.

– Нет, сейчас мы поедем к моему отцу. А в фирму я отправлюсь завтра с утра, пораньше. Тебе ни к чему для твоей демонстрации вчерашний хлеб... Это будет нечто настоящее, свежее, примерно пять разных видов...

– А как дела у твоего отца? – как всегда, спросила Шона.

– Прекрасно, спасибо, Шона! Ты была очень добра ко мне в ту ночь в больнице. Он теперь не так волнуется. Моя мать думает, что все дело в какой-то молитве, которую она произнесла... Немножко

утомляет, но если ей это помогает... почему нет? – Том пожал плечами.

Кэти согласилась с ним:

– Вреда от этого никому нет, и еще она молится как сумасшедшая о том, чтобы наш бизнес не прогорел, так что не скажешь ли ей, что у нас все хорошо?

– Конечно скажу. Послушай, я хочу заскочить в салон и на минутку увидеться с Марселлой, перед тем как мы уедем.

– Только не говори ей об этой затее с хлебом, – предупредила Шона.

– Нет, конечно не скажу. Кэти, заплати за кофе из офисных денег, и увидимся в фургоне через десять минут.

Обе женщины смотрели, как Том идет, и видели бросаемые на него восхищенные взгляды, когда он двигался между столиками, как атлет, улыбался и извинялся, если ему приходилось проталкиваться между людьми.

– Он абсолютно не представляет, какое производит впечатление, – сказала Кэти. – Женщины сходят по нему с ума, где бы он ни появился. Молоденькие с радостью узнают, что ко мне он не привязан, а все старушки просто обожают его, но он и не догадывается.

– Когда они с Марселлой куда-нибудь идут вместе, то выглядят как пара кинозвезд, – согласилась Шона, вставая. – Послушай, позволь мне заплатить за твой кофе.

– Нет-нет! – запротестовала Кэти.

– Кэти, пожалуйста! Завтра к этому времени ты вполне можешь стать официальным поставщиком, так что ты уж, конечно, заслужила чашечку кофе.

Кэти согласилась и, убирая кошелек, сказала:

– Том говорил, у тебя в больнице лежал кто-то из родных, когда он приходил к отцу.

– Да, верно.

– И с ними тоже... все в порядке?

Шона посмотрела на нее:

– Нет, не в порядке, она умерла.

– Ох как жаль это слышать...

– Спасибо, Кэти. – Очень ровный, очень бесчувственный тон.

– Это был кто-то близкий тебе?

Шона помолчала.

– Нет, не близкий, совершенно не близкий.

Марселла сидела за маленьким столиком, наращивая ногти весьма элегантной женщине, которая то и дело вытягивала руки и восхищалась ими. Увидев Тома, Марселла обрадовалась и вскочила навстречу ему. Она потрясающе выглядела в коротком белом халатике с голубым логотипом «Хейвордса», с длинными стройными ногами в темно-синих колготках, с облаком темных волос вокруг лица... Иногда Том с трудом верил в ее красоту и в то, что она может любить только его. Он ведь видел, как все вокруг восхищаются ею.

– Не хочешь ли прогуляться? – шепотом спросил он.

– Сегодня будет презентация книги, – ответила она.

– Ладно, забыли. – Том добродушно пожал плечами.

Он знал, что незачем спрашивать Марселлу, чью книгу будут представлять. Презентация была просто возможностью сфотографироваться. Кто-нибудь мог сделать весьма гламурный снимок Марселлы, и тот мог появиться в колонке «Среди присутствующих». Снимок тогда будет вырезан из газеты и добавлен к растущей стопке в портфолио Марселлы. Том записал название книжного магазина и время и сказал, что придет туда. Не было смысла просить Марселлу пообедать после этого. Она вообще практически не обедала, да и в любом случае пойдет в спортзал.

– Могу я отвезти тебя к «Фатиме», а потом взять на вечер фургон? – спросила Кэти, когда они уложили жалюзи и сообразили, что для установки освещения нужен электрик.

Том сказал, что все отлично, что он встретится с Марселлой попозже в центре города, а от родителей доедет туда на автобусе.

– Уверен? Я могу заехать домой и взять «вольво», – сказала Кэти.

– А ты куда собралась?

– Узнать о новых приключениях Грохота, потрясающей собаки, и постараться убедить двоих детей в том, что их жизнь вовсе не будет кончена, если им придется вернуться к своим чокнутым родителям.

– Но разве тебе не станет немного легче в своем роде? Ну, говори откровенно! Я же тебе не родня. – Том улыбнулся.

– Да я никогда не была более откровенной... Мне кажется, будет совершенно неправильно возвращать их туда. Мы только что привили им кое-какие манеры, придали некую видимость нормальности, у них есть собака, у них два счастливых дома... И что заставляет тех эгоистичных клоунов думать, будто они смогут покончить со своей пьяной беспорядочной жизнью и забрать детей?

– Значит, легче тебе не станет, я правильно понял?

– Да, я скорее останусь с разбитым сердцем, так уж вышло.

– Как ты, пап?

Отец Тома сидел за столом и читал в «Айриш харт фаундейшн» статью о том, как избежать стресса.

– Скажи, как вообще кто-то может избежать стресса? Если у тебя есть собственная фирма, это просто невозможно, такова уж природа бизнеса. А как ты избегаешь стресса, Том?

– Ну, па, многие скажут, что я вообще никогда не испытываю стресса, так что мне незачем его избегать.

– Пожалуй, это правда, у тебя легкая деловая жизнь по сравнению со строительством, но наверняка ты же должен беспокоиться... ну... пойдет ли дело хорошо, получишь ли ты заказы?

– Конечно, па, каждый день. Сегодня я беспокоюсь о том, будет ли хлеб, который я испеку завтра утром, достаточно хорош для того, чтобы продать его «Хейвордсу»... Я просто стараюсь выбросить это из головы, пока не принялся за работу.

Его отец громко хмыкнул:

– Да-да, это ты сейчас так говоришь! Но конечно, твое дело, по сути, не бизнес в строгом смысле этого слова.

– Да, па, – согласился Том, гадая, представляет ли его отец, что значит ночь за ночью работать в барах, чтобы заплатить за обучение в колледже общественного питания, и что значит брать взаймы огромные деньги на открытие компании и просить людей быть поручителями по займу, и что значит смотреть на Марселлу и понимать, что она самая красивая женщина на земле и наверняка кто-нибудь, кто обладает стилем и деньгами, вполне может увести ее. А его отец всерьез думает, что никаких стрессов у Тома нет.

– Марселла шлет тебе свою любовь, – соврал он отцу.

– Знаю, она отличная девушка, что бы ни говорила твоя мать.

– А что именно она говорила в последнее время?

– Ну... понимаешь, то, что вы живете как муж с женой... ну... как обычно, ничего нового.

– Па, а тебе не кажется, что ей пора бы уже привыкнуть к этому? – Том бросил на отца безнадежный взгляд.

– Люди с таким складом ума, как у нее, никогда к такому не привыкнут, сынок. Тебе стоит лишь взглянуть на Джо, чтобы это понять.

– Джо? О чем ты? – спросила вошедшая в это время мать Тома. – Он выглядит куда лучше, правда, Том? Что это вы говорили тут о Джо?

– Я сказал, что очень хорошо было с его стороны прислать папе ту корзину фруктов, вот и все, – поспешил ответить Том.

– Ха! – фыркнула его мать.

– Марселла считает, что это отличный подарок, куда более полезный, чем какая-нибудь бутылка вина, или шоколад, или еще что-то. Ох, и она вам обоим шлет свою любовь.

– Ха! – повторила его мать тем же тоном.

– Ты, должно быть, очень рада, что папа в такой хорошей форме.

– И все это благодаря Деве Марии.

– Конечно, ма, но и благодаря врачам и все такое.

– В больнице могли делать все, что им вздумается, но не смогли бы вылечить твоего отца, если бы не вмешалась Дева Мария. – Маура несколько раз кивнула, как бы соглашаясь с людьми таких же убеждений.

Ее муж и сын растерянно смотрели на нее и молчали.

– А это была Тридцатидневная молитва? – наконец спросил Том.

– Много ты знаешь о молитвах! Для Тридцатидневной молитвы времени не было, идиот! Надо было найти что-то более быстрое.

– И она нашла это в «Ивнинг геральд», – подсказал отец Тома.

– Да, смейтесь, вы двое! – Она уже злилась.

– Маура! Да разве я смеюсь?

– Нет, но вполне мог бы. Это была молитва, которая никогда не подводила, и все, что тебе нужно делать, чтобы исполнилось твое желание, – это снова опубликовать ее в газете, чтобы другие видели ее и знали, как сильна Святая Дева в моменты кризиса, и...

– Это довольно умно со стороны газет. Это значит, что в рекламных объявлениях у них есть колонки молитв, – восхищенно

произнес Том.

Словно не слыша сына, Маура продолжила:

– А еще Святая Дева просит, чтобы мы просто посидели пять минут с неверующими и объяснили, как Ее Сын любит наш мир...

– Да; ладно, мам, я лишь заехал узнать, как дела у папы.

– Мы могли бы сделать это прямо сейчас, Том.

– Но, ма...

– Пожалуйста, сынок, – попросил его отец.

Том покорно сел и стал слушать мать, которая рассказывала ему о том, как Дева Мария огорчается из-за разных людей.

– Почему ты не можешь в это поверить, Том? Просто объясни мне! – потребовала его мать тоном человека, который способен немедленно во всем разобраться, если узнает точную причину несогласия.

– Да не в том дело, что я не верю, – начал было Том.

– Тогда в чем проблема?

– Ма, я говорил тебе, что это не совсем так. Я *не* не верю... – снова попытался Том, умоляя о понимании.

– Но *во что* ты веришь, Том? Во что именно?

– Ну... я верю, что есть нечто... нечто где-то там, что придает всему смысл.

– Но, Том, ты же знаешь, что там.

Отец не сводил с него глаз.

– Наверное, да, ма.

Том позволил своим мыслям устремиться к корзинкам, которые он собирался использовать завтра для презентации хлеба, и следует ли завернуть их в красивые салфетки «Алого пера». Он серьезно кивал в ответ на слова матери и дал ей больше тех пяти минут, на которые она рассчитывала. Теперь она была довольна тем, что выполнила условия сделки с Девой Марией, и ушла в кухню с высоко поднятой головой.

– Спасибо, Том, – произнес отец.

– Но, па, ты-то не обязан все это...

– Обязан, Том. Это называется отдавать и принимать... Твоя мать очень много дает мне, так что я даю ей немножко внимания, слушаю, только и всего.

– Нет, тут нечто гораздо большее. Тебе приходится притворяться, хотя сам ты не веришь.

– Сынок, разве ты не так же поступаешь с Марселлой?

– Ну, я, наверное, соглашаюсь с тем, что она проводит вечера в спортзале, хотя и так уже безупречна, но я не притворяюсь, что верю в нечто такое, чему я не верю.

– Но ты сможешь, ты и сам знаешь, – сказал его отец. – Когда придет время, ты отлично сможешь притворяться просто ради спокойной жизни.

Когда Кэти приехала на Сент-Ярлат-Кресент, близнецы делали в кухне домашнее задание. Лиззи начала приготовления к свадьбе, и ее швейная машинка непрерывно стрекотала. Матти был за домом, красил собачью будку, которую смастерил для Грохота один из его приятелей по ставкам. Другой приятель подарил ему старую подкову, и Матти собирался прибить ее на будку, на удачу. Щенок валялся на газете, извиваясь от наслаждения теплом.

– Рада тебя видеть, Кэти, но сейчас в этом доме сплошная суета. Все должны закончить работу к половине седьмого, если ты меня понимаешь.

Кэти прекрасно поняла, что это значит. Лиззи хотела сказать, что было достаточно трудно заставить Матти заняться покраской, а детей выполнить школьные задания, если не пригрозить каким-то важным событием.

– Я просто займусь пока своими счетами, – быстро сказала она и села напротив Мод и Саймона. – Привет, – шепнула она, как будто тоже была ненавистницей домашних заданий.

– А можно нам выпить чая? – прикрыв рот ладошкой, с надеждой прошептала Мод.

Саймон бросил на Кэти пылкий взгляд.

– Нет, до половины седьмого, – так же шепотом произнесла Кэти, и они занялись делом.

Но Кэти почти не видела цифр. Они расплывались перед ее глазами. Прежде чем приехать сюда, она позвонила Нилу. Он сказал, что мать и отец Саймона и Мод весьма благодарны тем людям, которые сделали так много во время их вынужденного отсутствия, но теперь все снова было прекрасно. Они с нетерпением ждут, когда встретятся с детьми, и предполагают, что те переберутся домой в конце

недели. А сам Нил сегодня должен встретиться с человеком, который сообщит ему об обратном отсчете времени.

– Отсчете времени? – переспросила Кэти.

Насчет той работы; этот человек знал, как долго место могут придерживать для Нила.

В половине седьмого все отправились осматривать снежно-белую собачью будку.

– Какая она красивая! – с благоговением произнес Саймон.

– Дворец для Грохота! – заявила Мод.

– Но конечно, он не может в ней поселиться, пока краска не просохнет, – пояснил Матти.

– Или он будет выглядеть как далматинец, весь в белых пятнах, – добавила Кэти.

– Вообще-то, далматинцы белые с черными пятнами, – поправил ее Саймон, потом вспомнил, что поправлять людей не следует. – То есть я хотел сказать... ну... некоторые из них белые с черными пятнами. Конечно, может быть и наоборот.

– Молодец, Саймон! – воскликнула Кэти, и на ее глазах внезапно выступили слезы.

Они все вместе так старательно учили этих детей, которые теперь стали почти человеческими существами, и ради чего? Чтобы их вернули чокнутым родителям?

– Ты что, плачешь? – с любопытством спросила Мод.

– Вроде того. Люди моего возраста иногда плачут ни с того ни с сего. Ужасная досада, – уверенно ответила она и высморкалась.

– Наша мама тоже все время плакала в больнице, а почему, и сама не знала, – мягко произнесла Мод, вроде как утешая Кэти.

– Но в ее случае это было из-за плохих нервов! – Саймон всегда желал быть справедливым.

До этого момента Кэти даже не осознавала, как ей будет не хватать близнецов. Было глупостью утверждать, что они принадлежали той нелепой паре, брату Джока Кеннету и его жене.

– Пойдемте, ребята, прогуляемся с Грохотом. Я понимаю, он не мой, но я чувствую себя близкой к нему, хотя и не живу здесь.

– Это будет не прогулка, а так, ковыляние, – заявила Мод и побежала вперед.

Они прошлись по Сент-Ярлат-Кресент из конца в конец, всем встречным рассказывая о щенке. И дотошно делили время между собой.

– Я никогда не думал, что у нас будет свой настоящий щенок, я думал, мы сможем играть с чьими-то, но не с собственным, живущим прямо в доме, – сказал Саймон, когда подошла очередь Мод держать поводок.

– Конечно, он ваш и всегда будет вашим, – сказала Кэти. – И дом, где он ночует, не так уж важен, не настолько важен, как то, что он принадлежит вам.

Явно встревожившись, Саймон посмотрел на нее:

– Почему ты так говоришь?

– Ну... ты знаешь. – Она неопределенно пожала плечами.

– Теперь знаю. – На его лицо вернулось прежнее мрачное выражение.

– Что ты знаешь? – испуганно спросила Кэти.

Подошедшая к ним Мод переводила взгляд с одного на другого.

Саймон заговорил очень медленно и взвешенно:

– Отец вернулся из своих путешествий, мама выходит из нервной больницы, и нам придется уехать от Матти и его жены и опять жить с ними, а Грохота оставить здесь.

Мод вскинула голову, пораженная услышанным, желая, чтобы это не было правдой.

– Мы должны называть жену Матти Лиззи, – напомнила она. – Забыл?

– Да, – без выражения произнес Саймон. – Извините, я забыл. Да, Лиззи, именно так.

Они замолчали.

– Твоя очередь вести Грохота, – сказала Саймону Мод.

– Не хочу, Мод. Но все равно спасибо.

Саймон пошел вперед, направляясь домой.

Он ссутулился, повесил голову. Кэти не стала его догонять. Она понимала, что Саймон изо всех сил старается скрыть, как он расстроен.

– Кэти, мы действительно должны покинуть Сент-Ярлат-Кресент, и тебя, и Нила? – Мод побледнела, как никогда.

– Ну, это же не настоящее расставание. Ты же знаешь, друзья никогда не бросают друг друга. Ты будешь приходить к нам и к папе с мамой, и кто знает, возможно, теперь все станет гораздо лучше, и вы сможете взять с собой Грохота.

– Ты не была знакома с мамой, да?

– Нет, я, в общем, не знаю ее, так сказать.

– Мамины нервы никогда не позволят ей приютить Грохота, – печально произнесла Мод.

Марселла что-то с жаром обсуждала с Рики, но ее лицо вспыхнуло радостью, когда в книжный магазин вошел Том.

– Ни за что не угадаешь, что именно Рики хочет попробовать! – воскликнула она.

– Ладно, скажи.

Том устал. Мать измучила его, уступчивость отца подавляла. Том боялся, что никто не оценит его хлеб на утренней демонстрации... Кэти позвонила ему на мобильный и сказала, что Сент-Ярлат-Кресент погрузился в уныние, и единственным, кто уделял ей время, был черный щенок, который несколько раз пописал на ее туфли.

– Я просто подумала, не хочется ли тебе немножко выпить, чтобы взбодриться? – спросила она.

– Я как раз собирался, приезжай, присоединяйся к нам. Мы можем заодно сделать рекламу книжному делу, – предложил Том.

– А меня туда пустят? Я не приглашена, – усомнилась Кэти.

– Я бы предположил, что они все выйдут на улицу, – сказал Том.

– Том, не смотри туда сразу, – подтолкнула его Марселла, – но вон та женщина в шляпе... Она редактор нового журнала. Я тебе говорила о ней, ну и Рики думает, что сможет продать ей фоторепортаж. Большая фотография тебя... но в *более классном* свитере, чем этот... И большую рекламу «Алого пера» тоже... ну... понимаешь, дома и на работе или еще что-нибудь...

– Ага, я говорил ей об этом. Похоже, она заинтересовалась, но знаешь ведь, такие никогда не говорят ни «да», ни «нет». Но мне кажется, она заглотила наживку.

– Неужели, Рики?

Глаза Тома вспыхнули. Это было бы воистину прекрасно. Любой, кто так или иначе собирался нанять кейтеринговую компанию, мог

увидеть эту публикацию. Он даже представил Кэти и себя, заносящих подносы с хлебом в «Хейвордс», и фургон с его веселым логотипом. Может, они смогут дать какой-нибудь рецепт к фотографии готового блюда... Вроде гребешков с имбирем, которые так классно готовит Кэти. Это бы произвело впечатление. Им и за миллион лет не достигнуть таких масштабов. Разве Марселла не великолепна! Как она уговорила Рики на такое? Рики наверняка убедит ту даму в нелепой шляпе.

– Он хочет попросить ее подойти и познакомиться с тобой... Приготовь самую широкую улыбку! – умоляюще произнесла Марселла.

Сегодня вечером она выглядела такой красивой, но еще более оживленной и радостной, чем обычно, в очень нарядном коротком темно-серо-белом платье, которого Том раньше не видел.

– Новое? – восхищенно спросил он.

– Том, милый, ты замечательный, но ничего не смыслишь в одежде. Если бы пришлось его купить, то оно обошлось бы в семьсот фунтов.

– Так как же ты...

– Выгоды работы в «Хейвордсе». Кто-то вернул его в дизайнерский отдел, то ли дефект одного из швов, то ли еще что-то. Мне придется заплатить только за химчистку.

Она вела себя как малыш на дне рождения и так радовалась всему. И тут Том увидел Кэти. В дождевике она выглядела замарашкой и вместо красной ленты связала волосы резинкой. Косметики на ее лице не было, под глазами залегли темные круги. Том не заметил бы этого, если бы помещение не было заполнено нарядно одетыми женщинами и если бы он только что не отвернулся от безупречно причесанной Марселлы в дизайнерском платье.

Кэти улыбнулась:

– Отведи меня к самому дешевому красному вину и позволь напиться.

– Нет; если ты поведешь фургон компании, и не думай, – ответил он.

– Я оставила его у здания «Алого пера». Он стоит там и ждет, когда на рассвете явится пекарь.

Кэти так же устала, как и Том. Откуда только все эти люди берут энергию, чтобы без конца болтать друг с другом?

– Боже мой, только посмотри на Марселлу! Она просто ошеломляет в этом наряде! Могу поспорить, он стоил немало фунтов!

– И не спрашивай, – ответил Том.

– Ох, черт, неужели домашняя заготовка для такого случая?

– Нет, я имел в виду, не спрашивай, потому что платье из «Хейвордса». И я так понял, что завтра его нужно вернуть.

– Ну, тогда все в порядке. – Кэти слегка взбодрилась. – Боже, вино здесь просто ужасное! Но я порадуюсь, когда выпью достаточно.

Женщина в нелепой шляпе подошла к ним, и Рики познакомил их:

– Это прославленный Том Фезер, я тебе о нем рассказывал.

– Мм... – промычала она, оглядывая Тома с головы до ног.

– Я слышал, ваш журнал преуспевает, – сказал Том.

– И ваш бизнес тоже. – И снова ее глаза пробежались по телу Тома, медленно и одобрительно.

– Ну да... Позвольте познакомить вас со второй владелицей бизнеса, Кэти Скарлет.

– Рада встрече, – любезно произнесла Кэти.

Женщина как будто была слегка озадачена.

– Как мило... – пробормотала она.

– Мы были бы рады сотрудничать в... во всем, – произнес Том с широченной улыбкой.

– Ну, это похоже на наилучшее предложение, какое только я слышала за весь вечер, – ответила женщина.

У этой дамы в шляпе были странные манеры: говорит намеками, словно ей подали некий очевидный знак, и жеманно флиртует. Кэти подумала, что ее поведение выглядит нелепо. Но женщина уже собралась уходить, так что это значения не имело.

– Марселла... ты просто ошеломляешь! – Кэти искренне восхищалась.

– Ты такая милая, Кэти, это просто красивые перья, вообще-то, взятые взаймы перья.

– Погоди, пока не узнаешь, что может случиться благодаря Рики! – Том уже не мог ждать.

– Что? – Кэти редко видела его таким взволнованным.

– Эта женщина, которая выглядит так, словно у нее на голове парочка бетонных блоков... Она руководит новым журналом, таким, реклама в котором нам не по карману, и вот, представь, там может появиться фоторепортаж об «Алом пере»!

– Ну, Том... – заикнулся было Рики.

– Нет! Ты это не всерьез. – Кэти пришла в восторг, но осторожничала.

Ей придется потрудиться: изменить наконец прическу, позаимствовать какую-то одежду, сделать профессиональный макияж... Но дело того стоило.

– И когда они собираются этим заняться? – спросила она, взволнованная так же, как Том.

– Ну... понимаешь, вообще-то... – начал Рики с явно смущенным видом.

– Рики сказал, что она очень трудный человек, у нее постоянно меняется мнение, так что мы не можем на самом деле знать, когда или что она решит сделать, на это понадобится время. – Говоря это, Марселла смотрела на Рики в упор.

– Конечно, – наконец ответил он. – Марселла верно все изложила. Побудь здесь, милая. Я найду какого-нибудь парня из «Санди таймс», чтобы щелкнул тебя.

– Фотографы постоянно говорят «щелкнуть», вроде как шутят. Похоже на то, как люди называют радио беспроводным... – сказала Марселла.

– Но почему Рики так резко сменил тему? Несколько минут назад он говорил, что все уже в кармане. Я не понимаю. – Том был слегка растерян и раздражен.

Женщина в шляпе собиралась уйти.

– Доброго вечера, Том! Мы скоро с тобой свяжемся. Рики все знает. – Она помахала ему и исчезла.

– Ну вот! – победоносно воскликнул Том. – Пойду найду Рики и скажу ему.

– Пожалуйста, Том, не надо, – серьезно попросила Марселла, и Кэти удивил ее тон. – Тут возможно недопонимание.

Марселла смущенно переводила взгляд с Тома на Кэти, словно не зная, с чего начать или с кем из них говорить.

– Продолжай, Марселла, – мягко предложила Кэти.

– Рики продает ей другую историю... что-то для гламурных парочек... ну... понимаешь, ты великолепный повар, я модель, наш дом, снимки того, как мы вместе выходим из Стоунфилда, или ты подаешь мне завтрак, я в спортзале, ты взбиваешь сливки на десерт... Я устраиваю благотворительный показ моделей для детского дома... ну... что-то в этом роде. Так что, понимаешь...

– То есть это вообще не об «Алом пере»? – Том был горько разочарован.

– Ну конечно, отчасти... В конце концов, придется сказать, как ты зарабатываешь на жизнь, люди узнают твое имя...

– Но все это чистая ерунда! Я не готовлю тебе еду, Марселла... Ты вообще ничего не ешь. – Том даже покраснел от негодования.

– Ой, да ладно, Том... Я думала, ты будешь в восторге. Она сказала, ты потрясающе выглядишь. Она сказала это Рики, когда он показал ей наши снимки. Это шанс, который мне нужен. Почему с тобой так трудно? Они же не могут давать историю только о бизнесе, это будет простой рекламой, и другие компании кейтеринга взбесятся.

– А как насчет других моделей или будущих моделей, они не взбесятся из-за тебя?

– Из-за нас, Том, не только из-за меня, речь и о тебе тоже, как еще ты добьешься, чтобы упомянули «Алое перо»? Я думала, ты порадуешься.

Кэти видела, что этот спор не ведет никуда, кроме как к ссоре.

– Мне кажется, это отлично, Том! Это же наилучший способ для нас добиться известности, ты же знаешь, это именно то, чего мы хотим!

Марселла бросила на нее короткий благодарный взгляд.

Но Тома они пока не убедили.

– Я думаю, это глупо. Я же не мужчина-модель, я не расхаживаю ради рекламы какого-то трикотажа или роскошного свитера, я не готовлю сливочный соус, который ты ни за какие деньги есть не станешь...

– Том, прекрати истерику! Как еще мы можем добиться такой рекламы для «Алого пера», скажи?

– Тебя-то не просят вести себя как последняя задница!

– Да и тебя тоже... Я бы сделала это для нашей компании. Я бы тут же согласилась, если бы чертова работа Нила позволила ему

принять участие. Но ты ведь знаешь, какова жизнь у этих адвокатов... – Кэти постаралась разрядить обстановку.

– Так ты действительно думаешь?..

– Да, конечно! Но послушай, в конце концов все зависит от тебя и Марселлы. Я вас оставлю, чтобы вы разобрались. Просто знай, что я выложила тебе все: это было бы отлично для бизнеса!

Кэти повернулась, чтобы уйти, и увидела свое отражение в стеклянной двери. Конечно, глупо было предполагать, что какой-то глянцевоый журнал захочет увидеть ее на своих страницах. Она была даже большей идиоткой, чем Том.

– Не уходи, Кэти, ты же хотела выпить и немного взбодриться...

– Ну, я уже взбодрилась, весьма. – Глаза Кэти сверкали, даже слишком ярко. – У нас впереди великая реклама, а тебе только и нужно, что улыбаться.

– Извини. Я думал, речь идет о нас обоих.

– Ничего... Мне от этого только легче. – И она вышла из книжного магазина.

– Как ты думаешь, мама разрешит нам приходить сюда, на Сент-Ярлат-Кресент? – с надеждой спросила Мод Саймона.

– Я так не думаю, а ты?

– Вообще-то, я тоже. Ее нервы могут такого не выдержать, – решила Мод.

Они замолчали. Наконец заговорил Саймон:

– Наверное, будет правильно снова вернуться домой. Ну, вроде как.

– Да, – уныло кивнула Мод.

– По крайней мере, нам не придется снова менять школу. Нил это устроил, – сказал Саймон.

– Похоже, нам придется самим добираться домой... то есть Магги и Грохот не смогут больше приходить и забирать нас.

– Не смогут. – В этом Саймон был совершенно уверен.

– Как жаль, что мамины нервы так скоро вроде как поправились, да? – сказала Мод.

– И что отец нашелся, – согласился Саймон.

Они обменялись виноватым взглядом. Но все уже было сказано, назад не заберешь.

На следующий день Кэти появилась в кухне «Алого пера» на рассвете.

– Я не стану вмешиваться... просто приготовлю кофе, а потом все приберу... Это твоё шоу, – объяснила она.

Увидев ее, Том более чем обрадовался:

– Боже, как приятно тебя видеть! Я тут вдруг засомневался насчет хлеба с фруктами и орехами.

– Но он всем нравится! – возразила Кэти.

– Им это нравится, когда они оплатили все заранее, когда уже все в их доме и они не могут отослать обратно, – жалобно произнес Том. – Но понравится ли им, когда придется так много платить за ломтик, и не удивятся ли они, что он сладкий, они же платили не за липкое пирожное! Думаю, это глупая идея.

– Он уже в духовке, да? – Кэти проверила плиту.

– Да, но...

– Думаю, это отличная идея... Давай-ка выпьем крепкого, очень крепкого кофе и проявим характер... Это мне советовала Джеральдина, когда я была подростком. А как там Марселла?

Том наконец перестал тревожиться из-за хлеба.

– Вчера вечером я снова сделал предложение. Я сказал Марселле, что, если нам придется устроить эту идиотскую фотосессию, пусть она будет выглядеть как помолвка, но Марселла и слышать не хочет.

– Все должно быть сделано правильно. А это уж слишком не романтичное предложение! – решительно заявила Кэти.

– Нет, дело совсем не в этом. Она говорит, что не выйдет за меня, пока не добьется успеха, пока не будет уверена, что я так же соблюдаю условия договора, как и она.

– Она удивительно прямолинейна и откровенна, ведь так? – с восхищением произнесла Кэти.

– Она единственная в мире, кто никогда не врет, – ответил Том.

– Эй, а как насчет меня?

– Ты врешь с утра до вечера, как и я. Нам приходится. Мы говорим людям, что их дома прекрасны, когда те ужасны, мы говорим им, что их шардоне лучше того, что мы поставим за ту же цену, мы благодарим мясника и говорим, что он великолепно нарезает для нас

мясо, даже если делает не так, как нам надо, но хотя бы работает собственным ножом. Мы врем целыми днями.

Звякнул таймер печи, и они вынули из нее хлеб. На подносах он выглядел безупречно. Кэти официально пожала руку Тому:

– Это чертовски хорошо, Том! Поверить не могу, что они от такого откажутся. Я знаю, мы сегодня попадем в «Хейвордс», просто знаю это!

Они привезли корзины к Шоне как раз перед большим собранием. Шона выглядела весьма элегантно в темном костюме и светло-розовой блузке, немножко строго, но очень собранно. На старших должностях в «Хейвордсе» не удержаться просто за счет милой внешности.

– Пахнет просто волшебю, но вы знаете, все зависит не от меня. Я могу лишь надеяться на вас, – сказала она и ушла.

Они должны были встретиться в кафе в полдень, чтобы узнать о результате. Время у них было распланировано до последней секунды: поехать на рынок, чтобы купить ингредиенты для урока кулинарии с Бирном этим вечером; прицениться к маленьким хлебным корзинкам на тот случай, если получат работу в «Хейвордсе»; заглянуть в новую прачечную и узнать, во что обойдется им стирка скатертей; прогуляться в новый магазин «Восточные сладости» с блокнотами наготове, поискать новые идеи. Это вполне заполнило бы часы до того момента, когда Шона сможет сообщить им новости.

Шона ворвалась в кафе, подняв большие пальцы. Комиссия не только одобрила эту идею, они еще и съели все во время перерыва на кофе. На подносы были поставлены заодно и маленькие блюда с маслом, чтобы пробудить аппетит. Так что ребята могут начать на следующей неделе, им дают шестинедельный испытательный срок.

– А мы можем использовать свой логотип? – спросил Том.

– Да, но чуть меньших размеров, чем вы предложили... Они хотят видеть надпись «Печем каждый день специально для „Хейвордса“», а потом ваше название... Но мы можем, конечно, добавить и ваш логотип любого размера. – Шона так же горела энтузиазмом, как и Том с Кэти.

Кэти порывисто обняла ее.

– Нам никогда не отблагодарить тебя! – воскликнула она, и у нее сорвался голос.

После и Том сжал Шону в медвежьих объятиях.

– Клянусь, я добьюсь полного успеха и для тебя, не только для нас! – От чувств он говорил чуть грубовато.

– Вы будете виноваты в том, что Ирландия прибавит пару дюймов в объеме бедер, – заявила Шона. – Вам бы видеть, как они все это слопали, и они хотят сделать двойной заказ хлеба с фруктами и орехами.

– А цена их устраивает? – спросил сияющий Том.

– Да, ее сочли справедливой, но не удивляйся, если они начнут торговаться, они бы не стали богатыми, если бы не старались везде сэкономить, – извинилась Шона.

– Мы бы пригласили тебя сегодня на обед, чтобы как следует отблагодарить, но у нас работа, – сказала Кэти.

– Ни к чему это, поверьте. После этого безумного обжорства наверху я теперь знаменитость!

Том и Кэти недоверчиво переглянулись.

– Ладно, а сейчас на рынок, – сказала Кэти.

– Купим корзинки для хлеба! – радостно воскликнул Том, и все головы повернулись в их сторону.

Джеймс Бирн объяснил им, что ему нужны три урока кулинарии и что на каждом уроке он должен научиться готовить блюдо, подаваемое первым, потом главное блюдо и десерт. Тогда он сможет как следует во всем разобраться, а когда придет время, сумеет приготовить то, что ему понравилось больше всего, или, может быть, то, с чем легче справиться. Они не стали его спрашивать, когда именно наступит то самое время. Джеймсу Бирну невозможно было задавать личные вопросы.

Это оказался большой дом, стоявший в стороне от дороги, с ухоженной гравийной площадкой для парковки. В нем, похоже, были четыре просторные квартиры. Джеймс Бирн сказал, что нужно позвонить в звонок с табличкой «Садовая квартира», которая располагалась на цокольном этаже, ее окна прикрывали железные решетки. Весьма типично для осторожного Бирна. Он всегда предполагал худшее, был готов к появлению грабителей, клиентов с отмытыми деньгами, изредка – к нашествию налоговых инспекторов, людей, готовых угнать автомобиль, или типов с краденными

кредитными картами. Джеймс Бирн был не из тех, кто изначально верит в лучшее в людях.

Он открыл им дверь и улыбнулся обычной мрачной улыбкой. Одет он был официально – для Джеймса Бирна даже дома недопустимы какие-нибудь свитера и поношенные вельветовые штаны. Том и Кэти внесли корзинки с ингредиентами в темный узкий коридор. Справа находилась гостиная, слева кухня, а прямо впереди, должно быть, располагались спальня и ванная комната. Все было в основном в темных грязновато-коричневых тонах, и даже притом, что сквозь темные шторы заглядывал апрельский закат, его свет не придавал бодрости. Кухню загромождали шкафы и буфеты разной высоты, неуклюжий стол и старомодная плита с духовкой; до раковины было невозможно дотянуться, а в огромном холодильнике лежали бутылка воды, коробка апельсинового сока, пол-литра молока и пачка сливочного масла. Кэти ужасно захотелось выбросить все это. Один телефонный звонок – и двое уборщиков «Алого пера» явились бы сюда в течение получаса и навели бы порядок. Они с Томом знали такие дома, куда нужно было все доставить и подготовить в течение дня. Но здесь подобного ждать не приходилось. Этот человек вечно будет жить с таким вот безнадежно устаревшим оборудованием. Сколько же ему лет? Около шестидесяти, похоже. Джеймс Бирн никогда не рассказывал о том, был он холост, женат, разведен или овдовел. Его квартира ничего не говорила о его образе жизни. Нельзя было даже сказать, в какое кресло он садился вечером, чтобы посмотреть телевизор. Или в каком углу. На низком столике лежали аккуратные стопки газет и журналов. То ли они ждали, когда их прочтут, то ли ждали, когда из них сделают какие-то вырезки, или просто задержались перед тем, как попасть в мусор? На картинах, висевших на стенах, были изображены горы и озера. Скучные репродукции без признаков жизни. Старые дешевые рамы. Всего две полки старых книг, которые выглядели непо потревоженными. Письменный стол с какими-то бумагами и старомодным пресс-папье, хотя уже много лет никто не пользовался чернилами. В пластиковой кружке стояли все шариковые ручки Джеймса Бирна. Кэти видела, как Том осматривается, видимо приходя к таким же выводам.

Она встряхнулась:

– Хорошо. Начнем урок. Джеймс, надевайте фартук.

– Не думаю, что он у меня есть... – начал было Бирн.

– Я тоже не думала, а потому прихватила один из наших.

Она с победоносным видом достала фартук «Алого пера» с большим красным логотипом. Бирн явно смущался, завязывая на талии тесемки.

– Очень мило с ее стороны, правда, Том? – сказал он. – Доверься женщине в милых маленьких деталях.

– Ни в коем случае, Джеймс! Ни за что не позволяйте женщинам думать, будто у них монополия на мелочи! Посмотрите, что прихватил для вас я: отличные большие рукавицы для духовки, так что вы не обожжете руки, как некоторые, кого я знаю. – Том был очень доволен собой, он надел рукавицы, сгибая и разгибая руки. – Видите? Это если в духовке будет слишком жарко, не говоря уж о том, что и более опасно.

Разговор казался таким обычным. Но почему же они считали, что невозможно спросить Бирна, с какой стати он платит им такие деньги, чтобы научиться готовить? И все же они знали: это не тот вопрос, который можно было бы задать и на который стоило бы ждать ответа.

Для начала они приготовили закуску из копченой скумбрии в маленьких формочках. Кэти мастерски разделала рыбу и добавила тонкие ломтики грибов и сливки.

– Сыр сверху лучше натереть перед самой подачей, – пояснила она. – Но вы можете использовать и натертый «Пармезан» из пакета.

Джеймс Бирн явно сомневался.

– Я и сам беру готовый натертый сыр для таких вот маленьких закусок, – соврал Том.

– Ах вот как! – засмеялась Кэти.

– Точно! Сберегает немножко времени, когда это необходимо, я так всегда говорю.

– Похоже, это довольно легко приготовить. – В голосе Джеймса Бирна слышалось подозрение.

– Но вкус такой, словно готовить это трудно, уверяю вас, – успокоила его Кэти.

– Я пробовал нечто подобное в ресторанах и, знаете, думал, что это требует настоящего искусства, а оказывается, вы просто нарежете холодную копченую рыбу и поливаете ее сливками! – Бирн в изумлении покачал головой.

– Погодите, Джеймс, пока мы не выдадим вам тайну цыпленка с эстрагоном! – расхохотался Том. – Вы навсегда перестанете доверять поварам!

Они сели вместе, чтобы перекусить. Кэти подробно, шаг за шагом, записала каждый рецепт. Джеймс сказал, что все очень вкусно, и более того, он считает, что мог бы сам приготовить такое. Потом они заговорили о театре, о том, что Кэти с Томом когда-то пересмотрели все пьесы, которые шли на каждой сцене Дублина, а теперь у них совсем нет на это времени.

– А вы часто ходите в театр? – поинтересовалась Кэти.

Оказалось, что ходит почти каждую неделю. Почему никто из них не решился спросить, ходит он вместе с друзьями, или один, или со спутницей? Они касались многих тем: политика, тюрьмы, наркотики и, наконец, опера. Джеймс сказал, что в студенческие годы часто посещал оперу, но потом как-то... Его голос затих. И они не спросили, почему он не ходит туда теперь. Или хотя бы почему перестал ходить в прошлом.

– А дома вы слушаете оперную музыку? – Кэти показала на довольно старый музыкальный центр.

– Нет, разве что немножко. Для этого нужно быть в подходящем настроении.

– Нет, Джеймс, не нужно, вы просто включаете... Музыка сама создает настроение. Я слушаю, когда мою посуду, если я одна. Давайте что-нибудь поставим, пока сегодня будем мыть посуду.

– Нет, пожалуйста, у меня нет ничего подходящего, – с легкой тревогой ответил Бирн.

Кэти тут же отступила.

– Конечно, – беспечно произнесла она.

Она видела кассеты с оперной музыкой, стоявшие стопкой в гостиной, но Джеймс явно не хотел их включать.

– Ладно, давайте займемся мытьем без арий.

– Нет-нет, вы не должны чувствовать себя обязанными... – начал Бирн.

– Правило первое. Никогда не отказывайтесь от предложения вымыть посуду. Верно, Том?

– Абсолютно верно, и не сомневайтесь: можно позволить такое вашей гостье, если она предложит, – кивнул Том.

– Почему вы думаете, что это она? – спросил Джеймс.

– Потому что обычно мужчине безразлично, что ему предложат на обед, он, скорее всего, ничего и не заметит. Уж поверьте, я для них готовил, я знаю, – сказал Том, проклиная себя за бестактность.

Кэти бросила на него восхищенный взгляд.

– Именно так, – подтвердила она. – Нет, Джеймс, сначала нужно набрать в мойку горячей мыльной воды, чтобы опускать в нее посуду после каждого блюда, и иметь место, где можно будет убрать с тарелок остатки. А потом все займет две минуты.

– У меня нет посудомоечной машины, вы же видите, – обеспокоенно произнес Бирн на случай, если они чего-то не поняли.

Кэти окинула взглядом кухню, в которой не было ни электрического миксера, ни измельчителя, ни даже хорошей разделочной доски. Конечно, у такого человека не может быть посудомоечной машины.

– Да и не нужно, руки ничуть не хуже. Подождите пять минут снаружи, что скажешь, Том?

– Шесть, если все сделать как следует, – ответил Том, берясь за противень.

Джо позвонил в дверь «Фатимы». Он принес бутылку сладкого хереса и банку сдобного печенья. Он слышал, как его мать ворчит, подходя к двери:

– Все в порядке, Джей Ти, я разберусь, кто бы там ни явился в такое позднее время.

Было семь часов апрельского вечера, вряд ли середина ночи. Но он не должен позволять себе раздражаться.

– Как дела, ма? – произнес он с фальшивым добродушием.

Мать смерила его взглядом. Она выглядела старой и утомленной, не такой, какой была в январе, когда он мельком видел ее на приеме у Тома и Кэти. На ней были поношенный зеленый твидовый костюм и белая блузка с зеленой камеей у горла. Сегодня она надела поблекший передник и растоптанные тапки. Волосы, седые и жидкие, прилипли к голове. Когда Джо увидел, что может сотворить с собой женщина ее возраста, его сердце упало. Мауре Фезер было не больше пятидесяти восьми. А выглядела она хорошо за семьдесят.

– И что привело тебя к нам? – спросила она.

– Пришел повидать вас обоих, узнать, как дела у папы. – Он с трудом удерживал на лице улыбку.

– Ты знаешь, что он поправляется. Мы тебе послали сообщение, благодарили за ту корзину фруктов. – Лицо его матери было жестким.

– Да-да, конечно. Это было милое письмо.

Джо знал, что написал его Том, напечатал и отправил за них. Он готов был на что угодно, чтобы поддержать связь между ними.

– Ну, все равно, раз уж я здесь, ма... – Он занес ногу, чтобы перешагнуть порог.

– Кто это приглашал тебя войти, Джо?

– Но ты же не собираешься прогнать меня? – Джо наклонил голову немного вбок, изображая просьбу, – ему редко отказывали.

Однако сейчас он был в «Фатиме».

– С чего ты решил, что тебе рады в этом доме? Ты часто приезжаешь в Дублин и никогда не навещаешь нас. Я как-то сама видела, как ты выходишь из автобуса, смеешься с кем-то на углу улицы. И почему мы должны тебе радоваться?

– Полагаю, любой человек, который хочет увидеть, как его отец выздоравливает после сердечного приступа, должен быть принят в его старом доме, – сказал Джо.

Легендарное обаяние Джо Фезера никак не повлияло на его мать.

– Мне пришлось жить с результатами твоего эгоизма год за годом, а твой отец не имеет помощника в своем деле.

– Ма, я никогда не собирался продолжать бизнес папы, ты это знаешь.

– Я этого не знаю, и еще каким отличным примером ты стал для своего брата...

– Том тоже никогда не хотел заниматься строительством, ма...

– Ну да, для тебя это недостаточно хорошо, хорошо только для того, чтобы платить за твою школу, покупать тебе одежду, и обувь для футбола, и велосипед, но недостаточно хорошо...

– Я могу повидать папу, как ты думаешь? – перебил ее Джо.

– С чего ты взял, что можешь войти сюда через такое время и что твой отец будет рад тебя видеть?

– Я надеялся, что вы оба будете рады.

У него начала дергаться жилка на лбу. Зачем он это затеял? Еще один отказ, и лучше будет уйти, но он просто хотел до того повидать

старика. Джо мягко, но решительно протиснулся мимо матери в комнату, где сидел в кресле его отец, прислушиваясь к каждому слову. Он выглядел бледным и исхудавшим. Но его лицо радостно осветилось, чего Джо не видел на лице матери.

– Джо, рад тебя видеть, мальчик!

– Я тоже, па. Я знаю, прошло уже несколько дней, но я хотел убедиться, что тебе лучше, как они говорят.

– Они! – фыркнула от двери его мать.

– Ну, Том прежде всего, потом Кэти Скарлет, и Нил, в-третьих. Те, кто беспокоится о вас.

– Ха! – откликнулась Маура Фезер.

– Послушай, па, я так рад видеть, что с тобой все в порядке! И ты тоже хорошо выглядишь, ма. Я просто мимоходом оказался в Дублине. Я не был здесь с тех пор, как ты лежал в больнице, вот и подумал, что будет неплохо повидаться, хотя бы несколько минут.

– Действительно неплохо, Джо. – Отец потянулся к руке сына.

Джо сделал вид, что не заметил жеста, потому что чувствовал враждебность матери ко всяким рукопожатиям.

– Я прихватил немножко спиртного и печенье. И может быть, когда зайду в следующий раз, мама приготовит нам по чашке чая и сконы... – Джо, не глядя на нее, откупорил бутылку хереса и нашел в буфете бокалы. – Надеюсь, следующий раз будет скоро. Если бы вы знали, как трудна жизнь в Лондоне...

– Не помню, чтобы кто-нибудь заставлял тебя туда ехать. – Маура Фезер еще не была побеждена.

– Мне там нравилось, пока я был молодым и глупым, ма. Всем в таком возрасте нравятся большие дурные города... Но люди там несчастливы по-настоящему, как и в любом большом городе.

– О чем это ты?

– Ну... вы и сами знаете. Вы же видите это в Дублине, хотя, конечно, Лондон намного больше. Люди там беспокойны. Они ищут каких-то объяснений, зачем все это... – (Родители смотрели на него пустыми глазами.) – Понимаете, когда я впервые приехал в Лондон, церкви стояли пустыми... А теперь люди идут туда в перерыв на ланч и заглядывают вечером, и каждый ищет ответы.

– Ты-то откуда знаешь? – спросила Маура Фезер.

– Знаю, потому что сам иногда туда захожу, в храм, или в мечеть, или в синагогу... Бог не один, ма, не как было в дни нашей юности.

– Есть только один истинный Бог! – огрызнулась она.

– Знаю-знаю, но, если честно, в наше время куда лучше другое, люди уважают чужую веру.

– Что-то ты, Джо Фезер, не слишком уважал веру, когда мы видели тебя в последний раз.

Наконец-то она назвала его по имени. Это уже было прогрессом. Джо налил им хереса и улыбнулся. Своей профессиональной улыбкой. Он не слишком интересовался ими самими – они были для него чужаками, слабый мужчина и полная горечи женщина. По правде говоря, он испытал лишь жалость, когда узнал, что его отец задыхается в больнице. И Джо был склонен к тому, чтобы и дальше просто посылать им подарки издалека. Но он обещал Тому, что предпримет попытку. А он в каком-то смысле был перед Томом в долгу.

Том был прав. Джо не занимался бизнесом как сын владельцев «Фатимы», разве что помогал немного, когда видел, что ноша тяжела для стареющих и уставших родителей. И он продолжал улыбаться и болтать о поисках смысла жизни и подливал родителям херес. И видел, что мать расслабилась, а отец трогательно радуется его усилиям. Джо думал, что ему стоило куда больших трудов продать линию сочетающихся шортов и топов одному упрямому северному бизнесмену. И что он вполне может задержаться здесь еще на полчаса.

Фотосессия была бесконечной. Том поверить не мог в то, что взрослые люди тратят столько времени на столь тривиальное дело. Марселла взяла два выходных и домой вернулась с целой коллекцией прекрасной одежды из «Хейвордса» для них обоих. Свитер и куртка, которые она выбрала для Тома, были ошеломительно дорогими.

– Все с благословения Шоны... Для них это не хуже бесплатной рекламы. А ты так великолепен, что будет нелегко отогнать от тебя всех: визажистов, стилистов, осветителей... И это только мужчины, – взволнованно засмеялась она.

Для нее все начинало сбываться. Мечта становилась реальностью, как и для Тома немного раньше в этом же году. Том старался изо всех сил, улыбался и выглядел сильным, делал вообще все, что помогло бы карьере Марселлы.

Человек, который, как предполагалось, должен был знать обратный отсчет времени, ничего не знал, если верить Нилу. Это было нечто совершенно новое, все пока висело в воздухе, никаких точных дат не было. Так что времени на разговоры хватало.

– Хорошо, – кивнула Кэти.

Матти и Лиззи шептались в темной спальне.

– Они переедут в конце недели, – сказала она.

– Знаю, но я все равно буду их любить, – ответил Матти.

Нил сообщил, что Кеннет и Кей Митчелл уже устроились в доме и все наладили; они готовы и ждут.

– Я сказал социальному работнику, что детям будет немного сложно сразу туда вернуться, и она полностью со мной согласилась. Она, кстати, очень милая и тебе понравится. Ее зовут Сара. В любом случае Сара говорит, что мы должны сначала привезти детей просто повидать родителей, разок-другой, а уж потом оставить их там. И она поедет с нами.

Кэти ощутила неразумный укол ревности. Это ведь было *ее* делом, ее и ее добрых родителей, которые приняли этих детей, когда те никому не были нужны. А теперь, похоже, они всем понадобились: ненормальному отцу-беглецу, безумной матери-пьянице, важной социальной служащей по имени Сара.

– Хорошо, я выберу время, чтобы отвезти их в Дом Ужасов, – сказала Кэти.

– Даже шепотом такого не произноси при них! Ты же знаешь, как они все подхватывают! – предостерег ее Нил.

– Ты прав. Я посмотрю, когда сумею урвать час и отвезти их.

– Ну, нам придется согласовать время, когда ты будешь свободна, и Сара тоже, и я.

– Но, Нил, это может оказаться в следующем году! Это же не конференция, которую мы организовываем, речь просто о том, чтобы я отвезла детей в дом, где им предстоит жить впредь, и не напугала их при этом до полусмерти. Нужно всего лишь придать безумию некую видимость нормальности, а не о том, чтобы проверять всякие учетные книги.

– Милая, я понимаю, о чем ты, но в таких делах лучше все делать по правилам, в присутствии социального работника, и, если что-то пойдет не так, мы окажемся ни при чем.

– Но мы же точно знаем, что именно пойдет не так... Кеннет со временем опять услышит волнующий зов дальних земель, а Кей почует бутылку водки, и мы вернемся туда, где были.

Том никогда прежде не видел Рики за работой. Он встречался лишь с беззаботным человеком, который все замечает и всех знает. Том понятия не имел, какие приготовления нужны для того, чтобы в результате появились пять или шесть снимков в журнале. На лицо Тома стоило посмотреть. Он был уверен, что случилась какая-то ошибка, что здесь, в маленькой квартирке в Стоунфилде, снимают фильм на многие миллионы долларов. И чего он совершенно не мог понять, так это спокойствия Марселлы во время всей фотосессии. Она подавала бесконечные чашки кофе и ледяную минеральную воду. Когда ее просили улыбнуться, она так сияла, что Том с трудом мог в это поверить. И не важно, сколько раз ей приходилось это делать, та же самая улыбка появлялась на ее лице, словно исходила из самого сердца. Она сидела неподвижно, когда ей поправляли макияж, добавляя помады или блеска для губ, покрывали лаком ее и без того безупречно лежавшие волосы. А вот Том шутил, слегка кривлялся, чувствовал себя очень неловко, задевал и ронял разные предметы, извинялся снова и снова. Он думал, что этот день никогда не кончится. Ничто и вполонину не выматывало его так: ни ночная работа в шумном пабе, ни бесконечное таскание подносов вверх по лестницам, ни протискивание по узеньким коридорам так, чтобы не потревожить расстановку блюд на подносе... Когда они наконец остались одни, в джинсах и футболках, отправив все сегодняшние роскошные наряды в химчистку и подготовив все на завтра, Том лег на диван и положил голову на колени Марселлы. Она погладила его по лбу. Она была по-прежнему свежей, как маргаритка, ее глаза сияли радостью.

– Спасибо, милый, милый Том! Я знаю, тебе это было противно, – мягко произнесла она.

– Вообще-то, не противно, если точно, но уж очень утомительно. Боюсь, я был безнадежен.

– Ты был великолепен. Все так сказали.

– Марселла, как тебе хватает терпения?

– А мне всегда интересно: как ты можешь выдержать всю ту кропотливую работу? Все эти маленькие, безупречно нарезанные украшения и крохотные суши... Я бы скорее с ума сошла, чем справилась с таким, точно.

Она снова погладила его по лбу, и Тому захотелось немедленно заснуть.

– Это потому, что ты сама ничего не ешь, – улыбнулся он. – Ты никогда не жаждешь вкусного, как другие люди потолще.

– Ох, когда-то и я жаждала вкусного, – ответила Марселла.

Но Том знал, что этого не было никогда. На любой из немногих фотографий времен ее детства Марселла выглядела худенькой, как беспризорник. Она никогда не была любительницей поесть.

– Увы, мне нужно идти, – сказал он, заставляя себя подняться.

– Конечно нет! После всей той работы, которую тебе пришлось проделать сегодня?

– Нужно. Кэти весь день трудилась, пока я тут позировал. Я должен пойти и помочь ей все доставить.

– Да, конечно. Хотя твое позирование, как ты это называешь, может очень помочь твоему бизнесу.

– Марселла, будь посерьезнее!

– Я серьезна, как никогда. А что у вас вечером?

– Дочери Богородицы.

– Что?

– Не знаю. Какая-то компания из прошлого. Они двадцать лет как окончили школу, и, видимо, два десятка лет назад поклялись друг другу, что, если доживут до этого дня, устроят вечеринку.

– Но они же не называют себя так на самом деле?

– Что-то вроде этого. В общем, надо идти. Я не слишком паршиво выгляжу, как думаешь?

– Я бы сказала, эти дочери Богородицы просто порвут тебя на кусочки, – восхищенно произнесла Марселла.

– Боже, Кэти, что за день у меня был!.. Прости, что бросил все на тебя.

– Никаких проблем, Мистер Фотомодель... Я была только рада отвлечься. Мне же нужно завтра везти детей знакомиться с какой-то

жуткой нацисткой по имени Сара, а потом доставить их в сумасшедший дом. Предпочитаю готовить лосося в тесте.

Они и сами не поняли, как пережили этот вечер. Том, полумертвый после бесконечных улыбок перед камерами в течение семи часов и думающий о том, что все повторится на следующий день, снова улыбался, смеялся и говорил женщинам, что тут, должно быть, какая-то ошибка, они не могли окончить школу двадцать лет назад. Кэти, почти умиравшая от тревоги, как ей справиться с жуткой социальной служащей Сарой и при этом никому не врезаться, умудрялась плавно двигаться по комнате, пока женщины визгливо хохотали, вспоминая разные смешные случаи двадцатилетней давности. Почти все собрались, говорили они Кэти, только три отказались. Джанет, уехавшая в Новую Зеландию, Орла, вступившая в какую-то странную секту на западе Ирландии, и Аманда, она сейчас в Канаде, владеет книжным магазином вместе со своим возлюбленным. Кэти гадала: случайно, это не Аманда Митчелл? Такое совпадение было бы уж слишком невероятным. Но так оно и оказалось! Женщины злились на Аманду, у нее ведь всегда была куча денег, ее семья владела огромным домом «Дубки», она без проблем могла бы приехать. Но при этом ни одна из них не упоминала так или иначе о ее партнере.

– А он кто? – вежливо поинтересовалась Кэти.

– Это вообще не он, а она! Вообразите только! Аманда Митчелл, единственная из двадцати восьми девушек в классе, предпочитает женщин, каково это в смысле статистики? – спросила женщина, организовавшая вечеринку.

Кэти села в кухне. Ее родственница была лесбиянкой. Что еще принесет ей этот день?

– Они были такими милыми, – сказала Джун, помогая загружать фургон.

– И им, похоже, все понравилось. – Том зевнул.

– И они оставили мне хорошие чаевые. А четыре спросили, где я так покрасила волосы.

– Им понравились твои полоски? – Кэти до сих пор сомневалась насчет фиолетовых прядей в волосах Джун.

– Даже очень, и им было страшно интересно, что я смогла позволить себе салон в «Хейвордсе». Так что еще раз спасибо, Кэти, это был потрясающий подарок!

– Да ерунда, нам ведь придется беспокоиться о моих волосах при встрече с Ханной, – ответила Кэти.

Они высадили Джун у стоянки такси.

– Знаете, благодаря вам двоим у меня теперь отличная жизнь! – воскликнула она и ушла.

Том и Кэти поехали к своей фирме.

– Не представляла, что это будет настолько утомительно, – сказала Кэти.

– Я тоже. Еда не проблема, а вот люди – настоящая заноза в одном месте, – согласился Том.

Они потратили еще час и сорок минут, разгружая фургон, закладывая тарелки в посудомоечную машину, упаковывая и замораживая остатки и готовя кухню и плиты к утренней выпечке. Работали они дружно, не тратя ни капли энергии на пустые разговоры. Когда все было сделано, Том медленно повел фургон по улице.

– Я сейчас как зомби, – сказал он. – Можешь последить за мной, вдруг я засну?

– Ну, одна только мысль о такой возможности не даст задремать *мне*, – ответила Кэти.

– Скоро май, – произнес Том.

– Точно.

Они помолчали.

– А почему ты это сказал? – наконец спросила Кэти.

– Не помню, – признался Том.

– Ты что, стареешь, а? Мы как-то перестали много говорить. – Кэти как будто слегка встревожилась.

– Нет, просто говорить не о чем, разве что о том, что теперь мой брат превратился в главную занозу.

– И похоже, моя золовка намерена преподнести обитателям «Дубков» парочку серьезных сюрпризов. – Кэти посмотрела на Тома. – Тебе пока незачем знать. Но в любом случае, как ты и сказал, скоро май. И у меня чувство, что это что-то значит.

– Что-то хорошее или плохое?

– Боже, Том, если бы я знала... то правила бы миром, – заявила Кэти Скарлет и тут же заснула, и спала, пока Том не привез ее в Уотервью.

Глава 5. Май

Они сообщили Грохоту, что просто едут в гости и потом вернуться.

– Конечно, это кажется глупым, но я думаю, он понимает, – сказала Мод.

– А почему бы ему и не понимать? Разве он не породистый пес? – спросил Матти.

– А у людей тоже есть порода? – полюбопытствовал Саймон.

– Нет, – ответила Кэти, возможно чересчур выразительно. – Все люди рождаются одинаковыми, они сами создают собственную породу.

Она заметила, как посмотрели на нее родители, и осознала всю пустоту своего заявления. Она не могла признать того, что Нил был прав, настаивая на возвращении детей к настоящим родителям. Ничто не заставило бы ее поверить, что это справедливо или честно. Но ей нужно было смириться с таким решением.

– Ладно, ребята, давайте в фургон, покажете мне ваш дом. Хочу знать, где вы жили, когда были маленькими.

– А Матти и его жена могут тоже поехать? – застыла на месте Мод.

– Как-нибудь они приедут посмотреть, но сегодня – только мы, – сказала Кэти, не желая смотреть на родителей, провожавших детей взглядом.

«Буки» стояли на дороге, вдоль которой множество домов были проданы под квартиры, но этот дом оставался на собственном участке земли... Большой, потрепанный, неухоженный дом ста пятидесяти лет от роду, резиденция джентльмена, выдавшая лучшие дни. Не такой внушительный, как «Дубки», – здесь не было широкой подъездной дороги, – но тем не менее привлекательный, с хорошими пропорциями и плющом вокруг окон. Зброшенный теннисный корт и сломанный садовый сарай говорили о том, каким величественным был этот дом в свое время. Еще до того, как родители Уолтера, Саймона и Мод потеряли интерес к поддержанию его в порядке. Когда они подъезжали, близнецы с тревогой наблюдали за Кэти, ожидая ее реакции.

– Какой чудесный дом! – произнесла она с пустотой в сердце. – Наверное, здесь было приятно расти.

Они с сомнением посмотрели на нее.

– Я уверен, Сент-Ярлат-Кресент тоже был приятным, – сказал Саймон.

А ведь недавно, всего несколько месяцев назад, эти дети были такими ужасными, они воровали еду, относились к Кэти как к служанке, бросали на пол одежду. И посмотрите на них теперь! Кэти с трудом совладала со своим голосом:

– Верно, Саймон. Спасибо, что сказал это. Там было весело расти. А сейчас давайте пойдём и отыщем ваших отца и мать.

Кеннет Митчелл приветствовал их так, словно они были самыми почетными гостями, а не просто двумя детьми, которых он бросил, и женой его племянника, которую он до сих пор не видел.

– Как это великолепно! – заявил он, когда Кэти вошла с детьми.

– Привет, отец, – произнес Саймон.

– Саймон, милый мальчик! – откликнулся тот. – И Мод тоже очень милая!

Он неопределенно посмотрел на Кэти, словно пытаясь определить ее место. Внешне Кеннет был очень похож на своего брата Джока, но не начал полнеть. Естественно, будучи постоянно в пути, или как там он это описывал, живот не отрасли. А его жены не было видно. Кэти решила обращаться к нему по имени:

– Что ж, Кеннет, как вы и сказали, все великолепно. Можем мы подождать Кей и Сару, прежде чем начнем осматриваться?

– Осматриваться?.. Сара... э-э-э... Кей? – Он растерялся.

Пришла очередь Кэти впасть в недоумение.

– Кей, ваша жена?

– О да, она сейчас придет, одевается.

Никаких приветствий, никакого теплого приема, а их мать даже не соизволила появиться. Мод, похоже, тоже чувствовала себя неловко.

– А когда Сара придет? – спросила она.

Кеннет Митчелл смутился:

– Сара?

– Социальный работник, – ровным тоном пояснила Кэти.

– Но я думал, это *вы* социальный работник, – сказал Кеннет.

– Нет Кеннет, я Кэти Скарлет, дочь тех людей, которые присматривали за вашими детьми, пока вы были за границей. И еще я замужем за Нилом, сыном вашего брата Джока. А социальный работник – Сара, и предполагалось, что она встретит нас здесь...

Он был избавлен от смущения, если таковое имелось, звонком в дверь. Они услышали, как Кеннет в холле здоровается с Сарой весьма тепло и настолько же растерянно. Сара выглядела так, словно ей было лет семнадцать или восемнадцать, высокая красивая девушка с пылающими волосами и в больших ботинках со шнуровкой. И производила впечатление очень уверенной в себе.

– Привет, Мод, Саймон, как дела, все в порядке? – спросила она.

– Ну, Сара, понимаешь... – начал Саймон, и Кэти почувствовала укол зависти.

– Я хочу сказать, вы уже были в ваших спальнях, проверили, там ли все ваши вещи? – Она вела себя непринужденно, совершенно не боялась Кеннета Митчелла и обращала внимание лишь на близнецов.

– Мы только недавно приехали, – пояснил Саймон.

– Мы даже маму еще не видели, – добавила Мод.

– Ладно, пойдите проверьте комнаты, а потом возвращайтесь сюда.

Дети послушно помчались вверх по лестнице. Сара начала скручивать сигарету.

– Если хотите, я покурю в саду, мистер Митчелл, – сказала она, нахмурившись так угрожающе, что Кеннет снова запаниковал.

– Нет-нет, бога ради, пожалуйста, я хотел сказать, если вы...

– Как дела, Кэти? Уверена, ты меня убить готова, – дружелюбно произнесла Сара.

– Думаю, при твоей работе ты должна знать, как дети любят преувеличивать, – усмехнулась Кэти.

– А как твой муж? Он, похоже, полагает, что у тебя проблемы в связи с их возвращением домой.

– Нет, Сара, вряд ли у меня есть с этим проблемы. – Кэти говорила серьезно. – Я пока привезла близнецов сюда в гости, и их отец, брат моего свекра, решил, что я социальный работник, и это немного меня ошеломило, а их мать просто не появилась, чтобы поздороваться с ними, что я нахожу странным.

– Нил говорит, ты и твои родные сильно привязались к ним. – Сара внимательно наблюдала за Кэти.

– Кто-то ведь должен был к ним привязаться, – сердито ответила Кэти. – Послушай, я все делаю по правилам. Они здесь с первым визитом. Почему бы тебе не проследить за всем, а меня оставить в стороне? Я не стану так или иначе мешать им, когда они вернутся сюда.

Кеннет Митчелл переводил взгляд с одной женщины на другую, словно следил за теннисным матчем. Когда они замолчали, он спросил, не хотят ли они выпить чая, и, похоже, удивился резкому отказу Кэти и Сары.

– Я все приготовил уже, – заявил он оскорбленным тоном.

– Весьма гостеприимно с вашей стороны, Кеннет, – произнесла Кэти тоном, заставившим Сару снова посмотреть на нее.

– А где Уолтер? – спросила Сара, заглянув в свой блокнот.

– Уолтер? – рассеянно переспросил Кеннет.

– Ваш сын, – с готовностью подсказала Кэти.

– Предполагалось, что здесь должна быть вся ваша семья, – заявила Сара.

– Наверное, он на работе. – Оказавшись в еще более непонятной ситуации, Кеннет выглядел встревоженным.

Его спасло появление детей, державшихся за руки матери. Кей Митчелл казалась такой хрупкой, словно ее могло унести ветром. И она мило улыбалась.

– Привет, рада тебя видеть, – поздоровалась она с Кэти.

– Вы сейчас выглядите намного крепче, – сказала Кэти.

– Да? Это хорошо. А вы приходили ко мне в больницу?

– Да, время от времени, но важнее то, что приходили ваши дети.

Кэти покосилась на Сару в надежде, что та возьмет это на заметку.

– Очень многое мне видится как в тумане, будто происходило с кем-то другим. – Кей просияла улыбкой.

– Брата Уолтера там не видели? – спросила Кэти детей.

– Он вроде как приготовил нам постели, – ответила Мод.

– Но, вообще-то, не совсем, просто оставил простыни и наволочки на кроватях... – добавил Саймон.

– И они очень влажные, так что мама помогла нам положить все под горячий пресс, – пояснила Мод.

– Да уж, работа не для Уолтера. А разве миссис Тинг не могла застелить постели? – удивился Кеннет.

– Миссис Тинг выйдет на работу только на следующей неделе, – язвительно сообщила Кэти.

– Миссис Барри, так у меня записано, – поправила ее Сара.

– Значит, теперь мы ждем только Уолтера, так?

– Он должен быть здесь, – неодобрительно произнесла Сара.

– Уверен... Видимо, это какое-то недопонимание. Может, следует ему позвонить? – предположил Кеннет.

– Было бы неплохо. – Сара не тратила слов зря.

– Ну, кто-нибудь... я хочу сказать... а куда звонить? – начал Кеннет.

– В офис вашего брата, в юридическую фирму Джока Митчелла. – Кэти постаралась скрыть сарказм в тоне.

Но Сара ничего не упустила; на ее лице возник намек на улыбку. Никто не стал помогать Кеннету, пока тот рылся в телефонном справочнике. Оказалось, что Уолтер уже едет домой и должен вскоре появиться.

– Уолтер живет здесь? Это его дом?

– Ну, он ведь взрослый, конечно, его не нужно проверять каждую ночь...

– Понимаю, иногда он остается у друзей. – Сара что-то записывала.

– Но его комната здесь... всегда готова для него.

– Она заперта, – сообщил Саймон.

– Откуда ты знаешь? – заинтересовалась Сара.

– Ну, у нас была лошадка-качалка и старый черно-белый телик. Я подумал, может, Уолтер взял их на время, пока мы были у Матти и Лиззи... а нам бы онигодились. – Саймон говорил открыто и ясно, не желая никому доставить неприятности.

– Странно запирают спальню в собственном доме, – заметила Сара.

– А когда мы насовсем вернемся сюда? – спросила Мод.

– Когда пожелаете! – широко улыбнулся ее отец.

– Чем скорее, тем лучше. – Улыбка матери была еще шире.

– Когда оформят все документы, – сказала Сара.

– И еще, Кэти, ты уже объяснила все как следует Саре насчет Грохота, чтобы он сюда приходил, и о свадьбе дочери Лиззи с тем человеком, с которым она спит в одной кровати в Чикаго?

– Я бы... – заикнулся Кеннет.

И снова ему не пришлось что-то говорить, потому что появился Уолтер. Растрепанный, задыхающийся, он приехал на велосипеде.

– Привет, дети, мама, папа, Кэти... – Он кивнул всем, потом натянул на лицо фирменную улыбку Митчеллов. – А вы, должно быть, Сара? Вы не слишком молоды и... ну... хороши собой для такой работы?

Кэти бросила на него отчаянный взгляд. *Пожалуйста*, пусть Сара не поддастся этому обаянию, восторгу в его глазах, откровенному восхищению...

– Вы должны были прийти сорок пять минут назад. – Сара была сурова.

Уолтер попытался отделаться улыбкой:

– Но к счастью, я все-таки здесь.

Сара, кашлянув, призвала всех ко вниманию.

– Если Мод и Саймон собираются вернуться сюда, можем мы проверить подготовку, пожалуйста?

– Какую именно подготовку? – Кеннет огляделся вокруг. – Я хочу сказать, я здесь, их мать здесь и... вроде как те, кто присматривал за ними, пока я по необходимости отсутствовал, а Кей болела. Все ведь так, не правда ли?

– Нет, мистер Митчелл, не совсем. Вы это знаете. Мы уже проходили по этому пути. Дети на вашей ответственности, а это значит, что мы должны разобраться, что лучше для Мод и Саймона и их будущего. Так что начнем со школы. – Сара снова сверилась со своими записями. – В прошлом сентябре со школой для близнецов была проблема. Их нужно было отвезти туда, но оказалось, что некому. Они пропустили очень много дней. Но с тех пор, как они перебрались на Сент-Ярлат-Кресент, в новой школе дела у них пошли хорошо. Вы согласны с тем, чтобы они продолжали учиться в той школе, у них появились там друзья, и если некому будет забрать их, дети смогут вернуться на автобусе.

– Хорошо, что они ездят на автобусе, – кивнул Кеннет.

– Ладно. И питание. Вы будете готовить, миссис Митчелл?

– Ну конечно буду. И есть еще миссис... миссис... Кто-то, кто приходит помогать со всеми этими ужасными делами, ведь так?

– Да, дорогая, это миссис Баррингтон, – подсказал Кеннет.

– Миссис Барри, – в один голос произнесли Кэти и Сара.

– Как глупо с моей стороны, нелепая ошибка.

– Хорошо. А теперь о спальнях. Вы слышали, на кроватях были сырые простыни.

– Их просушат, конечно, к тому времени, как дети вернутся домой, – сказала Кей.

– Да, конечно. И теперь вспомним об исчезнувшей лошадке-качалке и черно-белом телевизоре.

– Я не говорил, что они исчезли. Они могут быть в комнате Уолтера. – Саймон не желал никаких неясностей.

– Которая заперта, – добавила Кэти.

– Я совершенно прав, запирая свою комнату, все так делают.

– Безусловно, но можем ли мы пойти и проверить, там ли вещи детей? – Кэти прищурилась.

Она ощутила страх Уолтера. В той комнате было нечто такое, чего Уолтер не хотел показывать.

– Извини, Кэти, но не слишком ли ты вмешиваешься? Я думал, это работа Сары.

– Но вы знаете что-нибудь о лошадке и телевизоре? – ровным тоном спросила Сара.

– А-а-а... это... это же все очень старое и никуда не годилось. Я их давным-давно отдал друзьям. Уж простите, ребята, но вы слишком взрослые для лошадки-качалки. Я не знал, что она до сих пор вам нужна.

Кэти поняла, что Уолтер все продал.

– Но для телевизора-то мы не слишком взрослые, – возразил Саймон.

– И мне очень нравилась эта лошадка, – пожаловалась Мод.

– Что ж, возможно, Уолтер приготовил вам вместо них какие-нибудь подарки в своей комнате? – предположила Кэти.

– Послушайте, Сара, это что, охота на ведьм? Вы здесь для того, чтобы убедиться: все в порядке для Саймона и Мод, они могут вернуться... и вдруг все перешло на меня. Я что, должен показывать, заправляю я постель в своей спальне или нет? Давайте лучше...

Он выглядел таким искренне огорченным, что Кэти поняла: Сара готова сдать ся.

– Конечно, мы не хотим осматривать вашу комнату, но мы хотим узнать, какое возмещение вы приготовили для ваших брата и сестры.

Уолтер на мгновение замер и победоносно улыбнулся в сторону Кэти. Осмотр комнаты отменялся.

Потом он повернулся к Саре:

– Я надеюсь, что теперь наша семья воссоединится, мы лучше узнаем друг друга. И тогда я пойму, какие у детей интересы, что им нравится... Ну, вроде как я не собираюсь снова забирать лошадок-качалок и всякое. Так, Мод?

– Или телевизор, – сказала Мод.

В этот момент Кэти полюбила девочку со всей страстью. Дальше последовало множество других вопросов, на которые родители близнецов отвечали весьма неопределенно, зато их старший брат изливал тепло и энтузиазм. Пришло время возвращаться на Сент-Ярлат-Кресент. Объятий не последовало. Кей чмокнула обоих в щечки и посмотрела на них рассеянно и величественно. Сара и Уолтер, выйдя на улицу, стали сравнивать свои велосипеды. Велосипед Сары был складным.

– Удобно, если нужно поехать на такси, когда слишком устал или выпил, – объяснила она.

– А почему бы мне не подвезти вас до офиса? У меня фургон, ваш велосипед можно положить в кузов, – внезапно предложила Кэти.

– О, я не могу, – ответила Сара.

– Она пока не пьяная, – заметил Саймон.

– Да, но она вполне могла устать, а так мы могли бы заехать на Сент-Ярлат-Кресент, и ты познакомишь ее с Грохотом.

– Я уже была на Сент-Ярлат-Кресент и абсолютно уверена в том, что твои родители великолепны в роли заместителей, – сказала Сара.

– Но, Сара, ты еще не видела Грохота! Поехали, Саймон и Мод рады будут показать тебе, как они устроены.

– Это классная идея, Кэти! – одобрил ее Саймон, когда все забрались в фургон. – Она так увидит по-настоящему важные вещи!

Кэти и Сара переглянулись и внезапно расхохотались.

Второй урок кулинарии для Джеймса Бирна был назначен на четверг.

– Он говорил, что бы ему хотелось? – спросил Том у Кэти в кухне «Алого пера».

– Нет, он предоставил все нам. Ох, черт!

– Ты что, снова обожглась? – Том подбежал к ней.

На этот раз она порезала палец об острый край консервной банки.

– Это говорит о том, что не следует использовать консервы. Мы же не намерены стать теми, кто их берет ради удобства и выгоды!

– Скажи тогда, как добавлять во что-то томатное пюре, не открыв банку? – Кэти подняла палец вверх, изучая его.

– Швы тебе не нужны, пойд и промой палец водой. А так: можно взять тубик и выдавить его, а если уж тебе нужна банка, то используй вон ту электрическую штуковину на стене вместо открывалки каменного века.

– Я торопилась.

– Не сомневаюсь, а теперь тебе нужен пластырь. Отличная реклама для компании, – проворчал Том себе под нос, перевязывая ей палец. – Пойди в приемную и посиди, успокойся, – велел он.

– Я не расстроена, – возразила Кэти.

– Нет, но я расстроен. Иди!

– Опять ты за свое, кудахчешь, как старая курица, – сказала Кэти.

– В следующий раз ты можешь залить курятину собственной кровью, – добродушно бросил Том.

Они любили те моменты, когда могли посидеть в приемной и немного расслабиться на больших диванах, обтянутых чехлами из яркого ситца, которые сшила для них Лиззи. Кэти положила ноги на низкий столик, на элегантные кулинарные журналы.

– Когда-нибудь у нас будет время прочитать какие-нибудь из них.

– К тому времени их рецепты устареют, – ответил Том.

Приятно было сидеть здесь и смотреть на тарелки на полках, на их скромную систему хранения документов, которая выглядела, как элегантный письменный стол в красивом доме. Джо нашел это для них на каком-то аукционе, так он сказал. Они лишь раз-другой усомнились в этом.

– Я знаю, ему не слишком нравится платить налоги, но не думаю, что он может купить что-то краденое, – сказал Том в то время.

– Конечно нет. – Кэти с удовольствием погладила каталог – он был как раз тем, что нужно.

Один из приятелей Матти занимался коврами, так что они получили отличный ковер на пол, который добавлял уюта, когда кто-либо приходил к ним. Но если бы здесь появлялось немножко больше людей, им не о чем было бы беспокоиться.

– А что же нам делать с Джеймсом? – спросил Том.

– В прошлый раз готовили копченую рыбу и цыпленка с эстрагоном... Думаю, на этот раз нужно что-то более красное, более энергичное, – предположила Кэти.

– Пармская ветчина с инжиром для начала, а потом бифштексы из вырезки в сливочно-грибном соусе? – предложил Том.

– Он скажет, что закуска слишком легко готовится, а с бифштексами слишком много хлопот, – покачала головой Кэти.

– Нет, не скажет. После того как ты объяснила ему, что всегда можно вынуть противень из духовки, он стал меньше суетиться. Похоже, он раньше такого и не представлял. Надо же! – развеселился Том.

– Интересно, а у него были когда-нибудь дети? – произнесла Кэти.

– Почему тебя это интересует?

– Не знаю. Наверное, это смешно, но у меня впечатление, что он хочет готовить не для того, кем интересуется... Скорее для кого-то молодого, кому он хочет что-то доказать...

– Не знаю, откуда у тебя взялась такая идея. Пожалуй, тебе следует принести хрустальный шар на нашу следующую встречу. – Том частенько считал женщин слишком сложными, что было просто глупо.

– Нет, ты подумай... Ты знаешь, что он делает это, поскольку хочет показать кому-то, что он заботлив, а для него это трудно, так как он слишком закрытый.

– А ты зато очень открытая, так почему бы не спросить его напрямую? – насмешливо бросил Том.

– Ты знаешь, я не могу это сделать, Том, – ответила Кэти. – Думаю, мы потратили так много времени, вбивая в Саймона и Мод правила поведения за столом, что я и сама кое-что переняла. Надеюсь, это не повлияет на мою личность.

– Пока признаков не видно, уверяю тебя. Но на всякий случай я буду за тобой присматривать.

– Идиот! – заявила Кэти. – А что, если мы предложим ему пудинг?

– Из пеклеванного хлеба с мороженым! – предложил Том. – Ладно, теперь остается только продать все это ему.

– Ну хватит, Том! С травмой все в порядке, вернемся к работе, – сказала Кэти и ушла в кухню.

Джеймс Бирн по телефону выдвинул возражения против каждого блюда, и они не сразу договорились.

– Это кажется слишком простым, как будто куплено в магазине, – пожаловался он.

– Послушайте, мы должны показать вам, как нарезать инжир, как выкладывать ветчину...

– Но бифштекс. Это слишком... слишком...

– Это требует огромной подготовки, так что вы можете приготовить маленькие бифштексы. Погодите, пока мы вам покажем соус.

– Она подумает, я купил мороженое в кулинарии, – сказал Бирн.

Наконец-то они определили, что речь идет о *ней*. Это уже было некоторым прогрессом.

– Нет, если вы сумеете рассказать ей, как именно вы его приготовили, и, если честно, это весьма весело, – умоляюще произнесла Кэти.

У нее было слишком многое на уме. Ей не хотелось, чтобы их бухгалтер начал ворчать из-за абсолютно разумного меню. Палец у нее пульсировал, она мучилась из-за Саймона и Мод, Фредди Флинна и его жены, которые просили их организовать обед, она была в долгу перед Ханной Митчелл из-за ланча... Она представления не имела, что приготовить на великий свадебный пир для ее сестры Мэриан, до которого оставалось всего два месяца. Ей не вынести было мысли о том, что ее бедный отец каждый день водит собаку в букмекерскую контору и привязывает там у двери. Ее волосы выглядели ужасно прилизанными и тусклыми. Ханна Митчелл была права. И Кэти уже не слышала ни единого слова из жалоб Джеймса Бирна на то, что это не слишком хороший обед.

– Джеймс, – начала она слишком резко, и Том тревожно вскинул голову от теста. – Джеймс, мы задаем вопросы по балансовым счетам? Нет. Говорим ли мы, что нам не кажется, будто это вложение или этот возврат налога на добавленную стоимость сработает? Нет, не говорим, мы говорим, что Джеймс – редкий специалист, что мы платим ему за советы. А мы редкие специалисты в своем деле, и *вы* платите нам за советы. Ладно, пока. Увидимся в четверг, Джеймс. – Кэти со стуком повесила трубку.

Она и не глядя знала, что Том уставился на нее разинув рот.

– Что? – воинственно произнесла она.

– Да уж, – произнес он.

– В смысле?

– В смысле, что ты более чем определенно изменилась как личность, – ответил он.

Кэти засмеялась, а он подошел к ней и обнял. Том был таким легким в общении, он так часто разряжал обстановку для них обоих.

– Том, мне нужен твой совет.

– Конечно нужен. Ты разговаривала так, словно тебе всерьез необходимо сильное успокоительное, но мой совет не мешает.

– Как мне отплатить Ханне? Я пытаюсь построить изгородь из оливковых ветвей, но у меня не слишком получается.

– А Нил что предлагает?

– Он не понимает, из-за чего тут беспокоиться. Пожимает плечами. Он мужчина.

– Большое препятствие, мы это знаем. Ладно, это же касается только вас с Ханной?

– Да... Я могу выдержать полтора часа ее наставлений, но мне невыносимо, когда она так обращается с кем-то другим.

– Ты хочешь, чтобы она порадовалась, или ты хочешь предстать перед ней в выгодном свете?

– Хороший вопрос, но, вообще-то, я бы предпочла, чтобы она приятно провела время.

– Ладно, так почему бы не пригласить ее сюда?

– Сюда, в «Алое перо»?

– Конечно. Пригласи ее на ланч в следующий понедельник. У нас ничего нет на этот день, все будет мило и тихо. Я все подам, потом как бы отвечу на телефон и исчезну.

- Она решит, что это весьма низкосортно.
- Нет, не решит. Здесь красиво, мы уже почти полгода на плаву. Она давала нам шесть дней, помнишь? Ну, когда была здесь в последний раз.
- Ох да, на открытии... Я вроде бы и забыла о ее словах.
- Но она не забыла. В самом деле, Кэти, это будет реальная территория мира. Давай позвони ей прямо сейчас. Пригласи ее.
- Я не уверена, Том.
- Что я только что слышал о людях, дающих профессиональные советы? Позвони ей, Кэти!
- В этом деле ты не профессионал.
- Черта с два! Мы слышали твои жалобы на Ханну Митчелл еще со времен колледжа. Звони сейчас же!
- Пожалуй, справедливо. Дай телефон.

Ханна Митчелл приняла приглашение. Это была неплохая идея. Множество ее подруг уже слышали об «Алом пере». Им будет очень интересно узнать, как там внутри.

– Похоже на то, что Мод и Саймон на следующей неделе вернутся к себе домой, – сказала Кэти.

– Ох, слава богу, какое это ужасное испытание для всех, и разве бедная Лиззи не великолепна, что так отлично закрыла амбразуру?

Кэти позволила себе замолчать на несколько секунд. Достаточно надолго, чтобы Ханна вспомнила.

– Ах да, я имела в виду, разве не замечательно, что... э-э-э... Лиззи и... э-э-э... Матти так помогли бедным Кеннету и Кей... Именно это я и хотела сказать.

– Как поговорили? – спросил Том.

– Лучше, чем я смела надеяться.

– Значит, скажи спасибо Тому, – после паузы произнес он.

– Спасибо, Том.

Для нее было уж слишком непривычно перестать бояться эту женщину после многих лет.

Том поехал к Марселле, чтобы забрать ее с работы.

– Твой брат заходил сегодня, – сообщила она.

– Он никогда не возвращался в Ирландию дважды за несколько недель. С чего бы это?

– Он сказал, что организовывает большое шоу, модный показ... Хочет, чтобы на него, кроме публики, пришли торговцы. Полон идей, зашел повидать Шону, и я думаю, он собирается встретиться и с Джеральдиной насчет дополнительной рекламы. – Марселла выглядела взволнованной.

– А он собирается зайти и к нам, как тебе показалось? – Том вдруг ощутил неожиданный укол ревности из-за того, что его брат встречается почти со всеми, кроме него.

– Конечно собирается. Он просто заглянул ко мне... потому что... Том, ты не поверишь, он всерьез поговорил кое с кем насчет того, что я должна быть манекенщицей на его шоу! – Глаза Марселлы сияли.

Уже несколько месяцев Том не говорил ничего такого, что порадовало бы ее так сильно, как эта новость.

– Позволь сказать, что я всем сердцем надеюсь и молюсь, чтобы он дал тебе эту работу, – сказал он.

– Прости, что не смог приехать в «Буки». Это дело тянется без конца, – извинился Нил.

– Нет, все в порядке, я тебя и не ждала. – Кэти готовила ужин в кухне. – Не все выходит по-нашему. – Она говорила без малейших признаков недовольства; в его жизни все выходило не так. – И в любом случае ты ничем не смог бы помочь... Они вели себя черт знает как, но все равно получают детей. Это же просто показуха.

– Ты познакомилась с Сарой, да? Она великолепна! – с явным энтузиазмом произнес Нил.

– Да, это так. Я думала, она будет такой... туповатой, но она ничего не упустила. Уолтер, впрочем, ее слегка одурачил, мне кажется.

– Должен сказать, на меня она произвела большое впечатление, и она собирается помогать нам в этом проекте с бездомными. Хорошо иметь в команде социального работника, у нее в руках вся статистика...

Нил был так взволнован всем этим, что Кэти почувствовала себя слегка задетой. Она собиралась рассказать ему о запертой спальне Уолтера, и о своих планах принять его мать в помещении «Алого пера», и о меню, которое они задумывали для свадьбы в чикагском

стиле в июле... Но все это выглядело таким тривиальным и пустым по сравнению с проектом для бездомных. Тем самым, в котором Сара, в больших ботинках и с самокрутками, собиралась участвовать вместе с их комитетом. Давным-давно Кэти тоже ходила на такие собрания, делала записи и печатала письма, но все это было до того, как она начала собственную карьеру.

Но к субботе Кэти чувствовала себя вполне бодрой и готовой справиться со всем, что ждало впереди, вроде визита с детьми в их настоящий дом. И она поехала на Сент-Ярлат-Кресент, чтобы забрать их.

– Мам, сколько лет будет Джеральдине осенью? – спросила она, когда дети убежали прогуляться с Грохотом и не могли их услышать.

– Дай подумать... я старшая, потом... Ну да, ей будет сорок. Представь, младшей в семье сорок! – Лиззи улыбнулась при этой мысли.

– Интересно, она устроит прием? – задумчиво произнесла Кэти.

– Разве ты не знаешь ее лучше других? Что ты сама думаешь?

– Я не настолько хорошо ее знаю, мам, и понятия не имею, что ей нравится во многих областях. И понравится ли ей упоминание о том, что ей уже сорок, не знаю.

– Но разве ты не бываешь постоянно в разных домах? Ты же видишь... – удивилась Лиззи.

– В последнее время не так уж часто. Мам, а она в молодости была очень хороша собой?

– Конечно очень. И такой необузданной! Ты бы не поверила... Когда мы с Матти только поженились, я ни разу не навещала мать без того, чтобы не получить длиннющий список жалоб на Джеральдину... Она постоянно где-то пропадала, не делала домашние задания... Одевалась, как бродяга... Хотелось бы мне, чтобы моя бедная матушка дожила до этих дней, увидела бы, чем все обернулось в итоге. Безупречная леди, вращается среди высших... – Лиззи говорила с восхищением и изумлением, но без зависти.

– И когда она изменилась?

– У нее появился тот парень, не помню, как его звали. Но очень шикарный и заметно старше ее. Она начала менять поведение, чтобы ему соответствовать. А потом, когда он исчез, вернулась в школу. Моя

бедная старая мама думала, что Джеральдина старается получить образование, чтобы этот Тедди... ну да, Тедди, решил, что она годится для высшего света, но я тогда сказала, что уже поздно. Как бы то ни было, ей школа не помогла, о нем больше не слышали. Тедди! Надо же, я столько лет о нем не вспоминала.

Все ли это верно в отношении Джеральдины? – гадала Кэти. Она собиралась заехать к ней позже, после второго визита в родной дом близнецов. Но матери она сказала правду. Было много, очень много такого, чего Кэти совершенно не знала о той светской, ухоженной, уверенной в себе женщине, которая принимала в подарок автомобили, дорогие часы и даже квартиру от женатых мужчин. Она не знала даже, захочет Джеральдина отпраздновать свое сорокалетие или просто забыть о нем.

На этот раз, когда они приехали, на столе уже стоял чайный поднос. Кей разливала чай из тяжелого чайника хрупкой, дрожащей рукой. Кеннет как будто стал уже больше осознавать окружающее и тот факт, что его дети, которых он бросил на много месяцев, не вернутся к нему автоматически. Он понял, что должен устроить для этого некое представление.

– Две очаровательные леди и мои любимые близнецы... Слишком много счастья! – провозгласил он.

Дети изумленно уставились на него. Это прозвучало куда более бравурно, чем в прошлый раз.

Первой заговорила Сара.

– Можем мы обсудить несколько нерешенных вопросов, мистер Митчелл? – оживленно спросила она.

– Дорогая леди... что угодно, что угодно!

В этот момент вмешалась Кей.

– Я испекла сконы! – торжествующе воскликнула она.

– Но, мама, ты же не... – начал было Саймон.

Кэти жутко нахмурилась, глядя на него, и он осекся на полуслове. Кэти посмотрела на маленькие магазинные сконы, которые эта женщина разогрела в попытке придать дому нормальный вид. У Кэти сжало горло. Да, Кей родила Саймона и Мод девять лет назад. Они должны что-то значить для нее даже в таком спутанном состоянии ума. И она выглядела ужасно несчастной, когда они навещали ее в

госпитале. Кэти даже не предполагала, что Кей снова возьмет на себя заботу о доме.

– Ваш племянник Нил объяснил мне вчера вечером ваше финансовое состояние, – сообщила Сара. – Судя по всему, его отец имеет закладную на этот дом и создал трастовый фонд для детей.

– Очень хорошо. Джок со всем разобрался, – кивнул Кеннет и с готовностью улыбнулся.

– Он предоставил мне эти данные. Согласно им, деньги в определенных пропорциях делятся на одежду для детей, школьные нужды, книги, плату за автобус и так далее, и еще есть сумма на уборку дома, включая плату миссис Барри, приходящей трижды в неделю, и садовнику за полдня работы раз в неделю, чтобы поддерживать в порядке участок.

– Звучит великолепно, – снова кивнул Кеннет.

– А как вы думаете, сколько вкладывает в домашнее хозяйство Уолтер? – На лице Сары не было никакого выражения, когда она задала этот вопрос, зная, что в нем нет смысла.

– Ох, у бедняги Уолтера сейчас нет наличных денег, – с коротким смешком произнесла его мать.

– Но как же его комната и питание? В конце концов, он ведь ходит на работу и получает жалованье, – настаивала Сара.

– Наверное, получает слишком мало, потому что ему приходится иногда подрабатывать у Кэти и Тома официантством, то есть я хотела сказать кейтерингом, – услужливо подсказала Мод.

– Не в последнее время. Он больше не имеет этого источника дохода, – произнесла Кэти тоном, не оставлявшим ни малейших сомнений.

Сара с улыбкой посмотрела на нее. Она становилась такой хорошенькой, когда улыбалась. И ее смешные торчащие волосы и большие ботинки ничуть этому не мешали.

– Вы могли бы, конечно, сдавать комнату Уолтера, раз его здесь нет. – В глазах Сары мелькнуло озорство.

– Ох нет! Это же его дом! – возразил Кеннет. – Кстати, он оставил вам записку насчет своей комнаты... – Он протянул Саре листок без конверта. – Мы же все хотели ее увидеть.

Сара прочитала вслух:

– «Дорогая Сара, извините, что не могу сегодня встретиться с Вами. Во время Вашего последнего визита жена моего кузена, похоже, предположила, что я не желаю показывать свою спальню. Мне было бы неприятно, если бы возвращение домой моих младших брата и сестры было отложено из-за какого-то недопонимания, из-за чего-то столь несущественного. Я там прибрался, все готово к инспекции. Пожалуйста, почувствуйте себя свободно, если пожелаете».

Все слушали, пока она читала.

– Нет надобности, конечно, но весьма любезно с его стороны, – пробормотала Сара.

– Нет надобности сейчас, – буркнула Кэти себе под нос.

Что бы ни хранил в своей комнате Уолтер, какие бы краденые вещи ни прятал, все, конечно, было убрано. Они прошлись по дому, проверили спальни, увидели, что постельное белье просушено, в ванной комнате порядок. Сара была весьма дотошна: она убедилась, что стиральная машина работает, заглянула в буфеты с продуктами и изучила сроки годности на всем, что лежало в холодильнике. Она задавала практические вопросы насчет того, что именно будет делать миссис Барри, убедилась, что имеется все необходимое для уборки, и даже заглянула в садовый сарай.

– Траву косить нечем, – заметила она.

– Раньше у нас была большая газонокосилка. – Кеннет был изумлен. – Совершенно новая. Ты ее помнишь, дорогая?

Кей крепко призадумалась.

– Вообще-то, нет, с прошлого лета не помню... Дети, вы помните газонокосилку?

– Уолтер отвез ее ремонтировать, – сообщил Саймон.

– Когда это было, Саймон? – спросила Кэти.

– Давно, когда мы здесь жили, – ответил он. – Думаю, это было по секрету.

– Почему ты так думаешь? – мягко поинтересовалась Кэти.

– Не знаю. Думаю, он сам ее сломал, понимаешь... ну... когда косил траву. Он хотел ее починить, до того как мама с папой заметят.

Лицо Саймона было таким невинным, что Кэти захотелось заплакать.

– Но когда именно это было, ты можешь вспомнить? – спросила Сара.

– Ох, прошлым летом, очень давно, – ответил Саймон, который до сего дня даже не задумывался о том, почему газонокосилка так и не вернулась в сарай, да и теперь не слишком об этом беспокоился.

– Может, сначала дождемся приезда Нила, а уже потом решим, могут ли дети вернуться? – спросила Сара, когда они с Кэти брели по заросшему саду.

– Нил?

– Да, он сказал, что приедет.

– Ох, конечно. – Кэти, вообще-то, была совершенно уверена, что он не придет; она оставила его в Уотервью за телефонным разговором по поводу какого-то очередного кризиса. – Уолтер продал газонокосилку. И вещи детей.

– Кэти, но у нас ведь нет доказательств.

– А ты согласишься, если это скажет Нил?

– Но он же не думает... – Сара была ошеломлена.

– Давай спросим у него, Сара, когда он появится, – предложила Кэти.

При этом она подумала: «Если он появится». Но она ошибалась. Когда они вернулись в дом, Нил был там, такой же деловой, как Сара.

– Дядя Кеннет, вы осматривали дом, убедились, что больше ничего не пропало, пока вы отсутствовали? – решительным тоном спросил он.

– Но как такое могло случиться? Я имею в виду, Уолтер ведь был здесь.

– Вы знаете, как беспомощны молодые люди. Проверьте, что-то вроде часов или, может быть, серебро?

– Я вот думаю, как хорошо мы спрятали маленькие каретные часы, что не смогли их найти, – с дрожью в голосе сказала Кей.

– А я что-то не видел своих серебряных щеток... – Кеннет явно был озадачен.

– Возможно, нам следует составить список, – заявил Нил.

– О, ты так думаешь?

– Да. – Нил был тверд. – Видишь ли, когда мы проводили оценку вашего имения, то все внесли в перечень. Нам только нужно проверить по нему, если чего-то не хватает, и в любом случае нам нужно составить список для полиции, если придется обратиться за страховкой.

– Нил, и показать его Уолтеру тоже, – предложила Кэти. – Ведь вполне возможно, что он и какие-то из этих вещей отправил в починку.

– В починку? – переспросил Нил.

– Да, Саймон говорил нам, что Уолтер любезно отправил в ремонт новую газонокосилку, забрал ее в конце прошлого лета... И она, похоже, до сих пор не отремонтирована, – сказала Кэти.

– Вам все понятно, Сара? – спросил он.

– Абсолютно, – кивнула она.

– Хорошо, мы пройдемся по дому, проверим, чего нет на местах... Мод и Саймон, вы можете помочь? Ваши острые юные глазки ничего не упустят, устроим нечто вроде игры.

– Думаю, мраморных шахмат нет на обычном месте... Ну, я не вижу их, – предложил в качестве информации Саймон.

– А можно мне блокнот, как у Сары, чтобы записывать? – спросила Мод. – Пожалуйста, если можно, – добавила она.

Сара тут же вырвала несколько листков и отдала девочке блокнот и планшет. Нил благодарно улыбнулся ей, и Кэти увидела, какой взгляд бросила в ответ Сара. Это было откровенное восхищение.

– Кэти, это Джеральдина.

– Люди часто так говорят, но я действительно пять минут назад подумала о том, чтобы позвонить тебе.

– А ты, случайно, не подумала заодно о воскресном ланче завтра? – спросила Джеральдина.

– Нет, но буду рада. Это заставит нас приготовить что-нибудь вместо обычного перекуса, и мы будем рады тебя видеть. Это будет отлично!

– Я имела в виду здесь, это рабочий ланч... Я действительно полагаю, что пора что-то решить насчет свадьбы Мэриан. Отель забронирован, но больше ничего... Нам нужно собрать военный совет.

– Ладно, у нас есть приемная... А Тому тоже нужно прийти, как ты думаешь? – спросила Кэти.

Ей неприятно было портить ему выходные, как и свои с Нилом. Но в эти дни у всех них было слишком мало свободного времени. И она с облегчением услышала, как Джеральдина сказала, что незачем беспокоить Тома в выходные.

– Пока нет необходимости, не на этой стадии... Это просто переговоры о переговорах. Шона придет, она очень полезна в таких делах, и Джо Фезер будет здесь по каким-то делам, он устраивает модный показ, но, возможно, у него есть идеи и насчет свадьбы в чикагском стиле.

Кэти почувствовала себя уставшей. Нужно было подумать слишком о многом. Ее ум казался переполненным проблемами, как роем пчел.

– Да, будет замечательно, Джеральдина. Могу я что-нибудь принести с собой?

– Нет-нет! – Это прозвучало неубедительно.

– Я могу заглянуть в «Алое перо», взять что-нибудь из холодильника, – предложила Кэти.

– Ну, если у тебя есть какой-нибудь десерт... Я уж точно не откажусь.

– Шоколадный рулет? – предположила Кэти; такого в холодильнике было полно.

– Отлично! Увидимся завтра, приготовь блокнот.

Кэти гадала, знает ли Том, что его брат устраивает модный показ, и, что куда важнее, знает ли об участии в нем Марселлы. Но был вечер субботы, и лучше пока все оставить, как есть. Ей хватит драм в собственной семье. Зачем участвовать еще и в чужих?

– Мальчик уже дважды за месяц навещал нас, Маура. Должно быть, его сердце меняется, – сказал Джей Ти за воскресным ланчем.

– Я предложила ему пообедать с нами сегодня, но ему нужно было куда-то пойти. – Маура пока не была побеждена.

– Он устраивает модный показ, Маура. Ему надо обедать с людьми, которые ему помогают.

– Они не должны работать в священный день отдохновения, – возразила она.

– Вряд ли это можно назвать работой, это скорее разговоры, я бы так сказал.

– Да что ты можешь знать, Джей Ти, о модных показах, и будут ли они разговаривать или работать? – возразила Маура.

– Действительно... Но разве у меня самого не достойная жизнь, и отличная жена, и чудесный дом, и хороший бизнес, и великолепный

воскресный обед на столе? Разве это не лучше всего того, что есть у Джо?

Он был вознагражден. Маура вернулась в кухню и отрезала ему дополнительный ломоть сильно пережаренной говядины, несколько часов простоявшей в духовке. Она постепенно меняла отношение к сыну, так сильно ранившему ее за те годы, когда он игнорировал свою семью и оставил свою веру.

– Нет, милая, я не могу пойти.

– Хорошо.

– Нет, Кэти, не надо вот так...

– Нил... я сказала «хорошо». Наверное, я разочарована тем, что тебя там не будет, и я думала, что мы могли бы потом пойти в кино... Но если у тебя слишком много дел, я понимаю...

Она позвонила Джеральдине, чтобы сообщить, что на одного человека будет меньше, но номер был занят. Какого черта! Она скажет ей, когда туда придет.

Но когда она добралась до апартаментов Джеральдины, стол был накрыт всего на четверых.

– Так Джо не придет? – спросила Кэти, кладя рулет на одну из тарелок Джеральдины.

– Нет, он едет. Так что нас будет четверо.

– Да, конечно... – Кэти не поняла.

– Ты, я, Шона и Джо. – Джеральдина вышла из кухни, сосчитала тарелки и казалась удивленной тем, что Кэти могла предположить что-то другое.

– Так Нил тебе позвонил? – спросила Кэти.

– Нил? Нет, а зачем?

– Сказать, что не сможет прийти. Ему очень жаль...

– А я и не ждала его, – ответила Джеральдина.

– Ну, тогда все в порядке. Я ошиблась, наверное...

– Конечно, он был приглашен, но он ведь никогда не появляется, так? – сказала Джеральдина, возвращаясь в кухню.

– Ох, он появляется, Джеральдина. Вчера он был изумителен с близнецами, ты бы просто восхитилась! Он вцепился во все, как

собака в кость, ничто не могло его отпугнуть! Он так со всем разобрался!

– Да, и если мне вдруг понадобится адвокат по какому-нибудь поводу, он будет первым в моем списке, не сомневайся.

– Но это не юридический случай, это семья.

– Его семья, Кэти. Для всего остального он слишком занят.

Позвонили в домофон, явилась Шона, а через несколько минут и Джо. Они сидели и строили планы. Кэти усилием воли вернулась к разговору. Почему она не заставила Нила прийти сегодня? Он бы пошел, если бы она сказала, что нуждается в нем. Кэти гадала, не начинается ли у нее грипп. Уже несколько дней она постоянно ощущала усталость и слезливость. Внезапно ей пришла ужасная мысль. Не может ли случиться нечто дикое, не беременна ли она? Она схватила свой электронный дневник, проверила, когда у нее в последний раз были месячные. Три дня задержки. Но такое часто случается, решительно сказала себе Кэти и заставила себя слушать, как можно разрекламировать модный показ. Когда все это закончится, они смогут помочь ей организовать свадьбу ее сестры. А об остальном она подумает после. Никаких проблем.

Ханна стояла у входной двери «Дубков» и с раздражением наблюдала за тем, как Джок Митчелл укладывает в багажник машины клюшки для гольфа.

– Я не знала, что ты собирался играть и в воскресенье тоже, – пожаловалась она.

– Но ты же ничего не задумала? – спросил он.

Джок был компанейским человеком; ему бы не понравилось думать, что в «Дубки» явятся гости и не застанут его дома.

– Нет, но... – Ханна прикусила губу.

– Тогда все в порядке. Увидимся позже.

– И когда это будет?

– Хотелось бы мне знать, – неопределенно ответил Джок.

– Но еда, Джок? Ты вернешься к ланчу?

– Боже, нет! Это же соревнование. К вечеру, пожалуй. Пока, дорогая.

И он уехал.

Ханна вернулась в дом. Она могла взять воскресные газеты и посидеть в саду, почитать. Но в последнее время ее не слишком радовали ухоженные лужайки «Дубков». Ей ненавистно было признаваться в этом себе, но она была очень одинока. Что случилось с этим домом? Раньше Лиззи полировала и чистила здесь все, и Нил слонялся туда-сюда со своими друзьями, и Аманда приводила домой девочек из школы, и коллеги и друзья Джок заглядывали, чтобы выпить. Если она приглашала гостей на обед, Джок не удибал в клуб. Но он не сидел дома, если там была только Ханна. Возможно, ей следует попросить Кэти приготовить что-нибудь такое, что лежало бы наготове в морозилке. Да, она сделает это завтра. Ханна подумала о Кеннете, брате Джок, и о его неуравновешенной жене. Ханна была рада, что держалась в стороне от всех их запутанных дел. Это могло кончиться тем, что на нее свалились бы те дети. Она оглядела большой пустой сад.

– Нил? Это Саймон. А можем мы получать немного своих денег... ну... карманных или что-то вроде этого?

– Разве вы не получаете каждую неделю?

– Да, но это всего один фунт, нам не хватает.

– Не хватает на что, Саймон?

– Мы хотели купить подарок для Матти и его жены Лиззи, поблагодарить их, когда будем уезжать.

– О, им это совершенно не нужно! – заверил детей Нил.

– Не в этом дело, это нам хочется подарить им что-нибудь. Они были так добры к нам и купили Грохота, а он стоит кучу денег, всего, что Матти выиграл как-то за неделю.

– Да, я знаю, но они ведь понимают, что у вас денег нет...

– Но у нас куда больше денег, чем у них! Разве у нас нет огромного дома, Нил? И деньги в банке, и все такое. А дом на Сент-Ярлат-Кресент такой маленький.

– Саймон, вы же не собираетесь купить им новый дом? – засмеялся Нил.

– Нет, они свой дом любят. Мы хотели купить Матти хорошую авторучку для работы в букмекерской конторе, она стоит около двух фунтов, и еще хотели купить жене Матти теплые легинсы.

– Легинсы?

– У нее коленки болят, и она думает, это из-за холода и сырости. И если у нее будут красные шерстяные легинсы, ей будет тепло и колени болеть не будут. – (Нил нервно сглотнул и промолчал.) – А легинсы стоят четыре фунта, и еще мы хотели купить подарок для Кэти тоже. Она ужасно много возит нас туда-сюда. Мод говорит, ей нужен лак для волос, это вроде клея, который держит вместе волосы. Там разные цены. Нам бы хотелось что-то среднее, около двух фунтов.

– Значит, в целом вам нужно около восьми фунтов, верно? – спросил Нил.

– Да, примерно... – В голосе Саймона прозвучало сомнение.

– Ты говоришь так, словно есть еще что-то. Выкладывай!

– Нам бы хотелось оставить банки собачьей еды для Грохота, и тебе тоже что-нибудь подарить... Я знаю, ты не слишком большое отношение к *этому* имеешь, но мы подумали, что нужно и тебе подарить что-нибудь маленькое.

– Что ж, это весьма неплохо, – сказал Нил, стараясь сдержать раздражение.

– Ты и правда так думаешь? – Саймон не собирался отступить от главной темы.

– Я думаю, двенадцати фунтов вам вполне хватит, может, еще и останется что-то, – твердо заявил Нил.

– Точно так, спасибо, Нил! – Саймон, рассчитывавший в лучшем случае на десятку, был в восторге.

– Значит, вопрос в том, чтобы перевести деньги фонда. – Нил отнесся к делу очень серьезно.

– А что это значит?

– Ну, у вас же нет банковского счета, так что я не могу дать вам чек. Это должен быть перевод наличных, я бы так сказал.

– Нил, ты хочешь сказать, конверт с деньгами? Это было бы здорово!

– Нет проблем, это же ваши деньги. Я сделаю все сегодня.

– А их Кэти привезет? Понимаешь, мы не хотим, чтобы она знала...

– Ее сейчас нет. Я ничего не скажу ей и привезу сам, – пообещал Нил.

Он повесил трубку и какое-то время думал о детях. Они были безусловно забавными маленькими существами, и Кэти сотворила с

ними чудеса. Но они с Кэти были слишком заняты работой. И это заставило их осознать, что они приняли мудрое решение относительно своего будущего. Восхищайся чужими детьми, но не заводи собственных.

Джо Фезер за ланчем был чрезвычайно сосредоточен. Он не упускал из виду то, что они пытались сделать, ни на одно мгновение. У него был очень быстрый ум, что приносило пользу бизнесу, но он знал, что ему не хватает воображения и что он совершенно незнаком с рынком одежды в Дублине. Прежде всего, ему нужно определить конкурентов в этой сфере, потом узнать, в чем они преуспевали, а где терпели неудачу. Ему необходимо было ознакомиться с трендами массового рынка, который мог в провинциальных городах отличаться от дублинского. Он хотел точно знать, почему «Хейвордс» решил, что выйти на массовый недорогой рынок – хорошая идея; у них ведь были дизайнеры одежды и очень богатые клиенты. Джо внимательно слушал, как Шона объясняла, что «Хейвордс» заинтересовался более молодыми покупателями, слегка за двадцать, которые покупали бы два-три наряда на лето или целый гардероб для отпуска, вместо тех, кто платил целое состояние за два предмета одежды. Джеральдина предложила разные варианты рекламы, один по-настоящему дорогой, в него включались ланчи с журналистами из мира моды и покупателями, а также интервью с представителями финансовой прессы насчет технических деталей доставки одежды в Ирландию.

– Слишком дорого и слишком много неловких вопросов возникнет, – усмехнулся Джо.

– Ты прав, – согласилась Джеральдина. – Но я должна была показать тебе, что можно сделать. Хорошо. Тогда я предлагаю вот что.

И она развернула перед ним другие планы: устроить вечеринку для прессы перед модным показом, предоставить Рики отобрать фотографии для газет и журналов, чтобы послать всем разные снимки одежды, манекенщиц, причесок. Джо Фезер быстро делал записи в блокноте, с одним соглашаясь, против другого возражая. Им понадобилось полчаса и по бокалу вина на каждого.

– Сейчас я за всем присматриваю, но я всего лишь третье лицо в компании. Ты сможешь выдержать разговор с двумя моими старшими партнерами, если они тебе позвонят? – спросил Джо.

– Конечно, я с ними поговорю, – ответила Джеральдина. – Но позволь мне сформулировать наши предложения и отправить им электронной почтой, чтобы мы все знали, о чем говорим. Это всем сэкономит время. Они всё получат завтра до одиннадцати утра. Так подходит, Джо?

– Суперрационально! – Он поднял бокал.

– Ох, и еще, Джо, ты должен взять на себя переговоры с прессой. Некоторые журналистки строят из себя примадонн. Представительный мужчина вроде тебя, да еще с ирландским акцентом и умеющий говорить, может с ними справиться.

– Я? – Джо был искренне удивлен.

Кэти улыбнулась. Братья Фезер понятия не имели, насколько они хороши, и это лишь добавляло им очарования.

– Она права, Джо. Я не стану говорить о твоей внешней привлекательности, но у тебя есть то особое обаяние, которое заставит их вернуться на землю и кружить возле тебя, – со смехом сказала она.

– Ох, Кэти, ты меня обижаешь... Я вполне тривиален... Ты не делаешь комплиментов моей внешности, так чем тогда ты хочешь меня достать? – Он принял оскорбленный вид.

Они оказались неожиданно полезными в деле чикагской свадьбы. Кэти хотелось, чтобы Том был здесь, делился идеями в разговоре, который шел то в одну сторону, то в другую. Ее авторучка летала по блокноту, записывая все, как делал Джо при обсуждении модного шоу. Джо захотел узнать все о помещении, которое они арендовали. Это был старый приходский зал при церкви, и Джеймс Бирн знал тамошнего священника. Священника весьма обрадовала мысль получить хоть какие-то деньги для прихода, так что цена оказалась разумной. Кэти и Том уже осмотрели все и сочли, что место отличное. Его можно было разделить на две зоны: в первой организовать прием гостей и выпивку, а во второй поставить столы для банкета, а потом первую зону можно было освободить для танцев. Они могли украсить все, как им вздумается. Мэриан сказала, что ей понравилась бы смесь ирландской и американской тем и, возможно, флаги. Джо предложил весь холл задрапировать американскими и ирландскими флагами. Шона решила, что это не будет выглядеть излишеством, это как раз то, что должно им понравиться. Американцам придется проехать тысячи миль ради этой церемонии; такое следовало отметить. Джеральдина

спросила, каков бюджет, и Кэти ответила, что деньги есть, но, конечно, они могут ради Мэриан слегка выйти за рамки. Джо заговорил о шведском столе, так как полагал, что это куда лучше, чем сидеть на одном месте. Джеральдина возразила, что тут главное в том, что люди будут знакомиться друг с другом, и, пожалуй, нужно как следует продумать план рассадки гостей. А Шона добавила, что, учитывая нынешний образ мыслей, не следует смешивать семьи, надо позволить им устроиться каждой самой по себе. Джеральдина недавно побывала на роскошной свадьбе, где все менялись местами после каждого блюда – мужчины пересаживались за следующий стол, – и таким образом каждый мог познакомиться со множеством гостей. Джо бывал на свадьбе, где гостей встречали на небольшом возвышении, окруженном цветами. Кэти подумала, что Мэриан скорее предпочла бы свадьбу в традиционном ирландском стиле, насколько это возможно; люди часто так думают, когда покидают дом. Конечно, все зависит от того, что вы подразумеваете под традиционным.

– Кэти, ты единственная замужняя особа за этим столом, – сказал Джо. – Чего бы тебе самой хотелось? Какой была твоя собственная свадьба?..

– Ох, поверь, тебе лучше не знать о моей свадьбе, – грустно ответила Кэти.

– Не так уж все было плохо, – возразила Джеральдина.

– Ну да, только благодаря тебе, – отозвалась Кэти, навсегда благодарная своей тете за то, что она спасла тот день. – Мы устроили прием в отеле Питера Мёрфи. Помню, был чудесный лосось, моей маме пришлось дать успокоительное, отца пришлось подкупить, чтобы он пришел, родители Нила опоздали всего на тридцать пять минут... Кстати, священник был весьма достойным. Он всем говорил правильные вещи, вот только никто не слушал. Ханна задирала нос, а моя мама смотрела в пол... – Все засмеялись, представив эту картину, но Кэти была серьезна. – Нет, если бы вы только знали... все было именно так. Мы хотели пожениться тихо, возможно, в Лондоне, и вернуться в Грецию, но подумали, что должны устроить это ради них... Нил был единственным сыном семьи Митчелл, а я – единственная Скарлет, оставшаяся дома. Мы не хотели их обманывать. Черт, как мы ошибались! – Лицо Кэти стало злым.

Джеральдина разрядила обстановку:

– Ну, насколько мы сейчас знаем, Мэриан делает то, чего сама хочет, а не то, что может, по ее представлениям, понравиться старшему поколению.

– Но знает ли она сама, чего хочет? Она, похоже, думает, что Ирландия идет ко дну, что ирландские танцоры подпрыгивают в воздух и что двоих из них зовут Саймон и Мод... Она, наверное, говорит всем американцам, что это место похоже на то, что в фильме «Тихий человек» с Морин О’Хара.

– Мы это ей и дадим, – заявил Джо как нечто очевидное.

– Заказчик всегда прав, – кивнула Шона.

– Атмосфера куда важнее еды, я всегда это говорила, – подтвердила Джеральдина.

– Что ж, спасибо за вотум доверия кейтерингу, – засмеялась Кэти.

– Нет, глупая, ты знаешь, что я имела в виду, – отрывисто произнесла Джеральдина.

Она суммировала все аргументы за и против каждого предложения. Нечего было и удивляться тому, что она была так хороша в своем бизнесе, у нее был четкий ум. Кэти наконец увидела перед собой правильный план.

Они быстро все вчетвером убрали со стола, и вскоре Шона и Джо вернулись к своим делам. Кэти проводила их взглядом в окно. Джеральдина сидела на одном из диванов, когда Кэти обернулась. Она уже налила два бокала вина.

– Я не уверена... – начала было Кэти.

– Сядь, пожалуйста, Кэти. – Голос прозвучал твердо; это было не приглашение, а скорее приказ.

– Конечно.

– В чем дело, Кэти? Объясни!

– О чем ты? – рассердилась Кэти.

– Не оскорбляй меня. Я тебя знаю с того дня, как ты появилась на свет. Я тогда прогуляла школу и пошла навестить Лиззи в больнице. Ты уже пугала ее, орала и завывала... Так что не притворяйся, будто все в порядке. Мы слишком многое прошли вместе, чтобы лгать друг другу теперь. Тут одно из двух: или я тебя чем-то обидела, или разозлила тем, что сказала или сделала, или это вообще не имеет отношения ко мне, у тебя просто какие-то серьезные неприятности.

Джеральдина сидела на диване, подобрав под себя ноги, и выглядела на десять лет моложе. Всегда идеально причесанная, одетая сегодня в темно-синее с кремовым, словно собиралась пойти в «Квентин», а не устроить рабочий ланч.

– А ты что предпочла бы, Джеральдина? – наконец спросила Кэти.

– Ну, очевидно, я бы предпочла, чтобы это относилось ко мне. Я тогда бы все объяснила и извинилась при необходимости. Естественно, мне хочется этого, а не думать, что ты заболела или у тебя проблемы дома. – (Кэти молчала.) – Значит, позволь спросить еще раз: в чем дело?

– Ни в том, ни в другом. – (Джеральдина ждала.) – Ладно, – сдалась Кэти. – Ты подумашь, что это глупо, но я расстроилась, когда ты сказала, что принимаешь подарки от мужчин.

Джеральдина уставилась на нее:

– Ты же это не всерьез?

– Всерьез. От этого всего шаг до того, чтобы принимать чеки... Это так пошло, Джеральдина! Тебе это не нужно. Ты ведь икона для всех нас, ты образец для подражания, видит бог...

– И ты изменила мнение обо мне с тех пор, как я тебе сказала, что Фредди подарил мне эти часы...

– Ну... да, и что Питер подарил тебе квартиру, а кто-то еще – музыкальный центр, и ковер, и всякое еще...

Лицо Джеральдины стало ледяным.

– Ты действительно хуже думаешь обо мне. Обо мне, твоей подруге, из-за того, что я принимаю подарки.

– Да, так. Это слишком вульгарно, и в том нет необходимости. Ты ведь не любишь этих мужчин, которые тебя обожают. Джеральдина, ты никого из них не любила, они просто... просто... ну... я бы сказала, вроде талона на обед, но ты ведь не нуждаешься в талонах на обед, у тебя собственный бизнес.

– Продолжай.

– Мне не следовало об этом заговаривать. Я чувствую себя дешевкой, обвиняя тебя, хотя сижу здесь благодаря твоей щедрости ко мне и моей семье... – (Джеральдина сидела все так же спокойно, неподвижно.) – Ты вынудила меня сказать это. Теперь я понимаю, почему ты не расстроилась, очутившись в доме Питера Мёрфи... Тебе никогда не было до них дела, никакого, все это просто... – Кэти

взмахнула рукой, как бы обрисовывая комнату; она покраснела и была расстроена, а Джеральдина казалась равнодушной. – Ладно, а что ты хотела сказать мне? Ты вроде хотела поговорить. Или так и будешь молчать?

– Нет, Кэти, но не жди слов извинения.

– Ты гордишься всем этим?

– Я не горжусь, но и не стыжусь. Это просто образ жизни.

– Но ты никого из них не любила, да?

– Я любила Тедди, – ответила Джеральдина.

– Тедди?

– Ох, я любила Тедди, и он меня любил, но не настолько, чтобы ради меня уйти от жены.

– Но это было давно. Тогда не разводились.

– Это было двадцать два года назад, не в Темные века, и люди покидали дома и начинали все сначала, и Тедди говорил, что он так и поступит, а я верила ему, в особенности когда забеременела. – (Кэти вытаращила глаза.) – Но все обернулось по-другому. – Джеральдина говорила ровным голосом, и Кэти боялась пошевелиться. – И я согласилась с тем, что время слишком неподходящее, я забыла уже почему... вроде как один из его детей то ли вот-вот пойдет в школу, то ли закончит школу, то ли ненавидит школу, то ли любит ее... Какая-то чушь! Да разве это важно? – (Кэти судорожно вздохнула; все было так ужасно...) – Но это означало, что ребенка быть не должно. – Джеральдина надолго замолчала. – Я могла сохранить дитя, но тогда потеряла бы Тедди. Я это знала, а потому вместо него потеряла ребенка. Один из его друзей был врачом, не слишком хорошим, как оказалось. Для меня все было ужасно тяжело... Я даже не думаю, что этот доктор в тот момент был достаточно трезв. В общем, после того – никаких детей, никогда.

– Джеральдина... – Кэти была потрясена.

– Ну... после этого, как ты можешь понять, я была в жутком состоянии, но я думала, что у меня есть Тедди и он меня утешит, однако этого не произошло. Он нервничал. Я стала непредсказуемой, тогда он забрал семью и уехал за границу. Так что, Кэти, пусть это звучит слишком драматично, но больше я не позволяла себе роскошь любви. Мужчины, которых я с тех пор знала, были моими друзьями и компанией для разговоров, а заодно и для постели. Я не зависела ни от

одного из них ни в чем. Они не могли предложить мне каких-либо обязательств или дома, поэтому дарили часы и тот шелковый ковер, что у тебя под ногами. Но мне жаль, если мои слова расстроили тебя, и ты стала хуже думать обо мне, и считаешь подобное, как ты сказала, пошлым, – с нажимом повторила она обвинение Кэти. – Это все, что я могу сказать. Прости, если тебя это оскорбляет, но меня это не оскорбляет, это моя жизнь.

– Мне так стыдно, что я умереть готова, – пробормотала Кэти.

Джеральдина вздохнула:

– Забудь, Кэти! У тебя хватило храбрости высказаться, я это ценю. Но тебя тревожит еще что-то, не имеющее отношение ко мне.

Кэти медленно начала:

– Вряд ли можно сказать что-то более неуместное, но мне кажется, я... возможно... беременна, а это последнее, что мне сейчас нужно.

Глава 6. Июнь

– Когда она придет? – спросил Том.

– Кто?

– Уж ты меня извини, но я думал, что все это наведение блеска и выбор лучших скатертей для того, чтобы произвести впечатление на твою свекровь, – ответил Том.

– Ох, извини, Том, я была где-то далеко... Ханна придет примерно в половине первого.

– Тогда давай поспешим и приготовим суп, – предложил Том.

Кэти виновато вскочила. Том был здесь с пяти утра, а она едва смогла прийти вовремя. Хлеб уже был доставлен в «Хейвордс», на обратном пути Том заехал в рыбную лавку, потом купил все овощи и огромную баранью кость для большого заказа на суп, он уже приготовил ей две чашки кофе, а она не сделала ничего. Конечно, она ничего не сказала Нилу накануне вечером. Время еще не пришло. После того как она несколько часов проплакала в квартире Джеральдины, Кэти чувствовала себя изможденной. Нил был рассеян, зарылся в свои книги. Тем более, как твердила ей Джеральдина, успокаивая, тревога могла оказаться ложной. Сначала нужно пойти в аптеку и купить тест на беременность, потом сходить к врачу. И уж потом, и только потом она должна сказать все Нилу.

– Том, прости меня, пожалуйста. Передай мне нож, я нарежу базилик и помидоры.

– Она подумает, они консервированные, – возразил Том.

– Нет, не подумает, да и какая разница?

– Ты вдруг стала очень храброй, – заметил Том.

– Нет, я все так же ее боюсь, но теперь я, по крайней мере, знаю, что именно ей не нравится, это немножко помогает. – Глаза Кэти слишком ярко сверкали.

– Не думаю, что тебе сегодня утром следует браться за нож, – сказал Том. – Ты себя порежешь на ленты к тому времени, когда она придет. Отдай эту опасную вещь мне.

– Отлично. А мне тогда что делать?

– Накрой стол, принеси цветы.

У них во дворе был теперь огромный запас цветов в горшках, стоявших в тачках. И когда им нужно было украсить стол, они просто брали горшок с примулами, анютиными глазками или бегониями, обтирали его и ставили в медный контейнер. Когда мероприятие или необходимость произвести впечатление заканчивались, растение снова выносили наружу.

– Звучит не слишком, – сказала Кэти.

– И начни тренировать улыбку. Помнишь, когда Ханна Митчелл была здесь в последний раз? Ты кричала на нее, как торговка рыбой, из-за ее пальто, из-за своей матери и разного прочего.

– Ох, мы все с тех пор смягчились, – надменно заявила Кэти.

– Думаю, это то, что надо, – ответил Том, который уже заложил все необходимые для супа ингредиенты в большую кастрюлю и приступил к делу.

– Представь, мы сегодня возвращаемся домой на автобусе, – сказал Саймон сестре.

– Сами, без Матти?

– Он сказал, что, может быть, будет иногда приходить к школе и провожать нас до автобуса, – объяснил Саймон.

– Но он же, наверное, ходит к этому мейкеру... букмекеру, а это ведь ему не по пути, – встревожилась Мод.

– А как еще нам увидеть Грохота?

Они озабоченно переглянулись. Об этом не говорилось вслух, но она понимали, что посещения Сент-Ярлат-Кресент станут очень редкими.

– Ты такая милая девушка, Джеральдина, ты ведь знаешь, – сказал Фредди, когда они пили кофе в ее офисе.

Он пришел, чтобы обсудить презентацию итальянской виллы, которая должна была состояться вскоре. Но они поговорили также и о его собственной вечеринке, для которой племянница Джеральдины и ее партнер должны были поставить угощение.

– Знаю, – ответила Джеральдина. – Я само очарование, но о чем речь в данный момент?

– Ты так же, как и я, тревожишься насчет того, чтобы прием, который устраиваем мы с Полин, был удачен, – с некоторой

задумчивостью сказал он.

– Но почему нет, Фредди? Я не хочу от тебя ничего, кроме того, что имею: твоей компании, твоего интереса, твоей заботы, твоего изумительного секса... Так почему же мне не желать, чтобы все было хорошо?

– Ты изумительна. Я не шучу. – Фредди Флинн прежде никогда не встречал подобных женщин.

– Знаешь, что обычно говорят французы о любовнице? Она должна быть благоразумна и никогда, никогда не делать ничего такого, что может причинить вред семье мужчины, его детям и, конечно, его собственности... – Она обворожительно засмеялась.

– Ты просишь так мало, Джеральдина, – произнес Фредди хриплым голосом.

– Но это неправда, на самом деле я имею очень много. – Она махнула рукой, показывая свой офис, имея в виду бизнес, который принадлежал только ей одной.

На ее руке блеснули часы с драгоценными камнями.

– Значит, Кэти приедет к нам и обговорит все с Полин, да?

– Да, Кэти или Том, они это делают по очереди. Он точно так же хорош, – кивнула Джеральдина.

Она надеялась, что в дом Фредди поедет Том. То, как чувствовала и вела себя в данный момент несчастная Кэти, могло помешать ей сосредоточиться.

– Рада вас видеть, миссис Митчелл! Вы отлично выглядите!

– Спасибо, Шона. – Ханна чуть поправила волосы. – Я только что отлично провела часок в салоне. И так уж вышло, что я иду на ланч с Кэти. Вот и подумала, не купить ли ей маленький подарок. Что вы предложите?

– Ну, вообще-то, если бы речь шла о ком-нибудь другом, я бы предложила маленькую буханку того изумительного хлеба, который печет для нас «Алое перо», но его вы и так получите... Цветы всегда хороши или, может быть, необычное мыло?

– Хлеб пользуется успехом, да?

– Он ни минуты не залеживается на полках или в ресторане. Я говорила Тому, что мы хотим сделать ему предложение, от которого он не сможет отказаться, – перейти к нам на работу на полный день.

– Подумать только! – Ханна была удивлена.

– Ну, не важно, насладитесь ланчем, миссис Митчелл. Множество людей позавидовали бы вам, вы же знаете.

– Да, я начинаю это понимать, – неодобрительным тоном откликнулась Ханна.

Миссис Митчелл все еще трудно было признать, как ей повезло, что ее пригласили на ланч, приготовленный дочерью ее прислуги. Но она не должна так думать, ведь что-нибудь может сорваться с языка совершенно некстати, как это часто бывало, и тут же все выглядят ужасно оскорбленными, Нил вздыхает, и Джок вздыхает, а Кэти просто выходит из себя. Не следует говорить «бедная Лиззи». Да, это просто обычное выражение, но попробуйте объяснить это Кэти Скарлет!

Джеймс Бирн решил в тот вечер приготовить обед. Не то чтобы настоящий, не из тех, что он репетировал, просто хотел проверить, сумеет он или нет. И так уж вышло, что в Дублине как раз оказался Мартин Магуайр. Бирн мог бы проверить все на нем. Он взял подробные инструкции Кэти и Тома – они печатали ему даже советы насчет покупок. Было утро понедельника, Бирну больше нечем было заняться, он мог отправиться на рынок с их списком в руке. Мартин Магуайр будет весьма удивлен, увидев такую изысканную еду. А для Джеймса это станет отличной практикой. Он просто наслаждался теми двумя вечерами с Томом и Кэти и хотел придумать предлог для новых уроков. Но он должен помнить о своем прошлом опыте. Нельзя слишком привязываться к людям, становиться зависимым от них. Такого больше не должно случиться.

– Этот дом уже никогда не станет прежним, – сказал Матти, когда дети отправились в школу. – А те люди не помогут малышам делать домашние задания так, как мы. – Он грустно покачал головой.

– Но они знают больше, чем мы, – возразила Лиззи.

Это всегда ее беспокоило – присматривать за детьми из семьи среднего класса в ее собственном доме, – зато ничуть не беспокоило Матти.

– Это вопрос дисциплины! В нашем доме есть хорошие правила и порядок! – твердо заявил он и, развернув газету, стал изучать спортивные страницы.

Грохот положил ему на колени грустную черную морду, а женщина, которую дети продолжали называть женой Матти, собралась выйти из дома с хорошими правилами и порядком, чтобы навести порядок в чужих квартирах и домах.

Джо Фезер позвонил брату:

– Могу я предложить тебе на ланч хорошую пинту пива и тарелку сосисок?

– Боже, я бы с удовольствием, Джо, но только попозже. Я должен заняться ланчем здесь для свекрови Кэти!

– Это большая компания?

– Нет, только они вдвоем.

– Ну, тебя ждут трудности, ланч на двоих! Могу я внести свой вклад в эту ерунду?

– Нет, дурак, это светский визит.

Они договорились, где встретятся.

– Передай Кэти мою любовь. И поблагодари за вчерашнее. – Джо оборвал связь.

– Эй, ты не говорила, что встречалась вчера с моим братом!

– Том, я вообще ничего не говорила этим утром. Я как зомби. Ну да, я встретила с ним у Джеральдины, и он здорово помог с этой чикагской свадьбой. Вообще-то, даже очень помог, я хотела тебе сказать. Я сделала кучу записей.

– Именно у Джеральдины, вот как?

– Да, но они не думали о том, чтобы извлечь свои вложения или что-то в этом роде, речь шла о том модном показе, который он готовит.

– Знаю. Марселла вроде будет там одной из манекенщиц, разве не здорово?

– Здорово, – согласилась Кэти, гадая, знает ли Том, что его подруге придется в основном демонстрировать дамское белье.

– Прошу, входите, миссис Митчелл. – Улыбка Тома редко была мимо цели.

– О, привет... э-э-э... Том, да?

– Именно так, миссис Митчелл. Вы отлично выглядите, должен заметить!

Она снова слегка пригладила волосы. Так умно регулярно ходить в хороший салон. Кэти просто глупа в этом отношении, как и во многом другом.

– Я не знала, что мы собираемся... я хотела сказать...

– Нет-нет, я только накрою на стол, а потом исчезну.

– Я слышала, вы печете изумительный хлеб для «Хейвордса».

– Большое спасибо, они очень добры в своих оценках. Я вам оставил несколько образцов на пробу и еще пакет, чтобы вы взяли домой.

Постепенно улыбка Тома сработала. Ханна Митчелл улыбнулась в ответ.

– Вы хороший мальчик, – сказала она, как за последние месяцы часто говорили ему многие матроны средних лет из среднего класса.

Кэти стояла, выжидая. Она надела летнее розово-сиреневое платье с рисунком, которое не слишком ее украшало, поскольку лицо у нее было белым как бумага, а волосы она стянула резинкой.

– Добро пожаловать, Ханна, – невыразительно произнесла она.

– Приятно быть здесь, я и не ожидала, что все может выглядеть так мило!

Она огляделась, а Том понадеялся, что Кэти ответит достаточно тепло, иначе все усилия пропали бы напрасно. К его облегчению, Кэти улыбнулась:

– Это наша приемная. Здесь мы усаживаем клиентов и начинаем их убеждать, что они должны устроить куда более пышный прием, чем собирались.

– Очень хорошо обставлена. – Ханна смотрела по сторонам с невольным восхищением. – И цвета хорошо подобраны.

– Моя мать сшила занавески и чехлы, – с гордостью сообщила Кэти.

Ханна недоверчиво посмотрела на нее.

– Ох, Лиззи всегда... умела работать руками, – наконец выдавила она.

Том облегченно вздохнул, налил им обеим хереса и отправился в кухню.

– Том, или съешь этот сэндвич, или выброси, но, бога ради, прекрати его анализировать! – со смехом сказал Джо, наблюдая за тем,

как младший брат рассматривает все ингредиенты.

– Ты посмотри, чего они сюда напихали, Джо, нет, серьезно, посмотри! Вялый помидор, кусок резинового сыра, вялый лист салата, половинку переваренного, обесцвеченного яйца... И чуть-чуть дешевой салатной заправки... И они смеют называть это «Летним сэндвичем с салатом»! Что вообще подумают гости этой страны, скажи, что они подумают?..

– Ох, заткнись и съешь что-нибудь другое, – добродушно откликнулся Джо.

– Вроде кремированных сосисок, которые ешь ты? У этих людей нет стандартов! – Том продолжал злиться.

– Что мне делать с мамой? – спросил Джо.

– А что с ней?

– Ну... я к ним заглядывал... – начал Джо.

– Знаю, Джо, и, если честно, для них это так много значит...

– Но они говорят, что ты заходишь через день...

– Если проезжаю мимо, да. Это нетрудно...

– Да ладно, кто это заезжает в «Фатиму» просто по дороге?

– Я должен это делать, Джо, тут нет ничего особенного.

– Мне жаль, что я бросил все на тебя.

– Ты ведь был в Лондоне, да и в любом случае теперь хоть как-то стараешься. Им от этого легче.

– Ладно-ладно. Так как быть с мамой? Она хочет прийти на модный показ.

– Так пусть приходит, приведи ее, ты ведь можешь?

– Конечно не могу!

– Я за ней присмотрю.

– Нет, не в этом дело, а в одежде. Ма не может такое увидеть.

– Да почему же? Она ведь приходила к нам на прием по случаю начала работы нашей компании. Не думаю, что ей очень уж понравилось, но она была рада там оказаться...

– Но, Том, сами предметы демонстрации...

– А что с ними?

– Это же купальники, белье, полуголые девушки вокруг... Мама просто в обморок упадет.

– Но там не только это будет? – внезапно ощутив пустоту в животе, спросил Том.

– В основном. – Джо заглянул в лицо брата. – Марселла ведь тебе говорила, разве нет?

Нил вошел в ресторан «Квентин» и сразу нашел элегантную Бренду Бреннан.

– У меня обед с настоящим гангстером, Бренда. Он попытается меня напоить. Можешь каждый раз наливать в мой бокал просто тоник вместо водки... ну... чтобы он думал, что я действительно ее пью?

– Но было бы нечестно потом заставить его платить за это, мистер Митчелл.

– Придумай что-нибудь, поставь в счет что-нибудь другое... Ты же все об этом знаешь.

– Да, я достаточно долго в этом бизнесе, верно, так что, возможно, мистер Митчелл, если вы будете смотреть в сторону, я быстренько отведу вас к вашему столику так, чтобы вам не пришлось встречаться с вашим отцом, который вот-вот выйдет из кабинки.

Нил последовал ее инструкциям.

– Вам бы править миром, Бренда! – воскликнул он, краешком глаза заметив, как его отец уходит с блондинкой вдвое моложе его.

– Я и сама частенько так думаю, – вздохнула Бренда Бреннан.

– Все было очень вкусно! Томатный суп такой сладкий, и, боже мой, ваш хлеб!.. Но ты почти ни к чему не притронулась.

– Ханна, я ем все это днем и ночью... Том так гордится, и оливкового хлеба ему уже недостаточно. Вам нужно попробовать еще и с зелеными оливками, и с маслинами... Он такой перфекционист...

– А что теперь?

Неужели было время, когда она страшилась этой женщины? Казалось, это было так давно.

– Теперь рыба, морской ангел, думаю, вам понравится, и оставьте немножко места для десерта...

– Я тебе принесла вот это, – слегка ворчливо сказала Ханна, пододвигая через стол пакет в подарочной упаковке «Хейвордса».

Кэти знала, что должна его открыть, хотя это было и не ко времени; рыба под шафранным соусом, зеленая фасоль с крошечными кубиками бекона, жареным миндалем, картофелем и имбирь испускали ароматы, доносившиеся до них. Пора было смаковать еду, а не

открывать подарки. Но она сорвала элегантную обертку и открыла подарок. Из-под бумаги разлетелся мощный и пряный запах благовоний. У Кэти слегка закружилась голова.

– Как прекрасно, Ханна, но для чего...

– Это одно из новых, очень крепких ароматических масел для душа. Похоже, молодым людям оно нравится... – начала Ханна.

Это было уже слишком, тяжелый запах смешался с запахом еды... Кэти схватилась за живот, выскочила из-за стола и упала на колени перед унитазом в туалете. Она слышала голос свекрови из-за двери:

– Кэти! Кэти,пусти меня! Что с тобой?

Марселла подняла голову от ряда флакончиков с лаком для ногтей и увидела в салоне Джо Фезера.

– Ты очень, очень красивая, – произнес он странным голосом.

– Джо? – всполошилась Марселла.

– Извини, я просто констатировал факт... это *факт*... но я вроде как проболтался Тому, что ты будешь демонстрировать довольно сексуальные вещи... И если честно, мне кажется, он этого не знал. – Марселла удивленно посмотрела на него, и Джо захотелось взять свои слова обратно. – Я подумал, Марселла, что ты можешь отказаться... да?

– Конечно. – Она была чрезвычайно спокойна.

– Это просто потому, что он тебя обожает... ты понимаешь.

– Конечно.

Джо пожал плечами:

– Просто я действительно не думаю, что Том знал.

– Спасибо, Джо, – ответила Марселла таким тоном, что Джо почувствовал себя очень маленьким.

– Извини, Ханна, ты должна меня простить, я потому и не ела много хлеба... Понимаешь, у меня расстройство желудка.

– Но ты должна была сказать, отменить ланч...

– Нет, пожалуйста, Ханна, все уже в порядке.

Кэти подцепила вилкой кусок рыбы, показавшейся ей на вкус чем-то вроде мыла, и заставила себя проглотить. Она отнесла сильно пахнущее масло для душа в другой конец кухни. И конце концов почувствовала, что ее желудок пришел в норму. Разговор был

непростым. Каждая тема имела подтекст, как и каждое случайное замечание и каждая история. Они говорили о возвращении близнецов в «Буки» и о том, как по-настоящему добра была к ним Лиззи. «Добра» и «щедр» – вот правильные слова. Ханна заметила, что Кэти все еще не нашла времени пойти в салон в «Хейвордсе», а Кэти, глядя ей в глаза, пообещала, что вскоре туда доберется. Они говорили и о Ниле, о том, как много он работает и как Кэти повезло, что Нил не играет в гольф, как его отец, иначе она превратилась бы в настоящую вдову. И вдруг ни с того ни с сего Ханна упомянула Аманду:

– Кэти, могу я спросить кое-что... Как ты думаешь, у Аманды есть какая-нибудь причина не приезжать домой навестить нас?

Это был момент, когда Кэти могла поступить хорошо или плохо; ей нужно было быть крайне осторожной. Она едва помнила Аманду Митчелл, та была на два года старше Нила, властная, отстраненная. Аманда не пришла на их свадьбу, но прислала действительно очень хороший подарок... прекрасный географический атлас, дорогой радиоприемник, ловивший все частоты, и карточку с пожеланием: «Пусть вы увидите весь мир и полюбите его». Кэти подумала, что это очень мило с ее стороны. Хотя подарок мог оказаться и довольно пророческим, если Нил все еще держал в уме, что они должны уехать и повидать этот самый мир. Кэти не раз спрашивала об Аманде. Но до сих пор ее свекровь уходила от ответа или отделялась неопределенными словами: Аманда слишком занята, слишком преуспела в Канаде, чтобы поддерживать связь с новой родственницей, которую едва знала. Нил тоже ничем не мог ей помочь. Аманда замечательная, сказал он, замечательная сама по себе, но он не собирается ей звонить, им нечего сказать друг другу. Казалось довольно странным не желать поговорить с единственной сестрой о чем-нибудь... Кэти могла в любое время болтать о своих сестрах в Чикаго. А теперь, когда Кэти вполне достоверно узнала, что у Аманды в Торонто однополая связь, что она могла сказать или сделать?

– Возможно, она там кого-нибудь встретила? – предположила Кэти.

– Я так не думаю. Аманда никогда не интересовалась мужчинами, она не приводила в гости парней, когда жила здесь... Мы всегда считали ее деловой женщиной. – Ханна задумалась.

– Но тогда, может быть, она слишком занята карьерой и людьми, с которыми там общается, с другими женщинами в книжных магазинах. Может быть, в этом теперь вся ее жизнь.

Они перешли к другим темам. Вскоре Ханна собралась уходить.

– А вы не хотите еще кофе?

– Нет, все было идеально. Я просто наслаждалась этим ланчем, а ты теперь выглядишь намного лучше, дорогая.

– Да, мне так жаль... И еще раз спасибо за прекрасное масло для душа.

Одно воспоминание о его запахе вызвало у Кэти легкий приступ тошноты, но она справилась. Она смотрела вслед Ханне, когда та шла через их мощеный двор. За все годы постоянных сражений с этой женщиной с маленьким узким лицом Кэти и представить себе не могла подобный день – день, когда она, вполне возможно беременная внуком этой женщины, будет стоять в дверях собственной компании.

Саймон и Мод не могли в это поверить. Перед школой стоял Матти с Грохотом и ждал их, как обычно.

– Я подумал, надо посадить вас в тот автобус, – просто сказал Матти, и дети с восторгом уставились на него. – Ну, в любом случае в первый день, пока вы еще не привыкли, – добавил он, и маленькая компания радостно направилась к остановке автобуса.

Сара сидела в саду и скручивала сигарету, когда приехал Нил. Он подошел и сел рядом на старую деревянную скамью.

– Как оно там внутри? – спросил он, кивая в сторону дома.

– Нормально... пока. Но возникает чувство, что ваш дядя готов в любой момент сбежать. Он явно не уверен в собственных планах.

– Он всегда таким был, – невесело согласился Нил.

– Я буду за ними присматривать, – пообещала Сара. – Если дети живут в большом красивом доме, это еще не означает, что им по-прежнему не нужен тот, кто заботился бы о них.

– Им бы его продать и переехать в дом поменьше и поудобнее, но они и слышать не хотят. Дутые видимость, стиль и величие, и ничего внутри, – сказал Нил.

– Ты его не одобряешь, – заметила Сара.

– Он никогда в жизни ни дня не работал по-настоящему. Мой отец относится к этому довольно легко, но он все-таки должен проводить какое-то время в своем офисе. В любом случае я считаю, что в наши дни это смешно, когда одна семья живет во всех этих комнатах. – Нил оглянулся на дом.

– У вас с Кэти небольшой дом? – спросила Сара.

– Боже, конечно! Маленький, в Уотервью.

– О, я знаю это место, там приятно. Но для большой семьи тесновато, не так, как здесь.

– У нас нет детей, – ответил Нил Митчелл, доставая из портфеля бумаги и объясняя социальной работнице Саре, когда именно им понадобится ее помощь для доклада о бездомных, который следовало предоставить зонтичной организации.

Они пододвинули к себе старый садовый стол и с удовольствием работали вместе. Кеннет Митчелл рассеянно наблюдал за ними из окна дома, почти не заинтересовавшись людьми в собственном саду. Из другого окна за ними наблюдала Кей Митчелл, причем с тревогой. Скоро дети должны вернуться из школы, и она попросила миссис... миссис Барри приготовить для них сэндвичи. Миссис Барри захотела узнать, нужно срезать корку с хлеба или нет. Кей в итоге решила, что нужно приготовить две тарелки, с корочкой и без нее.

– Пожалуйста, Матти, ты тоже садись! – умоляюще произнесла Мод.

– Нет, дети, честно... Мы с Грохотом вернемся на другом автобусе. – Матти был неумолим.

– Но мы хотим показать тебе наш дом!

– В другой раз, сынок, не в первый день.

– И Грохот мог бы побегать в саду, в нашем саду... Пожалуйста, Матти!

Но он был тверд. Это было неразумно, только не в первый день. Там будут люди, которые все отмечают. Матти не хотел, чтобы все выглядело так, словно они с Лиззи навязываются, стремясь получить больше, чем скромное участие в жизни близнецов.

– Ты вроде хочешь сказать, что... ну... что всем хочется, чтобы мы с ними были? – Саймона такая возможность привела в недоумение.

– Конечно, мы этого хотим, но сейчас лучше всего, чтобы ваши мама и папа снова стали о вас заботиться. Они ведь теперь могут это делать. – Матти говорил это с тяжелым сердцем; ничто из того, что он слышал от Кэти, не могло убедить его в том, что эта пара годится для ухода за детьми.

– Но ты ведь потом придешь, да, Матти? – приставал Саймон.

– Конечно приду, сынок, когда вы там уже устроитесь, когда Грохот станет постарше.

– А мы уж точно придем на Сент-Ярлат-Кресент в выходные. Мы договорились с Сарой, – беспокойно напомнила Мод.

– Конечно, дети, и мы с Лиззи уже ждем этого с нетерпением, да.

– Мне хочется... – начала было Мод.

– А пока отправляйся домой, как хорошая девочка, – быстро сказал Матти, прежде чем кто-то успел сказать, чего им хочется.

– Сэндвичи! – с удовольствием воскликнул Саймон.

– Большое спасибо, мама, – сказала Мод.

Они сели за стол, а родители восхищенно наблюдали за ними. Нил и Сара пришли из сада.

– А сколько нам можно съесть? – спросил Саймон.

– Ну, это все для вас, конечно. – Кей Митчелл гордилась тем, что выглядела кормилицей.

– Да, но разве мы не испортим аппетит перед чаем? – спросила Мод. – Жена Матти Лиззи всегда говорит, что, когда мы приходим из школы, можно съесть только одно печенье, иначе мы не станем есть за чаем.

– Но это и есть чай, – пробормотала бедная Кей.

– Нет, я имею в виду *настоящий* чай, ну, знаешь, с беконом и яйцами, – пояснил Саймон.

– Или с консервированными бобами, или еще с чем-нибудь, – тоненьким голоском произнесла Мод, словно начиная осознавать, что дела не слишком хороши.

Кей перевела отчаянный взгляд с мужа на Сару:

– Никто ничего не говорил о беконе и яйцах, только что должен быть готов чай, и он готов... – Она, похоже, готова была заплакать.

– Ничего, мама, нормально, мы просто съедим все это сейчас, – сказал Саймон.

– Для меня вполне достаточно, правда, – заверила ее Мод.

Сара и Нил переглянулись. Кеннет Митчелл смотрел в окно, как будто вдохновение и решение могли прийти из тех зарослей, что представляли его взгляду.

– Ко мне на ланч приходила Ханна, – сообщила Кэти Нилу тем вечером, когда они оба вернулись в Уотервью.

– Неплохо! – Он подошел к холодильнику, чтобы налить два бокала шардоне.

– Она была в порядке. Много говорила об Аманде.

– Ну да, она может постоянно жужжать о ней. Эй, ты что, решила стать трезвенницей? Это уже второй бокал, от которого ты отказываешься. Похоже, ты заболела или еще что-то.

– Я просто не хочу сейчас. Нил, а ты знал друга Аманды?

– Нет, не знал. Что, это мать тебе говорила? Поверить не могу. – Он даже рот открыл от такой мысли.

– Конечно не говорила.

– И что тогда?

– Не знаю, но те женщины, которым я устраивала встречу одноклассниц, упоминали об этом, и я еще расспросила другую женщину, которая знала Аманду в Дублине, когда она работала в агентстве путешествий, и та женщина сама лесбиянка, и она сказала, да, все верно, у Аманды прекрасная подруга, они вместе работают в книжном магазине...

– Надо же, даже представить трудно! Аманда, кто бы мог подумать? Удачи ей, я бы так сказал.

– Я тоже, Нил, желаю ей удачи, и все наши друзья тоже... Вот только ее мать и отец могут не так уж этому обрадоваться.

– Да... согласен, – невесело усмехнулся Нил.

– В общем, я подумала, что тебе лучше знать, – сказала Кэти.

– Кэти, а как ты попыталась сообщить такую новость моей матери? Мне приходилось выступать на защите при самых невероятных случаях, но это...

Кэти засмеялась:

– Я даже и намекнуть не решилась. Послушай, ты собираешься посидеть немного здесь за вином или возьмешь его с собой в кабинет?

– Возьму с собой, то есть за соседнюю дверь. У меня чертовски много незаконченной работы... Кстати, я сегодня вместе с Сарой встречался с близнецами, и она очень помогла...

– Как там все прошло? Говори скорее! Сядь на минутку, расскажи!

– Это было изумительно! – сообщил он и сел. – Она объяснила, что финансирование есть, но никто не может на самом деле до него добраться. Нужно задать правильные вопросы в нужный момент... Дала мне множество записей.

– Финансирование? – Кэти была сбита с толку.

Нил подробно объяснил ей условия гранта Европейского союза, который можно получить для бездомных, и что специально созданный комитет не должен допускать утечки информации, они держат эту карту в рукаве, чтобы выложить позже, когда наберутся сил. Наконец, после множества подробностей стратегии, настал момент, когда Кэти смогла вставить словечко насчет Мод и Саймона.

– С ними все в порядке, – ответил Нил, поднимаясь, чтобы уйти.

– Нет, сядь и расскажи, Нил, тепло ли их встретили, что для них приготовили, какую еду?

– А-а-а... Им дали сэндвичи.

– И все?

– Они такие смешные, эти близнецы! Они стали спрашивать о настоящем чае... Сара взяла инициативу в свои руки, все под контролем.

Только это и услышала Кэти. Похоже, сегодня не время сообщать Нилу о чем-то еще.

Том искал нужные слова для разговора с Марселлой о модном показе. Такие, чтобы не открыть перед ней то тошнотворное чувство в глубине живота при мысли, что она будет расхаживать полуголой перед чужими людьми. Он понимал: это ревность, которая уже чуть не погубила все прежде. Он должен держать ее в узде. Марселла любила только его, он это знал, видит бог. Так почему бы ей не остаться одетой и не присоединиться к его бизнесу? Но он слишком хорошо понимал, что подобная мысль губительна. И все же невозможно было представить, почему человек, такой любящий и счастливый во взаимоотношениях, как то утверждала Марселла, по-прежнему хочет красоваться в купальниках и белье. Но он должен быть осторожным.

Такие подозрения и чувство собственности уже заставили ее однажды уйти. Том ступал по тонкому льду. Но, к его удивлению, Марселла сама заговорила об этом:

– Ты не поверишь, какие цвета они выбрали для показа Фезера: желто-зеленый и сиреневый... Никто не захочет носить такое белье!

Том медленно выдохнул. По крайней мере, она сообщает ему, что речь о белье.

– Да, можешь в любое время продемонстрировать мне черное кружево. – Он улыбнулся.

– Но ты же понимаешь, что это немножко смешно?

– Конечно. – На сердце у Тома было тяжело, Марселла готовила его. – А купальник какого цвета?

Похоже, Марселла испытала облегчение оттого, что ему уже много известно.

– То же самое безумие, дикие краски, почти люминесцентные! Джо или совершенно не понимает, что делает, или считает это правильным... Трудно понять, где пролегает граница.

Том уставился на нее. Она действительно была просто одержима всем этим миром моды. И это не имело вообще никакого отношения к тому, чтобы публично раздеваться. Том сошел бы с ума, если бы позволил этой мысли укрепиться в его уме.

– Милая, ты просто не поверишь, кто только что звонил! – вернувшись от телефона в холле, сообщил Кеннет Митчелл своей жене.

– И кто же, милый?

– Старина Барти порезался из ниоткуда.

– Барти... наш шафер! – радостно воскликнула она.

– Да, я сказал ему, что он может приехать к нам. Он раздобыл какой-то винтажный автомобиль или просто очень старый, что-то такое... И хочет показать его на каком-то шоу.

– А что он порезал? – спросил Саймон.

– Не понял? – Отец рассеянно посмотрел на него.

– А кровь была? – со страхом спросила Мод.

– Или швы? Матти один раз так порезался, его жена Лиззи очень рассердилась.

Родители растерянно смотрели на них.

– Ну, как бы то ни было, старина Барти сказал, что прокатит нас в этой машине в субботу. И вас тоже. – Кеннет посмотрел на детей, довольный собой.

– Но в субботу мы поедem на Сент-Ярлат-Кресент, – возразила Мод.

– Повидать Грохота, и Матти, и жену Матти Лиззи, – добавил Саймон.

– Нет, милые, вы можете пойти туда в другой день. Они не будут против, – заявила их мать.

– Нет, мы не можем пойти в другой день, они же будут нас ждать. Они приготовят настоящий чай и всякое такое, мы еще просили сосиски. – Мод была уже на грани слез.

– Так позвони им и отмени встречу, будь хорошей девочкой. – Отец был краток.

– Зачем бы мне это делать? – Теперь Мод взбунтовалась.

– Потому что я их не знаю, милое дитя, а ты знаешь.

– А почему Саймон не может позвонить? – возразила Мод.

– Девочки лучше в таких делах, милая, – пояснил ее отец.

– Они расстроятся, – сказала Мод Саймону.

– И я тоже расстроился, – ответил Саймон. – Я хотел поиграть с Грохотом. Я хочу научить его новому фокусу.

– Это нечестно! – заявила Мод.

– Точно, – согласился Саймон.

Они переглянулись.

– Давай позвоним Кэти, – сказали оба одновременно.

Кэти сказала, чтобы они предоставили все ей. Они нашли Кэти у ее родителей и разговаривали по мобильному, когда старших не было рядом.

– Но это же не совсем правильно, – сказал Саймон. – Мы тебе звонили в Уотервью.

– Да, но так уж вышло, что я оказалась на Сент-Ярлат-Кресент. Не думаю, чтобы нам стоило слишком беспокоиться из-за этого, а? – Кэти говорила оживленно.

– Белая ложь? – предположил Саймон.

– Вряд ли это вообще ложь, – заверила его Кэти.

– Нил, такого не должно быть! – набросилась она на мужа.
– Эй, спокойнее, спокойнее! Я на твоей стороне. Конечно, такого быть не должно.
– Так кто позвонит твоему дяде и все объяснит, ты или я?
– Я позвоню Саре, – решил Нил. – Это ее работа. Она им объяснит.
– Но сейчас-то она не на работе.
– У меня есть номер ее мобильного, – к удивлению Кэти, ответил Нил.

Так уж вышло, что, когда старина Барти появился, машины у него не было, а потому прогулка не могла состояться.

– Вот и хорошо, дети отправятся к тем людям, – сказал Кеннет Митчелл.

– К каким людям? – спросил Барти, когда они сели за стол и Кей рассеянно засуетилась, принеся им сначала тарелку хлеба, потом блюдце с маслом, потом вернулась за хлебом, чтобы поджарить его...

– Ох, к людям, которые живут в каком-то ужасном месте, но они были очень добры к близнецам...

– Это ваши родственники?

– Нет, то есть да, в своем роде, благодаря браку. Очень все запутанно...

Кеннет прекратил обсуждение, чтобы скрыть тот факт, что он не до конца уверен, почему его сын и дочь на долгие месяцы оказались под присмотром пары с необычными именами: Матти и жена Матти.

– А что случилось с твоей машиной, Барти? – спросила Кей.

– Ну... э-э-э... довольно трудно объяснить... как сказал бы старина Кен, это довольно запутанно, – ответил Барти.

Кей вернулась в кухню, чтобы сообразить, что нужно делать дальше. Барти тихим настойчивым голосом объяснил, что почти потерял машину, играя в карты, и хотел бы знать, не может ли его друг Кен помочь ему отыгаться. Кеннет Митчелл таким же тихим настойчивым голосом сообщил, что сейчас все не так, как было прежде. Нынче все упирается в бюджет, строгий бюджет, которым распоряжается Нил, его племянник с тощим лицом, и все проверяется людьми вроде жены его сына и социального работника. Приходится за все отчитываться. Его доход, маленький, как всегда, поступает от пары

скромных должностей и сдачи внаем кое-какой собственности, но идет прямым в какой-то фонд, а деньги на жизнь выдаются каждый месяц. Унизительно – это меньшее, что можно сказать. Старина Барти не терял надежды. Не могут ли они занять под деньги следующего месяца? Кеннет, как выяснилось, в этих вопросах стал другим человеком...

– Все теперь слишком ненадежно, – сказал он. – Прости, Барти, старина, я не могу этого сделать.

– Вечером придет учитель танцев, – сообщила близнецам Лиззи.

– Ой, хорошо, а мы наденем костюмы? – поинтересовался Саймон.

– Нет, я не хочу, чтобы вы их истрепали. Я же сшила дешевые килты и плащи, чтобы они кружились в воздухе... – Лиззи сияла гордостью. – Учитель говорит, вам нужно еще попрактиковаться. А что, если вы возьмете кассету домой и потренируетесь там в кухне?

– Да... да, наверное, могли бы. – Саймон явно сомневался.

– Или это было бы непросто? – спросил Матти.

Саймон бросил на него благодарный взгляд:

– Видишь ли, это отец... Он не понимает народных танцев, так он говорит, и не понимает, что это будет семейная свадьба... Я говорил ему, что наши кузены приедут из Чикаго, а он и этого тоже не понял.

Саймон выглядел смущенным, но Матти поспешил его успокоить:

– Ох, но парень вроде твоего отца, который много путешествовал и все такое, может и не знать, как все изменилось, что теперь везде танцуют вот так, – бодро произнес он.

– Но это же *семейная* свадьба, ведь так? – Мод всегда хотела выяснить все до конца.

– В своем роде... Но конечно... – начала Лиззи.

Она снова оробела, все еще не желая признавать какое-то родство с великими Митчеллами.

– Конечно, это семейное событие. Разве невеста – не сестра Кэти? А Кэти замужем за Нилом, вашим двоюродным братом. Что может быть ближе? – спросил Матти.

Это полностью удовлетворило близнецов, и они умчались учить Грохота новому трюку, пока не пришел учитель танцев.

Матти и Лиззи переглянулись.

- Нам вообще не следовало брать их к себе, – сказала Лиззи.
- Нам вообще не следовало их отпускать, – возразил Матти.

Нил вошел в кабинет своего отца. Эта юридическая фирма была вполне успешной, созданной давно и ничем не выдающейся. Они не давали много заданий Нилу Митчеллу, энергичному защитнику, но он в том и не нуждался. Работы ему и без того хватало. Нил пришел не по делу. На этот раз вопрос был семейным. Сквозь открытую дверь он увидел Уолтера и задержался на мгновение. Честно говоря, парня следовало бы привлечь к этому, но тогда он скорее стал бы помехой, чем помощью. Уолтер увидел его.

- Нил? – произнес он без особой радости.
- Рад, что дети вернулись домой? – спросил Нил.
- Что? Ну да, это отлично, – неуверенно произнес Уолтер.
- Нет каких-нибудь проблем с твоими родителями или еще чего-нибудь?

– Нет-нет, они, рад сказать, оставили меня в покое... И конечно, я же не всегда там.

– Я имел в виду, между ними и близнецами, – холодно пояснил Нил.

- Понял. Конечно. Нет, я так не думаю. А что, должны быть?

Нил стиснул зубы. Каким же эгоистичным мелким чудовищем стал Уолтер! Он думал только о себе и о своих развлечениях. Нил вдруг вспомнил, что недавно дал парню взаймы свой очень дорогой бинокль для похода на скачки. И уже дважды просил его вернуть.

– Кстати, Уолтер, где тот полевой бинокль, который я тебе дал? Ты говорил, он в офисе.

– Ты проехал столько, чтобы забрать его? – Уолтер презрительно усмехнулся.

- Так он у тебя, Уолтер?

– Ничего с ним не случилось. – Уолтер встал и подошел к письменному столу, попытался открыть ящик, но тот оказался закрытым. – Видишь, я стараюсь...

Он выглядел таким надменным и нераскаивающимся, что Нил почувствовал, как сами собой сжимаются его кулаки.

– Вижу, ты запираешь ящики стола в офисе так же, как свою комнату дома?

– Осторожность не помешает, я бы так сказал, – бодро ответил Уолтер и поднял трубку телефона, давая понять, что разговор окончен.

– Папа, мы должны подумать о Кеннете и о всех делах там, – сказал Нил.

– Вот как?

Джок Митчелл был разочарован. Стоял солнечный день, он надеялся через несколько минут сбежать из офиса. В багажнике его машины уже лежали клюшки для гольфа, он просто ждал, пока можно будет скрыться незаметно.

– Пойдем со мной к машине, Нил, поговорим по дороге.

– Нет, па, я хочу, чтобы ты написал ему письмо на бланке твоей фирмы.

– О чем?

Джок впал в раздражение. Он тщательно выстраивал своих клиентов и коллег в соответствии с собственными планами. Ему совершенно ни к чему было, чтобы его беспокоили из-за брата.

Нил терпеливо объяснил, что Кеннет Митчелл реально рискует тем, что его детей отдадут под опеку. Им найдут приемную семью или даже интернат, если он продолжит нарушать условия соглашения.

– Но он же этого не делает пока, нет?

– Вообще-то, да. Он не держит обещаний: не проверяет домашние задания, забывает дать им карманные деньги, старается не пускать их к Скарлетам в субботу... Кэти говорит, что у них вообще нет хорошей еды, они живут на чипсах, кукурузных хлопьях и сэндвичах.

– А Кэти не слишком преувеличивает, как тебе кажется? – спросил Джок.

– Нет, не кажется. И это еще не все. Он собирается забрать детей на каникулы как раз на время той свадьбы, хотя дети должны там танцевать, они учились этому несколько месяцев.

– Свадьба дочери Лиззи? – спросил Джок.

– Да, и свадьба моей свояченицы заодно, так уж вышло, и близнецы не пропустят ее. Поверь мне, не пропустят!

– Придержи лошадей, Нил!

– И еще одно, этот чертов Уолтер запирает ящики своего стола в офисе, к чему бы это? Он взял на время мой бинокль на скачки, шесть

недель назад, а теперь говорит, что не может достать его из этих ящиков.

– Что за ерунда, Нил! Нынче все в компьютерах, ты сам знаешь. И у нас тут нет запертых ящиков.

Нил увидел, как его отец посмотрел на часы.

– Если ты продиктуешь это письмо сейчас, па, и подпишешь его, то мы сможем поговорить о нашем деле, каково бы оно ни было.

Джок Митчелл с большой неохотой сделал наброски и вызвал секретаря.

– Извини, Линда, мой сын настаивает, – сказал он.

Матти отвел детей к автобусной остановке.

– Я ничего не имею против, честно, – объяснил он детям. – Видите ли, мне нравится гулять, и, если можем ходить туда-сюда сами по себе, не раздражая Сару, Кэти или Нила, это делает нас независимыми.

– А если бы ты был богатым человеком, у тебя была бы машина, как ты думаешь? – спросил Саймон.

– Конечно была бы. У меня был бы большой красный «бимер». – Матти улыбнулся при этой мысли.

– Что такое «бимер»? – не поняла Мод.

– Это «БМВ». Но нет, наверное, я бы предпочел большущий микроавтобус, здоровенный, длиной в половину вон той дорожки, – решил Матти.

– Но вас же всего двое! – возразил Саймон.

– А ты подумай обо всех тех людях на Сент-Ярлат-Кресент, которых можно было бы куда-нибудь подвезти, – объяснил Матти.

– Ты очень добрый, Матти, – сказала Мод.

– Ты по-настоящему заслуживаешь большого выигрыша, – согласился Саймон.

Уолтер явился домой вечером в субботу и обнаружил, что Барти все еще у них. Они рассеянно поздоровались. Похоже, бутылка хорошего виски на столе привела его мать в состояние легкого душевного страдания.

– Отец, тебе не кажется... Я хочу сказать, разве не предполагается...

– Ерунда! Кей отлично знает, что ей нельзя пить, а я не собираюсь никуда уходить. Мы здесь, чтобы обеспечить тебе нормальный дом.

Похоже, его отец уже неплохо набрался.

– Дети скоро вернутся из школы. Могут привести с собой свою маленькую личную армию, – предостерег Уолтер.

– Хорошая мысль, давайте пока припрячем бутылочку. – Кеннет убрал ее со стола. – И, Уолтер, раз уж ты здесь, мне хотелось спросить, не может ли старина Барти занять твою комнату? Его устроили в маленькой комнатке наверху, только она больше похожа на чулан, – начал Кеннет.

– Ох нет, ни в коем случае! Меня все устраивает! – возмутился Барти.

– Извини, пап. Я здесь задержусь на несколько дней, а потом надеюсь поехать в Англию на скачки, и тогда, пожалуй, смогу уступить свою комнату. – Он одарил Барти теплой улыбкой.

Барти сказал, что это чепуха, он к тому времени уже уедет. Кеннет сказал, что все это полная чушь, как он сможет уехать, если даже свою любимую машину проиграл в карты. Барти ответил, что скоро со всем разберется, у него множество шансов отыгаться. А Уолтер придвинул к столу стул, чтобы обсудить с ними, как и когда... Похоже было, что тема более чем близка ему.

На этот раз близнецы убедили Матти зайти к ним и поздороваться с их родителями, хотя ему того и не хотелось. Но он напрасно тревожился. Кей Митчелл уже лежала в постели, а трое мужчин, сидевших за столом, проявили лишь слабый вежливый интерес.

– Вы уже поужинали у... э-э-э... – произнес Кеннет.

А когда Мод и Саймон начали рассказывать обо всем, что они ели с сосисками, – о грибах и печеном картофеле с начинкой, интерес Кеннета Митчелла угас.

– Вы так добры, что хорошо заботитесь о них, – сказал он Матти и крепко пожал ему руку.

Матти посмотрел на свою ладонь. В ней лежала однофунтовая монета, хотя даже автобус до его дома стоил дороже. Матти густо покраснел, краска залила даже его шею.

– Спасибо вам большое, сэр, – с трудом произнес он.

Саймон и Мод потрясенно переглянулись.

– Ладно, Матти, увидимся снова в субботу, – сказала Мод. – Спасибо за хороший день.

– И за то, что платишь за уроки танцев. Они, наверное, не такие уж дешевые, – добавил Саймон.

Матти хотел уже уйти.

– А хочешь посмотреть наши комнаты, Матти? – спросила Мод.

– В другой раз, Мод, но все равно спасибо.

– Или в сад пойти. Мы там можем поставить будку, если Грохот к нам переедет, – умоляюще произнес Саймон.

– Нет, правда, Саймон, спасибо, в следующий раз. Удачи всем вам, – сказал Матти и ушел.

Близнецы надеялись, что смогут этим вечером потанцевать дома. Они принесли с собой кассету с музыкой. У них могли быть новые зрители. Но они заметили бутылку виски, вернувшуюся на стол, а их отец, брат и старина Барти хотели обсудить что-то другое, никак не танцы. Все ждали, когда дети отправятся в постель, и это в ясный летний вечер, когда те надеялись не ложиться как можно дольше. Но, коротко пожелав всем спокойной ночи, близнецы мрачно ушли наверх. Дверь спальни их матери была закрыта.

На Сент-Ярлат-Кресент они ночевали в одной комнате, и теперь им этого не хватало. Все стало другим.

Кэти сказала, что они вряд ли смогут взять на себя ланч на тридцать человек для торговой конференции в тот же день, что и вечеринка у Фредди Флинна.

– Но это будет совсем легко, – умолял ее Том. – Они же все под строгим надзором, эти люди, они не станут тянуть время и наслаждаться, или напиваться, или устраивать там черт знает что, как на настоящем ланче. Они вернуться к работе в два пятнадцать, а мы освободимся через полчаса после этого.

– Хватит улыбаться мне вот так, Том Фезер, на меня это не действует, – ответила Кэти. – Мы хотим устроить все лучшим образом для Флинна и будем глупцами, если возьмем на себя что-то еще, что заставит нас рисковать.

– Но мы хотим или нет, чтобы наш бизнес развивался? – спросил Том.

– Мы хотим, но не за счет того, чтобы доводить себя до изнеможения.

– А, да ладно, Кэти, я подам ланч вместе с Джун, а вы с Коном займетесь делами здесь. И мы вернемся еще до трех. Так?

– Мы слишком напрягаемся, – сказала она.

– Мы расширяемся, – поправил ее Том.

Они долго и сердито смотрели друг на друга.

– Это легкие деньги и хороший контракт, – заявил Том.

Втайне он думал, что если отложит несколько фунтов из этого дохода, то сможет на уик-энд отвезти Марселлу в один из модных отелей, с плавательным бассейном и центром здоровья, в такое место, где она смогла бы нарядиться вечером.

– Мы всегда говорим, что, когда люди берут на себя слишком много, их стандарты падают, – сказала Кэти.

Она думала, что вряд ли сумеет справиться со всем, тошнота не отступала, она плохо спала и все еще не нашла или побоялась найти время, чтобы сказать обо всем Нилу. Тест на беременность, купленный в аптеке, подтвердил ее подозрения, но все знали, что эти тесты часто ошибаются, и она уже записалась к врачу на следующей неделе. Может быть, тревога была ложной, да и в любом случае для утренней тошноты еще рано, даже если предположить, что это правда.

– Давай обратимся к третейскому судье, – предложил Том.

Они достали из ящика кухонного стола монету, которую всегда использовали в тупиковых ситуациях, и весьма серьезно следили за тем, как монета завертелась в воздухе, а потом упала. Том поднял ее:

– Я выиграл, но обещаю, ты будешь рада.

– Уверена, что буду. – Кэти натянула на лицо улыбку.

– Можно нам на уик-энд поехать с тобой в Англию? – спросил Саймон, стоя в дверях спальни Уолтера.

– Конечно нет, – нетерпеливо бросил Уолтер.

– Но у нас тогда совсем не будет каникул, – сказала Мод.

– Но вы же дома... и вам не нужно идти в школу. Это ведь и значит отдыхать, так?

– Матти собирался отвезти нас в деревню, когда мы жили на Сент-Ярлат-Кресент, – упрямо произнес Саймон.

– Но вы там не жили, вы там были временно, – недовольно возразил Уолтер.

– А мне казалось, что мы там живем, – сказала Мод. – Я так чувствовала.

Уолтер продолжал укладывать дорожную сумку. Близнецы не трогались с места.

– Матти бывал в деревне несколько раз. Он говорит, там не захочется оставаться слишком долго, – пояснила Мод.

– Он считает, что там ужасно тихо и что слышно, как кричат на деревьях птицы, – тоскливо добавил Саймон.

– Дети, извините, я должен собраться.

– Ты сегодня уезжаешь? – разочарованно спросила Мод.

Когда Уолтер был дома, здесь все-таки было немного оживленнее.

– Вечером или завтра утром. Мне еще нужно закончить кое-какие дела с отцом и Барти.

– Но отец не работает. – Саймон категорически желал прояснить все до конца.

– Конечно, он работает, Саймон. – Уолтер уже злился. – Он проводит встречи, на нем лежит ответственность за других.

– За Барти? – любопытно спросила Мод.

– Не всегда, но сегодня да.

– Значит, если отца не будет дома, а мама останется в постели... что нам делать?

Саймон и Мод беспомощно переглянулись. На Сент-Ярлат-Кресент было так много занятий. И так много людей, включая Грохота, с кем можно было общаться.

– Вы можете поработать, – предложил Уолтер.

– Не думаю, что мы для этого достаточно взрослые, – усомнилась Мод.

– Нет, займетесь детской работой: будете раскладывать вещи по полкам, или в супермаркете возвращать на место тележки, или ухаживать за чьим-нибудь садом... ну... делать что-то подобное, – неопределенно ответил Уолтер, даже не пытаясь всерьез обращать на детей внимание.

– Мы могли бы мыть посуду для Кэти и Тома! – взбодрился Саймон.

– Он суровый наниматель, этот Том, – сказал Уолтер.

– Все равно стоит попробовать, – решила Мод.

– Представьте, никакой школы до сентября! – воскликнула Кэти, увидев две физиономии, появившиеся в фирме.

– Я, вообще-то, не против школы, – возразила Мод. – Может, кому-то там и не нравится, но не мне.

– Нет, я тоже не против, – сказала Кэти. – Я чувствовала себя обязанной хорошо учиться ради Джеральдины, и мне доставляло большое удовольствие получать хорошие оценки.

– А почему Джеральдина? – спросили оба.

И Кэти вспомнила, что близнецы имеют привычку выкладывать любую нежелательную информацию в самое неподходящее время. Она, вообще-то, имела в виду просто получение школьного образования. А о щедрости Джеральдины никогда не упоминалось, о ней не знали даже в доме Лиззи и Матти.

– Я хотела сказать, она всегда поощряла меня учиться, понимаете?

– А ты отлично закончила школу?

– Неплохо, – слегка устыдившись, честно ответила Кэти.

Она рылась в уме, стараясь придумать что-нибудь такое, что могли бы делать близнецы, не болтаясь при этом под ногами и не причинив вреда самим себе.

– Бокалы протирать? – предположил Кон.

– Нет, они только все размажут, – шепотом ответила она.

– Что-нибудь резать?..

– Они еще хуже, чем я. Тут все будет в крови. Я знаю, они могут полировать серебро и считать вилки.

Мод и Саймона устроили в помещении, где со временем должна была появиться вторая кухня, но пока это была кладовая. Они радостно болтали; иногда Кэти останавливалась в дверях и прислушивалась. Они говорили о делах отца с Барти и о том, как здорово, что Сара предложила миссис Барри делать покупки по списку. Сара знала одно место, где они могли бы научиться играть в теннис, но отец сказал, что это слишком дорого. И придет ли Матти к ним еще раз после того, что сделал отец. Кэти вздыхала. Она так негодовала из-за этих детей всего несколько месяцев назад, в основном потому, что знала: их подсунули им Ханна и Джок. Но с тех пор все изменилось. Кто бы мог подумать? Снова и снова она пыталась понять, когда

именно *это* должно произойти. Нил, наверное, будет в бешенстве. Почему же теперь все ощущается иначе? Когда-то ей казалось немислимым скрывать от Нила нечто столь важное. Просто немислимо. Она должна сказать ему сегодня вечером.

Том и Джун вернулись после делового ланча в отличном настроении. Пятьдесят человек, все тихие, как мыши, они приступили к еде, ели и покончили с едой так, словно от этого зависел весь мир.

– Но как ужасно быть частью такого! – содрогнулась Кэти.

– О, но зато было просто. Кэти, ты не представляешь, они бы съели и бумажные тарелки, намазанные джемом, поверь мне!

– Они, наверное, были очень голодными, – изумилась Мод.

– А, привет! У нас помощники? – Том был и удивлен, и доволен.

– И они здорово помогают. Скажи им, что ты пошутил насчет бумажных тарелок и джема, Том, а иначе они начнут всем рассказывать, что это наше коронное блюдо!

– Ты не слишком им доверяешь. Мод, вы ведь знаете, что это была шутка, да? – спросил Том.

– Я не совсем уверена, – призналась она.

– Но это так, никто не стал бы есть бумажные тарелки, более того, им бы и не пришлось это делать. А почему? Потому что мы никогда не подаем что-нибудь на бумажных тарелках, это понятно? – Он изобразил насмешливую свирепость.

Дети энергично кивнули. Им все ясно, сказали они.

– А мы тут полируем ваше красивое серебро, – сообщил Саймон.

– Ты можешь увидеть свое отражение в чаше для пунша! – горделиво добавила Мод.

– Ну, это потрясающе! Ведь все, что мы имеем, все, на что мы накопили денег, собрано здесь.

– Ой, все, что здесь, ваше?

– Да, точно, здесь все наши сокровища, – согласился Том.

– Они все очень дорогие? – спросили дети.

Джун закладывала тарелки в посудомоечную машину, но при этих словах возвела взгляд к потолку.

– Ну, некоторые вещи просто незаменимы, вроде той чаши для пунша, которую вы так прекрасно отполировали, – сказала Кэти. – Я

выиграла ее на соревнованиях в колледже. Это был первый приз за летний фруктовый пунш, и теперь мы везде ее используем.

– Флиннам она сегодня явно не понадобится, – не подумав, сказал Том, и это после тяжелого труда Мод. – А это значит, что она будет наготове, блеснуть и ждать следующего случая, что просто замечательно.

Мод просияла от удовольствия.

– А что еще самое ценное? – спросил Саймон.

Том, Кэти и Джун принялись весело обсуждать, был то жесткий диск компьютера со всеми рецептами, или список контактов, или двойная печь, или морозильник... Они смеялась, перечисляя все, что у них было.

– Мы и не думали, что у нас такое огромное количество вещей! – воскликнула Кэти.

– Как Магги считает, что никогда не выиграет экспресс-ставку, – сказал Саймон, желая показать, что он вполне ее понимает.

– Но он и не выиграет, Саймон, – предположила Кэти.

– Люди могут так же говорить о вас с Томом... что у вас никогда не будет богатства! – Саймон был готов отчаянно защищать мечту Магги.

– Мы ради этого работаем, вечер за вечером... – объяснила Кэти.

– Магги тоже работает у букмекера, он все изучает, узнает о лошадях, у него в голове постоянно стучат копыта!

– Да, конечно, – мягко согласился Том.

– А вы застрахованы на случай, если кто-нибудь придет и заберет все ваши сокровища? – встревожилась Мод.

Кэти решила пока не заходить с детьми в такие дебри.

– Конечно застрахованы. Джеймс Бирн просто как наседка! – успокоила она девочку.

Том тут же уточнил:

– Кэти имеет в виду, что Джеймс совсем не похож на курицу с цыплятами. Просто он прекрасный человек, который заставил нас оформить большую страховку.

Похоже, близнецов это вполне удовлетворило, но Саймона беспокоило кое-что еще.

– А вы тут хорошо все запираете, когда уходите?

– Да, Саймон, два замка и система сигнализации с кодом.

- А вы помните код?
- Мы придумали простой, для Тома, – сказала Кэти.
- Да, мужчинам трудно держать в уме сложные сочетания, – согласилась Джун.
- Вы взяли свой день рождения? – спросил Саймон. – Или какое-нибудь счастливое число?
- Нет, нам велели такого не делать, – ответил Том.
- Так что мы вместо этого взяли первые буквы «Алого пера».
- А можно использовать буквы?
- Нет, это числа, «А» – первая, «П» – семнадцатая. Если забудем, нам только и нужно, что вспомнить алфавит. Это даже мужчинам понятно, Саймон.
- Не думаю, что мужчины в чем-то глупее остальных людей, – задумчиво произнес Саймон.
- Конечно, Саймон. – Том уже раскаивался в шутке.
- Они решили сами отвезти детей обратно в «Буки», так как это было по пути к дому Фредди Флинна. Саймон и Мод серьезно наблюдали за тем, как включают сигнализацию.
- Отличная идея! – решил Саймон.
- Никто до такого не додумается, – согласилась Мод.
- Представь, мы сейчас поедем вместе со всей этой вкусной едой для шикарной вечеринки! – Саймон был доволен.
- Да, и со всеми этими красивыми блестящими вилками, которые ты так здорово отполировал!
- А почему у них нет ножей?
- Хороший вопрос. Они сказали, что у них достаточно столовых приборов, но людям вечно не хватает вилок. Я там был и посчитал; у них и половины нужного нет, – объяснил Том.
- Тебе нужно быть достаточно умным для такой работы, ведь так? – решил Саймон.
- Верно, – кивнул Том, все пересчитывая и проверяя список. – Все на месте, Кэти, готово.
- Хорошо, Том, Джун, ритуал ключей.
- Саймон и Мод зачарованно наблюдали за тем, как они вешали ключи от фирмы на потайной крючок в глубине фургона.
- А почему вы кладете их туда? – спросили оба.

– Тому из нас, кто пригонит фургон обратно, нужно будет открыть дверь, так что мы всегда так делаем, – объяснила Кэти.

Они приехали в «Буки». Дети убежали в большой дом с огромным заросшим садом.

– Выглядит роскошно, – заметила Джун.

– Да, – кивнула Кэти. – Нечто роскошное и неживое.

– Они должны ведь жить со своими родителями, биологическими родителями. Разве не так? – спросил Том.

– Если честно, я никогда по-настоящему не понимала, почему это так, – сказала Кэти и резко тронула фургон с места.

Фредди Флинн был чрезвычайно рад, когда они приехали.

– Я знаю порядок. Ваша тетя говорит, вы терпеть не можете, когда вам что-то указывают в кухне, вроде как «это горячий кран, это холодный кран...».

– Вам просто не нужно это делать, мистер Флинн. – Кэти улыбнулась ему, чуть опустив ресницы.

Том присвистнул сквозь зубы, когда Флинн ушел.

– И ты еще говоришь, что это я очаровываю дам... Да я никогда не видел такого представления! – поддразнил он Кэти.

– Я обещала тете Джеральдине, что он получит все по максимуму, – шепотом ответила она.

– Ну да.

В этот момент вошла маленькая пухлая жена Фредди Полин.

– Фредди говорит, я не должна суетиться, и я обещаю, что не буду, но мне почему-то кажется, что немножко нечестно позволять вам делать все самим, – сказала она.

У Кэти ком встал в горле. Эту женщину обманывал Фредерик Флинн, важный дублинский бизнесмен, купавший для тети Кэти часы с бриллиантами.

– Ничего подобного, миссис Флинн. Вы и такие, как вы, обеспечиваете нам с Томом отличную жизнь, и мы рады все сделать сами. Ваш муж сказал, что вам не хочется пристраивать где-нибудь верхнюю одежду... Я верно поняла?

– Да, в конце концов, сейчас лето, и вряд ли ее будет много... Но, понимаете, мы сделали небольшой косметический ремонт наверху, и я

как бы надеюсь, что они поднимутся наверх оставить пальто, тогда я смогу показать им все...

– Вы совершенно правы, позвольте мне посмотреть, куда провожать гостей.

Кэти легко взбежала по лестнице впереди Полин Флинн и увидела великолепную спальню, о которой шла речь. Она была оформлена в красивых бледно-зеленых и голубых тонах, и в ней стоял элегантный белый туалетный столик. Кровать не имела балдахина, но наверху крепилось кольцо с ниспадающими каскадом занавесками; белое вязаное покрывало «кроше» и отделанные кружевом наволочки на подушках; дверь открывалась в огромную роскошную ванную комнату с белыми пушистыми полотенцами попеременно с нежно-голубыми. Вся эта комната напоминала алтарь, возведенный в честь бога наслаждений. Кэти прижала ладонь ко лбу. Джеральдина едва ли могла знать, что умирающий брак Фредди включал подобные декорации.

– Чудесная комната, – сказала она Полин Флинн слегка сдавленным голосом.

– Рада, что вам понравилось. Знаю, что я старая и глупая, но мне всегда такого хотелось, и Фредди, похоже, тоже считает это милым, а это как раз и радует меня больше всего.

Кэти умчалась вниз.

– Привет, Уолтер!

Близнецы удивились. Они думали, что он должен был уже уехать в Англию.

– Привет, – проворчал Уолтер.

– Как твой бизнес?

– Какой бизнес?

– Ты говорил, что у тебя деловая встреча с отцом и Барти.

– Ох да, черт побери!

– Значит, ничего не вышло? – Саймон рассуждал философски. – Матти всегда говорит, что если ты что-то выигрываешь, то что-то и теряешь.

– Да что Матти может знать хоть о чем-то? – спросил Уолтер.

– Довольно много, – ответила Мод. – Я так думаю, – с сомнением в голосе добавила она.

Они помолчали.

– Мы работали, как ты и сказал, – наконец сообщил Саймон.

– Вам полезно. Где?

– У Кэти и Тома... У них там целое состояние, все просто набито сокровищами. – Саймону хотелось произвести впечатление на старшего брата.

– Не сомневаюсь, – засмеялся Уолтер.

– Нет, правда, там просто жутко много всего, и у них два ключа и кодовый замок на случай, если кто-то залезет.

– Ну да, могу поспорить, весь мир пытается пробраться туда и стащить тарелки для кейтеринга и бумажные салфетки. – Уолтер снова засмеялся.

– У них там большая серебряная чаша для пунша, бесценная! И много всего, – сообщила Мод.

– Уверен, это впечатляет, но вы не против, чтобы уйти ненадолго, мне нужно о многом подумать.

– Ладно. – Саймон и Мод были вполне добродушны.

– Но вы не заработали на еду или еще на что-то.

– Кэти дала нам кое-что для микроволновки.

– И что это? – с интересом спросил Уолтер.

– Паста. Ее нужно разогреть четыре минуты в максимальном режиме, – ответила Мод. – Хочешь немножко? Там хватит на троих.

– Спасибо, – ворчливо бросил Уолтер.

Они втроем уселись за стол в кухне, но мысли Уолтера были за миллион миль от дома, пока близнецы радостно болтали о вечеринке, которую сегодня обслуживают Том и Кэти.

– У них денег куры не клюют, у этих Флиннов, – сказала Мод.

– Не думаю, что они действительно дают их курам, скорее это просто такое выражение, – пояснил Саймон.

– Да, наверное. – Мод втянула Уолтера в разговор. – Как ты думаешь, Уолтер, нам здесь нужно установить сигнализацию от грабителей?

– Здесь нет ничего такого, что привлекло бы грабителей, – мрачно ответил он.

– Но мы могли бы включать ее, перед тем как уйти, и выключать, когда вернемся. – Мод не хотелось совсем отказываться от этой идеи.

– Да, представляете, как мама с папой это делают? Представляете, как Барти справляется с выключением тревоги? Прямо как в кино про

полицейских и воров. Нам бы тогда лучше иметь постоянных охранников, чтобы они здесь жили.

– Но это же так просто! – сказал Саймон. – Мы знаем, как войти в здание компании Кэти и Тома, стоило один раз посмотреть.

– Не сомневаюсь, а ключ у вас есть? – Уолтер отнес свою тарелку в мойку.

– Нет, но мы знаем, где он, – сказала Мод.

Уолтер вернулся и снова сел напротив них.

Вечеринка у Флиннов шла очень хорошо. Фредди дважды заглядывал в кухню, чтобы поздравить их.

– Все просто в восторге, – сообщил он. – Отлично поработали!

– Почему какой-нибудь милый человек вроде него не может посмотреть мне в глаза и сказать, что я нужна ему как важная часть его жизни? – гадала Джун.

– Трудно понять, – ответила Кэти, выкладывая побольше крем-фреша на гречишные оладьи, исчезающие с тарелок с пугающей скоростью.

– Никогда бы не подумала, что его может удовлетворить женщина вроде миссис Флинн, – сказала Джун, уносясь с очередным подносом.

Том и Кэти переглянулись.

– Забавные старые дни, вот что я всегда говорю, – усмехнулась Кэти.

– Женщины всегда отличаются интуицией, Кэти. Я всегда говорю это, – ответил Том.

Уолтер нашел в телефонной книге адрес Флиннов. Это было не слишком далеко. Он легко смог позаимствовать машину на несколько часов у одного своего приятеля-совы. Остановившись рядом с фургоном, он нашел ключи именно там, где говорили близнецы. Сквозь окна он видел всех: Тома, Кэти, Джун и этого поганца Кона, суетившихся внутри.

Джеральдина нервно шагала по своим апартаментам в Гленстаре. Обычно она ничего подобного не чувствовала. Она была честна, когда говорила, что личная жизнь Фредди просто... ну... просто его личная жизнь, и ее это не касается. Вот только... да, она ничего не

планировала делать сегодня вечером. Она взяла работу домой, но не могла за нее приняться, и ей ничего не хотелось посмотреть по телевизору. Она и за миллион лет не призналась бы в этом даже самой себе. Джеральдина была одинока. А потом зазвонил телефон.

– Я скучаю по тебе, – сказал он.

Она заставила себя придать бодрости голосу:

– А я по тебе. Как там дела?

– Фантастично! Они очень талантливы, эти ребята, все идет как часы.

– Я рада за тебя, Фредди, искренне рада.

Он повесил трубку. Украденное мгновение, в стороне от гостей, от жены. Так было всегда, и впредь так будет всегда. Так на что же она жалуется? Джеральдина ведь знала это, когда соглашалась.

Надев черные хлопчатобумажные перчатки, Уолтер вошел внутрь и набрал код, чтобы отключить сигнализацию. Где же все те сокровища, о которых говорили дети? Ему нужно спешить; следовало спрятать все в садовом сарае, вернуть ключ в фургон, а машину приятелю, который обычно начинает свой вечер около десяти часов. Все здесь выглядело как обычно: большая уродливая печь, множество сияющей стали, разноцветные чайные полотенца, сохнувшие на спинках стульев, полки с дешевым фаянсом, ящики с ничего не стоящими столовыми приборами... Он вынес подходящие вещи вроде тостера, электрического гриля, микроволновой печи. Но это все была шелуха. Это не принесет ему и части тех денег, в которых он нуждался. Денег, которые он потерял вместе с тем безмозглым приятелем отца, стариной Барти, знавшим, где идет большая игра, и втянувшим в нее Уолтера. На столе в передней комнате Уолтер увидел серебряную чашу для пунша, о которой говорили дети. Но она вовсе не была целиком серебряной, и Уолтер с отвращением оттолкнул ее. Были здесь еще и ящики с припасами, нераспечатанная пароварка и кастрюли в кладовой; они могли принести *кое-что*, если бы он сумел сбыть все подходящему человеку. А ему нужно было хоть что-то, пусть даже фунтов двести для начала. Уолтер начал переносить все в переднюю комнату и при этом задел поднос с бокалами. Осколки стекла разлетелись вокруг. Тому и Кэти это не понравится, когда они вернуться. Что-то взорвалось внутри Уолтера, и он опрокинул на пол

полку с тарелками. Это почему-то его слегка успокоило. Потом он еще что-нибудь сделает.

Уолтер трудился сорок минут, отвинчивая и перетаскивая все то, что могло, пожалуй, сменить владельца на черном рынке, о котором он отлично знал. Потом он приподнял один конец длинной полки с фаянсом, чтобы все с нее соскользнуло на пол. Он выключил морозильник и разбросал вокруг его содержимое. Он с раздражением заметил, что здесь слишком малые запасы спиртного, и вспомнил, что Том и Кэти обычно договариваются с виноторговцем о доставке напитков прямо на место. И все-таки нашлась бутылка бренди и какие-то непонятные ликеры; это могло взбодрить владельца машины. Уолтер вспомнил один день, когда Том с Кэти постоянно проверяли, что у них на автоответчике, и потому сорвал телефон со стены и топнул по нему ногой. Он палкой разбил лампочки, отпрыгивая в сторону, когда вниз сыпались осколки. Он набил машину, в последний момент прихватив и чашу для пунша. Может, он все-таки получит за нее хотя бы фунт, а сейчас ему и фунт годился. Что эти дураки наболтали детям насчет своих соковищ! Они чертовски ограничены, эти двое! Ладно, теперь они увидят...

Глава 7. Июль

Даже если бы им не пришлось рассказывать обо всем две дюжины раз, они все равно никогда не забыли бы, как вернулись в фирму в тот вечер. Настроение у них было прекрасным благодаря успеху вечеринки у Флиннов.

– На этот раз мы справились гораздо лучше, – сказал Том, протягивая руку за ключом.

– Надеюсь. Иногда я думаю, что мы просто стали более уверенными, понимаешь, мы научились заклеивать дырки бумагой, – сказала Кэти.

– Нет, мы действительно стали лучше, – возразила Джун. – Я там встретила Риорданов, помните их? Мы им делали поставку на крещение... Они сказали, что наша еда вообще перешла в другую категорию.

Том и Кэти понравилось, что Джун стала считать себя частью их дела; даже молодой Кон начал ощущать нечто подобное. А потом они открыли дверь. Они часто слышали о том, что грабители испытывают странное желание все разгромить. И здесь было нечто подобное. Когда они вошли в приемную, Кэти увидела часы, подаренные им Джоком. Они лежали на полу перед дверью, разбитые вдребезги. Том увидел большую вазу, которую с таким старанием выбрала Марселла и которая теперь лежала разбитая на три части рядом с перевернутым столом. И все их тарелки были сброшены с полок. Джун сразу заметила, что ящики картотеки открыты и все их содержимое выброшено на пол, а телефон и автоответчик сорваны со стены. Кэти увидела, что ее чаша для пунша, единственный приз, завоеванный ею в жизни, исчезла. Они просто не могли это осознать. Первым опомнился Том.

– Ублюдки! Настоящие ублюдки! Здесь же нечего красть, вот они и расколотили все, что у нас есть...

Его голос ворвался от подступивших слез. Он обнял Кэти и Джун.

Полицейские были озадачены. Никаких признаков взлома, насильственного проникновения, никто не имел доступа к ключам. А Том и Кэти понятия не имели, кто мог питать к ним настолько злобные

чувства. Так ли?.. Но они не могли никого припомнить. Конкуренты, возможно? Нет, их бизнес пока не настолько велик, объяснили они полиции. Один из молодых полицейских, уже дважды спросивший о страховке, снова упомянул о ней, беседуя с Томом.

– Да, я же вам говорил, – с легким нетерпением ответил Том. – Наш бухгалтер настоял, что мы должны платить за нее очень много, но не в этом же дело... Она в любом случае всего не покроеет.

– Понимаю, сэр. Они сами с вами разберутся в этом, – сказал он.

– Кто? – спросил Том.

– Страховая компания, сэр, – ответил тот.

Нил спал, когда позвонила Кэти.

– Да, Нил Митчелл случает, – сонно произнес он.

– Нил, к нам вломились.

– Кэти? – Он был озадачен, так как думал, что она лежит рядом с ним в постели.

– Ох, Нил, грабители... Все разбито! – Она говорила с трудом.

– Кто-нибудь пострадал?

– Нет, но это ужасно... – Кэти знала, что у нее дрожит голос.

Она просто видела, как Нил спускает с кровати длинные ноги, как часто бывало при ночных звонках по какому-то из юридических случаев.

– Хочешь, я приеду? – спросил он, и весьма решительно.

– Здесь уже полиция, все так страшно, Нил!

– Я приеду.

– А ты не против?

– Конечно нет.

– Нил едет? – спросил Том.

– Да. А ты хочешь позвонить Марселле?

– Нет, пусть выспится, она и так скоро все узнает.

Почему Кэти не поступила так же?

Нил явился в свитере и поношенных хлопчатобумажных штанах, но с таким властным видом, словно на нем было полное одеяние адвоката. Вопросам не было конца, но они ни к чему не вели. Полицейские не знали никакой банды, действовавшей поблизости, и никого, кто специализировался бы на подобных преступлениях. Снова и снова они возвращались к ключам и доступу к ним.

Наконец один полицейский сказал:

– В общем, единственное, что я могу сказать, так это то, что вы должны уладить все как можно лучше.

– О чем вы конкретно? – Том говорил рассеянно. – Мы и так стараемся принять случившееся как можно спокойнее, разве нет?

– Я о страховой компании, – пояснил полицейский.

– Но какое отношение страховая компания имеет к поиску тех, кто это сотворил? – Том в отчаянии показал на безобразия вокруг.

Внезапно заговорил Нил, холодным голосом адвоката:

– Полиция подчеркивает, Том, что, поскольку нет признаков взлома, страховщики могут рассмотреть возможность совершения налета своими же сотрудниками.

В комнате стало тихо. Никто и не думал, что ситуация может стать хуже, чем уже есть, но теперь именно так и произошло.

Казалось, что они всю ночь пекли хлеб для «Хейвордса» в маленькой плите в Стоунфилде. Марселла помогала, и следила за временем, и принимала очередную партию, а остальное готовилось в плите получше, в Уотервью, с помощью Нила и Джун.

– Что подумает твой Джимми из-за того, что ты так задержалась? – спросил Том.

– Он уже привык к такому. Подумает, что это очередная вечеринка, – коротко ответила Джун.

Ночь закончилась, хлеб был доставлен, они вернулись в «Алое перо».

Постепенно, медленно они разбирались в мусоре, останавливаясь, лишь чтобы вздохнуть, а то и заплакать над разбитыми сокровищами. Том заставил Кэти надеть большие толстые рукавицы, которыми они пользовались, чтобы доставать что-то из морозильника.

– Я в них ничего не чувствую, – пожаловалась она.

– А иначе ты порежешь руки.

– Не порежу.

– Послушай, Кэти, все, что у нас осталось, – это твои здоровые руки, если мы вообще хотим разобраться в этом бардаке, – сказал он.

Реальность случившегося вдруг ошеломила ее. Они ведь могут и не выбраться из этого. Кто бы ни совершил такой разгром, он погубил

дело их жизни, их мечту, их единственный шанс иметь собственный бизнес. Она подняла большой треугольный кусок стекла и отнесла его в кучу снаружи. Когда-то он был частью углового комода в приемной. Все большие разноцветные тарелки, прежде стоявшие в нем, были разбиты, как и те, что были в их старом буфете, опрокинутом на пол.

На Кэти огромной волной нахлынула грусть.

Здоровые руки или нет, они, возможно, никогда больше не создадут этот бизнес снова, уже ничто не станет таким, как прежде. Ей отчаянно хотелось сесть и заплакать, как дитя.

Они вернули на место телефон, починили его, и время от времени он бодро звонил: люди, которые понятия не имели, в каком опустошении принимают их звонки, хотели сделать заказ. Молли Хейс желала организовать ужин на двенадцать человек. На день рождения Шая.

– Можем мы перезвонить вам до конца дня, миссис Хейс? – спросила Джун бодрым деловым тоном.

– Вы очень заняты, да? – спросила Молли.

– Вы просто не поверили бы, миссис Хейс! – воскликнула Джун.

Кэти с гордостью посмотрела на Джун. За шесть коротких месяцев Джун приобрела уверенность и стиль, а заодно и множество мелких увлечений, которые ее молчаливый муж-водопроводчик вряд ли одобрил бы. Но она больше не извинялась и не боялась объяснять посетителям, в чем разница между слоеным тестом и заварным. Джун могла теперь с кем угодно обсуждать перепелиные яйца и лангустинов. А Кэти постаралась подавить мысль о том, что и карьера, и будущее Джун тоже лежат в руинах, как и их собственные. Она наблюдала за Нилом, работавшим вместе с ними, помогавшим расчистить завалы. Лицо у него было мрачным от ярости, энергия неистощима, хотя утром ему нужно было явиться в суд. Это был мужчина, которому она надеялась сказать сегодня о своей беременности, но теперь придется подождать. Кэти остановилась на минутку и посмотрела на Нила, когда тот вместе с Томом присел на корточки перед печью. Они старались понять, что именно в ней сломано. Кэти не слышала, что они говорят, но видела, как Нил на что-то показывает и Том на что-то показывает, как сосредоточенно Нил старается понять нечто совершенно ему незнакомое.

Кое-какие замороженные продукты пока казались довольно твердыми, но они не могли рисковать, замораживая все заново. Никто ведь не знал, в какое время явились вандалы. Это могло случиться в любой момент после шести вечера, и когда они это обнаружили, продукты могли пролежать вне морозилки около двенадцати часов. Невозможно было понять, что с ними делать.

Когда весь Дублин начал просыпаться и готовиться к рабочему дню, они отправили Джун домой на такси. Марселла приняла душ, переоделась и ушла в «Хейвордс», где надела белый халатик и занялась ногтями тех, у кого есть время и деньги, чтобы платить за это. Несмотря на чудовищные ночные события, на сердце у нее было легче обычного. Она ведь не собиралась вечно красить и подпиливать ногти. К концу этого месяца она должна была приступить к первой профессиональной работе манекенщицы и познакомиться с представителем модельного агентства. Она вполне может улыбаться и быть обаятельной с посетителями. Эта жизнь не навсегда. Нил тоже принял душ, переоделся, прихватил портфель и отправился в суд, чтобы представлять там двух человек в деле о незаконном увольнении. Все говорили, что у него нет шансов, что эти двое были источником постоянных неприятностей, а в деле зияло множество дыр. Но Нил знал: уволившая их компания ходит по очень тонкому льду; за ней стояла нехорошая история скандала с профсоюзом. Он собирался выиграть процесс и поставить обвинение в тупик. История не имела особого юридического значения, и, конечно же, его клиентов вполне можно было описать как в высшей степени ненадежных людей, но значение имели только *принципы*.

В здании компании Том и Кэти посмотрели друг на друга покрасневшими глазами.

– Но не могут же они действительно предположить, что мы сами это сделали? – спросила Кэти.

Они постоянно задавали друг другу этот вопрос.

– Вероятно, они могут так подумать... что мы сделали это ради страховки.

– Люди могут подумать, что это мы сотворили с собой такое? – Кэти широким жестом обвела комнату.

– Такое ведь случалось, когда компании готовы были вылететь в трубу.

– Но мы не собираемся вылетать в трубу... Это Джеймс должен объяснить им в первую очередь, – сказала Кэти.

Джеймс! Они совсем забыли о нем. Не слишком ли рано звонить ему? Они рискнули предположить, что в летнее утро он мог встать и раньше восьми часов.

– Джеймс Бирн...

Он был лаконичен и прозаичен, услышав новость. Он задавал вопросы, один за другим. Сейф? Открыт, бумаги разбросаны. Да, да. Полиция? Есть что-то похожее на след? Нет, нет. Оборудование, печи и морозилки, сможет ли «Алое перо» продолжать работу? Трудно сказать. Хорошо, хорошо. Страховка? Да, заверил их он, с ней все в порядке, она должна полностью покрыть потери. А потом они сказали ему, что взлома не было, никакого незаконного проникновения...

– Понятно, – произнес Джеймс Бирн.

– Но вы же знаете, что это не было внутренним делом! – воскликнул Том.

– Да, я знаю. Конечно знаю, – последовал ответ.

– Но вы подразумеваете, что они могут так подумать? – Том с трудом произнес эти слова.

– Скажем так: выплата страховки может затянуться, – ответил Джеймс Бирн.

Он стал тих и задумчив. Прошлым вечером ему случайно довелось пообедать с Мартином Магуайром, и тот говорил, что желает молодым людям успеха в их предприятии, искренне желает, но чувствует, что на том здании лежит нечто вроде проклятия. Нечто такое, с чем им никогда не справиться и не выжить. Джеймс не считал нужным передавать молодым людям этот разговор. Им и без того уже досталось.

Шона Бёрк добила разрешения использовать кухню «Хейвордса» для выпечки хлеба. И это сработало настолько хорошо, что им предложили печь там хлеб постоянно. Том работал до открытия универмага и заверил управляющих, что не станет пользоваться кухней для собственной работы.

– У вас там постепенно все возвращается к норме? – время от времени спрашивали его.

– Безусловно, – лгал Том.

Никому не следовало знать о том хаосе, в который превратилась кухня «Алого пера».

Кэти сумела у себя дома приготовить все для празднования дня рождения, включая шоколадный именинный торт для Шая и Молли Хейс, и никто не узнал об этом. Никто, кроме Нила, который оказался отчасти лишенным свободы передвижения, потому что ему приходилось пробираться между корзинами и коробками везде, куда бы он ни направился. В итоге, чтобы заняться работой, он перетащил свой письменный стол и стул в спальню.

– Я думал, наш дом невелик, но он, похоже, и вовсе превращается в квартиру-студию, – ворчал он.

Но Нил отсутствовал почти каждый вечер, а потому они могли работать без страха рассердить его еще сильнее.

Они уже и забыли, насколько трудно, практически невозможно готовить на таком маленьком пространстве. Здесь просто некуда было что-то положить. Все до единого стулья, табуреты и даже чемодан были приспособлены под дело и служили местом, куда складывали нужные тарелки, но Том и Кэти постоянно натыкались друг на друга. Не было места для большого морозильника или холодильника; лед таял, столовые приборы падали на пол. Каждый день казался еще более жутким кошмаром, чем предыдущий.

Джун и Кэти трудились, как никогда прежде. Они приготовили пикник для Фредди и Полин Флинн. В один и тот же день они обслужили два ланча а-ля фуршет по поводу первого причастия, носясь с одного на другой вместе с Коном. Они оставили Тома разбираться с погромом. А это, как все они знали, было чем-то вроде настоящего ада. Люди из строительной фирмы Джей Ти Фезера пришли на помощь, но только после того, как Джеймс Бирн потребовал полностью сфотографировать все разрушения, а представитель страховой компании пришел осмотреть все на месте. Чтобы снова запустить дело, могло понадобиться больше двух тысяч фунтов, и это не считая того, что они смогли купить всего один набор фарфоровой и стеклянной посуды взамен сотни разбитых тарелок и

бокалов. Замороженную еду пришлось раздать или выбросить тем же утром; результаты долгих недель работы исчезли в одно мгновение.

Среди первых, кому следовало сообщить о случившемся, конечно, были Джеральдина и Джо, их опора, гаранты, вложившие деньги в их компанию. Но ни Тому, ни Кэти не хотелось ничего им говорить до тех пор, пока они сами во всем не разберутся. До тех пор, пока они не будут готовы выбраться из этого ужаса. Их тошнило при одной мысли о том, что они могут разориться. А таким чувством делиться ни с кем не стоило. Кэти не хотела рассказывать Джеральдине. Просить тетушку снова рыться в карманах богатых мужчин, которых Кэти не одобряла. Она не хотела, чтобы Джеральдина снова давала им деньги. Гордость Кэти всегда означала, что для нее делом чести было вернуть Джеральдине ее вложения с процентами. Тетушка, которая дала ей так много, не требуя ничего взамен, и которой достаточно было видеть, что у Кэти все хорошо. Тетушка, которую она оскорбила и раскритиковала за ее образ жизни. Другим аспектом было то, что Кэти боялась: вдруг Джеральдина скажет, что они должны все немедленно прекратить, поскольку Кэти беременна, что момент для этого выпал странным образом подходящий. В общем, это было минное поле, на которое Кэти пока не хотела ступать.

– Ты не против, если какое-то время мы ничего не станем сообщать Джеральдине? – спросила она Тома.

– Забавно, я как раз хотел спросить то же самое насчет Джо, – ответил Том.

Он не стал ничего объяснять, так как они не обязаны были говорить друг другу все. А Джо был последним человеком, с которым Тому хотелось бы сейчас общаться. Джо дал Марселле этот шанс разгуливать почти голой по подиуму перед половиной Дублина. Джо заронил в Марселле надежду на встречу с каким-то модельным агентом, который мог бы занести ее в свои списки и давать ей работу «через воду», как он это называл. Том ненавидел эту фразу. Что Джо имел в виду? Неужели Лондон или Манчестер? И ему невыносимо было слышать, как его обожаемая Марселла повторяет это как попугай и болтает о возможности стать моделью где-то вдали. Да, Джо был так добр и щедр, вложив деньги в их предприятие. Джо послушался брата и стал регулярно посещать их родителей в «Фатиме» и тем самым

наполовину избавил Тома от необходимости таких визитов. Джо, почему-то чувствующий себя виноватым из-за этого модного показа, мог бы, порывшись в своих закромах, найти деньги для Тома и таким образом избавить самого себя от неприятностей. Том не хотел, чтобы Джо узнал, как близко от краха они очутились.

В общем, если они не хотели, чтобы обо всем узнали Джеральдина и Джо, это значило, что они и многим другим ничего не могут рассказать. Шона поклялась молчать, и Джун тоже попросили помалкивать – тут проблем не было. Но они не могли поделиться и с Матти и Лиззи Скарлет, и с Джей Ти и Маурой Фезер. Кэти очень хотелось поговорить с матерью, посидеть в знакомой кухне и поплакать, а мама гладила бы ее по голове... Но, если скажешь одному, придется открыться и всем. О происшествии не было сообщений в вечерней газете, не попало оно и в телевизионную программу, в которой зрителям предлагали найти разгадку преступления. Джеймс Бирн, как обычно, настаивал на осторожности, а Нил Митчелл сказал, что большим международным страховым компаниям не разрешается болтать лишнее. В этом он был совершенно уверен. Он был готов сразиться с безымянными бюрократами, которые всегда заставляли маленьких людей подолгу ждать денег. Он уже искал прецеденты, и он бы не позволил страховщикам выйти сухими из воды. Он очень поддерживал Кэти, но ей хотелось больше того, что он делал для самых разных людей. Чтобы он просто обнял ее и прижал к себе, глядя по голове. Сказал бы, что любит ее и что они со всем справятся. А тогда она могла бы сказать ему о ребенке.

– А мы будем ходить на занятия по теннису? – спросил за завтраком Саймон.

– Теннис?

Кей посмотрела на сына рассеянно, как будто она уже слышала когда-то это слово и со временем сообразит, что оно значит. Она налила в кукурузные хлопья холодного молока, слишком много, так что хлопья промокли, а молока для чая не осталось.

– Это мило, – произнесла она.

– Да, мама, – вежливо сказала Мод.

– Сара говорила, у нас будут уроки тенниса, – не отступал Саймон.

– Ох, Сара, да, бедная девочка, – сказал его отец.

– Это та леди в ботинках и кепке задом наперед? Боже, боже... – пробормотал Барти.

– У меня есть ее телефон. Я мог бы ей позвонить, – предложил Саймон. – Она знает, где занятия и когда.

Кеннет Митчелл вздохнул:

– У меня где-то есть адрес. Незачем звонить ей. Можешь просто позвонить им и начать уроки, когда вы захотите.

– И, отец, когда я буду договариваться об уроках, я должен сказать, кто за них платит? – заволновался Саймон.

– Не думай об этом.

– Я позвоню Саре, – решил Саймон.

– Черт побери, малыш, я заплачу за эти проклятые уроки! Хватит выводить всех из себя, нам и без того есть о чем подумать.

Кей Митчелл задрожала. Ей невыносимо было видеть Кеннета расстроенным.

– Извини, отец.

– Нет-нет, все в порядке, найдите свои ракетки в сарае и можете немного потренироваться на лужайке.

Близнецы опустили глаза. Не время было говорить их отцу, что садовый сарай заперт и они не могут туда попасть.

– Кэти, можем мы сегодня поработать в вашей фирме, отполировать сокровища и всякое такое? – спросила Мод.

– Нет, Мод, извини, сегодня неподходящий день.

– Нам не нужны деньги, или паста, или еще что-то, – просила Мод.

– Милая, если бы я могла, то сказала бы «да». Мы этим займемся в другой раз, ладно? – Кэти повесила трубку.

– Она не хочет разговаривать! – переполошилась Мод.

– Она сердится? – предположил Саймон.

– Немножко. Что мы такого сделали?

– Может, нам не надо было писать записку, благодарить ее за пасту, – сказал Саймон. – Кто ее знает...

– Сара, я звоню из телефонной будки у дороги. Это Саймон. Отец платит за наши уроки тенниса?

- Да, платит, он это знает.
 - Я думаю, у него немножко плохо с деньгами.
 - Не настолько плохо, чтобы не хватило на теннис, это часть его денежного пособия. Начинайте, когда хотите, я за этим прослежу.
 - Ну... просто, понимаешь... он как-то немножко...
 - Я буду очень тактична, – пообещала Сара.
 - И еще, Сара, наши ракетки заперты в садовом сарае.
 - Уолтер? – спросила она.
 - Думаю, да, но если их о чем-то попросить, у них всех сразу делается такое плохое настроение...
 - Тебе не нужно ни о чем просить, я сама все сделаю, – ответила Сара.
 - Она рассердилась, как все? – спросила Мод.
 - Да, вроде рассердилась, только, похоже, не на нас, – подумав, ответил Саймон.
-
- Уолтер Митчелл? Это Сара, социальный опекун Саймона и Мод.
 - Знаю. К нам домой или в офис нечасто приходят такие, как вы. – Он тепло улыбнулся ей, но на этот раз ничего не достиг.
 - Зачем вы запираете ваш садовый сарай? – спросила она.
 - А какое вам может быть до этого дело? – огрызнулся Уолтер, и улыбка мгновенно исчезла с его лица.
 - Послушайте, мне плевать, если у вас там сложена пара тысяч порнографических журналов, только достаньте оттуда теннисные ракетки детей.
 - И вы проделали весь этот путь до моего офиса, чтобы доставить подобное сообщение? А почему они не могли просто попросить меня?
 - Судя по всему, в том доме, за возвращение в который детей я так боролась, пребывают в дурном настроении. Дети не хотят делать все еще хуже.
 - И они позвонили вам, – презрительно бросил Уолтер.
 - Что ж, я, по крайней мере, что-то сделала, – просто ответила Сара. – Вы дадите мне ключ сейчас, и я заберу их ракетки, или...
 - Я поеду и сам их найду, – сказал Уолтер.
 - Но ваша работа?
 - Я сам себе босс. Я могу сам решать, уйти мне или остаться. – Уолтер встал, словно собираясь выйти.

– Спасибо, Уолтер.

– Не за что, Сара, – ответил он.

Сара заметила, что, уходя, в коридоре он посмотрел в обе стороны и не спустился в главном лифте, а сбежал вниз по задней лестнице. Мистер Уолтер Митчелл работал в конторе своего дяди и вовсе не был так независим, как хотел показаться.

Дом на Сент-Ярлат-Кресент никогда не выглядел так хорошо. Яркие новые занавески, наружные ящики для цветов на окнах, спальня для невесты и жениха заполнена милыми мелочами.

– Здесь так пусто, знаешь, я ужасно скучаю по детям! – сказала Лиззи сестре. – И бедный Матти расстроен.

– Как часто они заходят? – спросила Джеральдина.

– Каждую субботу. Им хочется бывать здесь чаще, но это явно невозможно.

– А Кэти не может иногда привозить их? Она ведь может делать что хочет, и она не боится никого из Митчеллов, – предположила Джеральдина.

– Я уже несколько дней не видела Кэти и ничего не слышала о ней, – ответила Лиззи.

– Думаю, у нее сейчас слишком много всякого на уме, – сказала Джеральдина, которая гадала, почему Кэти не позвонила ей и не рассказала, как Нил на все отреагировал.

Состоялась еще одна репетиция модного показа Фезера. Джо счел нужным поговорить с Марселлой.

– Том не против всего этого? Ну... ты понимаешь... – Он махнул рукой в сторону полуодетых девушек вокруг них.

– Все в порядке, – ответила Марселла.

– Просто это...

– Это что?

– В последнее время я не видел его, но надеюсь, он не злится на меня за твое участие... – Он снова махнул рукой в сторону подиума.

– Нет-нет. Чтобы Том злился на тебя? Конечно нет. Он просто очень занят сейчас, вот и все. Я сама его почти не вижу.

– Привет, Кэти, это Джеральдина.

– Да, Джеральдина... ох... – Кэти явно была рассеянна.

– Извини, я не вовремя?

Момента хуже она просто не могла выбрать. Вокруг было полно людей, царило напряжение. Джеймс Бирн, Нил и человек из страховой компании ходили кругами по помещениям компании. Кэти сидела рядом с Томом и Джун. Они в энный раз проходили все снова.

– Не слишком... Почему я тебе не позвонила, да?

– Хотелось бы знать. – Джеральдина говорила кратко.

– Что?

– Я сказала, мне тоже хочется знать, почему ты мне не звонишь. Я тебя не слышала с того дня, когда ты делала для Фредди...

– Ну да.

– И как все прошло, когда ты сказала Нилу?

– Я не сказала.

– Но столько времени... – начала было Джеральдина.

– Пожалуйста, можно, я тебе перезвоню? – У Кэти срывался голос.

– Конечно. – Джеральдина была озадачена; она села и долго смотрела на телефон.

– Могут и месяцы пройти, прежде чем они заплатят, – сказал Нил, когда страховщик ушел. – Если мы выйдем все из них к Новому году, будет очень хорошо.

– А сколько всего нам нужно, Джеймс? – Лицо Тома выглядело суровым.

– Чтобы вернуться к тому, где вы были до происшествия, вам понадобится чуть меньше двадцати тысяч, – ответил Джеймс. – А возможно, и больше, поскольку я основываюсь на тех суммах, которые вы потратили на закупку оборудования, но вам тогда повезло с ресторанной распродажей.

– И во сколько нам это обойдется в неделю? – спросила Кэти.

Джеймс Бирн объяснил, что проценты будут зависеть от банка. И это в том случае, если банк согласится дать деньги.

– Они дадут, так как знают, что страховку в итоге выплатят и они вернут свои деньги, но все равно это будет дорого, – сказал Нил.

– Нил, мы не можем отдавать половину заработанного за неделю, ведь у нас есть и другие кредиты, ты же знаешь. – Том был печален.

– Прежде чем мы примем или отвергнем любое серьезное решение, – начал Джеймс Бирн, – дайте мне двадцать четыре часа на подготовку некоторых цифр, а потом уже вы по-настоящему увидите, каковы ваши возможности.

Он, похоже, знал, что людям всегда нужно время, чтобы успокоиться; боль была слишком свежа, а чувство провала слишком сильно, чтобы Том или Кэти могли мыслить рационально.

– Мне жаль, честно, – сказал Нил в машине, когда они ехали домой.

– Нил, ты сегодня вечером будешь дома? – решительно спросила Кэти.

– Ты знаешь, что нет, милая. Мне нужно пойти в комитет по бездомным. Это будет последний шанс чего-то добиться для них, перед тем как я отправлюсь на конференцию.

Конференция! Как она могла забыть, что Нил и еще четыре юриста будут представлять Ирландию на международном форуме по беженцам в Африке? И уезжал он завтра вечером.

– Ты не можешь сегодня туда пойти, мне нужно с тобой поговорить.

– Говори здесь, в машине, милая. Я не могу подвести тех людей.

– Сара им объяснит, скажет все за тебя.

– Кэти, будь рассудительной! Сара – молодой социальный работник, она не юрист!

– И когда все закончится?

– Откуда мне знать, милая... Уж когда закончится.

– Только не иди потом с ними в какое-нибудь ужасное кафе, чтобы болтать там всю ночь, возвращайся домой. Пожалуйста!

Он уже сердился:

– Кэти, я потратил весь день – в то время как мне следовало готовить документы для форума, – разбираясь с кошмаром в твоей фирме. Ты знаешь, я все сделаю для тебя, но уклониться от сегодняшнего мероприятия невозможно. И не надо принижать мою работу, говоря, что это болтовня всю ночь в каком-то ужасном кафе. Я никогда ничего такого не говорил о твоей работе.

– Нил! – Кэти была ошеломлена.

– Нет, я серьезно. Мы заключили договор, мы партнеры в лучшем смысле этого слова. Мы оба внимательны к своей работе и помогаем

друг другу. Через несколько лет все наладится и станет намного легче.

– Когда?

– Ну, определенно не сегодня, Кэти... Не раньше, чем ты снова поднимешь свой бизнес... Не раньше, чем я сделаю то, что хочу сделать.

– На это может уйти пять или шесть лет, – сказала она.

– Ну, мы ведь всегда так говорим, правда? – ответил Нил Митчелл; они помолчали. – Я не хочу спорить с тобой, Кэти, в особенности перед отъездом.

– Я тоже не хочу с тобой спорить, – чуть слышно произнесла она.

– Ты расстроена, только и всего.

– Только и всего, – согласилась Кэти.

– Я вернусь как можно раньше. Обещаю. – Нил улыбнулся.

– Конечно. – Кэти заставила себя улыбнуться в ответ.

– И послушай, когда я вернусь из Африки, мы поедем в «Холли», тот чудесный отель в Уиклоу, где мы как-то раз были на ланче, и там пообедаем и останемся на ночь.

– Прекрасно! – произнесла Кэти.

Когда он вернулся тем вечером, Кэти лежала в постели без сна. Если бы Нил проявил хоть малейшее внимание и заботу, она бы встала и все сказала ему. Он не мог уехать на девять дней, ничего не зная. Сквозь ресницы она видела, как Нил усталым движением снял рубашку и зашел в ванную комнату. Через открытую дверь Кэти наблюдала, как он кое-как почистил зубы и обтерся влажным полотенцем. И она видела его лицо, утомленное и напряженное.

Скользнув под одеяло рядом с ней, он сказал:

– Прости, милая, действительно после собрания было слишком много болтовни, как ты и предсказывала.

– Тебе не хочется выпить чашку чая? – предложила она.

– Поверь, я не смогу удержать глаза открытыми настолько, чтобы поднести ее к губам, – ответил он и тут же заснул.

Кэти встала и ушла в кухню. И на рассвете она все еще сидела там, не найдя решения. У них был хороший, крепкий брак, партнерство во всех отношениях. Боялась ли она сказать ему? Боялась ли преподнести наилучшую в чьей-либо жизни новость? Она услышала, как Нил зашевелился. Он спал пять с половиной часов, а она все это время просидела за кухонным столом. И если бы даже у

него сейчас нашлось время ее выслушать, что едва ли было возможно, она слишком растеряна и слишком измучена, чтобы как следует это преподнести. Когда он уедет в Африку, она пойдет к врачу, и тот подтвердит то, что она и так знала благодаря тесту на беременность. Что за ужасный, ужасный расчет времени...

– Вы двое страшно надоедливы, вы это знаете? – вернувшись домой, заявил Уолтер близнецам.

Саймон и Мод слегка огорчились.

– Мы подумали, так будет проще. Она говорила, что при любых проблемах нужно звонить ей.

– Но у вас не было проблем, вы могли просто подождать, когда я вернусь с работы!

– Мы думали, ты уедешь в Англию. Ты же нам не говоришь, что делаешь, – с вызовом произнесла Мод.

– Хотя, конечно, ты и не должен, – добавил Саймон.

– Ох, заткнись! Я принесу ваши чертовы ракетки, а потом можете позвонить ей и сообщить, что готовы к Уимблдону.

– А можно нам пойти с тобой и посмотреть, нет ли в сарае еще чего-нибудь, что нам понадобится?

– Нет! – отрезал Уолтер. – Сидите здесь и заткнитесь!

– Но как ты узнаешь наши... – заговорила Мод.

– Он соберет там все ракетки, а мы потом выберем, – сказал Саймон, которому не понравилось выражение лица Уолтера.

– А ты учишься, Саймон, – сказал Уолтер. – Медленно, но чему-то учишься.

Мартин Магуайр вернулся в Англию, так и не узнав, какая судьба постигла его прежнюю собственность. На этот раз Джеймс Бирн не стал уговаривать его навестить молодую пару, которая теперь там хозяйничала. Мартин Магуайр познал столько горестей в этом месте, и Бирн не думал, что у него хватит сил увидеть двоих молодых людей в столь отчаянном положении.

Джеральдина позвонила Джо Фезеру насчет пресс-конференции в конце следующей недели. Ей нужен был экземпляр его речи.

– Я предпочитаю говорить без подготовки, – сказал он.

– Как и все мы, но у нас должно быть то, что журналисты могут написать в своих газетах, нечто вроде заявки о намерениях, политике, патриотизме...

– Ой, да ладно! – засмеялся Джо.

– Я серьезно. Почему ты вернулся в Ирландию, и как тебе нравятся ирландские женщины, и какими они стали смелыми, и как хорошо одеваются... И какое у нас отличное правительство, которое поощряет все это, и...

– Ты не шутишь?

– И в мыслях не было.

– Джеральдина, а ты, кстати, не могла бы сама написать все это для меня?

– Не сегодня, мне нужно уйти. Ты сделай набросок, пришли мне факсом, или электронной почтой, или как угодно, а я свяжусь с тобой завтра утром.

– Конечно. Кстати, ты в последнее время что-нибудь слышала от Кэти или Тома?

– Нет, а почему ты спрашиваешь?

– Просто похоже на то, что они исчезли с лица земли. Я пытался дозвониться до Тома. Марселла говорит, у него все в порядке, но тогда почему он не отвечает на звонки?

– Я выясню и сообщу тебе, – сказала Джеральдина, после чего вышла из офиса и поймала такси.

Она больше не собиралась оставаться в неведении. Явно не было простым совпадением то, что Том ни с кем не общается, и Кэти тоже. Совершенно ясно, там что-то не так. И она решила поехать прямо в «Алое перо» и узнать точно, что там происходит.

Разбитое стекло, фарфор и поломанные деревянные предметы уже были убраны. Ну, более или менее.

Но все равно то и дело обнаруживались пугающие напоминания вроде осколка стекла в глубине ящика для столовых приборов. Вроде того, что большое блюдо, которое они сочли сохранившимся, вдруг треснуло и рассыпалось, увлекая за собой ломтики лосося. Все оказалось на полу, ничего было не спасти. И еда, и блюдо оказались в мусорном баке.

– Часы работы! – всхлипывала Джун.

– Мы все равно своего добьемся! – в отчаянии воскликнула Кэти.

Но они действительно потеряли часы работы и теперь остались без главного блюда для приема с ланчем. Кэти устало позвонила поставщику рыбы. Могут они разделать еще одного лосося за два часа?

– Это будет дорого, Кэти, – виноватым тоном ответил мужчина.

– Это обойдется еще дороже, если мы не доставим все, – заметила Кэти.

Она видела, что Том смотрит на нее. Они потратили так много сил, подбадривая всех, продолжая свое шоу на дороге, у них вряд ли нашлось бы время честно поговорить друг с другом.

– Мы выживем, Том, ведь так? – с грустью спросила она.

– Я знаю. Но иногда думаю, что нет, – ответил он.

Они со страхом переглянулись. Если они впадут в панику, их лодка может затонуть. Лишь оптимизм удерживал их на плаву.

– Конечно, теперь все выглядит намного лучше, чем в понедельник, – сказала Кэти.

– Даже лучше, чем вчера, – согласился Том.

Люди из компании Джей Ти Фезера уже все покрасили заново. Том сказал отцу, что очень важно, чтобы никто не узнал об их невезении; для бизнеса плохо, когда случается подобная катастрофа. Его отец невесело кивал и соглашался, что это правильно. Джей Ти Фезер даже на мгновение не подумал о том, что нужно все держать в тайне и от Джо. И когда в тот день его старший сын приехал в «Фатиму», ему во всех подробностях описали ограбление.

– Почему Том ничего не сказал мне? – Джо был потрясен.

– Он говорит, что помалкивает с деловыми людьми, так как это плохо выглядит, – ответил Джей Ти, качая головой.

– Понятно.

– Но странно, что он тебе не сказал, ты же не бизнесмен.

– Наверное, он предполагает, что в каком-то смысле я бизнесмен, – задумчиво предположил Джо.

– О чем ты, сынок?

– Да так, па, просто думаю вслух. Ты ему не говори, что я теперь знаю. Он сам расскажет, когда будет готов.

Джеральдина отпустила такси в конце переулка и медленно пошла вперед. Она вошла во двор компании через ворота, которые сама смазывала маслом в январе, когда они поспешно наводили порядок. Не было ничего такого, что не стала бы тогда обсуждать с ней Кэти, о чем не рассказала бы. Так почему все изменилось? Джеральдина заглянула в окно, через которое обычно видела небольшой квадратный стол с серебряной чашей для пунша и цветами. Со стен всегда смотрели вниз старинные разноцветные тарелки, и все выглядело чем-то вроде маленького рая еще до того, как вы открывали дверь в светлую, современную, деловую кухню. Джеральдина всегда восхищалась тем, как им удается создавать гостеприимную атмосферу с помощью глубоких кресел и дивана. Эти двое были очень сообразительными; они многое делали чисто интуитивно. Вот только сегодня все выглядело совершенно иначе. На столе ничего не было, только разная сломанная утварь вроде погнутых венчиков для взбивания яиц, выложенных в ряд. Всмотревшись, Джеральдина разглядела сквозь кухонную дверь, что внутри, похоже, произошли огромные изменения. Она не могла разобрать в точности, но со стен вроде исчезли приборы... Что здесь случилось с тех пор, как она приезжала сюда в последний раз? Она осторожно позвонила – и увидела, как явно измученная Кэти идет к двери.

– Ох, Джеральдина... – произнесла она без малейшего энтузиазма и не делая попытки пригласить тетю войти.

– Да, это я, – ответила Джеральдина, готовая перешагнуть порог.

– Время неподходящее, понимаешь, так уж вышло... – начала Кэти.

– Оно постоянно неподходящее в последние дни. Ты каждый раз говоришь, что перезвонишь мне, но не делаешь этого.

– Пожалуйста, Джеральдина, пожалуйста... Я приеду к тебе вечером, и мы поговорим. Нам есть о чем.

Джеральдина посмотрела мимо нее. Все казалось каким-то... побитым. А Кэти изо всех сил старалась не впустить ее внутрь. Джеральдина мягко, но решительно отодвинула ее.

– Извини, Джеральдина, но разве не ты постоянно говоришь, что никто никогда не должен вторгаться на чужую территорию... Это твои слова. Я ведь никогда не приезжаю в Гленстар, не позвонив заранее... Что же изменилось?

Но она опоздала, Джеральдина уже была в приемной и смотрела на разруху.

– Ох, боже мой! – воскликнула она. – О боже, бедное дитя, бедное, бедное дитя! Кто мог сотворить такое? – (Кэти лишь в ужасе смотрела на нее.) – Когда это случилось? Как давно?..

– В тот вечер, когда мы были у Фредди.

– Он не говорил.

– Он не знает, Джеральдина, никто не знает.

– Да почему же?

– Мы должны сначала во всем разобраться, а уж потом я хотела тебе рассказать.

– Но, Кэти, я твой друг, у тебя нет друзей ближе меня!

– Я знаю.

– Так почему ты не могла сообщить мне обо всем этом ужасе...

– Ты понимаешь почему. – Кэти опустила голову.

– Я не понимаю!.. Если бы кто-нибудь вторгся ко мне, в мой дом или офис, я бы сразу тебе сказала... я не стала бы хранить все эти глупые секреты.

– Я не плачу за твой офис, а вот ты платишь за мой, – сказала Кэти, все так же глядя в пол.

– Но это же не имеет никакого значения! Кто это сделал, Кэти, кто это мог быть? У полиции есть догадки?

– Они думают, мы сами это сделали, Джеральдина, вот что они думают. Что мы разгромили здесь все, чтобы получить страховку.

Марселла налила в ванну для Тома какое-то особое масло. Оно должно было снять боль в усталых мышцах, так она сказала; многие ее клиентки клянутся в этом.

– Большинство из них не встают в пять утра, чтобы испечь хлеб для «Хейвордса», они не тратят целые дни на то, чтобы вытаскивать огромные мешки и коробки разбитого и сломанного со своего рабочего места, – ворчливо откликнулся Том.

Говоря это, он слышал собственный голос, ноющий и полный жалости к себе, а ведь он всегда презирал подобных людей. И почувствовал, что Марселла слегка отшатнулась.

– Я знаю, тебе очень тяжело, но подумала, что это, может быть, позволит тебе почувствовать себя немножко лучше.

Она потратила кучу с трудом заработанных денег на этот подарок для него, а в ответ слышала только жалобы.

– А можно надеяться, что ты помассируешь мужские плечи? – спросил он.

– Конечно, но, вообще-то, предполагается, что сначала мужчина должен полежать десять минут в ванне, отмокнуть. – Она уже улыбалась.

– С этим никаких проблем. – Том улыбнулся в ответ и улегся в ванну.

Марселла вошла и села на край ванны, чтобы растереть ему плечи.

– Прошло уже четверть часа, и теперь ты почувствуешь себя намного лучше, – сказала она, а Том молился о том, чтобы она не догадалась, что он долгих пятнадцать минут лежал, стиснув зубы, гадая, как выдержать все, что ждало его впереди и дома, и на работе, – выдержать и не сломаться.

– Я думаю, Матти, тебе понравится теннис, – сказал Саймон в следующую субботу.

– Теннис не для таких, как я, – ответил Матти.

– Но разве не все могут делать всё? – поинтересовалась Мод.

– Не уверен. То есть вроде должны бы, только не всегда получается.

– Кэти обычно говорит, что все могут, – пояснила Мод.

– Это она думает, что может сделать все, хоть взлететь на крышу Либерти-Холла, – неодобрительно произнесла Лиззи.

– Уверен, Кэти может и горы сдвинуть, – сказал Матти.

– А нам кажется, что Кэти на нас сердится, – призналась Мод.

– Да с чего вы взяли, что она может на вас сердиться? – спросила Лиззи. – Если бы она злилась, то разве привезла бы вас сюда?

– Но она теперь никуда больше нас не берет, – ответил Саймон.

– Наверное, это потому, что вам полагается быть в большом доме, в «Буках», – решил Матти. – Они там установили разные правила для вас, где вам следует бывать, а где не следует, и она не хочет их нарушать.

– Мы ее вообще больше не видим! Наверное, сделали что-то такое, что ее рассердило, – предположила Мод.

– Детки, мы тоже почти не видим ее в последние дни, – сказала Лиззи. – Эта ее работа, понимаете. Они с Томом если и дальше будут продолжать в том же духе, то к концу года совсем измотаются.

– Джо, ты слышал о той истории у Тома и Кэти?

Они с Джеральдиной работали над его пресс-релизом.

– Да, слышал, но они ничего мне не говорили, если ты об этом.

– Мне тоже... Думаю, дело в том, что они не хотят втягивать нас и дальше. В финансовом смысле.

– Да, мне тоже так показалось. Но я полностью готов еще немного втянуться. А ты?

– Конечно да, но они такие обидчивые, оба. Пожалуй, нам нужно подождать, пока они не попросят.

– Кэти всегда держится так ровно... Я не представляю ее обидчивой.

– Она сама решает свои проблемы, Джо, поверь мне.

– Это довольно плохо, поскольку мой младший брат просто одурел из-за участия Марселлы в шоу. Если честно, мне иногда хочется, чтобы я вообще не говорил ей ни слова обо всех тех ребятах.

– Но разве для нее это не большой прорыв?

– Большое ничто, Джеральдина. Марселле двадцать пять лет. Она слишком стара, чтобы становиться манекенщицей. Если она всерьез этого хотела, ей нужно было начинать в шестнадцать.

– А она это понимает?

– Если у нее есть хотя бы капля здравого смысла, должна понимать.

– Том, приходи сегодня на репетицию, – умоляла Марселла.

– Нет, я не хочу мешать, – ответил он.

– Ты не помешаешь, многие девушки приглашают своих друзей. Эдди и Гарри думают, для нас хорошо иметь зрителей.

Тому не хотелось идти. Будет слишком неприятно видеть все это целый вечер. Он может не выдержать.

– Милая, если бы я мог, то пошел бы, но завтра у нас очень тяжелый день.

– Но, Том, ты же все равно будешь в «Хейвордсе», привезешь хлеб, и тебе надо всего лишь подняться на четвертый этаж. Я была бы

рада, если бы ты пришел.

Марселла очень хотела, чтобы он присутствовал на репетиции. Том собирался увидеть все в следующую пятницу, но почему бы не доставить ей удовольствие?

– Ладно, ты права, мне интересно заглянуть на закрытый просмотр, – сказал он, и глаза Марселлы засияли от волнения по поводу предстоящего показа.

Шона пришла к нему в кухню на следующее утро:

– Ты знаешь, Том, что ты теперь настоящий Мистер Популярность?

– Что я должен знать? – всполошился Том, решив, что Шона язвит.

Но это было не так. Все служащие говорили, что приятно входить в кухню, уже работающую с утра. Том готовил для всех кофе, и день начинался с буханки его хлеба. Работники ресторана поначалу немного сомневались, стоит ли допускать чужака на их территорию, но все вышло куда лучше, чем они могли вообразить.

– Приятно слышать, Шона.

Мысли Тома были далеко; он знал, что должен подняться наверх, на четвертый этаж, и увидеть Марселлу за ее, как она думала, новой работой. Шона колебалась.

– Просто... ну... я не знаю, как это сказать, но... если вы с Кэти не сможете снова встать на рельсы после того ограбления, думаю, ты должен знать, что здесь тебе готовы предложить хорошую работу.

Прежде чем ответить, Том тяжело сглотнул. Шона понятия не имела, о чем говорит. Она выразила в словах их величайший страх, что «Алое перо» может и не выжить. То, о чем они с Кэти не смели даже подумать. Более того, был брошен спасательный круг. Но не им обоим, а только Тому. Он с трудом заставил себя заговорить:

– Шона, ты так добра, и это было бы великой честью, но ты ведь знаешь, как мы убиваемся, стараясь продолжить дело.

– И я уверена, что продолжите, – дипломатично пробормотала она.

– Видишь ли, мы стараемся сохранить нашу мечту. Думаю, без нее никому не выжить.

– Не знаю, – пробормотала Шона.

– У тебя ведь тоже есть мечта?

– Была когда-то.

– И ты ее достигла?

– Да, я хотела иметь квартиру в Гленстаре, – тихо произнесла Шона.

Это казалось странным и унылым – желать такого. Но ведь другим людям желание Тома иметь кейтеринговую компанию могло показаться совсем не волнующим.

– А как насчет любви? – беспечно спросил он.

– Об этом я давно забыла, – так же беспечно ответила Шона, но Том усомнился в искренности ее ответа.

Одна секция на четвертом этаже была отделена занавесками для репетиции. Том потоптался рядом, неуверенный, входить или нет. Но вошел. Здесь было множество народа, суетившегося вокруг. Кто-то занимался установкой света, кто-то проверял музыкальные дорожки, и Рики был здесь, подсказывал фотографам, где лучше встать. Пока не видно было ни девушек, ни какой-либо одежды. Наверное, они находились в другом конце, и манекенщицы будут появляться из арочного прохода. У Тома снова сжался желудок при мысли о том, что его Марселла будет во всем этом участвовать. Он увидел неподалеку Джо, но постарался не встретиться с ним взглядом. А потом всех призвали к порядку с помощью музыки.

– Пожалуйста, мы просим тишины! – начал Джо. – Все должно быть точно рассчитано по времени. Если кто-нибудь упадет или свет не включится вовремя, просто продолжайте идти... Да, начинаем через десять секунд.

Рядом с Томом сели двое мужчин. Он улыбнулся и чуть пододвинулся на скамье, освобождая для них больше места.

– Спасибо, приятель, – сказал один из них.

Похоже, это были коллеги Джо из Лондона, и еще где-то здесь был владелец модельного агентства, уже заглядывавший сюда на неделе. Марселла говорила о нем. «Это сам мистер Ньютон», – то и дело повторяла она с таким почтением, что у Тома сжимались зубы. Может, один из этих парней с лондонским акцентом и есть сам мистер Ньютон?

– А где мистер Ньютон? – спросил Том.

– Вон там, приятель, – ответил один из них, кивая в сторону маленького мужчины, откинувшегося на спинку кресла, в котором лет сорок назад в студиях сидели режиссеры.

Том Фезер с удовольствием отметил, что мистер Ньютон похож на противную маленькую свинью. Том сидел и смотрел, как одна за другой выходили девушки, многие из них были юными и еще несформировавшимися, почти школьницы, в купальниках. Они танцевали на подиуме, перебрасывались мячом в ритме музыки, и в конце появилась Марселла. Она не танцевала, как другие, а просто горделиво шла между ними, словно устала от детских игр. На ней было белое бикини, похожее на три ракушки, две из них прикрывали грудь, а третья представляла собой крошечные стринги. Ее плоский загорелый живот и длинные загорелые ноги выглядели такими знакомыми и в то же время такими чужими в этой обстановке. Тому хотелось только одного – плакать. Она говорила ему, что Джо настоял на ее главной роли, что она не будет частью общей толпы, и это, похоже, оказалось правдой. Когда демонстрация пляжных платьев завершилась, девочки превратились в радугу нежных оттенков, но Марселла вышла в черном крошечном платье с декольте до пупка. Мужчины рядом с Томом, похоже, смотрели на нее с восхищением.

Том решил что-нибудь сказать:

– Я знаю ее. Хороша, правда?

– Великолепна! – согласился один из них.

– Какому-то парню здорово повезло, – заметил другой.

– Как вы думаете, она может добиться большого успеха? – спросил Том, стараясь говорить как можно более безразличным тоном.

Ему отчаянно хотелось, чтобы это шоу действительно принесло ей успех; он хотел этого сильнее, чем желал в глубине души, чтобы она с треском провалилась и забыла о своей мечте.

– Но она ведь не всерьез этим занимается, а просто для забавы, – сказал один из мужчин.

– Она знакомая Джо Фезера, вот он и дал ей поразвлечься, – добавил другой.

– Я думал, она надеется сделать в этом карьеру, – сказал Том.

Оба мужчины покачали головой.

– Невозможно, – произнес один.

– Она слишком старая, – сказал другой.

– Ей двадцать пять! – возразил Том.

– Вот именно, – кивнул мужчина и снова уставился на подиум, где уже появились девушки в ночных рубашках.

Марселла не выглядела бы более обнаженной, если бы предстала перед ними без единой нитки на теле. Тончайшее одеяние, облежавшее ее тело, лишь подчеркивало его прекрасные изгибы, словно обрисовывая его флуоресцентным карандашом.

Том оставил Марселле записку, сообщив, что она была неподражаема, что показ был замечательным и он гордится ею. А потом подъехал на фургоне к каналу и минут десять смотрел на двух лебедей, плававших туда-сюда и выгибавших длинные красивые шеи. Он не замечал, что плачет, пока не начал заводить мотор и не ощутил, как слезы падают ему на руку. Должно быть, он окончательно сошел с ума.

Вернувшись в «Алое перо», он нашел два конверта. Джеральдина прислала письмо Кэти, короткое и деловое. Она хотела сделать еще одно вложение в их компанию и была уверена, что Кэти слишком близорука и не смотрит вперед, отказываясь от этого. Однако, имея такое намерение, Джеральдина рассматривала возможность взять напрокат все необходимое, посуду и столовые приборы. Это может быть дорого, но, по крайней мере, не потребует немедленных затрат на покупку.

Кэти позвонила тете и оставила на автоответчике сообщение, благодаря ее. «Мы с Томом думаем, это отличная идея. Если нам придется платить за аренду всего несколько месяцев, в этом будет смысл. Еще раз спасибо, Джер. Ты великолепна!»

Другое письмо было Тому от Джо Фезера. Он краем уха слышал, что их ограбили, и выражает сочувствие и хотел бы немножко помочь им деньгами. Сейчас не время заполнять разные бланки и формы возврата налога на добавленную стоимость. Возьмите тысячу наличными, и, конечно, он оплатит счет по обслуживанию приема для прессы тоже наличными. Том позвонил брату и также оставил благодарность на автоответчике: «Мы с Кэти благодарим тебя от всего сердца, мы с радостью примем тысячу фунтов и учтем их как новое вложение, но, увы, все нужно делать строго по правилам. Если бы ты знал нашего бухгалтера, то понял бы, что его мы боимся больше, чем

кого-либо еще на всей земле. Спасибо еще раз, Джо, ты просто чудо! Ох, и еще. Утром я был на репетиции, шоу просто отличное!»

– А что, показ был и вправду хорош? – спросила Кэти.

– А почему ты спрашиваешь?

– Ну, все остальное, что ты ему говорил, было враньем, мы не боимся Джеймса Бирна, мы просто не хотим, чтобы у нас тут засветился незаконный иностранный капитал.

– Все в порядке, в смысле шоу, – медленно произнес Том. – Так оно и было.

– Но наверное, ты нашел слово получше, когда описывал все Марселле? – засмеялась Кэти.

– Ну да, нашел несколько. – Том печально усмехнулся. – Послушай, а как мы обслужим этот прием без всего необходимого?

– Начинаем брать напрокат, – ответила Кэти и стала звонить в компанию. – Это же будет наш первый настоящий выход на территорию «Хейвордса». Мы не станем у них самих занимать тарелки или бокалы. Мы им устроим настоящее шоу.

– Ты действительно думаешь, что все прошло хорошо? – спросила Марселла, когда вернулась домой.

Она немного посидела с Джо и его партнерами, обсуждая разные детали, и мистер Ньютон присоединился к ним.

– Это был сам мистер Ньютон? – спросил Том и тут же пожалел о своей язвительности.

Однако Марселла ничего не заметила.

– Да, он был так мил, и с ним легко разговаривать. Особенно если представить, с какими людьми ему приходилось иметь дело! А он просто самый обычный, как все.

– Представляю, – буркнул Том.

– Ну да, и он очень хвалил весь показ. Джо был в восторге.

– Хорошо, отлично!

– Просто поверить не могу, что все это случится в ближайшую пятницу! – воскликнула Марселла.

Том смотрел на нее, онемев от страха, что те двое партнеров Джо могут оказаться правы и Марселла действительно слишком стара, чтобы даже думать о начале карьеры манекенщицы.

– А есть реальная возможность, что мистер Ньютон предложит тебе контракт? – спросил он.

– Ну, мне не хочется питать слишком большие надежды, но похоже на то. И все же он сегодня видел только две репетиции, и, судя по всему, все зависит от показа в тот вечер... Можно отлично держаться перед горсткой зрителей и растеряться перед большой аудиторией.

– Ты не растерялась сегодня, а там было много народа. – Тому хотелось вселить в нее уверенность.

– Но потом будет человек триста или больше, – ответила Марселла, обхватывая себя руками. – И все-таки мне кажется, я смогу. Все те малышки из группы придают мне сил... Так здорово работать с ними!

– Так они моложе тебя? – спросил Том, делая большие глаза.

– Ох, Том, не заткнулся бы ты! Конечно моложе! Некоторые лет на восемь или десять, так что не валяй дурака.

– Я их не рассматривал, ты выглядела лучше всех... Но таких ли ищет мистер Ньютон, может, они слишком молоды?

Марселла нахмурилась:

– Знаешь, я тоже об этом подумала. Возможно, он ищет молодых для журналов, но он сказал Джо, что, по его мнению, я подхожу для многих вещей, которые он планирует. – Марселла слегка вздрогнула. – Все так чудесно, Том, правда, я с трудом в это верю.

Письма, факсы и электронные сообщения летели из Чикаго сплошным потоком. И каждое было озаглавлено просто: «Свадьба».

– Никто в мире не выходил замуж до Мэриан Скарлет, – ворчала Кэти, глядя на последнее сообщение.

– И на что ты жалуешься? Они хотят необычного, и мы дадим им это. – Том решительно сохранял бодрость.

– Нет, подожди, пока не услышишь.

– Кэти, честно, ты же суетишься просто потому, что она твоя сестра. В той церкви никогда не устраивали свадеб, но там все будет как надо, поверь мне, и Рики сделает фотографии...

– Но ты не выслушал...

– Священник в восторге, и думаю, мы отлично заработаем и для себя, и для него, – поспешил сказать Том, а Кэти беспомощно смотрела

на него. – Люди моего отца уже все там покрасили, священник помог прихожанам повесить цветочные ящики на окна... Все будет выглядеть... – Он замолчал, взглянув на ее лицо. – В чем дело?

– Том, они хотят традиционную ирландскую свадьбу! Они хотят, чтобы подавали солонину и капусту!

– Чего ради, черт побери?!

– Они думают, что это традиционная ирландская еда.

– Но Мэриан выросла на Сент-Ярлат-Кресент, она не может так думать!

– Она слишком долго жила в Иллинойсе, – пожала плечами Кэти.

– Но мы не будем подавать солонину и капусту! – заявил Том.

– Знаю.

– И кто ей об этом сообщит? – грозно спросил Том.

– Ты лучше умеешь выбирать слова.

– Она твоя чертова сестра!

– Тут вопрос, что именно мы можем представить им как типично ирландское, чтобы убедить.

– Но таких вещей тысячи, видит бог! Баранина из Уиклоу, ирландский лосось, груды лобстеров, мидии. Мы можем выставить в центр стола ирландских моллюсков... Я бы даже предположил, что им понравятся огромные ребра ирландской говядины. Разве Чикаго не такое место, где множество скотных дворов и всякого такого? Они должны были привыкнуть к большим порциям говядины на тарелках!

– Они не хотят того, к чему привыкли. Они хотят, чтобы были ирландские танцы, шилейлы^[2] и девушки, которые пожелают им доброго утра...

– Не может быть!.. – Том был в ужасе.

Кэти снова помахала перед ним письмом.

– Да, похоже на то... Гарри твердит о том, что с нетерпением ждет нового опыта, вхождения в другую культуру, хочет испытать иное, попробовать простую, неиспорченную деревенскую кухню.

Том уронил голову на руки:

– Ладно, Кэти, давай думать, что мы им предложим. Представить только, а ведь мы считали, что это будет легко устроить!

– В этой игре нет ничего легкого, – ответила Кэти с таким вздохом, что Том вдруг посмотрел на нее.

– Ты в порядке? – спросил он, обеспокоенный выражением ее лица.

– Конечно нет! Мы не можем и дальше себя обманывать. Мы просто не можем организовать эту свадьбу. – Кэти согнулась пополам, обхватив голову руками, и все ее тело содрогнулось от слез. – Мы просто не можем двигаться вперед. Это нелепо! Мы сошли с ума, взявшись... – Она всхлипнула.

– Кэти, Кэти! – Том вскочил, подошел к ней и опустился на колени, а она сжалась в комок и даже не пыталась скрыть слезы или тот факт, что полностью потеряла контроль над собой. – Мы что-нибудь придумаем.

– Но о чем тут думать? – всхлипнула Кэти. – Мэриан сходит с ума, нам вообще не следовало ее слушать, нам нужно сказать ей, что мы сдаемся, не можем справиться, почему мы должны и дальше притворяться, что все в порядке, когда это не так?

– Потому что это единственный способ продолжать бизнес. – Том произнес это очень мягко и утешающе погладил Кэти по голове.

– Нет, мы не должны притворяться, нам конец, разве не так? Нам никогда не вернуться к прежнему... – Внезапно она встала и посмотрела на Тома красными безумными глазами. – Разве ты не видишь, что мы просто обманываем себя, что с каждым шагом увязаем все глубже, и от этого нам еще труднее подняться. Мы сильнее и сильнее залезаем в долги...

Тому тоже пришлось встать, и теперь он привлек ее к себе, обняв по-медвежьи:

– Но так не будет продолжаться, и ты должна мне помочь. Когда я слышу, что ты такое говоришь, я почти верю тебе, слышишь?

Она плакала в его объятиях, а он снова и снова гладил ее по голове. Было таким наслаждением больше не сдерживаться, не приклеивать без конца на лицо фальшивую улыбку перед Джун и Коном и кем угодно, кто приходил и уходил.

Плечи Кэти вздрагивали, а Том обнимал ее, пока рыдания не затихли. Она что-то пробормотала, но он не расслышал, потому что она уткнулась в его свитер.

– Что ты сказала?

– Я сказала, все кончено. Мы должны быть сильными и признать это.

– Нет ничего сильного в том, чтобы подвести твою сестру в величайший день ее жизни.

– Скажи ей, пусть найдет других лепреконов.

– Других нет. Мы единственные эльфы в городе.

Том посмотрел на лицо Кэти. Похоже, немного помогло. Она почти улыбнулась.

– Ты никогда не думал о том, чтобы все бросить?

– Нет, никогда.

– Ладно. – Кэти громко высморкалась. – Ладно, если мы не бросаем, то должны все пересмотреть.

– Перейти к чему-то традиционно ирландскому, за что возьмется «Алое перо»?

Том наблюдал за ней. Ей уже было лучше. Они возвращались в бизнес.

Их компьютер избежал нападения вандала по чистой случайности – он был в то время в ремонте. Кэти села перед ним.

– Мы пошлем электронное письмо. Ты начнешь творчески, убедительно, а я сыграю роль давно потерянной сестры.

– Мы должны заставить ее думать, что она сама до этого дошла, – задумчиво произнес Том.

– И что заставило нас думать, будто кейтеринг вообще имеет какое-то отношение к поставкам еды? – засмеялась Кэти.

– Это же просто ради продажи, мам, – в двадцатый раз сказал матери Джо Фезер.

– Но в газете написано, что это для всех.

– Для всех, кто занимается производством и продажей одежды. Мама, поверь, я бы тебя пригласил, если бы там было хоть что-нибудь, что тебе захотелось бы увидеть.

Он говорил чистую правду. Его матери совсем не понравилось бы, что ее будущая невестка, которую она и без того весьма не одобряла, выходит на люди почти без одежды. Не понравилось бы ей и лицо ее сына Тома во время показа. Джо видел его на репетиции и прекрасно понял, как тяжело Том все воспринимает, хотя и старается это скрыть. В чем, кстати, не было необходимости. У Марселлы не имелось ни единого шанса войти в модельный бизнес. Да, красивая женщина, но на подиуме двигается как деревянная и сложена так, что вы видите

только ее тело, а не одежду, которую она демонстрирует. Она и пяти минут не продержалась бы в большом мире моды. Конечно, Том не воспринял всерьез все эти идеи насчет работы где-то за морем. Конечно же.

Кэти вернулась из магазина продаж за наличные, и Том помог ей разгрузить фургон.

– Одно сообщение: Саймон и Мод больше тебя не любят.

– Саймон и Мод? Что я на этот раз сделала?

– Суть в том, чего ты *не* сделала. Они хотят снова прийти полировать твои сокровища.

– Но у нас больше нет сокровищ, – жалобно откликнулась Кэти.

– Строго говоря, их никогда и не было, – грустно произнес Том.

– Они так всем говорят. Это хуже новостей по телевизору в девять вечера. Они не могут сюда прийти. Они доведут Матти и Лиззи до истерики, и заказ из Чикаго отменят, и все всё отменят, если узнают, из чего мы выбираемся. – Она чувствовала себя виноватой перед близнецами, но знала, что со своей стороны совершенно права.

Но Том не дал ей ускользнуть.

– Они думают, мы на них злимся, и хотят знать почему.

– Вот дерьмо! – выругалась Кэти. – Сейчас они нам совершенно не нужны.

Том промолчал. Он продолжал разгрузку.

– Хорошо, ты победил, если честно, у них и так много дел, они обойдутся без сокровищ. Я их куда-нибудь отвезу.

Она пошла к телефону.

Ответил отец близнецов. Кэти не могла вспомнить, как она к нему обращалась – Кеннет или мистер Митчелл.

– Это Кэти Скарлет. Мне бы хотелось поговорить с Мод Митчелл или Саймоном Митчеллом, если можно.

– О да, конечно... э-э-э... мы уже встречались, если я не ошибаюсь, – произнес голос в трубке.

Кэти услышала, как он бормочет: «Чрезвычайно грубая женщина» – и зовет детей. Кэти снова охватило чувство вины, когда она услышала их волнение.

– Нам звонят? – спросил Саймон.

Обычно им никто не звонил.

– А кто это? – спросила Мод, но ответа не получила и побежала к телефону.

– Точно, точно! – закричала она. – Это Кэти!

К глазам Кэти внезапно подступили слезы, но она подавила их, предлагая детям отправиться на прогулку.

– Я подумала, мы можем пойти в кино и съесть по бургеру, а потом я отвезу вас домой, – предложила она.

– А если мы придем и встретимся с тобой в «Алом пере»? – предложил, со своей стороны, Саймон.

– Нет, то есть спасибо, нет, Саймон, вы просто сядьте в автобус до О’Коннелл-стрит... а я вас встречу там.

– Пойдем с нами, Том, – попросила она.

– Нет, осталось всего два дня до показа. У Марселлы нервы на пределе, и она сказала, что хочет сегодня вечером поговорить.

– Хорошо. Я вдруг подумала, может, тебе тоже захочется расслабиться.

– Мне бы надо, – кивнул Том. – Но время слишком напряженное, и ты ведь не забыла, что после показа у нас ужин?

– Нет, конечно. И где?

– В маленьком итальянском ресторане, и Джеральдина придет. Рики и Джо тоже, думаю, если все обойдется, а еще Шона и с полдюжины других людей. Мы пойдем, как только показ закончится. В «Хейвордсе» сказали, мы можем просто прибраться в их кухне и запереть ее. Я справлюсь, когда приеду туда печь хлеб в субботу.

– Ты слишком много работаешь, – с сочувствием произнесла Кэти.

– Ты тоже. Там было что-нибудь стоящее внимания, в том магазине?

Кэти бросила на него быстрый взгляд. Поездка была изматывающей, у Кэти болела спина, а кое-что из продуктов, увиденных ею, вызывало у нее тошноту. Ей казалось, что все это никогда не закончится.

– Сегодня в общем было неплохо, – ответила она.

Ей предстоял еще один очень тяжелый разговор – в тот день, когда придется сказать Тому, что она возьмет отпуск по родам. Но она подумает об этом, когда будет необходимо.

– А ты уверена, что мы не сделали ничего плохого? – настаивала Мод, когда они после кино ели бургеры.

– Да, Мод, и помни, что я вам говорила: не воображайте себя центром мира.

– Да, но мы боялись, что ты думаешь...

– Я ничего вообще о вас не думаю, мы просто были очень заняты.

– Тогда как можно узнать, когда кто-то действительно сердится на тебя или он просто занят и о тебе не думает? – удивился Саймон.

– Все приходит со временем, Саймон, ты начнешь понимать.

– А ты была старше нас или моложе, когда начала понимать? – спросил Саймон.

– Немножко старше, думаю, примерно на полгода. – Кэти чувствовала себя очень уставшей.

Чем больше дети снова и снова болтали о каком-то сумасшедшем по имени старина Барти, и о странной еде, которой их кормят, и о том, что мать подолгу лежит в постели днем, а отец уходит ночью, тем сильнее она понимала, что было огромной, огромной ошибкой отпустить близнецов без борьбы. Кэти знала: Нил дал неверный совет. Все это не имело никакого отношения к плоти и крови. Матти и Лиззи Скарлет, сидевшие теперь в одиночестве на Сент-Ярлат-Кресент, могли стать Мод и Саймону куда лучшими родителями, чем те, кто реально привел их в этот мир.

– А почему бы не отвезти вас повидать Грохота до того, как вы поедете домой? – внезапно спросила она.

Они переглянулись с неловким видом. Мод смущенно пошаркала ногами, а Саймон уставился на дверь ресторана.

– В чем дело? – Кэти посмотрела на них по очереди.

– Ну... ты ведь знаешь уговор... Мы не должны возвращаться на Сент-Ярлат-Кресент, кроме как по субботам, – начал Саймон.

– Но это договор о том, что вы должны быть хорошими детьми и возвращаться домой сразу после школы. А сейчас каникулы.

– Сара говорит, что это и к каникулам относится.

– Но это просто небольшая поездка, и вам разрешили пойти со мной, так разве я не могу повезти вас, куда мне захочется?

– Лучше не надо, Кэти... Сара говорила, что мама с папой немножко завидуют тому, что нам весело с Матти и его женой Лиззи...

И им не нравится, когда мы там бываем... Ну... вдруг окажется, что мы даже предпочтем...

– А это так? – спросила Кэти.

– Ты сама нам объяснила, что не нужно говорить, будто ты предпочитаешь одно место другому. Что это будет невежливо, – смущенно произнесла Мод.

– Я так говорила? Наверное, я когда-то была очень умной.

– Это было не так уж давно, – возразил Саймон. – Ты не могла растерять ум за такое короткое время.

– Я тебя люблю, Саймон! – вдруг воскликнула Кэти. – И тебя я люблю, Мод! Верно, если мы все съели, я отвезу вас в дом ваших родителей.

Кэти засуетилась, собираясь уйти, так что не увидела потрясения, отразившегося на лицах близнецов. Никто никогда не говорил им «я тебя люблю». Они просто не понимали, что с этим делать.

Когда они подъехали к дому, Кэти уже хотела высадить их у дверей.

– Пожалуйста, зайди к нам, – попросили они.

– Нет, правда, лучше не надо.

– Но ты ведь их не боишься, как Матти! – воскликнул Саймон.

– И мы могли бы потанцевать для тебя, – добавила Мод.

– Точно, я найду, – решила Кэти и уверенно вошла в дом. – Кеннет, Кей, спасибо, что дали мне на время ваших потрясающих сына и дочь! Мы отлично провели время, или мне так кажется.

Она посмотрела на детей, ожидая вежливого энтузиазма, которого, как она их учила, всегда ждали люди.

– Ужасный фильм, – заявила Мод.

– А Кэти заплатила за два бургера для каждого, – сообщил Саймон.

– Значит, им не нужно ужинать.

Кэти огляделась, ища какие-нибудь признаки того, что кто-то готовит ужин для детей в восемь вечера летнего дня.

– В холодильнике есть ветчина, – с легким вызовом заявила Кей.

– О... Я в этом уверена, Кей, как и в том, что вы бы приготовили для них чудесный ужин, учитывая условия договора и прочее, но не думаю, что сегодня им чего-нибудь захочется.

– Да, действительно, спасибо, – сказал Саймон.

– А можем мы сейчас надеть туфли и включить музыку? – поинтересовалась Мод.

Родители растерянно наблюдали за тем, как дети приподнялись на цыпочках, выжидая нужного момента мелодии, а потом начали серьезно танцевать в кухне. Они теперь делали это намного лучше, чем тогда, когда Кэти видела танец в последний раз, и она прижала ладонь ко рту, скрывая нервный смех и подавляя чувство, что Мэриан просто убьет ее, если дети провалятся на публике.

– И это, видимо, для свадьбы? – спросил Кеннет Митчелл, аплодируя лишь потому, что его жена и Кэти бурно захлопали.

– Да, у моей сестры свадьба в следующем месяце... Они будут главным номером.

– Вот в этом я не слишком уверен...

Кэти сжала кулаки. Этот дурак даже не пытался скрыть свои возражения.

– О, вы можете быть уверены, Кеннет. Помните, что вам говорил об этом ваш брат Джок? Это входит в условия договора.

– Да-да, конечно.

– И кстати, о договоре, я хочу, чтобы вы знали, как точно соблюдают его Саймон и Мод. Видите ли, я забыла, что вы разрешаете им навещать моих родителей только раз в неделю, и хотела сегодня ненадолго отвезти их туда, чтобы они поиграли со своей собакой...

– Погодите, это ведь на самом деле не их собака?

– Нет, это так, это именно их собака. Мой отец купил щенка специально для них и ухаживает за ним для них с удовольствием, ожидая субботнего визита, но вы меня перебили. Я говорила, что вы должны гордиться своими детьми. Они напомнили мне о договоре, когда я о нем забыла. Думаю, они великолепны, так честно все соблюдая, следуя вашей воле.

– Ну... э-э-э... да, конечно...

– Поэтому я решила упомянуть об этом, ведь если они так благородно соблюдают букву закона в соответствии с вашими желаниями, вы могли бы проявить такое же благородство в следующем месяце и разрешить им несколько лишних визитов в дни свадьбы, чтобы они могли со всеми познакомиться.

– Ну, нам надо посмотреть... – начал Кеннет.

– Конечно, и вы подумаете. – Кэти лучезарно улыбнулась детям. – Ваш отец благоразумен, как я вам и говорила, так что никаких проблем с разными свадебными вечеринками не возникнет... И как только Нил вернется из Африки, он и его отец смогут все это подтвердить. – (Дети растерянно смотрели на нее.) – Спасибо вам огромное, очень приятно было к вам зайти.

И с этими словами она ушла, но слегка помедлила, достаточно, чтобы услышать, как Кеннет Митчелл говорит:

– Необыкновенная женщина.

И, даже не оглядываясь, она словно увидела, как он качает головой.

– Милая, прежде чем произнесешь хотя бы слово, позволь сказать, что ты произвела сенсацию, – заявил Том.

Но на ее лице отражалась тревога, как будто она его не слышала.

– Марселла, о чем ты беспокоишься? Скажи мне, ты ведь выглядела чудесно, ты просто затмила всех на подиуме, ты ошеломительно... понимаю, это нервозность актера...

– Нет, не в этом дело.

– Но в каком-то смысле это так. Ты себе твердишь, что через день с небольшим, завтра в десять вечера, все закончится и жизнь вернется в прежнее русло.

– Вот именно. Я не могу вернуться туда, только не теперь.

– О чем ты, куда вернуться?

– В тот салон, шлифовать ногти.

– Но теперь люди тебя увидели, у тебя будет работа...

– Не будет никакой работы, если у меня не будет агента.

– Ты говорила, мистер Ньютон...

– Пол Ньютон заинтересовался, он может меня представить и устроить несколько проб за морем... Но это неопределенно... как получится.

– Я помню, ты говорила, что боишься плохо выступить в день шоу, но все будет хорошо, не сомневаюсь. Я ведь вижу в тебе уверенность... – Том умолял ее поверить ему.

– Все эти грубые, самовлюбленные люди, они привыкли получать желаемое...

– Он тебя увидит на шоу завтра вечером и поймет: ты – это то, чего он хочет.

– Это немножко другое.

– О чем ты?

– Они все такие в этом кругу, они могут тебя возвысить или сломать. Если ты играешь по их правилам, то станешь частью всего этого. Если не играешь, тебе не позволят присоединиться. – Марселла растерянно сжимала руки.

Том понятия не имел, что она пытается сказать.

– Так в чем проблема? Если ты завтра хорошо выступишь на подиуме, как тебе того и хочется, ты станешь частью этого, или как бы ты это ни называла.

– Они говорят, что мы должны будем пойти с ними на вечеринку завтра вечером, – уставившись в пол, сказала Марселла.

– На вечеринку?

– Да, в их отеле.

– Но мы не можем. Ты ведь знаешь, мы готовим ужин в итальянском стиле. Ты должна им сказать, что у нас не получится.

– Не ты, только я.

Том решил, что она шутит, и засмеялся:

– И что, ты выступишь на бис?

– Не на бис. Если я это сделаю, то попаду в его списки, и все.

Том понял, что Марселла не шутит. Она на самом деле давала ему понять, что этот тип сделал ей особое предложение. Или ты пойдешь в отель и на вечеринку, или я тебя не знаю. Очень смешно.

– Это просто потому, что ты так чудесно выглядишь. Ты заставляешь мужчин терять рассудок и говорить подобные глупости.

– Он был серьезен.

– Ну, он может иметь в виду, что ему вздумается. Я скажу Джо и близко не подпускать к показу этого типа завтра вечером, чтобы он тебя не расстраивал.

Марселла позволяла себе всего несколько сигарет в день. Она знала, что они портят цвет ее кожи и зубов. Но сейчас она закурила.

– Том, не мог бы ты на минутку перестать жестикулировать? Нет смысла говорить Джо что-то подобное. Он нуждается в таких людях, как Пол Ньютон, чтобы показывать свою одежду. Ты не скажешь ничего такого, что могло бы этому помешать.

– Тогда о чем мы говорим? – спросил Том.

– Мы говорим о предложении Пола Ньютона, – просто ответила Марселла.

Том недоверчиво уставился на нее. А потом засмеялся. И это был настоящий смех, не притворный. Она должна была шутить. Но почему она сама не смеется?

– Ты же это совершенно не всерьез, так? – внезапно спросил он.

– Никогда не была более серьезна, и именно об этом я хотела с тобой поговорить.

– Прекрати, ты с ума сошла! Ты же не какой-нибудь классный пирог, который он может купить за мысль о контракте!

– Это не мысль, это реальный контракт, – ответила Марселла.

– И ты с ним трахнешься за это?

– До этого не дойдет, ты знаешь. Просто вечеринка с девушками и шампанским, вот что они хотят.

– Так, давай передохнем. Ты мне совсем голову заморочила.

– Я ни разу в жизни тебе не солгала и не изменила. С чего бы мне делать это теперь?

Марселла говорила странным, почти неживым голосом, как уже было однажды, когда Том решил, что она ему лжет и ушла на вечеринку вместо спортивного зала.

– Он просто обманывает тебя, не будь доверчива, не покупайся на это! Ты для этого слишком умна, видит бог.

– Ну... или то, или другое...

– Ладно, пусть будет другое, ты скажешь ему, что он обломился.

– Это мой выбор, мое будущее, и только я должна сделать или не сделать это, попасть в списки настоящего модельного агентства или навсегда потерять шанс.

Том смотрел на нее и начинал понимать, что она говорит всерьез.

– Значит, мы вовсе ничего не обсуждаем, а ты просто сообщаем мне, что именно собираешься сделать. Так?

– Не совсем.

– Тогда что?

– То, что я не собираюсь прятаться за твоей спиной, как могла бы с легкостью.

– А мне бы хотелось.

– Ты же не имеешь это в виду... Мы поклялись, что будем честны друг с другом. Только я не представляла, что честность вот к такому приведет. Это бессмысленно, глупо даже думать, что он такой самовлюбленный наглец.

– Тогда зачем вообще размышлять об этом?

– Потому что для него это не бессмысленно. Так в чем беда?

– То есть ты мне говоришь, что будешь не против, если я ради работы сделаю нечто подобное?

– В бизнесе нам приходится быть любезными с людьми. И ты это делаешь каждый божий день, вспомни ту жуткую женщину, у которой журнал, где были наши фотографии... Она всячески тебя обхаживала. Думаю, ты мог бы пойти на обед или на вечеринку с ней, если бы пришлось, если бы было нужно.

Том захохотал при одной мысли об этом:

– Слушай, когда ты говоришь нечто подобное, я на девяносто процентов уверен, что ты бы послала меня подальше в таком случае. – И снова он не услышал ответного смеха. – Так ты признаешь, что он тебя хочет? – спросил он.

– Он восхищается мной, и я ближе к нему по возрасту, чем эти подростки. Это просто вечеринка, Том. Повторяю, я бы не стала возражать, если бы ты пошел на вечеринку с той женщиной.

– Не пошел бы, даже если бы от этого зависела моя жизнь, не говоря уже о карьере.

– Жаль, что я не пойду с тобой завтра.

При чем тут это? То, что сейчас говорил и делал Том, было очень важным. Это могло повлиять на всю его жизнь. Он должен быть весьма, весьма осторожен. Он стоял в маленькой гостиной, а Марселла сидела за столом. Эта картина впечаталась в его мозг. Стол был накрыт скатертью из розового мятого бархата, ее подарила им Кэти на прошлое Рождество. На нем стояла плоская белая фруктовая ваза с персиками и черным виноградом. Вечерний свет падал на волосы Марселлы, создавая странный эффект ореола. Словно она какая-то святая. На ней были просторный черный хлопчатобумажный свитер и синие джинсы; выглядела она на восемнадцать. Ее огромные глаза всматривались в его лицо, ища ответа, который он собирался дать.

– Итак, Том? – спросила она.

– Итак, Марселла?

– Итак, что ты собираешься мне сказать?

– Как ты и говорила, это твое решение, твой выбор, твоя карьера. И никакие мои слова этого не изменят, – мягко сказал Том, держа ее за руку.

– Но... – продолжила она за него.

– Но мое сердце разбилось бы, если бы ты вошла в ту команду как девушка для вечеринок, и это лишило бы достоинства и уважения нас обоих, и, несмотря ни на что, тебе нет необходимости это делать. И при нормальных обстоятельствах ты и думать о таком не стала бы, но сейчас ненормальное время, ты слишком нервничаешь из-за завтрашнего вечера.

Том смотрел на нее, ожидая, что она бросится в его объятия и поблагодарит за такое понимание. Последовало долгое-долгое молчание.

– Итак, любовь моя, ты придешь на *нашу* вечеринку с *нашими* друзьями, которые выпьют за твой успех?

– Спасибо тебе за все, за то, что не вышел из себя и забыл дикую мысль, что я могу тебе солгать.

– Нет-нет, я знаю, ты не стала бы, – поспешил успокоить ее Том.

Но она так и не сказала ни «да», ни «нет». Он должен был дать ей самой во всем разобраться. Она не хотела продолжать разговор, а он должен был говорить так честно, как мог, не вскакивая и не колотя кулаком по двери, чего ему хотелось. Марселла встала, обошла стол, обняла его и увлекла к дивану. И они долго-долго сидели там на закате, держась за руки, и голова Марселлы лежала на плече Тома.

Привезли массу взятого в аренду оборудования, все установили на места. Мужчины ходили туда-сюда, приносили ящики, в которых лежали кухонная утварь и фритюрницы. Шум стоял пугающий. При мысли о том, сколько им придется заработать, чтобы расплатиться за все, доводила Тома и Кэти до слабости. Джун и Кэти все проверяли и готовили закуски для показа мод.

– Большинство из них вообще ничего не будут есть, это же модельки, они хотят стать звездами, тощими, как палочки, – жаловалась Джун.

– Нет, ты совершенно ошибаешься. Главными там будут люди, слишком старые и слишком толстые для той одежды, которую будут

демонстрировать. Кстати, и моя свекровь придет.

– А у Ханны глаза не вылезут, когда она увидит то, что покажут?.. Так, это предпоследний поднос... еще один, и я пойду загружать фургон.

– Хорошо, а я начну готовить для Чокнутой Минни, – весело откликнулась Джун.

– Тише, Джун! Однажды она явится и услышит тебя, – предостерегла ее Кэти.

Минни была женщиной, чей муж думал, будто его жена умеет готовить, а потому каждую пятницу она приезжала за одним свежим блюдом и пятью замороженными ужинами на двоих. Кэти давно уже предлагала научить ее готовить простые кушанья, какие той захочется, но нет, Минни предпочитала, чтобы они готовили все по ее выбору и в ее посуде. Поэтому каждый раз, когда Кэти готовила карбонад по-фламандски или цыпленка по-провансальски, то делала две лишние порции и укладывала их в красные или зеленые контейнеры Минни.

– Что за несчастная жизнь у этих двоих, они никого не приглашают и никуда не выходят, – с сочувствием сказала Кэти.

– А она что, думает, будто в неделе шесть дней? – предположила Джун.

– Нет, раз в неделю они покупают рыбу с жареной картошкой. Это маленькое угощение от ее мужа в благодарность за все хлопоты.

– Он, должно быть, глупый как пробка, – предположила Джун. – А ей лучше ничего ему не рассказывать. Я всегда считала: чем меньше ты говоришь мужчинам, тем лучше.

– Но что это за отношения – врать о чем-то таком простом, вроде того, что не она готовит ему ужин? – спросила Кэти.

– Поверь мне, я тащу этот воз дольше вас обоих, – сказала Джун. – Помалкивай и делай то, что тебе нравится. Вот мой девиз.

Том мрачно унес подносы. В том, что сказала Джун, была некая правда, думал он. Предположим, Марселла сказала бы, что уйдет на тренировку, или на деловую встречу в отеле, или еще куда-нибудь. Конечно, он поверил бы ей и никогда бы не познал ужаса прошлого вечера и осознания того, что Марселла все-таки выберет вечеринку с мистером Ньютоном, а не ту, которую он сам с такой любовью организовал. Когда он вернулся, Кэти с явным неудовольствием рассматривала какое-то блюдо.

– Что это такое? – спросила она Джун.

– Боже, подумать только, ты спрашиваешь меня! Это пуссены – крошечные цыплята. Я готовлю их для Минни. Ты что, спятила или как? Убери их вон туда, в сторону, ладно? Я на них смотреть не могу, меня от них тошнит, они вроде как... ну... не знаю, на человечков похожи.

– Конечно. – Джун продолжала весело болтать. – Знаешь, мне кажется, мы должны попытаться подготовить что-то вроде рождественского меню заранее, кучу разного для всяких идиотов, которым нравится иметь дома канapé и маленькие пирожки с мясом...

– Чтобы мы могли развезти все это в фургоне? – Кэти взбодрилась.

– Мне бы понравилось. Мы бы объехали все эти дома, желая всем веселого Рождества, как Санта-Клаус. А ты будешь еще работать в Рождество? – небрежно спросила она.

– О чем ты? – встревожилась Кэти.

– Я имею в виду, когда ты возьмешь отпуск и все такое? Нам ведь лучше знать, да, Том?

– Конечно, – согласился Том, ничего не понимая.

– И кстати, ты вообще собиралась нам сообщить о ребенке? Я к тому, что мы, может, должны дождаться, пока ты не попросишь нас вскипятить воду и следить за схватками?

В «Хейвордсе» царил суёт. Тома мутило при мысли почти обо всем, и этим вечером мнение людей о кейтеринге «Алого пера» было последним в списке. Он помог Кону, Джун и Кэти подготовить прием для прессы, а потом ускользнул и поставил в вазу в гримерной небольшой букет роз. Он приложил записку: «Прекрасная, чудесная Марселла! Удачи тебе в первый вечер и всегда!» Его рука при этом немного дрожала. Девушки ушли на сцену фотографироваться. Позже они должны были присоединиться к журналистам. Том немного задержался у гримерной. В глубине души он знал, что все это просто из-за нервов и что Марселла не собирается снова возвращаться к теме, разве только из-за смущения. Ему просто хотелось выгнать из памяти тот странный, неживой, монотонный голос, которым она говорила.

Прием для прессы прошел очень хорошо, трое журналистов взяли визитки «Алого пера» вместе с пресс-релизом «Показ Фезера». Братья сфотографировались вместе.

Кэти была потрясена утренним открытием. Она плела им разные сказки, но в целом выходило, что она сама до конца ничего не осознавала. Она только что была у врача, и тот все подтвердил, и она не смогла сообщить Нилу до его отъезда в Африку... А они как-то сумели все понять. И необходимость принятия решения для нее. И запрет на распространение новости. Они все поняли и с восторгом ее поддержали.

– Ну, мы всегда хотели получить еще пару рук здесь. И пока малыш не доберется до шести месяцев, мы об этом и упоминать больше не станем, – согласился Том.

– Конечно, – сказала Джун. – Будем помалкивать, разве что скажем Мод и Саймону. Как насчет этого?

Кэти понимала, что может на них положиться и что она справится с сегодняшним днем. Прием для прессы шел как по маслу, потом состоялся показ, который явно просто убил беднягу Тома, затем будет фуршет, после которого они уберут посуду в кухню «Хейвордса», и наконец, как будто день и без того был недостаточно длинным, ей придется пойти на вечеринку в итальянский ресторан. Счастливиц Нил со своим бюрократизмом и объединенными резолюциями на конференции под африканским небом! Ему не о чем было тревожиться. Он и не догадывался, что такое настоящие проблемы!

Том почти не помнил показа. Он только запомнил несколько изумленных вздохов и постоянные аплодисменты. Он видел, как Джо посматривает в его сторону, и пару раз поднимал вверх большой палец, когда на подиуме была Марселла; он даже заставил себя улыбаться. Ему понадобилась лишь пара секунд, чтобы определить, где сидит Пол Ньютон, высокомерно поглядывая вокруг, без обычной сигары, но вместо нее грызя карандаш. Том ощутил такую ненависть к этому человеку, что едва не потерял сознание. Пожалуйста, пусть Марселла споткнется, думал он, или пусть она выйдет не вовремя и все испортит. И тут же устыдился: как можно такого желать, привлекать дурных духов на чей-то первый выход, в особенности на человека, которого он любит... А потом разразились аплодисменты, покупатели одежды из

разных частей страны столпились вокруг Джо и его друзей, Эдди и Гарри, желая узнать все подробнее насчет оптовых закупок, а сам мистер Ньютон внимательно за всем наблюдал. Том работал как автомат, передавая в одну сторону креветки в тесте, в другую – тайские рыбные котлетки...

– Рад, что вам нравится. Мы оставили на столике у двери маленький список рецептов, если вам это интересно...

Это была его собственная идея – дать гостям с полдюжины простых рецептов того, как приготовить необычные закуски, которые действительно мог сделать любой, а еще добавить туда название двенадцати других, более сложных, но которые тоже входили в сегодняшний набор. Плюс телефон, факс и электронная почта «Алого пера» – вот и получалась прекрасная реклама, гости вполне могли сунуть эти листки в портфели и сумочки. Том лихорадочно двигался по помещению и вдруг почувствовал, как кто-то берет его за руку. Это была женщина из журнала, которая делала снимки их с Марселлой, женщина с жестким лицом, лет на пятнадцать старше Тома, – та, которая, как считала Марселла, заигрывает с ним.

– О, привет, я не заметил вас на приеме для прессы, – сказал он.

– А вы туда заглядывали? – спросила она.

Том сбежал от нее. И увидел Марселлу, она улыбалась и чокалась со всеми своим бокалом. Неужели этот вечер никогда не закончится? Но наконец толпа начала редеть.

– Не наливай им больше, Кон, а то они никогда не разойдутся! – умоляюще произнес Том.

– Мне это вполне подходит, мистер Фезер, – ответил Кон и начал убирать пустые бокалы.

– Джун, начинай потихоньку собирать то, что осталось. Говори всем, что мы уже заканчиваем.

– Кэти, большую часть того, что осталось, не удастся сохранить. Мы не сможем это переработать.

– Да мне плевать, даже если мы вымажем остатками стены в дамском туалете, мы просто ничего больше им не дадим! – заявила Кэти с неискренней улыбкой, увидев, что к ней приближается ее свекровь.

– Какое замечательное угощение! Вы действительно поднялись намного выше!

– Ну... большое вам спасибо, – ответила Кэти, с трудом сопротивляясь желанию врезать Ханне так, чтобы та рухнула на пол в «Хейвордсе».

– Многие мои друзья тоже так сказали. Они говорят, это единственное, что сделало вечер терпимым.

– Так вам не понравился показ? – Вид у Кэти был абсолютно невинный.

– Боже, конечно нет! Все так убого и безвкусно, совершенно не в стиле «Хейвордса». Мне нужно переговорить об этом с милой Шоной Бёрк.

– Нил вернется в воскресенье, – сообщила Кэти, желая сменить тему разговора. – Там ему явно очень интересно.

– Как жаль, что вам двоим никогда не удастся оказаться в одном и том же месте. – Ханна Митчелл теперь говорила совсем другим тоном. Времена изменились.

Грязную посуду загрузили в посудомоечную машину «Хейвордса», бокалы ополоснули и оставили на подносах; завтра Том с ними разберется. Кон и Джун присматривали за всем, заодно опустошая пепельницы и собирая мусор в помещении. Тома окружила небольшая группа тех, кто собирался праздновать. Джо заявил, что Марселла была потрясающей, звездой шоу, и он бы рад был пойти на ужин с Томом, но ему просто необходимо остаться с коллегами.

Спустя целый век они были готовы, а ресторан оказался всего в нескольких минутах ходьбы. Том упросил Кэти взять с собой остальных, чтобы сделать заказ во «Фраскати» и начать вечеринку. В «Хейвордсе» несколько раз включили и выключили свет, давая знать, что пора все заканчивать. Охранники и сторожа ходили везде, проверяя большие контейнеры, наполненные окурками, убеждаясь, что каждая сигарета погашена должным образом. Том многих знал по имени благодаря своим ранним приходам для выпечки хлеба.

– Я только загляну в гримерные, Шон, – сказал он одному из них. – Заберу Марселлу.

– Там уже никого нет, Том, свет погашен, все ушли, – ответил тот.

– Нет, Марселла ушла переодеться. Она должна быть там.

– Честно, ни души!

Поскольку от этого зависела работа охраны, Том понял, что тот прав, и в недоумении спустился вниз. Она ведь собиралась сразу

отправиться в ресторан, так почему же...

Внизу была Шона.

– Пойдем со мной. Они все уже должны быть в том ресторане.

– Я просто искал Марселлу, – сказал Том.

– Она ушла полчаса назад. Вместе с Джо и его приятелями Эдди и Гарри и с тем мистером Ньютоном. Они вроде направились в их отель.

Тому показалось, что он сейчас потеряет сознание.

– Прости, куда они поехали? – наконец спросил он.

Шона озабоченно посмотрела на него:

– Я сказала ей, что мы все вроде бы собрались в тот итальянский ресторан отпраздновать ее первый вечер, а она ответила, что ты знаешь, что она должна пойти на ту встречу. Так ты знал или не знал?

– Да, на самом деле знал, – произнес Том Фезер.

Глава 8. Август

Том вошел в квартиру с тяжелым сердцем. Как он умудрялся бодро держаться весь вечер, болтая обо всем на свете, кроме того, что Марселла не придет на вечеринку в ее честь? Его все поддерживали, слишком даже. Они сразу поняли ситуацию. Это был «Гамлет» без принца; прекрасная манекенщица решила, что они недостаточно хороши, чтобы прийти пообедать с ними, и отправилась с важными людьми. Все старались вести себя так, словно это вполне приемлемо. Конечно, ей пришлось, очень трудно было ускользнуть, это часть ее работы. Тому так хотелось заплакать, что его самого удивляло, как он держится. Но ничего, они продолжали, решая, какую пасту выбрать. А он уговаривал их задержаться подольше, выпить еще вина, не хотел возвращаться в пустую квартиру и гадать, когда она вернется домой. Он и не помнил, что ел или сколько заплатил. Вечер оставил лишь горечь во рту и в сердце.

Уходя, Кэти предположила:

– Она, наверное, уже дома, злится, что не смогла пойти с нами.

– Я бы сказал, что в этом она была бы права, – ответил Том, как он надеялся, с усмешкой, а не с рыданием.

Конечно, дома ее не было. Был час ночи, и вечеринка мистера Ньютона могла лишь набирать обороты. Том сел и выпил очень много холодной воды, стараясь смыть вкус того, что он, похоже, ел. Он задремал за кухонным столом. И проснулся внезапно, услышав телефонный звонок. Было уже двадцать минут четвертого.

– Том?

– Да, Марселла?

– Том, так уж выходит...

– Да?

– Так получается, что здесь все только начинается. Вот я и хотела сказать, что вернусь позже и что мне жаль, но ты ведь понимаешь, как оно бывает.

– Конечно, я не знаю, как это бывает. Скоро четыре утра. Ты домой не придешь, ты поэтому звонишь?

– Не сейчас, и, вообще-то, некоторые девушки думают, что нам следует снять номер на всех и, может быть, остаться...

– Да пожалуйста, оставайся, Марселла, – сказал он.

– Это может быть более разумно, чем платить за такси и...

– Спокойной ночи, – сказал он.

– Ты сердишься?

– Ну, это не то слово, – ответил Том.

– Том, пожалуйста, скажи, что ты понимаешь: все это ради работы!

– Оставайся, пожалуйста, Марселла. Пожалуйста, оставайся.

– Только не таким ледяным тоном, не заставляй меня чувствовать...

– Оставайся там! – рявкнул он и повесил трубку, а потом снял ее, на случай если она позвонит снова.

Это было необычное субботнее утро. Том хлопотал, не говоря ни слова о Марселле, о том, что она ночью не вернулась домой, или о беременности Кэти и о том, что из этого следует для их компании. Он поверить не мог, что Нил все еще в Африке и ничего ни о чем не знает, и ему не нравились тревожные морщинки на лице Кэти, когда она сказала все им. Кэти, занимаясь делом, старалась избежать разговоров о том, что не сообщила все Нилу, или о том, что Марселла не появилась на обеде вчерашним вечером, или о том, что все это значит для Тома. Кэти поверить не могла, будто Том до последнего момента не знал, что Марселле придется пойти на деловую вечеринку, и ей не нравилось его бледное, осунувшееся лицо. Поэтому они говорили только о чикагской свадьбе, с которой возникало все больше неясностей и до которой оставалось около трех недель. И как только этот август наступил с такой скоростью?

– А Мэриан вообще тебя любит? – поинтересовался Том.

– Понятия не имею, я почти не видела ее с детства. Она уехала, когда ей было семнадцать, и приезжала потом всего два раза. И я совершенно не знаю, каков этот ее Гарри, так что мы не можем угадать их предпочтения.

– А мы что-нибудь знаем о тех, кого они приглашают из Чикаго? – предпринял новую попытку Том.

– Нет, ничего.

– А об ирландских гостях?

– Несколько сестер и братьев мамы и папы, их дети, пара двоюродных, и все готовы завязать узы дружбы и раскрыть душу.

– А им что понравится?

– Коктейль из креветок, жареные цыплята и мороженое с шоколадным соусом.

Том застонал:

– А из Чикаго требуют типичной ирландской еды!

– Да, и сейчас сплошные обиды у всех. Мне ничего не говорят, а вот маме и Джеральдине... вроде: «Разве вы не думаете, что Кэти должна знать, чего от нее ждут». Так примерно. От этого просто тошнит.

– Как думаешь, может, нам следует именно это и дать им, просто ради спокойствия? – Том выглядел очень усталым.

Кэти гадала, спал ли он вообще, они ведь могли поссориться с Марселлой, когда встретились дома...

– Не знаю, Том. Я понимаю, что ты имеешь в виду: мы не должны ухудшать положение, делая что-то как следует, когда они хотят груды древнего хлама.

– Но как насчет того, что покупатель всегда прав? И еще одно: там ведь не будет никого, кто нас знает, перед кем мы стали бы стыдиться...

Кэти нахмурилась:

– Я знаю, ты все говоришь правильно, но, если честно, мне хочется выглядеть хорошо перед ними, ведь вся эта толпа будет потом ходить в дублинские рестораны, у них будут репетиции в одном отеле, похмелье в другом, они увидят, что никто и нигде, кроме Дня святого Патрика в Нью-Йорке, не ест бекон и капусту. Они пойдут в разные дорогие места. Туда, где прозреют.

– Ну и ну, – произнес Том. – А они уже забронировали места?

– Я надеюсь, ведь они слышат об этом уже полгода.

– Нам лучше послать ей еще одно письмо по электронной почте, – решил Том. – Можем мы как-то внушить им, чтобы они выбрали восхитительную баранину по-ирландски и лосося. Мы даже можем отправить им фотографии того лосося, которого подавали несколько недель назад. Он был великолепен!

– Но мы его не украсили ирландским трилистником и флагом, – проворчала Кэти.

Том стоял рядом с ней, пока они нарезали овощи. Они работали в одном ритме, словно вместе гребли в лодке. И во всем этом было нечто дружеское и успокаивающее. Даже их разговор не требовал особого внимания, но его было достаточно, чтобы отвлечь каждого от тревог. Они не могли думать о Ниле и Марселле, когда нужно было готовить, отсылать заказы, платить по счетам и организовывать свадьбу века.

Пришел Джеймс Бирн, чтобы разобраться со счетами.

– Как прошел вчера модный показ? – вежливо спросил он и удивился краткому отклику.

– Отлично! – ответил Том.

– Великолепно! – произнесла Кэти.

Джеймс Бирн не стал задавать новых вопросов. Он изучил слишком высокие цены на прокат оборудования и отметил слишком медленный прогресс в отношениях со страховой компанией, которая явно тащилась, как улитка.

– Когда Нил возвращается из Африки? – с невинным видом спросил Бирн.

– Завтра, – сказал Том.

– В понедельник, – сказала Кэти.

Оба ответа прозвучали так же отрывисто, как и предыдущие. Джеймс Бирн посмотрел на одного, на другого и понадеялся, что его друг Мартин Магуайр ошибался, когда говорил, что на этом месте лежит проклятие. Эти двое, Том и Кэти, всегда были отличными друзьями и счастливейшими из молодых людей. Но сегодня они походили на диких зверьков, готовых выпустить когти.

– Я сказала «в понедельник» просто потому, что мы собираемся завтра вечером отправиться в один отель, – пояснила Кэти. – На случай, если вы собирались поговорить с ним о страховой компании.

– Извини, – произнес Том. – Это не мое дело, когда он возвращается.

Джеймс Бирн был озадачен. Он повернул на другую тему, не такую напряженную, как он понадеялся.

– Я пришел убедиться, что ближайшие крупные заказы будут оплачены вовремя. Мы не можем сейчас позволить кому бы то ни было

девятистодневный кредит.

– Да, мой брат половину заплатил авансом, а когда в понедельник получит окончательный счет за вино, то сразу заплатит, – ответил Том.

Джеймс записал это в свой блокнот.

– А потом еще свадьба моей сестры, они тоже заплатят точно в срок, – добавила Кэти.

– У вас обоих замечательные семьи, – пробормотал Джеймс.

– «Хейвордс» платит за хлеб раз в месяц, – сказал Том.

– Чокнутая Минни платит каждую неделю, но это совсем немножко.

– У нас еще два заказа для студии Рики, примерно на триста фунтов. Он заплатит в тот же день, если мы попросим.

– И еще похороны в следующую среду. «Квентин» быстро передаст нам деньги.

– Хорошо-хорошо. – Бирн серьезно кивал, слушая перечисление.

– Вы чем-то обеспокоены, Джеймс? – внезапно спросила Кэти.

– Я всегда обеспокоен, – ответил он со слабой улыбкой.

– Но это что, серьезно? Поступление наличных, вся ситуация?

– Очень серьезно, – сказал Джеймс Бирн. – Действительно очень серьезно.

Когда Кэти на ланч пришла домой, на автоответчике было сообщение от Нила, что его рейс задерживается до воскресенья, но он все равно хочет поехать в тот отель в Уиклоу. Он позвонит из аэропорта, когда они будут вылетать, и он ее любит.

Когда Том пришел на ланч домой, на коврике у двери лежал конверт. Записка от Марселлы. Она сообщала, что вернется около полудня, и, может быть, они смогут пойти куда-нибудь на ланч и хорошо провести время, но перед этим она позвонит ему. И она его любит.

В субботу во время ланча Джеральдина ответила на телефонный звонок, который было трудно понять.

– Алло, это химчистка? Это Фредерик Флинн. Я хотел забрать пиджак сегодня днем, но так получилось, что не смогу. Я должен срочно уехать.

– Фредди? – задохнулась Джеральдина.

– Да, спасибо за понимание. Могу я позвонить вам в понедельник? Хорошо-хорошо, вы меня весьма обяжете.

– Что ты такое говоришь, Фредди?

Он должен был прийти примерно через час. Они собирались провести вместе целый день и две ночи. Его жена уезжала в Лимерик.

– Да, спасибо, что готовы устроить все специально для меня, но я должен поехать в Лимерик.

– Нет, Фредди, ты не должен, ты же говорил, что это она уезжает.

– Еще раз спасибо за понимание.

И он повесил трубку.

– Алло, это мистер... э-э-э... Маттенс Скарлет?

– Матти слушает. Кто это?

– Это, в общем, мистер Митчелл...

– О, вы тесть Кэти?

– Нет, я... э-э-э... ну... отец Саймона и Мод.

– А-а-а, хорошо. Как поживаете, мистер Митчелл? Мы с Лиззи ждем, что они приедут с минуты на минуту, но пока их нет.

Матти решил, что Митчелл хочет поговорить с близнецами.

– Нет, они не приедут... Я хотел сказать, не смогут.

– Они не приедут?

– Нет, мне очень жаль, мистер Маттенс. Очень жаль.

– Они заболели или что-то еще, мистер Митчелл?

– И да и нет... Скажем так: их мать не слишком хорошо себя чувствует, а потому они останутся дома, чтобы присматривать за ней.

– А могу я с ними поговорить, как вы думаете, мистер Митчелл?

– Это совершенно неприемлемо.

Уолтер явился домой в субботу, как он надеялся, к позднему ланчу. И увидел отца, в одиночестве сидевшего за столом.

– Что случилось, отец?

– Да всякое, Уолтер.

– Расскажи.

– Твоя мать снова начала пить, близнецы танцевали тут по всему дому с какими-то штуками на обуви. Они вывели ее из себя, как

никогда, а старина Барти снова ввязался в игру и потерял столько, что сбежал куда-то.

– Но что он мог проиграть? Старине Барти просто нечего проигрывать! – воскликнул Уолтер.

– А как ты думаешь, почему я так встревожен? Я жду, что кто-нибудь придет сюда с требованием...

– Значит, ланча нет? – спросил Уолтер.

– Нет, если ты не приготовишь что-нибудь, – ответил Кеннет.

– А дети уехали к этим чокнутым на Сент-Ярлат-Кресент?

– Нет, я не мог их отпустить, так как их чертовы прыжки довели твою мать до крайности.

– И где же они?

– Наверное, сидят в своей комнате, дуются...

– Ты бы поосторожнее, отец! Если ты нарушишь какое-нибудь правило, то армия женщин-полицейских набросится на тебя.

– Это мои дети, Уолтер. Я имею полное право решать, куда они пойдут на ланч в субботу.

– Да, отец.

Уолтер многозначительно посмотрел на кухонный стол, на котором не обнаруживалось никаких признаков субботнего ланча для кого бы то ни было.

Шона сидела в своей квартире и читала это письмо в тридцатый раз. Ее приглашал на обед девятнадцатого августа тот, кого она вообще не предполагала больше увидеть.

Лиззи сказала Матти, что он не должен беспокоить Кэти: та и без того в последние дни бледная как полотно. Матти же возразил, что нужно или сразиться сейчас, или сдать навсегда. Тот человек, который сунул ему в ладонь однофунтовую монету, без труда их одолеет, если они не окажут сопротивления. Попомни эти слова, близнецам могут не позволить танцевать на свадьбе, если сейчас спустить все на тормозах. И учитель танцев ждет их в кухне. А потому Матти сейчас же позвонит Кэти. Но ее не было в Уотервью, и мобильный телефон не отвечал. Матти позвонил в «Алое перо».

Том Фезер ушел из Стоунфилда. Он просто не мог сидеть там и ждать, не вернется ли Марселла, чтобы убедиться, что с ним все в

порядке. Он должен был немедленно покинуть это место. Он ответил на звонок:

– О, Матти, ваша исчезнувшая Кэти взяла отгул на сегодня. По моему приказу. Я сказал ей, что она слишком давно не была на море и никогда не поднималась на башню Джеймса Джойса, так что я отправил ее в Сэндилав, чтобы она увидела и то, и другое, а заодно прояснила мысли.

– Это очень хорошо, Том. Лиззи все твердит, что Кэти выглядит усталой. Просто у меня тут небольшие проблемы...

– Говорите! – попросил Том.

Все было лучше, чем оставаться наедине с собственными мыслями. Он внимательно выслушал Матти.

– Я поеду и привезу их к вам. Только дайте адрес.

– Мы не хотим никаких неприятностей, – сказал Матти.

– Само собой, – ответил Том.

– Добрый день, мистер Митчелл, я Том Фезер. Я приехал за детьми, чтобы отвезти их на Сент-Ярлат-Кресент.

– Извините, но я понятия не имею, кто вы такой. – Кеннет говорил высокомерно, и у Тома начало пульсировать в висках.

– Если ваш сын Уолтер дома, он может вам объяснить, кто я такой. Я работаю вместе с женой вашего племянника Кэти. И уверен, мое имя не раз упоминалось здесь, но сейчас я просто приехал за детьми, их туфлями для танцев и магнитофоном, как это изложено в условиях вашего договора.

– Договор? У нас нет договора с вами, мистер... э-э-э...

– Договора между судом, департаментом социальной помощи и семьей Митчелл.

– Не думаю, что сейчас у меня есть время...

– Именно так, времени нет. Мистер Скарлет платит учителю танцев по часам, а дети уже опаздывают. – И он громко закричал: – САЙМОН! МОД!

Близнецы в страхе подслушивали, а потому тут же появились в прихожей.

– Вы должны были приехать сто лет назад! – с насмешливой суровостью сказал им Том.

– Но мы не могли, мы довели мать, и она заболела, – ответил Саймон.

– Мы репетировали, понимаешь? – объяснила Мод.

– Ерунда, никого вы не доводили. Быстро хватайте туфли, прыгайте в фургон, и поедем.

– Вы не имеете никакого права врываться в мой дом... – начал Кеннет Митчелл.

– Улаживайте это с социальным работником, с Кэти и с Нилом, когда он вернется в понедельник. А я просто шофер, – заявил Том.

Хлопнув дверью, он выскочил из дома и сел в фургон «Алого пера», взбудораженный, словно маньяк. Он заметил, что Уолтер смотрит на него из-за занавески одного из окон верхнего этажа.

– Привет, Уолтер! – крикнул Том. – Вижу, ты всегда на переднем крае, когда нужен!

Уолтер исчез. Выбежали близнецы, взволнованные и в то же время встревоженные. Как жестоко и несправедливо было вот так обращаться с детьми! Когда они с Марселлой заведут детей, то будут любить их и хвалить. Том вспомнил, что ночью Марселла не вернулась домой. И внезапно ощутил горечь во рту.

– Том, могу я что-нибудь предложить тебе? Кофе, чай или выпить? Ты так добр, что привез к нам детей!

– Нет, спасибо, Лиззи. Я просто хотел сделать что-нибудь, чтобы отвлечься.

– Эта работа просто убивает вас обоих. Кэти бледная как привидение!

– Нет, совсем не так, мы оба любим свою работу... Это просто... – Том осекся.

Слишком много было такого, о чем он не должен был говорить. Вроде того, почему Кэти такая бледная. Вроде того, почему они должны так много работать, то есть из-за того, что их компания на грани краха. Вроде того, что его собственная жизнь разлетается вдребезги.

– Только вот еще что, Лиззи, когда они должны вернуться в тот дом?

– Матти их проводит, тут же всего два автобуса, и они вернутся до восьми.

– Я приеду и заберу их без четверти восемь.
– Мы не можем заставлять тебя тащиться через весь город из-за...
– Нет, пожалуйста, мне это подходит. – И с этими словами Том ушел.

Лиззи стояла у окна, провожая его взглядом:

– Он в ссоре с этой его красоткой, понимаешь?

– С чего ты это взяла? – спросил Матти.

– Филлис, которая живет тут неподалеку, была на том модном показе в «Хейвордсе», и она говорила, что такого ты не увидел бы даже в эротическом кино и что эта подружка Тома вышла почти голая.

– Жаль, что мы не пошли, если оно так, – задумчиво произнес Матти.

– Я спрашивала Джеральдину, и она сказала, чтобы я заперла тебя покрепче и даже близко туда не подпускала, вот я и не пустила, – с некоторой даже гордостью заявила Лиззи.

Кэти думала, что, когда Нил вернется, она сразу отвезет его напрямик в тот отель «Холли» в Уиклоу, они даже не заедут в Уотервью. Она вынула из автоответчика пленку с сообщениями для Нила и уложила в сумку необходимые вещи. У него не будет повода заезжать домой и отвлекаться. Она поехала в аэропорт на «вольво» и ждала, когда начнут выходить прилетевшие. А вот и он: слегка загорелый, значит у него все же было свободное время. Его красивое, оживленное лицо было сосредоточенно, Нил разговаривал с кем-то из своих коллег. И едва остановился, увидев Кэти.

Она знала одного из его компаньонов, весьма энергичного человека без чувства юмора, но умевшего убеждать. Узнала она и другого – политика, рвавшегося наверх, а еще с ними был высокий седой мужчина, которого Кэти не знала.

– Боже мой, да вы – «Алое перо»! – воскликнул он. – Мы были на приеме у Фредди Флинна, который вы организовали. Это было просто верхом совершенства! Мы сохранили вашу визитку. Если нам вдруг что-нибудь понадобится... Нил, почему ты не сказал нам, что женат на этом гении?

– Потому что тогда ты забыл бы обо всем и говорил бы только о блюдах Кэти, – ответил Нил, обнимая ее за плечи.

Он гордился ею, это она видела. Все должно пройти прекрасно, ей незачем так нервничать... Они рука об руку пошли на парковку.

– Умираю, хочу под душ, – сказал Нил. – Но дома мы не задержимся, сразу поедem в Уиклоу. Обещание есть обещание.

Том вышел из одного кинотеатра в большом торговом комплексе, подошел к кассе и купил билет на другой фильм. Блондинка в кассе улыбнулась ему:

– Обожают кино, да?

– Что? – вздрогнул Том.

– Вы уже третий фильм сегодня смотрите. Сильно увлекаетесь или еще что-то?

Он был так хорош собой, широкоплечий, светловолосый, с великолепной улыбкой. Из тех парней, что редко встретишь в наши дни.

– Ну да, вроде того. Наверстываю упущенное, – ответил он.

У девушки возникло ощущение, что на самом деле он говорит не с ней, что на самом деле он не видит ее. Она пожала плечами. Может, он под кайфом или еще что. Когда кинотеатр в воскресенье закрылся, небо было еще светлым. Наверное, оно отражало городские огни. Том снова поехал в «Алое перо». Он гадал, не болтается ли где-нибудь поблизости шпион страховой компании, ожидая, что Том во второй раз разгромит это место. И сможет ли он поесть? В конце концов, здесь он походил на ребенка, попавшего в лавку сладостей. Арендovанные морозильники набиты едой, а может, стоит приготовить себе простенький омлет. Но еда казалась опилками. Том сел и обхватил голову руками, потом лег на диван в приемной. Однажды он уже ночевал здесь, когда готовил для приема в честь открытия в январе. Тогда здесь было холодно, и Том накинул на себя все куртки, какие только он нашел. Но сегодня было тепло, ему не пришлось укрываться. Он лежал в темноте и смотрел в потолок. Скоро он заснет, и эта тяжелая, горькая боль и ревность уйдут. Но ведь кино не помогло... Сюжеты всех этих фильмов ничего не значили для Тома. Он видел только Марселлу. Она вполне могла сейчас сидеть в Стоунфилде, злиться и ждать его возвращения. Но что в том толку, если они не способны нормально все обсудить? Что бы он ни сказал или что бы

она ни сказала, ничего не изменится. Том с ужасом осознал, что говорить им больше не о чем. Это все осталось позади.

– Вы в последние дни видели Тома? – спросил родителей Джо.

– А ты сам разве не видел его вечером в пятницу, на этом торговом модном показе? – фыркнула Маура Фезер.

Она все еще подозревала, что ее каким-то образом ввели в заблуждение относительно сути того вечера и что оба ее сына не хотели, чтобы она туда пошла.

– Да, конечно видел.

– А разве это не было всего лишь позавчера? – продолжила его мать.

– Неужели? Странно...

Казалось, прошла целая жизнь после того вечера, когда великая любовь его брата Марселла совершенно неожиданно отправилась на вечеринку в отель с Полом Ньютоном, вместо того чтобы пойти на скромный обед с Томом в итальянский ресторанчик. Джо боялся даже думать о том, какие выводы мог сделать Том.

В субботу Марселла звонила четыре раза и с недоумением каждый раз слышала голос автоответчика. Он же знал, что она не вернется домой вечером в пятницу. Она ему говорила, видит бог! Так с чего вдруг такое? Может, он сидит в Стоунфилде и ждет, думает, дует, как маленький мальчик, и нуждается в том, чтобы его погладили и утешили?

– Том! – позвала она, войдя в квартиру, но ответа не услышала.

В квартире было тихо, слишком тихо. И прибрано, слишком прибрано. Марселла сразу поняла, что дома Том не был. Она поискала записку, но не нашла ее. Марселла села и взяла сигарету. Для женщины, которая утверждала и верила, что не курит, она слишком много раз доставала сигареты в последние дни.

– Мне жаль, что из-за наших танцев тебе стало плохо, мама, – сказала Мод в воскресенье.

– Танцев? – растерянно переспросила Кей Митчелл.

– Отец сказал, что от этого шума у тебя заболела голова, тебе было нехорошо.

– Я не помню, – ответила она.

– А можно, мы принесем тебе чая или еще чего-нибудь? – спросила Мод.

– Очень мило с вашей стороны, вот только почему?

– Ну, ты же не спускалась к завтраку или ланчу... Вот мы и подумали, что ты проголодалась, – объяснил Саймон.

– Нет, вы очень добры, но не нужно, – ответила Кей.

Саймон и Мод спустились вниз. Их отец сидел у кухонного стола в самом мрачном настроении. По большей части его гнев был направлен на старину Барти, который исчез, судя по всему, без следа. Дети по прошлому опыту знали, что глупо просить еду у расстроенного человека. Поэтому они забрали с собой в сад банку консервированных персиков и немного хлеба.

– Как думаешь, они вроде как... ну... понимаешь... – поинтересовался Саймон.

– Ты хочешь сказать, у мамы плохо с нервами, а отец собирается снова путешествовать, – вслух высказала его мысль Мод.

– Что-то вроде этого. – Саймон был огорчен.

– Только не плачь при нем. Давай пойдем в сарай.

– Он же заперт.

– Нет, Уолтер ушел раньше и оставил его открытым. Я уже заходила туда поискать скакалку.

Саймон достал из банки еще один персик и поспешил к сараю. Лекция его отца насчет того, что нужно вести себя по-мужски и прекратить эти дурацкие танцы, все труднее укладывалась в его голове.

Том долго бродил. Вечер стоял теплый, и если бы Том способен был разглядеть что-нибудь из увиденного, то мог бы насладиться прогулкой. Но он почти ничего не замечал. Он вернулся в «Алое перо». Сначала ему показалось, что он заметил во дворе кого-то наблюдавшего, но решил, что ему просто чудится. Он спал на большом диване. Спал он плохо, но если бы он вернулся в Стоунфилд, то не спал бы вообще.

Рядом с ней резко зазвонил телефон. Должно быть, наконец Фредди. Она будет очень холодна. Но это был не Фредди, это была ее

племянница Мэриан, в слезах звонившая из Чикаго. Сквозь ее рыдания Джеральдина разобрала только одно слово, повторявшееся снова и снова, и, похоже, это было слово «мужчины», а потом услышала, как они бесполезны, и ненадежны, и беспомощны. Джеральдина глубоко вдохнула. Гарри явно оказался не лучше других. В Чикаго его воспитали так же плохо, как в любом другом месте. Но наконец все стало проясняться. Гарри не сбежал с кем-то еще, не отменил свадьбу. Свадьба должна была состояться, просто этот Гарри и его родные не забронировали номера для репетиции и для вечеринки после свадьбы и теперь абсолютно не знают, что делать. Джеральдина сочувственно хмыкала.

– Может, Кэти что-нибудь придумает, она же в курсе... Но ей же не захочется брать на себя еще кучу хлопот? – Мэриан плакала и шмыгала носом.

– Перестань плакать, Мэриан, все будет в порядке.

– Джеральдина, ты так умеешь успокаивать! Как ты умудрилась родиться в нашей семье, скажи на милость?

Джеральдина окинула пустым взглядом свои дорогие апартаменты и тоже об этом задумалась.

Том включил автоответчик и вышел из квартиры. Он не собирался возвращаться вечером, он взял с собой все, что могло ему понадобиться в уик-энд. Он не будет сидеть здесь и слушать ее объяснения. Он не хочет слышать о том, что все это ничего не значит, что вечеринка ничего не значит, что она была так добра и честна, раз обо всем ему сказала, и что за это ее следует погладить по головке...

Шоне Бёрк понадобились сутки, чтобы решить, принимать приглашение или нет. Она не хотела идти, но в письме использовались такие выражения, что отказаться было трудно. Она гадала, сколько времени понадобилось ему на это письмо. Несколько дней, пожалуй. Он не мог думать, что она ответит мгновенно. Ей следует с таким же тщанием написать ответное письмо. И когда другие люди наслаждались летним воскресеньем, Шона Берк часами сочиняла свой ответ.

Джеральдина тоже сидела в своих апартаментах в Гленстаре. Она поверить не могла в то, что Фредди так с ней поступил. Позвонил прямо при жене и сообщил, что планы меняются. Сделал вид, будто звонит в химчистку. Она такого не позволит. Никому. Не важно, какой напряженной могла быть обстановка у него дома, не важно, как сильно давила на него жена и, возможно, подозревала... Джеральдина заслуживает большего, чем какой-то шутовской телефонный звонок. И когда Фредди начнет извиняться, как и должно, когда он попытается объяснить, что ему ничего другого не оставалось, она выслушает его холодно. Как Джеральдина много раз говорила ему, она всегда вела себя безупречно, она была идеальной любовницей и в ответ хотела лишь такого же уважения. Она повернула запястье так, чтобы драгоценные камни на ее часах поймали свет. Да, конечно, он был вполне предупредителен, подарив ей это и многое другое, но суть не в этом. Она нуждалась именно в уважении.

– Ну да, но похищение есть похищение. А в Уиклоу тоже есть душ. Я лишь надеюсь заполнить тебя целиком, когда мы туда доберемся...

– Но, милая, а сообщения... – жалобно произнес Нил.

– Они в отделении для перчаток, вся пленка, и ты все равно не сможешь звонить кому-то в воскресенье, – сказала Кэти.

И в ясный солнечный день они ехали в Уиклоу, и он без конца рассказывал ей о конференции, и о людях, с которыми там познакомился, и о том, что прошло хорошо, и о том, что они, как обычно, оказались в тупике.

Том тщательно прибрался в квартире в Стоунфилде. Накануне вечером он собрал все нужное в сумку и положил ее в фургон. Телефон зазвонил в тот момент, когда он выходил. Том приостановился, чтобы услышать, кто это. Это могла быть Марселла. Или нет. Но он не станет отвечать. После щелчка автоответчика послышался неуверенный вздох, а затем кто бы то ни был повесил трубку. Том четырежды это прослушал, проверяя, поймет ли он. Определенно это была Марселла.

Она была потрясена тем, что он включил автоответчик. Надо же, после того, что она сделала, Марселла еще надеялась, что он будет с готовностью ждать!

Том гадал, откуда она звонила. И не понимал, почему он не догадался поставить определитель номера, как у Кэти... Но что бы ему это дало? Он мог бы узнать, какой отель его брат заказал для этого бандита, купившего Марселлу. А что, было бы лучше, если бы он реабилитировал все остальные отели Дублина и проклинал только один этот?

Отель «Холли» устраивал большие ланчи по воскресеньям, так как находился на удобном расстоянии от Дублина. Люди привозили сюда бабушек и свекровей. «Холли» всегда напоминал им об их молодости, это было нечто постоянное в меняющемся мире. В нем было очарование старины, много ситца и одни и те же официантки из года в год. Кэти с Нилом зарегистрировались у большой старомодной стойки, за которой висели ключи от номеров с разноцветными кистями. По холлу позади Кэти и Нила бродили люди. И среди них были Молли и Шай Хейс. Последовали многочисленные восклицания на тему того, как тесен мир.

– У вас что-то вроде годовщины? – поинтересовалась Молли.

– Нет, просто Нил только что вернулся из Африки. Он там был на форуме по беженцам, – объяснила Кэти.

– Надеюсь, вы с ними разберетесь, – хмуро заметил Шай.

– Ну, мы старались как могли, мистер Хейс, но, видите ли, в этом так много красных линий, что дело идет очень медленно.

– И все же, раз уж вы в это замешаны, скажу, что нам здесь хватает и собственных забот без того, чтобы впускать множество людей, которые не понимают нашей жизни...

Нил от изумления даже рот открыл.

– Нил, мы уже получили ключи. Тебе не кажется, что нам пора подняться наверх? – поспешно сказала Кэти.

– Я не совсем понимаю...

– Я тоже. Эти люди говорят на непонятных языках, занимают свободные дома и просто заполняют все вокруг...

– Мистер Хейс... Молли... вы уж извините нас, но я своего мужа не видела целых девять дней. Вы не против, если я утащу его наверх?

– Ничуть, я целиком за! В наши дни нам этого так не хватает, – одобрительно ответил Шай Хейс.

Они взбежали наверх и ворвались в большой солнечный номер. И там уже позволили себе посмеяться вдоволь.

– Он просто чудовище, этот человек... Я даже не понимаю, над чем мы смеемся, – наконец сказал Нил, почти стыдясь самого себя.

– Послушай, ты знаком с тысячами людей, я встречалась с тысячами, но лобби «Холли» – не то место, где стоит с этим разбираться, – сказала Кэти. – Забудь о нем. Расскажи мне, чем ты занимался с момента приезда туда.

Нил устроился в одном из маленьких, обитых ситцем кресел, чтобы начать рассказ, и слова потекли рекой: о делегатах, которых ждали, но которые не приехали, о внезапно появившихся знаменитостях, которые пришли, чтобы оказать поддержку, об отмененных встречах и о тех, что случились экспромтом, но оказались важными. Кэти заказала в номер бутылку вина и тарелку сэндвичей, пока Нил говорил о том, что именно было сделано и какое огромное количество всего надо еще сделать. Потом он сказал, что ему необходим обещанный душ.

Из ванной комнаты он крикнул:

– Вряд ли нужно спрашивать, есть ли у тебя что-нибудь чистое для меня, а? Я хочу сказать, ты меня просто дразнила?

– Надень что-нибудь на минутку! – крикнула она в ответ. – И выходи. Здесь просто отлично!

Нил вышел, влажный и чистый, сияя в темно-синей рубашке, которую она прихватила для него. Он был так хорош собой!.. Нечего и удивляться тому, что его постоянно желали видеть в телевизионных шоу в качестве представителя их организации. Нил Митчелл умел убедить в чем угодно. Кэти смотрела на него, когда он подошел к столу и налил им обоим по бокалу вина.

Пора было все сказать.

– Я хочу кое-что тебе сообщить. Я так долго ждала возможности.

Он сел напротив нее и взял за руку. Улыбнулся. Возможно, он уже догадывается?

– И что же ты хочешь сообщить?

– Нил, я беременна! – выпалила Кэти.

Нил ошеломленно уставился на нее:

– Повтори-ка...

– Ты слышал, что я сказала.

– Нет, не может быть!

– Ох, это так. – Кэти широко улыбалась, но всматривалась при этом в его лицо, желая увидеть ответ на свою улыбку и не находя его.

– Как это случилось? – спросил Нил.

– Думаю, ты знаешь, как это случилось. Так же, как всегда.

Разговор пошел совсем не так, как ожидала Кэти.

– Не надо со мной играть! Ты же знаешь, о чем мы договорились.

– Да, знаю.

– Ну и когда это произошло?

– В ту ночь, когда я не поставила противозачаточный колпачок. Мы тогда думали, что это безопасный период. Мы же обсуждали это.

– Ох да, уверен, обсуждали, долго и логично.

– Нил!

– Извини. Боюсь, я просто не могу это осознать.

В сердце Кэти шевельнулся и начал расти страх.

– Я думала, ты порадуешься.

– Нет, ты так не думала. Это совсем не то, о чем мы договаривались.

Теперь Кэти стало очень страшно. Нил отпустил ее руку и отодвинул свое кресло. Он был слишком потрясен. Слишком потрясен! Кэти понимала, что должна сейчас быть очень спокойной и говорить таким же ровным тоном, как и он.

– Кое-что случается и помимо соглашений, – просто сказала она.

– Нет, это не так...

– Но так получается.

– Только не в век контроля над рождаемостью, не тогда, когда двое решили еще в Греции, что хотят быть вместе всегда, жить нашей мечтой вопреки всем преградам, которые могут встать на нашем пути, и без детей.

– Мы ведь не говорили, что без детей – это навсегда, – возразила Кэти.

– Да, ты права, но о чем мы на самом деле говорили, так это о том, что если мы передумаем, то это обсудим, но мы этого не обсуждали, – заявил Нил.

– Сейчас обсуждаем, – сказала Кэти с ощущением нереальности происходящего.

Он должен осознать, что происходит и как это прекрасно. Должен!

– И сколько уже...

– Примерно тринадцать-четырнадцать недель.

– Значит, еще достаточно времени... – начал Нил.

– Чтобы мы привыкли к этой мысли, – быстро закончила за него Кэти.

– Почему ты не сказала мне раньше? Ты ведь наверняка уже давно знала. Почему ты ничего не сказала?

– Я не была уверена...

– Но даже если ты просто подумала...

– Не было времени поговорить. Ты постоянно должен был куда-то бежать, мне нужно было куда-то спешить...

Кэти хотела быть уверена: они оба виноваты в том, что в их браке постоянно не хватает нужного времени.

– Но это так важно! Ты вполне могла сказать... ведь так?

– Я несколько раз пыталась, но потом нам пришлось хлопотать из-за Саймона и Мод, а ты постоянно говорил об этом назначении за границу, а затем случилось ограбление и куча проблем из-за него, а в вечер перед отъездом тебе снова пришлось куда-то уйти... Нет, ты должен был уйти, я знаю, что должен. Вот время и шло. Я хочу сказать, может, мне нужно было тебе сообщить все по электронной почте?

– Пожалуйста, не надо такого легкомыслия, прошу тебя!

– Ох нет, это не легкомыслие, ни в коей мере! Как ты думаешь, почему я привезла тебя сюда? Чтобы поговорить. Я хотела спокойного разговора. Я просто боялась даже начинать его дома, мне нужно было, чтобы нам никто не помешал.

– Значит, никто пока не знает? Твои мать и отец или мои родители? – спросил Нил.

– Конечно, они не знают, – честно ответила Кэти.

Нил кивнул, словно смутившись из-за собственного вопроса:

– Понимаю. Прости, я не должен был об этом спрашивать.

Кэти почувствовала себя виноватой. Нил ведь не знал, что она уже посвятила во все Джеральдину, а Том и Джун сами догадались... Но это не было важно, даже близко не так важно, как выражение его лица.

Кэти потянулась к его руке, но Нил отшатнулся. Чуть заметно, но определенно отшатнулся.

– Нужно время, чтобы к этому привыкнуть, – умоляюще произнесла Кэти.

– Время тут не самое необходимое, милая.

– О чем ты? – спросила Кэти голосом, который для нее самой прозвучал словно с расстояния в тысячу миль, но она уже знала, о чем он.

– Ну... мы ведь должны принять решение, да?

Нил не выглядел так с того самого дня, когда сообщил великим Митчеллам о том, что женится на дочери их прислуги. Он даже в суде так не выглядел.

– Решение? – переспросила Кэти, выигрывая время.

Нил долго молчал.

– Мы договорились не заводить детей. – Он изо всех сил старался говорить спокойно.

– Мы и не собирались пока что, но...

– Но к счастью, есть еще время все изменить. – Он посмотрел на Кэти, его лицо вытянулось, глаза стали холодными.

– Ты хочешь, чтобы я от него избавилась? – спросила она.

– Я хочу, чтобы мы это обсудили, да.

– Мы вместе ходили на демонстрацию, добиваясь права женщины решать самой, – сказала Кэти. – Ты помнишь тот день?

– Конечно помню. Я как раз об этом и говорю. Это и есть право выбора. – Нил искренне в это верил.

– Право женщины, – тихо повторила Кэти.

Пауза казалась бесконечной. Нил потрясенно смотрел на нее:

– Ты хочешь сказать, что мы не вместе, что внезапно все стало зависеть от того, чего хочешь *ты*, а не *мы*? А где мое право выбора, быть или не быть отцом, скажи, пожалуйста? – Нил дрожал, говоря это.

– Тут все не так, Нил.

– Но это так! – закричал он. – Мы договорились в ту ночь на площади Синтагма, мы решили в ту ночь, что будем вместе всегда, что мы не обзаведемся детьми... Мы согласились с этим, никто ведь не приставлял пистолета к твоей голове...

– Мы не имели в виду «всегда» без детей, – жалобно произнесла Кэти. – Так уж случилось, и все.

– У нас есть еще время, масса времени, чтобы решить сейчас.

– Я тебе не верю. – Кэти была в ужасе.

– Я не чудовище. Мы оба на это согласились годы назад, что если вдруг случайно... и конечно, я не виню в этом тебя... Тут мы оба... Но есть еще шанс все изменить, исправить ошибку, а потом, позже, если мы захотим ребенка, то это будет по общему согласию и по плану.

– Так ты совсем не рад? Неужели тебе совсем неприятно? – Кэти, не доверяя собственному голосу, замолчала.

Она погладила свой живот, и Нил вскочил и отошел к окну.

– Это нечестно, Кэти, несправедливо, это пока не наш ребенок. И не говори ничего такого. Это пока лишь нечто, что может стать ребенком, ты и сама знаешь.

Кэти не нашла слов. Тот крошечный кусочек сэндвича, который она проглотила сто лет назад, казалось, застрял в горле и мог задушить ее. У нее кружилась голова от того, что разворачивалось перед ней. Он даже говорить не хотел о том, как они могут справиться с ребенком. Он совсем не хотел его. Обсуждать тут было нечего. Он вроде как утверждал, что если она не соглашается немедленно избавиться от ребенка, то каким-то образом нарушает данное слово.

– Скажи что-нибудь, пожалуйста, не сиди просто так, скажи что-нибудь! – попросил Нил, стоя спиной к ней и глядя на площадь перед отелем, где люди гуляли под послеполуденным солнцем.

Но нужно было сказать слишком много, а Кэти просто не могла говорить.

– Ты знаешь, что ту работу мне предлагают именно потому, что у нас нет детей? – спросил Нил.

– Я тебе не верю. Это не может быть моральным или законным основанием к тому, чтобы предлагать работу или соглашаться на нее. Ты бы первый сказал так! – нервно воскликнула Кэти.

– Сформулирую по-другому: я сказал им, что мы не планируем пока детей, и это стало решающим фактором в мою пользу. – (На этот раз молчание тянулось еще дольше.) – Мне нужно глотнуть свежего воздуха, я выйду в сад ненадолго.

– Не уходи, пожалуйста! – всхлипнула Кэти.

– Говорю тебе, у меня просто голова лопается! Мне нужно немножко побыть одному, пройтись чуть-чуть, отдышаться. Я словно задыхаюсь.

– Не оставляй меня, только не сейчас, только не прямо сейчас!

– Я тебя не оставляю, – уже раздраженно произнес Нил. – Мне всего лишь нужен свежий воздух. – Он подошел к ней и погладил по щеке. – Я не собираюсь тебя оставлять, просто я слегка потрясен. Мне необходимо время, чтобы подумать об этом. Я же не сбегаю. Я вернусь. – И он ушел.

Кэти видела, как он ходит по дорожкам, мимо араукарий, запрокинув голову и кусая губы, такой потрясающе красивый, хотя он всегда смеялся над этим и говорил, что слишком мал ростом, чтобы быть красавцем. Вот он дошел до огорода и наклонился, чтобы прочесть табличку. Кэти сидела в номере, показавшемся ей таким роскошным, когда они вошли сюда меньше часа назад. В ведерке под бутылкой вина позвякивал тающий лед, по ее лицу текли слезы. Она не верила, что такое возможно, но знала: сколько бы часов они ни потратили этим вечером на обсуждение, когда Нил вернется более спокойным и рассудительным, она не предаст малыша, которого носила. Да, она забеременела в наихудшее для всех время, но дело было в другом. Это ведь не какая-то теория, не юридический случай или поправка к конституции. Это ее ребенок.

Когда Кэти услышала, как открылась дверь номера, на улице начало темнеть. Но она понятия не имела, как долго отсутствовал Нил. Теперь он казался каким-то другим. Не растерянным, не потрясенным. Как будто произошел один из многих кризисов, составлявших часть его повседневной работы и той практики, которую он выбрал как адвокат. Он сел напротив Кэти за маленький столик, и, хотя он улыбнулся, пытаясь ее успокоить, Кэти почему-то почувствовала себя так, словно он адвокат, а она его клиент.

– Кэти, если у тебя будет ребенок, кто будет за ним ухаживать? – мягко, но решительно спросил Нил.

– Ну... я, конечно.

– А твой бизнес?

– Что ж, конечно, я все организую. – Она знала, что в ее голосе слышится беспокойство.

– Ты не можешь брать малыша с собой, чтобы он лежал целый день в помещении, где готовят.

– Да, но есть же способы... Мы их найдем.

– Какие способы? Няня?

– Ну да, если мы сможем ее себе позволить.

– А где она будет спать?

– Не знаю. Можно нанять ее только на день.

– Но, как я понимаю, большинство твоих заказов приходится на вечер, и что тогда?

– Ну... иногда, наверное, ты мог бы...

– Как я могу обещать такое? Мне приходится и по ночам работать.

– Мы со всем разберемся, когда это произойдет.

– Мы не можем так поступить. Мы должны составить план сейчас. Я буду подолгу находиться на работе. К тому же мне придется еще и часто уезжать за границу.

– Мы справимся.

– Как ты уже справилась?

– Не понимаю, о чем ты. – Кэти встревожилась.

– О том, что твой бизнес в больших долгах и в опасности, о том, что ты уже работаешь выше своих сил, чтобы удержать его, о том, что каждый день возникают новые трудности. И что мы будем делать, если появится еще и ребенок, которого нужно принимать в расчет?

– Так ты хочешь, чтобы не было ребенка, которого нужно принимать в расчет? – Кэти тщательно выговаривала слова.

Он ответил так же осторожно:

– Это, безусловно, не то, о чем я прошу, Кэти. Я не имею права, никакого права отвергать ребенка, я и думать об этом не стану.

Он был очень спокоен, почти холоден. Вот к чему привела его прогулка среди роз, мальв и люпинов отеля «Холли». Это была та искренняя ясность, которая всегда приносила ему пользу в каждом сложном юридическом случае.

– Значит, мы больше не станем говорить о том, будет ребенок или нет?

– Ты, очевидно, хочешь его, и я не встану на твоём пути. Это было бы и аморально, и неправильно.

Слишком размеренно, слишком спокойно. Кэти ощутила страх.

– Как ты думаешь, теперь всегда будет так? Ты будешь взвешивать ситуацию, а появление ребенка примешь с молчаливым согласием?

– Я совершенно не думаю, что должно быть именно так. Но если у нас в доме появится еще один человек, мы должны быть готовы, у нас должны быть планы на случай непредвиденных обстоятельств.

– Ты говоришь так холодно. Так отстраненно.

– Поверь, я вовсе того не подразумеваю, просто мы должны взглянуть на все открытыми глазами... Да, конечно, я хотел, чтобы это случилось вовремя, когда мы будем готовы во всех отношениях, чтобы как следует встретить малыша... чтобы дать ему лучшую жизнь, но это не так, и мы должны решить, что делать. Например, какой декретный отпуск ты собираешься взять?

– Три месяца, как все.

– А Том с этим согласится?

– Это закон, но он все равно не будет против, я уверена.

– Нам придется переехать. Уотервью – не слишком подходящее место для ребенка, – сказал Нил.

– Но не сейчас, не из-за малыша... не важно, где он живет... Мы можем подумать позже...

– Но я должен продолжать работать в своей области, а ведь я не беру крупные страховые случаи или спорные завещания просто ради денег.

– Нам не нужно так уж много денег. Нам не нужен большой дом вроде «Дубков», мы же не хотим иметь такие гигантские коляски, как у тебя в младенчестве, нам не нужна дорогая частная школа. Детям совсем не нужна такая роскошь или королевское обращение, им нужно, чтобы их любили.

– Мы сами начали неплохо. Если будет ребенок, мы и ему должны дать хорошее начало.

– Мои мама с папой вырастили шестерых на Сент-Ярлат-Кресент. У них не было денег и не было проблем.

– Ну, вряд ли обошлось без проблем, – возразил Нил.

– О чем ты?

– Ты сама постоянно жалуешься на то, что твоей матери приходилось ползать на четвереньках, убирая в доме моей матери, и при этом терпеть постоянные оскорбления.

– Но мне не придется такое делать, и тебе тоже.

– Пожалуй, я просто не готов.

– Как и я. Но множество людей оказываются не готовы, а посмотри, как отлично они со всем справляются.

– Кэти, ну почему ты заставляешь меня чувствовать себя чудовищем?

– Я вовсе не превращаю тебя в чудовище... – мягко откликнулась она.

– Просто все это... просто это... – Нил не находил слов; Кэти молчала. – Послушай, я даже не спросил тебя... Как ты себя чувствуешь? Тошнота...

– То есть, то нет.

– А чего хочешь ты?

– Вот того же, что сейчас, чтобы просто говорили обо всем спокойно, разумно, не расстраиваясь, – ответила Кэти.

– Да о чем тут говорить... если всерьез.

– Что ты имеешь в виду?

– Давай будем логичны, – предложил Нил. – Мы не хотели ребенка, а теперь ты беременна, – произнес он очень холодно, очень бесстрастно. – В последнее время мы почти не видели друг друга... Я недооценивал твоих чувств относительно твоей компании, я думал, ты со временем увидишь смысл в моем предложении, поедешь со мной за границу, поскольку это такое серьезное предложение... но ты его не оценила. А забеременев, ты решила, будто я автоматически приду в восторг оттого, что стану отцом. Мы оба все понимали неправильно.

И вдруг Кэти почувствовала: она больше не может справиться с этой отстраненной логикой, с определением того, что следует восхвалять и что порицать. К ее горлу подступили рыдания, и она не сумела их сдержать. Нил в ужасе смотрел, как плечи Кэти ссутулились под тяжестью навалившихся на нее страданий. Невозможно было расслышать, что она говорит: слова тонули в рыданиях.

– Пожалуйста, Кэти...

Нил протянул руку, чтобы коснуться ее. Такого он не ожидал, он просто пытался как можно точнее подвести итог. Нил изо всех сил старался не винить ее и не говорить, что ощущает нечто вроде предательства. Он считал несправедливым, что его вроде как обошли в их сделке, но права матери были явно более важными, а потому он хотел сосредоточиться на практических вопросах, но теперь, судя по ее

слезам, это тоже оказалось неправильным. Нилу хотелось понять, что именно она говорит. А Кэти плакала и плакала, снова и снова повторяя одно и то же. Он не хочет ребенка. У него не возникло инстинктивного, нежного ответа на мысль о том, что он станет отцом. Совершенно невозможно избавиться от беременности, но, даже если бы она так поступила и, предположим, справилась с этим, она все равно будет помнить сегодняшний день и то, что он оказался не любящим, нежным и хорошим человеком, а эгоистичным, готовым на все ради своей карьеры. Кэти заплакала еще сильнее, поскольку не могла и не хотела верить в то, что Нил, которого она очень сильно любила, мог так поступить. А Нил растерянно смотрел на нее: он же старался сделать то, что будет лучше для нее самой, он был честным, насколько это возможно при таких обстоятельствах. Его будущее должно измениться из-за того, что Кэти не следовала, как должно, их договору. Нил соглашался на это и просто разбирался в деталях, чтобы облегчить ее положение.

– Я никогда не видел, чтобы ты так плакала. Пожалуйста, пожалуйста, успокойся! – умолял он.

Кэти сделала над собой огромное усилие, и Нил передал ей коробку с салфетками. Кэти вытерла глаза, высморкалась.

– Я ничего не понимаю, я просто не мог расслышать, что ты говоришь, – сказал он.

Кэти снова высморкалась. Нил осторожно предложил ей вина, и она выпила его. Он отвел с ее глаз волосы и обнял за плечи:

– Кэти, милая...

– Ничего. Я уже в порядке.

Решимость, такая же сильная, как много лет назад в Греции, охватила Кэти. Они слишком многое прошли вместе, преодолели так много препятствий, они не сдадутся и сейчас. Только не сейчас, когда самое лучшее – ребенок – готово был прийти к ним.

– Когда я тебе сказала, что должна кое о чем тебе сообщить... что ты подумал, чего ожидал? – спросила она, еще немного шмыгая носом.

– Не знаю, – уклончиво ответил Нил.

– Пожалуйста, скажи.

– Ну... я полагал, ты хочешь сказать... – Он замялся.

– Говори.

– Я думал, ты хочешь сказать, что решила бросить «Алое перо» и поехать со мной куда бы то ни было, – ответил он.

Снаружи в саду стемнело, с нижнего этажа доносился запах еды.

Мужчина, наблюдавший за «Алым пером», подумал, что ему повезло. Этот здоровенный парень вошел в здание. В такое-то время, поздно вечером, в выходной. Они были совершенно правы, конечно, это он сам устроил разгром и теперь явно собирался продолжить разрушения. Мужчина подобрался к окну, чтобы увидеть, когда все начнется, а потом вызвать подкрепление. Все эти страховые случаи были похожи, за ними не стояло твердых доказательств. Мужчина держался в тени, он не хотел, чтобы его заметили, тем более что владелец мог быть и не один.

Марселла лежала в постели в Стоунфилде. Должен же он когда-нибудь вернуться домой. Он явно не захотел пойти с ней на ланч. Может, и не следовало предлагать ему это? Но он ведь не собирается пропадать всю ночь, каждую ночь? В этом она не сомневалась. Куда бы он пошел? Том был слишком горд, чтобы попроситься в студию Рики. Он ни за что не отправился бы к своим родителям в «Фатиму». И к Джо на этот раз он не приблизился бы и на миллион миль. Он должен был прийти домой. Когда позже Марселла проснулась, а Тома все еще не было, она забеспокоилась. Он был крайне упрямым, однако никогда не совершал никаких глупостей. Больше Марселла не смогла заснуть. Она вышла на улицу и брела, пока не увидела проезжавшее такси. Она попросила высадить ее на соседней с «Алым пером» улице, а потом тихо прошла по переулку и открыла калитку в мощеный двор. Снаружи в припаркованной машине сидел какой-то человек, но он вроде бы не обратил на нее внимания. Марселла заглянула в окно и, всматриваясь в слабом предутреннем свете, увидела фигуру, лежавшую на диване. Слава богу! И как это глупо с его стороны... Они могли бы уже поговорить обо всем, зачем откладывать? Она позвонила в звонок, но Том не шелохнулся. Он должен был понять, что она здесь.

– Том! – позвала она. – Пожалуйста, Том, не оставляй меня здесь! Том,пусти меня! – (Он не пошевелился.) – Я просто ничего не могла сделать! – закричала она. – Я никогда не предавала тебя, Том! Я все

тебе рассказывала, я была честна с тобой, я не могу понять, почему ты не хочешь говорить!

Через полчаса, замерзшая и испуганная, она сдалась и поймала другое такси, чтобы вернуться в Стоунфилд.

Человек, наблюдавший за зданием, был в недоумении. Этот здоровенный парень не начал все громить, он просто улегся спать на диване, вот дела... И что оказалось еще более необычным, так это то, что одна из самых красивых в Дублине женщин долго колотила в дверь, пытаясь его поднять. Любой нормальный мужчина сразу же впустил бы ее. Этот парень явно чокнутый.

Том встал на час позже, отправился в «Хейвордс», испек хлеб. Неужели всего два дня назад он был в этом здании? Готовил в субботу утреннюю партию товара, прибирался после модного показа, все еще полупьяный и потрясенный. Как будто прошла вечность, и все же Том осознавал: прошло всего сорок восемь часов. Он боялся, что Марселла может попытаться прийти в кухню «Хейвордса», но она не станет рисковать... Она не может позволить себе публичную сцену так скоро после ее триумфа. Как это было странно, все это мероприятие...

Вернувшись в «Алое перо», Том с удивлением увидел, что Кэти уже пришла.

– И как, Нил в восторге? – спросил он.

– Думаю, да, – ответила Кэти.

– Конечно так. Любой был бы рад иметь от тебя ребенка.

– Ну... в общем... он был поражен, это точно. – Кэти не смотрела в глаза Тому.

Очевидно, это сообщение было воспринято не слишком хорошо. Совсем не так, как Том ожидал, и он почувствовал, что должен что-то сказать.

– Полагаю, это действительно было некоторым потрясением, – произнес он мягко, стараясь успокоить Кэти.

Она задумчиво посмотрела на него:

– Да, потрясение было сильнее, чем я предполагала.

– Но он будет радоваться, когда слегка успокоится, – предположил Том.

– Конечно, – с улыбкой согласилась Кэти.

Наверное, Том прав. Нил, конечно же, порадует ребенка. Со временем. Он был так добр прошлой ночью в «Холли», после всех ее рыданий, так мягок. Он даже отбросил эти свои манеры юриста. Они разговаривали долго и спокойно, а потом очень рано поднялись, чтобы проехать через солнечное графство Уиклоу и добраться до Дублина, пока не начались пробки на дорогах. Нил вел машину и время от времени наклонялся к ней и гладил по руке. Да, когда потрясение утихнет, все будет в порядке, как и сказал Том.

– Мы решили пока никому не говорить, – объяснила она Тому. – Так что, понимаешь...

Он сразу все понял:

– Значит, и два провидца, с которыми ты работаешь, тоже должны помалкивать. Ты об этом?

– Отчасти. Да, я была бы благодарна. И, Том, спасибо тебе большое за то, что разобрался в субботу с Саймоном и Мод. Папа нам оставил сообщение об этом. Ты настоящий герой!

– Он просто дерьмо, этот Митчелл!

– Ох, не будем о нем! Никому еще не хотела так врезать, как ему.

– Это чудовищно, что дети должны оставаться у них, но не позволяй мне об этом рассуждать. – Том помолчал немного, и Кэти поняла: он собирается сказать нечто важное. – Ты не спрашиваешь, и это мило с твоей стороны, но я не видел Марселлу с пятницы и могу еще пару ночей оставаться здесь, если это не повредит компании. – Говорил он беспечно, однако Кэти видела его боль.

Она тихо подошла к нему и обняла.

– С компанией все в порядке, – наконец сказала она. – Давай откроем электронную почту и посмотрим сообщения.

Когда Кэти включила компьютер, Том отошел, благодарный ей так, что не смог бы выразить это словами. Она все поняла и не стала задавать вопросы в такой тяжелый момент. А потом услышал, как она вскрикнула:

– Боже милостивый, поверить не могу!

– Что такое?

Том подбежал к ней. И вместе они прочитали, что Мэриан отдает всю свадьбу на их усмотрение, вместе с репетицией и ланчем во второй день, поскольку Гарри и его глупая родня даже не подумали о том, что нужно забронировать какие-то рестораны в Дублине. В этом

сонном далеком Дублине, где никому не нужна бронь. И Кэти с Томом придется найти что-нибудь приличное, с ланчем и обедом, в пик туристического сезона, причем найти это всего за три недели.

– Но это невозможно! – воскликнула Кэти. – Ничего же не найти! Вот ведь безмозглые идиоты!

– Нам придется самим поставить еду, – сказал Том. – Все просто.

– Теперь и ты тоже свихнулся! Мы не можем это сделать!

– Почему нет? Это принесет нам кое-какие деньги, которые нам крайне необходимы, и отвлечет от всего остального.

Уолтер пришел в ярость из-за того, что дети играли в сарае.

– Мы не играли, мы танцевали! – возразили они.

– Это мой сарай, держитесь от него подальше! – приказал Уолтер.

– Я не знал, что сарай твой, Уолтер, честно! Я думал, он принадлежит всем нам, – сказал Саймон.

– Ну а теперь знаешь. И хватит дрыгать ногами, это очень раздражает папу! Он может снова уехать.

– Но не из-за наших же танцев? – вытаращила глаза Мод.

– Нет, но он постоянно твердит, что старина Барти уехал в Англию, и он может отправиться за ним.

– И отправится?

– В общем, может.

– А как же мама?

– Мама уже несколько дней не в себе. Вы должны это знать, – презрительно произнес Уолтер.

– А ее нервам не станет хуже, она не попадет снова в больницу, если отец уедет? – поинтересовалась Мод.

– Можешь не сомневаться, так что постарайтесь не плясать там, где все могут вас слышать, ладно?

– Конечно, Уолтер.

– И нечего ныть и жаловаться Саре. Уже и то плохо, что Том Фезер сунул сюда нос в субботу.

– Мы его не просили, честно, – заявила Мод.

– Матти позвонил Кэти, а Том ответил, вот и все, – пояснил Саймон.

Они явно говорили правду, и Уолтер сменил тему.

– Единственный способ вообще сохранить этот дом – не болтать без конца с Сарой, вам понятно?

– Да, – с сомнением ответили близнецы.

Ханна Митчелл позвонила своей дочери в Канаду.

– Нет, мисс Митчелл взяла длинный уик-энд вместе с партнером.

– О, у нее есть партнер в ее компании? Это замечательно! – воскликнула Ханна.

– Нет, я имею в виду, что она с партнером уехала в их шале на озере.

– А когда она вернется? – спросила Ханна.

Она знать не знала о каком-то шале на каком-то озере.

– Наверное, сегодня вечером. Завтра они уже будут в магазине.

Ханна повесила трубку, радуясь новости и горя нетерпением разнести ее. В последнее время ей просто нечем было похвастаться насчет Аманды; они, вообще-то, почти не общались.

В понедельник Нил заехал в «Дубки» около шести часов и рассказал о конференции в Африке. Ханна слушала нетерпеливо, выжидая момента, чтобы сообщить новости из-за границы.

– А ты знаешь, у Аманды теперь есть партнер в ее магазине, – заявила она.

– Весьма неплохо. И когда это произошло? Она сказала? – с довольным видом спросил Джок.

– В общем, нет. Ее не было на месте. Я просто позвонила, и там мне сообщили, что она с партнером взяла длинный уик-энд, и у нее, должно быть, появилось какое-то шале на озере.

Нил поспешно проглотил свою выпивку. Он должен был отвлечь мать, прежде чем она скажет что-нибудь, что потом может оказаться печальным.

– В этих магазинах умеют все перепутать. Давай подождем, пока не поговорим с самой Амандой, прежде чем кому-нибудь рассказывать, – предложил он.

– Но девушка не стала бы говорить...

– Понимаешь, она могла иметь в виду партнера, то есть партнера Аманды, парня или девушку. Ты же знаешь, как нынче используют это слово.

- Но она имела в виду в книжном магазине... Я знаю!
- Она может иметь партнера и в магазине.
- Но если бы у Аманды появился парень, она бы нам сказала.
- Необязательно, мама, – возразил Нил. – Ты должна быть сама уверена, уверена, что другие готовы это услышать.
- Ну, я всегда умирала от желания узнать о чьем угодно парне, или о партнере, или как теперь это называют. В чем тут секрет? – Ханна рассердилась.
- Давай подождем, мам, я чувствую, так будет лучше.
- Он заметил, что отец смотрит на него насмешливо, но вопросов Джок задавать не стал.

Им понадобился целый день непрерывных звонков, чтобы найти подходящие места. Для обеда с репетицией они могли воспользоваться студией Рики. Для ланча второго дня – апартаментами Джеральдины. Они посмотрели на часы: уже шесть. Самое время для связи с Чикаго. Меню они отправят позже, через день или два, но прямо сейчас Мэриан и Гарри должны знать, что все сделано. Кэти с Томом отправили письмо факсом, украсив лист писчей бумаги свадебными колокольчиками, подковами и разными талисманами удачи, чтобы взбодрить пару. Мэриан позвонила минут через пять, вся в слезах благодарности. Кэти просто ангел-спаситель и непризнанная святая и, конечно же, любимая сестра Мэриан, и семья Гарри просто умирает от желания увидеть меню, чтобы заранее сделать выбор, и, конечно же, деньги не вопрос, так что не стоит экономить.

- Кэти, ты сделала выводы из этого разговора? – спросил Том, когда она пересказала ему все.
- Боюсь, да, – признала она.
- Они переглянулись и захохотали, повторяя:
- Они хотят получить меню прямо сейчас!

В шесть часов в понедельник Джеральдина осознала, что между ней и Фредди Флинном все кончено. Он не позвонил в уик-энд после сообщения, что он к ней не придет. С его стороны это было не слишком порядочно, и ей стало больно. Пришлось весь день держать себя в руках, чтобы не звонить ему. Она заставляла себя верить, будто

лучший способ действий для нее – это оставаться любезной, холодной и не бросать обвинений. Доказать, что она умеет себя вести.

Фредди заехал в Гленстар и нажал кнопку звонка. Никто и никогда не получал ключей от жилища Джеральдины.

– Фредди? – произнесла она с удовольствием, но удивленно.

– Я просто подумал...

– Ты не позвонил заранее. – Это было нерушимым правилом.

– Да, но на этот раз я подумал, мы можем... Я хочу сказать, если тебе неудобно, я могу...

– Ничего. Входи, Фредди.

Поднявшись в квартиру, он сел и стиснул руки. Оказывается, Полин кто-то нашептал, что у него шашни с женщиной, и ее невозможно было успокоить. Ему просто пришлось поехать с ней в Лимерик. Во-первых, доказать, что сплетники ошибаются; во-вторых, убедить ее в обратном. Джеральдина кивала вежливо и отстраненно, как будто Фредди говорил о существах какого-то другого вида. Между тем в Лимерике все выяснилось. Полин призналась: ей одиноко, она боится, что он может ее бросить, и ей хочется, чтобы он каждый день возвращался с работы пораньше. Джеральдина любезно кивнула.

– Так что, понимаешь... – пробормотал Фредди.

– Я понимаю, Фредди, пожалуйста, поверь, я все понимаю.

Он неловко сидел и молчал. Джеральдина и не думала упоминать о часах. Они были подарены в тот момент, когда он считал ее самой чудесной женщиной во всей Ирландии и совершенно не беспокоился о том, что его жена может все узнать. Это был дар из другой части их отношений. И было бы грубо и слишком по-деловому даже предположить, что их можно вернуть.

– Не могу и выразить, как я скучаю по тебе, – наконец сказал Фредди.

– И я, Фредди.

– Ты, конечно, заслуживаешь куда лучшего, чем я, – начал хорохориться он, пытаясь шутя вывернуться из ситуации, суть которой состояла в том, что их роман закончен.

Джеральдина оставалась абсолютно спокойной.

– Не нужно ничего говорить, не нужно унижаться. Я надеюсь, ты всегда останешься мне прекрасным другом. – Она опустила ноги с дивана и встала, давая ему понять, что пора уйти.

Фредди Флинн двинулся к двери с огромным чувством облегчения, поскольку она не устроила ему сцену.

А Джеральдина мягко поцеловала его в щеку:

– Удачи тебе во всем, милый Фредди.

– Ты женщина одна на миллион, Джеральдина. Мне просто хочется...

– До свидания, Фредди, – негромко произнесла она и вернулась в квартиру, быстро закрыв за собой дверь.

Она стояла в пустых апартаментах, напряженная и взвинченная от гнева и раздражения. Из всех ее мужчин Фредди нравился ей больше всего. Он не был таким умным, как Питер Мёрфи, или утонченным, как некоторые другие, но с ним было забавно. Джеральдина думала, что он всегда будет с ней. Что дало Полин достаточно уверенности, чтобы вернуть его? У Полин было множество родни, братьев и сестер, и, конечно, у нее были дети от него. Полин обладала респектабельностью. Она была и будущим, и прошлым. И в итоге это было куда лучше, чем обладать длинными ногами, большой квартирой в Гленстаре и дизайнерской одеждой. Разочаровывает, но это правда.

Поэтому, когда Том и Кэти позвонили ей, чтобы спросить, можно ли устроить этот дурацкий второй день или что там еще в Гленстаре, Джеральдина согласилась. Это послужило бы нескольким целям: порадовало бы ее племянницу Мэриан, у которой, похоже, уже случился нервный срыв там, в Чикаго, и отвлекло бы ее мысли от вероломного Фредди Флинна.

Марселла не знала, чем заняться в понедельник после работы. Она просидела в салоне так долго, как могла, но потом ей пришлось на что-то решиться. В конце концов она вернулась в Стоунфилд и снова прошла весь ритуал: позвонила и услышала автоответчик, позвонила в домофон и не получила ответа, а затем вошла в квартиру. Том не вернулся. Был уже вечер понедельника, и Том Фезер не вернулся в собственную квартиру. Должно быть, он теперь решил жить в «Алом пере». Идиотизм! Это ведь был его дом, видит бог, его квартира, а он просто взял и покинул ее. Записка так и лежала нетронутой на столе, та же самая картонка обезжиренного молока стояла в холодильнике. Это было холодное, неживое место. Марселла слегка содрогалась,

укладывая в небольшую сумку самое необходимое, и написала вторую записку:

Том, это твоя квартира, хватит спать на диване в «Алом пере». Вернись домой. Я ухожу, если ты того хочешь. Тебе только нужно объяснить мне, в чем дело. Лицом к лицу. Я люблю тебя.

Марселла

А потом она набрала номер «Алого пера».

Когда тем вечером Кэти вернулась в Уотервью, у нее голова шла кругом от планов свадьбы. Они придумали столько идей, она и Том. Мэриан должна прийти в восторг. Нил был дома.

– Ты не можешь и дальше продолжать так работать, ты просто не можешь, – сказал он.

Он очень беспокоился за нее.

– Нет, я в порядке, меня вполне поддержит большая кружка чая, – ответила она.

– Ладно, я приготовлю. У тебя болит спина?

– Немножко, время от времени, не сильно. А почему ты спрашиваешь?

– Я кое-что почитал обо всем этом.

Сердце Кэти воспарило. Потрясение слегка утихло; понемножку просыпался отец.

– Я сегодня ездил в «Дубки».

– Но ты же ничего им не сказал?

Разговор с Ханной следовало спланировать заранее, если тут вообще нужно было что-то планировать.

– Конечно нет, но я рассматривал фотографии, которые стоят у матери на пианино. Мы с Мэнди там совсем маленькие. Тогда у матери в доме было много помощников, и она не работала, а посмотри, чем приходится заниматься тебе! Это просто несправедливо.

– Совсем не важно, что она имела тогда. – Кэти совершенно не интересовало прошлое.

Но Нил не отступал:

– И так было легче для других, для тех, кто жил рядом. Когда мой отец возвращался с работы, то мог просто закрыться в своем кабинете и заняться делом, а малышей уносили в детскую, и они его не беспокоили. Я просто говорю, что это нечто вроде системы, одним все дается чрезвычайно легко, а другим – нет.

– Хватит попыток переписать историю! В любом случае твой отец никогда не запирался в кабинете и не заходил в детскую. Он разве не отправлялся в гольф-клуб, едва выйдя из офиса?

– Но дело в принципе, – настаивал Нил.

– А у моего отца нас было шестеро, ползавших по нему в кухне, но это даже на минуту не отвлекало его мысли от того, что происходит в Карраге^[3]. – Кэти предпочитала ясность во всем.

Нил приготовил чай, но оставался задумчивым. Он говорил о своей матери и об отце, о том, как они полностью привыкли к своему образу жизни и считали это правильным, как его мать неверно поняла, что Аманда и ее партнер находятся в каком-то шале на озере, и о том, что Сара рассказала о смерти какого-то богатого старика, завещавшего свой георгианский особняк организации помощи бездомным, и все соседи восстали против этого. Огромный эгоизм этого города раздражал Нила. В Африке, по крайней мере в тех местах, где он бывал, у людей другие приоритеты, он встречался с теми, кто по-настоящему проявлял щедрость и либеральное отношение, выступал за социальную ответственность правительств. Он познакомился с одной девушкой из Швеции, и она кого угодно напугала бы рассказом о том, какие налоги платят богатые люди в Швеции, просто чтобы гарантировать всем квалифицированную медицинскую помощь...

И пока он говорил, Кэти просто смотрела на него.

– «Алое перо», – ответил Том.

– Том, пожалуйста, не бросай трубку.

– Марселла... – Голос Тома ничего не выражал.

– Я могу приехать туда, поговорить с тобой?

– Нет, я, вообще-то, уже ухожу.

– Ты идешь домой?

– Нет.

– Я там оставила тебе записку. Она на столе рядом со вчерашней.

– Это не важно, Марселла.

– Но мы ведь не можем оставить все вот так... – недоверчиво произнесла она.

– А почему нет? – спросил Том и повесил трубку.

Он сел и долго смотрел на телефон. Какого черта она ожидала услышать?!

В Стоунфилде Марселла тоже сидела и смотрела на телефон. Он ведь должен когда-нибудь поговорить, пусть хотя бы попрощаться. Так почему не может сказать все сейчас?

– Джеральдина, это не может быть из благотворительного магазина. – Лиззи Скарлет взяла новехонький наряд из «Хейвордса», чтобы еще раз взглянуть на него.

– Оттуда, Лиззи! – соврала ей сестра, глядя прямо в глаза. – Ты просто не знаешь, куда смотреть. Эти дамочки иногда надевают платье один раз, а потом думают, что в этом их задница выглядит большой, или что ее подружки посмеются над этим, или еще что-нибудь. И выбрасывают.

– Но они потрясающие! – Лиззи погладила платье и пальто из темно-серой шелковистой ткани. – Я сама в этом могла бы быть невестой, а не просто матерью невесты.

– Лиззи, ты можешь познакомиться с каким-нибудь богатым американцем, и мы больше тебя не увидим, – поддразнила ее Джеральдина.

Матти поднял голову над газетой.

– Лиззи не нужны богатые американцы, – твердо заявил он. – Ей нужны Грохот и я во всем нашем великолепии и со всеми нашими недостатками, верно, Грохот?

Пес одобритительно гавкнул.

– Грохот говорит, ты совершенно прав, – сказала Лиззи. – Он говорит: чего еще может хотеть женщина, кроме того, что есть у меня?

И впервые за всю свою жизнь Джеральдина ощутила укол зависти к сестре, вышедшей замуж за неудачника и мывшей чужие полы.

Том и Кэти усердно трудились над планом свадьбы. Теперь им нужно было обслужить три мероприятия, и они наняли еще людей. Вечером в пятницу должна была пройти тематическая вечеринка. Студию Рики нужно было оформить в стиле подпольного бара времен

сухого закона. Там собирались нарисовать решетки на окнах и устроить что-то вроде смотрового глазка – маленькой дверцы, которую можно было отодвинуть, чтобы посмотреть, кто пришел. Гостям должны были дать пароль для входа. Еще у Рики было большое проясочное оборудование, на которое можно было наклеить этикетки с надписью «Джин для ванны»; на стенах предстояло развесить фотографии Аль-Капоне и разные статьи о резне в День святого Валентина; в музыкальный центр загрузили выступления знаменитых чикагских джазменов, и все должны были чувствовать себя на вечеринке как дома. В меню вечеринки входили восхитительные говяжьи ребрышки по-чикагски и шоколадно-мятное мороженое, о котором в кулинарной книге говорилось, что оно было самым любимым в том городе. Очень трудно было разузнать что-нибудь о чикагской кухне в тот период, поскольку все кулинарные книги или веб-сайты, куда заглядывали Том и Кэти, казалось, твердили одно: в то время в чикагской кухне доминировали польские блюда.

– Польская кухня хороша, – заявил Том. – Много красной капусты и сливок. Может, нам следует это попробовать?

– А если они как раз хотят отдохнуть от этого? – усомнилась Кэти. – Ладно, узнаем, когда они позвонят после того, как вернутся.

– Что-то они помалкивают насчет меню, – сказал Том, когда прошло два дня и они не получили никакого отклика из Америки.

Кэти согласилась с ним:

– И это после того, как меня называли святой, ангелом, гением, а теперь даже не удосужились хоть как-то признать всю нашу тяжелую работу.

– Может, нам самим им позвонить? – предложил Том. – Нам ведь нужно начинать закупки как можно скорее.

– Я почти в ужасе, что свадьба приближается, хотя и понимаю, что это глупо. В более нормальное время я бы начала с самого сложного.

– Послушай, тебе позволено иметь глупые чувства... по крайней мере, это лучше, чем грызть уголь, пока мы тут готовим, – сказал Том.

– Нет, ко мне не должны относиться как-то по-особенному, это же естественный процесс... Женщины всегда рожали детей и прекрасно с этим справлялись, никто их не баловал из-за этого.

– Может быть, – согласился Том. – Вся эта мужская солидарность, желание уйти в паб и выпить, чтобы держаться в стороне...

– Ага, ты сейчас так мил и благороден, потому что тебе самому не нужно быть там, ожидать, когда ты станешь отцом, проверять себя в реальных условиях.

Том хлопнул ее ложкой для теста, а она в ответ бросила в него горсть изюма.

– Ладно, посмотрим, как ты справишься, а вот мне придется отказаться от томатного хлеба, – пожаловался Том.

– Можем начать с международных рецептов, – засмеялась Кэти.

– А Нил будет присутствовать при родах? – спросил Том.

– Да, – решительно ответила Кэти. – Знает он сейчас об этом или нет, но он там будет. Ладно, а кто позвонит Мэриан?

– Поскольку ты не имеешь особых предпочтений, думаю, ты должна, – решил Том, вынимая из чаши миксера последние изюминки и отправляя их в рот.

Разговор с Мэриан был похож на разговор с совершенно другим человеком, не тем, с кем Кэти говорила всего два дня назад. Мэриан то растерянно бормотала, переходя на шепот, то говорила фальшивым высоким голосом, как они все благодарны за то, что для них делается.

– Знаешь, я ничего не поняла, – наконец сказала Кэти. – Том, можешь с ней поговорить, пожалуйста?

Том тоже ничего не добился; он то и дело пожимал плечами, глядя на Кэти.

«Она что, пьяная или под кайфом, как ты думаешь?» – написал он в блокноте, лежавшем рядом с телефоном.

Кэти пришлось сдерживать смех при одной этой мысли. Наконец Тома осенила блестящая идея.

– А могу я поговорить с Гарри? Может, мы и разберемся со всем по-мужски.

– Гарри здесь, – нормальным голосом ответила Мэриан. – Он как раз пришел в мой офис, чтобы все обсудить. Я сейчас позову его.

– Гарри, я Том Фезер. Я никому не родня. Если тебе не нравится наше меню, говори сейчас, и мы пришлем тебе другое. Я просто подумывал о польской кухне, густой суп, клецки... Просто скажи, Гарри.

– Том, я как раз собирался сказать, здесь все готовы просто упасть при одной только мысли о вечеринке времен сухого закона или упоминании о Дне святого Валентина и даже о запахе джина для ванны.

– Понял. Мы подумали, вам может понравиться.

– Нет, это было бы наихудшей темой, какую только можно вообразить... вроде Ирландской республиканской армии с бомбами и всяким таким.

– Или солонины и капусты, – быстро добавил Том.

– Я понял, к чему ты ведешь, Том.

– Значит договорились? Никакого сухого закона, никакой солонины.

– Договорились, – ответил Гарри.

Сара приехала совершенно неожиданно и устроила проверку всего дома. Все наблюдали за ней, когда она открывала холодильник, изучала посудомоечную машину, заглядывала на полки с продуктами и проверяла белье в сушилке.

– Мод и Саймон, могу я попросить вас пойти в сад и немножко поиграть в теннис? Вижу, у вас там висит сетка. Вы должны подготовиться к следующему занятию.

– Мы теперь не ходим на занятия, – сообщил Саймон.

– Они были слишком дорогими, – пояснила Мод.

– И мне кажется, тренер куда-то уехала, – добавил Кеннет Митчелл.

– Нет, только на выходные, – уточнила Мод.

Губы Сары сжались в твердую прямую линию.

– Тем более есть смысл тренироваться, – сказала она таким фальшиво-бодрым голосом, что близнецы сразу почувяли скрытую угрозу, относившуюся ко всем, и быстро умчались в сад, а Сара крикнула им вслед: – Когда я здесь закончу, то выйду и поиграю с каждым из вас. До семи очков. Мне полезно немножко поупражняться. Хорошо?

Близнецы подумали, что это здорово! Кей и Кеннет Митчелл молча сидели и слушали, как дети смеются и стонут при промахах и визжат при удачных ударах, как теннисный мяч стучит по сухой неухоженной лужайке.

– Поправьте меня, если я ошибаюсь, но мне кажется, что никто не приглашал вас в мой дом, чтобы поиграть с детьми в теннис, – решив атаковать первым, начал наконец Кеннет Митчелл.

– Поправьте меня, если я ошибаюсь, но вы, похоже, даже отдаленно не представляете, в каком серьезном положении находитесь и что вы оба на грани того, чтобы потерять детей. И если мои страхи за их благополучие обретут выражение в моем рапорте и будут приняты, вы можете их лишиться уже к концу месяца.

– А можем мы танцевать на всех трех приемах, как ты считаешь? – спросил Саймон у Матти, когда позже в тот день они очутились на Сент-Ярлат-Кресент.

– Я же не имею отношения к организации всего этого, сынок. Будь ты постарше, ты бы и сам научился держаться подальше от такого. Мужчины всегда так поступают.

– Но мы могли бы приготовить три разных танца для каждого приема... Это может быть трудно, конечно. Но я бы не хотел разочаровывать американцев.

– Наверное, в этом Кэти лучше разберется, – задумчиво произнес Матти.

– Точно. Матти, а ты знаешь, почему нам разрешили бывать на Сент-Ярлат-Кресент так часто, как нам хочется?

– Не знаю, и скажу тебе, чего я еще никогда не делаю: не задаю вопросов, если все оборачивается лучше, чем ты ожидал. Помнишь тот день на прошлой неделе, когда я не сконцентрировался и сделал ставку на первую, вторую или третью вместо ставки на победителя? Я был так разочарован, что чуть не выбросил билет, а потом один из моих коллег по офису напомнил мне, что я поставил еще и на номер? Я даже не поверил, но лишнего говорить не стал. Полагаю, это всегда лучше всего.

Саймон задумался.

– Наверное, ты прав Матти. Если не думать, почему люди что-то делают, тебе же лучше, они тогда могут и снова так поступить. Понимаешь, отец вдруг насчет многого передумал. Мне бы хотелось узнать, что им наговорила Сара, почему все изменилось.

– Мы никогда не знаем и половины того, что происходит в мире, – покачал головой Матти.

– Но честно, Матти, отец принес поднос с лимонадом на теннисный корт для нас и Сары, и миссис Барри вернулась, так что ей, должно быть, заплатили, и теннисные уроки снова начались, а нашу одежду мы сами стираем в машинке, но миссис Барри все гладит, а мама встает и одевается. И мы можем приезжать сюда на автобусе, когда нам захочется, ну... когда свободны, конечно, и мы с Мод считаем, что мы, должно быть, сделали что-то правильно, только не можем сообразить, что именно.

Шона зашла в кухню «Хейвордса» задолго до открытия универмага.

– Ты за мной шпионишь и пытаешься украсть производственные секреты, – усмехнулся Том.

– Боже, нет, просто хочу воспользоваться микроволновкой.

– Сомневаюсь, – произнес Том, сосредоточенно работая. – Налей нам кофе, Шона, ты не против? – крикнул он ей.

Они дружески болтали обо всякой всячине. Но ни один из них не задавал вопроса, который хотел бы задать. Том не стал интересоваться, работает еще Марселла в салоне красоты или уже умчалась за море, чтобы начать работу по новому контракту как модель. Она написала еще одну записку, перед тем как забрала свои вещи из квартиры в Стоунфилде. И она оставила часы, браслет и книгу любовных стихов в кожаном переплете. Записка была короткой.

Я все так же люблю тебя и не могу поверить, что ты готов забыть четыре года нашей жизни без единого слова. Но я не могу каждый день задавать тебе один и тот же вопрос. И если ты хочешь объяснить мне, почему мы не можем поговорить... мы ведь работаем сейчас в одном и том же универмаге. Ты вполне можешь объяснить мне все там, если не здесь. Уж это ты мне должен. Всего один разговор.

Но это не будет простым разговором, когда два человека сидят и один говорит, что это имеет значение, а другой утверждает, что не имеет. По мере того как шли дни, Том держался, не желая заглядывать в салон и проверять, там ли еще Марселла. Для него это стало

вопросом гордости, он не должен выяснять. Шона же хотела бы попросить Тома рассказать ей все, что он знает, о мистере Джеймсе Бирне, лицензированном бухгалтере на пенсии и нынешнем служащем на неполный день в «Алом пере». Ей хотелось бы спросить, веселый он человек или очень напряженный, любит ли он музыку, ходит ли на концерты? Много у него друзей или он одинок? Бывал ли Том в его квартире? Живет мистер Бирн один или с кем-нибудь? Но она так давно сама справлялась со своими делами, что ей трудно было спрашивать кого-то о столь личных вещах. Даже такого открытого и дружелюбного, как Том Фезер, которому явно разбила сердце его глупая подруга Марселла.

– А что ты собираешься надеть на свадьбу? – спросила Джеральдина.

– Огромную палатку для беременных с белым воротничком и туфли без каблука, – ответила Кэти.

– Нет, давай серьезно. Кстати, о серьезном. Когда ты собираешься сообщить матери, что она еще раз станет бабушкой?

– Скоро, скоро, только дай ей сначала пережить эту свадьбу, – умоляюще произнесла Кэти. – И мне тоже дай это пережить, раз уж так вышло. У нас сейчас так много работы, ты просто не поверишь! Я боюсь выпустить Тома из поля зрения на случай, если он примет еще один заказ.

– Он отчаянно хочет заработать денег, так? – Джеральдина явно сочувствовала ему.

– Да, и в итоге загонит себя в могилу, так что ему не придется думать о Марселле, – добавила Кэти.

– Там никаких перемен?

– Он ни слова не говорит. Он уже не ночует в приемной «Алого пера», так что полагаю, она съехала с квартиры.

– Глупая девчонка, как ни посмотри, – сказала Джеральдина.

– Да, но он обожает ее! Думаю, все так же, как прежде. Кто вообще понимает что-то в мужчинах и в их чувствах?

– Да, кто? – довольно резко бросила Джеральдина.

Кэти открыла рот и снова его закрыла. Они договорились с Фредди Флинном по поводу еще одного приема на тему «Вилла за границей»: испанский и итальянский стали хитом. Фредди теперь

хотел что-нибудь еще, но в другом стиле, конечно. Кэти спросила, будут ли они связываться через ее тетюшку, как прежде. Последовала пауза, а потом он сказал, что будет проще, если они станут иметь дело непосредственно с ним. Джеральдина об этом не упоминала; она по-прежнему носила те часы. Кэти помалкивала. И как она часто говорила Мод и Саймону, это часть процесса взросления.

– А маму и отца пригласили на ту свадьбу? – спросил у Мод Саймон.

– Нет, и не спрашивай почему, – предостерегла его Мод.

– Почему? – спросил Саймон.

– Ну вот, ты спрашиваешь! – воскликнула Мод.

– Я спрашиваю, почему я не должен спрашивать?

– Ох, это как-то связано с женой Матти Лиззи. Она боится тетю Ханну, а их нельзя пригласить поодиночке.

– Очень запутанно, – неодобрительно произнес Саймон. – А Уолтер пойдет?

– Нет, мы будем единственными Митчеллами, кроме Нила. – Мод была отлично информирована. – И мы пойдем на все три приема, но танцевать будем только в день венчания, чтобы все было особенным для них.

– Я бы сказал, нам лучше взять туфли на второй день, в ту большую квартиру, где живет сестра Лиззи. На случай, если нас вызовут на бис.

Мод немного подумала.

– Полагаю, ты прав, – решила она.

Джеймс Бирн выходил из своей квартиры и снова входил, пытаясь увидеть все глазами гостя, пришедшего сюда впервые. Очень трудно было понять, какое у нее сложится впечатление. Но это было важно, так как повлияет на то, что она станет о нем думать. Если она увидит суровое и холодное жилище, то может подтвердить свое прежнее мнение; если она сочтет квартиру кое-как обставленной и загроможденной, то может подумать, что он и сам таков, а это почти так же плохо. Впервые в жизни Джеймс Бирн понял, почему в журналах так много статей, а в телепрограммах так много передач об

интерьере квартир. Как оказалось, это куда важнее, чем могло бы поверить множество людей.

– А что, кроме нас, других Митчеллов не будет? – поинтересовался Саймон.

– Ну почему же, Нил придет, конечно.

– А как его сестра, у него разве нет сестры в Америке? Почему она не приедет на семейный праздник?

– Она живет в Канаде, а не в Соединенных Штатах, и для Митчеллов это не совсем семейный праздник, видишь ли...

– А она хорошая?

– Да, вполне. Она прислала нам чудесный свадебный подарок, – ответила Кэти.

На мгновение она испытала сильное желание рассказать близнецам об их кузине Аманде, чтобы они знали: она счастлива в Торонто с женщиной по имени Сьюзан. Интересно было бы узнать, какие разрушения могут причинить близнецы, обладая подобной информацией, подумала Кэти и улыбнулась себе под нос.

– Всегда опасно, если Кэти смеется сама с собой, – заметил Матти.

– А что случается? – с тревогой спросил Саймон.

– Что угодно может случиться, – ответил Матти. – Она может купить еще одно здание, или фургон, или нанять больше служащих...

Зазвонил мобильный телефон. Это был Том. Он налетел на машину какого-то идиота, остановившегося без предупреждения.

– Ты сам не пострадал?

– Я-то нет, а вот этот чертов торт ко дню рождения, который я должен был доставить... С тортами я не в ладах. Кэти, он похож на чертову кашу, а я должен остаться на месте происшествия.

– Я сейчас возьму такси. Что привезти?

– Все, что сможешь схватить: поднос, сахарную пудру, крем, все вообще.

– Что? Я должна притащить все это в такси? Ты с ума сошел?

– А что еще делать, Кэти? Он рассыпался по всему фургону!

– Черт!.. – пробормотала Кэти. – Говори, где ты находишься?

Все смотрели, как Кэти носится по кухне матери, хватая то и это.

– Па, у тебя есть какой-нибудь надежный коллега, который водит такси, любой, кто захочет заняться интересной работой?

– А можно и нам поехать? Пожалуйста! – услышав о происшествии, взмолились близнецы.

– А почему бы и нет?

Кэти подумала, что хуже все равно не станет.

Они ехали с Кентукки Джимом, одним из самых верных друзей Матти. Он сказал, что не в силах поверить, что людям платят немалые деньги за доставку другим праздничных тортов. Это доказывает, что кое-кто рождается каждую минуту.

– Кто рождается? – тут же спросил Саймон.

– Дурак. Говорят, каждую минуту рождается дурак.

– Интересно, это правда? – пробормотала Мод.

Кэти решила никогда не рассказывать им о том, что философ Кентукки Джим когда-то владел прибыльным бизнесом, но его интерес к букмекерской конторе Сэнди Кина сумел сократить его состояние до владения четвертой частью машины такси. А потому можно было усомниться в его мнении, что дураки рождаются каждую минуту.

Когда они нашли Тома, он выглядел совершенно беспомощным.

– Боже, да ты ужасный водитель, я всегда так говорила! – заявила Кэти, снимая с остатков торта полиэтилен, вытаскивая подставку, обернутую серебряной фольгой, и протирая ее, чтобы начать восстановление.

– Ты можешь это сделать?

– Мне придется это сделать, глупый! Я прихватила отсадочный мешок, так что смогу снова написать имя. Кстати, что от него осталось? Это что, «Джеки»?

– Да, Джеки, точно.

– С одной «к» или с двумя?

– Боже, я не знаю!

– Оно же записано в книге заказов, посмотри! – закричала Кэти, приклеивая развалившиеся бока торта на место с помощью шоколадной пасты.

– Ты могла бы написать оба варианта, а когда найдешь правильный, второй съесть, – услужливо подсказал Саймон.

– Заткнись, Саймон! – одновременно рывкнули Том и Кэти.

– Значит, в итоге ты не будешь превращать мою студию в подпольный бар? – спросил на следующий день явно разочарованный Рики; ему идея понравилась.

– Нет, и еще, Рик, будь другом, даже не упоминай об этой маленькой идее, ладно? Это представление с треском провалилось.

– О черт! – воскликнул Рики.

– В любом случае теперь все успокоилось.

– И это явно больше того, что ты имеешь. – Рики улыбнулся Тому.

– Не совсем понял, о чем ты. – Том держался слишком невозмутимо; он прекрасно знал, что подразумевал Рики.

– Ну... просто мне говорили, что вы с Марселлой не виделись со дня ее выступления. Я и подумал, что жаль, вот и все.

– Ну да, – произнес Том.

– А если я вдруг с ней столкнусь, Том, хочешь, чтобы я что-нибудь ей сказал?

– Нет, Рики, спасибо, уже все сказано.

Рики отступил. Он покачал головой, поскольку уже трижды слышал слезные жалобы Марселлы на то, что ничего не было сказано, вообще ничего.

Кэти увидела в Ратгаре Джеймса Бирна, несущего пакеты, и нажала на клаксон.

– Хотите, подвезу? Вы домой идете, Джеймс?

– О, рад вас видеть, Кэти. Да, не откажусь.

Когда они подъехали к элегантному зданию, Бирн повернулся к Кэти.

– Могу я спросить вас о чем-то очень личном? – начал он.

Ох, боже, только не о том, что он догадался о ее беременности!..

– Конечно, что угодно, – осторожно ответила она.

– Вы не могли бы просто войти вместе со мной в квартиру, просто войти и сказать, что вы видите? – попросил Бирн.

У Кэти упало сердце. Только это им и было сейчас необходимо, чтобы их спокойный, рассудительный бухгалтер растерял все шарики и свихнулся...

– А как вы думаете, что я могу увидеть, Джеймс? – со страхом спросила она.

– Не знаю, Кэти, но вы будете честны, ладно?
– Постараюсь, Джеймс, – ответила несчастная Кэти, выбираясь из фургона.

Том ждал возвращения Кэти, а потому просто нажал на кнопку, чтобы открыть двери, не спросив, кто там.

Кто-то остановился у входа.

Это было странно, ведь Кэти обычно стремительно пробегала через приемную прямо в кухню. Надеюсь, что ничего не случилось, Том вышел.

Спиной к свету стояла Марселла. Облако темных волос окружало ее голову, как гало; лицо у нее было расстроенным и встревоженным. И она сразу заговорила:

– Нечестно было говорить Рики, что мы все обсудили. Ничего подобного не было!

– К этому нетрудно вернуться, – сказал он.

– Ты меня ненавидишь, Том?

– Конечно нет, конечно, я тебя не ненавижу, – мягким голосом произнес Том.

– Но то, что ты сказал Рики...

Внезапно Том почувствовал себя ужасно усталым.

– Нет, Марселла, я не говорил Рики, будто мы все обсудили, я сказал, что все уже сказано, а это совсем другое... Я имел в виду, что говорить больше не о чем.

– Но я не стала бы поступать так, не объяснив почему.

– Ты знаешь почему.

– Это из-за той глупой вечеринки?

– Да.

– Ты не захотел ничего узнать о ней, вышла просто путаница. И я говорила тебе, что так может получиться. Ты не хотел ничего знать.

– Ты права: я не хочу ничего об этом знать и о том, почему ты не вернулась домой в ту ночь.

– Я же объясняла, Том, заранее говорила, что все это ничего не значит. Ничего важного.

– Для тебя, Марселла... А я тогда говорил, что это чрезвычайно важно для меня.

– Но ты знал, что будет вечеринка и что я должна туда пойти. – Марселла уже плакала, Том стоял, опустив руки. – Я была честна с тобой, это правда! Тебе никогда в жизни не встретить кого-то более честного, чем я!

– Нет, Марселла, ты не была честна. Честные люди не поступают так друг с другом.

– Я сказала тебе правду! – всхлипнула Марселла.

– Это совсем не одно и то же, – ответил Том.

– Я войду первым, уберу покупки, а потом открою дверь, когда вы позвоните, – сказал Джеймс Бирн.

Кэти вздохнула, нажимая на кнопку звонка. Она мысленно велела себе больше не подвозить никаких знакомых в ближайшие четыре года. Джеймс открыл дверь, и Кэти вошла в квартиру, где уже давала уроки кулинарии.

– Посмотрите вокруг. Что вы видите?

– Джеймс, бога ради, на что я должна смотреть?! Это игра такая, да? – Голос Кэти прозвучал резковато.

– Как все выглядит на ваш взгляд? Что бы вы подумали о том, кто здесь живет? – Взгляд Бирна слегка затуманился, пока он ждал ответа.

– Джеймс, вы уж простите, но у меня был долгий день. Я же знаю, кто здесь живет. *Вы* живете.

– Нет, я имею в виду, если вы просто вошли...

– Вроде грабителя, да?

– Нет, я имел в виду кого-то, кто пришел на обед.

Теперь он казался упавшим духом и очень ранимым. Холодный Джеймс Бирн стыдился самого себя и своего открытого, нервного состояния.

– А-а-а... я поняла, о чем вы, – опомнилась Кэти. – То есть вы пытаетесь понять, каким будет первое впечатление, да?

– Именно так.

– Извините, я просто не сразу сообразила. – Кэти какое-то время оглядывала темную, безжизненную квартиру без красок и индивидуальности.

– Нет, это я не объяснил как следует, – извинился Бирн.

– Послушайте, мне не хочется быть слишком любопытной, но, чтобы правильно ответить на ваш вопрос, мне нужно знать, какого

именно гостя вы ждете.

– Простите?

– Ну, кого-то вроде делового человека, или леди, которую вы пригласили на свидание, или давно потерянного друга, или еще кого-то.

– Почему вы сказали «давно потерянного друга»? – беспокойно спросил Бирн.

– Потому что если это нынешний друг, то он или она уже знает, как выглядит ваша квартира. – Кэти говорила, как с Мод или Саймоном, очень конкретно, но все же не так, как говорят с имбецилом.

Какое-то время Джеймс размышлял над ее словами.

– Пожалуй, наиболее точным будет «давно потерянный друг», – наконец ответил он.

– Возраст?

– Примерно как ваш, так уж вышло, и потому...

– Мужчина или женщина?

– Ну... женщина, так уж вышло...

– Немного цветов. Вы можете взять на время несколько наших растений в горшках, если хотите. Несколько ярких подушек... И уберите все бумаги с того стола, и освободите ваш музыкальный центр от всех этих стопок журналов, или вырезок, или что там такое.

– Так, значит, нужно...

– Какого-то цвета, света, ощущения надежды у того, кто здесь живет.

Говоря, Кэти ходила по комнате, а потом вдруг осознала, что именно она только что сказала. Как она могла так уничижительно отозваться о его образе жизни!.. К ее глазам подступили слезы.

– Джеймс, простите, – сказала она, подходя к нему и касаясь его руки.

– Нет, пожалуйста... – Он чуть отшатнулся. – Я спросил ваше мнение, и я получил его. За что же тут извиняться? – напряженно проговорил он.

– Я должна извиниться за совсем ненужные рассуждения о вашем доме. Он ведь безупречен, разве что немного нуждается в красках.

– Да, пожалуй.

– Джеймс, я так нервничаю и волнуюсь из-за того, что огорчаю почти каждого, с кем встречаюсь в эти дни. Пожалуйста, позвольте мне поверить, что я вас подвезла, а потом вошла сюда не для того, чтобы добавить вас к этому списку. – (Бирн слегка расслабился.) – Доверите мне приготовить нам обоим чай?

– Был бы рад. У вас какая-то серьезная проблема или много мелких?

– Это, вообще-то, множество огромных, Джеймс, но вы же знаете, что, если вы их не признаете или не соглашаетесь с ними, они вроде как исчезают... Ну... не совсем исчезают, конечно, но вы понимаете...

– Понимаю. Они не уйдут по-настоящему, в любом случае останутся за дверью. – Бирн говорил сочувственно.

– Вы очень добры, Джеймс, вы умеете успокоить. Уверена, ваш обед будет иметь большой успех.

– Надеюсь, действительно надеюсь. Видите ли, от него зависит очень многое.

И они мирно пили чай, больше не задавая друг другу никаких вопросов.

Вернувшись в «Алое перо», Кэти нашла Тома удивительно тихим.

– Мне следует узнать что-то еще о свадьбе? Выкладывай, если так!

– Нет. – Он был где-то далеко.

– Давай!

Том промолчал. Такая неразговорчивость была слишком необычна для него. И на рабочем столе лежала груда бумаг.

– Над чем ты работаешь? – спросила Кэти.

– Так, над разным.

Должно быть, дело касалось Марселлы. Она должна была явиться как ни в чем не бывало.

– Я разговаривала со священником, который должен их обвенчать. Он сказал, мы никогда не должны терять веру в молитву, даже в самый мрачный час.

– Ладно, давай надеяться, что он сказал именно это. Нет особого смысла заниматься его делом, если бы он не умел видеть немножко света в конце туннеля.

– Нет, ты не понимаешь. Он думает, *мы* и есть ответ на его молитвы. – Кэти засмеялась.

– Потому что мы приведем в порядок его замшелый, старый зал?

– Он ведь уже получил выгоду: община начнет новую жизнь, деньги пойдут на добрые дела.

– Вроде новых статуй, наверное? – насмешливо бросил Том.

– Думаю, нет... Он говорил о старых прихожанах, о классах по ликвидации безграмотности.

– Извини, – произнес Том.

– Нет, я просто стараюсь сама взбодриться, говоря, что мы с тобой важны хоть для кого-то.

Том понял.

– Да, давай сосчитаем. Сначала туповатый священник, который даже не знал, что у него есть приходской зал, пока мы не показали его ему. Это первое.

– Второе – Джеймс Бирн. Я пила с ним чай. Кстати, его гостья – женщина моего возраста, которую он не видел очень долго.

– Продолжим, – сказал Том. – Чокнутая Минни, потому что мы готовим ерундовые запеканки в ее посуде.

– Ерунда, мы готовим для нее отличную еду и помогаем сохранить ее брак, но ты прав, она третья.

– Джун. Мы удерживаем ее от того, чтобы убить Джимми. Четыре.

– Кон, или это уже натяжка?

– Нет, – возразил Том. – Для Кона мы важны. Пять.

– Мы легко могли бы дойти до дюжины, если бы заговорили о довольных клиентах. Мы могли бы даже взять лист бумаги и всех записать, – предложила Кэти.

– Или мы могли бы сделать то, чего ты от меня хочешь, и вернуться к работе, – со смехом сказал Том и отодвинул бумаги.

Кэти заметила написанные на одном из листков слова «Дорогая Марселла». Похоже, дела у бедного Тома шли плохо, намного хуже, чем у нее. Кэти, сама того не ожидая, вдруг обняла его. Она просто подошла к нему сзади и обхватила руками его шею:

– Видишь, мы важны для множества людей.

К ее удивлению, Том взял ее руки и прижал к груди.

– Боже, я так на это надеюсь, Кэти, так надеюсь... – Он слегка повернулся, и его щека оказалась рядом с ее щекой.

Лиззи теперь ежедневно получала сообщения из Чикаго насчет предстоящего приезда и свадьбы.

– Они, похоже, очень милые люди, эти родные Гарри. Надеюсь, они не разочаруются в нас, – призналась она своей сестре Джеральдине.

Судя по всему, Мэриан попросила прислать ей видео с танцем близнецов. Когда она просила об этом, то, вообще-то, предполагала увидеть профессиональных танцоров, а не детей, родственников Кэти. Джеральдина и Лиззи недоверчиво переглянулись.

– Сообщи ей, что они великолепны и что видео готовится, – посоветовала Джеральдина.

– А оно у нас будет?

– Конечно нет. Она просто вспомнила об этом сегодня. А завтра забудет.

– А вдруг они недостаточно хороши?

– Лиззи, бога ради, будь они даже похожи на двух слепых слонов, они будут танцевать! Ты это знаешь, и я это знаю, и в любом случае Мэриан будет так взволнована в день свадьбы, что сочтет их прекрасными, поверь мне.

– Кэти, ты вообще понимаешь, что связалась с тремя свадебными днями, а не с одним?

– Все под контролем, Нил.

– Неверно. Если бы все было под контролем, ты бы не забивала морозильник в одиннадцать вечера.

– Всего четыре дополнительных подноса. Я отдохну, когда все закончится, обещаю.

– А врач, что он говорит?

– Он не возражает, – ответила Кэти, не совсем честно, но она должна была сделать свою часть работы; другие трудились до упаду.

Нил покачал головой:

– Даже Сара говорит, ты слишком много работаешь для твоего состояния.

– Ты рассказал Саре? – Кэти была потрясена.

– Милая, мне пришлось ей сказать! Она хотела, чтобы в следующем году я поехал на большую конференцию в Англии, и я должен был объяснить, почему не смогу в ней участвовать.

– Да, конечно.

– Вот она и тревожится, что ты так тяжело работаешь.

– А что она сказала, когда ты сообщил ей эту новость?

– Была очень удивлена, вообще-то.

– Почему это она удивилась? Такое случается с женатыми парами.

– Знаю, Кэти, не рычи на меня.

– Извини. Это просто потому, что мне приходится тебя обходить.

– Ох да... – Он слегка передвинулся.

– Ладно, она удивилась, так как пару недель назад я говорил ей, что мы не намерены обзаводиться детьми.

– Ты говорил о таких личных вещах с Сарой?

– Вообще-то, нет, просто иногда приходится что-то сказать. Кстати, об этом – тебе не кажется, что мы должны сообщить все матери с отцом?

– Нет, только не до свадьбы, осталось всего несколько дней. Не до того, и... Нил, ты не мог бы встать где-то так, чтобы не быть прямо на моем пути к морозильнику, а если хочешь помочь, то, может, поставишь это внутрь? – Она весело улыбнулась ему. – Миллион раз спасибо, это ускорит дело.

– Уолтер, не хватай это молоко! – предостерег Кеннет Митчелл. – Сержант Сара может материализоваться в любой момент, проверить, достаточно ли кальция в их диете.

– А где они? – спросил Уолтер.

– А как ты думаешь? У тех людей, пляшут, как полные идиоты, для толпы полоумных.

– Нил намерен произнести речь на той свадьбе, – сообщил Уолтер.

– Чушь! – заявил Кеннет.

– Я просто передаю тебе то, что они говорили.

– Но какого черта ему это нужно, идти туда и произносить речи перед всеми этими Матти и ему подобными?

– Они, полагаю, родня ему по закону. – Уолтер пожал плечами.

– Да она же просто примитивная и нахальная особа, эта Кэти, стоит ли принимать ее в расчет?

– Не стоит ее недооценивать, отец. Большая ошибка – принижать ее из-за произношения, поверь мне, я знаю.

Он действительно знал. Он никогда не верил, что Кэти не имела отношения к тому инциденту на вечеринке. И он не мог поверить, что ее бизнес продолжал существовать после его налета.

– Шона!

– Боже, Кэти, да ты выглядишь как шопоголик! Что у тебя во всех этих пакетах?

– Да всякое. В основном ткань для фартуков. Мы хотим надеть фартуки с трилистником, вот как. Я постоянно просыпаюсь по ночам и вижу огромную страницу календаря с надписью «Девятнадцатое августа» – «Девятнадцатое августа», красными светящимися буквами. Это когда-нибудь минует, Шона, хоть когда-нибудь?

– Девятнадцатое августа, ты ведь не хочешь сказать, что будешь там? – Шона выглядела бледной как полотно.

– Конечно буду. Разве не я готовлю всю эту чертову дребедень?

– Он сказал, что никого больше не будет, он написал, что сам все приготовит.

– Шона, о чем мы говорим? – не поняла Кэти.

– А о чем говоришь ты?

– О свадьбе моей сестры, конечно. А о чем же еще?

– Извини, мне просто на мгновение показалось... Нет, ничего... Меня пригласили кое-куда на девятнадцатое августа, вот я и решила, что там будешь готовить ты...

– О, вот как? И куда?

– Нет, это просто частный дом... Я подумала, а вдруг случайно именно ты будешь там готовить обед.

– Нет, мне хотелось бы, звучит очень мило и мирно.

– Я бы на это не поставила, – пробормотала Шона.

Выходя из универмага, Кэти гадала: возможно ли, чтобы Шона шла на обед к Джеймсу Бирну? Его прием был назначен именно на девятнадцатое. Он сказал, что его гостя примерно того же возраста, что и Кэти. Но как Шона могла быть его давно потерянным другом? Ну, как бы то ни было, это же не деревня, это Дублин, город миллионов. И глупо думать, будто она знает всех рыбок в этом пруду. К тому же у нее и без того хватало тревог, так что незачем

придумывать новые. Сегодня, в среду, Мэриан и Гарри вылетали из Чикаго и должны были прибыть завтра утром. Комната для них на Сент-Ярлат-Кресент сияла. Кэти помнила, что они не должны видеть, как шьются фартуки, и нельзя позволить Саймону и Мод оказаться даже близко от пары. Завтра вечером, в четверг, остальные чикагцы, десятки и десятки, обоснуются в разных отелях рядом с центром города. Остальные приедут утром в пятницу. У Кэти кружилась голова, когда она думала об этом.

Гарри оказался невысоким полным мужчиной с темными вьющимися волосами и открытым теплым смехом.

– Матти, я хочу, чтобы ты знал: я намерен как следует заботиться о твоей малышке, – заявил он, крепко пожимая руку Матти.

– Судя по всему, ты уже неплохо о ней заботаешься довольно давно, – ответил Матти.

И мужчины мгновенно поняли друг друга. К тому же оказалось, что Гарри любит собак и лошадей, а Матти, читавший больше спортивных страниц в газетах, чем можно вообразить, все знал о соревнованиях в Чикаго. Мэриан была так взволнована, что ее едва не пришлось привязывать к стулу. Она металась вокруг, твердила, что понятия не имела о том, как мал дом на Сент-Ярлат-Кресент, как он ярок и даже элегантен. Она не могла поверить в сильное движение на улицах, в количество дорогих машин, припаркованных у домов вдоль улицы, на которой выросла. Тот факт, что две из этих машин, «БМВ» Джеральдины и «вольво» Кэти, имели отношение к их дому, доставил ей еще больше удовольствия... Она вовсе не была той невротичной, истеричной сестрой, которая недели и месяцы изводила их по телефону, по факсу и по электронной почте. Ее свадебное платье распаковали, и все восхищались им, ее кольцо померили все женщины, а выбранного ею мужа превозносили до небес.

– А кстати, где он? – спросила Кэти.

– Ушел. Папа сказал, что покажет ему свой офис и они пропустят по пинте пива.

– А ты знаешь, что твой отец называет своим офисом? – Лиззи все еще боялась, чем все это может обернуться.

– Ох, мам, я, конечно, была далеко, это правда, но не так долго, чтобы забыть, где офис моего папы. Гарри нравится иногда делать

ставки, как многим, и он, конечно, предпочел пойти туда, чем болтать здесь о нарядах.

Мэриан выглядела счастливой и расслабленной; она казалась намного моложе своих тридцати лет. Стрижка у нее была короткой, сама она была стройной, подтянутой, а глаза сияли радостью.

– Хочешь, прокатимся, я покажу тебе, где будут приемы? Конечно, там еще не все полностью готово, но ты получишь общее представление, – предложила Кэти.

– Нет-нет, Кэти, я же вижу, что у тебя все под контролем, – ответила Мэриан, и впервые за несколько недель Кэти вздохнула свободно.

– Том Фезер, старый друг, как дела? – Гарри на репетиции свадьбы крепко стиснул руку Тома.

– Смотри, никаких признаков подпольного бара, – прошептал Том, ведя жениха в студию Рики.

– А я убедил моих насчет солонины, – так же шепотом сказал Гарри.

– Есть еще какие-нибудь подвохи, о которых нам следует знать? – спросил Том, чувствуя, что может полностью доверять этому человеку.

– Моя тетушка вон там, маленькая, накрашенная, в фиолетовом... ее никогда в жизни ничто не радовало... и ничто не порадует. Ох, а старший брат Кэти Майк попробовал уже соус и счел его слишком густым...

– Большое спасибо. А я что могу тебе сказать? Лиззи не привыкла к большому количеству хереса, Матти предпочитает пиво, вон та женщина в кардигане – монахиня в штатском. И не разрешайте детям танцевать сегодня, или приему конец, завтрашнего дня вполне достаточно.

– Отлично. Все учел, и, Том, у тебя тут есть кто-нибудь важный, с кем мне следует познакомиться?

– Нет, я только что порвал с моей самой важной, – грустно ответил Том.

– Прости. Ее идея или твоя?

– Будь у тебя три свободных часа, я бы тебе рассказал, – усмехнулся Том. – Нет, серьезно, отчасти оба, я уверен.

– Ладно, ты переживешь, – заверил его Гарри.

И в первый раз после ночи модного показа Том почему-то почувствовал, что действительно может пережить.

Они вернулись в «Алое перо», и Нил извинился за то, что не смог прийти помочь. Назавтра кое-что предстояло, ему нужно было разобраться с документами.

– А где Марселла? Она должна быть в составе участников в таком случае.

– Марселла все эти дни не входит в состав участников, – ответил Том.

– Ох, мне очень жаль! – Нил бросил на Кэти обвиняющий взгляд, как бы давая понять, что об этом следовало ему сообщить.

– Да, извини, я должна была тебе сказать, Нил, но просто не знала, надолго ли затянется этот разрыв...

– Никто из нас этого не знает, – бесцеремонно вмешалась Джун. – Но уже прошло несколько недель, и ее не видно, так что мы думаем, он снова свободен. – Она подмигнула Люси, студентке, которая этим вечером работала с ними. – А ты, Люси, что на это скажешь?

– Ох, определенно, открыт сезон охоты на Тома, я бы так сказала, – ответила Люси. – А почему еще я согласилась тут работать, как ты думаешь?

И они весело работали вместе, чтобы окончательно подготовить все к утру. Время от времени Кэти поглядывала на Тома. Он вроде казался уже не таким измученным и печальным. Может быть, он начал приходить в себя. А может быть, это было игрой. Люди, состоявшие в таких отношениях, как Марселла и Том, не могли просто расстаться без тяжелых переживаний. И где бы ни была сегодня эта глупая девушка, она должна была думать о большом, красивом Томе Фезере, о его теплом любящем сердце. Кэти как раз думала, что никогда не встречала такого постоянно добродушного человека, когда услышала, как Том говорит:

– Хотелось бы знать, нет ли у этой тетушки Гарри какой-нибудь аллергии? Может, мы завтра накормим ее орехами или поганками и убьем до того, как она устроит какие-нибудь неприятности?

– Она просила меня отвести ее наверх, глотнуть свежего воздуха, а потом привести обратно, – сообщил Кон.

– Она заявила, что мне необходим хороший пояс... – сказала Джун.

– Она одинокая, и старая, и напуганная, так что просто будьте милы с ней, – ответила Кэти.

Они изумленно уставились на нее.

– С чего ты вдруг заняла такую позицию? – Джун была поражена.

– Из-за Тома прежде всего, и кто-то здесь должен ведь играть роль ангела, если мы хотим, чтобы все прошло благополучно, – ответила Кэти.

День свадьбы, девятнадцатое августа, выдался прекрасным, солнечным, чего, конечно, никто не мог обещать заранее. Священник был мил и приветлив, что необязательно случалось в каждой приходской церкви этой страны. Прихожане в основном явились вовремя, все женщины были в шляпках в честь такого события. Гарри сиял, когда Матти вел Мэриан по проходу. Вел медленно, размеренным шагом, без суеты. Это было просто чудом. Лиззи выглядела так, что ее стоило бы сфотографировать на ипподроме как Лучше-Всех-Одетую-Леди, в элегантном сером шелковом платье и изящной черной шляпке. Джеральдина, которая взяла напрокат шляпы для всех, надела костюм абрикосового цвета, а Кэти стояла рядом с ней в шелковом платье, которое купила в «Хейвордсе» за неделю до того.

Нил был в лучшем костюме для выступлений в суде, производящем впечатление на присяжных. Скоро, скоро со всем этим будет покончено. Ему придется взять один-два дня выходных, и тогда они смогут отдохнуть и обсудить их будущее. Он это обещал. Как только закончится суета со свадьбой Мэриан. Кэти, вопреки своим желаниям, почувствовала, как по ее лицу текут слезы, когда увидела Мод и Саймона, шедших за невестой и Матти так торжественно, словно от этого зависела сама их жизнь. Они были чудо как хороши! Почему ей казалось, что они могут повести себя глупо и все испортить? Их волосы сияли, их маленькие килты были безупречны, их туфли начищены до невозможности. И Кэти не шутя всхлипнула, когда слушала, как Гарри и Мэриан, которым теперь предстояло счастливо жить в Чикаго, обмениваются клятвами. Впервые ей захотелось, чтобы и они с Нилом устроили в день своей свадьбы нечто

более солидное и праздничное. Но в то время для них просто пожениться уже было победой.

Приходской зал, где состоялся свадебный пир, выглядел волшебным. Его украсили лентами, зелеными ветками и цветами. Когда церковь опустела, Джун и Кона отправили быстро перенести цветы от алтаря на главный стол. При входе в зал гостям предлагали шаманское. Том взял на себя заботу о Майке, брате Кэти, за которым следовало присматривать.

– Привет, Майк, я Том Фезер, партнер твоей сестры.

– Я думал, она замужем за Нилом. – Майк сердито посмотрел на Тома.

– Так и есть, я ее деловой партнер. Рад знакомству. Я отвечаю за еду и выпивку.

– Выпивку, вот как?

– У меня тут есть кое-что, тебе понравится. Низкокалорийный клюквенный сок с добавлением свежесжатого сока грейпфрута, капельки сахарного сиропа и еще яичного белка.

– И как он называется? – Майк все еще не оттаял.

– Он называется «Давай не показывать это другим, давай найдем что-нибудь приемлемое для нас самих». – Том подмигнул.

– Так ты тоже не пьешь спиртного?

– Черт, а что? Многие люди выглядят глупо, когда повторяют одно и то же снова и снова.

– А потом падают на стол, – злобно произнес Майк.

– О, это мне знакомо... Ладно, мы с тобой найдем для себя то, что надо, что другим не достанется, и подумай, как хорошо мы будем чувствовать себя завтра! – (Майк взбодрился.) – И если нам захочется петь, то мы, в отличие от большинства, не забудем слова.

– А здесь будут петь? – Майк подумал, что день может оказаться не таким уж унылым.

– Это же свадьба, так ведь? Мы должны спеть хвалу городу Чикаго, и потом кто-то должен рассказать нам о Волшебном Дублине, да?

Майк выглядел куда бодрее, когда Том оставил его. Теперь все, что Тому нужно было сделать, – это убедиться, что в зале есть несколько певцов. Людей, которые смогли бы сменить Мод и Саймона

на сцене, когда придет момент. Вокруг шумели разговоры, и Том с Кэти, расхаживая между гостями, понимали, что уже имеют огромный успех. Это была первая из свадеб, которые им предстояло провести в этом зале. В следующий раз, надеялся Том, у них будет отличная униформа «Алого пера». Но сегодня они надели дурацкие фартуки с трилистниками, которые закончили шить за несколько минут до того, как надели. Все они обменивались друг с другом мнениями, забегая в кухню, освещенную послеполуденным солнцем.

– Тетушка Гарри, с которой ты была так мила, быстро заснула. Вот как ей все понравилось! – сообщил Том.

– Я им говорила, чтобы позволили ей поспать и не будили. Это все из-за дальнего перелета. Она может проснуться к десерту и концерту, – ответила Кэти.

– Саймон и Мод просили придержать для них пирог и мороженое, пока они не закончат танцевать, – сообщила Джун.

– В этом есть смысл, – согласился Кон. – Мне бы не хотелось увидеть, как их вырвет.

Шона остановилась перед домом в Ратгаре. У нее был номер его телефона; она могла позвонить ему сейчас по мобильному и сказать, что плохо себя чувствует. И это, вообще-то, было бы правдой. Она была взрослой двадцативосьмилетней женщиной. И не видела его четырнадцать лет. Ничего, кроме тщательно составленного письма от пожилого человека. Зачем он сообщил, что сам приготовит для нее обед? Это ее почему-то тронуло. Когда она знала его, почти пятнадцать лет назад, он не умел готовить. Ему пришлось научиться этому специально для нее, так он сказал. Видимо, таким образом он старался ее убедить... Но он никогда не отличался хитростью и не заботился о таком в прошлом. Зачем бы начинать теперь? И какого черта ему захотелось снова ее увидеть?! Именно любопытство и привело ее сюда... И раз уж она здесь, то может и зайти. Шона вошла в дом и позвонила в дверь садовой квартиры Джеймса Бирна.

– Кон, можешь убрать ту бутылку вина подальше от моей мамы и налить отцу еще пива? – попросила Кэти.

– Гости просто заглатывают лосося, нам хватит на вторую подачу? – спросила Люси.

– Да, но положи на блюдо побольше кресс-салата и соуса, чтобы не видно было, что рыбы не слишком много, – посоветовал Том, – и нарежь еще блюдо баранины. Сделай по красивее, мы сможем подать его и во второй раз.

Наконец начались речи, простые и прямолинейные, неумеренные похвалы и шутки шафера. И наконец настал момент для Мод и Саймона.

– Когда я впервые услышал об этой чудесной гостеприимной ирландской свадьбе, – начал Гарри, – то знал, что обниму невесту и буду танцевать с ней в полном цветовой зале... Но я не представлял, как красиво все будет выглядеть, и к тому же сегодня так много приятных сюрпризов, включая и наше знакомство с Мод и Саймоном Митчелл, ставшими теперь моими кузенами по браку... Это наши прекрасная цветочница и элегантный паж. А теперь они готовы танцевать для нас, и мне хочется, чтобы вы приветствовали их так, как они того заслуживают.

Мод и Саймон уверенно вышли в плащах, килтах и с огромными брошами Тары, словно уже привыкли к тому, что их встречают бурными аплодисментами.

– Дорогие гости на свадьбе Мэриан! – прочитал Саймон по листку бумаги. – Я Саймон Митчелл. Я хочу приветствовать всех вас в Ирландии, я хочу сказать, тех, кто не бывал здесь раньше. Мы с моей сестрой Мод исполним для вас джигу с очень подходящим названием «Haste to the Wedding»^[4]. Хотя в вашем случае вы уже здесь. На свадьбе. – Саймон просиял улыбкой, как бы вдруг вспомнив о ней.

– Ох, милый Боже, пусть они начнут танцевать, пока он не придумал что-нибудь от себя! – выдохнула Кэти.

Но ей не стоило беспокоиться. Саймон кивнул пианисту, и они с Мод встали, высоко подняв соединенные руки, отставив правую ногу, пока звучало вступление, а потом начали. Аплодисменты были оглушительными. Потом вперед вышла Мод:

– Дорогие гости этой свадьбы! Надеюсь, вам понравилась джига. А теперь мы с моим братом Саймоном исполним рил с названием «Come West Along the Road»^[5]. Хотя, вообще-то, вы ехали на восток, чтобы попасть сюда, но так уж этот танец называется.

Она спрятала листок, и снова дети торжественно встали, ожидая начала музыки. Они танцевали, не замечая того, что зрители стараются

скрыть слезы умиления при виде их пыла и решительности объяснить все и сделать все правильно и веселый смех при виде их преувеличенной серьезности. Кэти поймала взгляд Тома. Он поднял бокал в ее честь. Кэти улыбнулась.

– Да ты улыбаешься! – с насмешливым удивлением произнес Том.

– Ну да, а разве это не изумительно? Все идет как надо! – ответила Кэти.

– Входи, входи, – суетился Джеймс Бирн, ведя Шону в комнату, где он старательно положил на диван четыре яркие подушки и поставил две вазы с цветами.

Шона принесла бутылку вина. Он устроил целый спектакль, изучая этикетку.

– Боже мой, австралийское шардоне! Прекрасно! Выглядит очень неплохо, даже очень интересно. – Он смотрел на бутылку так, как кто-нибудь смотрел бы на винтажное вино на специальном винном аукционе.

Шона стиснула зубы. Это было просто хорошее австралийское белое вино из супермаркета, не больше и не меньше. Почему он продолжает говорить о нем, беря бокалы? Наверное, потому, что нервничает, сообразила она. Так же нервничает, как и она. Обычно, когда ты приходишь к кому-нибудь, то находишь что-нибудь, чем можно восхититься... Шона обвела взглядом комнату. И совершенно утратила дар речи. Она не увидела ничего знакомого, хотя едва ли он все купил заново. Наверное, просто взял мебель напрокат. Они сели напротив друг друга. На столе стояла тарелка крупных оливок и маленькая корзинка хлеба от Тома Фезера. Джеймс Бирн определенно предпринял немало усилий. А он продолжал говорить... о вине, о погоде и о том, легко ли она нашла его дом... Пришла пора для Шоны найти свою тему.

– Когда ты переехал в Дублин? – спросила она.

– Пять лет назад, – ответил он. – Сразу после смерти Уны.

– Она умерла? Мне жаль... – Но голос прозвучал холодно.

– Да. Да, это было печально.

Шона не стала спрашивать, что именно произошло, легкой была ее смерть или агония длилась долго. Ни одного из тех вопросов, которые задают в случае смерти чьей-то жены. Повисло молчание.

Шона держалась, не желая снова начинать разговор. Она задала один вопрос, мяч был на его стороне, приглашение исходило от него, так пусть Джеймс Бирн и отвечает сам за беседу. И наконец он заговорил:

– Уна никогда не была сильной, ты знаешь, ей тяжело давались даже такие обычные вещи, как подняться по лестнице или постелить постель. Ты ведь понимала это тогда?

– Нет, не понимала. Наверное, потому, что это была единственная известная мне жизнь. Я не знала, как живут в других домах, пока не потеряла тот единственный, что у меня был.

Он посмотрел на нее с видом печальным, как у блаухаунда.

– Она уже не была прежней после твоего ухода, – сказал он.

– Я не уходила, меня отослали.

– Шона, я пригласил тебя не для того, чтобы начать словесное сражение. В нем нет смысла, разве что оно тогда разорвало пополам твою жизнь.

– Тогда зачем ты меня пригласил? – Шона вдруг заметила, что с момента прихода ни разу не назвала его по имени.

Но как ей его называть? Не папочка и не мистер Бирн.

– Наверное, я пригласил тебя, потому что хотел сказать, какую огромную брешь ты оставила в нашей жизни, она ведь никогда, никогда уже не стала такой же, как раньше, с того дня...

– С того дня, когда ты отдал меня без борьбы, сказав, что таков закон, – с каменным лицом произнесла Шона.

– Но, Шона, как ни ужасно, это действительно был закон, – сказал Бирн со слезами на глазах.

В церковном зале пианист заиграл «Anniversary Waltz», Гарри вывел Мэриан на танцпол, и все заплодировали.

– Первый танец невеста танцует со своим отцом! – объявил Гарри.

Матти, объяснявший сыновьям некоторые тонкости лошади, которая могла принести большой финансовый успех в следующем году, был перепуган.

– Я не очень-то умею танцевать, – в тревоге прошептал он.

– Просто расслабься, па! Мэриан тебя поведет, как она со всеми нами делает, – ответили ему.

Они прошли два круга по залу, и все их подбадривали, а потом начались общие танцы. Том выдал близнецам торт и мороженое, по

фунту каждому, в обмен на то, что они посидят со старой леди в фиолетовом костюме и расскажут ей об Ирландии.

– А ты чем займешься, Том? – Саймон был полон подозрений.

– Буду общаться с гостями.

– То есть танцевать? – спросила Мод.

– Нет, просто разговаривать. Мне все равно не хочется танцевать после вас двоих.

Им это понравилось.

– А Марселла вернется, если ты согласишься жениться на ней, как ты думаешь? – спросил Саймон.

– Нет, я много раз ее просил об этом, но она предпочитала карьеру.

– И ей пришлось выбирать? Разве ты не мог бы согласиться? Как Кэти или жена Матти Лиззи?

– Это женщины, которые могут совмещать и то и другое, – объяснил Том. – Но карьера манекенщицы трудна, нужно много разъезжать.

Близнецы пожали плечами. Значит, к лучшему, что она ушла. Том согласился.

В садовой квартире сумели достичь той точки, где напряженный и холодный разговор немного оживился. Джеймс Бирн пригласил Шону к столу, усадил. Она испытывала противоположные чувства: была тронута тем, что он предпринял такие усилия, и злилась на его холодное, бесстрастное отношение к жизни, которое руководило им в течение многих лет молчания и пренебрежения. Они говорили о ее школьных годах после того, как она вышла из монастырской школы в маленьком городке. Она спокойно рассказывала о доме, куда вернулась, о матери, которая так и качалась между наркотиками и реабилитациями, об отце, который создал новую семью с более надежной женщиной. Ее старшие сестры, недовольные возвращением Шоны, твердили, что она уж слишком важничает. Она рассказала о смерти своей биологической матери в этом году, как она из чувства долга навестила ее в больнице, но ничего при этом не почувствовала. Он сказал, что они с женой всегда знали, что приемного ребенка им дали только на время и что, если обстоятельства в ее родном доме изменятся к лучшему, ей придется вернуться туда. Они, правда,

надеялись, что этого никогда не случится. Он рассказал о том, как его жена постепенно стала полным инвалидом из-за пустоты их жизни. Сказал, что было невозможно оставаться в том доме после ее смерти, так что ему пришлось перебраться в Дублин и погрузиться в работу.

– Вот и я тем же занялась, – заявила Шона, приканчивая копченую рыбу и наблюдая за тем, как Бирн надевает кухонные рукавицы, чтобы достать следующее блюдо. – Я решила, что работа и есть единственный ответ, работа и что-нибудь, что выглядело бы как ее результат. Мне хотелось иметь место, которым я могла бы гордиться. Гленстар слишком дорогой для меня, но мне нравится называть этот адрес; мне нравится каждый вечер возвращаться в такое роскошное место.

– А как насчет любви, Шона? Она играет какую-то роль в твоей жизни?

– Нет, я никогда никого не любила. – (Он улыбнулся немножко снисходительно.) – И нечего вот так улыбаться, Джеймс, – сказала Шона. – Тот день, когда ты просто стоял, позволяя мне уйти, и даже не сказал, что любишь меня и хочешь, чтобы я вернулась, тот день убил все мысли о любви, которые у меня вообще были.

Глава 9. Сентябрь

После свадьбы жизнь вернулась к норме. А норма не всегда была легкой. Том так и не закончил свое письмо Марселле. Он был прав. Сказать больше было нечего. Она не попрощалась, когда уплыла за море. Как-то раз во время утренней работы в «Хейвордсе» Том узнал, что она больше не работает в салоне. Двое из кухонного штата слышали, что она намеревалась стать моделью. Джеральдина на странице по недвижимости в газете прочитала, что Фредди Флинн и его жена Полин купили загородный дом с двадцатью четырьмя комнатами и восемь акров земли. Муж Джун, Джимми, упал на работе, естественно, на такой, где платят наличными без страховки, и теперь надолго слег в постель. Джо Фезер заключил крупную сделку на свой товар с каким-то прохиндеем, который умудрился продать все разом со скидкой и сбежал из страны, не оплатив счета. Матти понадобились деньги, чтобы заплатить ветеринару за Грохота, и он занял немного из сбережений Лиззи с обещанием вернуть, которое, конечно, не сдержал. Джеймс Бирн по десять раз в день проклинал себя за то, что не обнял эту раненую, одинокую девушку и не оплакал вместе с ней потерянное время и выдержанную боль. Он очень боялся, что она может оттолкнуть его. Старина Барти прислал письмо, сообщая, что возвращается и надеется снова остановиться у Митчеллов на несколько дней. Кеннет Митчелл написал ему холодную записку, говоря, что времена нынче трудные и что в прошлый раз старина Барти задолжал очень много денег, а потому его визит невозможен. В ответ Кеннет получил еще более холодное письмо: Барти утверждал, что он уже восстановил свое состояние, но если ему больше не рады, то так тому и быть. Уолтер Митчелл получил от своего дяди Джока то, что было определено как последнее предупреждение. Еще одно опоздание или ранний уход с работы – и он будет уволен. Выражение лица Джока, когда он это сообщал, подтверждало серьезность его слов. Нил и Кэти еще на какое-то время отложили разговор с Джоком и Ханной о ребенке. И Матти с Лиззи они тоже ничего не сказали.

Неожиданно им позвонила Ханна. Ей хотелось бы пригласить Нила и Кэти в «Дубки».

– Приятно слышать, Ханна. А у вас какой-то особенный случай?

– Нет, а разве обязательно? Я хочу сказать, это ведь мой сын... и его жена, тут не нужны какие-то особые случаи или объяснения.

– Конечно нет, – согласилась Кэти, которую никогда до этого не приглашали в «Дубки» на обед.

– Ох, и еще, Кэти, ты ведь готовишь блюда, которые люди потом подают сами... Я имею в виду, в ваших буклетах это упомянуто...

– Конечно готовим, Ханна. А что бы вы хотели?

Ханна хотела запеченных фазанов, так как Джоку подарили парочку. Это заняло уйму времени, и Кэти с Томом проклинали Ханну у себя в кухне. Но одно всегда важнее другого, сказала Кэти, и в приоритете было не раздражать Ханну Митчелл.

– Мы включим это в счет? – спросил Том.

– Нет, – ответила Кэти.

Кон должен был отвезти все в фургоне во второй половине дня; и, когда Нил с Кэти придут, все будет готово. А на следующей неделе Ханна вполне может позвонить и отнять у Кэти еще немало времени.

Они сидели за столом, который так часто полировала Лиззи, однако почти всегда вызывала недовольство у Ханны. Кэти гадала: вспоминает Ханна те дни или забыла и идет дальше? С ней теперь определенно стало легче общаться. Кэти эта женщина никогда не нравилась, но ненависть прошла. Иногда, правда, снова наплывали небольшие волны раздражения. Например, когда Ханна поинтересовалась, почему Кэти с Нилом никогда не ездят вместе в отпуск за границу, как обычные люди.

– Нил много бывает за границей по работе, – сказала она.

– Кэти очень связана своим бизнесом, – добавил Нил.

Кэти заметила победоносное выражение, мелькнувшее на лице Ханны. Наконец-то Нил и Кэти не выступили против нее единым фронтом. Наконец-то ей удалось их разделить. По крайней мере, в этом. Кэти предупредила себя, что такого больше не должно случиться. Одной из многих причин, по которым ей хотелось сохранить свой брак, было желание доказать Ханне Митчелл, что та ошибается.

– Устала? – спросил Нил, когда они уже ехали домой.

– Ничуть, с чего бы?

- Ты напеваешь.
- Я всегда напеваю, – возразила она.
- Еда была отличная, – сказал Нил.
- Спасибо, – с невинным видом ответила она.
- Это ты готовила? – удивленно произнес Нил.

Она задумчиво посмотрела на него, на одного из умнейших молодых адвокатов, но при этом лишенного практической сметки. Конечно, это готовила она, именно поэтому за обедом и не было пережаренного бифштекса и мороженого, политого ликером. Но не имело смысла рассуждать об этом сейчас.

Нил рассказывал ей о проекте для бездомных. Кое-что из того, что они с Сарой предлагали, комитет отверг. Кэти позволила своим мыслям унести прочь, гадая, следует ли их компании открыть классы по кулинарии, когда она станет уж слишком беременной, чтобы продолжать основную работу. Это могло оказаться хорошей идеей. Маленькие группы, по восемь или двенадцать человек, одинокие состоятельные женщины вроде Ханны, ничего не умеющие. И ей хотелось бы знать, как прошел обед у Джеймса Бирна, но она никогда не спросила бы его об этом. Нил все говорил – Сара сделала то, он сказал это... Он, похоже, много думал о Саре, но ни разу не упомянул о близнецах. Но Кэти напомнила себе, что Нил с Сарой в основном заняты теперь делами комитета. Саймон и Мод были лишь маленьким пунктом в плотном графике Сары.

Джеральдина поинтересовалась, может ли «Алое перо» организовать спонтанную вечеринку с ужином в Гленстаре.

- Какая-то конкретная тема? – спросил Том.
- Она ищет нового богатого покровителя. Можно предположить, не помешают несколько сладких блюд, – сказала Кэти.
- Ты ужасно о ней думаешь, – заметил Том.
- Нет, это ее собственные слова. Фредди Флинн насовсем вернулся к жене, если ты заметил. Он даже забрал свои деньги из ее агентства, что, по-моему, уже слишком.
- Ну, может быть, его жена опасается оставлять его рядом с Джеральдиной, с ее длинными ногами и сияющей улыбкой, – усмехнулся Том.

– Джеральдине понравилось, как все выглядело в Гленстаре на второй день свадьбы. Она решила извлечь из этого выгоду.

– Но она же не собирается позвать танцоров, как в кабаре, нет? – спросил Том.

– Нет, у нее есть границы. Том, а мы не слишком много на себя берем, как тебе кажется? – Кэти как будто встревожилась.

– Нет, конечно нет. У нас в морозильнике уже куча всего для шведского стола, и я бы предположил, что ей понравятся креветки, да?

– Да, но приготовить их, выложить, подать...

– Кэти, мы с Джун сделаем большую часть. А как ты полагаешь, бармен ей тоже понадобится?

– Да, будет нужен, знает она это или нет. – Кэти хотела занять всех.

– Расслабься, Кэти, тебе нельзя переутомляться. Согласись с этим, ладно?

Кэти устало улыбнулась. Так приятно было не изображать постоянно бодрость...

Следующий прием у Фредди Флинна по поводу аренды виллы прошел очень хорошо. На этот раз подавали ромовый пунш в кокосовой скорлупе, звучала музыка Боба Марли, на шее Джун висела цветочная гирлянда, что, строго говоря, относилось скорее к Гавайям и Карибам, но никого это не заботило.

– Как поживает твоя изумительная тетушка? – спросил Фредди.

– Прекрасно. А мы увидим тебя на ее большом приеме на следующей неделе? – с невинной улыбкой поинтересовалась Кэти.

Она получила желаемый эффект, захватив его врасплох.

– Э-э-э... а-а-а... нет, если подумать. На следующей неделе я буду в отъезде. Да, так, должно быть, – пробормотал Фредди.

– Ну, значит, в следующий раз, – весело произнесла Кэти.

Сара приехала в «Буки», желая убедиться, что процесс возвращения в школу пройдет, как планировалось. Кей смотрела на нее непонимающе. Сара медленно объяснила. Учебники, тетради, форма, сменная обувь, стрижка... То, что вполне понимают нормальные люди.

– Всегда нужно так много сделать, – вздохнула Кей Митчелл. – Это просто бесконечно, ведь так, Сара?

– Бесконечно, миссис Митчелл. Можем мы составить список того, что именно нужно сделать?

Выведя Грохота на прогулку, Матти случайно встретился с Джей Ти Фезером.

– Ужасное это дело! Я о вандалах, разгромивших фирму Тома и Кэти, – сказал Джей Ти.

– Я ни слова об этом не слышал, – ответил Матти.

Они сошлись на том, что дети в наши дни слишком любят секреты и скрытность, и готовы рисковать, и не скажут тебе ничего, кроме того, что вынуждены сказать.

– Им пришлось рассказать мне кое о чем, чтобы мои рабочие постарались там все привести в порядок, – недовольным тоном произнес Джей Ти.

– Ну, все равно вы меня на километр обогнали по части информации, – сказал Матти, которому очень нравился Джей Ти.

– Почему ты мне ничего не рассказала? – сердито спросила Лиззи. Кэти смутилась. Она о многом не говорила матери. И что именно та имела в виду?

– О чем? – спросила она.

– О том, что в вашу фирму вломились!

– Ох, ма, я не хотела, чтобы ты волновалась, вот как сейчас.

– А уже известно, кто это сделал?

– Нет, никаких следов.

– А вы были застрахованы?

– Конечно, мам.

– Значит, ты не поэтому убиваешь себя работой и выглядишь так отвратительно?

– Мам...

Кэти ощутила прилив благодарности матери. Она бы сию минуту сообщила ей о ребенке, если бы в этом был смысл, но это лишь добавило бы Лиззи еще одну причину для тревоги.

– Нет, мам, мы в полном порядке. – Кэти лгала, глядя прямо в озабоченное лицо матери.

Сегодня в «Алое перо» приходил Джеймс Бирн и сказал, что надежда на то, что страховая компания заплатит в обозримом будущем,

весьма мала. Им придется арендовать все это дорогое оборудование еще не один месяц. И работать не покладая рук, хотя они не увидят прибыли, – скорее всего, у них к концу года будут огромные убытки.

Комнаты в апартаментах Джеральдины были полны. Кэти видела из кухни, как вошел Джеймс Бирн, в лучшем из своих костюмов, и постарался найти местечко где-нибудь в углу.

– Эй, он не твоего класса, – предупредила Кэти тетушку. – Я бывала в его квартире. Там нет ничего, что тебя вдохновило бы.

– Если бы я не вложила в тебя так много, Кэти Скарлет, то сию минуту выкинула бы с балкона. Мистер Бирн приглашен, потому что дает советы обществу собственников жилья. Одна из леди знала его много лет назад в Голуэе, а теперь он на пенсии и немного помогает. Очень полезный и любезный человек.

Кэти была рада его увидеть. Когда вокруг станет потише, она может спросить, как прошел его обед.

Джун подошла к Питеру Мёрфи, владельцу отеля и большому другу Джеральдины.

– Приятная вечеринка, да, мистер Мёрфи? – поинтересовалась она.

– Да, действительно, дорогая, – рассеянно ответил он с таким видом, словно не встречал ее ни разу в жизни.

– Я на него не произвела впечатления, на этого Питера Мёрфи, – пожаловалась Джун.

– Думаю, он все еще очарован хозяйкой, – ответила Кэти.

– Ну а почему ей не вернуться к нему, раз уж его жена отправилась в лучший мир, а другой ее приятель вернулся к жене? – проворчала Джун.

– Не знаю. Я спрашивала ее, но она стала нести какую-то чушь насчет того, что никогда ничего не пересматривает. Понятия не имею, о чем она говорила.

– Смотри-ка, кто там! – воскликнула Джун, кивая в сторону двери. Вошел Джо Фезер.

– О господи! – ахнула Кэти.

Эта встреча братьев была первой после модного шоу.

Шона подошла к Джеймсу Бирну, стоявшему у окна:

– Извини, я и не знала, что ты будешь здесь.

– И я не знал, что ты сюда придешь, – просто произнес он.

– Мне бы хотелось как-нибудь в ближайшее время отплатить тебе за гостеприимство, – начала Шона.

– Ох, пожалуйста, не надо думать, что ты обязана... – запинаясь, сказал Бирн.

– Я и не думаю, что *обязана*, мне просто хочется. Как насчет ланча со мной в какой-нибудь день на следующей неделе в «Квентине»?

– Но, Шона, это же очень... – тихо начал он, но осекся.

Он хотел сказать, что ресторан слишком дорогой, но это могло показаться бестактным, а то и обидным.

Она, похоже, все поняла.

– Я откладываю деньги, чтобы платить за шикарную квартиру и время от времени обедать в шикарном месте. И мне было бы приятно пригласить тебя. Выбери день.

– Я был бы горд и рад встретиться с тобой там в среду, – сказал Джеймс Бирн.

– Я закажу столик на час дня, – решила Шона и отошла.

– Все в порядке, Том? – спросил Джо, изображая акцент кокни.

– Порядок, приятель, – ответил Том таким же бодрым тоном.

Мгновение-другое они смотрели друг на друга, не зная, что еще сказать.

– Отличное место для приема, – наконец сказал Джо.

– Да, верно. Выпьешь или ты теперь воздерживаешься?

– Я никогда больше не напьюсь, Том. Поверь мне.

– Сурово, а?

– Нет, просто я думал, что, должно быть, был пьян в тот день, когда доверился тому чертову гангстеру, а он чуть не уничтожил меня. Ты об этом слышал?

– Кое-что слышал, – неопределенно ответил Том.

– Ладно, не буду мешать тебе работать. Может, мы как-нибудь на днях встретимся за скромным ланчем, поплачемся друг другу в жилетку?

– Ладно, но я предпочту место, где есть пиво, и я не собираюсь плакаться, предоставляю это тебе. Годится?

– Годится, – согласился Джо.

В апартаментах Джеральдины зазвонил телефон. На звонок ответила Джун.

– Пожалуйста, Джун, можешь снять трубку в спальне и позвать ее? Это Фредерик Флинн. Скажи ей, я не стану отвлекать ее от друзей надолго.

– Здесь все в самом разгаре, мистер Флинн, думаете, вы могли бы...

– Поскорее, Джун, пожалуйста!

Джеральдина ушла в спальню и взяла трубку.

– Да, Фредди? – любезно произнесла она.

– Я, должно быть, сошел с ума! Говорю тебе, я, должно быть, свихнулся. Я не могу без тебя, ты слишком много для меня значишь!

– Не поняла?

– Ты слышала. Я все ей сказал.

– Что именно ты сказал Полин? – спросила она ледяным тоном.

– Ну, что я должен проводить какое-то время в Дублине вечером после работы, что я не могу быть связанным и каждый вечер возвращаться за город, и... ну... ты понимаешь.

– Ох, не надо этого делать, Фредди! Это огорчит Полин и в итоге ничего не значит.

– О чем ты? Я люблю тебя, Джеральдина, ты исключительная женщина! Я был таким дураком, когда сказал, что оставляю тебя.

– Ты ничего такого не говорил, Фредди. Мы согласились, что все иссякло само собой.

– Но это не так... не для меня! – (Она молчала.) – Джеральдина?

– Да, Фредди, я здесь, но у меня там люди, и я должна вернуться к своим гостям.

– Я знаю, что у тебя люди, половина этой чертовой страны, и разве ты не думаешь, что мне тоже хотелось бы там быть?

Он явно был очень расстроен. Но Джеральдина ожесточилась. Он принял решение. Он ведь не сказал, что любит ее так сильно, что готов бросить Полин. Или просто не обращать на нее внимания. Джеральдину просили подарить еще несколько украденных ночей, пока Полин снова не щелкнет кнутом. Да, Фредди был самым теплым и забавным из всех ее мужчин, и все же он был слабым человеком, и

она не собиралась снова соглашаться на беспорядочный, неуверенный компромисс в отношениях, когда он вынужден постоянно смотреть на часы.

– Ты всегда был особенным для меня, Фредди, но мне надо идти. – Повесив трубку и поправив постель, Джеральдина вернулась на вечеринку.

– Кон, можешь взять этот поднос? Мне нужно присесть, – сказала Кэти.

– Конечно, – ответил Кон. – Ты очень бледна, Кэти. Я могу что-нибудь сделать для тебя? Принести тебе бренди или воды?

– Да, пойдй проверь, которая из роскошных ванных комнат Джеральдины свободна. Я всегда думала, что она чокнулась, устроив их две, но сегодня одна из них мне нужна.

Кон вернулся через несколько секунд:

– Ближайшая свободна. Обопрись о меня, Кэти.

– Спасибо, Кон, ты настоящий друг.

Она вошла в ванную и заперла дверь.

Некоторые гости уже уходили. В кухню начали переносить часть посуды. Вошла Джун со стопкой тарелок.

– Кэти в ванной, она плохо выглядит, – доложил Кон.

– Ладно, ты носи еще тарелки, а я пойду проверю. – Джун подошла к двери ванной комнаты. – Кэти, сейчас же открой дверь!

– Уйди, Джун, иди к остальным.

– А мне нужна ты, и я буду стучать и кричать, пока ты меня непустишь.

– С ума сошла, уходи, убирайся отсюда!

– КЭТИ! – заорала Джун.

Задвижка щелкнула; Кэти сидела на краю ванны с лицом белым, как фарфор, окружавший ее.

– Уйди наконец, Джун! – чуть слышно произнесла она. – Вернись к работе, бога ради! Мы не можем позволить себе испортить такой хороший заказ, не важно, от тети он или нет.

– Но что случилось? Просто скажи мне! – потребовала Джун.

– Я всего лишь почувствовала боль. Смотри сама, в ванне нет крови, это не кровотечение или что-то такое, так что возвращайся. – Она скривилась и схватилась за живот.

– Что, крови нет совсем? – рявкнула Джун.

– Буквально пара капель, их и не заметить, если не искать нарочно.

– Тебе нужно лечь, – решила Джун.

– Сейчас? Прямо посреди вечеринки? Ты свихнулась!

– Идем, Кэти, не создавай проблем, или я двину тебе в челюсть и просто вырублю.

Кэти дотасилаась до гостевой спальни, оформленной в элегантных сиреневых и розовато-лиловых тонах, с толстым пурпурным ковром и настенными украшениями тех же оттенков.

– Представь, я, пожалуй, первая, кто улегся в эту кровать, – пробормотала как во сне Кэти, пока Джун подкладывала ей под ноги подушки, а потом вышла, чтобы принести еще грудку полотенец из сушилки рядом с ванной.

Джун подошла к Питеру Мёрфи.

– Мистер Мёрфи, я Джун. Пожалуйста, не могли бы вы тихонько сказать мне, нет ли врача среди гостей?

– Несчастный случай в кухне?

– Вроде того, пожалуй. Мне бы не хотелось тревожить Джеральдину...

Они оба посмотрели туда, где Джеральдина оживленно разговаривала с высоким мужчиной, похоже увлеченным ею.

– Я и половины этих людей не знаю, – сказал Питер Мёрфи. – Я собрался уходить. Возможно, ее новый друг что-то вроде врача-консультанта. Он определенно одет в таком стиле.

– Зачем ты ищешь доктора? – У Тома был изумительный слух.

– Кэти. Она в гостевой спальне.

Том мгновенно оказался там.

– Кэти, быстро говори, что нам делать?

– У меня немного крови... Том, я не знаю, то ли лучше отправиться в больницу, то ли просто полежать спокойно...

– Боже, ну почему никто из нас не выучился на врача? У тебя мобильник с собой?

– Он в кухне, в сумке, но я не поеду прямо сейчас, Том.

Джун вернулась в спальню:

– Там нашелся врач. Она уже идет.

Она оказалась одной из обитателей Гленстара – невысокая индианка с непринужденной улыбкой – и мгновенно оценила ситуацию, села на предложенный Джун стул и взяла Кэти за руку:

– Сколько недель?

– Думаю, четырнадцать или пятнадцать.

– Боль есть? Спазмы? Кровь? – Она задавала вопросы не спеша и кивала, словно ей нравились ответы. – Мы пока оставим вас здесь, устроим поудобнее, а потом еще раз подумаем, – наконец решила она.

– Пожалуйста, возвращайтесь туда! – попросила Кэти. – У меня уже все хорошо, вы сами видите.

– Они там пока обойдутся, – успокоил ее Том.

– Боже, Том, там же остался один Кон, а ты знаешь, как начинают суетиться люди, когда думают, что вечеринка заканчивается. Иди, помоги ему, оба идите!

– Спокойно, спокойно, – сказала врач.

– Вы с таким же успехом можете попытаться остановить прилив, как и успокоить ее, – покорно произнес Том.

– Вы ее муж?

– Нет-нет, я позвонил уже Нилу, но у него автоответчик. Я не хотел оставлять сообщение, он мог сильно встревожиться. Кэти, можешь дать мне номер его мобильного?

– Не сейчас, давай сначала выясним, что нужно ему сказать. А теперь уходите, пожалуйста!

Они ушли, а Кэти лежала в изысканной спальне, и по ее лицу катились слезы. Она заметила, конечно, что врач, приведенная Джун, подложила под нее еще больше банных полотенец. Хорошим здесь было то, что элегантная обстановка Джеральдины не должна была пострадать. Плохая новость состояла в том, что доктор явно ожидала вскорости появления большого количества крови.

Джеральдина поняла: что-то случилось, но это было не в ее власти. Она попрощалась с Ником Райаном, владельцем большой сети химчисток. Она пробормотала, что не должна его монополизировать, что ему нужно познакомиться с кем-нибудь еще. Он негромко сказал, что ему этого совсем не хочется, что, вообще-то, его не интересуют разговоры с кем-нибудь еще. Это было серьезным знаком того, что он считал ее привлекательной. Джеральдина увидела, что Питер Мёрфи

смотрит на нее. Но она не могла возвращаться на прежнюю дорогу. Никаких пересмотров, как она часто говорила Кэти, хотя та не слишком прислушивалась. И кстати, где она? Эта вечеринка была такой странной в своем роде. Джеймс Бирн и Шона Бёрк оказались давно знакомы. Та очень милая соседка, доктор Саид, которая говорила, что заглянет на часок, все еще была здесь и не собиралась уходить. Фредди позвонил, чтобы попросить ее вернуться к нему. Питер Мёрфи вел себя ревниво и как собственник. Неплохо для женщины под сорок. Джеральдина уже готова была поздравить себя, когда заметила, что доктор Саид осторожно продвигается в сторону гостевой спальни, и вдруг поняла, почему она уже около часа не видит Кэти.

Только очутившись в больнице, Кэти сообщила им номер мобильного телефона Нила. А к тому времени, когда он добрался туда, все уже было кончено.

Вернувшись в «Алое перо», Том, Джун и Кон разгрузили фургон, все перемыли, высушили и сложили на места. Джеральдина сказала, что позвонит им, когда будут какие-то новости. Они сели на большие диваны в приемной и выпили кофе. Эта комната была первой, на ремонте которой они настояли после вторжения. Иначе им было бы слишком тяжело браться за дневную работу. Они старались быть практичными; им придется снова нанять Люси, маленькую веселую студентку, а она могла привести парочку подруг. Так часто случалось. У Кона был приятель – хороший, надежный официант. И каковы бы ни оказались новости, они знали, что какое-то время Кэти не сможет работать. Если она сохранит ребенка, ей все равно придется лежать несколько недель.

– Одно совершенно ясно... она никогда не придет в норму, если будет думать, что мы не справимся, – сказала Джун.

Что было нужно Кэти куда больше, чем любая больница, так это уверенность в том, что «Алое перо» выживет в ее отсутствие.

Когда телефон зазвонил, звонок показался неестественно громким. Было два часа ночи. Джеральдина звонила из больницы, чтобы сообщить: Кэти потеряла ребенка. Джун сидела, даже не

пытаясь смахнуть слезы. Том и Кон громко сморкались в скомканные бумажные полотенца. Впервые за все время Джун просто вызвала такси и уехала домой к мужу без каких-либо жалоб или комментариев. Кон с Томом пошли в клуб и выпили по три стопки русской водки.

– Я думал, мне станет лучше. – Том был разочарован.

– Я тоже, я и не почувствовал спиртное, – кивнул Кон. – Какая ужасная, пустая трата денег при таких ценах!

– Да, мы могли бы выпить водки у себя, причем бесплатно и без этого дурацкого шума и мигающего света, – в сердцах заметил Том.

И по какой-то причине им это показалось забавным, и они хохотали, расходясь по домам. Кон жил в квартире, которую снимал с тремя парнями, и они могли еще не спать и играть в покер. Том отправился в Стоунфилд, чтобы проспять целых два часа, прежде чем встать и отправиться в «Хейвордс» печь хлеб.

Нил вошел, сел возле кровати и взял Кэти за руку.

– Ну вот, – произнесла она крайне усталым голосом.

– Они говорят, с тобой все будет хорошо.

– Да.

– Только это и имеет значение. Ты слишком дорога мне.

– Да, – повторила она.

– И, Кэти, мне очень, очень жаль. Может, мои слова покажутся немного пустыми, но я понимаю, что это огромная потеря, и мне действительно жаль, что это произошло.

– Спасибо, Нил, – ответила Кэти.

Он снова и снова гладил ее по лбу:

– Бедняжка Кэти... Все будет хорошо...

В конце концов она закрыла глаза, и Нил подумал, что она заснула. Он поцеловал ее, и Кэти услышала, как он говорит медсестре, что зайдет утром до того, как отправится на работу.

– Как долго вы ее здесь продержите? – спросил он.

Сестра предполагала, что, возможно, дня два, но не была уверена. Нил сказал, что это отлично, так как в ближайшие дни ему не нужно уезжать из города.

– Очень деликатный человек ваш муж, – сказала потом сестра Кэти. – Некоторые мужчины, которые сюда приходят, такой шум поднимают!

– Да уж, – пробормотала Кэти, понявшая, что некоторые мужчины, которые приходят сюда, просто убиты горем оттого, что потеряли нерожденного ребенка.

Кэти была тверда. Она не хотела, чтобы кто-нибудь еще узнал, где она находится. Нет смысла говорить ее и Нила родителям, что их возможный внук потерян. Кэти понимала, что тогда ей придется выслушать поток обвинений в том, что она слишком тяжело работала и сама довела себя до этого. Другими словами, все будут обвинять ее. Нил был согласен с женой. Это ее право – решать, сказал он, и только ее. Том принес медсестрам коробку домашних пирожных к утреннему кофе.

Джеральдина тоже была великолепна, она буквально притащила к кровати Кэти свою работу.

– Ты старайся спать, но я буду рядом, если тебе захочется поговорить, – заявила она.

Здесь было так спокойно. Время от времени Кэти дремала, радуясь тому, что Джеральдине есть чем заняться и развлекать ее не надо. Она могла иногда открыть глаза и спросить о чем-нибудь.

– Как ты думаешь, доктору Саид нравится Ирландия? Когда мне станет лучше, мы с Томом приготовим для нее что-нибудь в знак благодарности.

– А это был мальчик или девочка? Я бы назвала дитя Пэт, любому подходит.

– Ты думаешь, я похожа на тебя, Джеральдина? Раньше ты так говорила, но я уже сто лет такого не слышала.

И наконец:

– А что бы ты делала, если бы снова встретила того парня... ну... знаешь, твоего первого, того, которого любила по-настоящему?

Однако Кэти ни разу не бодрствовала достаточно долго, чтобы услышать простые, утешительные ответы Джеральдины. Но Джеральдина думала над этими вопросами и сидела, глядя куда-то вдаль, пока Кэти, бледная и слабая, лежала в постели.

Нил привез ее в Уотервью. Он посоветовал ей спокойно лежать, пока он немного поработает, а позже принесет ей ужин.

– Все в порядке, – успокоил он ее. – Том оставил нам еду на четыре раза на двоих, с инструкциями, так что ты не отравишься.

Зазвонил телефон. Кэти слышала, как Нил говорит кому-то, что ее нет дома. Они должны были придумать какое-то прикрытие на ближайшие несколько дней. На следующей неделе она уже встанет и вернется к работе. А пока они все должны говорить одно и то же. Грипп, вирус, еще что-нибудь.

– Это просто Саймон и Мод, на что-то жалуются, – сообщил Нил. – Я им сказал, что мы позвоним через пару дней.

– Это их удовлетворило? – спросила Кэти.

– Удовлетворить этих двоих? Ты, должно быть, шутишь. Но я их остановил, – горделиво заявил Нил.

– Мы ей разонравились, – решила Мод.

– Но почему? Мы ничего не сделали. В последнее время, – добавил Саймон.

Им хотелось, чтобы все было по-прежнему. Кэти была так хороша на свадьбе, и она даже сказала, что гордится ими. О Матти и его жене Лиззи и говорить не приходилось. Близнецы стирали сами свою одежду, держали в порядке свою комнату. Они никогда не жаловались, если не было мяса или рыбы, а только овощи и рис. Сара дала им денег на школьные учебники. И они хотели спросить у Кэти, можно ли снова полировать все для фирмы, так как им нужно было заработать немного денег на автобус. Отец сказал, что старина Барти не вернул ему долг, а потому в этом месяце они не получают карманных денег.

– Мисс Бёрк заказала столик на двоих, – придя в «Квентин», сообщил Джеймс Бирн.

– Сюда, мистер Бирн.

Бренда Бреннан всегда изумлялась тому, как жители Дублина умудрялись находить себе самую неподходящую компанию. Кто бы подумал, что эти двое знакомы?

– Я решила, что здесь мы вряд ли сможем вести слишком эмоциональные и шумные разговоры, – объяснила Шона.

– Согласен, этот ресторан не подходит для ссор, – ответил Джеймс Бирн.

Они выбрали блюда из меню ланча и заказали по бокалу вина.

– Мне бы не следовало говорить, что ты сам учил меня не возвращаться к прежней любви, что это заводит слишком далеко, –

начала Шона.

– Если я тогда так чувствовал, а я молю Бога, чтобы так было не всегда, то ты совершенно права, – ответил он.

– Можешь рассказать, что именно тогда произошло? Я не стану перебивать.

И он тихо, не ища жалости, рассказал ей всю историю. Что они с Уной не могли иметь детей. Они прошли всевозможные проверки. А лечение бесплодия тогда было не таким, как сейчас. Ничто не помогало. К тому же было время, когда все больше и больше девушек, забеременевших вне брака, все-таки рожали детей и оставляли их себе, и хотя это было, конечно, прекрасно и правильно, но означало, что детишек для тех, кто хотел бы их усыновить, оставалось немного. Однако социальные службы всегда были готовы помочь и находили детей под опеку. Но вас предупреждали, что ребенок в вашей семье находится временно. Вы должны были понимать, что будете заботиться о нем, пока не станет возможным вернуть его родителям. В семье Шоны были проблемы. Ее родители приехали из Дублина в западную часть страны, чтобы начать все заново, но у них ничего не получилось. Ее мать и там нашла поставщиков и дилеров, как в Дублине, и во многом для нее все стало еще хуже, потому что теперь не было рядом большой семьи, к которой можно обратиться за помощью. А отец Шоны вовсе не был надежной опорой. Бирнам отдали малышку Шону, которой было три с половиной года. Ее братьев и сестер забрали родственники. Бирны любили ее, они и мечтать не могли о таком чудесном ребенке. Они рассказывали Шоне о ее биологических матери и отце. Но те казались ей некими смутными фигурами, людьми куда менее реальными и интересными, чем Златовласка или ослик сборщика торфа из тех сказок, что ей рассказывали. Годы текли. Шона пошла в школу, у нее появилось множество друзей.

– Карри и Бебе, – тихо произнесла Шона, припоминая.

И она отлично училась.

– Ты сидел со мной часами и объяснял мне. Я никогда не была очень умной, и Карри с Бебе тоже, и мои сестры в других домах... Я хорошо училась только потому, что ты тратил на меня много времени, все объяснял и объяснял...

– Ты помнишь? – Бирн был доволен.

– Кое-что, да.

Подошел официант с первым блюдом. Они замолчали, чтобы улыбнуться ему и поблагодарить, а когда он удалился, продолжили. Бирн рассказывал о походах по магазинам, как они частенько выходили, намереваясь купить зимнее пальто для Уны или пару ботинок для него самого, а вместо этого покупали понравившуюся им вещь для Шоны.

– Я не пытаюсь сказать, сколько мы тратили, словно хочу услышать слова благодарности. Денег у нас было много. Я просто хочу, чтобы ты знала: ты всегда была центром нашей жизни, и ни одно решение, которое мы принимали – от того, какие кукурузные хлопья купить, до того, куда ехать на каникулы, – не принималось без мысли о тебе. Я не ищу благодарности. Нам хотелось сделать как можно больше... Мне всего лишь хочется, чтобы ты знала, какая огромная дыра осталась в нашей жизни, когда тебе пришлось уйти.

В тот год они собирались поехать с ней в Лондон, чтобы посетить Музей истории науки.

– Я не знала, – сказала Шоно. – Я там никогда не была.

– Это должно было стать сюрпризом. Ну и понятно, что, когда тебе пришлось вернуться к родителям, мы не стали тебе говорить.

– Джеймс, а я действительно должна была к ним вернуться?

– Ох, Шоно, да! И нам сказали: лучшее, что мы могли бы сделать для тебя, так это не плакать и не твердить, что будем скучать по тебе. Нам объяснили: ты должна вернуться в родную семью и даже без наших слез это может быть трудно после десяти лет, а потому мы набрались сил и держались, делая вид, будто это отличная новость.

– А я думала... я всегда думала, что вы рады были избавиться от меня, – невыразительно произнесла Шоно.

– Ох, Шоно, детка, ты не могла так думать! Ты же не всерьез?

– А что еще могло прийти мне в голову? Ни единого письма. Я ждала каждый день. Вы оба так любили писать письма разным людям! Я и поверить не могла, что вы не напишете мне.

– Нам велели не делать этого, чтобы не расстраивать тебя.

– Я не могла расстроиться сильнее, чем уже расстроилась. Я снова и снова вспоминала тот день. Никаких слез, когда я уходила. Я плакала. Помню, я твердила, что хочу остаться, а вы стояли, как два

камня, и повторяли: это хорошо для всех нас и я должна сказать своей матери и сестрам, что очень рада их видеть снова.

– Я тебе расскажу о том дне, потом ты расскажешь... Машина уехала, мы смотрели ей вслед. Ты даже не оглянулась.

– Я слишком ненавидела вас за то, что вы отдали меня.

– А мы вернулись в дом, и я спросил, не приготовить ли нам чай, а Уна сказала: «Зачем?» И эти слова повисли в воздухе. Какой смысл ставить чайник или вставать утром, когда тебя не было рядом? День шел, а Уна все сидела в кухне, глядя в сад, а я сидел в прихожей, глядя на дверь, наверное, с полчаса. Потом она вышла ко мне и сказала: «Джеймс, это очень странно, но все часы вдруг встали. Они остановились без четверти шесть». А я сказал, что сейчас как раз и есть без четверти шесть. А она спросила, утро сейчас или вечер. Вот так оно и началось, Шона. Ее ум возвращался к тому дню, она думала, что ты ушла всего часов на пять или шесть и что уже, должно быть, около полуночи. Я вывел ее наружу, показал на небо, включил радио. Она сказала, что ты ушла несколько часов назад, а на самом деле прошло всего сорок минут с твоего отъезда... Ее ум начал угасать.

– А она была такой умной, так хорошо читала, и вообще... – вздохнула Шона.

– Последний наш разговор состоялся в вечер перед твоим отъездом. Она хотела, чтобы мы сбежали вместе с тобой, сменили имена, может, в Англию уехали бы, начали бы все сначала. Мне пришлось сказать ей, что мы не можем, у нас тогда не останется ничего, и, сколько бы мы ни бегали, нам все равно пришлось бы со временем отдать тебя.

– Она хотела сбежать?

– Да, и я тоже, Шона, но как бы я продал дом, нашел другую работу, обеспечил бы тебя, если бы мы жили под чужими именами? Нас искали бы повсюду, мы ведь превратились бы в похитителей ребенка. А поскольку мы не могли сделать того, что нам хотелось, казалось правильным смириться с тем, что должно было произойти.

– Понимаю, – тихо произнесла Шона.

– И нам разрешили ответить тебе, если ты нам напишешь, но ты так и не написала. Скажи, чем обернулся тот день для тебя? – попросил Бирн.

Шона долго молчала, и он ее не торопил. Она тоже помнила прошлое. Папа всегда ждал, пока ты не соберешься с мыслями.

– Это был летний день, и солнце светило нам в спину, когда мы ехали к Дублину, поскольку оно уже клонилось к западу. Я сидела сзади, а они разговаривали между собой, две женщины. Я не знала, кем они были, не знала, что они социальные работники. Наверное, они были вполне милы. По пути мы остановились в каком-то городке. Они купили мне бургер и чипсы, но я выбросила их, хотя и проголодалась. А потом я вернулась в тот дом, и женщина, которую они называли моей матерью, выглядела ужасно. У нее были длинные растрепанные волосы, явно давно не мытые, и она постоянно курила. Она посмотрела на меня и сказала: «Так и будешь смотреть, как на чужую?» Вот и все, что она сказала, а она ведь не видела меня десять лет.

– А ты что сказала ей? – спросил Джеймс.

– Мне было четырнадцать. Я ничего не сказала.

Они замолчали, но это не было неловким молчанием. Бирн просто ждал, когда Шона снова заговорит.

– Уже через несколько дней я поняла, что должна сделать: я должна уйти, но вам я была не нужна... Я подумала, что к вам я вернуться не могу, а потому должна сама искать свою дорогу, и, может быть, это удастся сделать через школу... Вот так я и начала ту жизнь, которую веду до сих пор, – жизнь трудоголика. Мои сестры были бездельницами, они ничего не делали, только твердили мне, что я выпендриваюсь, что мне не нравится, когда на столе стоит коробка молока. «Ей обязательно нужен кувшин», – насмехались они. Но у меня были хорошие учителя. Я рассказала одной из них, миссис Райан, как обстоят дела у меня дома, и она меня поняла. Сказала, что дома вечно бывает плохо, так уж устроен мир, поэтому я считала, что ей тоже пришлось пережить паршивые времена. И только много лет спустя я узнала, что у нее была прекрасная жизнь. Во время перерывов на ланч она учила меня печатать, разрешала пользоваться школьным компьютером. Были и другие учителя. Это была строгая городская школа, там всем нравились ученики, которые стараются изо всех сил, вместо того чтобы воровать в магазинах или беременеть в шестнадцать лет.

– А когда ты ее окончила, то?..

– Ох, сначала мне пришлось бороться за то, чтобы завершить учебу! Они хотели отправить меня работать на фабрику. Я отказалась. Мне было шестнадцать. Я хотела получить аттестат и свою жизнь. Моя мать снова взялась за наркотики, но меня уже это не волновало. Мне нужно было лишь место для занятий, и у меня теперь была своя комната, поскольку остальные разъехались. Каждую неделю я брала немного денег из пособия и старалась сама каждый вечер готовить ужин из картошки, чечевицы и дешевых помятых помидоров. Иногда матери удавалось съесть немного супа, но в основном это ее не интересовало. А я хотела поступить в университет. У меня были хорошие оценки, но единственным способом выбраться оттуда была работа, поэтому я начала работать в тот же день, как сдала экзамены.

– И чем ты занялась?

– Ушла из дому и нанялась в туристическое агентство стажером. За полгода я научилась всему, что только было возможно. И получила достойную работу в другом агентстве. У меня даже было два отпуска, один я провела в Италии, другой – в Испании. Это были единственные отпуска за всю мою жизнь. Еще мне по работе пришлось несколько раз съездить в Лондон, но отпуска у меня больше не было. Я помню свое волнение в день получения паспорта. Потом я работала в магазине одежды, потом в отеле, и к тому времени, когда получила место в «Хейвордсе», я уже была к этому готова.

– А твоя... мать?

– Я навещала ее каждую неделю... Видишь ли, ты ведь научил меня хорошим манерам. И как себя вести. Иногда она бывала под таким кайфом, что почти не понимала, кто я такая; иногда впадала в депрессию. Обычно я готовила ей суп, и иногда она его съедала, а иногда я находила его протухшим. Я не была единственной мученицей, сестры тоже к ней заглядывали. И мы никогда не ссорились. Они просто посмеивались надо мной. Леди Воображала, так они меня называли. А я молчала. Со временем они перестали обращать внимание на меня, а я на них. Теперь мы как чужие. На похоронах я смотрела на них и понимала, что совсем ничего о них не знаю, а они ничего не знают обо мне. – (Джеймс взял бумажную салфетку и промокнул глаза.) – Ты наконец понял, что незачем стирать носовые платки. Мы с мамой обычно говорили, что ты последний, кто пользуется льняными... – Шона внезапно осеклась.

Она осознала, что назвала его покойную жену мамой после стольких лет. Она протянула руку, а он одновременно сделал то же самое.

– Сколько времени потеряно зря, – сказал он.

– И какая большая часть жизни, – согласилась Шона.

– Мы должны никогда не допустить, чтобы это повторилось, Шона.

– Я благодарна так, что не выразить словами... за то, что ты связался со мной.

– Ладно. Я научился готовить три разных обеда. Ты пока попробовала только один, остались еще два, – сообщил Бирн, гадая, не зашел ли он слишком далеко.

– В субботу? – предложила Шона. – Не помню, когда я в последний раз так ждала субботнего вечера.

– Я завтра вернусь на работу, – заявила Кэти, сидя в халате за кухонным столом в Уотервью.

– Нет, это слишком скоро.

– Но врачи сказали, когда я буду чувствовать себя хорошо, а я уже хорошо себя чувствую.

– Нет, это слишком опасно... Ты не поправишься до конца.

– Я потеряла все, что могла потерять. От ребенка ничего не осталось, терять больше нечего.

Нил поморщился при этой фразе, при этом образе. Но Кэти не собиралась делать вид, что малыша просто не существовало.

– Мне все же кажется, ты не совсем в порядке, – возразил Нил.

– Я не совсем в порядке умственно, потому что расстроена, но с телом все хорошо, и ему просто необходимо заняться работой, а не сидеть тут целый день в одиночестве.

– Я вернусь пораньше, – пообещал Нил.

– Нет, дело не в этом.

– Я понимаю, что такое говорить неправильно, но во многих отношениях...

– Тогда и не говори.

– Ты же не знаешь, что я хочу сказать.

– Знаю, и пожалуйста, не говори этого! – попросила Кэти.

Нил засмеялся:

– Ты бы не выиграла в суде с такими аргументами.

– А мы не в суде.

– Пожалуйста, позволь мне закончить. Я лишь хотел сказать, что во многих отношениях эта печальная история встряхнула нас, заставила внимательно посмотреть друг на друга и осознать, куда мы движемся.

– Ну да.

– И я никогда больше не стану предполагать, что ты захочешь бросить все и последовать за мной туда, куда заведет меня моя карьера. Вот и все, что я имел в виду. Так будет правильно? – Нил смотрел на нее выжидающе.

– Отлично.

– Значит, в итоге ты не знала, что я собирался сказать. – И снова он ждал теплого ответа.

– Да, не совсем.

– О чем ты?

– Я думала, ты скажешь, что все к лучшему, но ты так не сказал, по крайней мере, не выразил словами.

– Я ничего подобного не говорил, и, если ты помнишь, я назвал это печальной историей. Когда я упоминал, что все к лучшему?

– Но ты так думал, Нил, – грустно ответила Кэти.

– Значит, сначала я был под судом из-за того, что собирался сказать, а теперь, когда я этого не сказал, я под судом из-за того, что ты ожидала услышать. – Нил казался обиженным.

– Прости, Нил, когда ты вот так излагаешь, все звучит очень резко. Но я этого не хотела.

– Да и я не хочу быть таким бесчувственным. Отдохни еще немного, – посоветовал он уже в дверях.

Кэти хотелось, чтобы все вернулось на круги своя, но, похоже, они с Нилом теперь не могли говорить о случившемся без того, чтобы ей не захотелось кричать и ругаться. Его холодный, логичный, адвокатский подход доводил ее до безумия. Ей хотелось, чтобы они вместе оплакали погибшего малыша, признали бы, что это была настоящая трагедия. Но Нил целенаправленно справлялся с горестями других людей, не понимая, что самое огромное горе было в его доме. Если он отдал бы ей десятую долю того сочувствия, которое проявлял

к другим, переживал бы вместе с ней из-за потери ребенка, все могло бы быть хорошо.

Она не должна просто сидеть здесь, снова и снова думая об одном и том же. Единственным местом, где все могло быть нормальным, оставалась работа. Кэти и до завтра ждать незачем, она отправится туда прямо сегодня.

Они пришли в восторг, увидев ее, и устроили настоящую суматоху. Никто ни слова не сказал, что все обошлось хорошо, они просто твердили, как скучали по ней и как тяжело им пришлось работать.

– А что нового?

– Одна пара, которой уже под сто лет, решила пожениться в следующем месяце и не может найти подходящее место, – сообщила Джун, просматривая файлы.

– А сколько им на самом деле?

– Древние, – ответила Джун.

– Ну, не все же могут быть семнадцатилетними невестами, – засмеялась Кэти.

– Может, так оно и мудрее, – вздохнула Джун.

– А как насчет того приходского зала при церкви? – спросила Кэти.

– Он слишком велик для них, они не знают, сколько человек пригласят. Может, пятьдесят, но им кажется, что могут прийти и всего двадцать с небольшим.

– У них не слишком много друзей, да?

– Они самая милая пара, какую только я вообще видел, – просто сказал Том. – Они придут сегодня, они тебе понравятся.

Том оказался прав. Стелла О’Брайен и Шон Клери действительно были милейшими людьми. Им было хорошо за пятьдесят, и они познакомились год назад на курсах игры в бридж. Играть в бридж они так и не научились, зато полностью посвятили себя друг другу. Но имелась одна проблема.

– Да разве со свадьбами не всегда проблемы? – с сочувствием спросила Кэти.

В данном случае проблема состояла в троих детях Шона и двоих – Стеллы. Сын и дочь Стеллы предполагали, что их мать должна остаться вдовой и ухаживать за внуками, когда они будут привозить их к ней. Три дочери Шона также желали, чтобы их отец оставался вдовцом и со временем переехал из своего дома, который они бы продали и поделили деньги. Они намеревались предложить ему жить у них, но у всех по очереди, и чтобы он нигде не задерживался более чем на четыре месяца в году. Конечно, пара не рассказала всего этого Кэти, подробности выяснились в процессе разговора. Кэти кивала, слушала и внимательно вникала в то, какое место для свадьбы им не подошло бы и почему.

– Наверное, вам это кажется очень странным, мисс Скарлет. Я имею в виду, что молодые люди должны жить нормальной размеренной жизнью, где все работает как часы, – слегка виновато сказала Стелла.

– Ничего подобного! Утром в день своей свадьбы я понятия не имела, придет ли кто-нибудь, кроме пятерых друзей и моей тетушки.

– Расскажите нам, как все прошло? – попросил Шон.

– Ну... пришли мои родители и несколько родственников, из тех, кто не эмигрировал. Большинство со стороны Нила не явились, кроме его матери и отца, которые выглядели как два айсберга, но друзья исправили дело. Когда я все вспоминаю, то думаю, это был отличный день. И вы будете так думать. Скажите, где именно вам действительно хотелось бы устроить свадьбу, и мы посмотрим, сможем ли все организовать как надо.

– Вы знаете отель «Холли» в Уиклоу? – начала Стелла.

– Да, знаю, – кивнула Кэти.

Это был тот самый отель, где она сообщила Нилу о ребенке. Каким же давним теперь казалось это событие!

– К сожалению, они не проводят свадеб, мы уже спрашивали. Но вдруг вы знаете что-нибудь похожее?

Кэти смотрела на Стеллу О’Брайен, которая уже внесла предоплату в «Хейвордсе» за платье и была так благодарна миру за то, что ей довелось встретить Шона за зеленым карточным столом. Она смотрела на Шона Клери, купившего ей золотое кольцо кельтского дизайнера и то и дело бравшего ее за руку, чтобы полюбоваться им.

– Я найду вам что-нибудь похожее на тот отель, – пообещала она.

– Вы очень добрая девушка, – заверили они ее.

Кэти, уже дважды отрицательно качавшая головой на сообщение, что ей звонят Мод и Саймон, знала, что это неправда. Добрый человек уже поговорил бы с детьми, но она просто не в силах была встретиться с ними. Пока. Она все еще чувствовала себя немного нервной и гадала, следовало ли ей так быстро возвращаться на работу.

– Кому-нибудь нужен фургон в ближайшие два часа? – спросила она.

Она слишком хорошо знала лицо Тома, могла прочитать по нему, что он встревожился, можно ли ей садиться за руль... Но если он и подумал так, то никак этого не показал.

– Конечно бери, – сказал он и бросил ей ключи.

Кэти поехала на юг в Уиклоу. Стоял прекрасный осенний день, и так чудесно было выбраться из города. Она посмотрела на подборку кассет, думая, что выбрать. Поп-группы, о которых она никогда не слышала, немного традиционной ирландской музыки, кассеты с записями кантри и вестерн, любимые арии... Она остановилась на последней, прибавила звук, чтобы немного забыться, и стала подпевать Паваротти. Музыка навеяла на нее грусть. Кэти снова стала думать о ребенке, не сумевшем родиться, и по ее щекам потекли слезы. Она когда-нибудь перестанет плакать? Кэти запела громче, чтобы попытаться остановить слезы. У светофора мужчина в соседней машине улыбнулся ей.

– Что это вы поете? – спросил он, восхищенно глядя на нее.

– «Nessun dorma»... «Пусть никто не спит», это из «Турандот», – ответила Кэти. – Наверное, мое пение так и не назовешь.

– Вы чудесны! – произнес мужчина. – Не желаете выпить в Эшфорде?

– Нет, спасибо, но очень мило с вашей стороны предложить, – ответила она.

Кэти вдруг почувствовала себя на пятнадцать лет моложе, просто школьницей. И поехала к отелю «Холли».

– Я просто не могу, мисс Скарлет, у нас для этого нет возможностей, – сказала мисс Холли.

– Это самые милые люди на свете! А нам с вами по работе приходится иногда иметь дело с людьми просто ужасными.

– Понимаю, мисс Скарлет, но у меня три официантки, такие же старые, как я сама, мы не можем обслужить свадьбу!

– Позвольте мне самой все сделать, мисс Холли. Мы просто арендуем у вас зал, приедем и уедем, вы и не заметите, что мы здесь были.

– Они ваша родня или они вас шантажируют?

– Я с ними не была знакома до сегодняшнего утра, но скажу вам правду. Я недавно... У меня был выкидыш. Вообще-то, я только сегодня вернулась на работу и чувствую себя еще немного неуверенно. Но они были так чертовски милы и сказали, что им хочется место вроде этого... А вы знаете, мне здесь нравится, и я их поняла. – Кэти побоялась, что говорит с легкой одышкой.

– Так вам здесь понравилось, вам и вашему супругу?

– Очень, это наша радость, место, которое творит с нами чудеса.

– В последнее время оно не такое, – пожаловалась мисс Холли.

– Что вы имеете в виду?

– Вы с мужем в прошлый раз за обедом разговаривали о ребенке. Бетти, одна из официанток, сказала мне.

– Да, верно, но мы, вообще-то, никому не говорили...

– Мы тоже, поверьте. Ладно, я предоставлю вам место для приема, мисс Скарлет.

– Вы об этом не пожалеете, мисс Холли.

– Теперь нам остается только подумать о еде для Стеллы и Шона, – вернувшись в «Алое перо», сказала Кэти.

– О чем ты? Сначала нужно место найти, а это нелегко, учитывая все условия.

– Ох, это я устроила, – весело сообщила Кэти.

– Нет, погоди, я знаю, конечно, что ты суперженщина, но мы уже три дня пытаемся... Ничего не подходит!

– Мисс Холли согласилась.

– Так ты сегодня ездила туда?

– Ага.

– Том, я думала, мы сумеем справиться без нее. Но оказалось, я была не права, – заявила Джун.

– А вы отправитесь куда-нибудь на медовый месяц? – спросила Кэти Стеллу О’Брайен.

– Мы об этом не думали. Сама по себе свадьба – такое событие. Но когда мы с этим разберемся...

– Стелла, я уже все устроила. Мисс Холли разрешает нам провести торжество у нее в отеле, так что почему бы вам не забронировать там номер на три или четыре ночи?

– Там так мирно, такое радостное место... – На глазах Стеллы О’Брайен выступили слезы. – День, когда я позвонила в вашу компанию, был счастливым днем.

– А откуда вы о нас узнали, если не секрет? – Кэти всегда хотелось это выяснить.

– На прошлую Пасху я выиграла в лотерею в школе, где работаю, и призом оказался маникюр в «Хейвордсе», и там очень хорошенькая девушка сказала, что ее жених работает в компании кейтеринга, и дала вашу карточку... Мне бы хотелось поблагодарить ее.

– А-а-а, да. Конечно.

– Что, с этой девушкой какие-то проблемы?

– Они с Томом больше не вместе... только и всего. Ладно, а какую музыку вы предпочли бы?

– Простите?

– На свадьбе. Нам найти пианиста, или аккордеониста... или вы предпочтете музыкальный центр? Том может все организовать, это легко, и поставит любые записи, какие вам нравятся.

– Мне придется признаться вам... – Стелла понизила голос. – Боюсь, мы можем выглядеть глупо, если будет звучать музыка. У Шона первая свадьба прошла очень тихо, его жена, похоже, предпочитала уединенный образ жизни. Да, ему теперь хочется веселья и волнений, но он же понятия не имеет, как сильно его дети против того, чтобы мы поженились... Я даже не думаю, что его дочери придут на свадьбу.

Кэти коснулась руки Стеллы:

– Они придут. Поверьте, они не смогут позволить своему отцу жениться и не увидеть этого. Они будут там... А ваши?

– Мой сын придет. А дочь... не знаю.

– Ни слова от этих детей, – сказал Матти.

– Наверное, у них в «Буках» такая замечательная жизнь, что у них больше нет для нас времени, – рассудительно, без возмущения произнесла Лиззи.

– Кэти говорила, что даже простой крысе не предложила бы жить в «Буках», – проворчал Матти.

– Да, но ты же знаешь, как вообще Кэти относится к Митчеллам, – напомнила Лиззи.

– Они не приехали в прошлую субботу и ни разу не позвонили, – произнес ужасно расстроенный Матти.

– Ну, я звонила Кэти, и она сказала, что они уже достаточно взрослые, чтобы самим решать, – отозвалась Лиззи.

– Тут нам нужно очень многое рассмотреть, – сказал Матти. – Я не верю, будто дело в том, что они вырастут, думаю, у них просто нет денег на автобус, вот что я думаю.

– Ты такого не болтай! – приказала Лиззи.

– Конечно не стану, – ответил Матти и тут же сел и написал письмо мастеру Саймону и мисс Мод Митчелл в «Буки».

Просто на тот случай, если у вас проблемы с транспортом между нашими домами, я вкладываю 5 (пять) фунтов. Мы всегда здесь...

М. и Л. Скарлет

– Уолтер!

– Да, отец?

– Эта... э-э-э... социальная служащая давала о себе знать?

– Вроде нет, а что?

– Я сообразил, что близнецы в прошлую субботу не ездили на Сент-Ярлат-Кресент, к мистеру Матти, или как там его зовут.

– Ну, может, им просто надоело.

– Мне кажется, у них не было денег на дорогу.

– А что, если они просто потратили свои карманные деньги, отец? Могло это быть?

– Они, вообще-то, не получали карманных денег. Видишь ли, старина Барти оставил меня немножко на мели.

– Ох, боже, отец, будь очень, очень осторожен! Эти Сара и Кэти, обе они настоящие занозы!

– Знаю. Будем бдительны.

Уолтер забрал почту. Там оказалось странного вида письмо от кого-то детям. Уолтер аккуратно вскрыл конверт. Возможно, там было что-нибудь насчет того глупого соглашения, а потому им с отцом следовало это знать заранее. Он нашел внутри пятерку и сунул ее в карман. А письмо вместе с конвертом бросил в огонь.

Джок Митчелл заехал в «Буки». Близнецы трудились над домашним заданием.

– А где ваш папа? – спросил он.

Они объяснили, что позвонил друг их отца, старина Барти, и они вроде как разобрались с давней ссорой, так что отец поехал встретиться с ним, чтобы отпраздновать конец разногласий.

– А ваша мать?

Видимо, их матушка расстроилась, когда отец поехал на встречу со стариной Барти. И отправилась по магазинам. Джоку не понравилось упоминание о том, что жена брата пошла по магазинам. Так всегда начинались ее запои, она посещала только определенные секции в супермаркете.

– У вас тут все в порядке, да?

Близнецы переглянулись и кивнули, явно сговорившись утверждать, что все отлично. Дядя Джок не слишком часто их навещал. Он мог не появиться еще несколько месяцев. Не было смысла надеяться, что он станет приезжать регулярно, как человек, который должен за всем присматривать.

– А ты пришел повидать отца, дядя Джок?

– Нет, вообще-то, пришел посмотреть, где Уолтер держит свой компьютер.

Близнецы предположили, что тот должен быть в спальне, но та заперта.

– Он говорит, что пользуется им каждый вечер, поэтому и принес его из офиса.

Мод и Саймон снова переглянулись. Они никогда не слышали писка какого-нибудь компьютера и не видели, чтобы его приносили в дом. Но они понимали, что лучше просто помалкивать, так что

установились на дядю пустыми глазами. Они были забавными маленькими существами. Джоку хотелось, чтобы Ханна почаще их привозила. Они могли бы играть в «Дубках», качаться на качелях под большими деревьями... Ведь непохоже было, чтобы их сын-трудоголик и его одержимая карьерой жена собирались в ближайшее время преподнести им внуков, и Мэнди тоже им говорила, что не станет с этим спешить. Но не было смысла запутывать дела. Кеннет всегда был странным парнем, а его жена всегда была нестабильна. Умнее держаться подальше от них и их детишек. Джок вздохнул: ему определенно это не удастся в случае Уолтера. Уже не оставалось никаких возможностей привести его хоть в какой-то порядок в офисе. Нил, вечный защитник неудачников, неожиданно посоветовал уволить парня. Джок подозревал, что Уолтер просто украл компьютер и продал его. Но у него не было доказательств, и вряд ли он мог найти их сегодня вечером во время визита в «Буки».

– Нам сказать, что ты заезжал к Уолтеру? – спросил Саймон.

– Или нам лучше вообще ничего не говорить? – поинтересовалась Мод.

– Думаю, лучше будет, если все мы ничего не скажем, – решил Джок.

Он подумал о том, чтобы дать им по паре фунтов, как делал давным-давно. Но возможно, теперь это будет выглядеть покровительственно, ведь имелось очень четкое соглашение относительно всего, включая карманные деньги. Может, это как-то нарушит порядок... В общем, он лишь побренчал монетами в кармане, пока дети с надеждой смотрели на него, а потом распрощался.

Джеральдина обедала в «Квентине» с Ником Райаном. Бренда Бреннан лишь вежливо кивнула ей, когда они пришли. Никому не следовало знать, что у женщин есть друзья. Некоторые мужчины чувствовали угрозу, если думали, что их подруга хорошо известна в ресторане, куда они заглянули. Джеральдина восхищалась таким профессионализмом. Она и сама действовала так же. Перед этим обедом она много прочитала о бизнесе химчисток в Ирландии. Райан оказался очень приятным мужчиной. Не боялся сыпать комплиментами. И еще он был честен во всем, что ей в особенности нравилось. Он сказал, что для него в радость пойти обедать с такой

очаровательной дамой, что обычно в это время он уже входит в дом, жалуется жене на унылый день в офисе и старается справиться с двумя весьма трудными детьми. Джеральдина понимающе кивала в ответ. *Все* дети трудны, и тот, кто утверждает обратное, плохой родитель. Это помогло ему почувствовать себя свободнее, как и то, что Джеральдина, похоже, вполне приняла присутствие жены и семьи в жизни мужчины, с которым обедала. Она, как всегда, выглядела безупречно причесанной и намного моложе своих лет. Она отвечала на вопросы о себе искусно и легко, не сообщая слишком многого, но просто говоря достаточно для того, чтобы создать образ женщины рабочего происхождения, которая много трудилась, чтобы достичь нынешнего положения. Она явно дала понять, что не пытается найти мужа и остепениться. Что она предпочитает очень независимую жизнь и ей нравится заводить самых разных друзей.

– И у вас действительно много друзей. Ваша вечеринка произвела на меня большое впечатление. Действительно, очень приятная компания.

– Я рада, что вам понравилось. Я надеюсь, вы со многими познакомились, – сказала Джеральдина.

Было слишком рано говорить ему о том, что происходило за кулисами приема, о банных полотенцах, докторе Саид и Кэти, которую увезли на «скорой помощи».

– Если совсем честно, мне не очень хотелось знакомиться с другими.

– Это весьма лестно, – заметила Джеральдина.

– И очень искренне, – произнес Ник Райан.

– Не знаю, как Джеральдина это делает, – сказала потом Бренда Бреннан в кухне своему мужу Патрику. – Она уже поймала другого богатого и интересного бизнесмена, и он мурлычет и тянется к ней.

– Ох, но зато у нее нет надежного, верного и положительного мужа, как у тебя, – постарался утешить ее Патрик.

– Знаю. – Тон Бренды совсем не говорил о том, что она как-то выиграла при данном сравнении.

– Или такого страстного, творческого и темпераментного шеф-повара, как я, – продолжил он.

Вот это уже было ближе к делу.

– Да, верно, этого у нее нет, – с довольным видом согласилась Бренда.

Миссис Барри на какое-то время покидала «Буки». Она собиралась на три недели уехать к дочери.

– В кладовке полно разных консервов для всех вас, а молочнику заплачено до конца месяца.

– Спасибо, миссис Барри.

– И знаете... знаете, ваша мать не очень хорошо себя чувствует. Ей бы нужен врач. Я позвоню Саре и сообщу ей.

– Нет, миссис Барри, мы сами позвоним Саре, – заявила Мод.

– Нам нужно еще кое-что сказать ей, заодно мы и про маму скажем, что ей нездоровится, – добавил Саймон.

– Хорошо. Тогда все в порядке, она заедет посмотреть, как тут дела.

Мод и Саймон не позвонили Саре. Все только расстраивались, когда она приходила. Минут пять все было отлично, но потом, когда она уходила, все становилось только хуже. Лучше ей было совсем не приходить. А когда она звонила узнать, все ли в порядке, они говорили, что так оно и есть.

Сара встретила с Нилом на большой публичной лекции о бездомных.

– Рада, что в «Буках» все благополучно, – сказала она.

– Действительно? Что ж, хорошо, – отозвался он.

– Так ты там не бывал в последнее время? – спросила она.

– Нет. У меня слишком много другого было на уме. Послушай, я должен сказать тебе, потому что ты одна из немногих, кто знал о беременности Кэти. У нее случился выкидыш.

– Ох, как жаль!

– Да, но никто, а уж тем более близнецы или кто-то из семьи не должен этого знать, конечно...

– Конечно нет.

– И во многих отношениях, пожалуй... – начал Нил.

– Я знаю, во многих отношениях это может быть и к лучшему в данное время. Ты теперь можешь все-таки получить ту работу за границей.

– Я не слишком к этому стремлюсь.

– Тем более что и дома нужно сделать очень многое, – сказала Сара, довольная тем, что он не собирается уезжать, и посмотрела на Нила с нескрываемым восхищением.

Он улыбнулся ей. Приятно было видеть, что кто-то считает тебя отличным парнем.

Кэти собиралась позвонить близнецам. Она даже подошла к телефону, но потом подумала, что придется разговаривать с Кеннетом Митчеллом, и не стала звонить. Она постаралась вспомнить первые дни ее обручения с Нилом. Неужели она тогда действительно старалась угодить таким ужасным людям, неужели пыталась привлечь Кеннета и Кей на свою сторону в войне с Ханной? Она надеялась, что не делала ничего подобного. Вся эта битва казалась такой давней и во многих отношениях такой неважной. Да и какое значение мог иметь счет в ее схватках со свекровью? Нил был прав, и как, должно быть, глупо выглядела Кэти, радуясь своим маленьким победам над свекровью, словно то были какие-то ценные трофеи... Она позвонит близнецам, когда пройдет эта свадьба, когда у нее будет для них время.

Саймон и Мод сидели за кухонным столом. Они съели сардины и холодные консервированные бобы, отлично подошедшие друг к другу, затем убрали мусор и выставили его за ворота «Буков»: мусорщики приезжали завтра. Они оставили какую-то газету на случай, если придется протереть обувь перед школой. Вскоре должны были состояться скачки, и Матти говорил, что хочет взять их с собой туда, чтобы они по-настоящему все почувствовали. Он говорил им, как это будет здорово, но теперь ни о чем таком не упоминал. Они предположили, что Матти забыл о них, как это часто случается с людьми.

– Не могу понять, почему близнецы с нами не связываются. На свадьбе они не отходили от нас, – сказал Матти.

– Может, у них денег нет, – предположила Лиззи, не зная о пятерке, посланной им.

– Им не нужны деньги, чтобы снять телефонную трубку, – возразил Матти, отправивший им ту самую пятерку, которую вполне

мог поставить на понравившуюся ему лошадь, но не поставил, а она выиграла один к тридцати.

В «Алое перо» явилась дочь Стеллы О'Брайен. Высокая, бледная, около двадцати пяти лет, недовольная... Она им не понравилась с первого взгляда. Как почти все женщины, приходившие к ним, она с восхищением и слегка кокетливой улыбкой посмотрела на Тома Фезера. Это не принесло ей пользы.

– Свадьбой в основном занимается Кэти. Наверное, вам следует поговорить с ней.

Том принес им кофе в приемную и с некоторым облегчением удалился.

Эта девица, Мелани, выглядела сильно обиженной, и она тут же приступила к делу:

– Надеюсь, вы знаете, что моя мать не печатает деньги.

– Как и любой из нас, мисс О'Брайен, но мы очень осторожны в расходах, так что она и ее жених кажутся очень довольными.

– Дело не в том, сколько все это стоит.

– Тогда что вас огорчает?

– Цифры. Моя бедная матушка думает, что придут пятьдесят человек, чтобы полюбоваться ее свадьбой с этим мелким охотником за состоянием, с которым она познакомилась за карточным столом... Она просто выжила из ума и бросает деньги на ветер.

– Ну... она сказала, что число гостей не определено, и мы это учитываем.

– Это еще мягко сказано, с нашей стороны приглашено двадцать восемь человек, но я могу вам сказать, что добрых двадцать из них не придут, хорошо если восемь... Я не знаю, сколько человек пригласил он, но, как я слышала, те тоже не горят желанием.

Кэти очень захотелось встать, наклониться через стол и вlepить пощечину этой Мелани О'Брайен, да покрепче, и не раз, чтобы та свалилась на пол. Но Кэти сдержалась.

– Боже мой! Так семья мистера Клери тоже возражает?

– Да, как я слышала.

– Так почему бы вам не повидаться с ними? – предложила Кэти.

– Я не хочу и рядом с ними оказаться, никаких дел иметь не хочу.

– Ну... я подумала о деньгах вашей матери. Что ж, если его родные не собираются приходить и ваши тоже, то вы вполне правы, не желая позволять ей тратить столько денег. – Риск был велик, но Кэти решила, что дело того стоит.

– Да я даже не знаю, где они живут, – проворчала Мелани.

– Я могу дать вам адрес мистера Клери и его номер телефона, у нас они есть. Думаю, одна из его дочерей живет с ним, так что вы легко их найдете.

– Весьма любезно с вашей стороны, мисс...

– Скарлет... Кэти Скарлет. – Нормального настроения ей хватило секунд на сорок.

– Просто... не понимаю, почему вы готовы это сделать.

– Мне нравится ваша мать, и я не хотела бы, чтобы она потратила кучу денег ради людей, которые не намерены являться, а так вы могли бы дать мне точное количество гостей, и мы бы снова поговорили с миссис О'Брайен.

Кэти записала адрес Шона Клери, продолжая говорить, а потом поспешно проводила Мелани за дверь и вернулась в кухню.

– Дайте мне что-нибудь, по чему можно врезать, скорее! – закричала она.

Джуна моментально нашла мешок с чистыми вещами, только что привезенными из прачечной. Кэти снова и снова лупила кулаками по чайным полотенцам, скатертям и салфеткам.

– Вот теперь намного лучше, – наконец сказала она.

– И из-за чего все это? – спросил Том.

– Я вроде как только что слегка переделала физиономию Мелани О'Брайен без того, чтобы угодить в тюрьму, – с довольным видом ответила Кэти.

– А можно спросить, что ты на самом деле сказала ей?

– Я рискнула, Том, и, если это не сработает, обещаю, возьму на себя все последствия.

– Можешь ты нам хотя бы намекнуть... ну... просто в какой именно области этот риск? – Том смеялся над ней; на самом деле он ничуть не беспокоился.

Но он так ничего и не узнал.

– Тебе лучше держаться подальше, – заявила Кэти.

Джо Фезер расставил нарды:

– Давай, па, я на шаг впереди, так что отомсти!

– Глупая это игра, – заявила Маура Фезер. – Не понимаю, зачем вы в нее играете? Это вроде детского лудо!

– Нет, не так! Тут нужно угадывать, и хитрить, и рисковать. У тебя бы здорово получилось, мам.

– Вряд ли.

– Иди сюда, сыграй против папы. А я буду сидеть рядом и смотреть, как ты выигрываешь.

Ворча, Маура села за стол и принялась за игру. А мысли Джо улетели прочь. Совсем не так плохо, как он прежде считал, было оказаться дома со своими стариками. Он начал эти регулярные посещения, чтобы помочь Тому, снять с него часть ноши, и продолжал, чувствуя вину из-за Марселлы. Но, как ни странно, он ничего не имел против. Проведенное здесь время вовсе не угнетало его, к тому же Джо не допрашивали насчет его образа жизни. Хотя в последнее время она, вообще-то, была вполне монашеской, до того, как он получил обратно все свои деньги от парня, который надул его. Джо Фезер знал, что не позволит этому хитрецу смыться с ними. Точно так же он знал и то, что никаких важных новостей из модельного мира за морем не приходило. Кто-то встретил там Марселлу, которой очень хотелось вернуться домой.

Мелани договорилась о встрече с Шейлой, младшей дочерью Шона Клери. Они были примерно одного возраста. Они согласились в том, что этот брак глупый и непристойный и стал результатом простого одиночества.

– А зачем бы еще она пошла в этот покерный клуб? – спросила Мелани.

– Я думала, там играют в вист, но это одно и то же, – заявила Шейла.

– Предположим, мы скажем им, что будем чаще их видеть, чтобы они не были так одиноки. Как ты думаешь, это поможет? – спросила Мелани.

– Знаешь, я думаю, уже слишком поздно, – ответила Шейла.

– Так ты пойдешь или нет? – Мелани хотела получить цифры.

– Если честно, не знаю. Не уверена. Я ничего не имею против твоей матери. Не сомневаюсь: она чудесный человек, просто у меня замечательный отец, и я не хочу, чтобы он совершил какую-то глупость.

– Так ты пойдешь туда? Ты это мне говоришь?

– Ну, если он не передумает и если будет рад видеть нас там, мы вполне можем пойти... не то чтобы с радостью, но пойдём. А ты как?

– Я не собираюсь, и еще раз повторяю: я ничего не имею против твоего отца лично, но моей матери незачем снова выходить замуж!

– А твой брат как? – спросила Шейла.

– Он настоящий маменькин сынок, все сделает, лишь бы она погладила его по головке.

– Значит, он пойдет, ты так думаешь?

– Наверное, – неохотно признала Мелани.

– Что ж, если с ее стороны гости будут, то, честно говоря, нам бы не хотелось, чтобы папа остался там в одиночестве, – решила Шейла.

– Так, значит, ты пойдешь на эту свадьбу?

– Думаю, пойду, просто чтобы не огорчать его.

Мелани помрачнела:

– И конечно, если ты пойдешь, то и другие тоже, вроде ваших тетушек или дядюшек и прочих.

– Прости, Мелани, но что ты хочешь узнать – не собираемся ли мы помешать им пожениться? Не собираемся, – заявила Шейла.

Кэти приехала в «Буки».

– В условиях договора ничего не говорится о таких вот постоянных визитах, – заявил Кеннет Митчелл.

– Я приехала навестить своих кузенов. Это что, преступление?

– Они вам не кузены.

– Да, но они кузены моего мужа, что примерно одно и то же.

– Это совершенно разные вещи! – рявкнул Кеннет Митчелл.

– Думайте, как хотите, но мне бы хотелось их увидеть.

– Боюсь, вы с ними разошлись.

– Вот как? И где они?

– Понятия не имею, – ответил Кеннет.

Кэти прищурилась:

– А вот теперь мы действительно говорим о соглашении. Подразумевается, что вы должны всегда знать, где они находятся.

– Ладно. Они поехали навестить свою мать в больнице.

– Что?! Она снова в больнице?

– Совсем ненадолго. Она завтра вернется домой. Они просто повезли ей чистую одежду. – (Кэти достала из кармана мобильный телефон.) – Что это вы делаете?

– То, что должны были сделать вы, – сообщаю Саре.

– Вы уж слишком бурно реагируете.

– Где эта больница?

– Не ваше дело! – взорвался Кеннет.

– Я не собираюсь ехать туда и мучить эту женщину. Я хочу забрать детей, вот и все.

– Вам незачем это делать, я слышу, они уже вернулись, – надулся Кеннет.

Кэти подумала, что их встреча была немного прохладной.

– Мне жаль, что вашей маме опять плохо, – сказала она.

– Мы ей ничего не говорили, – пробормотал Саймон, виновато глядя на отца.

– Ни словечка, – подтвердила Мод.

– Но вы должны были позвонить Саре, когда здесь что-то изменилось. Предполагалось, что вы уже достаточно взрослые, чтобы понимать, что такое договор.

Близнецы повесили головы.

– Если у детей нет жалоб, значит они вполне счастливы тем, что имеют, – самодовольно заявил Кеннет.

– И все же я должна сообщить Саре. Таков уговор, Кеннет, – заявила Кэти.

– Вмешательство, налеты...

Близнецы не могли этого вынести и убежали в сад. Кэти вышла следом за ними. Они сели на маленькую скамью рядом с садовым сараем.

– Понимаешь, если бы мы сказали, стало бы еще хуже, – объяснил Саймон.

– А пока молчим, лучше, – добавила Мод.

– Почему вы не приехали повидать Магги и его жену Лиззи? – Кэти невольно улыбнулась, повторив обычное выражение близнецов.

Они смущенно уставились на нее; понемногу она все из них вытянула – у них просто не было денег на автобус.

– Папа сказал мне, что послал вам пять фунтов в письме. Почему вы ими не воспользовались?

– Пятерку? – удивилась Мод.

– Мы ее не получали, – ответил Саймон.

Они обменялись взглядами. Сумма была очень большой. Кэти без тени сомнений поняла, что дети говорят правду. Они действительно в глаза не видели этих денег. Кэти потянулась к своей сумке:

– Он хотел, чтобы вы их потратили. Должно быть, деньги потерялись.

Дети смотрели на нее во все глаза. Они пока еще были в таком возрасте, когда верят: почта вполне может что-то потерять.

– Ну разве они не настоящие клоуны? – спросил тем вечером Нил.

– Кто на этот раз?

Это мог быть кто угодно. Правительство, страховая компания, юридическая библиотека, судебные власти, газеты.

– Да те идиоты в «Буках». Папа сказал, что Уолтер стащил компьютер из офиса и спрятал его там, а Сара говорила, что близнецам нечего есть и у них нет карманных денег, а Кей снова угодила в психушку.

– Не настолько все плохо, это просто обследование. Они думают, что завтра она вернется домой.

– И все же. – Нил не скрывал раздражения.

Кэти очень хотелось напомнить ему, что именно он добивался, чтобы эти безнадежные люди получили обратно своих детей. Именно Нил Митчелл твердил, что они должны воссоединиться с кровной родней, вместо того чтобы счастливо жить на Сент-Ярлат-Кресент и в Уотервью по очереди, где каждый внимательно за ними присматривал. Но не было смысла продолжать войну. Поэтому Кэти промолчала, однако сказала Нилу о пропавшей пятерке Матти.

– Полагаю, этот дурак Уолтер нащупал банкноту сквозь конверт. Думаю, он ее взял, – небрежно произнес Нил.

Кэти почувствовала, как ее охватывает ярость, направленная на Уолтера. Деньги Матти украл этот молодой урод. Конечно, общеизвестно, что Матти не трудился ради денег, но вот Лиззи

зарабатывала уборкой чужих домов. И они должны были попасть в карман Митчелла? Кэти буквально задохнулась от негодования.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – спросил Нил.

– Да, все в порядке.

– Ты слишком рано вернулась на работу.

– Нет. Мне там нравится, я постоянно занята, это от многого меня отвлекает.

– И кстати, о многом... – начал Нил.

Ей не следует еще больше раздражаться сейчас. Он так старался, но ее все доводило до безумия. Он мог робко спросить, чувствует ли она себя достаточно хорошо, чтобы подумать о том, чтобы снова заняться любовью, но она определенно не была готова. Он мог снова заговорить о ее работе, а это было слишком утомительно и выводило ее из себя... Только на работе она могла держать в узде свои эмоции. Нил мог сказать с десяток вещей, которые расстроили бы ее, и все совершенно ненамеренно.

Прежде такого никогда не случалось.

– Я хочу рассказать тебе о той свадьбе, которую мы готовим, – перебила его она.

Она не желала больше слышать о Смысле Жизни. Что бы он ни сказал, все будет неправильным. Нил пожал плечами. Кэти принялась рассказывать историю Стеллы и Шона, но Нил совсем не слушал. На его лице застыло выражение вежливого внимания, однако он был далеко.

– И как ты думаешь, что я должна сделать? – внезапно спросила Кэти.

Это было не слишком честно, а ей нужно было понять, слышал ли он хоть что-нибудь.

– Насчет чего конкретно? – спросил Нил.

– Насчет музыки, – улыбнулась Кэти.

О музыке она вообще не упоминала.

– Поймешь, когда услышишь ее, – ответил он.

Нечего было и удивляться тому, что он был таким хорошим адвокатом, он мгновенно вставал на ноги после удара.

– Ты прав. Думаю, ты прав и в том, что я устала, Нил. Пойду-ка я спать.

Кэти долго лежала с открытыми глазами. Никто не предупреждал ее, что может быть вот так. Так пусто.

– Кэти сегодня опаздывает, – заметила Джун.

– Она поехала подбирать музыку для той свадьбы, – сообщил Том.

– Разве она не потрясающая? Я бы вообще не знала, с чего начать.

– Не думаю, что и она знает. Кэти просто сказала, что поймет, когда услышит.

– Как было бы здорово работать где-нибудь в провинции! Мне хочется, чтобы мы продержались, – вздохнула Джун.

– Джун, тебе бы помолчать. Ты такая горожанка, что зачахла бы, как редкая птичка, без привычного окружения, если бы тебе пришлось застрять в глуши.

– Нет, не зачахла бы. Мы с Джимми как-то думали о том, чтобы жить за городом. Честно, думали!

– Примерно три минуты. Кстати, как он?

Муж Джун сидел дома после падения.

– Как кабачок, – беспечно ответила Джун. – Чем скорее я найду себе нового, тем лучше. Том, он даже не знает, дома я или нет. На днях я сказала ему, что могу уехать на месяц, а он только спросил, принесу ли я сосисок, когда вернусь.

– Уверен, это неправда, – возразил Том.

– Да что ты можешь знать, Том, ты ведь не женился еще в школьном возрасте, как мы. У нас не было жизни, ни у одного из нас, а теперь у Джимми повреждена спина. Я, по крайней мере, имею отличное занятие.

Кэти шла по Графтон-стрит, не видя никого и ничего. Этим утром она проснулась с тяжелым чувством стыда. Но чего ей стыдиться? Выкидыш произошел не по ее вине. Конечно нет. Так почему она чувствует себя так, будто каким-то образом сильно подводит всех в своей жизни? Она могла бы все исправить, будь у нее больше времени. Например, она могла бы заставить Тома пару дней отдохнуть; он иногда выглядел очень усталым. Она могла бы отвезти свою мать за покупками на рынок. Она могла бы пригласить Джеральдину в «Квентин» на ланч в четыре часа. Она могла бы забрать близнецов и Грохота в «Холли» на выходные. Они никогда не останавливались в

каком-нибудь отеле, а в «Холли» ничего не имели против собак. А Нил? Что она могла бы сделать для Нила, чтобы изменить все к лучшему? Это было не так легко, как для кого-то другого. А потом она услышала музыку, играли скрипки и аккордеоны. Шесть музыкантов, оркестр из какого-то кафе, играли на улице. Это были беженцы, они зарабатывали деньги. Они выглядели бы идеально в музыкальном углу отеля «Холли» и идеально подошли бы для праздника. Кэти поговорила с Йозефом, который лучше других владел английским, объяснила ему все: ей нужны вальсы и старые лирические песни.

– У нас нет хорошей одежды, чтобы играть на свадьбе в отеле, – сказал он.

– Это не важно. Вы знаете «A Kiss Is Just a Kiss»?

Он что-то сказал остальным, и они заиграли эту мелодию. И «Smoke Gets in Your Eyes», и поппури из Штрауса.

– Вам есть на чем доехать до Уиклоу? – спросила Кэти, почти не смея надеяться.

Оказалось, что у кого-то есть фургон.

– Вы будете идеальны, – решила Кэти. – Где можно вас найти?

Они дали ей название общежития, а она им – пятьдесят фунтов аванса.

– Откуда вам знать, что мы не возьмем ваши деньги, не уложим скрипки в футляры и не сбежим до свадьбы? – спросил Йозеф. – Придержите ваши пятьдесят фунтов.

– Ну а вам откуда знать, что я не какая-нибудь чокнутая и никакой свадьбы и приема не будет? Так что оставьте себе деньги.

Кэти обхватила себя руками и тихонько стала напевать песни, которые они играли, пока она шла по улице.

– Эй, а ты разговариваешь сама с собой! – окликнула ее Шона. – Хороший знак!

– Хуже того, я еще и напеваю. Пора меня запереть.

За два дня до свадьбы позвонила Мелани:

– Моя мать сказала, что вы наняли оркестр, целый оркестр... Она за это заплатит?

– Они с Шоном согласились, что эта группа – то самое, чего они хотели.

– Она поехала в общежитие для беженцев, послушать каких-то бездельников... Это вы ее подстрекаете нанять тех людей...

– Мелани, извините, там кто-то пришел, вернусь через секунду. – Кэти встала и трижды прошлась по помещению, а потом подошла к Тому. – Том, мне нужно передохнуть. Есть люди, с которыми я не могу разговаривать. Это Мелани. Заявляет, что оркестр слишком дорог... Можешь сам с ней пообщаться?

– Нет, нет и нет, Кэти!

– Да, Том, умоляю! Ей нужна твоя чувственность. Просто скажи что-нибудь сексуальное, и она растает, как все они.

– Ненавижу тебя, Кэти Скарлет!

– А я постоянно ненавижу тебя, Том Фезер, но ради компании готова...

– Что ты ей сказала?

– Что кто-то пришел.

Том взял трубку:

– Мелани О’Брайен, как у вас дела? Кэти там с кем-то разговаривает. Что я могу сделать для вас? Но сначала скажите кое-что другое. Вы не придержите для меня танец вечером в среду?

Кэти видела, как Том сделал рукой жест, словно гладил кошку.

– Чертов артист! – воскликнула она.

– И чертовски хороший! – проницательно заметила Джун. – Теперь она перестанет скулить насчет этого проклятого оркестра, ведь так?

Во вторник позвонила Мод.

– Кэти, извини, я не хочу тебя отвлекать, – начала она.

– Умница, Мод, я как раз довольно занята, – ответила Кэти.

– Просто, понимаешь, ты сказала, что нам следует быть взрослыми...

– Ты и есть взрослая, раз говоришь, что нас не следует отвлекать. Мод, что я могу для тебя сделать?

– Ты говорила, что не хочешь, чтобы мы полировали твои сокровища, ведь так?

– Да, не сейчас, спасибо.

– Но, Кэти, когда ты передала нам ту пятерку от Магги, мы поехали к Магги и его жене Лиззи, и они нам рассказали, что кое-

какие твои сокровища украдены...

– Да, но не тревожься об этом.

– Нет, я просто помню, как тебе нравилась та серебряная штука, которую ты называла чашей для пунша.

– Да, Мод?

– Они все очень дорогие?

– Я не знаю, Мод, честно, и если у тебя это все...

– Просто я видела такую в нашем садовом сарае. Он обычно заперт, но сегодня я туда пошла и подумала, что, может быть, эта чаша подойдет тебе вместо твоей, и я могу спросить отца...

– Не спрашивай прямо сейчас, Мод, очень тебя прошу! У нас тут дел по горло, потом мы с тобой свяжемся.

– Ты уже так говорила, Кэти, а потом исчезала.

– Боже, Мод, не надо ныть, пожалуйста, не надо ныть! Если бы ты знала, какой у нас сегодня день!

– Извини...

– А завтра после свадьбы я обязательно приеду. Обещаю! Хорошо?

– Кто звонил? – спросил Том.

– Мод. Я не была так терпелива, как следует, но она не умолкала и говорила что-то о чаше для пунша.

– Что?!

– Она видела такую, спрятанную в их садовом сарае в «Буках».

Внезапно они уставились друг на друга.

– Ох боже мой!.. – Кэти прижала ладонь к губам.

– Уолтер, – произнес Том.

Это был день, когда все казалось вдвое длиннее, чем следовало. У них не было и пяти минут, которые были им нужны, чтобы поговорить о возможной вине Уолтера.

– Поверить не могу, что именно он все разгромил, – сказала Кэти.

– Ты ведь понимаешь, что он постоянно ворует, это в его натуре.

– Может, с ним был кто-нибудь еще?

– Но как он вошел? – забеспокоился Том.

И это было все. Им пришлось сосредоточиться на сообщении от торговца рыбой, что улов прошедшей ночью был плохим и заказанной ими рыбы не оказалось. Значит, то блюдо, которое следовало подать в

качестве закуски, следовало чем-то заменить. Том забыл попросить мясника порубить мясо на нужные куски, а это означало лишние полчаса работы ножами. Кэти заказала свадебный торт, но кондитер не доставил его в Уиклоу. Да, они делают доставку, рывкнули ей в телефон, но в Дублин, а не на другую сторону Луны. У Кона заболел зуб, и он отправился к дантисту. Джун сказала, что ее муж Джимми ведет себя как безумный и настаивает, что она должна быть дома к полуночи, и не могут ли Том или Кэти ему позвонить и объяснить, что Уиклоу очень далеко и что нельзя предсказать, когда закончится свадьба. Люси сказала, что поскандалила с родителями, они поинтересовались, не для того ли они платят за ее университет, чтобы она стала официанткой? Они потребовали, чтобы она больше времени тратила на лекции и меньше – на работу в «Алом пере». Люди, никогда не звонившие им прежде, решили позвонить именно сегодня. Джо Фезер позвонил, чтобы спросить, может ли Том приехать сегодня и помочь ему вышибить дух из того типа, который стащил все его товары. Лиззи позвонила, чтобы сообщить: привезли фотографии свадьбы Мэриан, они чудесны. Может, Кэти хочет, чтобы она привезла их в «Алое перо»? Джеймс Бирн позвонил насчет последнего требования оплаты счета, который, как им казалось, они оплатили, и им пришлось рыться в записях. Нил решил узнать, на какой вечер они могут пригласить на обед того парня из Брюсселя. Кэти подумала, не могут ли они пообедать где-нибудь, но не сказала, что и без того готовит целыми днями. И у нее не нашлось времени даже на то, чтобы сообщить Нилу об Уолтере и чаше для пунша.

Том вместе с остальными заранее поехал в «Холли», а по пути завез Кэти в церковь. В честь такого дня она надела шляпку, взятую в займы у Джеральдины, и приколотла на лацкан костюма маленький букетик цветов. Собрание в церкви не выглядело многообещающим. Две группы, державшиеся поодаль друг от друга, стояли перед церковью, и все время от времени бросали взгляды на другую компанию. Кэти подошла к той группе, в которой не было Мелани О'Брайен. Это были родные Шона Клери, пришедшие в его великий день, они шептались и качали головой. Кэти бодро представилась и запомнила несколько имен, потом собралась с силами и подошла ко второй группе для знакомства. Обеим сторонам это не понравилось, но что они могли сделать с этой женщиной в шляпке, которая просто

заставила их пожать ей руку? Затем приехал Шон. Родные не встретили его объятиями, лишь поздоровались, пожимая плечами в ответ на его сияющую улыбку, когда он поспешил в церковь. Кэти захотелось всем им дать хорошего пинка. Наконец приехала Стелла; она чудесно выглядела в серебристо-голубом платье и жакете. На ней была маленькая голубая шляпка и огромные серебряные серьги. У Кэти встал в горле ком при виде этой щедрой женщины, желавшей потратить все свои сбережения, пригласив друзей и родных. Кэти оглянулась на Мелани, которая стояла с кислым выражением и даже не потрудилась как следует привести себя в порядок или сменить кардиган ради праздника, и дала себе слово, что сделает все возможное, чтобы этот день стал знаменательным, запомнился бы и Стелле, и Шону.

Том держал все под контролем, когда они добрались до «Холли». Входящих гостей встречали шампанским.

– Как все прошло в церкви? – шепотом спросил он.

– Слегка уныло. А оркестр здесь?

– Да, они, правда, немножко странно выглядят.

– Ты не слышал, как они играют!

– Да, верно, но ты подойди к ним, ладно? Я постоянно натыкаюсь на тех, кто не говорит по-английски.

– Расист, а насколько хорошо ты знаешь их язык?

– Вообще не знаю. А на каком языке они говорят?

– Понятия не имею, пойду спрошу Йозефа, – весело ответила Кэти.

– И, Кэти...

– Что еще?

– Сними шляпку, надень фартук, ты, вообще-то, должна работать здесь, – засмеялся Том.

Йозеф знал, что такое свадьба; в другой жизни он работал в отеле, объяснил он.

– А ты понимаешь, что я имела в виду, когда говорила, что эта свадьба требует огромного внимания? – спросила Кэти.

– Вроде того, что музыка должна вначале заменить разговоры? – предположил Йозеф.

– Будем надеяться и молиться, что это понадобится лишь вначале, – сказала Кэти.

Из-за неуверенности в том, кто придет или не придет, Кэти с Томом организовали шведский стол. Гости со стороны Шона уселись в одном конце зала, гости Стеллы – в другом. Люси и Кон щедро наливали им вино, но вскоре доложили, что многие решительно прикрывают бокалы ладонями. Они даже слышали, как одна из дочерей Шона говорила: она не доставит другой стороне удовольствия увидеть их пьяными. Еда шла хорошо, они даже услышали несколько ворчливых комплиментов и множество просьб о добавке. Мазурка, или полька, или что там играл оркестр Йозефа, звучали без передышки, маскируя тот факт, что общество вовсе не было самым расслабленным и радостным. Стелла и Шон были счастливы, что в итоге все пришли, они словно и не замечали негодования вокруг себя. Они были достаточно просты, чтобы верить: оказалось, что все сегодня желают им счастья. Люси доложила о том, что слышала в дамской комнате: некоторые постараются уйти до того, как начнутся речи. Поэтому Том постарался подтолкнуть их к торту, а группа Йозефа сыграла вступительную торжественную мелодию. И Шон откашлялся:

– Когда моя жена Хелен умерла и умер муж Стеллы Майкл, мы оба думали, что наша жизнь кончена. А потом нам выпал второй шанс. Конечно, по-прежнему не будет. Никто не может заменить Хелен и Майкла, никто и не пытается это сделать, но мы хотим поблагодарить вас за то, что вы пришли к нам в этот день, чтобы порадоваться счастью, которое было у нас в прошлом, и счастьем, которое ждет нас в будущем. И этот день не был бы так хорош для Стеллы и меня, если бы дети и родственники Хелен и Майкла не пришли пожелать нам добра, а потом присоединиться к нам на танцполе.

Все неловко поднялись и что-то пробормотали. Музыканты заиграли медленный вальс и повернулись, чтобы широкими жестами пригласить гостей к танцу. Шон вывел Стеллу на середину зала. В этот момент гостям следовало заплодировать и обменяться теплыми улыбками. Но никто не вышел на танцпол. Стелла попыталась подбодрить их.

– Не надо их просить, не надо! – умоляла Кэти.

Она и не заметила, что говорит вслух.

– Снимай фартук! – приказал Том.

Он уже стащил с себя жилетку с логотипом «Алого пера», которую надел поверх обычной белой футболки. А потом вытащил

Кэти на танцпол. Йозеф и его друзья играли нечто, что вполне могло оказаться «Tennessee Waltz», но теперь перешли к чему-то похожему на «Sailing Along on Moonlight Bay». Кэти никогда прежде не танцевала с Томом. Она и забыла, какой он большой; ее голова не доставала даже до его плеча. Когда она танцевала с Нилом, они выглядели вровень. От Тома пахло мылом.

– Боюсь даже посмотреть, еще кто-нибудь танцует? – пробормотала она ему в грудь.

– Кон и Люси, но, думаю, пора поменять партнеров. – Он внезапно отпустил Кэти и решительно подошел к Мелани О’Брайен. – Итак, Мелани... вы *обещали*, – сказал он ей.

Мелани встала и приняла его руку. Кэти вытащила на середину какого-то краснолицего друга Шона, Джун последовала примеру и заставила подняться сына Стеллы, а Кон и Люси тоже пригласили других. И проделано это было так властно, что никто не смог отказаться. Да, все получилось не сразу, но получилось. Они заставили гостей танцевать. После Том танцевал с невестой. Стелла улыбалась ему:

– Мне просто никогда вас не отблагодарить. Вы все сделали лучше, чем могли бы любые сын и дочь. И я желаю, чтобы вы были благословлены детьми в будущем.

Она посмотрела туда, где Кэти весело танцевала с краснолицым мужчиной. Стелла, как и многие другие, сочла Тома и Кэти парой.

– Кэти замужем за адвокатом, а я... ну... я пока в поиске, – ответил Том.

– Надеюсь, вы найдете кого-нибудь замечательного, – сказала Стелла.

– Надеюсь, я буду так же счастлив, как вы с Шоном... И когда я надумаю жениться, то буду вспоминать сегодняшний день, но теперь я должен вернуть вас ему и заняться работой.

Том раздавал торт, наполнял бокалы и заметил, что вместе с танцами начались и разговоры. Вряд ли это можно было счесть событием, но жуткий холод, леденящее молчание, царившие, когда невеста и жених танцевали в одиночестве, все же прошли. Том глубоко вдохнул от облегчения. Если даже теперь гости начнут уходить, это уже не будет так неприлично. Но конечно, каким-то непонятным образом никто и не делал попытки уйти. Том и Кэти почувствовали,

что им придется увеличить сумму, обещанную Йозефу и его оркестру, поскольку те уже играли на час дольше оговоренного времени. А сами они занимались обычным делом, собирали бумажные салфетки, лишние столовые приборы и кофейные чашки, но, конечно, не пытались отобрать у гостей бокалы. И вскоре гости начали расходиться по домам. Том решил подогнать фургон поближе к кухонной двери отеля. Но тот не заводился. Мотор молчал. Том испробовал все варианты, но безуспешно. Мастерской или гаража не было на расстоянии нескольких миль. Том поспешил к Йозефу и музыкантам, спросить, не отвезут ли они Джун домой.

– У меня сегодня все праздники разом, я поеду домой с музыкой! – восторженно воскликнула Джун.

Кон мог отвезти Люси на своем мотоцикле, и ей очень понравилась эта идея. Мисс Холли маячила в отдалении, наблюдая за их отъездом, восторженно щелкала языком, оглядывая безупречно чистую кухню, благодарила их за то, что подарили ей разную еду, аккуратно упакованную в пищевую пленку и сложенную в холодильник отеля. Том постарался, чтобы невеста и жених ничего не узнали о случившемся. А потом они с Кэти сели в кухне, чтобы выпить наконец вина, в чем оба отчаянно нуждались.

– Вы двое – просто образец всего бизнеса кейтеринга, – одобрительно сказала мисс Холли. – И если вам доведется устраивать еще одну свадьбу, я буду так рада вам помочь, что и сказать не могу...

– Придержите похвалы, мисс Холли, – отозвался Том. – Мы не можем завести фургон, нам придется остаться на ночь у вас. Мне ужасно жаль, такого прежде не случалось...

– Не беспокойтесь, вы в хорошем месте, у меня много свободных комнат. Просто возьмите ключи на стойке в холле.

Это было особенной чертой отеля «Холли» – старомодная стойка с ключами, на которых висели большие разноцветные ярлыки.

– А вы с нами выпьете на ночь, мисс Холли?

– Нет. Я уже слишком переволновалась из-за всего этого, мне нужно поскорее лечь в постель. А вы сидите, сколько захочется, вам незачем спешить, – сказала она и ушла в свою квартиру.

Сидя в кухне отеля, Том и Кэти наконец расслабились. За разговором они открыли еще одну бутылку. Они ведь могли немного

расширить дело, раз у них появилось такое место для проведения свадеб. Они должны попросить Рики все сфотографировать здесь, пока с деревьев не опала листва. Еще они говорили о том, чтобы давать уроки кулинарии по средам днем, о том, чтобы продавать замороженную еду прямо в «Алом пере» или даже через магазины. Том должен был рано утром позвонить в «Хейвордс», чтобы из морозилки достали хлеб, заготовленный на экстренный случай. Как хорошо, что он придумал такую систему!

– А мне нужно позвонить Нилу. – Кэти достала мобильный телефон.

Том сделал было движение, чтобы отойти и не мешать ей, но она махнула рукой, веля ему остаться на месте. Она услышала только голос автоответчика.

– Нил, ты не поверишь, но у нас сломался фургон, и мне придется остаться на ночь в «Холли». Я не знаю, когда мы завтра выберемся, но утром позвоню тебе. Надеюсь, у тебя все в порядке, ты и сам задержался, но полагаю, собрание затянулось. Кстати, свадьба здесь прошла хорошо. Я люблю тебя. Пока.

– Вы оба очень независимы. – Том восхищался тем, как они умели настолько не зависеть друг от друга.

– Это работает, обычно это работает, но сейчас ситуация немного вышла из-под контроля. Он считает, я должна поехать с ним в отпуск.

– Так это хорошо, – сказал Том.

– Я как раз уверена, что нет. Что мы с тобой только что обсуждали? Что нас ждет самое хлопотливое время. Мне хочется, чтобы ты в ближайшее время взял пару дней, но я бы здорово разозлилась, если бы ты действительно решил куда-нибудь отправиться в настоящий отпуск.

– Ладно, не буду, – усмехнулся Том.

– Выпьем еще по стаканчику, а?

– Конечно, а потом будет похмелье, но почему нет?

– Давай возьмем вино с собой наверх.

Они взяли один из ключей с ярлыком и, хихикая, как школьники, открыли дверь номера. Кэти выбрала одну из кроватей, сбросила туфли и легла, глядя на Тома.

– Нам действительно нужен ноутбук, чтобы сразу все записывать. Мы же завтра ничего не вспомним!

– Записывать что? – Том сел на вторую кровать и наполнил бокалы. – Не пролей, Кэти, ты уже очень пьяна.

– В отличие от тебя. Ты трезв как стеклышко! Надо бы записать все идеи насчет уроков по средам, заморозки продуктов и всякое такое.

Она поставила бокал рядом с собой и мгновенно заснула. Как заснул бы двухлетний малыш или маленький щенок. Вот только что она говорила о ноутбуке, а в следующую минуту уже спала. Том укрыл ее стеганым пуховым одеялом. Он подумал о том, чтобы спуститься вниз, взять второй ключ и найти другую комнату. Но они болтали почти четыре часа... Он лег на вторую кровать и через несколько минут тоже заснул.

Уолтер Митчелл спать не мог. Эти глупые близнецы действительно позвонили Кэти Скарлет и сообщили ей, что половина украденного у нее имущества лежит в его садовом сарае. Он просто не мог в это поверить. Мод была там, когда он ее обнаружил. И она болтала что-то насчет того, что Кэти собирается приехать к ним повидаться после свадьбы и посмотреть, нет ли чего еще полезного в том сарае. Бедные Кэти и Том подверглись ужасному нападению грабителей, которые...

– Я вам говорил, чтобы вы никогда не заходили в мой сарай, и вы обещали, что не зайдете, но вы такие вруны, нечего и удивляться, что вы никому не нужны!

– Мы нужны людям, – возразил Саймон.

– Назови хоть одного!

– Матти и его жене, вот им, – заявил Саймон.

– Да они вообще не хотят, чтобы вы оказались где-нибудь поблизости! – возразил Уолтер.

– Хотят, так Кэти говорила. Он даже послал нам пять фунтов на автобус, но они до нас не дошли, – язвительно произнесла Мод. – А Матти возьмет нас на скачки в наш день рождения.

– А вы говорили Кэти, что шарили в моем сарае?

– Я сказала ей, что там есть чаша для пунша, похожая на ее сокровище.

Уолтер побледнел:

– А она что ответила? Говори, маленькая слабоумная, пока я не выбил все из тебя!

Мод испугалась.

– Она ничего не сказала, Уолтер, только что она очень занята и приедет после свадьбы.

– Сейчас же идите в свои комнаты! – приказал Уолтер.

– А что ты собираешься делать? – спросила Мод.

– Уехать из этого дома. Я просто видеть не могу вас, никого из вас, лгуны, доносчики, надоеды! Нечего и удивляться, что вас никто видеть не желает!

– Но...

Они не стали спорить. Но подглядывали и видели, как Уолтер в своей спальне укладывает чемодан, а потом он пошел в сад. Из окна близнецы наблюдали за тем, как он выносит из сарая черные мешки с какими-то вещами, а потом приехало такси, и он погрузил все в багажник. Он действительно собрался уехать. Еще позвонил отец и сказал, что встретил старину Барти и не вернется домой допоздна, а может, и до утра, так что незачем им поднимать тревогу.

– Так ты приедешь домой завтра? – спросил Саймон.

– Вы действительно самые надоедливые дети, каких только я видел за всю свою жизнь, – сказал Кеннет Митчелл и повесил трубку.

– Уолтер прав, – согласился Саймон. – Никому мы не нужны. Вообще никому.

На следующее утро Кеннет Митчелл явился домой на рассвете из клуба старины Барти, где он подремал несколько часов в кресле и чувствовал себя вполне отдохнувшим. На столе в кухне он нашел записку:

Мы уходим из дома. До свидания.

Мод и Саймон

Он позвонил своему брату. Джоку совсем не понравилось, что его разбудили в семь утра.

– Поговори с Нилом и Кэти, они могут знать, – сказал он и бросил трубку.

Нил без удовольствия выслушал запутанную историю.

- А разве не следует позвонить Саре? – предложил он.
- Я подумал, сначала лучше поговорить с родными, – ответил Кеннет.
- Ладно, я сам ей позвоню. А Уолтер знает что-нибудь?
- Он, похоже, здесь и не появлялся, – ответил Кеннет Митчелл.

Бетти дежурила в отеле «Холли». Она не могла нарадоваться тому, в каком виде эти молодые люди все оставили, да еще и наполнили холодильник. Зазвонил телефон, она подошла к нему, чтобы ответить. Для отеля «Холли» было слишком рано. Но это оказался милый молодой Нил Митчелл, он искал свою жену. Похоже, фургон сломался и ей пришлось остаться в отеле на ночь.

– Я-то не могла понять, почему этот большой фургон все еще стоит здесь. Подождите минутку, мистер Митчелл, она, должно быть, в девятом номере. Я вас соединю.

Нил ждал, потом ему ответили.

– Алло! – произнес чей-то голос; это был Том Фезер.

– Алло! – недоуменно повторил Нил. – Это девятый номер?

– Да. А кто это?

У Тома болела голова, он проснулся на час позже, чем собирался, ему нужно было найти автомеханика, починить фургон и вернуться в Дублин. Кто мог ему звонить?

– Я ищу Кэти, – сказали в трубке.

Это оказался Нил. Том сразу окончательно проснулся.

– Боже мой, Нил, нам чертовски не повезло вчера! Фургон просто сдох, как птица додо...

Говоря это, он принялся трясти Кэти, лежавшую на второй кровати.

– Да, я знаю, Кэти оставила сообщение. Где она, кстати? Я вроде звоню в ее номер.

– Она внизу, разбирается с фургоном. Я зашел к ней, чтобы принести ей мобильный, думаю, она собиралась позвонить тебе.

– Я уже звонил на мобильный. Она что, выключила его?

– Нет, наверное, батарейка села, ну... не важно, я скажу ей, чтобы она позвонила тебе по стационарному телефону, в смысле с телефона отеля, ладно? – Том тянул время.

К этому моменту Кэти уже проснулась, села и сообразила, где находится.

– Да, тут у нас небольшой кризис. Мне подождать или ты можешь перевести звонок снова вниз, к портье? – поинтересовался Нил.

– Нет! – вскрикнул Том. – Нет, Нил, подожди! Я вижу, она уже поднимается по лестнице. Кэти, Кэти! – громко закричал он. – Я нашел твой телефон в твоей комнате, но батарейка села! Нил звонит по номеру отеля, скорее, поговори с ним!

Кэти сообразила все куда быстрее, чем того ожидал Том.

– Извини, Нил, я немножко запыхалась, пока бежала наверх... Все в порядке? – (Он быстро рассказал ей обо всем.) – Нил, я где-то в центре страны, транспорта никакого нет, ты не мог бы позвонить Саре?

– А как насчет твоих родителей?

– Они кому-нибудь сообщат, если дети вдруг появятся на Сент-Ярлат-Кресент, но им тоже позвони на всякий случай, пожалуйста, Нил!

– И конечно, Уолтера и близко нет именно тогда, когда он нужен.

– Нил! Нил, я не успела тебе сказать. Думаю, Уолтер был одним из тех вандалов, которые вломились в «Алое перо». Мод кое-что видела в их сарае. Ты должен проверить. Они могли спрятать вещи там. Послушай, я сейчас заряджу свой телефон и потом позвоню тебе, узнать, есть ли новости.

Она повесила трубку. Они с Томом переглянулись.

– Быстро соображаешь, – сказала Кэти.

– Быстро подхватываешь, – похвалил он ее в ответ.

– Вообще-то, такой необходимости не было, ты же знаешь, мы могли просто сказать, что случилось. Нил понял бы.

– Знаю, но так проще, – ответил Том.

– Ты прав. Меньше объяснений. Боже, я ужасно себя чувствую! – воскликнула Кэти и отправилась в ванную комнату. – А выгляжу еще хуже! – взвизгнула она, увидев свое отражение в зеркале.

– А что случилось с детьми? – спросил Том.

– Они сбежали. Из всех трехсот шестидесяти пяти дней они выбрали именно сегодняшний.

Но этот день лишь начинался. Они привели себя в порядок и вылили на себя достаточно воды, чтобы приобрести чуть более

респектабельный вид, а затем открыли дверь номера. В коридоре была Бетти, она принесла поднос с завтраком к молодоженам в двенадцатый номер. Она остановилась и посмотрела на них. Бетти, которая видела Кэти в отеле чуть больше месяца назад, когда та сообщала мужу о своей беременности, была просто потрясена. Мисс Холли сегодня тоже выглядела намного менее сердечной. Должно быть, ей уже доложили.

Это было бесконечное утро переговоров с механиками. Наконец неисправность обнаружили. Кэти позвонила Нилу в юридическую библиотеку.

– Ничего. Сара по-настоящему встревожена. Можешь ей позвонить? Она, судя по всему, хочет поговорить об Уолтере.

– А мама с папой знают? – спросила Кэти.

– Они уже подняли на ноги весь Сент-Ярлат-Кресент, рыщут по кустам вдоль канала.

– Не в самом же деле...

– Нет, но вроде того. Ты в порядке, Кэти? Как-то у тебя голос звучит...

– Нужно очень много сделать.

– Мы сами выбрали свою жизнь, Кэти. Я ведь предлагал тебе отпуск.

– Это мы уже проходили...

– Нет, мы только слегка задели эту тему...

– Нил, я позвоню тебе позже, – сказала она.

Они вернулись в Дублин к середине дня не в том настроении, чтобы выслушивать, как весело было Джун с оркестром или как Люси поругалась с родителями из-за того, что вернулась домой на мотоцикле с мужчиной. У них не нашлось времени для Джеймса Бирна с его разговором о последнем требовании оплаты, или для Ханны Митчелл, желавшей поболтать о письме из Канады, или для Питера Мёрфи, который хотел устроить вечеринку с коктейлями, чтобы позлить Джеральдину. Они не хотели слушать, где Фредди Флинн покупает нынче виллы, или обсуждать Хеллоуин с Шаем и Молли Хейс. Но им пришлось, потому что это касалось работы. Когда день наконец дотащился до вечера, зазвонили два телефона. Кэти посмотрела на Тома большими усталыми глазами.

– Ну почему мне кажется, что это то, что нам не захочется слышать? – спросила она и взяла ближайшую к ней трубку.

– Кэти, не вешай трубку, это Марселла, пожалуйста, попробуй убедить Тома поговорить со мной, пожалуйста!

А Том ответил на звонок Сары, сообщившей, что теперь все взяла в свои руки полиция. Они предполагают, что Мод и Саймон провели ночь где-то на улице и не намерены возвращаться. Все действительно были не на шутку встревожены.

Глава 10. Октябрь

Саймон и Мод обсуждали, не позвонить ли им Матти и его жене Лиззи. Если те действительно послали им пять фунтов, которые потерялись, то, может быть, они не так враждебны, как все остальные.

К телефону подошла Лиззи. Она уклончиво ответила о том, где находится Матти: он уехал на день или два. Это сбивало с толку. Матти никогда никуда не уезжал. А как насчет дня рождения?

– Он не отказывается говорить с нами или еще что-то? – спросила Мод.

– Детки, да разве вы не самые чудесные существа, с чего бы ему так делать? – ответила Лиззи.

Это прозвучало утешающе. Но это не было ни «да», ни «нет».

Саймон поблагодарил ее за пять фунтов:

– Это было так хорошо с вашей стороны, это многое изменило.

Лиззи сказала, что они, наверное, думают о ком-то другом. Они с Матти не посылали никаких пятерок. Близнецы объяснили, что деньги потерялись на почте, а Кэти дала им другие из своего кошелька.

– А-а-а, это, должно быть, какая-то ошибка.

– Извини, Лиззи, – вежливо произнес Саймон. – А ты знаешь, когда Матти вернется?

Она как будто насторожилась.

– Трудно сказать, думаю, через день или два.

– Она врет, – заявила потом Мод.

– Матти никогда никуда не ездит...

– Только на скачки.

Матти Скарлет провел ночь в больнице... Весьма неловкое явление в его особых местах было исследовано молодыми докторами, и в него вставили такое, о чем и сказать невозможно. Ему хотелось, чтобы это не обсуждалось и никто об этом не узнал. Лиззи строго-настрого было приказано говорить, что он уехал по делам. А когда он вернулся домой, то узнал, что вокруг разразился настоящий ад. Близнецы исчезли. Сара, их социальный работник, сходила с ума и допрашивала Лиззи. Бедняжка Лиззи пересказала разговор с близнецами до последнего словечка.

– Я не знала, что они о чем-то таком думали... Как я могла их склонить к такому? Они всегда говорили, что у них все хорошо. Я думала, им просто надоело к нам приезжать... Они совсем не казались расстроенными, болтали обычную ерунду, благодарили меня за деньги, которых мы им не посылали...

Это был бесконечный день, то и дело приходили какие-то люди, без особой пользы изучали записку, оставленную в собачьей конуре:

Мы взяли Грохота с собой.

Но это было весьма туманное короткое сообщение, ни о чем не говорившее, даже не намекавшее на то, куда дети отправились. Поиск во всех возможных местах ни к чему не привел, школьные друзья ничем не помогли. Кеннет собрался с силами, но с каждым произнесенным словом выдавал, как мало он знал вообще о жизни в «Буках». И нигде не было никаких следов Уолтера. Он не показывался на работе, так что, возможно, близнецы были с ним. Кей, протрезвевшая от страха из-за шума, поднявшегося в доме, говорила, что Уолтер уехал раньше, в такси, с большим количеством черных мешков. Но поскольку ее нельзя было считать надежным свидетелем, никто не обратил особого внимания на эти слова. К тому времени уже вызвали полицию. Мод и Саймон были официально объявлены пропавшими. Матти привлек к делу многих своих коллег, которые заявили, что готовы помочь в поиске детей, ведь те, скорее всего, должны были быть где-нибудь неподалеку от Сент-Ярлат-Кресент примерно после десяти часов, когда Лиззи ложилась спать. Соседи, знавшие близнецов, тоже включились в поиски. Каждый раз, когда звонил телефон, все на Сент-Ярлат-Кресент вздрагивали. Но на этот раз позвонила Кэти – она ехала к ним. Впервые за этот день Матти слегка расслабился. Кэти со всем разберется.

– Я должна туда поехать, – решила Кэти.

– Так и поезжай, возьми фургон.

– А ты позвонишь Марселле? – слишком уж небрежно спросила она.

– Что? – Том явно был поражен.

– Я записала ее телефон вот здесь, она ждет твоего звонка.

– Спасибо, я как-нибудь обойдусь.

– Она плакала, Том, и я сказала, что постараюсь...

– И ты постаралась. – Том держался холодно.

– Но нельзя же, чтобы она стояла в телефонной будке и ждала твоего звонка! – умоляла Кэти.

– Спасибо, Кэти, бери ключи, и хватит беспокоиться. Эти детки появятся с какими-нибудь фантастическими объяснениями.

– Том, она в Лондоне, на улице, и заслуживает большего, чем это...

Том отвернулся. Кэти сама набрала номер.

– Том! – Волнение в голосе Марселлы было почти невыносимым.

– Нет, Марселла, прости, это снова Кэти. Я сказала ему, но он не будет тебе звонить. Нет, я не знаю почему, но мне не хочется, чтобы ты там стояла и ждала.

Последовало молчание.

– Но почему он не может просто поговорить? – всхлипнула наконец Марселла.

– Мне очень жаль. – Кэти повесила трубку и вышла, даже не взглянув на Тома.

– Это я виновата! Я была так резка с бедной маленькой Мод! – плакала Кэти за кухонным столом. – Я все твердила: «Поскорее!» и «Если ты все уже сказала, Мод»...

Все были поражены. Они же знали, что Кэти тут ни при чем. Лиззи, Джеральдина, Матти и Сара беспомощно переглядывались.

– А самое ужасное в том, что она была так добра, она старалась добыть для меня чашу для пунша из сарая и даже не понимала, что та украдена этим мелким куском дерьма, ее братцем...

– Саймоном? – ничего не понимая, спросил Матти.

– Нет, Уолтером. Полагаю, он набил сарай всем тем, что украл в «Алом пере»...

Сара бросила на нее резкий взгляд:

– Ты думаешь, ваш грабитель – Уолтер?

– Да, это должен быть он. Может, он имеет какое-то отношение к бегству детей, – тревожно ответила Кэти.

– Ты кому-нибудь об этом сообщила?

– Нет, я только вчера или позавчера об этом услышала, но была по горло занята той свадьбой за городом...

Сара, похоже, сочла это странным.

– Но если ты так подумала, то наверняка сказала Нилу?

Кэти не заметила неодобрительного тона Сары.

– Ты вроде говорила, что Уолтер уехал из «Буков»?

– Да, его мать думает, он уехал на такси прошлой ночью и увез много мешков, – с некоторым сомнением ответила Сара.

И тут вдруг Сара и Кэти уставились друг на друга, когда подтекст всего стал ясен. Сара достала свой мобильник и снова позвонила в полицию.

В «Буках» Кеннет и Кей ждали приезда полицейских. Новостей не было, но полиции понадобилось заглянуть в садовый сарай и в спальню мистера Уолтера Митчелла. Они сказали, что вскоре к ним присоединится мисс Кэти Скарлет.

– А ей что нужно? – спросил Кеннет.

– Она дочь той пары, в чей дом заходили прошлой ночью близнецы, чтобы забрать свою собаку.

– У них нет собаки, – сказала Кей.

– Они думают, что есть, мадам, и к тому же мисс Скарлет замужем за вашим племянником, так что ее следует считать членом семьи. Уверен, ее муж тоже вскоре приедет.

– Ха! – буркнул Кеннет.

– Мистер Нил Митчелл – адвокат, сэр. Если вы имеете какие-то возражения против того, чтобы мы осмотрели дом, пожалуйста, сообщите об этом сейчас.

– А что вы будете делать, если я стану возражать? – поинтересовался Кеннет.

– Мы получим ордер на обыск, – просто ответил молодой полицейский.

– Я не утверждаю, что именно он украл все, я лишь говорю, что это очень странное совпадение, – сказала Кэти Нилу, когда они ехали в «Буки».

– Мы должны быть очень осторожны и не спешить с обвинениями, – предостерег ее Нил. – Папа говорил, что Уолтер унес с

работы компьютер и до сих пор не вернул, так что, похоже, ты права, но...

– А твоя пьяная тетушка думает, что видела, как он уезжает со множеством черных мешков на такси прошлой ночью...

– Знаю. Но если он все это взял, Кэти, тут не будет никакого снисхождения, ты понимаешь?

– Нет, я тебе не верю. В итоге ты заявишь, что он был жертвой, что он заслуживает нашего сочувствия.

– Что я такого сделал, милая? Почему ты нападаешь на меня? – обиженно спросил Нил.

– Не знаю, Нил, я действительно не знаю. Мне хочется убить Уолтера, убить собственными руками. Если бы я была чуть более терпеливой, эти глупые дети не сбежали бы.

– Ты слишком много работала. У тебя просто не было времени, – напомнил Нил.

– Нет, Нил, я просто не нашла времени, а это другое дело.

– Но у меня для тебя сюрприз. Я не собирался говорить раньше, но теперь, думаю, ты должна узнать.

– Сюрприз? – Кэти настороженно посмотрела на него.

– Ты действительно очень устала, милая. Я поговорил об этом с Томом. Он сказал, что может обойтись без тебя, и я забронировал нам поездку в Марокко на неделю.

Он ждал, что Кэти выразит удовольствие, но был разочарован.

– Нил, это так мило с твоей стороны, но – нет.

– Она уже забронирована! – воскликнул он.

– Я даже думать не могу ни о чем, кроме пропажи детей, и я, вообще-то, совсем не хочу куда-то ехать, мы слишком заняты.

– Но Том сказал...

– Том – добрый человек. Он говорит то, что, как ему кажется, люди хотят от него услышать. По большей части, – добавила она, вспомнив о рыданиях Марселлы по телефону. – Нил, можем мы поговорить об этом в другой раз?

– Когда тебе покажется, что ты хочешь отдохнуть, – раздраженно ответил Нил.

– Ну, не сейчас, когда мы ходим с ума из-за Саймона и Мод.

– И не в другое время, Кэти. В последние дни у тебя вообще нет времени для разговора, да и возможности такой нет.

– Не понимаю, о чем ты.

Лицо Нила стало жестким.

– Если я заговариваю о выкидыше, то говорю не то и расстраиваю тебя. Если молчу, то слишком холоден и бесчувствен, потому что забыл о нем.

– Ничего подобного.

– Но так оно выглядит с моей стороны. А когда я что-то делаю, пытаюсь увезти нас обоих отсюда ради короткого покоя...

– Поездка в Марокко не ради покоя, а для того, чтобы посмотреть, понравится ли мне Африка...

– Ох, замолчи, Кэти! Это тебе не к лицу. Если бы я предложил отпуск на острове Мэн, ты бы точно так же отказалась. – На лице Нила появилось выражение, совершенно незнакомое Кэти. Он был очень, очень разгневан.

– Я была бы бесконечно рада отправиться в отпуск, – медленно начала она, – но только если мы это обсудим вместе, а не тогда, когда ты сообщаешь, что уже заказал нечто...

– Не беспокойся, отпуск с тобой – последнее, что сейчас у меня на уме, – сказал Нил, и они доехали до «Буков» в молчании.

Полицейские обыскали сарай, чашу для пунша не нашли, но там было множество других вещей, и они попросили Кэти взглянуть на них. Сначала ей показалось, что среди них нет ничего, принадлежащего «Алому перу», а потом она увидела несколько лопаточек и вилок для салата и льняную скатерть.

– Эти лопаточки и вилки для салата – подарок родителей Нила на прошлое Рождество, а на скатерти наш номер из прачечной, – произнесла она тихо, без выражения.

Нил хмуро кивнул. Полицейские казались полностью убежденными. Это позволит арестовать Уолтера, когда его найдут.

Отец Нила заявил полиции о пропаже компьютера:

– И я хочу, чтобы вы знали: племянник он мне или нет, мы намерены дать ход делу.

Они кивнули.

– У вас есть какие-нибудь догадки насчет того, зачем он мог забрать детей, сэр?

Полицейские уже давно решили, что нет смысла разговаривать с родителями близнецов. Они возлагали серьезные надежды на Джока Митчелла, который выглядел нормальным человеком и прекрасно понимал, что двое девятилеток оставили записку и исчезли из дома.

– Я совершенно этого не понимаю, – ответил Джок Митчелл. – Уолтер вообще никогда о них не упоминал, а если я сам спрашивал, то отвечал неопределенно, как будто действительно ничего не знает.

– Он даже не замечал, что они в доме, – сказала Кэти. – Никогда никуда не брал их с собой, это я знаю совершенно точно. А сбежал, так как решил, что мы его поймали.

– Но слишком уж много совпадений, что они исчезли в один и тот же день, – возразил Нил.

– Нил, ты никогда его не слушал. Клянусь, они ничего для него не значат! Он не похищал их, не брал в заложники или что-то в этом роде.

– Послушайте... – неодобрительно произнес Кеннет, словно весь этот разговор зашел слишком далеко.

Все посмотрели на него, ожидая, что он собирается сказать. Но он не сказал ничего.

– Извините, – наконец пробормотал он.

– Они могут все еще быть где-нибудь неподалеку, – с надеждой предположил Джок.

– Но кому бы они позвонили? – спросила Кэти. – Вот что меня угнетает сильнее всего. Они ведь звонили всем, и никто их не слушал!

– Они могут быть где угодно! – стонал Матти.

– Им всего девять, люди заметят двоих детей с собакой и начнут расспрашивать. А они особенные, полицейские быстро их найдут! – изо всех сил старалась успокоить их Джеральдина.

– Нет, полицейские понятия не имеют, где они, и все просят нас подумать о возможных местах и известных приятелях, а мы ничего не знаем об их жизни... Бедные малыши! Почему они не могли оставить их здесь, вместо того чтобы тащить в «Буки»?

– Они должны были туда вернуться, – сказала Лиззи, поскольку верила в это.

– Но разве им там действительно было хорошо? – язвительно произнес Матти. – С ними так обращались, что все закончилось их

побегом. Они прибежали сюда посреди ночи, забрали Грохота и отправились бог знает куда!

– Ты помнишь, какими они были на свадьбе Мэриан? Они так гордились собой! – воскликнула Лиззи.

– А их речи! – Матти шумно высморкался.

– Ох, но они же не умерли, черт побери! – заявила Джеральдина. – Всерьез говорю, Лиззи, держи себя в руках, эти двое могут о себе позаботиться!

– Нет, не могут, они просто маленькие дети! – возразила Лиззи.

– Где бы они сейчас ни были, они сильно напуганы, – сказал Матти.

Том не находил себе места. Он не мог ни на что решиться. Мысль о том, что Марселла плачет в телефонной будке на лондонской улице, не покидала его. Он был прав, не захотев разговаривать с ней; сказать ему нечего, возможен лишь постоянный спор, не приводящий ни к чему. Но ему хотелось, чтобы она не звонила. Она, должно быть, в отчаянии, раз уж призналась в том Кэти. Марселла всегда стремилась сохранять образ уверенной в себе женщины. Но если бы он сам снял трубку, что-то изменилось бы? Возможно, он сумел бы сказать обычным голосом, что ему слишком больно говорить о том, что нельзя изменить. Тогда, может быть, она не осталась бы плакать в телефонной будке. Он не мог сосредоточиться ни на чем, кроме этой картины. И решил пойти повидать своих родителей.

Джей Ти и Маура Фезер сидели за кухонным столом и играли в бридж втроем с Джо. Брат выглядел так, словно на него рухнула стена, его левый глаз был закрыт, губа вздулась, часть головы была выбрита там, где накладывали швы.

– Боже! – выдохнул Том.

– Разве не ужасно? – произнесла Маура Фезер. – Бедный Джо налетел на стену, давая задний ход, и только прямое вмешательство Господа спасло его от серьезных травм.

Том присмотрелся к ранам, явно не имевшим отношения к заднему ходу.

– Это была крепкая стена? – спросил он.

– Да, точно, – кивнул Джо, морщась от боли.

– И что теперь? – спросил Том.

– Счета будут оплачены, – удовлетворенно произнес Джо.

– Но какой ценой? – Том с сочувствием посмотрел на травмы брата.

– Если подумать, никакой.

И Том понял, что Джо из тех бизнесменов, которые куда сильнее страдают от обмана, чем от кулачного боя. Его репутация восстановлена, и для Джо это важнее, чем какие-то травмы. Его отец нахмурился, словно разговор следовало направить в другое русло. Поэтому Том рассказал им о побеге близнецов и о том, что никто не представляет, где начинать поиски.

– Те двое вполне могут сами за себя отвечать, когда сочтут нужным, разве они не Митчеллы? – фыркнула Маура.

– Я беспокоюсь за них, ма. Они очень необычные, странные дети, они все понимают буквально, с ними что угодно может случиться.

– А скажи-ка мне, Марселла все еще в отпуске в Лондоне? – поинтересовалась Маура.

– Это не отпуск, ма. Я же говорил тебе, она получила там контракт, хочет стать манекенщицей, так что ради этого ей приходится оставаться в Лондоне.

– А у нее там хорошо идут дела? – благодушно спросил Джей Ти Фезер.

– Думаю, да, па, я слышал, у нее успех.

– Забавно, – произнес Джо. – Я слышал нечто прямо противоположное.

– Ни слова? – спросил Том.

Кэти покачала головой:

– Нет, и они две ночи невесть где, одни. Это серьезно, к тому же все считают, что к этому имеет какое-то отношение Уолтер, а это полная ерунда.

– Они бы только помешали ему, – согласился Том.

– И еще черт знает как плохо, что они все понимают буквально. Они вроде как думали, что я приеду к ним вечером после свадьбы. Говоря «после свадьбы», я не имела в виду тот самый день.

– А Матти мог сказать что-нибудь такое, что расстроило бы их?

– Нет. Он был так смущен, что ему пришлось поехать в больницу из-за простаты. Он вообще ни с кем не разговаривал несколько дней.

Они обдумали все, что только могли вспомнить. Может, детей пригласили куда-нибудь танцевать, может, имелся какой-то школьный проект... или они отправились на поиски другой чаши для пунша? Эти дети были такими необычными, они могли и улететь в Чикаго. Говоря о близнецах, Том и Кэти разделяли цыплят и готовили соусы. Они не упоминали о поисках человека, укравшего их вещи и разгромившего компанию. И тем более о неловкости той ситуации, когда они провели ночь в одном номере, пусть даже вполне невинно. И как раз потому, что о той ночи не упоминалось, она, казалось, приобретала все большее значение. Тот факт, что Том солгал Нилу по телефону. Понимание того, что их видели и совершенно неправильно поняли в отеле. Все стало бы гораздо проще, они могли бы посмеяться над этим, но из-за детей они упустили момент, а теперь поздно было к этому возвращаться.

Друг Уолтера Дерек, имевший спортивный автомобиль, не позволил ему остаться.

– От тебя слишком много неприятностей, Уолтер, а теперь ты еще говоришь, что тебя ищут, я не могу допустить, чтобы какие-то полицейские совали нос в эту квартиру.

Конечно, они ведь легко могли найти здесь кокаин, если бы явились, и черные мешки с вещами из сарая в «Буках».

– А могу я оставить вещи?

– Нет, не можешь... Вези их на рынок, – посоветовал Дерек. – Ты можешь моментально все продать.

– За гроши.

– Ну, так возьми эти гроши и поставь их на какую-нибудь лошадь, тогда будешь вне подозрений, – сказал Дерек, которому хотелось, чтобы Уолтер Митчелл очутился за много миль от него.

Сара прилагала отчаянные усилия, чтобы найти детей. Она снова и снова перечитывала свои заметки в надежде найти подсказку. Она заехала в Уотервью, чтобы спросить Нила и Кэти, что интересовало близнецов.

– Ну... они любили ту собаку, потому и пришли, чтобы забрать ее, – сказала Кэти.

– А когда они бывали здесь, то что делали вечерами?

– Мы обычно немного помогали им с домашним заданием, и им нравилось выпиливать лобзиком... Я ничего больше не знаю, а ты, Нил?

– Вообще-то, нет, они только постоянно задавали вопросы... Сколько ты зарабатываешь, как часто вы спите вместе...

– Сара, но ведь их не могли убить или что-нибудь в этом роде? – Кэти была крайне встревожена.

– Она просто переутомилась, – сказал Нил. – Кэти, честно, ты не можешь продолжать так!

– Нет, конечно нет, – согласилась Сара, но ее голос дрогнул.

Глаза Кэти наполнились слезами, она неожиданно наклонилась к Саре и погладила ее по руке.

– С ними все будет в порядке, эти двое умеют выживать, – утешила она побледневшую социальную работницу.

– Ладно, порадитесь отпуску, – сказала Сара.

– Отпуску?

Нил быстро вмешался:

– Мы пока его отложили.

Кэти почувствовала раздражение. Он не должен был ничего говорить Саре об этом отпуске, словно все было решено до того, как он поговорил с ней. Сейчас это было не важно, но все-таки очень, очень раздражало.

Джеральдина не могла взяться за работу, потому что думала о близнецах. У нее было два важных дела, да еще и предстояло свидание с Ником Райаном... Но в памяти вставали странные, встревоженные, бледные лица этих детей. Они выглядели такими забавными в ее квартире на второй день свадьбы, они выходили на «бис», так как думали, что от них этого ждут. Джеральдина теперь подбадривала остальных, посмеивалась над тем, что они боялись худшего. Но она и сама беспокоилась. Двое необычных, наивных детей, а ведь приходится то и дело слышать о разных ужасах... Каждый день в газетах сообщают о каких-то кошмарах. Джеральдина решительно встряхнулась. Она имела правило: не позволять себе думать о подобном. Когда можешь, ты должна яростно сосредоточиться на работе, а если это не помогает, с такой же силой сосредоточься на сексе и общественной жизни. Они с Ником Райаном планировали

провести вместе вечер, а это предполагало, что он останется в Гленстаре. Они оба это знали, хотя ни один не упомянул об этом. То был тщательно продуманный ритуал, связанный с трудностью найти место, где они с удовольствием пообедали бы после театра... И вообще проблем хватало. Найти место для парковки, вести машину после пары бокалов вина, шум чужой болтовни за соседними столиками, когда вы пытаетесь поговорить... Наверное, они могли бы взять с собой в квартиру Джеральдины немного копченого лосося... И в самом деле, неплохая идея. И еще у нее в морозилке лежало немного изумительного хлеба Тома Фезера. А Нику, пожалуй, понравится принести бутылку вина. И нужно ли будет Нику уйти в какое-то определенное время после еды? Нет, это его собственная ночь, и ее собственная, и их обоих. Все условлено. Дело пошло.

Матти скорее просто по привычке пошел в букмекерскую контору Сэнди Кина.

– Что-то сегодня у меня нет желания делать ставку, я слишком рассеян, – сказал он.

– Как хочешь, Матти, но ты вчера неплохо выиграл, – серьезно ответил Сэнди.

– Вчера? Я не делал вчера ставок, я был занят, – возразил Матти.

– Ставка на Интернет Дрим.

– Никогда о такой не слышал, – пожал плечами Матти.

– Ну, ты выиграл семьдесят фунтов вчера утром, что неплохо для лошади, о которой никто никогда не слышал, – сообщил Сэнди.

– Похоже, один из нас выжил из ума, я и близко отсюда вчера не был.

– Я знаю, Матти, они мне сказали.

– Кто сказал?

– Близнецы, – ответил Сэнди.

– Ох, боже, когда?

– Первый забег в Уинкантионе, – сообщил Сэнди.

– Можно от тебя позвонить? Мне нужно сообщить полицейским.

– Ты собираешься привести сюда полицейских и сказать им, что я принимаю ставки по мелочам? Где твоя голова, Матти?

– На это им наплевать.

– Черта с два наплевать!

– Нет, Сэнди... – Матти уже начал набирать номер. – Ты не понимаешь. Полиция везде ищет этих детей. Они уже два дня как пропали!

Но это не слишком продвинуло их вперед. Просто стало ясно, что дети находились где-то поблизости от Сент-Ярлат-Кресент всю ночь, вместе с собакой, до открытия букмекерской конторы.

– Мне стало немножко лучше оттого, что они получили семьдесят фунтов вместо простуды, – сказала Кэти.

– Но это не значит, что они и дальше могут отсутствовать, хотя теперь им не придется возвращаться домой просто от отчаяния, – заявил Матти, кусая губу.

Поиски велись больше вокруг Сент-Ярлат-Кресент, чем вокруг «Буков». Ведь именно здесь дети были счастливы, здесь они забрали Грохота и оставили последнюю записку. Лиззи перебирала фотографии Мод и Саймона. Полицейские попросили самые последние снимки, которые они могли бы использовать, если к завтрашнему дню не будет никаких новостей. Они явно отказались от намерения добиться чего-то полезного от Кеннета и Кей. Лиззи достала большую коробку со множеством чудесных фото со свадьбы Мэриан. Но может быть, больше пригодится тот снимок, на котором близнецы были вместе с Грохотом? Она не должна позволять себе думать, что с детьми что-то случилось. Это же Ирландия, а не какое-нибудь опасное место; ничего не может произойти с ними здесь.

– Я хочу сказать, никто ведь не сделает что-то с детьми, нет? – со страхом спрашивала она полицейского, показывая ему прекрасное фото Мод и Саймона в килтах перед церковью.

Полицейский посмотрел на два серьезных маленьких личика и откашлялся. Он ненавидел случаи, связанные с детьми.

– Нам приходится надеяться, миссис Скарлет.

По выражению его лица Лиззи поняла, что есть возможность и не слишком хорошего конца, и по ее щекам снова потекли слезы.

– Понимаете, нужно хорошенько их узнать, чтобы понять, что они немножко странные, не совсем от мира сего. У них просто возникает какая-то идея, и они готовы следовать за ней куда угодно.

– А они могут довериться незнакомому человеку, как вы думаете? – Здоровенный полицейский подал Лиззи бумажный носовой платок.

– Конечно могут. Они бы пошли за Джеком-потрошителем, если бы он явился к ним с каким-нибудь планом! – Лиззи уронила голову на стол и громко зарыдала.

Матти подошел к ней и неловко похлопал по плечу:

– Если бы мы представляли, какая безумная мысль может прийти в их маленькие головы в тот момент, когда они сорвались с места, то моментально бы их нашли. – Он снова покачал головой.

По всему Дублину люди старались сообразить, что могли придумать дети. Но безрезультатно. Мод и Саймон, надолго предоставленные самим себе в некоей странной, беспокойной и переменчивой жизни, придумали собственный маленький мир, куда никто не мог за ними последовать.

– Знаешь, а когда мы их найдем, все окажется слишком очевидным, – сказала Кэти Нилу.

– *Если* мы их найдем, – ответил он.

– Да ладно, ты же не всерьез! Зачем говорить такие ужасные вещи?

– Я только повторяю то, что говорят полицейские. Им все это очень не нравится, – ответил Нил.

Близнецы понятия не имели, какой из-за них поднялся шум. Для них все было чрезвычайно просто. Матти обещал взять Мод и Саймона на скачки в их день рождения. Чтобы они слышали настоящий грохот копыт. Он именно туда и уехал, а его жена Лиззи просто не хотела в этом признаваться. И они составили собственный план. Они отправятся на ипподром и найдут Матти. Они прямо спросят его, за что он на них рассердился. У них было пять фунтов и восемьдесят три пенса. Это куча денег, но хватит ли их для того, чтобы оказаться за сотню миль отсюда, в графстве Килкенни? Они всю ночь обсуждали это. Кто стал бы им возражать? Отец куда-то отправился со старинной Барти, мать в эти дни совсем не выходила из спальни, а Уолтер уехал из дома. Они взяли по пластиковому мешку с ручками и положили туда запасную обувь, большой свитер, пижаму, банку джема, буханку хлеба и два ломтика ветчины. Потом последовала оживленная

дискуссия насчет мыла. Саймон полагал, что, куда бы они ни пришли, мыло там найдется. Мод сказала, что, раз уж они собираются ночевать в сараях и амбарах, а то и в поле, глупо думать, что в таких местах будет мыло. И они взяли небольшой кусок на всякий случай. Потом, вскоре после рассвета, когда пришел первый автобус, близнецы перекусили своими запасами и отправились на Сент-Ярлат-Кресент. Они не собирались уходить без Грохота.

Но пяти фунтов не хватило бы на дорогу до Килкенни.

– Что люди делают, когда им очень нужны деньги? – гадала Мод.

– Они зарабатывают, или воруют, или выигрывают в лотерею.

– Лотереи не будет до субботы, – возразила Мод.

– А есть еще офис Матти, – сообразил Саймон.

После этого все было просто. Они долго изучали газету, прежде чем туда войти, и записали решение на листке бумаги. Мистер Кин хорошо их знал.

– Все проказничаете? – спросил он, как всегда.

Они ответили, что так оно и есть, и сделали ставку. Два фунта на победу лошади по кличке Интернет Дрим.

– Ради вас я нарушаю все правила, – сказал мистер Кин. – Я впустил в свою контору малолеток, да еще и нечто четвероногое.

– Матти попросил нас поставить за него.

– А где он сам, этот парень, он и вчера не приходил.

Они были готовы и к этому вопросу. Они не могли сказать, что он уехал на скачки в Килкенни, ведь в таком случае он сам бы делал ставки там.

– Ему нужно сегодня сделать кучу утомительных дел для его жены Лиззи, вот он и попросил поставить за него, – ответил Саймон.

Сэнди Кин кивнул; все выглядело вполне разумным.

– А можем мы здесь подождать, чтобы отнести ему выигрыш? – вежливо спросила Мод.

– А вы не против подождать снаружи? Честно говоря, вы слишком малы, чтобы вас увидели здесь.

– Снаружи холодно, мистер Кин.

– Ладно, но сядьте где-нибудь в сторонке, не на виду.

Они сидели тихо как мыши до самых скачек. Интернет Дрим победила тридцать пять к одному, и у них теперь были деньги, чтобы добраться до Килкенни. Грохоту понравилось ехать на поезде; он

быстро познакомился с несколькими пассажирами, положив голову им на колени, и людям, похоже, это понравилось.

– А что нам делать, если он захочет пи-пи? – прошептала Мод.

– А что другие люди делают со своими собаками в поездах? – так же шепотом произнес Саймон.

Они огляделись вокруг. Ни у кого больше собак не было.

– Может, он знает, что в поезде это нельзя, – оптимистично предположила Мод.

Но тут Грохот увидел красивый кожаный портфель и уже собирался поднять над ним лапу. Саймон и Мод в ужасе вскочили и бросились к владельцу портфеля, читавшему газету.

– Вы не могли бы его забрать? Он думает, что это фонарный столб.

– Да уж, легко перепутать, – сказал мужчина.

– А куда его отвести? – спросил Саймон. – Я же не могу держать его над окном.

– Вон туда, где соединяются два вагона, и будьте повнимательнее, – посоветовал пассажир.

Вернувшись обратно, близнецы сели рядом с ним, чтобы поговорить, раз уж он был так мил, и рассказали, что направляются на скачки.

– А вы не слишком молоды, чтобы путешествовать в одиночку? – спросил мужчина.

– Ну конечно, нас там встретит взрослый человек, – ответил Саймон.

– Это ваш папа?

– Да, – кивнул Саймон.

– Нет, – одновременно сказала Мод.

– Ну... на самом деле он вроде приемного отца, опекун, – добавил Саймон.

– А у него есть какие-нибудь подсказки на сегодняшний день?

– Нет, но он все утро изучал... – пояснила Мод.

– Отлично. Это важно для удачи.

– А нам сегодня уже повезло, мы поставили на Интернет Дрим, – с гордостью сообщил Саймон.

Мужчина посмотрел на него со вспыхнувшим вдруг интересом:

– Вот как? И с каким счетом?

– Тридцать пять к одному, – ответила Мод.

– Ну, пожалуй, мне стоит держаться вас. А как вы Интернет Дрим выбрали?

– Имя понравилось, – произнес Саймон так, словно это было совершенно очевидно.

– И кто сделал за вас ставку?

– Мы сами.

– Боже мой, я определенно буду держаться рядом с вами, вы можете ставить за меня, – заявил мужчина и сказал, что его зовут Джим, хотя друзья называют его Джимом Неудачником, и что он возьмет такси до ипподрома и, если они хотят, может их подвезти.

– Большое спасибо, мистер Неудачник, – сказала Мод. – Но вы же знаете, все эти дела насчет того, чтобы не садиться в машину с незнакомыми людьми...

– И мы думаем, что до ипподрома идет автобус, – добавил Саймон.

– Может, Неудачник поедет с нами на автобусе? – Мод не хотелось расставаться с этим человеком, он мог им понадобиться в поисках Матти.

– Вряд ли его зовут Неудачник, мне кажется, он Джим, – прошептал Саймон.

– И какое же правильное? – Мод желала точности.

– Мне кажется, в день состязаний лучше будет ДЖИМ, – в некотором замешательстве ответил мужчина.

Джим Неудачник сел вместе с ними в автобус до ипподрома.

– А где вы встречаетесь с вашим отцом? – спросил он.

– Отцом? – встревожилась Мод.

– Матти, – прошипел ей на ухо Саймон.

– А-а-а, где-нибудь там, он будет нас искать.

Они сообразили, что нужно как-то отстать от Джима Неудачника. Он задавал вопросы, на которые трудно было ответить.

– Наверное, нам сначала нужно немножко погулять с Грохотом, прежде чем туда идти, – объяснила Мод.

– На тот случай, если он попытается пописать еще в чей-нибудь портфель, – добавил Саймон.

– У вас есть деньги на входной билет? – спросил Джим.

– Конечно есть, у нас целое состояние, – сказала Мод.

– Вы очень хорошая компания. Может, вы позволите мне купить вам что-нибудь выпить после третьего забега? В баре рядом с тотализатором? И вашему отцу тоже, если вы с ним встретитесь.

– Конечно, – произнес Саймон так, словно в свои девять лет они вполне привыкли к поездкам на поезде на восточное побережье Ирландии и приглашениям выпить в баре рядом с тотализатором.

Саймон и Мод везде искали Матти, но безуспешно. Они заглянули в бары, постояли у финишного столба во время одного из забегов, подошли к тому месту, где лошадей выхаживали после состязания. Если Матти вообще был здесь, то нашелся бы в одном из этих мест. После третьего забега они отправились на встречу с Джимом Неудачником.

– Что-нибудь выиграли? – спросили они.

– А как вы думаете? Я тут в зависимости от вас.

– А мы еще не изучали программу, – сказала Мод.

– А как насчет вашего папы, ему повезло?

– Вообще-то, нет, – ответил Саймон.

Они с Мод решили притвориться, будто нашли Матти. Людям не понравится, если они подумают, что дети здесь одни и потерялись или еще что-то. Пусть лучше считают, что за ними кто-то присматривает.

– И где он сейчас?

– Сказал, что, наверное, заглянет сюда.

– А на кого бы вы поставили в следующий раз? – поинтересовался Джим.

– Мы, вообще-то, в этом не разбираемся, Джим, – призналась Мод.

– Ну, вы не сделаете хуже, чем уже есть.

Они внимательно просмотрели программу бегов.

– Лаки Чайлд, – предложила Мод.

Джим какое-то время смотрел на кличку:

– Не слишком обнадеживает, судя по всему.

– Посмотрите на вес, и он неплохо прошел в прошлый раз.

Матти научил их видеть важные признаки.

– Ты права, поставлю пятьдесят, – решил Джим Неудачник.

Мод и Саймон пожелали, чтобы Лаки Чайлд победил. Он был на волосок от проигрыша, но победил.

– Слава богу! – искренне воскликнула Мод.

– А это очень просто, ведь так? Интересно, почему отец, и старина Барти, и люди, у которых трудности с деньгами, не делают это постоянно? – спросил Саймон.

– Думаю, они как раз и делают это постоянно, потому у них и трудности с деньгами, – ответила Мод.

– Может, ты и права.

– Все равно жаль, что мы сами не поставили десять фунтов на Лаки Чайлда, мы ведь много могли выиграть!

– А если бы не выиграли, то оказались бы в беде, – возразил Саймон, который до сих пор не имел представления, где им устроиться на ночь.

Джим Неудачник искал местечко, где мог бы поделиться с близнецами самым большим выигрышем в его жизни. Они были такими необычными малышами, таскали за собой собаку, относились ко всему так серьезно и носили набитые чем-то пластиковые мешки... Ему хотелось бы снова с ними встретиться, и не только для того, чтобы еще раз показать им программу бегов. Такие, кто был способен угадать в один и тот же день Интернет Дрим и Лаки Чайлд, редко встречаются на этой земле. А потом он сообразил, что даже не знает, как их зовут.

– Очень многие не приходят в первый день состязаний, а только на второй, – рассудительно заметил Саймон.

– А Матти говорил, на какой день он собирается нас взять? – Мод устала и немножко беспокоилась из-за предстоящей ночи.

– Не говорил, но, если его нет сегодня, он придет завтра.

– Ладно, и что ты думаешь, нам лучше остаться на ночь здесь, на ипподроме? Это нам сэкономит деньги для завтрашних билетов.

– Нет, они тут должны все осматривать, иначе каждый захочет остаться на все три дня, – возразил Саймон.

И они снова сели в автобус до Килкенни. Они бродили и бродили в поисках подходящего места, а потом просто толкнули дверь и вошли внутрь, когда нашли его. Это был большой сарай, в котором стояли поломанные сельскохозяйственные машины, трактора и прочее.

– Похоже на чей-то склад, – прошептала Мод.

Место оказалось идеальным для них: проблем с Грохотом не будет, а на выдранном из какой-то машины сиденье они могли спать.

Они дали Грохоту кусок ветчины, разделили второй, поели хлеба с джемом. Завтра они наверняка найдут Матти.

Они отлично выспались, так как очень устали, и проснулись только от лая Грохота. Они привязали его к двери, ведь он вполне мог и сам вернуться на Сент-Ярлат-Кресент. Мод огляделась. Они спали в каком-то сарае, полном неисправной техники. У нее не было даже чистой одежды, у них остались подсохший хлеб и половина банки джема. Сегодня они должны отыскать Матти.

Саймон тоже проснулся и потер глаза.

– Уже почти десять, – произнес он.

– У нас хватит денег на завтрак?

– Ты хочешь сказать, что мы куда-нибудь пойдем и сядем за стол? – забеспокоился Саймон.

– Мы могли бы купить бекона и яиц, – предположила Мод.

Саймон стал считать деньги. Им следует быть очень осторожными, сказал он, им сегодня нужно заплатить за автобус, потом за вход, а потом, конечно, если они не найдут Матти, за билеты на поезд до дома.

– Но мы же не собираемся домой прямо сейчас, нет? – спросила Мод.

Саймон согласился, что это так, и при данных обстоятельствах им следует пойти и поискать, где позавтракать. Такое место, куда пустят Грохота. А после завтрака они почувствуют себя намного лучше. Они, как могли, привели себя в порядок и снова отправились в путь.

Джим Неудачник сказал себе, что никогда не выигрывал так много денег, как при ставке на Лаки Чайлда. Возможно, это было нечто вроде послания ему. Вроде как бросай, если выиграл. Джим никогда не размышлял таким образом. И гадал, нужно ли ему теперь этим заниматься? Но, с другой стороны, он ведь никогда прежде и не встречал таких странных детей. Отправляются в одиночку на состязания, спасают его портфель, обладают почти сверхъестественной силой предсказания победителя... В истории об их то ли отце, то ли опекуне, с которым они должны встретиться здесь, было что-то неубедительное. Джим позвонил жене и сообщил, что возвращается домой.

– Но еще только второй день, – недоверчиво сказала она.

А он встревожил ее еще сильнее, предложив поесть сегодня в каком-нибудь отличном ресторане. И она почти весь день потратила на размышления о том, что же он мог натворить, чтобы почувствовать себя виноватым.

Теперь ипподром казался знакомым. Близнецы гадали, встретятся ли снова с Джимом Неудачником. Они понимали и уже почти готовы были признать, что на самом деле не знают, где именно они могут найти Матти. Где он мог изучать программу? Сядет в каком-нибудь баре или будет разговаривать с букмекерами? До сих пор они видели его только за «работой» в месте, которое он называл своим офисом, в конторе мистера Кина.

– Я устала искать. – Мод села.

– Ты не можешь устать, ты основательно позавтракала, – возразил Саймон.

– А если его здесь нет? – предположила Мод.

Теперь это вырвалось наружу. Теперь это было сказано, и слова уже не вернуть. Саймон был так потрясен, что отпустил поводок, и Грохот умчался в толпу. Дети ужаснулись. Грохот был такой собакой, которую можно было спустить с поводка в поле, или в парке, или на пляже, но не там, где толпятся люди. Он мог натворить невесть что просто от страха и ощущения незнакомой свободы. Они слышали, как он лает, пробираясь сквозь толпу. Они бросились за ним... Люди отшатывались, когда Грохот налетал на них, растерянный, истерически лающий. Потом близнецы увидели, как он вырвался на открытое пространство, где выводили и выстраивали лошадей для парада.

– Пожалуйста, Грохот, только не выскакивай на беговую дорожку! Помогите, помогите! Его же убьют! – закричала Мод.

Она споткнулась и растянулась на животе, сильно ободрав коленки и разбив лоб, но вскочила и побежала дальше.

Саймон был ближе к Грохоту:

– Пожалуйста, поймайте собаку!

На них смотрели со всех сторон, люди раздраженно кричали, что собакам здесь делать нечего, что лошади могут испугаться и встать на дыбы... и кто вообще пустил сюда детей с какой-то чертовой собакой? Грохот решил не выскакивать на дорожку и повернул к относительно

свободной площадке, где стояли несколько автомобилей и фургонов для перевозки лошадей... Он огляделся, глаза у него казались дикими, и вдруг бросился прямо под колеса джипа, давшего задний ход. Водитель просто не мог остановиться сразу. Но близнецы видели все, как в замедленной съемке. То, как Грохот взлетел в воздух, а потом упал на землю. И он был совсем неподвижен, когда они добежали до него.

Матти сидел за пинтой пива с несколькими своими коллегами, они обсуждали Сэнди Кина, и мнения разделились. Должен ли он был принимать ставку у детей? А как он мог им отказать? Мог он вообще заподозрить что-то неладное? И кстати, где был сам Матти в последние дни? Это они очень хотели бы узнать. Матти неопределенно говорил о ночи в больнице и ловко уходил от подробностей. Но дети не могли вечно жить на семьдесят фунтов, рано или поздно им придется вернуться. И вряд ли они начнут заходить во все букмекерские конторы Дублина, ставя по паре фунтов на аутсайдеров в дни скачек.

– Ох боже мой! – воскликнул Матти. – Я ведь говорил им, что возьму их на скачки в Гоуран-Парке в их день рождения! Они могли отправиться туда!

Уолтер направлялся к букмекерам с теми крохами, которые сумел раздобыть на рынке. Он видел, что вдали происходит какая-то суета, но не стал выяснять, в чем причина. Ставки на Брайт-Брасс Нек у первого букмекера были недостаточно хороши, Уолтер пошел дальше, ища варианты. Глупо было ставить деньги в первом же месте, а он всерьез возлагал надежды на эту лошадь. Он сегодня уйдет отсюда, оплатив множество долгов, пусть не все, но немалую долю. А тогда и со всем остальным можно будет разобраться. Уолтер всегда умел отлично все объяснять.

Увидев случившееся, Мод потеряла сознание, и вокруг них тут же собрались люди. Детей отвели в служебные помещения. Им сказали, что о собаке позаботятся.

– Он умер? – спросил мальчик с заплаканным лицом.

– Как тебя зовут? – спросили его.

– Грохот, – пробормотал Саймон.

Взрослые растерялись, но больше ничего от Саймона добиться не смогли; он был слишком потрясен, чтобы говорить. Царапины Мод обработали, ей дали горячего сладкого чая, но она продолжала дрожать. Наконец удалось узнать имена детей, и тут же было сделано объявление.

– Внимание, в справочно-информационном бюро находятся двое детей в состоянии сильного расстройства. Просим взрослых, сопровождающих Мод и Саймона, прийти сюда. Дети в особенности желают увидеть некоего мистера Матти. Дети очень расстроены.

Уолтер шел вдоль ряда букмекеров, здесь ставки на Брайт-Брасс Нек были выше, чем у входа. Он правильно сообразил, что они должны повиситься. А потом он услышал объявление. Он не мог в это поверить. Эти чертовы дети притащились за ним сюда! Но они же не могли... Он не сразу сюда приехал. Так *что* они здесь делают?! Потом он услышал, как кто-то рядом с ним говорит, что это, должно быть, те самые дети, с собакой которых случилось несчастье, на нее наехал джип. Может, ему выждать несколько минут и пойти в справочное бюро, когда он сделает ставку? Вокруг кабинок букмекеров, как обычно, в последнюю минуту скопились люди, а объявление повторили снова, более настойчиво. Уолтер пошел к справочному.

А потом все произошло одновременно. Полицейские в Килкенни уже получили сообщение из Дублина, что есть возможность обнаружить исчезнувших детей на скачках. Скаковой комитет и его служба безопасности, которые уже почти отчаялись выяснить, кто эти дети, испытали облегчение от этой новости, позволявшей им сыграть роль героев. Один из ветеринаров ипподрома сказал, что Грохот выживет. Он может охрометь, и возможно даже, что придется ампутировать ему одну лапу, но в живых он останется определенно. Молодая женщина, сидевшая за рулем джипа, успокаивала себя таким количеством бренди, что уже просто вообще не могла сесть за руль, ее пришлось отвезти домой. Мод и Саймон, сверх меры обрадованные хорошими новостями о Грохоте, поверить не могли, когда увидели Уолтера, пришедшего им на спасение. Они просияли восторгом, так как знали теперь, что их простили за все их ужасные поступки. Они крепко обняли его, и впервые в жизни он почувствовал себя дешевкой.

– Вы, случайно, не мистер Матти, сэр? – спросил Уолтера один из полицейских.

– Это Уолтер, он наш брат! – гордо завила Мод.

– Он пришел искать нас, – с довольным видом сказал Саймон.

– Тут звонят Саймону и Мод. Некий мистер Скарлет.

– Матти! – завопили дети.

А снаружи, где все так же продолжались состязания, прозвучало объявление о выигрыше Брайт-Брасс Нек одиннадцать к одному.

Целый час Матти был героем, но сам он считал себя злодеем. Конечно, он говорил близнецам, что возьмет их с собой. И все это с начала и до конца было его виной. Но ему не позволяли взять всю вину на себя. Кэти настаивала, что виновата она, что она просто не осознавала, как зависят от других эти дети, ей нужно было позволить им прийти в разоренное помещение «Алого пера», она должна была четко дать им понять, когда именно приедет к ним после свадьбы, а не заставлять их сидеть и ждать в разочаровании. Как это низко – нарушать обещание, данное таким маленьким детям! А забыть об их дне рождения было и вовсе непростительно. Нил твердил, что во многом это его вина. Он же верил брату своего отца и действительно считал, что принцип кровного родства верен. Сара сказала, что они все просто сошли с ума, она потеряла контроль над этим делом, слишком увлеклась кампанией за права бездомных и не видела того, что творилось прямо у нее под носом, не замечала, что Саймон и Мод, находившиеся под ее прямой ответственностью, просто не имеют того, что можно назвать домом. Кеннет Митчелл в основном помалкивал. Ему сообщили, что его старший сын, скорее всего, виновен в ряде преступлений, в вандализме и воровстве. И что его ждет судебное преследование. Кей говорила еще меньше, чем ее муж, она просто целыми днями пила водку, утверждая, что это минеральная вода. Скоро кто-нибудь обязательно узнает правду. Но это не имело особого значения, поскольку Кеннет явно собирался снова отправиться в путешествие. И на этот раз все может быть кончено и «Буки» продадут.

Джеральдина привела Ника Райана в свою квартиру для скромного ужина, который мог стать куда более подходящим, чем

поход в ресторан, в основном потому, что позволил бы их отношениям начаться мило и легко. Она села, пока Ник открывал вино.

– Ты очень мирный человек, успокаиваешь, – сказал он.

Джеральдина немножко подумала над этим. Наверное, она такой и была, мирной. Не предъявляла требований, не жаловалась. Ее никогда не видели в грязном фартуке или у раковины с грязной посудой. Женщина, у которой было время выслушать, женщина, которая (поскольку не могла увидеть его снова три или четыре дня) имела время отдохнуть и пойти в спортзал, загрузить заново холодильник и бар. Не та, которой пришлось рожать его детей, угощать его скучных деловых партнеров, содержать дом в таком виде, в каком нравилось ему.

– Мирная – это приятный комплимент, – произнесла она. – Но ты меня извинишь, если я проверю, есть ли новости о детях?

Ее ждало сообщение. Детей нашли, они здоровы и в безопасности. Лиззи и Матти уже поехали в Килкенни, чтобы забрать их. Джеральдина закрыла глаза от облегчения. Ведь приходится слышать такие ужасные истории, и с ними могло случиться что угодно... Она вернулась к Нику.

– Хорошие вести, они уже едут домой, – сообщила она и больше к этому не возвращалась.

Мужчины не любят женщин, которые бесконечно болтают о тех, кто им незнаком. А Джеральдина очень много знала о мужчинах.

Сара повезла Матти и Лиззи за детьми.

– А вы уверены, что семья Митчелл не станет возражать, если мы оставим их у себя на ночь? – со страхом спросила Лиззи. – Ну... договор и всякое такое.

– Нет, миссис Скарлет, они будут довольны. Все они.

– Просто мы не хотим доставлять неприятности, – пояснила Лиззи.

– И нам так жаль, – добавил Матти.

– Но вам-то из-за чего переживать, все ведь закончилось хорошо, – успокоила его Сара.

– Вот только Грохот... – начал Матти.

– Они очень рады, что он не погиб, – сказала Сара.

– Знаю, – кивнул Матти.

– Саймон даже придумал, что, если мы приспособим Грохоту роликовый конек на хроющую лапу, он будет как новенький.

– Вы их любите, да? – внезапно спросила Сара.

– Ох, ну да, а разве не все любят детей? А наши уехали в Чикаго, кроме Кэти, так что у нас здесь никого нет, и так здорово снова иметь в доме детей!

– Вы, наверное, очень расстроились из-за случившегося с Кэти, – сказала Сара.

– О чем вы? – спросил Матти.

– Если вы так любите детей...

– Что случилось? – спросила Лиззи.

Сара вдруг ощутила свинцовый ком в желудке: она поняла, что они ничего не знали о выкидыше. Нил говорил ей, что они с Кэти предпочитают помалкивать, но она лишь теперь это осознала.

– Я думала, именно Кэти сообщила вам, что Мод и Саймона нашли, – беспомощно пробормотала она.

– Нет, нам позвонили полицейские, и трубку снял Матти, – ответила Лиззи.

– И почему бы нам расстраиваться? Мы были очень рады. – Матти явно растерялся.

Сара прикусила губу и, ведя машину в сумерках, говорила себе, что она, должно быть, наихудший социальный работник в Западном полушарии.

– Кэти?

Звонок был поздним. Кэти читала, сидя в кухне. Нил работал за своим большим столом.

– Да, кто это?

– Это Уолтер.

– О!

История, услышанная ею, прозвучала не слишком внятно, но стало хотя бы ясно, что в данном случае Уолтер вел себя нормально и пришел на помощь младшим брату и сестре.

– Я все еще здесь. Они вроде как думают, что я должен дождаться, пока Мод и Саймона не заберут.

– Хорошо, – резко ответила Кэти.

– Я просто... ну... гадал, кто их заберет, понимаешь...

- Мои мать и отец и их социальный работник.
 - А будут еще и... ну... как ты думаешь?
 - Да, думаю, будут.
 - Понял. – Оба замолчали, потом Уолтер сказал: – Наверное, слишком поздно просить тебя...
 - Чересчур поздно Уолтер, все уже под контролем, и твоим родителям сообщили.
 - Понял, – повторил он.
 - Не хочешь поговорить с Нилом или тогда я просто попрощаюсь? – спросила Кэти.
- Последовала пауза.
- Ладно, до свидания, Кэти, – произнес Уолтер Митчелл.

Том Фезер был так рад услышать хорошие новости, что испек торт и привез его прямоком на Сент-Ярлат-Кресент. Он приложил к нему карточку со словами: «С днем рождения и добро пожаловать домой, Мод, Саймон и Грохот!» – и оставил у соседей. Он был в восторге, что детей нашли целыми и невредимыми. Такие смешные малыши... Когда-то он говорил Марселле, что у них однажды появятся похожие дети, настоящие личности с головы до ног. Он помнил, как она снисходительно улыбнулась, словно он говорил, что однажды они полетят на Марс на собственном космическом корабле. Возможно, Марселла вообще не собиралась обзаводиться детьми. Ему было неприятно слышать невнятное замечание Джо о том, что в Лондоне дела у нее не слишком хороши. После ее звонка Кэти он догадывался, что, вероятно, так оно и есть. Это было не то, что он хотел услышать... Единственное, что имело смысл в этой обидной и трагической истории, – это если она получила то, чего хотела, сделав то, что сделала. А если ей не удалась карьера модели, зачем вообще все это было?

- Той ночью Нил хотел заняться любовью, но Кэти ответила, что слишком устала.
- Ну вот. Устала, значит? – повторил он.
 - Я действительно слишком устала. Мне придется встать очень рано, я хочу забрать детей у мамы с папой и отвезти их в школу. Все

думают, они должны сразу туда вернуться, это поможет ослабить последствия.

– Конечно, что бы там ни думала мадам педагог, – заявил Нил, обиженный и раздраженный ее отказом.

– Не надо так насмехаться, – сказала Кэти.

– Я не насмехаюсь.

– Ты надо мной смеешься, – возразила она. – Издеваешься.

– А ты меня отталкиваешь.

– Спокойной ночи, Нил, – произнесла Кэти.

И это была одна из все чаще повторявшихся ночей, когда они спали как можно дальше друг от друга.

На следующее утро Ник Райан осторожно ушел из Гленстара за полчаса до того, как ушла Джеральдина. Это была памятная ночь, «восхитительный и важный вечер», так он сказал. Джеральдина пробормотала что-то в знак согласия. Ник Райан явно чувствовал себя слегка неуверенно из-за всей ситуации и из-за того факта, что он не может вернуться вечером в эту гостеприимную квартиру.

– Мне действительно очень хочется... – начал он.

Джеральдина остановила его:

– Давай не станем зря тратить время на желания. – Она налила изумительный кофе в красивые фарфоровые чашки. – Будем просто ждать другого чудесного вечера, когда бы он ни случился.

Когда он ушел, она знала, что он уже влюбился в нее. И похоже было, что все это надолго. Джеральдина вздохнула и подошла к телефону, чтобы позвонить Лиззи. На Сент-Ярлат-Кресент все было прекрасно. Близнецы должны были пока остаться здесь. Кэти приехала, чтобы отвезти их в школу, лапу Грохоту не пришлось ампутировать, ему только наложили шину. А Сара, эта милая социальная работница, добрейшая из всех, сказала, что Матти и Лиззи следует подать документы на опеку над детьми. Она думала, что у них есть на это очень хороший шанс.

Шона Бёрк позвонила Джеймсу:

– Отличная новость, дети нашлись!

– Я рад это слышать, – ответил он. – И где они сейчас?

– У Матти и Лиззи Скарлет.

– Ну, слава богу, что они там! – воскликнул Джеймс, прекрасно осознавая то невысказанное, что повисло между ними.

Саймону и Мод было всего десять. Они были примерно на пять лет моложе Шоны, когда закон потребовал, чтобы она покинула дом, где была счастлива.

– Действительно, слава богу! – отозвалась Шона.

– Мир в наши дни стал более разумным, Шона, – сказал Джеймс; они помолчали. – Давай надеяться, что у Матти Скарлета храбрости намного больше, чем у меня.

– Давай надеяться, что у него будет столько же любви, сколько было у тебя, – тихо произнесла Шона.

Джеймс Бирн почувствовал себя намного лучше, чем когда-либо за долгое время. А через несколько минут позвонила Кэти:

– Для начала хорошие вести.

– Я только что узнал о близнецах, разве это не чудесно? – спросил Бирн.

– Нет, вообще-то, хорошая новость насчет их брата. Полицейские нашли Уолтера Митчелла, они забрали из «Буков» немало из того, что он украл, и теперь знают, как он вломился в фирму.

– Не хочется добавлять кислую ноту...

– Но... – спросила Кэти.

– В техническом смысле это не было взломом, отсюда и все проблемы со страховой компанией.

– Да, но он именно это сделал, – нетерпеливо произнесла Кэти.

– Нет, Кэти, взгляните на все с их точки зрения... Кузен вашего мужа вошел в помещение «Алого пера» с помощью ключа, что не помешает им думать, что все это внутреннее дело.

Кэти вежливо поблагодарила его и попрощалась. Потом бросила трубку и закричала на телефон:

– Вот спасибо, что испортил нам день!

– Кто на этот раз вывел тебя из себя? – негромко спросил Том.

Она объяснила.

– Уолтер такой скользкий, он может даже сказать, что мы сами все задумали ради страховки. – Кэти была очень расстроена.

– Нет, он слишком глуп, он сам никогда до такого не додумается, – успокоил ее Том. – Но куда более серьезно другое: как он нашел ключи?

– Он мог видеть, как мы относим ключи в фургон, а потом пробраться туда и стащить их, – предположила Кэти.

– Я уже думал об этом, но мы же так не делали до того, как выгнали Уолтера, – заметил Том.

– Ты хочешь сказать, что страховщики все еще предполагают, что это внутреннее дело, хотя мы нашли вора?

– Нам просто не повезло, что он оказался кузеном.

– Знаю, – вздохнула Кэти. – Ох, интересно, где наш кузен Уолтер сейчас, в эту самую минуту?

Кузен Уолтер успел сделать три звонка после всей суматохи на ипподроме. Один звонок – Кэти, потом он позвонил своему отцу сказать, что ему очень жаль, но какое-то время его может не быть дома.

– Знаю, слышал, – мрачно произнес его отец.

– А все-таки хорошо, что с детьми ничего не случилось, – сказал Уолтер.

Его отец отнесся к этому до странности холодно.

– Да они обрушили на нас из-за всего этого настоящий ад, социальную полицию, обычную полицию, все врываются в «Буки», словно в собственный офис, а еще эта жуткая особа, на которой женился твой кузен, утверждает, что ты ограбил ее компанию, и натравила полицию, чтобы твою комнату обыскали! Какие-то люди постоянно допрашивают твою мать, желают выяснить, сколько она пьет на самом деле.

– Я знаю, отец.

– Так что не говори мне об этих невинных, чистых детях. Они отправились к букмекеру и сделали ставку, в их-то возрасте! Они повезли собаку Скарлетов на ипподром, а это последнее место, куда можно приводить собак, и их всех чуть не убили, и оказывается, что во всем виноваты мы! Почему они не сидят здесь, как нормальные дети? Это вне моего понимания.

Третий звонок Уолтера был Дереку, он сказал, что полиция в любом случае заглянет к нему, а потому лучше убедиться, что в его доме нет ничего такого, чего не должно там быть.

– На этот счет не беспокойся, – ответил Дерек. – Но меня не прихватят за то, что ты украл, нет?

- Нет, там ничего такого нет.
- И что ты собираешься делать?
- Уеду на несколько недель, пока все не уляжется. Потом увидимся в Дублине.
- Ты поосторожнее, Уолтер, ты ведь не такой уж плохой, – с легким оттенком вины в голосе произнес Дерек.
- Уолтер тут же это уловил и сделал последний ход:
- Ох, Дерек, примерно часов через пять сообщи, что твоя банковская карта исчезла.
- Но ты же не стащил ее? – заорал Дерек в трубку.
- Нет, но я знаю ее номер и хочу купить билет в один конец.
- Куда? – в панике спросил Дерек.
- Расслабься, всего лишь в Лондон. Через пять часов я уже буду по другую сторону пролива, в аэропорту Хитроу, тогда ты можешь заявить о пропаже.
- Уолтер, это нечестно!
- Нечестно? Нечестно? Один дешевый билет на самолет? Когда мне грозит тюрьма? Это уж слишком!
- Ладно, пять часов начиная с этой минуты, и я получу новый номер карты, и ты должен потратиться только на билет! – заявил Дерек.

Сара чувствовала себя не в своей тарелке, когда к ней зашла Кэти.

- Ты знаешь, что твои родители хотят получить опеку над близнецами?
- Да, и я хочу знать, какие у Матти и Лиззи шансы на это. Реальные шансы. Они же просто обожают детей. Я не хочу, чтобы им пришлось проходить через все снова и снова.
- Но ты понимаешь, что речь идет об опеке, а не об усыновлении.
- Знаю. Бедные люди становятся опекунами, богатые – усыновителями, – цинично бросила Кэти.
- Вообще-то, ты знаешь, что это не так. Это лишь потому, что родители Мод и Саймона живы и вполне могут потребовать вернуть их, а закон говорит...
- Закон в таких делах разбирается как свинья в апельсинах! – огрызнулась Кэти.

– Поверь мне, я с тобой заодно в этом вопросе. Моя повседневная работа подтверждает твои слова, хотя и не так лаконично.

– Знаю. Ты трудишься без устали, как Нил. А кстати, он говорил тебе, что теперь может поехать с тобой на ту конференцию в следующем феврале? Помнишь, он говорил тебе, что не сможет, поскольку я беременна?

– Но разве вы к тому времени уже не уедете? – спросила Сара.

– Уедем?

– До февраля. – Сара была удивлена.

– Уедем куда? – спросила Кэти, а Сара уставилась в свой телефон, делая вид, будто ищет в нем что-то. – Уедем куда? – повторила Кэти.

– Нет, я перепутала с кем-то другим, кто собирался в... э-э-э... в Англию к тому времени. Не обращай внимания, я в эти дни ничего не соображаю.

Кэти задумчиво посмотрела на нее. Сара заметно побледнела.

Она очень устала от тщательной подготовки к приему в доме Питера Мёрфи с коктейлями, с первоклассными закусками, которые едят руками. Там будут все сливки общества, несколько раз повторил он Кэти, и она должна сказать об этом своей тетушке. Кэти, вообще-то, даже поверить не могла, что люди до сих пор используют подобные выражения.

– Он все еще без ума от твоей тети, точно! – заявила Джун. – Надеюсь, нас тоже будут желать многие, когда нам перевалит за сорок.

– Знаю, это не то, что тебе хочется услышать, но твой муж весьма озабочен твоей гонкой за страстями... Утром он звонил Тому, хотел узнать, что за мероприятие предстоит.

– Не обращай на него внимания, он чокнутый.

– Он любит тебя, – возразила Кэти.

Джун засмеялась:

– Боже, может, когда-то и любил минут двадцать, когда мне было шестнадцать.

– Не надо принижать себя, Джун. Он должен тебя любить. По какой еще причине он постоянно тревожится, звонит, расспрашивает?

– Не знаю, но утверждать не берусь, – сказала Джун. – А когда мы тут закончим, ты сразу отправишься домой?

– Да, сегодня очередь Тома и Кона разгружать фургон. Мы с тобой отправимся по домам к нашим милым.

– Ну, ты-то рада будешь увидеть своего милого, а он будет рад увидеть тебя, вот в чем тут разница для начала. Постарайся приберечь для него несколько вон тех креветок в кляре, они помогают при кашле.

– Да я на них уже смотреть не могу, Джун!

– Но он-то не смотрит на них целыми днями, как мы! – возразила Джун с беспощадной логикой.

– Тяжело было сегодня? – спросил Нил.

– Нет, неплохо. Извини, что вчера я так брюзжала из-за усталости. – Кэти была веселой и бодрой.

– А это что такое?

– Я подумала, тебе понравятся особенные креветки.

Похоже, он с удовольствием принялся за креветки, лежавшие на маленькой тарелочке.

– Они великолепны, такие легкие... Это ты готовила?

Кэти вдруг захотелось сказать, что нет, их просто купили в кафе навынос. Чем, по его мнению, она зарабатывает на жизнь? Но она улыбнулась и ответила: да, она.

– Они по-настоящему хороши!

Он не спрашивал, как прошло сегодняшнее мероприятие, он никогда не спрашивал, будь то коктейль у Питера Мёрфи или модный показ, свадьба или похороны. Это всегда была просто странная работа Кэти.

– Ты сегодня виделась с Сарой, – начал Нил, и вид у него был слегка неловкий.

– Да, хотела расспросить о близнецах. Ну, есть ли у папы с мамой реальный шанс именно усыновить их.

– И что она сказала?..

– Сказала, что закон может не слишком хорошо к этому отнестись, поскольку они оба старые и из рабочего класса, но я заявила ей, что это чушь, и она более или менее с этим согласилась.

– Но вы ведь еще о чем-то говорили?

– Это что, игра в угадайку или как? – спросила Кэти.

– Ладно, давай прямо: она позвонила мне и призналась, что сболтнула лишнее.

- О чем?
- Ты знаешь, так что теперь ты играешь в угадайку.
- Я не знаю, скажи сам.
- Она сказала, что проболталась о том, что меня все еще интересует та работа с беженцами.
- Конечно интересует. – Кэти была сбита с толку. – Полагаю, ты не мог бы думать о ней так серьезно, а потом вдруг просто выбросить из головы. Наверное, ты постоянно о ней думаешь.
- Суть в том, что мне снова сделали предложение, только на других условиях.
- И ты собираешься его принять.
- Конечно, я не собираюсь просто так согласиться. Нам нужно всерьез все обсудить.
- А пока ты всерьез говоришь об этом с Сарой?
- Кэти!
- Мне хочется принять ванну, – заявила она.
- Пожалуйста, не будь такой!
- Послушай, Нил, конечно, мы все серьезно обсудим, но не в такой поздний час. А теперь я пойду и приму ванну, и пока буду лежать, подумаю о мире. Я предпочла бы сделать это как твой друг, а не как тот, кто глупо и бессмысленно спорит с тобой.
- Ладно, наслаждайся ванной, друг, – сдался Нил.

Том Фезер пригласил Шону Бёрк на обед. Он предполагал, что это будет неким сочетанием рабочей встречи и жестом благодарности. Он повел ее в маленький французский ресторан.

– Обещаю, я не стану тратить время на исследование и критику еды, – сказал он со слегка виноватой улыбкой. – Мне уже говорили, что видели, как я нарезаю блюда и анализирую их, и за милую душу чувствуют во мне конкурента.

Шона ответила, что она поступает точно так же, постоянно ищет то, что оказалось бы полезным в ее работе. И делает записи. Один мужчина даже подумал, что она записывает то, что он говорит.

– А он говорил то, что не хотел бы увидеть записанным? – спросил Том.

Он говорил о мотоциклах, а Шона записывала название и адрес по-настоящему хорошей системы кондиционирования воздуха.

– А ты потом еще с ним встречалась? – полюбопытствовал Том.

– Нет, но этот опыт кое-чему меня научил... Я теперь вообще не беру ноутбук на свидания.

– Мудро, я бы сказал. Но откуда мне знать? Я очень долго не ходил на свидания.

– Ты сильно по ней скучаешь?

– По Марселле? – удивился Том.

– Прости, Том, это не мое дело. Обычно я не сую нос в чужую жизнь.

Но Том как будто не обиделся.

– Ну, ответ будет и «да», и «нет». Я скучаю по тому, что, как мне казалось, мы имеем, а не потому, что было на самом деле. Может, так всегда и случается, когда чему-то приходит конец.

После ужина Том отвез Шону в Гленстар и отказался от кофе, так как рано утром ему нужно было печь хлеб и следовало немного поспать. Он приехал в Стоунфилд. Ставя фургон на парковку, он увидел, что кто-то сидит на ступенях перед входом на ночном холоде. Это была Марселла.

Глава 11. Ноябрь

– Входи, Марселла, – устало произнес он.

Они молча поднялись по лестнице к квартире, где некогда жили так счастливо. Марселла огляделась, словно увидела ее впервые. Ни один из них до сих пор не произнес ни слова. Том сел за стол, на котором по-прежнему лежала розовая бархатная скатерть. И жестом предложил ей сесть напротив. Прежде никогда не имело смысла предлагать Марселле перекусить или выпить, она всегда отказывалась, а потому Том не стал предлагать и теперь. Он смотрел на нее, ожидая, когда она заговорит. Марселла выглядела очень усталой и, конечно, красивой, с ее маленьким личиком в окружении облака темных волос, в черной кожаной куртке и белом свитере, с красным шарфом, повязанным на длинной изящной шее. У нее была только маленькая кожаная сумочка на цепочке; она не взяла с собой вещи.

– Спасибо, что позволил войти, – сказала она.

– Естественно, я тебя пригласил, – ответил он.

– Но ты не стал говорить со мной по телефону.

– Послушай, уже поздно, я устал. Мне нужно очень рано вставать, чтобы испечь хлеб. Мы с тобой ведь не хотим все начинать сначала? – Том говорил мягко, стараясь быть рассудительным, вместо того чтобы высказывать суровость и обиду.

– Я просто хотела сказать тебе кое-что, а потом я уйду. – Голос Марселлы звучал подавленно; она не умоляла, не плакала, но казалось, будто жизнь покидает ее.

– Тогда говори, – предложил Том.

Она помолчала.

– Это довольно трудно... Как ты думаешь, можно мне немного выпить? – (Том ушел в кухню и огляделся, не зная, что ей предложить.) – Что угодно.

Том достал из холодильника банку светлого пива, прихватил два бокала, а заодно и пепельницу. Казалось, Марселле понадобилась целая вечность, чтобы раскурить сигарету.

– У Пола Ньютона действительно есть модельное агентство, – начала она, – и я знаю, что из него вышли несколько известных

манекенщиц. У него хорошая репутация. Но это была не та работа, которую предлагали мне. Это вообще не была работа, с самого начала.

Она выглядела такой унылой и грустной, что Том почувствовал: нужно что-то сказать.

– Да, но ты попыталась. Это ведь то, чего ты хотела.

– Нет, у меня и шанса не было попытаться. Он не хотел вообще выводить меня на подиум, как я думала... Всего лишь гламурная модель. Сначала он отправил меня к людям, которые фотографировали дамское белье для каталогов... Они хотели сделать то, что называли гламурными снимками, то есть топлес...

В ее истории было столько стыда и печали, что Том закрыл глаза, чтобы не видеть лица Марселлы.

– Это было ужасно, и я сказала им, что, наверное, произошла ошибка, что я настоящая модель мистера Ньютона, а они только засмеялись, сказав, что я могу согласиться или отказаться. – Она надолго замолчала. – Я, конечно, ушла и вернулась к Полу Ньютону, чтобы рассказать ему. Я думала, он рассердится на тех людей... – Она сделала паузу, чтобы глотнуть пива, к которому прежде никогда не прикасалась. – Он был очень занят в тот день. Я целую вечность ждала, когда он освободится. Я помнила всех тех людей, которые приходили к нему, всех тех людей, с которыми всю жизнь мечтала встретиться: стилистов, дизайнеров и других манекенщиц... А потом, после бесконечного ожидания, я вошла к нему и все рассказала, а он сказал... он сказал... – Марселла запнулась, не в силах повторить его слова. – Он сказал, а чего еще я ожидала в моем возрасте... Я напомнила ему, что он обещал внести меня в свои списки как модель, а он просто потерял терпение и заявил, что так и сделал, и какого черта я теперь жалуюсь? И знаешь, что случилось потом? Ему зачем-то позвонил Джо и явно спросил обо мне, и Пол Ньютон сказал, что я не просто в порядке, а прямо сейчас в его кабинете и что поначалу мне все кажется немного странным, но я разберусь. – (Том молчал и пил пиво; он чувствовал, как все это должно было быть больно.) – В общем, он поговорил с Джо, а потом заявил мне, что я теперь должна быть большой девочкой, учитывать свой возраст и смириться с этим... Но я возразила: «Вы обещали», и тут уж он по-настоящему рассердился. «Я говорил тебе правду», – снова и снова повторял он. – (Том посмотрел на нее.) – И вдруг это стало похоже на то, как я сидела

здесь и повторяла тебе, что говорила правду, а ты отвечал, что это не то же самое, что быть честным, что здесь есть разница... До того момента я этого не понимала.

– Ох, Марселла!..

– Да, но, в общем, у меня были деньги, чтобы снять жилье на месяц, а потом ничего. Я везде показывала свой портфолио, но, когда я показывала фото нас с тобой, которые были сделаны для рекламы, меня спрашивали, чем я намерена заняться теперь. А у меня не было ответа. И на следующий месяц у меня уже не было денег, так что я снялась топлес. Как ни странно, это оказалось не настолько противно, как я считала. Все работали профессионально, быстро и с высоким качеством, вели себя, как ни странно, уважительно. А деньги поступали в офис Пола Ньютона. Я их получала каждые две недели. Его самого я не видела до того дня... того дня, когда я позвонила тебе...

– И что случилось?.. Расскажи, – попросил Том.

– Он был в приемной, когда я забирала свой конверт, и попросил меня зайти к нему. Он сказал, ему жаль, что мы плохо расстались, что я очень хорошо работаю и теперь он хочет предложить мне кое-что еще. Я обрадовалась, так как подумала, что он наконец даст мне настоящую работу. Сначала он показал мне журналы, где были мои снимки топлес. Раньше я таких фотографий не видела и, увидев их, расстроилась. А потом он сказал, что мне незачем заниматься этим всю жизнь. Я ждала, и он спросил, хочу ли я заработать настоящие деньги, и показал мне другие журналы, с жестким порно. Мне стало плохо, когда я поняла, каким он видит мое будущее. – Марселла замолчала, качая головой и заново переживая шок. – Он сказал, что эти люди беспристрастны в своей работе, никто не будет меня лапать или что-то подобное, это просто обычная работа, а я поблагодарила его и сказала, что позвоню ему на следующий день, затем сменила квартиру и больше его не видела. – (Снова долгая пауза.) – А потом я вернулась домой.

– И где ты...

– Я пока остановилась у Рики, убираю у него, помогаю в студии. Пару ночей работала в барах, а во время ланча – в сэндвич-баре. Ты понимаешь, что я могла бы стать хорошим помощником в «Алом пере»? – Тоска в ее голосе была почти невыносимой.

Но Том сказал то, что должен был сказать:

– Нет, поверь мне, это не злость и не обида, но... нет.

– Я не говорю, что мы сейчас же могли бы вернуться к... Я пока буду жить у Рики.

– Нет.

– Я спрошу тебя еще раз. Это все, что я хочу сделать. Вернуться туда, где мы были. Предположи, что это ты совершил ошибку, расстроил меня, зашел слишком далеко... И просто предположи, что ты осознал, какую глупость совершил, и попросил меня начать сначала... Разве тебе не захотелось бы услышать что-нибудь обнадеживающее, а не холодное пустое «нет»?

– Это не холодное пустое «нет», поверь, это не так. Мне не раз хотелось стереть прошлое из памяти и начать сначала...

– Тогда почему мы не можем?..

– Просто так больше продолжаться не может. Все стало бы притворством, игрой, изображением любви. Может, я слишком поверхностен и тебе лучше будет без меня. Я уже говорил тебе это прежде.

– Я не поверила в это тогда и не верю сейчас.

– Но я больше не люблю тебя. Мне никогда не забыть того, что у нас было, и, если я даже полюблю кого-нибудь еще, наши отношения навсегда останутся особенными...

– Так люби меня снова, не ищи чего-то нового! Люби меня так же, как прежде!

Но Том не испытывал никакого желания, даже не вспоминал об их любви в этой самой квартире. Он не чувствовал ничего, кроме жалости.

– Лето было для меня не из лучших, и после твоего ухода многое пошло плохо, я был очень несчастен, – начал он. – Но в сравнении с твоими бедами это ничто. И мне жаль куда больше, чем я могу выразить.

– Ты должен быть доволен тем, что оказался прав, – сказала Марселла.

– Нет, я не был прав. Я понятия не имел, что может с тобой случиться. Я думал, тебя ждет огромный успех, ты была и остаешься такой красивой. И я искренне на это надеялся, поскольку ты так сильно этого хотела.

Марселла взяла свою сумочку:

– Я всегда буду здесь, буду поблизости, если ты передумаешь.

– Нет, не будешь, только не такое сокровище, как ты. – Том пытался вызвать у нее улыбку, но лицо Марселлы осталось печальным. – Ладно, давай я отвезу тебя к Рики, – предложил он.

– Но мы все равно останемся друзьями, да? – спросила она.

– Мы будем больше чем друзьями. Разве мы не были вместе четыре года?

– Это так, и именно это я хочу знать.

И хотя Тому хотелось рассказать ей обо всех событиях и драмах, о сбежавших близнецах и о том, что полиция ищет Уолтера, виновного в разгроме «Алого пера», он чувствовал, что сейчас не время для таких разговоров, а потому молча повез ее по темным, пустым, мокрым улицам.

– Если ты не хочешь поехать со мной в отпуск, может, отправимся куда-нибудь на уик-энд? – спросил Нил.

– Конечно, это было бы чудесно, – кивнула Кэти.

Вообще-то, ей не нравилась эта идея. Она звучала опасно, словно Кэти приглашали на медовый месяц, к которому та не была готова. Врач говорил, что нормальная супружеская жизнь может возобновляться по-разному у разных людей. Но Кэти думала, что в ее случае может понадобиться много времени. И было бы на самом деле нечестно ехать куда-то с Нилом, если она не чувствовала себя готовой. И опять же, это было не то, о чем она могла бы с легкостью заговорить.

Если бы она сказала ему, что пока не может заниматься любовью, он бы вполне разумно ответил, что он и не предлагал, он хочет просто уехать на уик-энд. И во многих отношениях такой уик-энд мог оказаться приятным. Она могла бы подумать о разных местах, которые стоило бы предложить Нилу. Но не сейчас. Не через несколько недель.

Они уже привыкли к бестолковому ритму жизни, когда только один из них был дома. Завтрак оставался их единственной общей трапезой, и даже в выходные они по большей части отсутствовали. Кэти теперь почти не готовила днем в Уотервью, так как условия в кухне «Алого пера» стали намного лучше. Она часто оставалась там и вечером, ей больше нравилось читать и отдыхать на широком диване в

приемной, вместо того чтобы возвращаться домой. Если Том это и заметил, то помалкивал. Иногда он и сам задерживался. Кэти знала, что время от времени он приглашает на свидание какую-нибудь девушку, но второго свидания почти не бывает. Она знала, что Марселла вернулась в город и живет у Рики. Об этом ей сообщил Том. Однако Джун, которая знала все, говорила, что Марселла совершенно изменилась и хватается за любую работу, от которой прежде воротила бы нос, и что ей хочется вернуться в «Алое перо». Она даже говорила кому-то, что готова целыми днями мыть тарелки, если сможет быть там.

– Как ты думаешь, он примет ее снова? – Глаза Джун округлились от любопытства.

– Она никогда здесь не работала, чтобы возвращаться, – сердито ответила Кэти.

– Ну, не надо уж так-то... Ты ведь поняла, о чем я.

– Он никогда вообще не говорит об этом.

– Ты меня удивляешь. Вы оба столько всего пережили вместе, я думала, он поплачется тебе в жилетку.

– Нет, пожалуй, в нашем бизнесе и без того хватает причин плакаться.

Но Кэти также понимала, что Тому с Марселлой необходимо держаться на расстоянии друг от друга. Ей хотелось рассказать Тому, как расстроил ее Нил в истории с беременностью. Но она совсем не хотела признаваться в этом открыто. Да и в любом случае боль уже не казалась такой острой. Они с Нилом отлично справлялись во многих отношениях. Он даже этим утром сказал, как ему хочется, чтобы она смогла пойти на большую демонстрацию за права бездомных, но он понимает, что она должна работать.

– Удачи, Нил, – ответила она. – Надеюсь, вы соберете большую толпу.

– Никогда не знаешь заранее, сейчас ведь середина недели. – Он слегка тревожился. – Но зато, если удастся, это действительно привлечет к проблеме серьезное внимание.

Он казался таким озабоченным, и Кэти снова порадовалась, что не стала рассказывать Тому всю эту полную жалости к себе историю. Бедный усталый Том, который пообещал себе тихий спокойный день в компании, когда там никого не будет!

– Ох, Джун, как мы сегодня переживем тот обед? Эта женщина настоящее чудовище!

– Ты так обо всех них говоришь, а потом они оказываются милыми кисками.

– Только не эта. Мы должны пользоваться только черным входом, а фургон припарковать так, чтобы гости не видели его и не были оскорблены его видом; мы должны иметь домашние туфли и надеть их, когда войдем в заднюю дверь. Только так она может быть уверена, что мы не принесем никакой грязи.

– Ой, ну и ладно, если она от этого будет счастлива.

– Ты подожди, пока она не увидит твои волосы, Джун.

– А что с ними не так? – Джун посмотрелась в зеркало и провела ладонью по голове.

Она больше не могла позволить себе те ошеломляющие фиолетовые пряди, как по подарочному купону «Хейвордса», и они отросли и выцвели, придавая волосам слегка пегий вид.

– Миссис Привереда говорила: она надеется, что штат будет выглядеть прилично, так как некоторые из ее гостей – жены послов.

– Прилично? Интересно... – Джун состроила рожицу в зеркало.

– Но если мы окажемся вполне хороши, то можем попасть во многие посольства, а потому должны все как следует обдумать.

На этот раз Том не шел с ними, барменом должен был быть Кон, а Джун и Кэти накроют и обслужат ланч. Том настаивал, чтобы они рассчитывали время с запасом, поскольку та леди, похоже, считала пунктуальность в высшей степени важной.

– Кэти, перестань называть ее миссис Привередой, ладно? Ты ведь можешь случайно так к ней обратиться, когда окажешься там!

– Нет, не назову.

– А ты знаешь, где ее дом?

– Да, я как раз нашла его в справочнике.

– У тебя есть номер ее мобильного?

– Да, Том, и позволь сказать, это ты очень быстро превращаешься в мистера Привереду. Наверное, вы с ней хорошо знакомы.

Том засмеялся и похлопал по фургону.

– Удачи! – крикнул он им вслед.

Телефон звонил без передышки.

– Привет, Том, это Нил. Кэти уже уехала?
– Да, но она взяла с собой мобильный.
– Ладно, все в порядке, просто скажи ей, что я заказал для нас номер в «Холли» на следующий уик-энд, это ее взбодрит.

– Простой вопрос, Том: я встретил Марселлу, и она попросила взять ее с собой в «Фатиму», повидать маму с папой, сказала, что вы с ней теперь хорошие друзья. Я просто хотел уточнить.

– Она никогда не хотела их повидать в «Фатиме», пока жила со мной, – коротко ответил брату Том.

– Значит, ты бы предпочел, чтобы она туда не ходила?

– Она может ходить, куда ей вздумается.

– Она просто разбита. Ты не знаешь, наверное, что ей пришлось пережить там, за морем. Она об этом не говорит, но вряд ли это было здорово.

– Нет, и я желаю ей всего хорошего и искренне надеюсь, что она найдет свое счастье, как я пожелал бы любому другу.

– Ладно, Том, все ясно.

– Том, это Матти. Понимаешь, близнецы задумали вечером приготовить для Лиззи ирландское рагу, и они мне дали список...

– И ты бы хотел, чтобы мы это приготовили для тебя... Хорошо, Матти.

– Прощу прощения, они и слышать не хотят о том, чтобы ты это готовил. Они хотят все сделать сами. Я купил баранину, морковь и лук, но тут в списке есть еще и какие-то кубики. Что это такое?

Том объяснил ему, что он должен спросить в местном супермаркете бульонные кубики и как они выглядят. У матери Кэти наверняка лежало в холодильнике множество отличных кубиков, но сейчас было не время гадать.

– Это Том Фезер? Ник Райан звонит. Мне хочется устроить сюрприз для тетушки Кэти в ее день рождения в ее апартаментах и чтобы вы это приготовили.

– Видите ли, мистер Райан, у нас своя политика насчет вечеринок с сюрпризом... Мы обычно такого не делаем. Это может оказаться весьма неудачным.

– Но только не с Джеральдиной, это точно... У нее ведь много друзей? – Ник казался неуверенным.

– А может Кэти обсудить это с вами? Пожалуйста!

– Ну, хорошо, да. Я подумал, вы будете рады заказу. – Теперь Ник говорил обиженно.

– Так и есть, мистер Райан, и, как я сказал, Кэти со всем разберется как можно скорее.

– Да, хорошо.

– Том?

– Кэти, ты телепат. Я только что собирался тебе звонить.

– Том, у тебя есть ее письмо и карта?

– Ты хочешь сказать, вы еще не там? О боже!

– Не паникуй, ты у нас на посту рядом с картой, мы приехали к дому номер двадцать семь, но там и не слышали о миссис Привереде.

– Ну, если ты назвала ее именно так...

– Конечно, я ее так не называла. Том, давай побыстрее, а?

Том подбежал к столу и открыл файл с заказами на неделю. Вернувшись к телефону, он прочитал адрес.

– Я тут и есть.

– Ну, это на ее письме, оно передо мной.

Он снова прочитал все вслух, на этот раз вместе с названием пригорода.

– Что?! – взвизгнула Кэти.

Оказалось, что существуют две улицы с одинаковым названием. Людей, которые такое позволяют в любой стране, следует просто вешать. Кэти была на другом конце Дублина.

– Том, что мне делать? Если я позвоню ей сейчас, она просто взорвется! Том, поговори за меня!

– Ты просто езжай туда. Я намного ближе. Я позвоню ей и поеду туда на такси с шампанским и копченым лососем и займу их, пока ты добираться. Я не хочу, чтобы они все умерли до твоего приезда.

Он выдержал по-настоящему жуткий разговор с миссис Привередой, ему даже пришлось держать телефон подальше от уха. Таксист с сочувствием поглядывал на него.

– Похоже, ваша работа почти так же плоха, как моя, – заметил он, когда измученный Том выключил телефон.

– Не думаю, что она всегда настолько плоха, но на сегодня готов поменяться с вами.

– Не сегодня. Вам бы это не понравилось, – мрачно произнес водитель. – В центре Дублина какие-то протесты, что ли, люди идут маршем от О’Коннелл-стрит до Стивенс-Грин. Нам могут понадобиться сутки, чтобы доехать до этой вашей из телефона, а той, с которой вы о фургоне с едой говорили, повезет, если она туда доберется к следующим выходным.

Том откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. Он должен сохранять спокойствие. Кто-то где-то в этом городе должен ведь быть спокойным.

Миссис Фриззел было около пятидесяти, она оказалась маленькой, в нелепом изумрудно-зеленом шерстяном платье. Ее черные волосы были собраны в агрессивного вида узел, и она весьма злилась, когда приехал Том. Он с облегчением увидел, что перед домом нет других машин, и по той брани, с которой она его встретила, понял, что она пока одна, что он хотя бы явился раньше гостей.

– Сюда, сюда, сюда!

Том, быстро двигаясь по кухне и отыскивая подходящие бокалы, сказал:

– Видите, я ведь вам говорил, движение ужасное, они все опоздают. Это для всех одинаково. – Ему необязательно было это говорить, но он запомнил слова шофера и добавил: – Кажется, в городе проходит какой-то протест, миссис Фриззел. Некоторые улицы перекрыты.

Ее лицо оставалось каменным.

Том ловко открыл одну бутылку и поставил ее на лед, потом быстро разложил ломтики копченого лосося на черный хлеб, намазанный маслом, нашел острый нож и нарезал их на крошечные кусочки.

Он прихватил с собой лимоны и петрушку, но ему нужно было большое блюдо. Он огляделся в поисках подходящего.

– Мне казалось, вы доставляете все на собственной посуде...

– Мы так и делаем, и наш фарфор едет, просто, как я уже сказал, из-за этого марша протеста транспорт стоит.

– Протест! – фыркнула миссис Фриззел.

– Понимаю, это очень неудобно, но все равно хорошо, что мы живем при демократии, разве не так? И люди могут выражать свое мнение.

Миссис Фризел, похоже, не считала, что так уж хорошо жить при демократии, или просто не думала об этом. Том тем временем заметил простое белое блюдо.

– Позвольте мне использовать то чудесное белое блюдо, я буду с ним осторожен, – успокоил он хозяйку и в несколько секунд приготовил вполне приемлемое блюдо канапе.

Он заметил, что хозяйка начала понемногу оттаивать.

– Позвольте проводить вас в ту очень милую гостиную, которую я заметил мимоходом, и предложить вам бокал шампанского, пока вы ждете гостей. Они тоже будут волноваться из-за того, что опаздывают, – сказал он.

На самом деле гости совсем не опоздали, и Том, к своей досаде, увидел на подъездной дорожке большой черный автомобиль. Он усадил хозяйку и поспешил обратно в кухню, стал открывать шкафы, ящики, холодильники, ища что угодно, из чего он мог бы приготовить ланч, если вдруг Кэти так сюда и не доберется. Он нашел бутылку дешевого бренди и решил добавить по несколько капель в каждый бокал шампанского. Это должно было стать самой долгой предобеденной выпивкой в истории кейтеринга; так пусть наслаются как следует.

– Я просто поверить не могу! – закричала Кэти, когда дорожный полицейский сообщил ей, что дороги перекрыты. – Там что, большая авария?

– О нет, просто бездомные и те, кто о них заботится настолько, что готовы перекрыть весь город, – ответил полицейский, возводя взгляд к небесам; это был усталый человек, и он ничуть не сочувствовал тем, кто делал его работу труднее обычного. – А вы фокусники, что ли? – с любопытством спросил он.

У них ведь был такой забавный фургон с нарисованным на нем красным пером; наверное, они давали представления для детей.

– Нет, офицер, – ответила Кэти, перед тем как сделать опасный разворот. – Но возможно, нам придется стать фокусниками еще до конца этого дня.

– Да кто вообще позволил им перекрывать улицы? – изумленно спросил Кон.

– Мой муж, – мрачно ответила Кэти.

Большинство женщин, войдя в дом, держались непринужденно. Все они расписались в журнале, лежавшем на столике в холле, чтобы миссис Фриззел могла показать мужу, кто к ней приехал.

Том сновал между ними, весело улыбаясь, уверяя их, что в копченом лососе вообще нет калорий. Он старался справиться с паникой. Перед ним были двенадцать женщин, две из четырех бутылок шампанского, привезенных им, уже опустели, с копченым лососем почти покончили. Им понадобится час, чтобы накрыть на стол и начать обслуживание, а фургона все еще не было видно.

Телевизионные камеры наблюдали за маршем, который выглядел еще более впечатляющим из-за того, что проходил под сильным дождем. Шли люди самого разного возраста, высоко держа транспаранты.

– Поверить не могу, Нил! – воскликнула Сара.

Он сжал ее руку; все получилось куда лучше, чем кто-нибудь из них мог предположить. Ему хотелось, чтобы Кэти тоже смогла прийти, но он расскажет ей обо всем вечером, а некоторые их выступления могут даже оказаться в девятичасовых новостях.

Том открыл три банки сардин, обсушил рыбок и выжал на них лимонный сок, смолот свежего черного перца, а потом стремительно выложил на печенье, которое также нашел в кухне.

– Очень мило, – сказала одна из женщин. – Как это называется?

– Сардины с цитрусовыми, – ответил он.

– Вкусно. – Она улыбнулась, глядя Тому в глаза.

Он нервно улыбнулся в ответ и отошел.

Том продолжал капать бренди в шампанское, но только не в бокал миссис Фриззел. Он не хотел, чтобы она догадалась, почему ее гости так оживлены. Том старался не забыть, что именно он взял из запасов миссис Фриззел. Если этот день вообще закончится, он должен будет их восполнить, как и половину бутылки бренди. Он открыл банки с корнионами, нарезал огурец и приготовил маленькую чашку соуса из

тех йогуртов, которые обнаружил в холодильнике. О Боже, пожалуйста, не забывай, что миссис Маура Фезер в «Фатиме» день и ночь молится Тебе, и наверняка же среди этих молитв есть такая, которую Господь мог бы использовать для того, чтобы заставить появиться фургон.

– Я просто боюсь туда въезжать, – сказала Кэти уже у ворот. – Они все здесь, смотри, сколько машин... Боже, у них даже шоферы...

– Заезжай, Кэти! – велела Джун.

– Может, позвонить сначала?

– Езжай! – умоляюще произнес Кон.

Кэти повернула направо к парадной двери, потом вспомнила, что нужно ехать к заднему входу. Том увидел, что они подъезжают, и возблагодарил Господа и свою мать за то, что они услышали его мольбы.

– Где-то я уже видела ее. Я знаю ее и это платье... – сказала Кэти.

– Конечно не видела, у тебя галлюцинации... – Том поспешно занимался делом. – Холодные канапе всех сортов... Нет времени что-то разогревать. Но я включил плиту и микроволновку, берись за главное блюдо, – шепнул он Кэти. – И давай еще шампанского, Кон, мое они уже почти выпили. Скорее, Джун, накрывай столы.

Всего там было двенадцать человек, нужно было сделать два стола на шестерых, и Джун старалась изо всех сил. Кэти прошла в гостиную, ошеломленная тем, что Том умудрился продержать этих людей так долго без еды. Она предложила им маленькие кусочки спаржи с пармской ветчиной и убедила миссис Фриззел съесть хотя бы один крошечный блинчик с икрой и сметаной.

...Похоже, гости наслаждались. К изумлению Кэти, миссис Фриззел даже сказала, что ей очень жаль, что те ужасные протесты задержали фургон. Многие гости тоже были недовольны необходимостью делать большой объезд. Мистер Фезер объяснил все насчет этого марша и был великолепен. Кэти сказала, что очень рада это слышать, и быстро собрала стоявшие на столах и пианино тарелки с какими-то неприятными на вид закусками.

– Боже, да что это вообще такое? – спросила она, сбрасывая все в мусорный бак.

– Это результат моих лучших трудов, и им это нравилось, пока ты не явилась со своей кавалерией, – ответил Том. – А я теперь еду домой и оставляю все на тебя.

– Ты не можешь уйти!

– Но вас теперь трое!

– Том, у нас нервы на пределе, ты просто должен остаться и помочь!

– Конечно не должен. Я теперь уйду и буду отлеживаться целый месяц.

– Ты не понимаешь. Ты им понравился, им не нужны все мы, ты должен остаться и помочь нам справиться!

Она видела, конечно, что Том просто шутит.

– Ладно, останусь, фокусница. У меня просто сил нет добираться до дома. Мне нужно, чтобы меня отвезли в фургоне.

И дальше все пошло по накатанной колее. Все они носились по кухне, помогая друг другу, предавая готовое, избавляясь от мусора, заноса в калькулятор количество бутылок вина, упаковывая в пленку маленькие деликатесы, чтобы миссис Фризел потом нашла их в холодильнике. Наконец Кон дал знать, что дамы расходятся, а фургон почти загружен. Три из одиннадцати дам заинтересовались едой настолько, что взяли визитки «Алого пера». Можно было сворачиваться. Том подсчитал сардины, бренди и прочие продукты, которые ему пришлось взять, чтобы не возникло недопонимания. Миссис Фризел сдержанно поблагодарила их. Конечно, было неприятно, что все так задержались, и, конечно, следует заранее принимать меры предосторожности в такой день, когда становится известно, что в городском движении возникнут сложности.

– Ох, но кто знал? – произнес Том.

Через восемь минут они должны были наконец уехать отсюда. Кэти пообещала всем купить по пинте пива в качестве извинения за путаницу с адресом.

– Но, вообще-то, об этом предупреждали или должны были предупредить. Некоторые леди говорили мне, что этот симпатичный разглагольствующий адвокат, сын Джока и Ханны Митчелл, который постоянно выступает по разным делам, говорил этим утром по телевизору, предупреждая всех, так что вы должны были знать. Ну, в

итоге все обернулось хорошо, и вам ни к чему платить за то, что вы использовали, смотрите на это как на чаевые.

– Так вы знакомы с Митчеллами, миссис Фриззел? – с невинным видом спросил Том.

– Мой муж играет в гольф с Джоком. Мы как-то были у них в гостях. «Дубки» – большой дом, очень красивый.

И тут Кэти вспомнила хозяйку и ее платье – она видела их в канун Нового года. Но к счастью, миссис Фриззел такой же хорошей памятью не обладала. Все улыбались, пока у них не заболели челюсти и пока они не забрались в фургон. А потом, выехав за ворота, снова и снова разыгрывали эту сцену для Кона и Джун.

– Этот симпатичный адвокат... – начал Том.

– Который выступает по разным делам... – хихикнула Кэти.

Тому сказали, что полицейский счел их настоящими волшебниками. А Том сказал, что если бы полицейский видел, как он намазывает на печенье всякую всячину из запасов миссис Фриззел, то понял бы, что они действительно настоящие маги. И еще он сказал Кэти, что ей следует позвонить Нику Райану насчет сюрприза в сороковой день рождения Джеральдины.

– Это нелепая идея. Джеральдина просто сожрет нас живьем... А еще что-нибудь случилось, пока я блуждала по Дублину? – спросила она.

– Да, симпатичный энергичный адвокат звонил, сказал, что заказал вам номер в «Холли» на следующий уик-энд.

– Ну, это еще одна неудачная идея по множеству причин, – заявила Кэти, глядя прямо вперед и не видя взгляда Тома, когда тот подъезжал к бару.

Нил вернулся домой как раз к началу новостей.

– Догадываюсь, у вас был большой успех, – сказала Кэти.

– Да, люди больше не могут притворяться, что ничего не знают о проблеме, и это хорошо.

– Тогда включи телевизор, посмотри, что там говорят.

Она подала ему бокал вина и поставила на стол между ними тарелку теплых тарталеток с сыром «Стилтон».

– Очень вкусные, – произнес Нил. – Остатки?

Кэти рассердилась. Она приберегла их специально для него, обернув в вощеную бумагу.

– Ну, можно и так сказать, но я смотрю на это иначе.

– Не будь такой колючей, милая. – (Кэти пожала плечами. Новости еще не начались.) – Как вообще все прошло, ты справилась?

– Все отлично. Кстати, она знакома с твоими родителями.

Зазвучала мелодия перед началом новостей.

– Тихо... Начинается, – сказал Нил.

Марш протеста освещали подробно и еще показали снимки Дублина с воздуха – множество стоящих машин. Где-то на пленках имелся и фургон «Алого пера», мечущийся, как раненый зверь. Кэти почти надеялась, что они его увидят. Но они увидели Нила. Ему уделили около двадцати секунд – молодой и пылкий, с развевающимися на ветру волосами, с мокрым от дождя лицом, – и он говорил прямо на камеру:

– Спасибо, что вышли сегодня на улицу, чтобы заявить, что в богатой стране мы стыдимся того, что этой ночью людям придется спать на улице. Пусть совесть никому не позволит сказать, что бездомные сами выбрали такую жизнь. Кто из нас захотел бы провести эту ноябрьскую ночь где-нибудь под аркой или под мостом на холоде, под дождем?

И он спрыгнул с возвышения. Сторонники хлопали его по спине, обнимали. И одной из ближайших из них была Сара. Кэти смотрела молча.

Потом показали какого-то политика, говорившего о том, что уже делается, и каких-то оппозиционеров, твердивших, что делается слишком мало. Нил выделялся среди них. Они были просто серыми фигурами в студии, не обладавшими страстью молодого человека, стоявшего под дождем.

– Ты был великолепен! – восхищенно произнесла Кэти.

– Это может помочь немного изменить положение дел. – Нил говорил обо всей демонстрации, не о своей маленькой роли. – Там было так здорово, Кэти! Мне бы очень хотелось, чтобы и ты смогла прийти, участвовать во всем.

Кэти подумала о том, как они с Джун и Коном сидели в фургоне и им казалось, что прошли уже часы, и как они проклинали его и желали провалиться сквозь землю.

– В каком-то смысле я и участвовала, – сказала она.

А потом начал звонить телефон. Люди поздравляли Нила, соглашались, что и дальше следует действовать так же, газеты и радиопрограммы хотели взять у него интервью. Он был специалистом по передаче требований. Он стал единственным представителем очень большого комитета, и, возможно, им следовало переговорить с тем или иным чиновником; он мог бы дать им номера телефонов и электронные адреса. Нил слишком хорошо знал, в чем подвох: на него смотрели как на единственного защитника чужих интересов; он твердил, что не может в одиночку все перевернуть. Когда ему звонили на мобильный, Кэти отвечала по городскому телефону. Она на самом деле на весь вечер превратилась в его ассистентку и помощницу, чего он и хотел от нее.

– Кэти, это Сара.

– Ох, Сара, рада тебя слышать! Все прошло хорошо?

– Да, конечно, ты разве не видела, не знаешь?

– У меня не было пока времени позвонить маме, но я слышала, что они готовят ирландское рагу, чтобы отметить этот день.

– Кто? Я не понимаю. – Сара явно была растеряна.

– Близнецы, конечно, все их вещи перевезли в запертый сарай на Сент-Ярлат-Кресент. Папа мне рассказал. А «Буки» сегодня закрыли.

– Ох, близнецы... – пробормотала Сара, Кэти молчала. – Прости, Кэти, конечно, ты имела в виду близнецов. Извини.

– А ты имела в виду демонстрацию?

– Да, я тоже с ней прошла немного, с Нилом. Разве он не выглядел прекрасно по телевизору?

– Безусловно. Мне передать ему трубку? – Кэти отдала трубку Нилу.

Она почувствовала себя очень усталой и далекой от всего, ей хотелось лечь в постель. Эти звонки могли продолжаться всю ночь. Но ей казалось, что нельзя быть пренебрежительной и холодной, проявляя так мало интереса к Нилу в его великий день. В каком-то смысле это значило очень многое. И она бы с радостью свернулась на диване и послушала его рассказ. Но не было таких диванов, на которых она могла бы устроиться, и не было возможности услышать что-то, кроме половины телефонных разговоров. Несколько месяцев назад Кэти рассказала бы ему все о миссис Фризвел, они бы посмеялись над тем,

что она назвала его разглагольствующим адвокатом. Сегодня это было бы совсем некстати. Все очень сильно изменилось. Им действительно необходимо было на время отдалиться от суеты. Это напомнило ей, что она должна сказать Нилу: она не поедет с ним в «Холли», вот только сегодня опять же это было некстати, придется отложить до завтра. И Кэти сидела там, слушая, как Нил с энтузиазмом говорит по телефону. Он отмахнулся от предложенной ему еды, ему хватало адреналина.

– Это обычная еда, не остатки, – сказала Кэти и тут же пожалела о своих словах.

– Ох, Кэти, ты уж слишком цепляешься к глупым замечаниям. Но все равно извини, если я тебя обидел, просто я больше ничего не хочу, и спасибо.

Телефон снова зазвонил, и он вроде даже с облегчением ответил. Ну а почему нет? – спросила себя Кэти. Вся Ирландия считала его героем. А его жена цепляется к мелким замечаниям насчет остатков. Что предпочел бы любой?

На следующее утро Нил спешил, он должен был ехать в радиостудию, дать интервью в программе «Утренняя Ирландия» до того, как заняться другими делами. Кэти так и не сказала ему ничего насчет «Холли». Это казалось неуместным.

– Увидимся в одиннадцать, – сказала она, когда он уходил. – Ты их там просто разгромишь, на радио.

– В одиннадцать? – повторил он.

– Ты помнишь о встрече?

– Встреча? – Он уставился на нее.

– Ох, Нил, в «Алое перо» явятся эти паршивцы и Джеймс.

– Боже, да, конечно, я приду, – кивнул он.

Джеймс Бирн попросил еще об одной встрече с представителями страховой компании. Ему сообщили, что положение дел пока весьма неудовлетворительное. Судя по всему, кузен – один из соучастников, который явился в компанию и все разгромил без видимой причины. И этот упомянутый кузен теперь исчез, а от страховой компании ожидают, чтобы она оплатила все, как будто на самом деле в «Алое перо» ворвались совершенно посторонние преступники. Нил не появился в одиннадцать, когда они намеревались начать. В приемной подали кофе, телефоны перевели на автоответчики, и Джеймс

приступил к делу. Ему бы хотелось, чтобы представители компании как следует огляделись здесь, они увидят, что двое владельцев стараются вернуть свой бизнес в прежнее состояние. И пока не прибыл Нил Митчелл, адвокат, который консультировал их... возможно, Джеймс мог бы заменить его и объяснить, как продвинулось дело. Он показал аккуратнейшие бухгалтерские книги, расписки на арендованное оборудование, текущий календарь запланированных работ и заказов. Он объяснил, что сейчас они не в таком положении, чтобы браться за работу, которая требует больших финансовых затрат, они не осмеливаются принимать заказы, которые могут быть не оплачены в течение традиционных девяноста дней, на чем настаивают большие компании. Он нарисовал картину достойной, трудолюбивой, борющейся пары, которой хотелось лишь того, что полагалось им по праву и по закону.

– Закон и его интерпретация имеют свои границы, – сказал один из страховщиков.

Кэти страстно желала, чтобы Нил был здесь и ответил ему. Почему он постоянно опаздывает в последнее время? Потом зазвонил ее мобильник.

– Нил!

– Прости, милая, ты не представляешь, какой тут шум поднялся... Я буквально в осаде...

– Они пришли для консультации, ты нам нужен...

– Мне действительно жаль, прошу, передай им мои искренние сожаления...

– Нет, Нил! – Из глаз Кэти хлынули слезы.

Он слишком часто так поступал. В последние полчаса все то и дело посматривали на дверь, ожидая его, а теперь оказалось, что его и близко нет!

– Если бы я мог...

– Они только что сказали, что у закона есть интерпретация и границы, ты должен быть здесь, чтобы разобраться во всем!

Том и Джеймс одновременно громко заговорили, стараясь сгладить то, что явно было семейной ссорой, и слегка унижительное отсутствие их юридического консультанта. Но Кэти уже выключила телефон.

– Нил не может прийти, он говорит, что просит его извинить. Я хотя и разозлилась на него, но передаю его сожаления.

Том выдохнул. Медленно. Кэти уже взяла себя в руки. Они напомнили, что Уолтер не родня Кэти, он всего лишь кузен ее мужа, что они с ним никак не связаны, а полиция уверена, что он в Лондоне, но где именно – неизвестно. Тот факт, что родители Кэти надеются взять под опеку брата и сестру Уолтера Митчелла, совсем не означает близких и долгих родственных отношений. Уолтер вообще не имеет к ним никакого отношения. Встреча закончилась неопределенно, страховщики ушли со словами, что не придут на следующую встречу или консультацию, пока не появится что-нибудь новое. А тем временем расследование и переговоры будут идти обычным путем.

Том, Джеймс и Кэти долго сидели молча после их ухода.

– Я бы его убила, – наконец сказала Кэти.

– Не надо, – возразил Том. – У нас и без того хватает неприятностей.

– Да, у нас проблемы, – сказал Джеймс. – Если компания не заплатит до Рождества, вы не сможете продолжать...

Сэнди Кин больше и близко не подпускал этих детей к своей конторе, так что Саймону и Мод пришлось ждать снаружи, пока Матти встречался там со своими коллегами.

– Я вызову полицию, если они перешагнут порог! – пригрозил Сэнди Кин.

– Это уж крайности, Сэнди, – возразил Матти.

– Это же не тебя поджаривали всем полицейским участком... Они сказали, что человек, способный принять ставки у детей, которым еще и десяти нет, способен на всякое, даже посадить их на наркотики! – Сэнди содрогнулся при этом воспоминании.

– Но тогда почему ты принял у них ставку? – недоумевал Матти. – Я ведь никогда прежде не присылал их к тебе с деньгами.

– Но тебя не было, ты не появлялся два дня! Кстати, где ты пропал?

– По своим делам, – ответил Матти.

Он не хотел упоминать и вообще помнить об исследовании в больнице.

– Матти, у тебя нет никаких дел, кроме как приходить и мучить меня! – в отчаянии воскликнул Сэнди.

В дверь громко постучали. Снаружи стояли близнецы.

– Нет! – рявкнул Сэнди.

– Мы не входим, спасибо, мистер Кин. Мы просто хотим сказать Матти, что приехала Кэти и хочет покатать нас в фургоне и что мы тут немножко промокли...

– Хорошо-хорошо, катайтесь. Пока!

– Мы не хотим, чтобы Матти думал, что мы снова исчезли.

– Да уж, это нам всем не понравилось, – сухо произнес Сэнди Кин.

– Спасибо, мистер Кин, – сказала Мод.

Матти вышел к ним:

– У этого парня голова как чурбан! Что может случиться, если двое воспитанных детей и породистый лабрадор войдут в эту букмекерскую контору? Они только поднимут настроение. Он ничего не соображает.

Кэти подогнала фургон поближе:

– Мне нужна хорошая компания, вот я и подумала о Грохоте, и, конечно, это значит, что нужно взять и Саймона с Мод.

– Это шутка, – пояснила Мод.

– Кэти всегда отлично умела шутить, когда была маленькой, – сказал Матти. – Она обычно каждый день приходила из школы с новой шуткой.

– А теперь ты не слишком много шутишь, Кэти, – заметил Саймон.

– Да я битком ими набита! – воскликнула она.

– А когда ты их рассказываешь, чтобы посмеяться?

Кэти помолчала, раздумывая. Она посмеялась вдоволь в фургоне, когда они уезжали от миссис Фризвел.

– На работе, дома, везде.

– А Нилу нравятся шутки? – спросила Мод.

– Да, очень. Па, а мы не соблазним и тебя...

– Нет, у меня здесь очень много работы. Может, за ужином увидимся. Там еще осталось то отличное ирландское рагу, что приготовили близнецы.

– Боюсь, мы сделали слишком много, – сказал Саймон.

– Нет, слишком много не бывает, как раз для этого Господь изобрел морозильник...

– Но ведь Господь на самом деле не... – начал было Саймон. – А-а-а, понял.

Они поехали в интернет-кафе, и близнецы сели к компьютеру, а Кэти выпила слишком много кофе и прикидывала, что должна сказать Нилу вечером. Его присутствие сегодня могло бы насторожить страховщиков, дело могло сдвинуться с места. Он должен был это понимать. Без нытья, жалоб и... Как он сказал недавно? Обидчивая. И хотя Кэти было противно это делать, она чувствовала, что будет лишь справедливо сказать ему о жутком прогнозе Джеймса. Может быть, это заставит его почувствовать себя еще более виноватым оттого, что он подвел их сегодня. И конечно, у нее до сих пор не было времени объяснить ему, что она не сможет поехать с ним в «Холли». Это должен быть разговор без особых шуток, понимала Кэти. В этот момент к ней подошел Саймон:

– Мы нашли очень хороший веб-сайт. Кэти, можем мы побыть здесь еще полчаса или это уже слишком?

– Нет, все в порядке. – Она дала ему денег.

– Это не очень дорого, а? Ты же не станешь бедной из-за того ограбления?

До сих пор близнецы не понимали по-настоящему роли Уолтера в ограблении, и Кэти скрывала все от них. Их мать и отец снова бросили их. Не было смысла лишать их единственного оставшегося члена семьи, того, который недавно заступился за них.

– Нет, мы можем позволить себе еще полчаса, и не забывай, ты вполне можешь получить компьютер на Рождество. И тебе не придется больше ходить в такие места.

– Представить только, что он будет у меня дома! – Глаза Саймона засияли.

Кэти уже договорилась с Джоком и Ханной, что они сделают такой подарок. Она собиралась устроить, чтобы хороший персональный компьютер доставили прямо на Сент-Ярлат-Кресент. Нил сказал, что, строго говоря, поскольку это связано с образованием, оплата должна пойти из трастового фонда близнецов. Он может поговорить об этом с Сарой. Кэти вздохнула:

– Пусть твои родители хоть что-нибудь сделают для них, Нил. Они чертовски мало что делали! Это пойдет на пользу им самим.

Нил был ошарашен, но согласился.

– А ты не против того, чтобы тут сидеть? – спросила Мод.

Кэти не возражала. Она совсем не спешила возвращаться в Уотервью.

Когда они вернулись на Сент-Ярлат-Кресент, их ждали новости. Звонила Мэриан. Они с Гарри ждали ребенка, хотя срок был еще невелик. Разве это не прекрасно? Они должны были крестить его в апреле в Чикаго, и все должны явиться.

– А на крещении танцуют? – спросил Саймон.

И Кэти невольно потянулась к руке матери и сжала ее, а Лиззи в то же время потянулась к ней. Ни одна из них не решалась заговорить.

Кэти все откладывала возвращение домой. Она отправилась в одно из новых местечек, спрятанных среди ресторанных улиц Темпл-Бара, чтобы перекусить. Нил вообще, похоже, ничего не ел в эти дни, хотя в холодильнике лежало много того, что он называл остатками. К огромному удивлению Кэти, она увидела там Марселлу в роли официантки. Марселла прекрасно выглядела в черном брючном костюме и красных бусах. Они недоверчиво уставились друг на друга.

– Ты чудесно выглядишь, Марселла, но так ведь всегда было.

– Вот только чего ради. – (Последовало неловкое молчание.) – Ты с кем-то встречаешься? – спросила Марселла.

– Нет, я просто... ну... я просто хотела выпить вина и немножко перекусить.

– У нас есть отличные смешанные тапас, – предложила Марселла.

Кэти кивнула и сдавленным голосом произнесла:

– Это было бы отлично.

– И, Кэти, у меня сейчас перерыв... Тебя не рассердит, если я посижу с тобой минут десять? Мне бы очень хотелось.

– Мне тоже, – неискренне ответила Кэти.

Пожалуйста, если только Марселла не станет плакаться и снова рассказывать о том, что ей просто хочется еще раз поговорить с Томом... Но все оказалось иначе. Марселла расспрашивала об «Алом пере» и о том, что происходило после ее отъезда. Рассказать было что.

Кэти говорила о свадьбе Мэриан, о своей беременности и выкидыше, об исчезновении близнецов, о том, что Джимми, муж Джун, теперь сидит дома, и о новом приятеле Джеральдины, и о том, что Кон теперь работает у них почти полное время, и что вором оказался Уолтер... Но кое-что она пропустила. Вроде того, что их ждет горестное финансовое будущее. Вроде того, что Том слишком долго выглядел как призрак и все они переживали за него, что он лишь теперь начал оживать. Не сказала она и о том, что все сильнее отдаляется от Нила и даже боится сейчас идти домой. И как раз поэтому сидит в кафе и ест тапас.

– Я все болтаю о себе... Ты можешь рассказать мне о чем угодно или спросить, Марселла. Мы с Томом никогда не обсуждаем личное, это вроде неписаного правила.

– Как ты думаешь, есть шанс, что он примет меня обратно? – Это прозвучало так открыто, робко и печально.

– Понятия не имею, Марселла. Я действительно не знаю. Я отлично знаю одну сторону его жизни, но ничего – о другой.

– А у него сейчас есть кто-то?..

– Нет, ничего серьезного. Мне известно, что он встречается с девушками, но никогда о них не говорит.

– Спасибо, Кэти. – Марселла посмотрела на часы и встала.

– Я тоже лучше пойду. – Кэти достала кошелек.

– Нет, за мой счет, Кэти.

Кэти знала, что жалованье в таких местах невелико и почти нет чаевых. Но достоинство также имело значение.

– Спасибо. Было очень вкусно, я стану рекомендовать это место.

Как раз вошли несколько человек. Марселла пошла поприветствовать их, высокая и красивая, с уверенной улыбкой.

Кэти позвонила Нилу. Его еще не было дома. Кэти не хотелось сидеть там и ждать. Но куда еще она могла пойти? Было восемь часов зимнего вечера. Соблазнительно было отправиться в «Алое перо», посидеть там часок, включить какую-нибудь музыку, расслабившись на одном из больших диванов и закрыв глаза. Но она могла и заснуть. Нужно было возвращаться в Уотервью. Забавно, она теперь даже не называла это домом. Просто Уотервью.

Они приехали одновременно, ее фургон остановился рядом с «вольво».

– Надо же, какая точность! – Нил был доволен.

Он держал под мышкой пачку документов, а на плече висел портфель. Нил прошел впереди Кэти и сразу посмотрел на огоньки автоответчика:

– Всего три сообщения. Хорошо.

– Оставь их, Нил.

Нил засмеялся:

– Да о чем вообще ты говоришь, милая? Тебе не нужен автоответчик, если ты...

– Пожалуйста, оставь их пока. Если ты их прослушаешь, тебе придется отреагировать, – сказала Кэти.

– Ох, Кэти, да что такое?

– Попытка поговорить с тобой, пока у нас еще есть силы и мы не рухнули в постель, – просто ответила она.

– Я же тебе говорил, что забронировал номер в «Холли». Мы будем там разговаривать все выходные.

– Я не поеду с тобой в «Холли», – неожиданно громко произнесла Кэти.

– Ты становишься очень упрямой. Ты отказалась ехать в отпуск, когда я уже договорился с Томом. Я сказал ему, что ты очень устала, и он ответил, что поработает за тебя, и я выбрал время для себя, что было нелегко, отменил кучу разных вещей, с которыми теперь предстоит разобраться. Потом ты согласилась поехать в «Холли», а теперь вдруг передумала.

– Я говорила, что мне хочется выходных, но не просила тебя забегать вперед и бронировать номер без обсуждения.

– Но тебе нравится «Холли»!

– Я не хочу туда ехать.

– Какого черта!.. – Нил уставился на нее в полном недоумении.

– Когда мы с тобой в последний раз ездили туда, я сказала тебе, что у нас будет ребенок. Нил, тебе не кажется, что мне не хочется туда возвращаться?

Говоря это, Кэти чувствовала себя немножко виноватой. То, что она сказала, было веским основанием, но существовала еще одна причина. Впрочем, ей нечего было стыдиться, у нее не было каких-то

настоящих тайн. Ей бы следовало раньше при случае сказать, что она заснула в комнате Тома...

Нил смущенно посмотрел на нее:

– Боюсь, я об этом не подумал. Я завтра закажу номер где-нибудь в другом месте.

– Или, может быть, мы сделаем это вместе, после того как поговорим, – предложила Кэти.

Нил немного потянул время, проверяя телефон.

– Так все дело в этом? Что я сам решаю, не посоветовавшись с тобой? Так?

– Нет, это нечто гораздо, гораздо большее. Дело в том, что ты подвел нас сегодня, когда был по-настоящему нам нужен, – ответила Кэти.

А он и забыл. У него был такой суетливый день... Если будет принято решение о серьезной программе по бездомным, его могли включить в нее... Как он мог помнить о встрече с какими-то страховщиками, давно им забытыми?

– Послушай, я ведь тогда говорил тебе... – начал он.

– Ты не пришел, Нил.

– Ты же знала, как я сегодня был занят после той демонстрации. Господи, ты же сама знаешь, сколько вчера было звонков!..

– Тогда почему ты ее не отменил?

– Но, Кэти, это не было...

На этот раз она не стала его перебивать, она ждала. Но Нил ничего больше не сказал.

– Это не было что, Нил? – наконец спросила она почти с вызовом.

– Это был вопрос приоритетов. Мы все должны каждый день принимать решения насчет того, что делать и чего не делать. – Он был спокоен и рассудителен.

– И ты в последнюю минуту решил не приходить на очень важную встречу по поводу компании твоей жены? Оставить нас троих выглядеть так глупо, что ты бы и не поверил?

Спокойствие Нила растаяло.

– Кэти, пожалуйста! Эти дела просто необходимо было сделать, создавался объединенный комитет, им нужен был человек, который мог дать справочную информацию...

– Ты был необходим нам в фирме, ты обещал прийти. Ты не знаешь, что произошло. Они обрушились на нас, они были так высокомерны и... Ты не поверишь, но если они не заплатят вовремя, то мы можем уже до Нового года лишиться бизнеса! – Кэти ждала, что Нил будет потрясен, но ничего такого не случилось. – Вроде как выйдем из него, постепенно снижая торговлю, – добавила она, боясь, что он не понял.

– Кэти, я знаю, что это удар для тебя и Тома. Мне, конечно, жаль, но серьезно, с точки зрения того, что еще происходит... это не то, что я мог бы предпочесть всему остальному. В конце концов, это просто бизнес, всего лишь маленький бизнес, приготовление еды для богатых людей, предоставление им высококачественных услуг.

– Что?! – Кэти потрясенно уставилась на него.

– Ты знаешь, я всегда гордился тобой, и ты работала очень хорошо. Очень хорошо... – Он осекся.

– Прости, я не понимаю. Это моя работа, Нил, это то, что я делаю.

– Я знаю, милая, но нельзя же сравнивать твое занятие... Понимаешь, все эти рассуждения о канаве и прочем не идут ни в какое сравнение с тем, чем я занят сегодня!

– Сегодня речь шла не о канаве, речь шла о людях, многих, чья работа не может быть оплачена... Ты сам говорил мне, когда случилось то ограбление.

– Я знаю, знаю.

– Так о чем мы тогда говорим? Скажи, Нил, скажи сейчас, почему мы, просившие о консультации, тебя так и не увидели, почему не могли положиться на тебя, как ты обещал?

– Это довольно несправедливо...

– Скажи!

– Потому что это было не так важно, как создание объединенного комитета. И не надо это сравнивать с важностью какого-то бизнеса, Кэти. Компании рождаются и умирают.

– Даже если ты трудишься как раб и строго следуешь правилам, как постоянно делали мы?

– Да о чем вообще мы говорим... Ты же презираешь своих заказчиков, ты просто делаешь на них деньги, я же слышал, как ты снова и снова на них жалуешься и насмехаешься, но все равно ведь ты берешь их деньги!

– А что, это аморально – обслуживать и получать за это плату?

– Нет, Кэти, не так, но мне кажется, что ты уж слишком высоко поднимаешь моральную планку, утверждая, что я должен был бросить важное дело по защите бездомных ради защиты того, что, как мы согласимся, представляет собой в итоге нечто совсем неважное.

– Повтори еще раз, Нил.

– Хватит играть, ты меня услышала.

– Ты думаешь, «Алое перо» не имеет значения?

– Не само по себе. Оно удовлетворяет кое-какие потребности, но в смысле...

– Ты всегда так думал, ну... год назад, когда я так хлопотала, организовывая все? – спросила она, и Нил тяжело вздохнул. – Мне нужно знать. – Кэти теперь была спокойна.

– Ну... я думал, это доставляет тебе удовольствие, понимаешь, из-за всей этой ерунды с твоей матерью и моей, хотя все это ни для кого никогда не имело значения.

– Это имело значение для всех, кроме тебя, – сказала Кэти.

– Значит, ты полагаешь...

– Значит, ты всегда думал, что это было вполне тривиальным начинанием, из тех, что открываются и закрываются?

– В бизнесе такое случается. – Он пожал плечами. Равнодушно.

– Тогда почему ты вообще во все вмешался, когда к нам вломились... когда произошло то ограбление, которое, как оказалось, на самом деле устроил твой двоюродный брат?

– Я все ждал, когда мы до этого дойдем, – сказал Нил.

– Нет, Нил, почему ты взялся за это, если не собирался доводить все до конца?

– Я собирался довести до конца и собираюсь, просто сегодня не тот день. Кто угодно в Ирландии сказал бы тебе, что у меня более важные дела. – Нил выглядел крайне обиженным.

– Но ты считал, что все это чистая ерунда, рискованный проект для богатых. Тогда почему ты вообще беспокоился...

– Это было принципиально, страховщикам нельзя было позволить ускользнуть. – (Последовало долгое молчание.) – Кэти?

– Что?

– Ты... ты... э-э-э...

Она долго смотрела на него и наконец сказала:

– Думаю ли я, что теперь тебе нужно прослушать сообщения? Да, полагаю, это отличная идея.

– Не надо так несерьезно со мной!

– Я и не шучу. Уж поверь.

– Но ты хотела поговорить.

– Мы и поговорили.

– Я могу сказать что-нибудь, что поможет тебе чувствовать себя лучше? – спросил Нил.

– Нет, ничего такого, Нил.

– Я понимаю, что выгляжу просто бесчувственным, это насчет отеля «Холли»...

– Я еще раз повторяю, это не важно, так что поверь и в это.

– Я люблю тебя, – сказал он.

– Возможно, Нил.

– Нет, действительно и искренне, и мы ведь всегда были честны друг с другом, милая, всегда.

– Да, – задумчиво ответила Кэти.

– И я не хочу никого в мире, кроме тебя. Да, я сегодня рассердил тебя и, может быть, в последние месяцы, поскольку мало бывал дома. Признаю. Но я нашел решение.

– Да? – Она вопросительно посмотрела на него.

– Я действительно не осознавал, как много значит для тебя вся эта история с ребенком. – Он наклонился вперед и взял ее за руки. – Кэти, я хочу сказать это прямо. Если тебе хочется, чтобы мы постарались завести другого ребенка, то я не возражаю, я действительно ничуть не возражаю.

Глава 12. Декабрь

Один из коллег Матти стал ходить на иглоукалывание, и его спина выпрямилась; вообще-то, он даже подумывал, не следует ли ему отправиться в Лурд поблагодарить Богоматерь, настолько невероятным было преобразование. Кэти рассказала об этом Джун, просто на тот случай, если вдруг иглоукалывание поможет ее мужу.

– Джимми ничто не поможет. Он теперь превратился в агента Интерпола, изучает, во сколько закончилась моя работа и почему я так долго добиралась до дома... Это просто выводит из себя.

Кэти приняла сторону Джимми:

– Если честно, ты теперь даешь ему причины для ревности... разъезжаешь по вечеринкам и клубам.

– Я никогда не спала ни с кем другим с тех пор, как вышла за него сто лет назад, чего не скажешь о многих, но нет смысла говорить ему это. В последнее время он постоянно обвиняет меня, а я единственная в Дублине непорочная душа.

Кэти подумала, так ли это. Почему большинство людей не стоят доверия? Сама она никогда такой не была. А Нил? Трудно сказать, теперь очень трудно сказать. И тут ее поразила мысль, что он вполне мог быть, например, с той рыжей Сарой, и говорить ей то же самое, что говорил своей жене, и делать то же самое... Нет, это было невыносимо. Но ведь было и очень много другого.

– Кэти! Ты положила в эту коробку семьдесят, а не шестьдесят! – Джун выхватила у нее коробку.

Они готовили заказ на Рождество, шесть коробок канапе. По шестьдесят в коробке.

– Ты где-то за сто миль отсюда! – проворчала Джун.

– Ты права. – Кэти резко собралась с мыслями. – А мы должны закончить это быстро, поскольку у нас еще завтрак в одиннадцать утра.

– Хорошо. Я поспешу, если ты сама сосредоточишься.

– Ладно. Я сосредоточусь, если ты дашь Джимми имя того мастера акупунктуры. Он заслуживает попытки.

И они стремительно взялись за дело, смеясь, когда натыкались друг на друга, но коробки были заполнены, этикетки наклеены, все

оказалось в арендованных морозильниках. К одиннадцати утра Том вернулся из «Хейвордса» с наличными. Кона и Люси тоже пригласили, и все они уселись в приемной, а перед ними на столе, где прежде стояла любимая Кэти чаша для пунша, поставили пять кружек с логотипом «Алого пера», полных горячего кофе, и тарелку с песочным печеньем.

– Начинаем военный совет. Мы с Кэти думаем, будет лишь справедливо, чтобы все осознали, как близко мы стоим к пропасти. Единственная надежда – работать до изнеможения весь этот месяц. В январе мы уже ничего не сможем сделать, денег не будет, а потому мы можем рассчитывать только на ближайшие четыре недели. Так что мы должны знать, сколько дней и вечеров вы можете выкладываться по полной, иначе на нас свалится то, с чем мы не сможем справиться, и тогда мы просто рухнем.

– Я могу работать каждый вечер, кроме Рождества, – сказал Кон.

– Но, Кон, а как же твой паб? – задохнулся Том.

– Я попросил ставить меня только в дневную смену. Для меня это предпочтительнее. Да и в любом случае в декабре ничего нет хорошего.

– Ты уверен?

– Уверен. Я собираюсь в январе поехать кататься на лыжах с одной пташкой, и мне нужно все, что я смогу получить.

– А ты, Люси?

– В любой вечер, кроме Рождества, и во время ланча в основном тоже.

– Люси, ты что, бросила университет?

– Нет, но там ничего особенного сейчас и до февраля. Вот тогда придется заниматься; да все равно, я тоже собиралась покататься на лыжах с одним парнем, и мне нужно купить немножко новой одежды. – Посмотрев на Кона, она заговорщически засмеялась.

– Джун? – спросил Том.

– Каждый вечер, включая Рождество, – ответила она.

– Но Джимми? – заикнулась было Кэти.

– А разве это не приносит деньги? Он будет только рад.

– Кэти?

– Конечно, в любой вечер и в любой день. Это же наша последняя ставка.

– Но разве ты не должна...
– Нет! – коротко бросила Кэти.
– А отпуск, а выходные? – Том был заинтригован.
– Ничего не будет. Все это время я буду здесь.
– Я тоже все время буду здесь, так что нам вряд ли понадобится еще один такой завтрак.

Вся команда будет здесь, каждый ее член, каждый вечер. Они собирались сделать это, все пятеро; они должны были добиться того, что «Алое перо» не пойдет ко дну. И все они знали, что теперь следует раздобыть заказы.

Этому должны были помочь буклеты. Они предполагали оставить их везде, в университете Люси, в пабе Кона, на прилавках продуктового отдела «Хейвордса», в химчистках друга Джеральдины мистера Райана... Джеральдина и Шона должны были разместить их в Гленстаре. Лиззи собиралась оставлять их в домах, где наводила порядок. Стелла и Шон, все еще в восторге от своей свадьбы, собирались распространить их в своем районе. Том намеревался пойти этим утром в типографию. Кэти собиралась на рынок узнать, смогут ли некоторые владельцы палаток помочь им. Позвонила Джеральдина и пришла в восторг, услышав, что все полны энтузиазма. Она сказала, что может позвонить Гарри, знакомому журналисту, и попросить его упомянуть об «Алом перо» в одной из колонок «Обратный отсчет до Рождества».

Все согласились сообщить друг другу о новостях еще до конца дня.

А новости оказались странными. Когда Том пришел в типографию, там его вспомнили.

– О, вы здесь были давным-давно. Вы же купили здание Мартина Магуайра!

– Верно. – Том удивился.

– А вы что-нибудь знаете о том, чем этот бедняга теперь занят? Жуткая это была история, жуткая!

– Думаю, у него все хорошо. Кэти, мой партнер, встречалась с ним летом. Он собирался зайти к нам, но в последний момент не смог.

– Ох, но вы ведь не можете ожидать, что этот человек снова зайдет туда после всего, что там случилось!

– Боюсь, я не знаю. А что случилось? – немного подумав, спросил Том.

– Ох, я слишком много болтаю, – сказал работник типографии.

– Пожалуйста, расскажите! – Том был вежлив, но настойчив.

– Его сын Фрэнки повесился прямо там, в том здании. Они больше ни дня не могли там работать.

Кэти приехала на рынок, где уже шла подготовка к продаже рождественских подарков и где должно было собраться огромное множество народа. Но большинство владельцев палаток и лотков не считали возможным поместить у себя объявления об обслуживании приемов. Наверное, имелась общая доска объявлений вон на том здании, в конце... Кэти пошла туда, а по пути увидела ларек с разными безделушками, среди которых заметила чашу для пунша, точно такую, как ее собственная. Она взяла ее и посмотрела на нижнюю часть.

Так и есть. «Награда Кэтрин Мэри Скарлет за успехи».

– Сколько? – шепотом спросила она владельца ларька.

– Ну, не фунт стерлингов серебром или что-то в этом роде, но цена нормальная.

– Пожалуйста? – повторила она.

– Тридцать? – с некоторым сомнением произнес тот.

– Двадцать, – предложила Кэти и получила чашу за двадцать пять фунтов.

– Это, конечно, для меня не имеет никакого значения, но вы, случайно, не скажете, откуда она у вас? – спросила она.

– Ни малейшего представления, – ответил тот.

– Да это и не важно, – сказала она и тут же забыла о поиске места для объявления.

Джеральдина заглянула в редакцию газеты с небольшим текстом об «Алом пере», который сама же и составила. Он был готов к печати. Гарри был ее старым другом. Джеральдина знала его целую вечность и недавно дала ему телефоны двух политиков, так что он был перед ней в долгу.

– Не хочешь пойти выпить со мной, Джер? Мне пойдет на пользу, если меня увидят с такой юной соблазнительной особой, как ты, поднимет мой авторитет.

Конечно, было чистой лестью называть ее юной и соблазнительной, но ведь Гарри был намного старше ее. Все относительно.

– Я не могу, Гарри, но все равно спасибо. У меня еще очень много дел.

– Жаль, я немного не в духе. Мне нужно взбодриться.

– Извини, а что тебя угнетает?

– Все мои старые друзья мрут как мухи, и последний – Тедди. Он тоже вот-вот уйдет. Полагаю, ты слышала уже.

Джеральдина ни слова не слышала о том мужчине, которого когда-то любила, о человеке, который променял Ирландию на Брюссель и уехал туда с женой и детьми двадцать два года назад. Джеральдине стало плохо, но она это скрыла.

– Да, кое-что слышала, – пробормотала она. – Но расскажи...

– О, дело обычное, на этот раз химиотерапия ему не помогает. Решил вернуться в Ирландию, чтобы умереть здесь. Забавно, он ведь не приезжал сюда все эти годы, а уехал, должно быть, лет пятнадцать назад.

– Думаю, больше, – сказала Джеральдина.

– Может быть. А ты его знала тогда?

– Немножко, – ответила она и поспешила выйти на свежий воздух, прежде чем у нее не подогнулись ноги прямо в теплом кабинете.

– Матти, а у тебя достаточно денег, чтобы мы могли здесь жить? – спросил Саймон.

– Кэти говорила, ты не должен спрашивать людей о деньгах, сколько они имеют, – неодобрительно заметила Мод.

– А я и не спрашиваю, сколько получает Матти, я просто хочу убедиться, что этого достаточно. – Саймон рассердился из-за того, что его неправильно поняли.

– Нам вполне хватает, сынок. Мы ни в чем не нуждаемся.

– Тебе не хватает хорошего пальто, Матти. Твое очень тонкое.

– Но у меня отличный толстый свитер, – бодро возразил Матти.

– У отца всегда было хорошее пальто с бархатным воротником, и я уверен, они получили кучу денег за «Буки». – Саймон расстроился из-за несправедливости мира.

– Да, но теперь вспомни, что твой несчастный отец потерял свой дом, а ваша мать потеряла здоровье, так что не каждый имеет все, и это главное, о чем не следует забывать, – сказал Матти.

– В «Буки» после Рождества приедут новые люди, – сообщила Мод.

– Это тебя расстроит, детка? Ты будешь скучать по тому дому?

– Нет, Матти, я имела в виду, что сейчас там никого нет. Мама в основном не выходит из спальни, отец уехал куда-то со стариной Барти. Там нет никого, по кому можно скучать.

– Теперь ваш дом здесь, и будет им так долго, как вам захочется. Вообще-то, навсегда. Я понимаю, здесь не так роскошно, как вы привыкли, но мы будем сильно по вас скучать, если вас здесь не будет... И скучали, вы же знаете.

– Мы знаем, вы скучали, – успокоил его Саймон. – Разве ты не доехал до самого Килкенни, чтобы найти нас?

– Интересно, а где сейчас Уолтер? – спросила Мод. – Он ни разу не прислал открытки и не позвонил.

– Уверен, как-нибудь позвонит, – поспешил сказать Матти.

– Надеюсь, у него хорошая работа, – предположила Мод. – И он тоже был таким милым, тоже пришел за нами в тот же день, что и ты. Я и не ждала от него такого.

– Ну, я думаю, он не стал бы слишком хлопотать из-за нас, но, должно быть, все-таки беспокоился, – решил Саймон.

– Мы думали, он в ту ночь уехал навсегда, я даже не помню все как следует, – обеспокоенно произнесла Мод.

Матти решил, что пора менять тему разговора:

– Люди всегда говорят, что не следует оглядываться назад. Разве я оглядываюсь на тот день, когда собирался поставить десятку на Эрл Грея, но не присмотрелся внимательно, перепутал имена и вместо него поставил на Кинг Грея? Дурной это был день, но разве я на него оглядываюсь? Нет.

– Том, не бросай трубку, это Марселла.

– Я и не собираюсь бросать, – ответил он.

– Послушай, я не могу говорить долго, знаешь, есть такая телеигра с фантастическими призами, ну... полет на вертолете, кто-то приготовит званый обед...

– Знаю. – Том вздохнул. – Джеральдина пыталась вовлечь нас туда, но...

– Я обедаю с режиссером, вообще-то, я сейчас в «Квентине». Почему бы вам с Кэти не приехать сюда, я бы вас познакомила, а Бренда расхвалит вас до небес. Разве это не может быть отличным шансом...

– Ты очень добра, что подумала об этом, но...

– Но что, Том? Сейчас восемь вечера. Я здесь буду с этим парнем еще минимум час с небольшим. Давай бери Кэти. Могу поспорить, она решит, что дело того стоит! – И Марселла закончила разговор.

Они встретились в «Квентине». Том надел темный костюм и белую рубашку.

Кэти восхищенно смотрела на него:

– А ты здорово постарался!

Сама она была в синем бархатном брючном костюме, а волосы свободно распустила по плечам.

– А ты нарядилась! – заметил он.

– Давай закажем только закуски, мы не можем позволить себе полноценный обед, – сказала Кэти, беспокойно заглядывая в меню.

Том смотрел на Марселлу, которая улыбалась мужчине с тяжелым подбородком, в очках. Режиссер, в чьей власти было сделать имя «Алому перу». И с чувством потери Том осознал, что больше не любит Марселлу.

К их столику подошла Бренда:

– Я знаю, к чему все это. Они уже пьют кофе, ничего больше не заказали и могут посидеть с вами минут пять, прежде чем уйдут. Так что вам незачем загружать стол едой.

– Ты гений, Бренда, – прошептала Кэти.

– Нет, просто я обожаю такие драматические события, пытаюсь иногда изменить жизнь людей, так что моя работа того стоит. Вы-то должны это знать, ведь сами делаете то же самое.

Все прошло как во сне. Марселла изобразила удивление, увидев их, Том попросил их посидеть с ними минут пять. Дуглас, режиссер, который оказался вполне приятным человеком и единственным, кто не

догадывался о происходящем, разговаривал легко. И никто не упомянул о телевизионном шоу.

– А ты теперь чем занимаешься, Марселла? – спросил Том.

– Я надеюсь, она украсит нашу программу как одна из тех, кто вручает призы, – с улыбкой сказал Дуглас.

В этот момент подошла Бренда и поздравила Дугласа с тем, что он открыл для себя «Алое перо», наилучшую фирму кейтеринга в Ирландии.

– Мы с Патриком всегда дрожим, если они к нам заходят, – сообщила она. – У них такие высокие стандарты!

– А скажите, какой прием с обедом вы могли бы организовать на восемь человек?.. – начал Дуглас.

И они поняли, что поймали его. И под столом очень крепко пожали друг другу руки.

Кей Митчелл снова находилась в частной лечебнице. Судя по всему, она уже не могла заботиться о себе; упоминалось содержание ее в палате на постоянной основе. Лечебницу выбрали, учитывая возможность для детей без труда посещать ее. Они могли доехать туда на автобусе от школы или от Сент-Ярлат-Кресент. Там имелась светлая гостиная, где она могла каждую неделю встречаться с детьми. И конечно, с мужем Кеннетом, если он когда-нибудь вернется из своих путешествий со стариной Барти. И с Уолтером, если кто-нибудь сможет ей сказать, где он и когда появится. Иногда Кей спрашивала о нем близнецов, но они не знали. Иногда она забывала, что «Буки» проданы, и расспрашивала о саде. Случались даже дни, когда она не была уверена в том, кто такие Мод и Саймон. Но близнецы проявляли терпение.

– Наверное, когда у тебя плохие нервы, люди вроде как выпадают из твоей памяти, как сквозь решетку, – сказал Саймон, пока они ехали домой после визита к матери, когда та постоянно спрашивала, кого они пришли навестить.

– А когда нервы немного успокаиваются, она обо всем снова вспоминает, – согласилась Мод, и они опять окунулись в уют Сент-Ярлат-Кресента, где все знали, кто они такие, и ждали их к ужину.

Джеральдине не понадобилось много времени, чтобы узнать, в какой больнице лежит Тедди и что у него частная палата. Она дважды подходила к этой больнице, предполагая навестить его, и дважды уходила, так и не сделав этого. Она даже входила внутрь и видела, что с ним никого нет... И все-таки что-то ее останавливало. Он теперь вряд ли знал здесь кого-нибудь, его дети выросли в Брюсселе, он не был близок с братом и сестрой. Хочет ли она увидеть его сейчас, когда он так сильно болен? Захочет ли он увидеть ее, когда пребывает в таком состоянии? Оставалась ли невероятная возможность того, что в эти дни, на последнем этапе его жизни, он желал бы снова с ней встретиться, но просто не осмеливался ее позвать? Придя в третий раз, Джеральдина твердо решила не убежать. Дверь его палаты была слегка приоткрыта. Джеральдина видела край кровати и сиделку, которая разговаривала с ним. Но все равно она не могла войти. В ее мобильнике имелся номер этой больницы... Она прошла дальше по коридору и позвонила; ее соединили с его палатой. Она услышала, как звонит телефон рядом с его кроватью, и потом он ответил.

– Тедди, это Джеральдина О’Коннор, – сказала она.

– Простите? – Голос был слабым, Тедди явно был растерян.

– Ты знаешь... Джеральдина, – повторила она и замолчала.

– Вы уверены, что звоните куда надо? – спросил он.

– Тедди, это Джеральдина, бога ради... Джеральдина!

Она подошла ближе к палате. Не мог же он просто забыть ее или сделать вид, что забыл. Такого не могло случиться. Она же помнила его половину своей жизни, она только хотела попрощаться, сказать ему, что никогда не переставала любить его...

– Извините, – произнес он. – Я на медикаментах, боюсь, я просто не могу припомнить всех имен...

– Тогда зачем ты сюда вернулся, Тедди, если никого не помнишь? – Джеральдина поняла, что ее голос прозвучал жестко.

– Пожалуйста, простите меня, – повторил он и отложил телефон.

Джеральдина видела, как сиделка ходит вокруг его кровати. Она так и не вошла в палату. Она неподвижно стояла в коридоре, наблюдая за тем, как симпатичная девушка вернулась на сестринский пост в углу. Джеральдина не знала, как долго простояла там. Кто-то из проходивших мимо спросил, все ли с ней в порядке, и ей пришлось ответить, что да, все хорошо. Она видела, как люди входят в разные

палаты, но никто не зашел к Тедди. И наконец она повернулась и направилась к лифту. Она еще слишком сильно дрожала, чтобы садиться за руль, и ей пришлось выпить чая в ресторане на первом этаже. Все только к лучшему, твердила она себе. О чем бы они могли говорить? Что она могла сказать ему? Что он погубил ее жизнь, так же как его приятель врач убил ее шансы на то, чтобы иметь ребенка? Стала бы она рассказывать ему обо всех тех мужчинах, которые заменили его в ее жизни, но которых она не любила так, как его? Мужчина, который вот-вот должен был умереть, не захотел бы слушать о такой трагедии. Джеральдина вытерла слезы, капавшие в ее чашку с чаем. Это только к лучшему, что он ее не вспомнил.

Этот вечер в «Квентине» был так хорош, что Том не захотел портить настроение историей о молодом Фрэнки Магуайре, покончившем с собой в здании их фирмы. Иногда он оглядывался вокруг, гадая, в котором помещении это могло произойти. Но Кэти не должна узнать об этом, как и все остальные. Да и в любом случае у них просто не было свободной минутки для таких рассказов. Обед для телевизионного шоу приближался... Тому и Кэти нужно было быть в студии... Рекламные буклеты начали приносить результат, и все пятеро работали не покладая рук, загружая и разгружая фургон, доставляя, обслуживая и прибираясь, принимая новые заказы. Происходило столько всего, что Том не мог заснуть, а потому ему не составляло труда вставать и ехать в «Хейвордс» печь хлеб в такой час, когда большинство людей еще спали.

И Шона не спала. Она приехала в такое же время.

– Я приготовлю тебе завтрак, – предложил Том.

– Ладно.

Она вошла в кухню, села и наблюдала за тем, как он пробуждает все вокруг, готовит тесто, варит им обоим кофе и поджаривает тосты.

– Шона, чего ради ты пришла так рано? Тебя что, гоняют на работе?

– Нет, это же моя жизнь. Я пришла пораньше, чтобы без помех посидеть часок в Интернете. Я отвечаю за заказ на выходные, а я не слишком в этом опытна.

– На сколько человек? – рассеянно спросил Том.

– На двоих, – ответила она.

Том посмотрел на нее с улыбкой:

– Это здорово.

– Это не то, что ты думаешь, Том.

– Это всегда не то, что ты думаешь, – сказал он. – Чем старше я становлюсь, тем лучше это понимаю.

Кэти зашла в салон красоты в «Хейвордсе».

– Мне нужен новый имидж для завтрашнего шоу на телевидении, – сказала она.

– Какого рода имидж? – спросил Джерард, главный стилист.

– Я хочу всех ошеломить.

Джерард в своей жизни и не такое слышал.

– Что вы наденете? – спросил он.

– Красную футболку, черные брюки и белый фартук, и мне придется спрятать волосы под шапочку, наверное, или во что-то такое, чтобы они не падали в еду.

Джерард вполне разумно спросил, зачем ей нужна новая прическа или вообще какая-то прическа, если волосы будут спрятаны. Может, ей на самом деле нужна шляпка, изысканная белая шляпка?

– Мне нужна красивая прическа, потому что уже давно моя свекровь дала мне подарочный купон к вам, – ответила Кэти так, словно это была самая очевидная вещь в мире.

– И что вы с ним сделали?

– Отдала подруге, Джун, ей хотелось иметь фиолетовые пряди.

– Понимаю, – кивнул Джерард.

– И у меня всего сорок пять минут, Джерард, так что не могли бы вы придумать что-нибудь быстрое?

Джерард послал в магазин за белой шапочкой, чтобы более четко оценить ситуацию.

– На это же понадобится вечность! – пожаловалась Кэти.

– Вы профи, и я профи. Вы не позволяете еде выглядеть как помой. Я не хочу, чтобы вы показались на экране с моей прической, если та после всего станет выглядеть как воронье гнездо.

Кэти поняла: он тоже защищает свою репутацию. Джерард надел на нее белую шапочку под кокетливым углом, а потом подстриг ей волосы чуть выше плеч.

– Я чувствую себя, как простофиля в пантомиме, – сказала Кэти, глядя в зеркало.

– Большое спасибо, могу поспорить, ваша еда и на вкус как дерьмо, – обиженно откликнулся Джерард.

Их взгляды встретились в зеркале, и оба засмеялись. Спокойно сидевшие клиенты с изумлением смотрели, как Кэти и Джерард хохотали почти истерически, не в силах остановиться.

– Том, ты ведь знаешь, мы ни за что не стали бы тебе досаждать, – сказала по телефону Мод.

– Я знаю, как и вы знаете, что я ни за что не обидел бы вас, просто сейчас, ты не поверишь, мы ужасно заняты.

– Я бы поверила. Я слышала, как Матти говорил своей жене Лиззи, что при том, сколько вы работаете, вы оба ляжете в гробы еще до Дня святого Патрика...

– Он так сказал? – Том протянул руку и снял с огня кастрюлю как раз перед тем, как все в ней собралось подгореть.

– Ну да, и сказал, что, если бы у него была куча денег, он бы вложил их в вашу компанию.

– Что ж, очень мило с его стороны, Мод, и приятно иногда поболтать с тобой, но...

– Мы в пятницу не идем в школу, вот и думаем, можно ли нам прийти полировать ваши сокровища. Нам нужно заработать немного денег, чтобы купить Матти пальто.

– Не думаю, что вы заработаете достаточно за день, если честно. – Бедняга Том был в отчаянии.

– Есть пальто в магазине секонд-хенд, всего за три фунта, – пояснила Мод.

– Ох, ну тогда другое дело, увидимся в пятницу, – ответил Том и повесил трубку.

– Поверить не могу! – воскликнула Кэти.

– Мне пришлось, – сказал Том. – Ты бы тоже сдалась, если бы была здесь. Да ладно, давай снимай свою шапочку. Посмотрим на новую тебя...

– Я выгляжу как пахарь с соломинкой в зубах.

– Знаю, ты всегда так выглядишь, но покажи волосы.

– Показывай! – велела Джун. – Зачем еще я тут болтаюсь?

– А Джимми ходил на акупунктуру? – Кэти тянула время.

– Мы уже говорили об этом. Он ходил и чувствует себя немного лучше, а теперь я хочу увидеть твои волосы. – Джун не отступала.

Кэти сняла шапку. В отличие от других женщин, следящих за своей внешностью, она не подходила к зеркалу, чтобы немного распушить волосы, и пояснила, что они, наверное, прижались к голове.

Том, Джун, Люси и Кон молча уставились на нее.

– О боже, неужели все так плохо?!

– Ты прекрасно выглядишь, – коротко сообщила Джун.

– Прекрасно, – согласился Том.

Кон и Люси зааплодировали и принялись стучать крышками кастрюль по рабочему столу.

– Хватит, я не позволю вам насмеяться! – пригрозила Кэти.

Но они видели, что ей приятно, а когда ей удалось забежать в туалет и посмотреть в зеркало, она поняла: все не так уж плохо, все выглядело совершенно естественно. Волосы эффектно блестели и не были зачесаны назад, как будто они мешали. Нужно послать открытку Джерарду, поблагодарить его. Теперь все, что ей нужно сделать, – приготовить обед на глазах у полумиллиона человек.

День в студии прошел, как в густом тумане. От жарких ламп все таяло, блюда приходилось скреплять и поливать кошмарным количеством крахмалистых субстанций, чтобы они поблескивали. Им снова и снова повторяли, что не важно, каким все будет на вкус, зрители это есть не станут, они ведь лишь смотрят, что Том и Кэти могут приготовить для победителя. Им пришлось заранее распаковать все из морозильника, чтобы зритель мог вообразить, будто видит обычную кухню где-то в Ирландии, в которой готовят подобные деликатесы. Дуглас, режиссер, словно и не замечал всех трудностей. Том и Кэти восторженно наблюдали за ним; сами они никогда не были так встревожены, а этот человек был непробиваемо спокоен. И как ни странно, он, похоже, точно так же восхищался ими, тем, что они способны готовить в такой обстановке.

– Вы так непринужденно держитесь, – произнес он. – Я бы не удивился, если бы вас пригласили снова. Небольшой приятный заработок, новая знаменитая пара поваров. Вы давно вместе?

– Мы уже какое-то время работаем вместе, да, но фирму открыли около года назад, – ответила Кэти.

Она понимала, что он считает их парой, как и многие другие.

– Могу поспорить, гостей отлично кормят в вашем доме, – сказал Дуглас.

У них не было сил разубедить его. Они просто рассеянно кивали, когда подошла гримерша, чтобы еще раз припудрить им лица.

– Она чудесная девушка, ваша подруга Марселла, правда? – сказал Дуглас.

Взгляды Тома и Кэти встретились.

– Чудесная, – согласился Том. – И особенная.

– Она всегда была нашим другом, – добавила Кэти.

Они вернулись на площадку и принялись в последний раз репетировать, перед тем как выйти в прямой эфир.

На следующий день телефон звонил почти без передышки. В приемной сидела Люси, все утро управляясь с просьбами, разъясняя подробности и рассылая буклеты. Все было именно так, как они и надеялись, – они вышли на широкую публику.

– Тебе никогда по-настоящему не отблагодарить Марселлу, – сказала Джун.

– Я хочу послать ей букет цветов от всех нас, – ответила Кэти. – Вот открытка, распишитесь на ней все, и мы отправим цветы к Рики.

Они дали возможность Тому расписаться последним, прежде чем положить открытку в конверт. Том написал:

Марселла, ты была очень щедрым и добрым другом.

С любовью, Том

Кэти заметила, что Люси разминает мышцы.

– Послушай, я пока посижу у телефона, а ты немножко пройдишь хотя бы по кухне, – предложила Кэти.

В приемной было так спокойно. Ее чаша для пунша снова стояла на столе, на подоконнике красовалась маленькая елка, их разноцветные ящички с картотекой заполнялись новыми и новыми адресами, связями, заказчиками. И здесь было тихо. У Кэти была возможность

подумать между звонками. Подумать о Ниле. Прошлым вечером, когда она пришла домой, Нил работал, как всегда. Он улыбался, он был рад ее видеть. А потом вдруг на его лице появилось смущение.

– Ох, боже, это же сегодня было... ну... на телевидении.

– Ты не посмотрел?

– Мне жаль...

– И не записал?..

– У меня просто нет слов...

Она сразу легла в постель. А сегодня утром ушла до того, как он проснулся. Никогда еще не было так плохо. Он должен был позвонить сегодня, признать, что виноват. Ей необходимо подумать, что она скажет. И дело было не в том, чтобы дуться и обижаться или отказываться простить его. Во многих отношениях все это уже не имело значения. Не само по себе; скорее тут важно было, что это говорит о них обоих.

– Джеральдина, это Нил Митчелл. Ты, случайно, вчера не записала то шоу Кэти по телевизору?

– Да, записала. Разве она не была великолепна? Они были просто чудесны, оба!

– Можно мне посмотреть?

– Ты сам не записал? Как это несерьезно! – засмеялась Джеральдина.

– Можно взять запись ненадолго, пожалуйста, Джеральдина!

– Нет, извини. Я уже отдала ее в одну студию, чтобы адаптировали для Америки. Понимаешь, я подумала, Мэриан, сестре Кэти, может понравиться...

– Матти, ты вчера видел Кэти по телевизору?

– Да разве здесь не было половины Сент-Ярлат-Кресента? Все смотрели!

– И вы все записали на видео? – Нил был настойчив.

– Нил, приятель, дети сегодня взяли запись с собой в школу.

– Для чего, черт побери?! – Нил уже почти злился.

– Для школьного проекта. У них там по четвергам дети должны по очереди вставать и что-то представлять. Вот Саймон и Мод решили, что покажут им семь минут записи с Кэти и Томом, а потом пойдет

разговор о пищевой промышленности. Ну разве они не настоящие умники? – гордо произнес Матти.

– Умники, точно, – пробормотал Нил и повесил трубку.

– Мама, ты записала вчерашнее выступление Кэти на телевидении?

– Нет, дорогой, зачем бы мне?

– Я просто подумал, а вдруг... А ты смотрела?

– Да, они были на удивление хороши, тебе не кажется?

– Да-да, очень, – ответил Нил.

– И я в восторге оттого, что она наконец что-то сделала с волосами, воспользовалась тем купоном, который я ей подарила. Теперь все выглядит совсем иначе, как ты думаешь?

– Да, большая разница. Пока, мам, – сказал Нил.

Позже днем ему позвонила Сара, чтобы договориться о встрече.

– Эй, разве это не было мощной рекламой для «Алого пера»? – поинтересовалась она.

– Ты смотрела?

– Конечно смотрела.

– Но как ты умудрилась? Ты же была вместе со всеми нами в кафе, когда было это шоу!

– Знаю, но я записала на видео.

– Записала? Отлично! Можешь дать мне?

– Нет, я уже записала ужастик поверх него, на ту же пленку, поздно ночью.

– Сара, а у Кэти другая прическа?

– Да, я с трудом ее узнала, – с обычным тактом ответила Сара.

– Что?

– Ну, не совсем так, конечно, но выглядело весьма интересно, ты должен признать.

– Я не заметил, – сказал Нил.

– Правда? – Сара почувствовала, как взлетает вверх ее настроение.

Немало звонков было от прежних клиентов. Их поздравляли те заказчики, которые гордились ими: Риорданы, Молли Хейс, Стелла и

Шон, миссис Райан, не забывшая яблочные штрудели, даже миссис Привереда. Позвонил муж Джун Джимми, чтобы сказать: они были настоящими звездами, и еще он чертовски благодарен за акупунктуру, это какое-то чертовское суеверие, но вы не поверите, оно, похоже, помогает! А потом позвонил Нил.

– Мне нечего сказать, кроме того, что я сгораю от стыда.

– Все в порядке, Нил, – устало ответила Кэти, и она говорила всерьез.

Все действительно было в порядке. По сравнению с общей картиной тот факт, что шоу вылетело у него из головы, не имел особого значения.

– Послушай, я понимаю, что хороший ланч этого не исправит...

Кэти не собиралась оставаться в дурном настроении. Это не жизнь, если ты постоянно дуешься. Она знала, что Нил растерян.

– У меня сегодня нет времени на ланч, Нил, и я не играю, это просто факт. Телефон будто сходит с ума, ты не поверишь...

– Поздравляю, я горжусь тобой! Постараюсь посмотреть шоу сегодня.

– Нет, честно, ты слишком занят. Мы сделаем потом копию записи у мамы с папой. Забудь, Нил, все в порядке, поверь.

– А твоя прическа, Кэти...

– Да?

– Она очень милая.

– Ты говорил.

– Когда это я говорил?

– Во вторник. Я спросила, идет ли она мне, и ты сказал «да».

– Так и есть. А когда ты будешь дома, если не хочешь идти на ланч?

– Около семи. Но ты же куда-то уходишь.

– Сегодня не пойду, – пообещал Нил. – Я отменил встречу.

Джеймс Бирн пригласил Шону Бёрк к себе на ланч. Он обнаружил, что готовить супы очень легко; он совершенно не понимал, почему никто никогда не говорил ему этого прежде. Они беседовали о телевизионной программе, о том, как это может стать поворотной точкой.

– Если бы только страховщики заплатили, – сказал Джеймс. – Мне не хочется быть злобным призраком во время пира, но все очень серьезно, ты ведь понимаешь. Как тому мерзкому парню удалось туда войти? Нам необходимо это узнать, а сам он вряд ли скажет.

– Там сегодня все пятеро трудятся до седьмого пота. Я им звонила, чтобы поздравить, когда ехала сюда...

– А что они подумают, если мы на Рождество отправимся в Марокко? – спросил Бирн.

– Я им не говорила.

– Почему же?

– Ну, ты такой закрытый, ты никогда не говоришь о личных делах. Я тоже. Я не думала, что ты захочешь, чтобы они или вообще кто-нибудь узнал... о нас, что мы нашли друг друга, и вообще... – Шона смутилась.

– Шона, я не замкнут, я говорю со всеми обо всем. Я приносил твои сочинения в офис, чтобы показать коллегам, вот таким общительным я когда-то был.

– Я тоже. Я просто научилась быть замкнутой. Но, полагаю, мы можем переучиться. Мне сказать им или ты скажешь?

– Мы можем вместе сказать, – предложил Джеймс.

Кэти пришла домой ровно в семь. Она выглядит усталой, подумал Нил, а волосы у нее красивые, очень мягкие и женственные. Как же он не замечал этого прежде и лишь формально что-то сказал во вторник вечером?

– Я выключил автоответчик. Мы даже не услышим, если кто-нибудь позвонит. – Но его заразительная улыбка не нашла ответа. – Я купил устриц. Чтобы принести извинения... Только они не открыты. Я не знаю, как их открывать, но подумал, может, тебе захочется...

– Прийти домой после одиннадцати часов в кухне «Алого пера» и открывать устрицы? – спросила Кэти.

– Нет, пожалуй, нет. Неудачная идея.

– Это очередной жест, да, Нил?

– О чем ты...

– Мы слишком далеки друг от друга, ничего не осталось. Уик-энды, угощения, сюрпризы, разговоры, устрицы... Это все будет лишь притворством.

– Это просто полоса невезения, вообще-то... Мы многое упустили в наших отношениях, такого не было прежде, но я же сказал, что действительно хочу попробовать завести ребенка.

– И это как раз то, что разделяет нас куда сильнее, чем что-либо еще.

– О чем ты?

– Нил, ты не можешь сказать, что хочешь сделать мне ребенка и будешь мириться с ним, просто чтобы я заткнулась.

– Я никогда ничего подобного не говорил и не чувствовал! И не надо приписывать мне...

– Это то, что ты мне предлагаешь как последний шанс.

– Ты все выдумываешь.

– Мы с тобой раньше могли говорить обо всем. Это было самым прекрасным в мире.

– Но мы можем это вернуть, разве нет? – Нил как будто сомневался в себе.

– Не думаю.

– Ты ведь не всерьез, – сказал он.

– Всерьез. Что тебе нужно, так это совершенно другая жена. Та, кто будет тебя обожествлять, кто будет сидеть дома с тобой и устраивать милые приемы с обедом для твоих коллег...

– Я никогда не говорил...

– Да, не говорил, и я не утверждаю, что желать такого плохо, но тебе не нужен независимый человек, со своей карьерой, тебе нужна женщина, которая бросит все и последует за тобой. Я не такая, но таких вокруг много. Сара, например.

– Сара? Да о чем ты толкуешь?

– Ты можешь разговаривать с ней так, как раньше могли мы с тобой.

– Сара... Но ты же не предполагаешь?..

– Я просто говорю, что она очень молода, что она боготворит тебя...

– Она очень увлечена...

– Она в тебя влюблена, но суть не в этом, мы говорим о другом.

– Тогда о чем мы говорим?

– Наверное, о том, что мы делаем сейчас.

Кэти чувствовала себя измученной и утомленной, почти побежденной. Каким-то образом, как только она произнесла эти слова, они показались ей менее пугающими. Теперь все вскрылось. Они признали, что отношения между ними действительно очень плохие.

– Но тебя все еще интересует то, что я делаю, работа, которую необходимо выполнить, так?

– Да, меня действительно интересует. Но похоже, за всем этим ты забыл о нас с тобой. Мы не говорим... Дело не в том, что у нас нет времени, мы просто его не находим друг для друга. И как бы я тобой ни восхищалась, мне кажется, что ты страдаешь за всех в мире и из-за великих глобальных проблем, но не способен увидеть боль, и надежды, и мечты прямо у себя под носом.

– Но это не совсем справедливо. Ты утверждаешь, что поддерживаешь те же идеи, что и я, а потом вдруг сворачиваешь в сторону, пытаешься стать величайшим поставщиком продуктов в мире. Ты говорила, что не хочешь детей, как и я, а потом вдруг забеременела, и я стал чудовищем, поскольку не пришел мгновенно в восторг. Затем ты говоришь, что тебе грустно, ты одинока и устала, и я предлагаю: давай заведем еще ребенка, но, видимо, это самое худшее, что я вообще говорил в своей жизни. Так что не надо во всем обвинять меня.

Кэти посмотрела на него так, словно увидела впервые. Он действительно искренне считал, что она неправильно судит о нем. Они были куда дальше друг от друга, чем ей казалось.

– Нил, я не хочу ссориться. Я просто сказала, что ты настолько увлечен всем остальным, что не видишь того, что происходит с нами. Да, вокруг много проблем, с которыми стоит бороться, но с каждым шагом по этому пути мы теряем друг друга.

– Нет, это не так, я не согласен. Я делал все, что мог, а ты пытаешься клеить на меня ярлыки. Несправедливо утверждать, будто я мистер Главная Причина. Я просто не могу такое принять.

– А что ты примешь? – спросила Кэти. – Ты готов принять то, что наши отношения очень, очень плохие?

– Просто поверить не могу, что такое происходит! – воскликнул Нил, качая головой, словно пытаешься избавиться от назойливого шума в ухе. Кэти сидела неподвижно и молчала. – Это просто полная путаница. Это из-за того, что мы оба слишком много работаем. Кэти,

не позволяй нам все терять, это же зависит от нас... ты сама знаешь... Если мы чего-то хотим, то добиваемся этого. Мы делали так прежде.

Кэти уже хотела сказать: ей кажется, уже слишком поздно, но слова так и не прозвучали.

– Послушай, Кэти, мы можем начать сначала, забыть обо всем, забыть о трудностях, просто начать с начала. Я соглашусь на ту работу, мы можем уехать, оставить все позади, у нас будет место и время, чтобы во всем мирно разобраться, мы заведем ребенка, когда захотим. Мы можем оставить позади весь этот тяжелый год. – (Кэти уставилась на него, открыв рот.) – Мы это и сделаем. Они меня достают каждый день, хотят, чтобы я передумал. И мы скажем им, что поедem. Поедем вместе.

– Пожалуйста, Нил... нет, пожалуйста...

Но она не смогла его остановить. Он уже несся во весь опор.

– Это именно то, в чем мы нуждались, уехать отсюда... Люди увязают во всем, и ты права, мы теряли друг друга. Вся эта суэта с близнецами, и с ограблением, и с твоими родителями, и с моими родителями, и с этой американской свадьбой, и со страховкой, и с работой допоздна, и с отсутствием времени для разговора...

– Это все к делу не относится, – попыталась возразить Кэти.

– Как раз и относится! Как только мы окажемся вдали от всего здешнего...

– Но невозможно, чтобы...

– Мы слишком много работали, мы не давали себе времени остановиться и подумать...

– Нет, Нил! – внезапно рявкнула Кэти.

– Может, ты перестанешь качать головой и говорить со мной как нянюшка? Честно, даже моя мать не так самоуверенна, как ты. Я предлагаю шанс спасти наш брак, мы ведь любим друг друга. Мы так боролись друг за друга, преодолели много препятствий, мы не можем все бросить после одного трудного года, ведь так? – (Кэти промолчала.) – Ведь так? И не надо просто сидеть и укоризненно смотреть на меня, словно я Мод или Саймон. Это серьезно, это наше будущее, видит бог.

– Это твое будущее.

– Я хочу, чтобы оно стало нашим, я хочу, чтобы мы строили его вместе...

– Но...

– Но я не знаю, чего хочешь ты, действительно не знаю. Если бы я знал, что тебе нужно, то постарался бы это сделать.

– Я всегда хотела одного и того же, – ответила Кэти.

– Нет, неправда, что тебе хочется постоянно быть с глупыми, пустыми, богатыми людьми, готовя для них все более нелепую еду.

– Понятно.

– Это не жизнь, это не жизненный путь. Это никогда не было нашим планом. Поедем со мной, давай, мы можем с этим справиться.

– Нет.

– Ты просто упряма, хочешь доказать свое.

– Неправда.

– Мы уже столько раз через это проходили. Это важно! Я в таком положении, что просто не могу вынести эти бесконечные споры. Если ты не поедешь, я уеду без тебя. Я серьезно. Меня каждый день просят. Я просто все сваливаю на тебя. И если ты не собираешься ехать, то какой смысл откладывать отъезд и дальше?

– Никакого смысла, – ровным голосом ответила Кэти.

– Но я не хочу ехать без тебя!

– Да, да, я это вижу.

– Но я поеду, я имею в виду, это же как раз то, чего я всегда хотел. Я думал, этого всегда хотели мы. Я здесь просто прокисну, ожесточусь, между нами ничего не останется, если мне придется жить здесь.

– У тебя очень хорошая карьера в суде, ты делаешь много хорошего для множества людей, для таких, как Джонатан.

– Я могу сделать больше при других масштабах.

– И уедешь один?

– Да, если придется. Я собираюсь это сделать уже теперь, до Рождества, если смогу, а тебе предоставляю решать, присоединишься ли ты ко мне.

– Это неосуществимо. Ты это знаешь. Я это знаю. Ты не можешь принуждать людей.

– А ты вообще поехала бы со мной? – спросил Нил.

Кэти немного подумала.

– Может быть, но не тогда, когда мой бизнес пошел в гору. Я должна расплатиться с долгами, найти кого-то, кто заменит меня.

– И это так много значит?

– А ты думал, это просто игра?

– Я полагал, ты хотела показать моей матери, что способна быть независимым человеком. Я никогда не думал, что тебе необходимо доказывать это кому-либо, но если честно, похоже на то.

– Мы должны будем ей сказать, ты понимаешь.

– Сказать что?

– Что твои планы изменились, что ты уедешь за границу... Мы ведь приглашены к ним на Рождество.

– Да, пожалуй.

– Забавно, думаю, это навсегда будет костью у меня в горле... тот факт, что она была права, когда много лет назад сказала, что я тебе не подхожу.

– Кэти...

– Если ты не против, я не хочу, чтобы мы оба еще сильнее расстроились. Мы можем поговорить более спокойно при дневном свете.

– Пожалуйста, не уходи, – попросил он.

– Это только к лучшему, – сказала Кэти Скарлет, укладывая сумку и уходя.

Она знала, что Том с Коном организуют вечеринку в клубе регби. В клубе имелись кухни, так что им незачем было возвращаться сюда вечером. Прежде чем лечь на обитый веселым ситцем диван, Кэти оставила сообщение для Тома на его домашнем телефоне:

Надеюсь, компания не станет возражать, если я проведу пару ночей на ее диване.

И она отправилась спать. Когда ночью она проснулась, чтобы выпить воды, то увидела, что пришел факс. С простым текстом:

Компания желает тебе сладких снов.

Кэти знала: Том никогда не задаст ей никакого вопроса, как и она не станет расспрашивать его. И это почему-то очень успокаивало.

Кэти старательно убрала все следы своего ночного пребывания, пока не пришли остальные. И естественно, никаких комментариев от

Тома Фезера не последовало. Пару раз он поднимал за нее кастрюлю или передавал ей рукавицы, словно боялся, что она как-то навредит себе.

– Шона сказала, что хочет зайти и выпить кофе сегодня утром, – сообщила Кэти. – Джеймс тоже заглянет, но ненадолго.

– Боже, выбрали же время, у нас сегодня еще и силы подкрепления!

– Что?

– Ты забыла? Команда в высшей мере искусных полировщиков на половину дня свободна от школы и движется в нашем направлении по приглашению кого-то, кто просто Парень-не-способный-сказать-нет.

– О боже, Саймон и Мод! – Она действительно забыла.

– Не важно, день все равно когда-нибудь закончится.

Близнецы приехали рано. Они сказали, что надели самую старую одежду и готовы к любой тяжелой работе. Жена Матти Лиззи дала им проволочные губки и старые зубные щетки, чтобы добираться до щелей там, где могут быть ноги.

– Я, вообще-то, не совсем понял, что она имела в виду, – сказал Саймон. – Это вроде цыплячьих тушек или что?

– Нет, это узкие соусницы или всякие вещи без ручек, – пояснила Кэти. – У них фасонные подставки.

– Ой, смотри-ка, ты нашла другую чашу для пунша! – радостно воскликнула Мод.

– Вообще-то, это та же самая. Видите, внизу мое имя, – сказала Кэти.

– А как ты ее нашла? – спросил Саймон. – Она что, все время была где-то здесь?

– Нет-нет, она совершила путешествие в черном пластиковом мешке отсюда до садового сарая, потом до одного ларька на рынке, потом до другого, и там я купила ее.

Потом она вспомнила, что близнецам неизвестна роль Уолтера в ограблении. Она понадеялась, что они не увидят связи между садовым сараем и их братом, который прятал там разные вещи. Но они были слишком рады и полны желаний начать работу, чтобы вообще что-то замечать. Кэти объяснила им их обязанности и подчеркнула, что они не должны мешаться под ногами в кухне, так как там царит суэта.

– А мы получим какое-нибудь горячее питье и сконы, как раньше? – задумчиво спросил Саймон.

– Почему нет? – ответила Кэти. – Давай, Том, давай пять минут посидим спокойно с Мод и Саймоном.

Они вчетвером сели в приемной, и близнецы стали рассказывать об успехе их проекта в школе. Всем понравилось, и на всех произвело впечатление то, что Кэти – их кузина.

Кузина! Пожалуй, ей недолго оставаться их кузиной, они же разведутся с Нилом. Эта мысль казалась почти нереальной. Кэти снова отогнала ее. Дети продолжали болтать.

– А у вас все еще тот же самый код, чтобы входить? Девятнадцать, а потом шесть? – спросила Мод.

– А откуда ты вообще знаешь, что у нас есть код? – тихо спросила Кэти.

– Ты сама сказала. Помнишь, в тот день, когда ты отвозила нас в фургоне обратно в «Буки». Вы устраивали прием, и ты рассказала о церемонии с ключами. Что именно вы делаете каждый раз и куда их кладете.

Кэти почти лишилась дыхания.

– А как вам кажется, вы кому-нибудь об этом рассказывали?

– Это вряд ли, – ответил Саймон. – Нет смысла говорить о вашем коде любому, с кем мы встречаемся, кто-нибудь из них может ведь оказаться грабителем.

– Мы только Уолтеру в тот вечер сообщили, – уточнила Мод.

Том и Кэти медленно, осторожно выдохнули.

– А-а-а, ему? – произнес Том фальшиво беспечным тоном.

– Ну да, понимаете, мы ему рассказывали о ваших сокровищах, как мы их полируем и всякое такое, а он сказал, что мы ничего не знаем о вашем бизнесе, вот мы и решили ему показать... – объяснила Мод.

– Ну, это ведь не важно, да? – Саймон ощутил легкую неуверенность.

– Да, это совсем не важно, – подтвердила Кэти. – На самом деле очень хорошо, что мы об этом узнали, потому что многое сразу встало на свои места.

– Нет, Кэти, ты не можешь их просить... – начал Том.

– Мы можем, мы им объясним, – возразила она.

– Это для них слишком трудно. Оставь им хоть какую-нибудь опору, за которую можно держаться.

– Вы думаете, это Уолтер вас ограбил? – внезапно спросил Саймон.

– А потом в нашем сарае была действительно твоя чаша! – в ужасе произнесла Мод.

– Но Матти говорил, что здесь все было разбито вдребезги, зачем бы Уолтеру это делать? – поинтересовался Саймон.

– Кэти, ты думаешь, это все он? – напрямую спросила Мод.

– Да, Мод, думаю.

– Зачем?

– Не знаю, может, ему нужны были деньги.

– Он всегда был таким хорошим с нами, если только мы не вели себя глупо, – сказала Мод.

– Я знаю, знаю, – кивнула Кэти.

– И он приехал в тот раз, чтобы найти нас...

– Конечно, он это сделал.

Нужно было позволить им верить хотя бы в это.

– Вы оба очень на него сердитесь? – спросила Мод.

– Нет, уже нет, но тут есть кое-что такое, что очень нам поможет без того, чтобы добавлять неприятностей Уолтеру.

– А что это? – Оба тревожно уставились на нее.

Кэти мягко объяснила им, что полиции уже известно, что Уолтер забрал их вещи, но не известно, как он узнал код и нашел ключи.

– Мы не станем добавлять ему проблем, – пообещал Том. – Это же я виноват, я не просил вас помалкивать.

– А Уолтера все равно сейчас нет в Ирландии, и они не смогут его найти, зато это означает, что страховая компания может нам заплатить. Вы не против это сделать, рассказать им? Если вы не хотите, мы об этом забудем, но это стало бы серьезной помощью.

Дети переглянулись.

– Мы расскажем, – решили они.

И посреди одного из самых хлопотливых дней, какие только знало «Алое перо», были потрачены часы, пока Мод и Саймон Митчелл рассказывали обо всем Джеймсу Бирну, потом полицейским, а потом чиновнику страховой компании, – все о том вечере, когда им

захотелось доказать старшему брату, что они знают все о бизнесе Кэти и Тома. И все смягчились, слыша явно правдивую историю и понимая смешанные чувства детей к их брату, который проехал через всю Ирландию, чтобы найти их, поскольку понимал, что у них трудности.

– Это действительно очень нам поможет, поверьте, это как раз то, в чем мы нуждались, – сказал Джеймс Бирн.

– Шона, а что ты хотела рассказать нам? – спросил Том.

– Джеймс?

– Погодите минутку. Саймон, Мод, хотите заработать еще фунт? Можете сбежать к газетному киоску, он в конце улицы, и купить для меня «Айриш таймс»?

– Целый фунт? – не поверил Саймон.

– А я могу продолжить полировать, как вы думаете? – поинтересовалась Мод.

– Нет, походи с ним для компании, – предложил Джеймс.

Как только близнецы ушли, Шона сразу начала:

– Когда я была маленькой, меня взяли под опеку Джеймс и его жена Уна, в Голуэе, но потом меня у них забрали и вернули в собственную семью, когда мне было четырнадцать. Мы только недавно снова нашли друг друга.

Кэти и Том переглянулись. Что еще приготовил им этот день?

Джеймс заговорил необычным для него голосом:

– Нам объяснили, что будет лучше, если мы не станем поддерживать связь. Я этого не оспаривал и теперь проклиная себя за то, что не интересовался тем, что казалось слишком неправильным, вроде того, чтобы отпустить ребенка, которого мы любили, и не попросить его вернуться.

– И сейчас мы наверстываем упущенное, один изысканный обед за другим... – Шона засмеялась, глядя на тех, кто учил готовить ее потерянного отца.

– И мы собираемся уехать отдыхать вместе на три недели, – с гордостью заявил Джеймс.

Том громко высморкался:

– Если бы меня не ждали сегодня еще десять часов работы, я бы сказал, что нам всем нужно пойти и выпить за это.

– На Новый год, – пообещал Джеймс. – Мы соберемся у меня, и я приготовлю для вас марокканские блюда.

– Только не забудьте тогда купить марокканский тажин, и мы можем заодно приготовить в нем цыплят с черносливом и миндалем! – Глаза Кэти засияли при этой мысли.

– А вы с Нилом разве никуда не собираетесь? – спросил Джеймс.

– Нет, в данное время нет, – ответила Кэти, и тут вернулись дети с газетой.

– Мам, могу я пообедать здесь на Рождество? – спросила Кэти.

– Конечно можешь, но я думала, вы оба поедете в «Дубки».

– Нил поедет, мам, а я нет.

– Ох, только не говори, что снова поссорилась с миссис Митчелл. Это очень глупо в такое время года.

– Мам, сядь, пожалуйста, я должна кое-что тебе сказать, – предложила Кэти.

– Джеральдина, ты придешь на Рождество к маме с папой, как всегда? – спросила Кэти.

– Ух, это как раз то, чего никогда не бывает у гадких леди, – Рождество с мужчиной. Они имеют привычку возвращаться за индейкой на свой опорный пункт.

– Я тоже к вам присоединюсь и полагаюсь на тебя, что все пройдет как обычно.

– Что, плохой период?

– Нет, отдельное проживание. Странно, однако ссор почти не было.

– Но тогда почему, бога ради? Почему все те мужчины, которых я знаю и у которых абсолютно ужасный брак, не расходятся? И почему это выпало вам с Нилом, вы же так сражались со всеми, чтобы пожениться, и вы так подходите друг другу во всех отношениях?

– Уже нет, Джеральдина. Мне нужно, чтобы он заботился о доме и о нас, и захотел ребенка, и думал о Мод и Саймоне, и, может быть, еще о десятке-другом людей. Он же хочет, чтобы я заботилась о миллионах, и о законах, и... о будущем человечества.

– Но ты можешь делать и то и другое.

– Только не так, как хочется ему, Джеральдина.

– Ты любишь его, Кэти?

– Думаю, любила, но теперь нет. Но у меня к нему теплые чувства.

– И есть кто-то другой?

Кэти громко рассмеялась:

– У меня? Да у меня нет времени, чтобы поддерживать одни отношения, как бы я нашла время для вторых?

– Я просто предположила.

– Ну, предположение ошибочное.

– Ты как-то до странности спокойна, – заметила Джеральдина. – Когда я вспоминаю, как ты воевала с Ханной Митчелл и со всем миром, чтобы выйти за Нила...

– Да, знаю. Я тоже об этом думаю. Трудно объяснить, но мне кажется, я любила не столько Нила, сколько свое представление о нем. Есть ли в этом хоть какой-то смысл?

– Я отлично понимаю, о чем ты говоришь, так уж вышло... – (Кэти посмотрела на нее с сомнением.) – Ты помнишь человека, о котором я говорила, о мужчине из далекого прошлого?

– Да, и...

– Он меня забыл.

И Джеральдина рассказала ей обо всем.

– Конечно, он тебя помнит! – серьезно возразила Кэти. – Он просто притворился, вот и все. Как он мог забыть тебя восемнадцатилетнюю и то, что было тогда? Скажи, где он? Я увидаю его, выбью из него правду.

Джеральдина была очень грустна.

– Нет, милая Кэти, спасибо за доверие. Я и сама снова и снова твердила себе это. Но правда в том, что он не помнит. Я любила свое представление о нем, а не реальность. Я думала о нем двадцать два года, а он, должно быть, вообще обо мне не думал.

– Мы будем полезны друг другу на Рождество, – пообещала Кэти.

– Не сказала бы, что это будет трудно при таком раскладе, – ответила Джеральдина.

Нельзя сказать, что при свете дня все было намного легче, но Кэти такого и не ожидала. Однако они вполне сумели договориться. Несколько часов они спокойно провели в Уотервью и составили список того, что заберет каждый.

– Живи здесь, если не хочешь поехать со мной. Это твой дом.

– Я никогда не ощущала это как дом. Во мне осталось слишком много от Сент-Ярлат-Кресента, чтобы мне здесь нравилось. Слишком все минималистское. – Сказав это, Кэти грустно улыбнулась, и Нил тоже.

Во многих отношениях казалось вполне естественным сидеть здесь, разговаривать, пить чай. Но ничего естественного в этом не было, они словно читали роли в пьесе. Они решили выставить дом на продажу в январе. Это даст им массу времени, чтобы найти место для мебели. Нил сказал, что не будет никаких проблем с тем, чтобы сложить его часть на складе. Кэти сказала, что к тому времени подыщет жилье для себя. Они посмотрели на картины. Одну из них они купили в Греции.

– Пожалуйста, возьми ее, – предложила Кэти.

– Нет, она была написана для тебя, – возразил Нил.

– Пусть она ни у кого не останется, – решила Кэти, и картина присоединилась к немалому количеству вещей, которые не нашли пристанища ни у Нила, ни у Кэти.

Нил пообещал закончить для нее разбирательство со страховой компанией, а она заверила его, что ей не нужен «вольво», ей достаточно фургона. Иногда ни один из них просто не мог поверить, что все это действительно происходит. Но оба знали, назад пути нет.

– Ты многим уже сказала? – спросил Нил.

– Вообще-то, только маме и Джеральдине, – ответила она. – А ты?

– Никому.

– То единственное, что мы действительно должны сделать вместе, – это поехать к твоим родителям. Этим мы им обязаны. Мне, вообще-то, хотелось поехать завтра вечером, около шести.

– Мне подходит. Я буду там, обещаю, – ответил Нил.

Но конечно, он не приехал. Да, они договорились встретиться у Митчеллов в шесть вечера на следующий день. Однако в пять он позвонил и сообщил, что собрание продолжается.

– Мы не можем заставлять их сидеть там и гадать, в чем дело, – сказала Кэти.

– Ты и не обязана ехать сегодня, можешь подождать, пока я не смогу поехать с тобой.

Кэти повесила трубку. И увидела, что Том смотрит на нее.

– Спасибо, – произнесла она.

– За что?

– Ты знаешь, за что, за то, что не расспрашиваешь.

– О, это... никаких проблем, – улыбнулся Том. – Ты ведь знаешь, как плохо соображают мужчины, они даже не понимают, нужно ли о чем-то спрашивать.

– Ох, ты приехала в фургоне! – воскликнула Ханна, открывая дверь.

– «Вольво» у Нила, а он задерживается, – ответила Кэти, проходя в холл, оставляя шарф и перчатки на столике и вешая пальто.

Она направилась в кабинет, где сидели Ханна и Джок.

– Кэти, выпьешь немножко?

– Да, пожалуйста, капелька бренди не помешает. Чудесный огонь, снаружи очень холодно.

– А Нил не с тобой? – спросил Джок.

– Нет, вы же знаете, как он вечно занят. Сегодня у них там собрание, он просит его извинить.

Ханна бросилась на защиту сына:

– У него огромная ответственность, он не может все бросить ради простого светского визита.

– Это больше, чем светский визит, Ханна. Мы должны были кое-что сообщить вам, но теперь я скажу все сама.

Джок как будто всполошился.

– Но ничего дурного, надеюсь? – внезапно спросил он.

Ханна вскинула руку к горлу:

– Я знаю, что ты хочешь сообщить. Ты пришла сказать, что у вас с Нилом будет ребенок!

Уолтер позвонил в фирму; ему ответил Том.

– Э-э-э... я, вообще-то, хотел поговорить с Кэти, – сказал Уолтер.

– Уверен, Уолтер, она была бы рада сверх меры твоему звонку, – отозвался Том. – Но к сожалению, ее сейчас нет.

– Да перестань ты ерничать, Том, это не шутки!

– Уолтер, лучше тебе поверить, что это не шутки. – Том окинул взглядом помещение, которое этот тип так старательно уничтожал.

- Я хотел спросить ее о паре вещей.
- Вот и спрашивай, – согласился Том.
- Можешь ты дать ей трубку?
- Нет, ее здесь нет.
- Скажи, «Буки» уже проданы?
- Да. Что еще ты хотел узнать?
- А у близнецов все в порядке?
- Более, чем тогда, когда им приходилось самим о себе заботиться.
- Они у родителей Кэти?
- А что?
- Я хотел послать им подарок на Рождество. Только адреса не знаю.
- Отправь на этот адрес, уж его ты наверняка знаешь.
- Ты себя комедиантом вообразил?
- Нет, я думаю, что я несчастный дурак, который вкалывает, чтобы купить рождественские подарки, вместо того чтобы их украсть и разгромить что-нибудь.
- Ну все равно, скажи Кэти, что я звонил.
- Скажу. Не думаю, что тебе захочется оставить номер, чтобы она тебе позвонила?
- Ну да, она и половина ирландской полиции.
- Возможно, – согласился Том.
- Ты умница, – произнес Уолтер и повесил трубку.

Мгновение-другое Кэти сидела молча и смотрела на свекра и свекровь. Несправедливо было держать их в неведении, в ожидании чего-то столь масштабного.

– Нет, ничего подобного. Я приехала сказать, что мы не проведем с вами Рождество. Нил соглашается на работу за границей, о которой упоминал прежде, а я не еду с ним. Его даже не будет в Ирландии в Рождество, и при таких обстоятельствах я пойду к своим родителям, на Сент-Ярлат-Кресент.

Они уставились на нее разинув рот.

– Ты это серьезно? – наконец спросил Джок.

– Боюсь, да. Нил обещал приехать, чтобы мы вместе это сказали, но не получилось. Дело в том, что мы оба хотим совершенно разных

вещей...

– Но, боже мой, ты же так отчаянно добивалась его несколько лет назад, когда мы все вам говорили, что вы совершенно разные люди, с разным происхождением...

– Не думаю, что происхождение как-то с этим связано, тут скорее речь о будущем. Нил хочет уехать за рубеж. Он думает о великих делах в Европе. А я не хочу бросать свой бизнес...

– Но наверняка же твой бизнес не так важен, как... – начала Ханна.

– К несчастью, Нил вообще не считает его важным, так что мы и в этом разошлись.

– Довольно радикально, – произнес Джок. – Для меня это выглядит как серьезная ссора.

– Нет, это нечто гораздо, гораздо большее.

– И что будет дальше? – спросила Ханна.

Она совсем не выглядела высокомерной и торжествующей. Вообще-то, она казалась напуганной. Знакомый мир менялся.

– Мы постепенно все решаем.

– У тебя есть кто-то еще?

– Нет, Ханна, в моей жизни никого нет.

– Но надеюсь, ты не подозреваешь, что у Нила есть кто-то? А бедная Лиззи уже знает обо всем?

– Да, Ханна, бедная Лиззи знает.

– Ты вечно спешишь все принять за оскорбление. Ты всегда такой была, когда в том совершенно не было необходимости.

– Ну, я уверена, вы будете рады, что все это время были правы насчет меня, – сказала Кэти.

Вмешался Джок:

– Довольно! Мы оба слишком потрясены новостью. Это как гром среди ясного неба.

– Не важно, что ты думаешь, но я не рада. – Ханна говорила медленно. – Я думала, ты сделаешь Нила счастливым. И меня не радует, что приходится говорить тебе это, совсем не радует.

– Я приготовила вам рождественский торт и сливовый пудинг. Кон привезет их, когда вам будет удобно, и, конечно, все, чего вы захотите.

– А когда Нил придет и скажет нам обо всем, когда закончится его собрание? – Ханна выглядела растерянной, даже немного

потерявшейся.

– Я, вообще-то, не знаю, – мягко ответила Кэти. – Понимаете, он больше не сообщает мне о своих планах и о расписании. Но он придет и расскажет обо всем, я знаю.

– Все это действительно очень грустно, – невыразительно произнесла Ханна.

Какое-то время они сидели молча, наконец Кэти встала:

– Вам захочется поговорить, и Нил с вами свяжется. А я пойду. Вы всегда можете застать меня на работе, и я оставлю там номер, где буду жить в ближайшие три недели. Это апартаменты в Гленстаре. Я имею в виду квартиру Шоны Бёрк. – Кэти помедлила в дверях. – Не надо меня провожать, полагаю, не стоит соблюдать этикет, разве что скажу: я надеюсь, мы сможем всегда поддерживать отношения. Я действительно этого хочу. Даже если Нил будет за границей, мы можем встречаться ради Мод и Саймона.

И она ушла, предоставив им переваривать новости, которые они были бы рады услышать лет пять тому назад. Что у Кэти и их сына не может быть общего будущего.

– Рики приглашает гостей на Рождество, фуршет весь день, – сообщила Марселла Тому.

– Я знаю. Мы уже передали ему кучу всего для морозильника, – с довольным видом ответил Том.

– По крайней мере, у них будет что поесть. Это ведь прием для людей, которые не хотят сидеть за столами с бесконечными индейками.

– Я весь день буду в «Фатиме», – сказал Том.

– Тут нет никаких дополнительных условий, просто соберется множество приятных людей.

– Знаю, но все равно поеду в «Фатиму».

– Ты очень упрям. Разве Джо не может на этот раз туда пойти?

– Он тоже там будет, – ответил Том.

– Но я не думаю, что...

– Знаю, я и не предполагаю, что кто-то из нас будет там дежурить целый день, но мы договорились, что нас будет только четверо, – сказал он, не желая услышать ее просьбу.

Том знал, что Марселле хочется приехать в «Фатиму». Но было уже слишком поздно для ее визита туда. Том подумал о том времени,

когда он был бы чрезвычайно рад увидеть ее там.

В канун Рождества они открыли в кухне «Алого пера» бутылку шампанского. А потом еще одну и еще. Они праздновали, поскольку сделали то, на что надеялись.

Страховая компания заплатила, их пригласили на еще одно телевизионное шоу, поговаривали даже о возможности целой серии из тринадцати выпусков. А сами они трудились каждый день и каждый вечер уже двадцать четыре дня. Даже Джеймс Бирн начал улыбаться перед тем, как отправился в Марокко. А значит, они заслужили небольшую вечеринку для себя. И Джимми пришел, его спину чудесным образом выпрямил тот человек с безумными иглами. Джеральдина прислала извинения, у нее была встреча с Ником Райаном, который организовал ее под предлогом сделать покупки в последний момент. Пришли мать и отец Люси, поначалу они смотрели на все неодобрительно, но постепенно оттаяли. Кон привел мать, и та какое-то время пристально наблюдала за Люси, но после двух бокалов заметно расслабилась. Матти и Лиззи пришли с близнецами. Только Тому и Кэти некого было пригласить.

– Это пакет для вас обоих, – весело сообщил Том близнецам.

– Это от тебя? – спросили они.

– Нет, мой подарок под вашей елкой на Сент-Ярлат-Кресент.

Они спросили, можно ли открыть пакет, и Лиззи решила, что определенно можно.

Они развязали ленту и обнаружили две пары часов. Это были водонепроницаемые часы, и они могли показать вам время в Америке, для этого у них был маленький дополнительный циферблат. Близнецы никогда не видели ничего подобного. Потом они достали карточку. На ней было написано:

От Уолтера с любовью.

Это было встречено всеобщим молчанием.

– Очень мило с его стороны, – наконец громко сказала Кэти, и все забормотали, что так оно и есть, действительно.

– Краденые? – шепотом спросил Том.

– Чертовски похоже на то, думаю, – ответила Кэти.

– Но мы их оставим, да? – умоляюще произнес Том.

– Конечно оставим, дурачок! – усмехнулась Кэти.

– Том, ты придешь завтра на обед на Сент-Ярлат-Кресент? – любезным тоном уточнил Саймон.

– Спасибо, но я должен сразиться со своей мамой из-за индейки. Скорее всего, она набьет ее всякой ерундой и зажарит до черноты, если я не окажусь там и не помешаю ей.

– Но разве это не дни мира и согласия? – с беспокойством спросила Мод.

– Он шутит, Мод, – пояснила Кэти.

– Не совсем, – возразила Мод.

– Умная девочка, – кивнул Том.

Теперь им предстояло расстаться до первого дня Нового года, когда они задумали большой ланч, чтобы вновь собралась вся команда, но главным поводом для праздника стало то, что они смогли отказаться от одиннадцати заказов в канун Нового года. Они хотели отметить годовщину... Целый год с того дня, как они основали свою компанию... Все отправились по домам. А Том с Кэти настояли на том, что сами займутся уборкой.

– Нам ведь только и нужно, что заложить все в посудомоечную машину, а разве наши руки не делают это машинально? – заявил Том.

Близнецы отправлялись праздновать наилучшее Рождество в их жизни.

– А вы приготовили подарок для Грохота? – спросила у Кэти Мод.

– Разве я могла забыть? – ответила Кэти, забывшая об этом.

– Я не видел его под елкой, – сказал Саймон.

– Это потому, что он мог его там учуять, – вмешался Том.

Глаза детей вспыхнули.

– Она приготовила ему косточку! – воскликнул Саймон.

– Или что-то в этом роде, – согласилась Кэти.

Дети ушли по переулку, держа Лиззи за руки. Том и Кэти помахали им вслед.

– Дай скорее что-нибудь из морозильника для Грохота, бога ради! Ты просто гений, ты это знаешь?

– Могу поставить оттаивать хороший бифштекс, если хочешь, – предложил Том Фезер. – Мы их заморозили по три штуки, помнишь? Один я могу сам съесть, я все равно никуда не иду.

– Я тоже, – сказала Кэти Скарлет.

День прошел так, как проходит день Рождества для многих: в море оберточной бумаги, подарков и в кухонной суете.

Маура Фезер попросила всех встать на колени для папского благословения, и они подчинились, чтобы доставить ей удовольствие, поскольку она уступила во всем остальном, включая индейку.

Нил весьма неловко чувствовал себя на ланче в «Дубках», где никто не в силах был обсуждать сложившуюся ситуацию и куда позвонила из Торонто Аманда, чтобы пожелать всем счастья. Все выглядело очень искусственным.

Матти пришел в восторг от нового красного пальто, которое дети купили ему в комиссионном магазине, и сказал, что теперь будет постоянно его носить. В том числе наденет и завтра, когда они будут смотреть конные состязания по телевизору. Он заявил, что на завтрашних скачках он заработает на всю оставшуюся жизнь. Он сделает экспресс-ставку: все, что он выиграет в первом забеге, будет поставлено во втором, и так далее. Он может выиграть миллионы. И при очень маленькой первоначальной ставке.

Саймон и Мод уже планировали, как истратить эти миллионы. Они бы купили своей матери пеньюар, как у других леди в том доме. Мать не знала, что нынче Рождество. Это было немножко грустно, но Лиззи сказала, что бедняжка живет как бы во сне, и она вполне счастлива. Отец прислал им пять фунтов на подарки и сообщил, что они со стариной Барти как-нибудь нагрянут домой, чтобы повидать их. И конечно же, Уолтер... он прислал им такие изумительные часы! И еще они просто поверить не могли в то, что дядя Джок и тетя Ханна подарили им компьютер, о котором они мечтали. Они всегда были уверены, что тетя Ханна их ненавидит. Нил тоже оставил им подарок под елкой: это были замечательные компьютерные игры.

Кэти подарила Грохоту отличный бифштекс, завернутый в серебряную бумагу, с большим розовым бантом, и даже сама зажарила его. Она все время улыбалась, хотя иной раз и причин для этого не было. Близнецов предупредили, чтобы они держались с ней как можно веселее, это из-за ее расставания с Нилом. Но она совсем не была расстроена. Это выглядело загадочно.

На следующий день Матти сидел перед телевизором в новом красном пальто, и его первая лошадь победила, а потом и вторая. Все стояли за его креслом, наблюдая за состязаниями, желая, чтобы все лошади победили для него. Когда выиграла третья, у всех просто сердце заболело. Даже Грохот начал завывать, чуя напряжение в воздухе. Лицо Джеральдины исказилось к тому времени, когда в четвертом забеге выбранная лошадь начала отрываться от остальных.

– Я до сих пор просто не понимала смысла слова «стресс», – с трудом выговорила она.

Лиззи снова и снова повторяла, что ему нужно было делать раздельные ставки, и все было бы хорошо. Зачем он поступил именно так и доводит всех до сердечного приступа? У всех лошадей были примерно равные возможности, ни одна из них даже не была фаворитом, и коллеги Матти говорили, что он спятил, но Матти уверял, что серьезно изучил программу. И на этот раз действительно знает, что делает, и Сэнди Кин не догадывается, что его ждет на этот раз. Телефон зазвонил как раз в тот момент, когда победила четвертая лошадь. Трубку снял Том. Это была Мэриан из Чикаго.

– Мэриан, в этом доме сейчас никто не в состоянии говорить, в том числе и я, так что просто повесь трубку, ладно? – быстро произнес он. – Будь хорошей девочкой, мы перезвоним тебе позже. – И повесил трубку.

Во время пятого забега он так крепко прижимал к себе Кэти, что ей казалось: она вот-вот задохнется. Когда лошадь победила, все вскочили и принялись обниматься. Остался последний забег.

– Если бы он не включил последний забег, мы бы уже получили десять тысяч фунтов, – сказала Лиззи. – Матер Божья, вообразить только, десять тысяч фунтов! Мы бы навсегда избавились от всех проблем... Матти, никто ведь не ставит столько на какую-то лошадь... Просто поверить не могу, что такое происходит...

– Успокойся, мам. – Кэти усадила ее поудобнее и придвинула скамеечку для ног, положила ей на лоб влажное прохладное полотенце.

Грохот, почуяв ее состояние, положил голову на колени Лиззи.

– А что такого в этой последней? – визжали Мод и Саймон, пытаюсь разобраться.

Том принес Матти стакан воды, налил Джеральдине виски, а потом придвинул два стула – для себя и Кэти, – поскольку оба уже не

держались на ногах. Матти был белым как бумага и задыхался. Кэти и Том держались за руки, как люди на спасательном плоту. Лошадь шла в последней тройке. Одна из трех упала.

– Мне этого не вынести! – заорала Джеральдина.

– Ну же, Матти! Давай, Матти! – вопили близнецы.

Сегодня нужно было болеть за такое количество лошадей, что они забыли кличку последней.

– Послушай, Господи, я дам Тебе еще один шанс, если она победит! – бормотал Том.

– Пожалуйста, пожалуйста, лошадка, выиграй ради моего папы, пожалуйста, победи ради него, он в жизни не сделал ничего плохого! – умоляла Кэти, и по ее лицу текли слезы.

– Десять тысяч фунтов, которые могли нас устроить на всю жизнь, если бы он поставил по-другому!

Лиззи крепко закрыла глаза, чтобы не видеть лошадь, которую выбрал Матти, у которой почти не было шансов и которая выиграла тринадцать к одному.

– Это тринадцать тысяч фунтов, неплохо для работы одного дня! – заявил Матти с блаженной улыбкой, вполне довольный своими усилиями.

– Нет, Матти, это сто тридцать тысяч! – одновременно закричали все в комнате, кроме Лиззи и Грохота.

Никто потом не мог толком вспомнить, что происходило после. Том напомнил, что нужно позвонить Мэриан, и они ей сообщили, что смогут приехать на крещение ребенка. Матти пригласил некоторых своих коллег выпить и решительно заявил им, что деньгами будет распоряжаться Лиззи. Она хорошо умеет это делать, а он будет по-прежнему получать пособие, хотя оно, возможно, увеличится. Все было обсуждено. И часть денег будет потрачена на поездку в Чикаго, а кое-что – на финансовую помощь «Алому перу», и немного – на покупку подержанного минивэна на тот случай, если Лиззи захочет куда-нибудь поехать – на прогулку или экскурсию с детьми.

– А как насчет тебя самого, Матти? – спросили его.

– Да разве у меня уже нет всего, чего может пожелать мужчина?

Матти произнес это с такой искренностью, что у всех как-то странно защипало в носу и глазах.

Том сказал, что отвезет Кэти в квартиру Шоны в Гленстаре. Джеральдина собиралась переночевать на Сент-Ярлат-Кресент. Она сказала, что кто-то же должен присмотреть за этой семьей, совершенно свихнувшейся.

Она поцеловала Кэти на прощание:

– Ну и год!

– Да, было в нем кое-что, определенно.

Кэти старалась выглядеть беспечной, потом она увидела лицо Джеральдины и вспомнила, что Тедди умер, Фредди Флинн уехал, а будущее с Ником Райаном было неопределенным. Но Кэти старалась храбро смотреть в собственное будущее и на все, что уже случилось.

– Следующий год будет для нас лучше, я действительно это чувствую, – заявила она, садясь в фургон.

Как раз перед тем, как повернуть к Гленстару, Том сказал:

– Знаешь, а рождественского торта у нас не было.

– После всех волнений мы его оставили замороженным...

– Но мы можем заехать в «Алое перо», выпить чая и отрезать себе по кусочку?

Кэти решила, что это отличная идея. Ни одному из них не хотелось возвращаться в пустые квартиры, но и приглашать друг друга к себе среди ночи было не в их обычае. А «Алое перо» всегда оставалось нейтральной территорией.

Они устроились в приемной, выпили чая и поговорили о выигрыше Матти.

– Думаю, он гораздо больше доволен тем, что опустил Сэнди Кина на землю, чем реальными деньгами, – сказала Кэти.

– Знаю, это личное, – согласился Том. – Но мы ведь не можем взять у него какие-то деньги.

– Мы можем разрешить ему сделать вложение, – предположила Кэти. – По крайней мере, это лучше, чем оставлять их в жадных ручонках Сэнди Кина.

– Интересно, что именно он называет вложением.

– Прекрати, Том Фезер! Мы победили. У нас был трудный год, но, если говорить о бизнесе, мы все равно победили, разве не так?

– Конечно так. Год был для тебя хуже, чем для меня, но в итоге победа за нами.

Зазвонил телефон.

– В такое позднее время?

– Не отвечай, – попросила Кэти.

– Я и не собирался.

Они просто слушали, как оставляют свое сообщение близнецы. Они благодарили их за наилучшее Рождество. Это было просто чудесно, сказали они, настоящее колдовство. И жена Матти Лиззи, и сестра Лиззи Джеральдина разрешили им не ложиться спать, пока они не устанут так, что просто упадут.

Том и Кэти сидели на диване рядом и слушали близнецов. Они придвинулись чуть ближе друг к другу и вдруг осознали, что держатся за руки. И это показалось таким естественным, что ни один из них не отодвинулся.

– Спокойной ночи, Том! Спокойной ночи, Кэти! – сказали наконец близнецы, когда подумали, что пленка в автоответчике может закончиться.

– Они знали, что мы будем здесь, – удивленно произнесла Кэти.

– Представь себе, – произнес Том Фезер, глядя ее волосы.

notes

СНОСКИ

1

Название компании образовано от фамилий владельцев: Скарлет (*англ. scarlet* – алый) и Фезер (*англ. feather* – перо).

Шилейла – ирландская трость и боевая дубинка одновременно, предмет культуры ирландского народа.

3

Карраг – старейший ипподром Ирландии, расположен примерно в 50 милях от Дублина.

4

«Спеши на свадьбу» (англ.).

5

«Иди по дороге на запад» *(англ.)*.